55
Проблемы стиля и жанра в советской литературе : [Сборник статей] / Уральск. гос. ун-т им. А. М. Горького; [Ред. коллегия: А. С. Субботин (отв. ред.) и др.]. — Свердловск : Уральск. ун-т. — 21 см.
Изд. выходит с 1968 г.
[Вып. 9]. — 1976 С. — 127 с.— 80 к. 600 экз.

I.Уральский университет им. А. М. Горького. Свердловск. II.Субботин, А С , ред. ——1.Литературные жанры — Сборники. 2.Художественные произведения — Язык и стиль — Сборники. 3.Русская советская литература — Сборники.

882.09 + 82.08

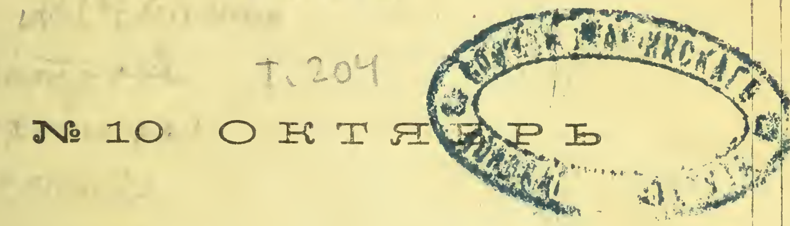
№11452 25.3.1
55 №161 [77-15914] п тп
Вс.кн.пал. 30.03.77 П78

Черновъ 1/317

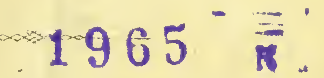
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

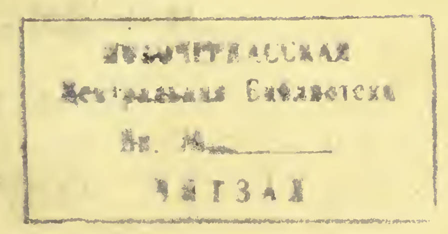
ЗАПИСКИ

1872



№ 10 ОКТЯБРЬ





САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38)

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(*См. страницу 3-ю*)

КОНЦЫ ВЪ ВОДУ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КУЗИНА ОЛЯ.

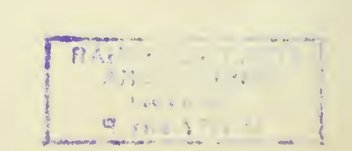
I.

Въ началѣ осени, я ѣхалъ къ кузинѣ Ольгѣ, въ Р., черезъ Москву, и занялъ мѣсто въ простомъ вагонѣ 2-го класса. Спальныхъ—я не люблю за ихъ духоту и за то, что въ нихъ тѣсно отъ слишкомъ большаго числа удобствъ, ни одно изъ которыхъ не отличается чистотой и ни за одно изъ которыхъ нельзя поручиться, что оно вдругъ, измѣною, не будетъ обращено въ постель. Къ тому же, я сплю недурно и сидя; но я не терплю тѣсноты, а на этотъ разъ, какъ нарочно, весь 2-й классъ былъ биткомъ набитъ. Мало того, въ вагонѣ, какъ разъ у меня за спиной, расположилось семейство съ груднымъ ребенкомъ, который ревѣлъ весь день, на рукахъ у матери. Къ ночи, особенно когда затворили окна, сосѣдство это стало невыносимо, и я рѣшился перейти въ 1-й классъ, что̀ оказалось однако не такъ легко. Послѣ трехъ неудачныхъ попытокъ найти мнѣ мѣсто, кондукторъ, видимо затрудненный, привелъ меня въ семейное отдѣленіе, почти совершенно пустое, и перешепнувшись съ дамою, которая тамъ сидѣла одна, сталъ зажигать фонарь.—«Не нужно», протестовала она; но блюститель порядка не счелъ себя вправѣ оставить насъ безъ огня, и фонарь былъ зажженъ, при чемъ я замѣтилъ, что дама спустила

вуаль.... Черезъ минуту раздался сигнальный свистокъ, и мы помчались.

Угадывая, по разнымъ примѣтамъ, что путешественница, до моего прихода, лежала, я извинился въ томъ, что ее потревожилъ. Она перебила сухой и короткою просьбою нестѣсняться, что̀ я и исполнилъ очень охотно, вытянувъ ноги на одно изъ порожнихъ мѣстъ противъ меня. Она отвернулась. Тусклый свѣтъ фонаря обрисовалъ въ углу темную, закутанную фигуру; ни ногъ, ни рукъ, ни лица ея не было видно, и разговоръ, судя по тону ея отвѣта, казался мнѣ невозможнымъ. А между тѣмъ, что-то неуловимое обличало въ ней молодую женщину.

Съ минуту я машинально смотрѣлъ на нее; но мало-по-малу, вниманіе ослабѣло и мысли мои улетѣли далеко впередъ. Я думалъ о томъ, какъ встрѣтитъ меня кузина, которую я не видалъ пять лѣтъ. Она безъ меня вышла замужъ и, какъ я послѣ узналъ, очень несчастливо. Въ послѣднемъ письмѣ она извѣщала меня коротко, что уѣзжаетъ въ Р. къ старухѣ матери, и вѣроятно останется тамъ навсегда, потому что судьба поступила съ ней очень жестоко. Объ остальномъ она упоминала темно и въ самыхъ общихъ словахъ, по тону которыхъ однако я могъ угадать, что она все еще любитъ мужа, и что ей было больно его покинуть. Съ мужемъ ея я былъ знакомъ со школьной скамьи; но это былъ человѣкъ меньше всего способный мнѣ объяснить случившееся: нѣкто Бодягинъ, — баричъ съ большими претензіями, но съ сильно разстроеннымъ состояніемъ и испорченною карьерою, служившій сначала въ гвардіи, въ кавалерійскомъ полку, потомъ пустившійся въ спекуляціи, игрокъ, волокита и мотъ, человѣкъ съ бѣшенымъ темпераментомъ и больною печенью, мелочной, ограниченный и сухой. По возвращеніи въ Петербургъ, я не засталъ его тамъ,—онъ былъ въ отлучкѣ, а изъ родни никто не хотѣлъ или не могъ объяснить мнѣ истинную причину его разлада съ Ольгой. Я узналъ только, что̀ мнѣ было уже отчасти извѣстно—что у нихъ нѣтъ дѣтей, что Ольга часто хворала и что они уже года три живутъ врозь. А впрочемъ, ни одного упрека противъ нея, что̀ для меня равнялось полному ея оправданію.... Бѣдная Ольга! Она какъ будто предчувствовала, что ей не суждено узнать настоящаго счастья,—такъ робко она всегда смотрѣла въ будущее и такъ недовѣрчиво говорила о немъ. Больно теперь вспоминать, но какъ-то невольно приходятъ на память всѣ наши несчетные толки объ этомъ будущемъ,—толки и споры, въ которыхъ, казалось, было такъ мало личнаго, а между тѣмъ, каждый, высказывая свой взглядъ на жизнь, имѣлъ незримою



мѣркою самаго себя. За ширмой спокойной бесѣды о разныхъ серьёзныхъ вещахъ, шла маленькая игра личныхъ надеждъ и разсчетовъ, въ которой карты, хотя по правилу и закрытыя, видны были часто насквозь. Ольга была почти красавица и, какъ водится въ такомъ случаѣ, я былъ одно время сильно въ нее влюбленъ. Она оставалась всегда спокойна, а между тѣмъ, странно сказать, вся дѣйствительная аттака шла съ ея стороны, и мнѣ приходилось только обороняться. Слово «*аттака*», конечно, двусмысленно; но я не разумѣю подъ нимъ ничего завоевательнаго. У Ольги не было ни на грошъ кокетства, то-есть — умышленнаго. Это было простое, честное существо. Въ жизнь свою я не видалъ женщины менѣе занятой собою и меньше аффектированной. Но она надѣялась искренно, что отношенія наши, несмотря на родство, могутъ современемъ измѣниться, и вся ея маленькая игра со мною клонилась къ этому. Какъ женщина и вдобавокъ застѣнчивая, она, разумѣется, не вела ея прямо. Были уловки и хитрости, и много прозрачныхъ намековъ на наше личное дѣло, въ формѣ спокойнаго разговора о бракѣ и жизни семейной. Признаюсь, я не разъ колебался, и перспектива тихаго счастья съ Ольгой сильно меня подкупала. Но я былъ бѣденъ и велъ цыганскую жизнь, безъ всякихъ опредѣленныхъ надеждъ впереди, безъ всякой точки опоры въ обществѣ. У ней не было тоже ни гроша. При этихъ условіяхъ «*тихое счастье*» было, конечно, сомнительно. Отъ него сильно попахивало ярмомъ семьянина труженика и тѣснотою мѣщанской, пошленькой обстановки, природное отвращеніе отъ которыхъ, вмѣстѣ съ невозмутимымъ взоромъ Ольги и спокойнымъ тономъ ея рѣчей, окачивали мою горячку такой холодной струей, что она скоро остыла. Вотъ тема, вокругъ которой плелись узоры тысячи самыхъ дружескихъ и, несмотря на наши ребяческія уловки рѣчи, глубоко искреннихъ объясненій. Они не привели насъ съ Ольгою ни къ чему положительному, но въ результатѣ связали такимъ хорошимъ, теплымъ и прочнымъ чувствомъ, какое рѣдко бываетъ плодомъ одинаково-продолжительной связи другаго рода. Гдѣ нѣтъ въ основѣ сближенія, страстной привязанности, а между тѣмъ, обладаніе застраховано неизмѣнно въ однѣхъ рукахъ, тамъ люди становятся скоро сыты другъ другомъ во всевозможномъ смыслѣ, и нѣтъ равнодушія болѣе полнаго, какъ то, которое всякій изъ насъ, конечно, не разъ угадывалъ между людьми, связанными обѣтомъ вѣчной любви.

Ольгѣ всегда очень неправилось, когда я ей указывалъ на развязку подобнаго рода. «Пустяки!»—возражала она нахмурясь.

*

«Бо́льшая часть мужей и жен любятъ другъ друга искренно, хотя ихъ любовь и не высказывается романическими восторгами. Это чувство обыкновенное и оно удовлетворяется обыкновенною мѣркою; но ты, какъ идеалистъ, ненавидишь обыкновенное и эта ненависть заставляетъ тебя клеветать»...... Тутъ была, какъ и во всѣхъ рѣчахъ Ольги, своя доля правды; но она ошибалась въ томъ, что корень противорѣчія, насъ раздѣлявшаго, таился совсѣмъ не въ нашихъ характерахъ. Онъ былъ гораздо проще и такъ сказать—фатальнѣе. Это была обыкновенная разница дѣвичьяго взгляда на бракъ со взглядомъ такихъ холостяковъ и цыганъ, какъ я. Для дѣвушекъ это, съ рѣдкими исключеніями, первый серьёзный шагъ въ жизни, и потому онѣ естественно боятся съ нимъ запоздать; а для насъ это часто бываетъ послѣдній. Понятно, что мы безъ особыхъ причинъ не желаемъ спѣшить. Къ тому же, въ кругу людей нашего класса, живущихъ своимъ трудомъ, вся тягость бремени упадаетъ на мужа; а дѣвушка, если она не героиня, разъ ставши женою, считаетъ свой подвигъ уже оконченнымъ и смотритъ на все остальное какъ на спускъ подъ гору, нетребующій уже усилія, а только маленькой осторожности, чтобъ не свихнуться. И это я говорилъ тоже Ольгѣ; но это ее приводило всегда въ ужасный гнѣвъ и она начинала ругать мужчинъ... Милая Оля!... Какъ теперь вижу тебя въ знакомой комнатѣ, въ уголку, на диванѣ, всю вспыхнушую и въ сотый разъ открывающую огонь по непріятелю. Вижу твой легкій станъ, круглое личико и ясные голубые глаза, сверкающіе укоромъ......

Поѣздъ мчался какъ вихрь, среди ночной тишины и глубокой тьмы. Убаюканный мѣрнымъ стукомъ и непрерывнымъ рядомъ мягкихъ толчковъ, я начиналъ дремать. Нити воспоминаній путались и мысли смѣнялись образами. Передо мной была Ольга, грустная и безмолвная. На исхудавшемъ, но хорошо знакомомъ лицѣ ея, я читалъ укоръ. Она какъ будто хотѣла сказать: «Зачѣмъ ты покинулъ меня? Зачѣмъ не подалъ руки, когда я протягивала тебѣ свою такъ искренно? Вотъ я теперь далеко отъ тебя и я несчастна. А ты? попрежнему одинокъ — бездомный и безпріютный скиталецъ между людьми!...». Сердце мое щемило... Вдругъ изъ-за блѣднаго призрака Ольги выдвинулось и обрисовалось явственно чье-то чужое лицо. Это было лицо молодой и довольно красивой женщины, но только одно лицо; остальная часть головы и плеча, закутанныя во что-то темное, тонули въ потемкахъ. Лицо было мягко освѣщено и смятыя пряди темныхъ волосъ, выбиваясь изъ-подъ покрова, сообщали ему какой-то усталый видъ; а между тѣмъ въ чертахъ

незамѣтно было усталости и выраженіе ихъ показалось мнѣ далеко не мягкимъ. Особенно поразилъ меня взглядъ: безцѣльный, но пристальный и чутко настороженный на встрѣчу чему-то незримому... Впечатлѣніе было такъ рѣзко, что я очнулся. Передо мною, наискосокъ, прижавшись въ углу, сидѣла моя одинокая спутница, которой, должно быть, душно стало подъ вуалемъ и она его подняла. Я сидѣлъ или, вѣрнѣе сказать, лежалъ — въ тѣни, а потому ей трудно было замѣтить что глаза у меня только прищурены; впрочемъ, она и не смотрѣла въ мой уголъ. Вглядываясь въ ея лицо, я замѣчалъ на немъ минутами что-то тревожное и озабоченное. Она какъ будто работала мысленно надъ какой-то мудреной задачей, и эта работа была непривычна для ней, раздражала и удивляла ее... О чемъ она думаетъ? Отчего не спитъ?...

Свистокъ и протяжный вой... Мы ѣдемъ тише... станція..- Я привсталъ и выглянулъ... Сквозь запотѣлыя стекла мелькнули огни, платформа и нѣсколько темныхъ фигуръ, снующихъ взадъ и впередъ. Пассажировъ нѣтъ... Черезъ минуту мы снова тро. нулись. Я повернулся лицомъ къ стѣнѣ, заснулъ и проспалъ нѣсколько станцій. Было уже подъ утро, когда я проснулся, но на дворѣ еще совершенно темно... Первое, что̀ я почувствовалъ, это запахъ сигары. Нѣсколько удивленный, я оглянулся и увидалъ, что спутница моя куритъ. Судя по всему, она не спала и на лицѣ у нея, этотъ разъ, замѣтна была усталость.

— Вамъ не спится? рискнулъ я.

— Нѣтъ. Я вамъ завидую... Я не могу спать въ вагонѣ-

Сигара и храбрый тонъ ея отвѣта разсѣяли мои прежнія опасенія на счетъ того, что я ее стѣсняю. Какая бы ни была причина, заставившая ее на первыхъ порахъ опустить вуаль, но робость была, очевидно, тутъ не при чемъ. Она теперь смотрѣла мнѣ прямо въ глаза и не думала опускать свои, когда я вглядывался въ ея лицо. Чтобъ окончательно утвердить между нами дорожный принципъ свободы, братства и равенства, я тоже досталъ сигару. Она сама предложила огня.

Минутъ черезъ пять, мы разговаривали безъ всякихъ стѣсненій и я узналъ, что она тоже ѣдетъ въ Москву.

— У васъ сигары однако лучше, сказала она.

Я предложилъ ей. Она преспокойно выкинула свою въ окно и взяла у меня. При этомъ я замѣтилъ у ней на пальцѣ маленькое кольцо съ рубиномъ... Въ К**, когда стало уже свѣтать, она выходила, при чемъ опять опустила вуаль. Уходя она обронила платокъ. Я поднялъ его и положилъ на мѣсто.

Платокъ былъ надушенъ и вышитъ по уголкамъ: на одномъ изъ нихъ я замѣтилъ корону и вензель: Ю. Ш.

Подъѣзжая къ Москвѣ, она объяснила мнѣ, что она тамъ въ первый разъ, не знаетъ гостиницъ и боится попасть въ такую, гдѣ неудобно; но она не сказала мнѣ прямо, что̀ именно для нея неудобно, и только въ отвѣтъ на мои вопросы упомянула слегка, что она не выноситъ толпы и шума. Судя по общему впечатлѣнію, это казалось довольно невѣроятно; однако, уединенное мѣсто, которое она пріискала, и дважды опущенный вуаль сбивали меня. «Кто это, думалъ я — и что̀ у нея на умѣ?... Бѣжитъ отъ кого-нибудь,—или прячется?...». Не знаю, что̀ именно меня подстрекнуло, но мнѣ не хотѣлось разстаться съ нею такъ скоро. Я началъ ей объяснять, что самъ не люблю гостиницъ, и кончилъ тѣмъ, что предложилъ ѣхать вмѣстѣ, искать меблированныхъ комнатъ. Она посмотрѣла пристально мнѣ въ глаза, но не сказала ни слова. Въ Москвѣ, когда мы остановились, она опять опустила вуаль. Я былъ увѣренъ, что она тотчасъ уйдетъ, и хотѣлъ поклониться, но она обратилась ко мнѣ совершенно спокойно:

— Чего же вы ждете? Вѣдь вы предлагали мнѣ ѣхать вмѣстѣ?... Вотъ мой багажный билетъ; ступайте, распорядитесь.

Черезъ часъ мы были на Дмитровкѣ въъ *Chambres garnies*, и занимали двѣ комнаты рядомъ.

II.

Знакомство это окончилось такъ же странно, какъ началось. Она прожила возлѣ меня сутки, и въ теченіе этого времени мы видѣлись только разъ. Весь день я провелъ въ разъѣздахъ; да и она, помнится, исчезала куда-то. Вечеромъ, было еще не очень поздно, когда я вернулся въ нумеръ. Осматриваясь, я замѣтилъ сквозь щель, въ сосѣдней комнатѣ, свѣтъ, вспомнилъ свою попутчицу и постучался къ ней въ двери. Она отворила безъ всякаго затрудненія, но вмѣсто того чтобъ впустить, вошла сама... Здоровая, статная молодая женщина, въ черномъ шелковомъ платьѣ, съ короткою, распашною кофточкой; на шеѣ стоячій воротничокъ съ голубымъ галстухомъ, руки и уши маленькія, въ ушахъ золотыя сережки. Русые съ золотистымъ отсвѣтомъ волосы причесаны гладко, глаза свѣтло-каріе; вообще ближе къ блондинкѣ. Вглядываясь въ лицо, я не нашелъ въ немъ и слѣда того, что̀ такъ поразило меня съ просонковъ. Оно было просто, спокойно, и я прибавилъ бы: мило, еслибы

скулы и подбородокъ рѣзкимъ контуромъ своимъ не портили его красоты. Ничего эксцентрическаго; скажу даже болѣе: она показалась мнѣ простовата; но впечатлѣніе это исчезло, когда мы начали говорить. Голосъ у ней былъ нѣжный, походка плавная, манера и тонъ рѣчей обнаруживали большую привычку къ обществу.

Мы говорили мало, то-есть собственно говорилъ я, а она не давала себѣ труда поддерживать разговоръ, и опустившись на спинку креселъ, молчала, или вставляла изрѣдка односложный отвѣтъ. Я перепробовалъ нѣсколько темъ, но видя, что всѣ онѣ мало ее интересуютъ, начиналъ уже каяться въ своей предпріимчивости. «Чортъ ее побери!» думалъ я. «Лучше оставить бы ее тамъ у себя, въ покоѣ, да лечь бы спать»... И въ середине какого-то анекдота, я потихоньку зѣвнулъ.

Она засмѣялась.

— Знаете что̀? сказала она: — вы напрасно стараетесь меня занимать. Съ одной стороны, это трудно, потому что вы меня вовсе не знаете, а съ другой это лишнее. Я не требую съ васъ такой дорогой цѣны за дешевое удовольствіе, которое я вамъ доставила.

Я просилъ ее объяснить, что̀ она хочетъ сказать.

— Только то̀, отвѣчала она: — что я не люблю принужденія. Вамъ было скучно, и вы отъ нечего дѣлать захотѣли взглянуть на меня. Ну, и смотрите, не утруждая себя напрасной любезностью. Смотрите, не торопясь; мнѣ все равно, молчать тамъ одной у себя или тутъ съ вами; а когда спать захочется, я уйду... Дайте сигару.

Мы закурили, и мнѣ почему-то вдругъ стало весело. Пользуясь позволеніемъ, я смотрѣлъ на нее не опуская глазъ, и не замѣтилъ, чтобъ это было ей непріятно или неловко. Напротивъ, судя по усмѣшкѣ, игравшей у ней на губахъ, это ее забавляло и она, вѣроятно, чтобъ ободрить меня, отвѣчала мнѣ тѣмъ же. Сперва мы упорно молчали, желая какъ бы отдохнуть отъ прежней натяжки; потомъ разговоръ возобновился у насъ какъ-то безъ умысла, самъ собой.

— Вы долго пробудете здѣсь? спросилъ я.

— Нѣтъ, уѣзжаю завтра.

— Жаль!

— Чего жаль?

— Такъ; вы мнѣ понравились.

— Давно ли?

— Сейчасъ.

— Физически или иначе?

— И такъ и иначе.

— Ну, если вы не лжете, то вотъ вамъ и тема для разговора. Разсказывайте: что̀ вы во мнѣ нашли? Да только безъ оговорокъ, чтобъ не терять по пустому времени.

— Съ чего начать?

— Да все равно; начните хоть съ физики: это яснѣе и мнѣ легче будетъ васъ уличить, если вы станете врать.

— Хорошо, только возьмите, прошу васъ, въ соображеніе, что я не художникъ и не могу передать вамъ моихъ впечатлѣній въ тонкости.

— Которой вдобавокъ и нѣтъ.

— Почему?

— Ну, полноте! Вы еще спрашиваете. Какія тутъ тонкости, когда на женщину смотрятъ такъ, какъ вы на меня сейчасъ смотрѣли.

— Надѣюсь, что я не обидѣлъ васъ?

— О, нѣтъ; что̀-жь тутъ обиднаго? Это естественно, хотя и совсѣмъ не тонко. Вы всѣ такъ смотрите, когда не имѣете надобности обманывать, или пожалуй—обманываться,—на счетъ того, что̀ вамъ нравится въ насъ. Если женщина не уродъ, если она молода, здорова, то этого и довольно, чтобы она вамъ нравилась... Правда?

— Да, правда, отвѣчалъ я: — но правда — самого низкаго сорта.

На этотъ разъ она немного обидѣлась.

— Я не видала высшей, отвѣчала она надувши губки: — и потому не вѣрю въ нее. Впрочемъ, для васъ это все равно; продолжайте.

— Послѣ того, что̀ сказано, продолжалъ я: — и что̀ я по совѣсти не могу оспаривать, мнѣ остается только прибавить, что не всѣ женщины нравятся одинаково даже и въ живописномъ смыслѣ. Есть разные типы и степени красоты. Есть, напримѣръ, красота романтическая, типъ хорошо извѣстный, потому что имъ занимались поэты... Худоба, блѣдность, истома, мечтательный или тоскливый взглядъ, говорящій о безнадежной страсти.

— А! знаю! договорила она презрительно.—Это больничный родъ красоты?... Ну, это можно и мимо, потому что это ко мнѣ не относится. Я, слава Богу, совсѣмъ здорова.

— И есть красота другаго рода, — классическая...

— Что̀ это такое *классическая?*

— Это тотъ типъ красоты, высшіе образцы котораго вопло-

щены въ античныхъ статуяхъ. Типъ ясный, спокойный, величественный...

— И флегматическій?

— Ну, это едва-ли.

— Однако... Я видѣла этихъ каменныхъ женщинъ. Всѣ онѣ имѣютъ видъ сытый, откормленный и смотрятъ такъ, какъ будто бы имъ ничего на свѣтѣ не нужно, даже и платья. Собственно даже нельзя сказать, чтобы онѣ смотрѣли, потому что у нихъ нѣтъ зрачковъ.

Я улыбнулся.

— Ну, а вакханки? сказалъ я. — Это типъ неоспоримо-страстный; а между тѣмъ это тоже античная красота.

— Вакханки? повторила она, стараясь припомнить. — Ахъ, да, я видѣла. Это раздѣтыя, пьяныя женщины, которыя пляшутъ или валяются по полу съ кубкомъ въ рукахъ... Неужли вамъ это нравится?

— Въ своемъ родѣ—да.

— Странно!... Надѣюсь, однако, что вы меня не причисляете...

— Къ вакханкамъ? О! нѣтъ. У васъ красота совершенно другаго рода.

— А! Наконецъ-то!... Ну, ну, говорите, какая?

— Это, если позволите такъ выразиться, красота затаенной страсти.

— Чтò? сказала она, опуская глаза. — Я васъ не понимаю.

— Будто бы?

— Право.

Я смотрѣлъ ей въ лицо и мнѣ невольно припоминалось странное его выраженіе, ночью, въ вагонѣ, когда она вовсе не думала обо мнѣ.

— Слушайте, продолжалъ я, ощупью связывая свои разсѣянныя догадки. — Красота эта съ виду скромна и не бросается въ глаза никакими эффектами. Въ покоѣ, вы можете ошибиться, принявъ ее за выраженіе мира и тишины. Передъ вами безгрѣшная дѣва съ невозмущенной еще душой, или счастливая мать семейства, то, чтò въ домашнемъ быту дѣти и няньки зовутъ «мамашей». А между тѣмъ, у этой «мамаши» въ сердцѣ огонь неутолимыхъ желаній, въ жилахъ клокочетъ растопленный металъ. И если отъ этого внутренняго огня что-нибудь проскользаетъ наружу, — а иногда это невольно случается, — то вотъ это и будетъ тотъ родъ красоты, о которомъ я говорю.

Сухая усмѣшка зарницей играла у ней на губахъ. Медленно

выпрямляясь, она подняла на меня свои бронзовые зрачки и вдругъ покраснѣла.

— Кажется, я угадалъ?

— Нѣтъ... а впрочемъ — не знаю... можетъ быть... Знаете, тайное у насъ, женщинъ, трудно угадывается, и особенно въ чужѣ, со стороны. Легко ошибиться.

— Конечно... Но будьте искренны; между нами, мы вѣдь не знаемъ другъ друга, и по всей вѣроятности никогда больше не встрѣтимся; признайтесь, вѣдь я пе ошибся?

Она потянулась, какъ кошка, лѣниво, но съ затаенною силою въ мягкихъ членахъ и съ хищной нѣгой тѣлодвиженія. Въ полузакрытомъ взорѣ ея, въ усмѣшкѣ полуоткрытыхъ губъ, свѣтилось именно то, что̀ я угадалъ... Другого отвѣта ненужно было, да она и не думала отвѣчать. Все флегматическое сбѣжало съ нея какъ съ гуся вода. Передо мною была опять та самая женщина, которая не могла уснуть въ вагонѣ и три раза опускала вуаль.

— «Пора», сказала она наконецъ очнувшись. «Прощайте».

Но я былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ мало расположенъ къ совѣтамъ стоической мудрости. Я взялъ ее за руку и, удерживая на мѣстѣ, шепнулъ нѣсколько словъ, которыя не имѣли бы смысла, еслибы я ихъ повторилъ теперь хладнокровно. Она не отнимала руки, а слушала молча и пристально всматриваясь въ мои глаза. Раза два при этомъ, сухая усмѣшка мелькнула у ней на губахъ, и разъ она покраснѣла... Съ минуту мнѣ показалось, какъ будто она колеблется; но вдругъ она вырвала руку, встала, и тряхнувъ головой оттолкнула кресло.

— Нѣтъ, отвѣчала она, смѣясь: — это вздоръ!... Впрочемъ, я не имѣю нужды играть тутъ, съ вами, комедію. Скажу вамъ просто, я бы осталась; да и не я одна, бо̀льшая часть изъ вашихъ безгрѣшныхъ дѣвъ и скромныхъ «мамашъ» остались бы, еслибы онѣ не боялись цѣны, которую женщины платятъ за этого рода вещи... Знаете эту французскую драму, гдѣ королева, съ своими сестрами, кутятъ по ночамъ, въ какой-то башнѣ, а къ утру, чтобы отдѣлаться отъ нескромныхъ любовниковъ, топятъ ихъ?... Такъ вотъ, еслибы можно и съ вами такъ... Но это все пустяки, я не французская королева, и однимъ словомъ, — прощайте!

На другой день, поутру, я только что кончилъ письма и торопился идти. На умѣ у меня лежали дѣла нашей торговой компаніи, съ которыми связаны были случайно и мои собственныя... Слуга, молодой, глуповатый парень, съ салфеткой въ рукахъ, остановилъ меня въ корридорѣ.

— Хозяйка велѣла спросить: вы долго изволите оставаться?

— Не знаю... А что?

— Видъ надо бы прописать.

— Ну, хорошо; напомни вечеромъ.

Это было передъ сосѣднею дверью.

— А что̀, № 3-й дома? спросилъ *я*, вспомнивъ мою попутчицу.

Онъ посмотрѣлъ на меня недовѣрчиво и съ какой-то глупой усмѣшкой, словно не допуская, чтобы «нумеръ» могъ быть не дома.

— Никакъ нѣтъ-съ, уѣхали, отвѣчалъ онъ.

На умѣ у меня вертѣлось спросить: кто такая? Но вопросъ этотъ, съ отъѣздомъ, терялъ почти весь интересъ, и я его отложилъ до вечера, а къ вечеру любопытство мое окончательно выдохлось. «Чортъ съ нею!» рѣшилъ я. «Кто бы она ни была, какое мнѣ дѣло?»

III.

Дѣла задержали меня въ Москвѣ дольше, чѣмъ я разсчитывалъ, такъ что я прибылъ въ Р** только 10-го сентября. Ольга, увидѣвъ меня въ окно, выбѣжала на встрѣчу какъ сумасшедшая, вся раскраснѣвшись, въ слезахъ и въ усмѣшкахъ, и мы обнялись публично, на улицѣ. Въ эту минуту я могъ замѣтить только, что она похудѣла; но потомъ, когда оживленіе встрѣчи прошло, и было время вглядѣться внимательнѣе, я убѣдился, что ей недешево обошлись эти пять лѣтъ. Бѣдняжка очень перемѣнилась: прежній, здоровый цвѣтъ лица и круглота очертаній исчезли; голосъ утратилъ свои музыкальныя ноты; въ усмѣшкѣ, въ движеніяхъ, стало замѣтно что-то нервное. Она сама знала это, и нѣсколько разъ я замѣтилъ украдкою брошенный взоръ ея, который какъ будто спѣшилъ и вмѣстѣ боялся прочесть у меня на лицѣ грустный итогъ моихъ впечатлѣній. При матери, я не рѣшился ее разспрашивать; мы поняли въ этомъ другъ друга безъ словъ, и молчали о самомъ главномъ. Но послѣ обѣда, когда Анна Антоновна ушла къ себѣ и мы съ Ольгой усѣлись постарому, въ уголокъ,— всякое принужденіе было брошено. По глубоко отрадному вздоху ея, я могъ легко угадать, съ какимъ нетерпѣніемъ она ожидала этой минуты.

— Пять лѣтъ!... говорила она, сжимая мнѣ руки. — И ни одного человѣка возлѣ, чтобъ душу отвесть!

Она, очевидно, щадила мать; но я убѣдился скоро, что ей и со мной нелегко быть искреннею. Она сбивалась, недоговаривала, стараясь изъ всѣхъ силъ смягчить грубую истину; путалась въ этихъ усиліяхъ какъ въ сѣтяхъ, и часто, запнувшись на полусловѣ, вдругъ умолкала, какъ бы сама испуганная тѣмъ, что̀ готова была сказать. Несмотря на всѣ эти задержки, коечто, однако же, выяснилось. Она успѣла меня убѣдить, напримѣръ, что мужъ, до брака, былъ страстно въ нее влюбленъ. Съ этою цѣлію, она читала мнѣ письма, которыя были довольно глупы и мѣстами даже безграмотны, но неоспоримо страстны...

«Мой ангелъ!» писалъ онъ къ Ольгѣ еще женихомъ. «Моя божественная, безумно-любимая Олечка! Я въ отчаяніи, узнавъ изъ твоего письма, что ты вернешься лишь въ субботу или въ воскресенье. Почему такъ долго?» И далѣе: «Безъ тебя ни минуты не спокоенъ. Вижу тебя во снѣ и на яву... не могу дождаться нашего свиданія. Неправда ли, ты прижмешь меня нѣжно къ своей груди? А я буду къ тебѣ такъ нѣженъ, что ты отъ блаженства сама себя не будешь помнить... Какъ разсказать мою невыразимую любовь къ тебѣ, и что ты теперь навѣки моя, моя Олечка! моя женушка!» и т. д.

Пылъ этотъ, однако, остылъ послѣ сватьбы скорѣе, чѣмъ можно было предположить, такъ скоро, что бѣдная Ольга видимо совѣстилась даже опредѣлить мнѣ время—когда это случилось. «Черезъ годъ?» «Ахъ нѣтъ, ранѣе..». «Черезъ полгода?» Она потупилась съ такимъ видомъ, что я не рѣшился даже и спрашивать далѣе, чтобъ не заставить ее краснѣть.

— Въ его оправданіе, заговорила она минуту спустя:—я должна сказать, что его любовь все же была безкорыстна... Онъ женился не по разсчету.

Я посмотрѣлъ ей въ глаза съ удивленіемъ, она опустила ихъ и вздохнула.

— Подумай только, мой другъ:—что̀ могъ онъ искать во мнѣ, кромѣ меня самой? Ни связей, ни состоянія; а насчетъ роли, которую я могла играть въ его кругу, ты знаешь самъ: способна ли я на что нибудь подобное... Неловкая, неумѣлая... Въ жизнь свою не помню еще ни разу, чтобы мнѣ удалось произвесть эффектъ.

Я колебался... Жалко было отнять у несчастной ея послѣднія иллюзіи; а между тѣмъ, эти иллюзіи мѣшали ей жить.

— Ольга, отвѣчалъ я, скрѣпя сердце: — я знаю немножко Павла Ивановича, и ты не разсказывай мнѣ о немъ сказокъ. Павелъ Ивановичъ влюбчивъ до гадости, — это правда, — но влюбчивость и любовь,—двѣ вещи разныя... Ничего не искалъ

въ тебѣ кромѣ тебя самой?... Да, пожалуй, если ты согласишься, что въ тебѣ нѣтъ и не было ничего, кромѣ женской твоей красоты.

— Какая ужь красота?

— Не говори пустяковъ, пожалуйста, и не прикидывайся, что ты меня не понимаешь. Я у тебя серьёзно спрашиваю: развѣ есть какая-нибудь возможность, для женщины, которая уважаетъ себя хоть на грошъ, помириться съ такой унизительной оцѣнкой?.. Молчишь?.. Хоть постыдилась бы!.. Ольга! Я, право, тебя не узнаю. Куда ты дѣвала твою дѣвичью гордость, твои убѣжденія? Или это такъ, просто—бабство и ты кривишь душой въ его пользу? Если такъ, то мнѣ незачѣмъ было и ѣздить сюда!

— Незачѣмъ? повторила она.

— Не обижайся... Я говорю такъ грубо потому, что иначе съ тобой ничего не подѣлаешь. Тебя надобно пристыдить хорошенько, чтобъ ты опомнилась и убѣдилась въ своей ошибкѣ. Безъ этого, нѣтъ никакой надежды ее исправить.

— Мое несчастіе невозможно исправить.

— Да, если ты будешь ждать, что онъ разнѣжится и вернется. Признайся, ты этого только и ждешь?

— Нѣтъ.

— Ольга, ты или лжешь, или, чтобы спасти свое самолюбіе, играешь словами... Ну, я, пожалуй, выразился не такъ; пожалуй, не ждешь въ собственномъ смыслѣ, но все же желаешь?

Молчаніе... Мы сидѣли съ минуту потупясь; она вертѣла въ рукахъ конецъ платка, наматывая его бахрому на пальцы. Я начиналъ ужь терять надежду узнать что нибудь далѣе.

— Что̀ же мнѣ дѣлать? произнесла она, наконецъ, чуть слышно: — если я еще люблю его?

Это поставило меня совершенно въ тупикъ... Что — въ самомъ дѣлѣ? Что̀ дѣлать, если она его любитъ еще?.. Я однакоже не хотѣлъ дать ей замѣтить, до какой степени этотъ отвѣтъ обезоружилъ меня.

— Надо понять, мой другъ, что это ошибка, отвѣчалъ я нравоучительнымъ тономъ.

— Ошибка — что?

— Твоя воображаемая любовь къ Павлу Ивановичу. Ты любишь собственно не его, а свою фантазію. Тебѣ представляется человѣкъ, совсѣмъ не тотъ,—не такой, какъ онъ дѣйствительно есть.

— Отчего не такой? Почемъ ты знаешь?

— Я знаю его.

— Ну, а если ты ошибаешься?... Вѣдь это возможно? Онъ,

можетъ быть, совсѣмъ не такъ виноватъ. Я, можетъ быть, сама виновата?

— Въ чемъ?

Она молчала. Слезы катились у ней по лицу... Мнѣ стало досадно и жалко.

— Въ чемъ же ты виновата—Оля? милая! спросилъ я, взявъ ее за руку.

Глубокій вздохъ. Она подняла на меня заплаканные глаза и тотчасъ опять опустила ихъ...

— Я, можетъ быть, тоже была не та... не такая, какъ онъ ожидалъ... У меня здоровье слабое....

— Какой вздоръ!

— Да, мнѣ доктора всегда говорили, что я малокровна. Я часто хвораю, бываю не въ духѣ... разстроена. А онъ не любитъ этого; ему противно возлѣ больной.

— Животное!

— Ахъ, нѣтъ, Серёжа, ты не брани его. Онъ, право—совсѣмъ не такой... Это я ужь такая плохая.

— Да отчего же такъ, Олечка?

— Такъ... Вотъ это тоже несчастіе,—голосъ ея задрожалъ. Нѣтъ дѣтей!

— Развѣ онъ жаловался тебѣ на это?

— Нѣтъ.

— Съ чего же это тебѣ приходитъ въ голову?

— Мнѣ намекали объ этомъ другіе.

— Кто?

— Такъ... Одинъ человѣкъ, который былъ здѣсь проѣздомъ,—какъ разъ передъ тобою.

— Да кто такой?

Она замялась.

— Я собственно не имѣю права, потому что я слово дала; ну, да ты вѣдь не выдашь меня... Одна изъ его кузинъ,—баронесса Фогель.

— Фогель?... Какая Фогель?... Я что-то не помню.

— Это одна изъ Толбухиныхъ.

— И Толбухиныхъ не знаю.

— Да и я тоже не знаю, но слышала. Она не живетъ въ Петербургѣ, и я сама ее не видала прежде.

— Странно!

— Фогель,—повторила она машинально:—Марья Евстафьевна... Она возвращалась изъ Петербурга въ Орелъ, въ свое имѣніе.

— Но съ какой стати... она?

— Такъ; она слышала о моемъ несчастіи и желала со мной познакомиться. Только это секретъ... Такая добрая!... Приняла во мнѣ такое участіе!

— Зачѣмъ же секретъ-то? И отъ кого?

— Отъ Павла Ивановича. Она боится, чтобъ онъ не узналъ черезъ мамашу или кого нибудь изъ знакомыхъ, здѣсь въ Р., что она заѣзжала ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что это ей не совсѣмъ по пути...

— Постой, какъ же такъ? Развѣ она не была тутъ у васъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же вы видѣлись?

— У нея. Она останавливалась на постояломъ двовѣ и присылала оттуда за мною.

— Тетушка, стало быть, ничего не знаетъ? Она кивнула мнѣ головой утвердительно и сдѣлала знакъ, чтобъ я говорилъ потише. Мы замолчали.

— Знаешь что, Ольга? сказалъ я, подумавъ. — Мнѣ это не нравится.

— Отчего?

Но я не успѣлъ ей сказать, отчего. Вошла старушка... Подали самоваръ...

Пріѣздъ мой, хотя и ожиданный, по добрымъ русскимъ обычаямъ, поставилъ весь домъ вверхъ дномъ. Бѣготня, хлопоты; горничныя являлись и исчезали въ дверяхъ какъ тѣни; тетушка вскакивала и убѣгала ежеминутно со связкой ключей; на кухнѣ готовили ужинъ, и стукъ поварскаго ножа доносился черезъ отворенное окошко въ столовую. Комната для меня была давно приготовлена: шторы, гардины, ковры и коврики, ширмы и умывальникъ, цвѣты на окошкахъ, — нужное и ненужное, все было тутъ разставлено, постлано и развѣшено заботливою рукой, и все казалось имъ мало. Водили смотрѣть, выпытывали не позабыто ли что нибудь, къ чему я привыкъ; потомъ увели опять въ столовую и засадили за ужинъ, и послѣ ужина, отпустивъ уже окончательно, подсылали еще людей съ вопросами, которые заставляли меня хохотать. — Не прислать ли еще одѣяла на ноги? — Не попали ли въ комнату мухи? — Не нуженъ ли абажуръ на свѣчку? и проч.

Утромъ, на другой день, въ саду, Ольга наконецъ собралась съ духомъ и разсказала мнѣ связно исторію своего разрыва съ мужемъ. Никакихъ явныхъ поводовъ къ ссорѣ, и тѣмъ меньше формальныхъ ссоръ, между ними не было; но было много досадныхъ, маленькихъ столкновеній, тайныхъ неудовольствій и тихихъ жалобъ съ ея стороны, сухихъ, обидныхъ упрековъ,

насмѣшекъ и замѣчаній — съ его. Онъ началъ сперва избѣгать ее, потомъ совершенно бросилъ, и они не видались по цѣлымъ днямъ; выѣзжали, обѣдали даже врознь. Въ концѣ второго года, она не вынесла этой жизни, и послѣ короткаго объясненія, въ которомъ высказала все, что у ней наболѣло на сердцѣ, они разстались. Но еще долго послѣ, она жила въ Петербургѣ, въ семействѣ тетки, той самой, которая выдала ее замужъ. Въ семействѣ этомъ любили Ольгу и всѣми силами удерживали отъ переѣзда въ Р. Но шумная жизнь въ большомъ кругу, и на глазахъ у стольких свидѣтелей ея разореннаго счастья, стала для ней нестерпима. Съ мужемъ, послѣ разъѣзда, она почти не видѣлась, но вела и до сихъ поръ ведетъ еще переписку...

О чемъ? — это она затруднялась сперва объяснить; но наконецъ призналась мнѣ по секрету, что, *между прочимъ*, рѣчь была о разводѣ.

— Кто предлагалъ?

— Онъ предлагалъ.

— Что-жь ты?

Лицо ея вспыхнуло, и она начала говорить горячо, краснорѣчиво, противъ этой, какъ она называла, *пустой формальности*, которая не прибавляетъ почти ничего существеннаго къ свободѣ людей, живущихъ врознь, а только ведетъ къ скандалу. — Она не хочетъ скандала и весьма основательно, потому что скандалъ, въ итогѣ, всегда упадаетъ на женщину. Да и къ чему? На что это имъ? Развѣ они мѣшаютъ другъ другу? Развѣ она не возвратила ему полной свободы, уѣхавъ сюда, за тысячу верстъ? И неужели онъ боится, что она явится къ нему когда нибудь съ требованіями? Ей отъ него ничего не нужно, — ни гроша! Она готова дать въ этомъ подписку, готова отречься формальнымъ образомъ отъ всего; но требовать, чтобы она выпачкалась въ грязи, это — низко! Да, низко! низко!... И она ни за что не согласится на это!

Я принялъ это сначала за чистую монету и пытался ей возражать, защищая разводъ вообще; но она не слушала. Тогда я поставилъ вопросъ иначе. Ей 25 лѣтъ, и въ такіе года рано отказываться отъ всякой надежды. Какъ знать, что ее ожидаетъ въ будущемъ, и можно ли поручиться, что эта формальная связь, на которую она смотритъ теперь такъ легко, не станетъ когда-нибудь у ней на пути, преградою къ счастью?

— Нѣтъ; я никогда не могу уже быть счастлива.

— Почему?

Молчаніе...

— Ольга! Это неискренно! Посмотри-ка въ глаза. Ну, такъ и есть. Ты со мною хитришь. Признайся, все, что̀ ты сейчасъ говорила противъ развода—дудки? Признайся, ты не желаешь развода только по той причинѣ, что ты еще надѣешься воротить потерянное?

Она не отвѣчала.

«Господи! Какъ она измѣнилась!.... Это совсѣмъ другой человѣкъ! думалъ я, посматривая на ея исхудалый станъ и блѣдные, тонкіе пальцы. Тетушка, можетъ быть, не даромъ твердитъ, что Ольга серьёзно больна и что ее не слѣдуетъ вовлекать въ слишкомъ горячіе споры».

IV.

Погода стояла сухая, теплая, и мы каждый день уходили вдвоемъ куда нибудь за городъ. Въ лѣсу пахло ужь осенью, но въ поляхъ густыя, зеленыя озими и трава, мѣстами скошенная вторично, обманывали глаза. Кругомъ все такъ ясно и тихо. Летучая паутина носилась по воздуху длинными, тонкими нитями; головки репейника, изгороди, кусты и даже земля мѣстами затканы были какъ сѣтью ихъ золотистою пряжею.

— Бабье лѣто! сказалъ я.—Знаешь-ли, отчего оно такъ названо?

— Оттого что не настоящее, отвѣчала Ольга.—Все, что̀ фальшиво, призрачно и эфемерно,—все это у васъ—бабье.

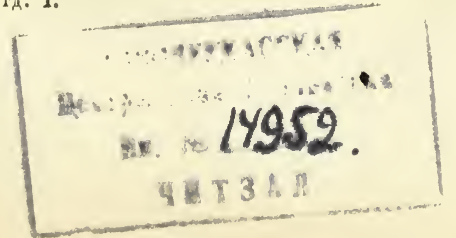
Выходка эта, несмотря на ея горькій тонъ, обрадовала меня. Въ ней слышалось что-то напоминавшее прежнюю Ольгу. Это былъ первый откликъ ея на старый призывъ, первая искра стараго огонька, мелькнувшая мнѣ изъ-подъ пепла. Въ надеждѣ его раздуть, я ухватился усердно за эту тему. Женщины, молъ, виноваты сами, если о нихъ сложился такой приговоръ. Бабство—типическая черта ихъ характера. Въ нихъ нѣтъ устоя. Онѣ слишкомъ дешево цѣнятъ себя. Онѣ куражатся на словахъ, а на дѣлѣ роняютъ себя самымъ постыднымъ образомъ; и т. д.

— Это на мой счетъ?

— Да, если хочешь, пожалуй, на твой.

— Чѣмъ-же я такъ уронила себя въ твоихъ глазахъ?

Я отвѣчалъ, что для меня непонятно: какъ можетъ женщина, однажды обманутая, не отвернуться сразу и навсегда отъ дома, изъ котораго ей указали двери... Но не успѣлъ я выговорить, какъ ужь раскаялся... Мы шли полями. Она отскочила отъ меня вдругъ, какъ ужаленная и, вся поблѣднѣвъ, присло-



нилась къ изгороди. Упреки посыпались градомъ. Я злой человѣкъ!.. У меня сердца нѣтъ! Я никогда ее не любилъ! Что̀ она сдѣлала мнѣ, что я рѣшился такъ ее оскорбить?.. Кто выгналъ ее изъ дома? Павелъ Ивановичъ?—Никогда въ жизни!.. Она покажетъ мнѣ всѣ письма его. Павелъ Ивановичъ не думалъ ее выгонять. Она сама его бросила... Павелъ Ивановичъ, напротивъ, жалѣетъ...

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Фогель сказала.

— Опять эта Фогель!

— А тебѣ что̀? Что̀ ты имѣешь противъ нея?.. Фогель совсѣмъ иначе со мной поступила, чѣмъ ты. Фогель, чужая, приняла во мнѣ больше участія, чѣмъ ты когда нибудь, во всю жизнь принималъ. Она не обижала меня насмѣшками, не отнимала надежды, какъ ты!

Вспышка эта, однако, скоро прошла и Ольга простила меня отъ чистаго сердца, и мы вернулись домой рука объ руку, въ самомъ дружескомъ разговорѣ; но я наконецъ убѣдился, что дѣло ея неисправимо. Это была одна изъ тѣхъ несчастныхъ, цѣпкихъ натуръ, которыя, разъ отдавшись, не въ силахъ уже вернуть своей свободы. Она была вся, всею душею въ прошломъ, и худо-ли, хорошо-ли, прошлое это для ней было все. Она не видѣла, не желала помимо его ничего, не могла понять счастья иначе, какъ она его разъ поняла. «Не можетъ забыть!» думалъ я: «живетъ неизлечимой надеждой и съ этой надеждой состарѣется или зачахнетъ!—Сто̀итъ-ли мучить ее еще? И не умнѣе-ли, не человѣчнѣе-ли оставить при ней ея иллюзіи? Допустивъ даже, что ихъ и можно отнять,—не была-ли бы это жестокость напрасная и ничѣмъ не оправданная?.. Истина хороша только въ той мѣрѣ, въ какой мы можемъ сносить ея безобразіе. Но есть вещи до такой степени гнусныя въ ихъ естественной наготѣ, что лучше навѣки ослѣпнуть, чтобъ ихъ не видать. Что̀ можетъ быть, напримѣръ, унизительнѣе такого сердечнаго рабства, какъ рабство этой несчастной?.. Два мѣсяца прослужить живою игрушкой такому животному, какъ Бодягинъ, и за эти два мѣсяца отдать всѣ сокровища чистаго сердца, весь жаръ молодой души, которая никогда не вѣрила и не въ силахъ повѣрить, чтобъ сердце могло оставаться холодно, когда въ крови горитъ кипучая, молодая страсть!.. Для ней невозможенъ былъ этотъ раздѣлъ и потому она не могла представить себѣ его въ другомъ. Цѣлая,—она и пошла вся, цѣликомъ, въ обмѣнъ на его подонки... Пусть же она никогда не узнаетъ, во что̀ оцѣнилъ ее этотъ экспертъ. Пусть думаетъ,

что она сама виновата, что она совсѣмъ не такая, какая ему была нужна. И къ чему ей знать, какая была ему нужна?... Его идеалъ?... О! чортъ возьми! Еслибъ на то пошло, я бы ему нашелъ идеалъ!»

Я былъ отпущенъ на ночь и легъ ужь въ постель; но мнѣ не спалось, какъ это случается иногда, когда раздраженная мысль не хочетъ окончить къ ночи свою работу.

Едва за дверьми утихло, суетливая эта хозяйка, какъ мышь, которую на минуту спугнули, вернулась опять на то же мѣсто. Но она ужь успѣла сдѣлать дорогой находку, и очень курьёзную... Идеалъ Павла Ивановича былъ ею найденъ и воплощенъ очень удачно въ образѣ той милой барыни, охотницы до хорошихъ сигаръ, которая такъ простодушно жалѣла, что не можетъ остаться со мною, потому что меня нельзя утопить поутру. Откровенно, и вмѣстѣ съ тѣмъ осторожно, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой привычкѣ прятать концы. Какъ жаль, что я не узналъ тогда ея имени. Не справился даже, вернулась-ли въ Петербургъ или поѣхала далѣе? Можетъ быть, она ѣхала тоже въ Р** и находится теперь здѣсь? Можетъ быть...

Я вдругъ подскочилъ, наткнувшись нечаянно на весьма интересную гипотезу... А что̀ если это Фогель? Та самая Фогель, что̀ была здѣсь, у Ольги, какъ разъ передъ моимъ пріѣздомъ, и прожила два дня, невидимкой, на постояломъ дворѣ?.. Кузина Бодягина,—изъ Орла,—была въ Петербургѣ и заѣзжала въ Р** на обратномъ пути. Приняла большое участіе въ Ольгѣ и утѣшала ее, но въ домъ не явилась и взяла слово не разглашать о своемъ посѣщеніи... Какой, однакоже, странный случай—если это она! Почему изъ тысячи ѣхавшихъ вмѣстѣ я долженъ былъ очутиться наединѣ именно съ нею?.. Причина, конечно, была. Она отъ кого-то пряталась, а мнѣ было тѣсно во 2-мъ классѣ и захотѣлось спать... Стало быть, не совсѣмъ случайно... Но для чего ей было прятаться, если она отправлялась домой? Тутъ, въ Р**, еще положимъ, такъ-какъ ей это не по пути; но тамъ, на московской дорогѣ, за 500 верстъ отъ Р**? Я началъ припоминать, и вспомнилъ какъ она опустила вуаль, когда я вошелъ, и потомъ еще разъ, когда она выходила дорогой, на станціи. Оброненный платокъ тоже пришелъ мнѣ на память и на платкѣ вензель: Ю. Ш. кажется?—Да, Ю. Ш.—Значитъ, не Фогель... Странно! Съ чего такой вздоръ придетъ въ голову? Дремота; соображенія путаются; усталая мысль теряетъ нить связи... Я повернулся къ стѣнѣ и уснулъ.

*

V.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы говорили съ Ольгой о чемъ-то, помнится, о роднѣ Бодягина, и она, заспоривъ, сослалась на Фогель.

— А что̀, Фогель куритъ? спросилъ я, какъ-то совсѣмъ не кстати.

— Да, куритъ.

— Сигары?

— Да... а ты почемъ знаешь?

— Я ничего не знаю; я такъ спросилъ.

Она была очень удивлена, да, признаюсь, и я тоже. Ничтожная вѣроятность ночной догадки вдругъ выросла и получила довольно серьёзный вѣсъ.

— Съ чего ты это спросилъ? приставала Ольга.—Ты вѣрно знаешь ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—не знаю. Но, можетъ быть, мы встрѣчались, не зная другъ друга... Скажи, пожалуйста, что̀ это за женщина?.. Молодая?

— Да, моихъ лѣтъ.

— Брюнетка?

— Нѣтъ.

— Высокаго роста?

— Не очень.

— Хороша собой?

— Да.

— Худенькая?

— Нѣтъ, такъ-себѣ, ничего... Но это все пустяки; а ты мнѣ скажи, какъ ты угадалъ, что она куритъ сигары?

— Такъ... Она мнѣ сегодня приснилась во снѣ.

— Не можетъ быть!

— Право... Мнѣ снилось, будто мы ѣдемъ съ нею къ тебѣ, не зная другъ друга, и будто мы въ вагонѣ... Ночь; въ отдѣленіи нашемъ горитъ фонарь, и я будто лежу, дремлю, а она сидитъ и куритъ.

— Какъ странно! Но почему ты узналъ, что это она?

— Такъ, это вздоръ. Во снѣ вѣдь приходитъ въ голову всякая чепуха. Я будто увидѣлъ у ней кольцо на рукѣ и по кольцу узналъ.

— Какое кольцо?

— Такъ, маленькое колечко съ рубиномъ.

— Ахъ, Господи! Да у нее какъ разъ такое! Сережа! Знаешь, вѣдь это ужасно странно! вѣдь это ты видѣлъ ее!

Я самъ былъ почти увѣренъ въ этомъ, но я боялся встревожить Ольгу, сказавъ ей всю правду, прежде чѣмъ успѣю добиться толкомъ, зачѣмъ пріѣзжала къ ней эта барыня. А между тѣмъ, ограничиться сказкою, которую я ей сплёлъ, казалось мнѣ тоже неосторожно, потому что иная сказка ложится на душу тяжелѣе правды. Въ нерѣшимости, я избралъ середину. Умалчивая о самомъ главномъ, то-есть о подозрѣніяхъ, которыя возбуждала во мнѣ ея Фогель, я ей признался однако, что это былъ вовсе не сонъ, и что я точно встрѣтилъ дорогой такую барыню.

— Но это была навѣрно она, сказала Ольга.

— Можетъ быть, отвѣчалъ я смѣясь: — но объ закладъ не побьюсь. Кольцо съ рубиномъ очень обыкновенная вещь; дама, курящая потихоньку сигары, тоже не рѣдкость. А впрочемъ, она или не она, въ обоихъ случаяхъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ первомъ, по крайней мѣрѣ, уже совсѣмъ ничего... Ѣхали въ одно время, оба сюда къ тебѣ, и пріѣхали бы весьма вѣроятно вмѣстѣ, еслибъ дѣла не задержали меня въ Москвѣ. А далѣе что же?.. Ей совѣстно было курить въ компаніи, и она за какой-нибудь лишній рубль отъискала себѣ пустое, семейное отдѣленіе. Меня кондукторъ не зналъ куда дѣть съ моимъ билетомъ 1-го класса, и помѣстилъ туда же... Кстати, признаться тебѣ, она въ ту пору сдѣлала на меня впечатлѣніе. Въ ней было что-то такое оригинальное, странное, почти романическое. Я думалъ невѣсть что, а на повѣрку вышла, увы такая проза!.. Орловская родственница, стремящаяся къ кузинѣ посплётничать!..

— Съ чего ты взялъ? перебила Ольга смѣясь, но, какъ кажется, въ тайнѣ немного обиженная. — Развѣ я тебѣ говорила что-нибудь, изъ чего ты имѣлъ бы право вывести, что мы тутъ сплетничали?

— Нѣтъ, но трудно себѣ представить другую цѣль. Посредницей между тобою и Павломъ Ивановичемъ она не могла быть потому, что старалась скрыть отъ него это свиданіе. Особенное участіе къ тебѣ тоже едва-ли могло ее побудить, потому что она лично не знала тебя... Что-жь остается?... Я, право, не понимаю.

— Развѣ нельзя принимать участіе за глаза? спросила Ольга. — Она обо мнѣ много слышала.

— Отъ кого?

— Да хотя бы отъ Павла Ивановича?

— Хмъ.

Ольга нахохлилась.

— Не знаю, что̀ ты хочешь сказать... начала она и, не кончивъ, остановилась сконфуженная.

— Я ничего не хочу сказать, и ты на меня не сердись, а лучше ужь если хочешь быть совершенно искренна, то разскажи-ка просто: что̀ у васъ тутъ съ нею было?

Она потупилась.

— Вижу, что ты не довѣряешь мнѣ.

— Ахъ, нѣтъ!... Ты не думай этого...

— Однако, что-нибудь было, чего ты не хочешь сказать.... Бьюсь объ закладъ, напримѣръ, что у васъ была рѣчь о разводѣ... Была, конечно; я вижу ужь по глазамъ.

— Ну, да, была, сначала... Бѣдная Марья Евстафьевна сама въ разводѣ и потому, съ ея стороны оно естественно было упомянуть объ этомъ.

— Что же, она совѣтовала тебѣ рѣшиться на это?

— Нѣтъ... впрочемъ да, сначала,—пока она не узнала, какъ я на это смотрю. Ей это казалось практичнѣе, съ ея точки зрѣнія;—она очень практическая... Но потомъ она согласилась со мной.

— Какъ же это у васъ съ нею было?... Гдѣ?... Разскажи ужь пожалуйста все.

— Да такъ... Тутъ есть, недалеко отъ станціи, постоялый домъ... Я не знала прежде. Только вотъ, разъ какъ-то, стою у окна и жду тебя. Смотрю, вдругъ вижу мальчикъ, какъ изъ земли выросъ, — стоитъ совсѣмъ возлѣ и смотритъ прямо въ окно, на меня. Съ чего я испугалась, понять не могу, только меня вдругъ всю такъ и бросило въ холодъ. Когда это прошло, я спросила: чего ему?... Гляжу, онъ протягиваетъ записку. Записка была адресована мнѣ, но состояла вся изъ трехъ строкъ: «Сейчасъ пріѣхала; нездорова. Не безпокойте мамашу, придите запросто, посланный васъ проведетъ къ вашей кузинѣ, Маріи Фогель». Въ запискѣ была ея визитная карточка. Имя немного смутило меня; я не могла припомнить: у Павла Ивановича такая куча родни. Потомъ оказалось, что это одна изъ Толбухиныхъ. Я, разумѣется, тотчасъ пошла и мы свидѣлись у нея, въ постояломъ домѣ. Она мнѣ сразу понравилась; такая милая! Но въ этотъ день я оставалась у ней недолго изъ страха, чтобы maman не хватилась. Зато на другой—поутру, я сказала maman, что ѣду въ Солотчинскій, а вмѣсто того просидѣла у Фогель до вечера... Въ тотъ же день, ночью, она уѣхала.

— О чемъ же у васъ была рѣчь?

— Да больше все обо мнѣ и о моемъ положеніи. Впрочемъ, она говорила и о себѣ. Жизнь ея съ мужемъ была ужасная. Мужъ приводилъ открыто любовницъ къ ней въ домъ. Конечно, она не вытерпѣла и рѣшилась на все. На ея мѣстѣ, я то же бы сдѣлала... Она ужасно дурнаго мнѣнія о мужчинахъ.

— А ты?

— Ну, да ты знаешь, и я тоже. Мы спорили съ ней о Павлѣ Ивановичѣ. Она обвиняла его кругомъ.

— А ты?

— Я, разумѣется, не могла оправдать его совершенно.

— Однако, оправдывала?

— Да, такъ немножко.

— Что же, она согласилась съ тобой?

— Не совсѣмъ. Но она допускаетъ, что у него недурное сердце. Онъ ей, напримѣръ, признавался, что ему жалко меня и что онъ за меня боится. У нея—говоритъ—бѣдовый характеръ, и я боюсь, чтобы она съ этимъ характеромъ не додумалась тамъ одна до какого-нибудь отчаяннаго дурачества.

— Какого же это дурачества?

— Не знаю. Фогель мнѣ глухо объ этомъ упомянула и я тебѣ передаю не подлинныя ея слова, а такъ только около... Она вообще больше разспрашивала... Я читала ей письма мужа и мы разбирали ихъ вмѣстѣ, чтобы рѣшить, есть ли надежда.

— Что же, она находитъ, что есть?

— Да, впрочемъ она не утверждала этого прямо, но я догадываюсь. Ты понимаешь, — мы только что познакомились и не могли говорить совершенно открыто. Она, какъ кажется, не хотѣла сказать мнѣ всего изъ страха, чтобъ я не проболталась въ письмахъ. Я тоже не могла ей признаться прямо въ иныхъ вещахъ, потому что мнѣ совѣстно было.

— Однако, договорилась же до чего-нибудь осязательнаго?

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Но она обѣщала пріѣхать еще разъ.

— А! вотъ какъ?... Ну, признайся же мнѣ откровенно, Оля, что̀ она тебѣ совѣтовала?

— Она?... Ничего особеннаго.

— Однако?

— Такъ, ничего. Она только спрашивала: буду ли я еще писать Павлу Ивановичу и какъ скоро?... Я говорю — не знаю. Тогда она замѣтила, что съ мужчинами нельзя такъ, прямо на чистоту, а надобно ихъ изучить, чтобы узнать, чего имъ особенно хочется или чего они больше всего боятся.

— То-есть ощупать чувствительную ихъ струнку?

— Да.

— И теребить ихъ за эту струнку?

Она засмѣялась.

— Ну, да; какъ же съ вами иначе-то?

— Какую же струнку она открыла у Павла Ивановича?

— Не знаю... Она не говорила объ этомъ прямо. Но кажется,—она думаетъ, что не мѣшало бы его попугать.

— Чѣмъ?

— Я не знаю... Мы... не говорили объ этомъ.

Она уперлась и я никакъ не могъ отъ нея добиться, что̀ она затѣваетъ. — Въ суммѣ, однако, все оказалось вздоръ: обыкновенная болтовня между женщинами о томъ, что̀ у нихъ лежитъ на сердцѣ. Особеннаго участія даже не требуется, все можно себѣ объяснить любопытствомъ и страстью мѣшаться въ чужія дѣла. Вопросъ, стало быть, только въ одномъ: къ чему всѣ эти предосторожности, которыя простирались очень далеко, если это была не на шутку моя попутчица?...

Тѣмъ временемъ, срокъ моего пребыванія въ Р** оканчивался и мнѣ было грустно видѣть, съ какой тоской вспоминала объ этомъ Ольга.

Наканунѣ отъѣзда, сидя со мною въ сумеркахъ, послѣ обѣда, она мнѣ сказала слова, которыя меня глубого тронули.

— Жаль, другъ мой, сказала она, прижимаясь лицомъ къ моему плечу:—что мнѣ не судьба была стать твоею! Какъ хорошо, какъ спокойно устроилась бы вся жизнь!

— Да, Оля, отвѣчалъ я:—я самъ горько объ этомъ жалѣлъ, но судьба слишкомъ темный мотивъ, чтобъ имъ объяснять причины насъ разлучившія. Онѣ были гораздо яснѣе и ты ихъ знаешь.

— Что̀ знаю? Вздоръ-то твой?... Будто бы я тебя не любила?

— Нѣтъ, Оля, это не вздоръ, и если ты прежде не понимала этого, то теперь должна бы понять. Есть разница безконечная между тѣмъ чувствомъ, которое ты имѣла ко мнѣ, и другимъ, которое ты узнала послѣ.

— Ахъ, да, отвѣчала она, вздохнувъ:—конечно, но только разница эта вся въ пользу перваго. Вѣрь мнѣ, мой другъ, то тихое чувство, которое влекло мое сердце къ тебѣ, заключало въ себѣ гораздо больше задатковъ счастья. Прежде, я только угадывала это, словно чутьемъ; теперь убѣдилась собственнымъ, горкимъ опытомъ. На что̀ намъ огонь, который палитъ и ослѣпляетъ? Намъ нуженъ свѣтъ и тихая, ровная теплота. А мнѣ возлѣ тебя всегда было такъ тепло! Такъ тепло!

Она заплакала, обнимая меня тихонько рукою за шею.

Я былъ въ такомъ возбужденномъ, экзальтированномъ состояніи, что чуть не надѣлалъ дурачествъ; чуть не сказалъ ей: «Оля! Чего же тебѣ еще? Чего ты, ослѣпленная, тянешься такъ безумно на этотъ огонь, который тебя опалилъ? Пойми же, что онъ не дастъ тебѣ счастья. Пойми и отвернись отъ него разъ навсегда и останься тутъ, возлѣ меня, гдѣ тебѣ такъ тепло»... Другими словами, я чуть не предложилъ ей немедленно развестись съ Павломъ Ивановичемъ, чтобъ выйти потомъ за меня. Но я былъ проученъ на счетъ этого рода миражей; благоразуміе одержало верхъ надъ подогрѣтымъ чувствомъ и дѣло окончилось тихимъ, дружескимъ поцалуемъ.

Передъ отъѣздомъ, я счелъ однако нелишнимъ серьёзно ее остеречь на счетъ ея загадочной родственницы, и съ этою цѣлью разсказалъ ей о вензелѣ носоваго платка и еще кое-что изъ моего дорожнаго приключенія... «Нельзя такъ довѣрять всякой встрѣчной» — говорилъ я. «Почемъ ты знаешь, что̀ у ней на умѣ и, наконецъ кто она?... Можетъ быть, вовсе не Фогель и не кузина Павла Ивановича»

— А кто же?

— Почемъ я знаю... Впрочемъ, я наведу непремѣнно справки и напишу тебѣ.

— Пожалуйста, только не проговорись.

— Будь спокойна.

Въ три часа ночи, я уѣхалъ изъ Р**. Дорогой, вопросъ о Фогель вертѣлся у меня на умѣ и я не разъ пожалѣлъ, что въ ту пору, въ Москвѣ, не далъ себѣ труда узнать имя моей интересной попутчицы. Чтобы нагнать упущенное, я рѣшился-было заѣхать на Дмитровку, разсчитывая, что съ 10 до 2-хъ у меня хватитъ времени. Но поѣздъ задержанъ былъ въ К** такъ долго, что я едва поспѣлъ на Николаевскую дорогу.

VI.

Немедленно по возвращеніи въ Петербургъ, я посѣтилъ тетушку Софью Антоновну, у которой Ольга жила до замужества и послѣ. Отдалъ ей письма изъ Р**, и просидѣлъ у нея весь вечеръ. Новаго я ей не могъ сообщить почти ничего, кромѣ личныхъ моихъ впечатлѣній. Даже попытка Павла Ивановича на счетъ развода, о которыхъ она до сихъ поръ молчала, оказались извѣстны ей, — должно быть черезъ сестру, хотя Ольга не подала и виду, что она говорила объ этомъ кому-нибудь кромѣ меня... «Странное свойство женскихъ секретовъ»! поду-

малъ я. Всѣ знаютъ ихъ порознь; но всякій долженъ воображать, что никому кромѣ него ничего не открыто!»...

Говоря о Бодягинѣ, который вернулся вскорѣ послѣ моего отъѣзда, тетушка сообщила мнѣ *по секрету*, что онъ получилъ на дняхъ большія деньги за какую-то концессію... «Ѣздилъ по этому дѣлу въ Орелъ», шепнула она, и вслѣдъ затѣмъ прибавила громко: «вѣдь вотъ, везетъ же такимъ разбойникамъ».

— У него есть въ Орловской—родня? спросилъ я кстати.

— Да, есть.

— Есть баронесса Фогель—кузина?

— Фогель?.. Да, кажется... Фогель?.. Постой-ка... Это Толбухиной, Ирины Матвѣевны дочь-то, замужняя?

— Да, отвѣчалъ я, смутно припоминая слышанное отъ Ольги.—Только чуть-ли она не въ разводѣ?

— Въ разводѣ?.. Ну, нѣтъ, едва ли... Я что-то не слышала... Развѣ недавно?

— Есть, стало быть?

— Да, есть; а что?

— Такъ, ничего; я вспомнилъ... Мнѣ говорили о ней въ Москвѣ.

— Есть, повторила Софья Антоновна еще разъ.

Одно изъ главныхъ моихъ подозрѣній рухнуло, поколебавъ естественно всѣ остальныя, и я на другой же день сообщилъ Ольгѣ извѣстіе, что ея Фогель не вымыселъ, прибавивъ, однако, совѣтъ не вѣрить всему безъ разбора, что̀ она о себѣ разсказываетъ, ибо иныя вещи по справкамъ оказываются сомнительны. Такъ, напримѣръ, о разводѣ ея здѣсь до сихъ поръ ничего не знаютъ.

Въ этотъ же день былъ у Бодягина, но не засталъ его дома. Мы свидѣлись дня черезъ два, и онъ затащилъ меня обѣдать къ Борелю.

— А! Черезовъ! Здравствуй, любезный другъ! Давно-ли? Откуда? Какъ поживаешь? разспрашивалъ онъ. — Я слышалъ отъ В**, что ты воротился, да только тебя не видно было все это время... Постой-ка! Постой! Дай на тебя поглядѣть... Фу, чортъ! какъ ты постарѣлъ!.. Что ты не женишься?.. Если имѣешь въ виду, то пора; а впрочемъ, оно, пожалуй, чѣмъ позже, тѣмъ лучше. Вотъ меня, братецъ, нелегкая угораздила, поторопился, да не знаю теперь, какъ и отдѣлаться... Чортъ знаетъ, что̀ это такое!.. Ты слышалъ, конечно, съ твоей кузиной?...

— Какъ же?

— Ахъ, да, я и забылъ. Вы съ нею вѣдь въ перепискѣ, и

ужь, конечно, она нажаловалась. Признайся, чай, расписала такъ, что просто и на глаза не показывайся? Она вѣдь мастерица расписывать, и слогъ у нея такой высокій.

Онъ очевидно не зналъ о моей поѣздкѣ въ Р**, и я тутъ же рѣшилъ не говорить ему объ этомъ безъ надобности... Я отвѣчалъ, что онъ ошибается, что Ольга писала о немъ очень мало и далеко не враждебно.

— Врешь, братъ! Не можетъ быть!... А впрочемъ, съ васъ станется. Вы вѣдь романтики, и у васъ это все житейское прикрыто величественнымъ молчаніемъ или заставлено декораціями. Старая пассія, какъ водится между двоюродными, платонія, родство душъ,—канитель возвышенныхъ мыслей и идеальныхъ чувствъ... Connu!

Все это у него было, не скажу искренно, но естественно. Въ сердцѣ глубоко скрытный, разсчетливый и сухой человѣкъ, онъ самъ, однако, не сознавалъ за собой этихъ качествъ, считалъ себя добрымъ малымъ, способнымъ на всякія увлеченія, любилъ побалагурить съ пріятелями и былъ бы весьма удивленъ, еслибы кто-нибудь усомнился въ его простодушіи.

— А ты никогда не писалъ чувствительныхъ писемъ? спросилъ я.

— Писалъ, братецъ, какъ не писать!.. Я даже стихи сочинялъ. Но на меня это находитъ съ вѣтру, какъ флюсъ или насморкъ, и я не придаю этимъ вещамъ особеннаго значенія.

— Но ты былъ влюбленъ въ Ольгу?

— Въ Ольгу?.. Еще бы! Влюбленъ до зарѣзу; иначе я бы, конечно, не сдѣлалъ такого дурачества. Между нами, mon cher, женитьба жестоко меня подрѣзала. Въ ту пору особенно, финансовый кризисъ и проч., а тутъ еще эта обуза!.. Но я понимаю, тебя это мало интересуетъ; хочешь узнать, какъ у насъ было съ нею... Скверно!.. Ошибся я, братецъ, въ ней. При всей своей опытности, ошибся. Какъ это случилось, я даже и объяснить себѣ не могу. Помнишь, какимъ смотрѣла козыремъ? А потомъ!.. Но это у нихъ часто бываетъ. Крѣпится, покуда въ дѣвкахъ, изо всей мочи, чтобы какъ-нибудь дотянуть, а разъ дотянула—кончено! Выдохлась вся, распустилась, просто хоть брось!.. Я, впрочемъ, ее уважаю; она человѣкъ хорошій, да только существеннаго въ ней нѣтъ. Ты не можешь себѣ представить, что̀ это такое было! Пяти недѣль не прошло, какъ стала расклеиваться и дохнуть. То то, то другое у ней не ладно; страшно бывало дотронуться, не знаешь, съ какой стороны приступиться — ну, и щадишь. А она объясняетъ это холодностью. Эхъ чортъ возьми! Да еслибы я себѣ

волю далъ, такъ что̀ отъ нея осталось бы?.. Тряпки!.. Ты извини, пожалуйста, я запросто.

Дѣйствительно, это было запросто, такъ запросто, что я не рѣшаюсь и повторять его подлинныя слова. Я слушалъ, кусая губы, съ глубокою болью въ душѣ; но странно сказать — я не могъ на него сердиться, какъ не могъ бы сердиться на лошадь, которая сбила меня съ ногъ и протащила въ грязи. Мало того, несмотря на всю боль, я любовался невольно дикою красотою и силою этого необузданнаго животнаго. Человѣческое, если оно и было въ немъ, то не бросалось въ глаза; а то, что̀ бросалось въ глаза, было именно что-то конское. Онъ былъ похожъ на кровнаго жеребца: легкій, красивый складъ тѣла, могучая шея, гордый подъемъ головы, сумрачный, огненный взоръ и густая, волнистая грива.

— Однако, у васъ съ нею не было крупныхъ ссоръ? спросилъ я.

— Скандалу-то? Нѣтъ, этого не было. Мы грызлись самымъ приличнымъ и деликатнымъ образомъ. Она пилила меня тихонько, ласково, съ маленькой, ядовитой улыбочкой на губахъ и съ видомъ безгрѣшной мученицы. Я злился елико возможно вѣжливо и говорилъ ей милыя откровенности. Знаешь, надо имѣть характеръ, чтобы выносить это такъ, какъ я выносилъ, съ моимъ темпераментомъ. Подчасъ у меня вотъ тутъ (онъ указалъ рукою на печень) кипѣло такъ, что честью тебѣ клянусь, будь это не она, я, кажется, задушилъ бы ее своими руками!

— Съ чего же такъ?

— Съ чего?.. Эхъ, братъ! Ты не былъ женатъ и не можешь представить себѣ, что̀ это такое, когда уйдти некуда, когда съ утра до вечера, а иногда съ ночи до свѣта, тебѣ не даютъ покою; душу сосутъ изъ тебя, жилы вытягиваютъ, и все это съ такимъ видомъ, какъ будто бы ты палачъ и мучитель, а она—жертва невинная, безконечно нѣжна и снисходительна! Это, братецъ, такая вещь, что такъ вотъ и кажется все бы бросилъ, удралъ бы къ чорту, въ Африку, тамъ куда-нибудь въ Хартумъ или въ какую-нибудь американскую территорію къ краснокожимъ, чтобы только освободиться.

— Это меня удивляетъ, сказалъ я, дѣйствительно нѣсколько удивленный.—Я всегда считалъ Ольгу кроткою.

— Да, она кротка, слишкомъ даже. Только я вотъ что̀ скажу: не дай тебѣ Богъ испытать на себѣ этого рода кротость. Не знаю, какъ тебѣ объяснить это, потому что ты не былъ женатъ... Ну, ты представь себѣ, что кто нибудь уцѣпится за

тебя и повиснетъ тебѣ на шею самымъ нѣжнѣйшимъ образомъ, но такъ, что ты ни на минуту не можешь отдѣлаться, чтобы вздохнуть свободно, или начнетъ теребить тебя за рукавъ, напоминая о чемъ-нибудь непріятномъ, и это весь день напролетъ, безъ отдыху... Нѣтъ, чортъ ихъ возьми этихъ чувствительныхъ недотыкъ!.. Я предпочелъ бы ужь лучше бабу, которая запросто вцѣпится тебѣ въ волоса, если ты ее выведешь изъ терпѣнья, или швырнетъ тебѣ въ рожу тарелку, и которую ты, въ свою очередь, можешь стегнуть хлыстомъ, если она дуритъ. «Свинство!» ты скажешь? Ну я, пожалуй, не спорю — «свинство». Но если ужь человѣкъ озлился, то лучше сразу сорвать свою злость, чѣмъ угощать тебя черезъ пять минутъ по ложкѣ сладенькою микстуркою, отъ которой мутитъ... Однако, баста! Довольно объ этомъ, а то испортишь себѣ хорошій обѣдъ.

Обѣдъ дѣйствительно былъ хорошъ и объ Ольгѣ больше помину не было... Мы пили много... Бодягинъ былъ веселъ, болѣе даже чѣмъ веселъ. Недавній успѣхъ, о которомъ мнѣ сообщила тетушка Софья Антоновна, замѣтно его опьянялъ, и онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ дѣлахъ съ такимъ увлеченіемъ, что мнѣ, наконецъ, стало гадко. Въ принципѣ, я ненавидѣлъ эту породу хищниковъ и міроѣдовъ, у которыхъ трудъ въ полномъ презрѣніи и всѣ помыслы, всѣ надежды которыхъ устремлены на даровую добычу, а между тѣмъ, признаюсь, успѣхъ его, какъ успѣхъ, возбуждалъ во мнѣ невольную зависть. «Вотъ, думалъ я, человѣкъ не жалъ и не сѣялъ, а съумѣлъ только протискаться между людьми и уже захватилъ себѣ львиную долю... А ты?..». И длинный рядъ неудачныхъ попытокъ приладиться къ жизни, прошелъ въ моей памяти траурною процессіею. Наука, служба, дѣло съ М....вымъ, на которое всѣ мы съ молоду возлагали большія надежды, и которое, какъ марево, сулило намъ впереди что-то недостижимое... Потомъ усиленная работа мысли, порывы, исканія, промахи и ошибки, много ошибокъ! но въ основаніи подо всѣми одна: это заглядка вдаль и неспособность видѣть или понять то, что̀ творится вблизи, подъ носомъ и подъ ногами. Лѣтъ десять носился я, какъ дуракъ на рынкѣ, съ своей идеальною мѣркой и съ задачами общественныхъ цѣлей, не замѣчая, что этотъ товаръ никому не нуженъ и что всѣ отъ него сторонятся, какъ отъ проказы. Мало того, я былъ такъ глупъ, что даже не могъ разобрать, чего собственно этимъ людямъ нужно? и только услышавъ не разъ повторенный хохотъ со всѣхъ сторонъ, въ отвѣтъ на мои разспросы, успѣлъ, наконецъ, измѣрить всю глу-

бину своего заблужденія. Тогда мнѣ стало стыдно за свою простоту и я понизилъ тонъ. Но уже было поздно: я былъ давно записанъ въ число недотыкъ и отъ меня сторонились, меня обходили, чуя во мнѣ инстинктивно что-то чужое, враждебное. Партія моя была невозвратно проиграна; оставалось только ее окончательно сдать, что̀ я и сдѣлалъ... Нужда подвела итоги. И вотъ въ 35 лѣтъ, бросивъ великодушные замыслы и высокія цѣли, я служу на одномъ изъ приморскихъ рынковъ, агентомъ торговой компаніи, съ мизернымъ жалованьемъ, а этотъ ёрникъ сцапалъ шутя, за свою концессію, полмилліона, женился шутя на Ольгѣ, и сытъ уже ею до отвращенія и ругается тутъ надъ нею, и тріумфируетъ надо мной, угощая меня шампанскимъ. И что всего обиднѣе, онъ, съ своей точки зрѣнія, совершенно правъ. Потому: — что̀ я такое въ его глазахъ!.. Труженикъ, вьючный оселъ, на спинѣ котораго люди ему подобные ѣздятъ безъ всякихъ хлопотъ; глупецъ, десять лѣтъ гонявшійся за химерами и неуспѣвшій извлечь ничего изъ жизни!..

Я ушелъ отъ Бореля озлобленный, а онъ, насвистывая изъ *Belle Hélène*, уѣхалъ къ Стекольщикову играть въ ланкснехтъ.

Дня черезъ два дѣла мои въ Петербургѣ были окончены и я простился съ родиною еще разъ, надолго, какъ я полагалъ.

VII.

Прошло полтора мѣсяца. Я былъ давно ужь на мѣстѣ въ М**, но за все время имѣлъ только одно письмо отъ Ольги. Оно было грустное и наполнено изъ конца въ конецъ воспоминаніями о прошломъ. Съ тѣхъ поръ цѣлый мѣсяцъ ни отъ кого ни строчки. Напрасно ходилъ я на почту почти каждый день. Все тотъ же отвѣтъ: *Rien pour vous, monsieur! Absolument rien!*... Наконецъ, это было уже 4-е декабря; знакомый французъ въ окошкѣ, увидѣвъ меня еще издали, протянулъ мнѣ не въ очередь, черезъ другихъ, довольно толстый конвертъ. Онъ былъ за черной печатью. Это меня встревожило и я думалъ сперва, что тетушка. Но адресъ написанъ былъ ея хорошо знакомой рукою. О комъ же это?.. Чей часъ пробилъ?.. Неужли?.. Сердце заныло отъ мучительнаго предчувствія и я съ минуту держалъ распечатанное письмо, не смѣя въ него заглянуть. Руки мои дрожали, когда я его развертывалъ... Увы! имя Ольги стояло на первыхъ строкахъ!

«Мой милый другъ Сережа!» писала тетушка Софья Анто-

новна:—«я должна сообщить тебѣ горестное извѣстіе. Безцѣнная наша Ольга скончалась на передпрошедшей недѣлѣ, въ среду, мгновенно и неожиданно для всѣхъ окружающихъ. Знаю, какъ сильно тебя огорчитъ это несчастіе, и молю Бога, другъ мой, чтобъ онъ тебя подкрѣпилъ и утѣшилъ. Я только что воротилась изъ Р**, гдѣ оставила сестру Анну полуживую и совсѣмъ обезумѣвшую отъ горя. Хотѣла ее увезти съ собою, но невозможно: она такъ слаба, что не выдержала бы дороги. Ты не можешь себѣ представить, что̀ это такое было. Весь городъ у нихъ тамъ въ ужасѣ, потому что Оля была совсѣмъ здорова и ее видѣли на ногахъ всего за какой-нибудь часъ до смерти. Но объ этомъ послѣ, мнѣ надо собраться съ мыслями, чтобы разсказать тебѣ все по порядку, милый мой; — я такъ была перепугана, что сама едва осталась въ живыхъ и до сихъ поръ не могу опомниться, а потому просто, что пишу тебѣ такъ нескладно и такъ неразборчиво; съ трудомъ вижу бумагу отъ слёзъ. Какъ это случилось, мы ничего не знали сначала, и я до сихъ поръ не всѣмъ открыла то, что̀ узнала въ Р**... Страшно, Сережа! Страшно подумать, какіе есть злые люди на свѣтѣ! И кому нужна была смерть нашей бѣдной Оли? Кому она сдѣлала зло въ своей жизни, — она, этотъ ангелъ небесный?..».

Тутъ нѣсколько словъ расплылись, но я и безъ этого не могъ читать. Невыразимый ужасъ меня охватилъ, ужасъ и вмѣстѣ жалость.—Это было на улицѣ, на террасѣ большаго кафѐ, и вокругъ было шумно, сидѣло много народу. Я убѣжалъ къ себѣ и тамъ, одинъ, въ полусвѣтѣ вечернихъ сумерекъ, раскрылъ еще разъ письмо Софьи Антоновны. Оно было длинное.

— «Въ пятницу вечеромъ, продолжала тетушка: — Степанъ Егоровичъ (ея зять) получилъ депешу изъ Р**, съ просьбою сообщить мнѣ поосторожнѣе, что Ольга скончалась. Съ перваго слова я поняла, что случилось какое-нибудь большое несчастіе; но я никакъ не воображала, что это съ Олею: я думала, что сестра... Въ депешѣ не было никакихъ подробностей кромѣ того, что Annette въ отчаяніи. Я тотчасъ уѣхала къ ней. Къ тому времени, когда я проѣзжала черезъ Москву, объ *этомъ* было уже въ газетахъ, но я еще ничего не знала. Въ воксалѣ, въ Р**, меня ожидала Микулова съ мужемъ. Они объяснили мнѣ, что *Annette* у нихъ, и увезли къ себѣ. Отъ нихъ я узнала главное; но потомъ еще слышала много чего, и чтобъ не путать, разскажу тебѣ уже все заразъ.

«Въ среду, на передпрошедшей недѣлѣ, въ 8-мъ часу вечера, къ Ольгѣ пришелъ какой-то мальчикъ, какъ послѣ узнали, изъ

постоялаго дома (Сестра Annette, въ ту пору, была у Микуловыхъ). Что̀ тамъ такое онъ ей сказалъ, неизвѣстно, — но Оля ушла съ нимъ и черезъ часъ воротилась одна. Когда воротилась Оля, матери еще дома не было и Оля ей не велѣла сказывать. Въ 10 часовъ воротилась Annette, раздѣлась и легла; а черезъ часъ, всѣ уже спали. Думали, что и Оля спитъ; но Оля, какъ послѣ узнали, и не ложилась. Въ первомъ часу, она разбудила горничную и велѣла поставить себѣ самоваръ, а когда та удивилась, видя ее еще одѣтою, — сказала что у ней гостья, знакомая — одна изъ Москвы, пріѣхала на минуту, и уѣзжаетъ завтра чуть свѣтъ. «Не буди, говоритъ, никого, Параша, поставь самоваръ тихонько, на кухнѣ и принеси ко мнѣ въ комнату». Та дивится. Господи! Да когда же это она вошла? «Сейчасъ вошла», отвѣчаетъ Оля: «я ей сама отворила; сама и выпущу; ты только подай мнѣ сюда все, что̀ нужно, да и ложись...». Та сдѣлала, какъ приказано: подала изъ столовой посуду, чай, сахаръ, и подавая, дѣйствительно видѣла въ комнатѣ, съ Олей, какую-то молодую даму, но лица не могла разглядѣть, потому что она сидѣла спиной къ дверямъ... Слышала изъ сѣней, какъ Оля съ гостьей смѣялись и разговаривали. Потомъ подала самоваръ и ушла. — Сама, говоритъ, не знала что̀ дѣлать: лечь ли спать, какъ барыня приказала, или повременить чтобъ выпустить гостью и потомъ пособить Ольгѣ Өедоровнѣ? Но Ольга выбѣжала ей вслѣдъ и приказала еще разъ не дожидаться. «Не нужно, — говоритъ, я сама все сдѣлаю». Тогда Параша ушла къ себѣ въ дѣвичью, раздѣлась и легла; но не могла уснуть. «Напалъ, говоритъ, на меня съ чего-то страхъ; лежу и думаю: что̀ за гостья такая, что по ночамъ шляется? И зачѣмъ барыня принимаютъ тайкомъ отъ маменьки? Ужь не хотятъ ли уѣхать съ ней вмѣстѣ? И что̀ это будетъ, какъ хватятся поутру, а барыни-то ужь нѣтъ, и съ нея спросятъ: чего смотрѣла?... Лежу, говоритъ, слышу: кто-то прошелъ черезъ сѣни въ столовую, и воротился назадъ. Должно быть, барынѣ что-нибудь понадобилось для гостьи. Послѣ того, прошло этакъ недолго, слышу дверь скрипнула и кто-то опять прошелъ черезъ сѣни, въ прихожую, такъ скоро, скоро... Ну, думаю, вѣрно ушла; и опять страшно стало; лежу, прислушиваюсь, сама вся дрожу. Наконецъ не вытерпѣла; какъ есть, въ сорочкѣ, босая, встала тихонько и вышла. Вижу, въ сѣняхъ темно. Подкралась на цыпочкахъ къ комнатѣ Ольги Өедоровны, послушала—тихо; глянула въ замочкую скважину — ни зги не видать. А сердце-то словно чуяло, такъ и стучитъ! Не могла, говоритъ, я дольше стерпѣть. «Барыня! говорю, —А! барыня!.. Спите?» а сама

хвать за ручку, чтобы войти; но дверь была заперта на замокъ, чего никогда до сихъ поръ не случалось ночью... Стала стучать: ни гу-гу! Испугалась, говоритъ, ужь я тогда не на шутку, побѣжала и разбудила Аришу.—Вмѣстѣ, онѣ зажгли свѣчу, выбѣжали въ прихожую, смотрятъ наружная дверь не замкнута, а только притворена и свѣчка изъ комнаты Оли стоитъ на столѣ потушенная. Обѣ рѣшили что барыня ихъ ушла; но куда? Третій часъ ночи въ исходѣ. Куда могла уйти Ольга въ такую пору? Ни одной и на умъ не пришло, что машина отходитъ отъ нихъ въ Москву какъ разъ въ три часа. Побѣжали будить другихъ; послали старуху Марѳу къ сестрѣ; сестра перепугалась до смерти, но не хотѣла вѣрить. Прибѣжала сама къ затворенной двери, стучитъ, зоветъ: «Оля! мой ангелъ! Оля! ты спишь?..» Никакого отвѣта... А между тѣмъ, въ сѣняхъ, собрался весь домъ, кликнули дворника; Annette сдѣлалось дурно и ее вынесли... Ахъ, другъ мой! Лучше бы она умерла тутъ на мѣстѣ, чѣмъ пережить весь этотъ ужасъ!.. Пока ходили за слесаремъ и въ полицію, прошло много времени. Въ 6 часовъ наконецъ отворили дверь и нашли Олю мертвую, на полу, между столомъ и диваномъ... Матери, къ счастью, при этомъ не было; ей послѣ сказали. Въ комнатѣ столъ былъ накрытъ и на столѣ нашли самоваръ, сливки, чай, сахаръ, и чашки съ чаемъ. Изъ чашекъ одна недопита, другая совсѣмъ не тронута... На первыхъ порахъ понять не могли что̀ случилось, и думали что ударъ, но теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Оля была отравлена. Въ трупѣ ея, и въ недопитой чашкѣ, найденъ былъ ядъ; Алексѣй Демьяновичъ, ихъ докторъ, сказывалъ даже мнѣ, какой, но я не помню; знаю только, что это ужасный ядъ, отъ котораго умираютъ въ минуту и что онъ былъ подсыпанъ Олѣ въ чашку, какъ полагаютъ, въ ту пору, когда она уходила изъ комнаты за лимономъ, который тоже нашли на столѣ, но который Параша клянется, что не подавала. Ключъ отъ дверей нашли въ комнатѣ на полу, и это сбило всѣхъ съ толку; но потомъ догадались, что онъ былъ подсунутъ снаружи въ щель между дверью и поломъ, и должно быть сперва лежалъ близко, но потомъ отодвинутъ вошедшими. Въ Р** всѣ увѣрены, что Олю отравила эта пріѣзжая и полиція ее ищетъ вездѣ, но до сихъ поръ не нашли. Узнали только, что она останавливалась въ томъ домѣ, откуда мальчикъ былъ посланъ къ Ольгѣ, и есть догадки, что это уже не въ первый разъ, хотя хозяйка не признается; но далѣе никакихъ слѣдовъ, а главное имени до сихъ поръ не могутъ узнать, потому что Оля съ ней видѣлась тайкомъ, а въ постояломъ домѣ не спрашивали... Судя по всему,

это было вотъ какъ: Та пріѣхала въ постоялый домъ съ машины, въ среду въ 7 часовъ вечера, безъ поклажи, съ однимъ небольшимъ, ручнымъ мѣшечкомъ, тотчасъ послала за Олей мальчика и видѣлась съ нею тайкомъ отъ матери, въ постояломъ домѣ, и вѣроятно тогда же уговорилась навѣстить Олю ночью, когда всѣ въ домѣ уснутъ; и Оля ее ждала не раздѣваясь, и онѣ пили чай; и убійца ушла отъ Оли, какъ полагаютъ, въ 2 часа ночи, пѣшкомъ, съ своимъ ручнымъ мѣшечкомъ, прямо на машину, и конечно уѣхала въ 3 часа, когда почтовый поѣздъ отходитъ въ Москву.

«Вотъ и все на счетъ этой ужасной женщины. Остальное извѣстно Господу Богу, который одинъ былъ свидѣтелемъ ея злодѣянія, одинъ знаетъ истинныя причины его и одинъ можетъ открыть ихъ, такъ же, какъ и участниковъ, если, какъ надо думать, участники были. Боюсь даже и намекнуть, мой другъ, кого касаются мои подозрѣнія, и лучше желаю думать, что я ошибаюсь кругомъ, и что это лицо совершенно невинно; а между тѣмъ, какъ-то невольно думается, потому что кому нужна была ея смерть, помимо его?..

«Павла Ивановича здѣсь, въ Петербургѣ, два раза призывали къ допросу; но я не знаю, чѣмъ это кончилось; знаю только, что онъ не арестованъ. За то другіе, въ Р**, арестованы. Бѣдняжку Парашу, еле живую отъ ужаса и въ слезахъ, взяли тогда же, и она до сихъ поръ сидитъ. Взяли еще и другихъ, но многихъ ужь выпустили, и о Парашѣ Микуловы пишутъ, что противъ нея нѣтъ никакихъ серьёзныхъ уликъ кромѣ того, что весь разсказъ о пріѣзжей, т.-е. на счетъ того, что она была у Оли ночью, основанъ единственно на ея словахъ, и она одна была на ногахъ при этомъ и ставила самоваръ. Но какія причины могла имѣть Параша, — она, которая такъ любила свою госпожу?... и зачѣмъ бы она подняла весь домъ, и сама противъ себя стала показывать, тогда какъ ей было легко все скрыть, что̀ она, конечно, и сдѣлала бы, еслибъ была виновата... И опять, она не могла сочинить всего, потому что пріѣзжую видѣли въ постояломъ домѣ, и узнали что она посылала оттуда мальчика къ Олѣ, и что Оля была у нея тайкомъ отъ домашнихъ...

«Господи Боже мой! Кто бы это могъ быть? Думаю иногда по цѣлымъ часамъ, и все мнѣ мерещится этотъ ужасъ, какъ онѣ пили чай, смѣялись и говорили между собой какъ друзья, и что̀ потомъ было... Какъ смерть пришла, какъ свѣчи были потушены, комната заперта на ключъ, и какъ убійца бѣжала... Я была совершенно больна отъ этихъ ужасовъ, и, воротясь сю-

да, пролежала шесть дней въ постелѣ. Нужно ли тебѣ говорить послѣ этого, что̀ дѣлается съ сестрой?...».

За этимъ слѣдовала еще страница, которую я ужь не въ силахъ былъ разобрать, несмотря на зажженыя свѣчи. Буквы пестрѣли и разбѣгались; въ глазахъ мелькали радужные круги. Что-то тяжелое и ужасное давило мнѣ грудь. Я силился овладѣть собой, стараясь увѣрить себя, что это не можетъ быть, что это сонъ; и судя по тому, какъ мысли путались у меня въ головѣ, оно было похоже, только не на здоровый сонъ, а на какой-то тифозный бредъ, въ которомъ фантазія мчится какъ перепуганный конь, безъ цѣли и безъ узды.

Долго ли это длилось, не помню; помню только, что мнѣ вдругъ стало невыносимо душно, и я, подбѣжавъ къ окну, отворилъ его настежъ... На дворѣ было уже темно. Въ гавани, между чернѣющимъ лѣсомъ мачтъ, мелькали уединенные огоньки. Внизу, на набережной, поулеглось и въ промежуткахъ покоя, когда смолкали пѣсни матросовъ въ шинкѣ, и умиралъ шумъ шаговъ, ночной вѣтерокъ доносилъ до меня далекій гулъ моря, свѣтлою полосою синѣющаго вдали.

Все это, мало-по-малу, меня отрезвило, и я началъ соображать прочитанное... Первая мысль, въ которой я далъ себѣ нѣкоторый отчетъ, была увѣренность, что *я*, и одинъ только *я*, знаю убійцу Ольги. Мало того, я былъ почти увѣренъ, что знаю ея соумышленника. Бодягинъ не даромъ ѣздилъ въ Орелъ. Онъ видѣлъ тамъ эту Фогель, и дѣло это, конечно, условлено было между ними. Не даромъ онъ такъ настаивалъ на разводѣ.

Я плакалъ отъ жалости и отъ злости; я метался по комнатѣ внѣ себя, убитый, растерянный, и вдругъ замѣтилъ, что въ промежуткахъ этихъ безцѣльныхъ порывовъ я что-то дѣлаю. Оказалось, что я машинально вытащилъ чемоданъ и сую въ него вещи. Тогда только я припомнилъ, что еще за письмомъ я рѣшилъ непремѣнно ѣхать, и что эта рѣшимость водила меня безотчетно туда и сюда. Нѣсколько ящиковъ было открыто, коекакое бѣлье и платье, поспѣшно вынутыя, валялись по стульямъ и на полу... Взглядъ на часы, однако, заставилъ меня одуматься. Спѣшить было некуда, потому что я опоздалъ на курьерскій поѣздъ; да сверхъ того я именно въ эту минуту прикованъ былъ безотлучно къ мѣсту. Единственный человѣкъ, которому я бы могъ, съ грѣхомъ пополамъ, передать дѣла, былъ въ это время далеко, и могъ воротиться не раньше какъ черезъ три дня. Но ждать... Ждать тутъ сложа руки, когда тамъ ищутъ, теряя напрасно время!.. Что̀ дѣлать?.. Въ письмѣ день смерти былъ обозначенъ неясно... «*въ среду, на передпрошед-*

шей недѣлѣ...». Я сталъ считать и насчиталъ болѣе трехъ недѣль. Какую важность это могло имѣть, я не зналъ, но чувство горячаго, безотчетнаго спѣха жгло меня вмѣстѣ съ невыразимой ненавистью и злобою... «Скорѣй!.. Скорѣй!» шепталъ мнѣ внутренній голосъ... «Сію минуту телеграфировать! А завтра, чуть свѣтъ, съ первымъ поѣздомъ, я отправлю письма».

Депеша готова была въ пять минутъ, и я бѣгомъ кинулся съ нею на станцію. Она была на имя Z**, которому переданъ былъ въ ту пору нашъ безконечный процессъ.

«По дѣлу Ольги Бодягиной, отравленной въ P**», телеграфировалъ я.—«Лицо, которое ищутъ, пріѣзжало уже однажды въ P**, въ началѣ этого сентября и видѣлось съ Ольгою тайно. Имя ея баронесса Марья Евстафьевна Фогель, кузина мужа,—Орловская. Я знаю это изъ первыхъ рукъ. Сообщите немедленно кому слѣдуетъ. Подробности будутъ въ письмѣ. Отвѣтъ уплаченъ».

Воротясь домой, я немедленно сѣлъ писать и просидѣлъ всю ночь. Рано поутру, два письма: одно къ тетушкѣ Софьѣ Антоновнѣ, другое на имя Z,—были готовы и снесены на почту. Въ первомъ я умолчалъ о своихъ подозрѣніяхъ, частію не желая тревожить тетушку безъ нужды, но признаюсь, больше изъ страху, чтобы она не проболталась. Зато во второмъ я высказалъ Z** безъ утайки все, что̀ мнѣ было извѣстно. «Судите сами», писалъ я, «и сдѣлайте за меня все, что̀ нужно. Издержки уплачены будутъ немедленно вслѣдъ за извѣстіемъ объ итогѣ...». Въ концѣ я просилъ его сообщить мнѣ подробно о ходѣ дѣла.

Два дня прошло въ лихорадочномъ ожиданіи. На третій, я получилъ короткій отвѣтъ отъ Z**: «*Передалъ вашу депешу буквально въ P**, но не могу предсказать результата. Дѣло не выясняется. Все нужное будетъ сдѣлано. Z***».

Черезъ недѣлю, пришла другая депеша: «*Письмо ваше получено; но указанія плохо оправдываются. Дознано, что Б. М. Е. Ф., въ критическую минуту, была въ своемъ имѣніи и ни въ ту пору, ни въ сентябрѣ, не трогалась съ мѣста. Имя конечно украдено. Противъ мужа нѣтъ никакихъ уликъ и вообще ничего не открыто. Z***».

Депеша эта охолодила мой спѣхъ и я рѣшилъ, что мнѣ незачѣмъ ѣхать... Прошла еще недѣля. Въ концѣ ея, я получилъ наконецъ и письма, но ни одно изъ нихъ не разъяснило мнѣ мучительнаго вопроса. Тетушка фантазировала и горько жаловалась на новый порядокъ вещей по слѣдственной части. «Случись это прежде», писала она: — «какой-нибудь Шерстобитовъ

давно бы все розыскалъ. А нынче?.. Кто хочетъ можетъ спокойно тебя отравить или зарѣзать, и проч...». Судя по тону однако, время подѣйствовало. Ея письмо было спокойнѣе и содержало въ концѣ страницу о постороннихъ вещахъ.—Бѣдная Оля! подумалъ я. Какъ скоро тѣнь твоя исчезаетъ со сцены и какъ далеки мы всѣ отъ безутѣшнаго горя, лживую дань котораго мы такъ охотно кладемъ на могилу друзей!.. Вотъ, тетушка пишетъ, что ея Вася выпущенъ въ гвардію. Бьюсь объ закладъ, что новые эполеты Васи волнуютъ ее теперь гораздо болѣе, чѣмъ эта тайна, о которой она двѣ недѣли назадъ писала, что спать не даетъ... Спитъ теперь, я полагаю, такъ же спокойно, какъ и бывало.

Письмо Z** тоже не содержало важныхъ открытій, но тѣмъ не менѣе оно дало пищу мысли, пополнивъ мучительный недостатокъ фактовъ въ моей головѣ.

«Большая ошибка», — писалъ онъ, — «сдѣлана была въ самомъ начала розыска. 5—6 часовъ возились съ пустыми предположеніями объ аневризмѣ, самоубійствѣ, виновности горничной и т. д., изъ которыхъ послѣднее еслибъ и оправдалось, не требовало бы спѣха, такъ-какъ дѣвчонка эта была въ рукахъ; а то, что̀ требовало немедленнаго распоряженія, пошло въ конецъ очереди, точно такъ, какъ будто они рѣшали алгебраическую задачу, въ которой искомое не можетъ дать тягу. Въ полдень только хватились телеграфировать по желѣзной дорогѣ, въ Москву, и разумѣется опоздали, такъ-какъ почтовый поѣздъ былъ тамъ въ 10 часовъ. Говорятъ: все равно, потому что лицо было вполнѣ неизвѣстно!... Да еслибъ лицо было извѣстно, тогда и розыскивать собственно нечего, оставалось бы только преслѣдовать и ловить. Но я позволяю себѣ спросить, что̀ это значитъ — «*лицо вполнѣ неизвѣстно*?» Напротивъ, многое было о немъ извѣстно. Вопервыхъ, извѣстенъ былъ часъ отъѣзда, а стало быть мѣсто и время прибытія. Убійца была непремѣнно, въ 10 часовъ, въ Москвѣ, на дебаркадерѣ, въ числѣ пассажировъ почтоваго поѣзда. Это одно уже не бездѣлица. Но, говорятъ,— какъ узнать? Не задержать же пріѣзжихъ гуртомъ, въ воксалѣ?. Опять пустяки. Извѣстно было, вопервыхъ, что это женщина; вотъ уже половина прочь. Потомъ, что это женщина не простая, а какъ говорится *дама*, да еще *молодая* дама, и весьма вѣроятно, почти навѣрно — *одна*. Но и это еще не все. Знали или должны были знать, что дама эта была *безъ багажа*, съ однимъ ручнымъ мѣшечкомъ (что̀ на большомъ разстояніи по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, — рѣдкость)... Я спрашиваю, что̀ остается? И не несчастный ли этой случай, если изъ пяти-

сотъ, положимъ даже изъ тысячи человѣкъ пассажировъ, нашлось бы больше пяти отвѣчающихъ всѣмъ этимъ примѣтамъ? Оставьте же лишнія церемоніи, и задержите этихъ пять лицъ хоть на минуту, зная почти несомнѣнно, что между ними одно искомое. Спрашивается: есть ли какая-нибудь возможность, чтобъ эта искомая ускользнула, чтобы она не выдала себя чѣмъ-нибудь тутъ же на мѣстѣ, не оробѣла, не сбилась въ отвѣтахъ?... И это только простая логика, доступная всякому; а у привычнаго сыщика есть свои, незнакомые намъ пріемы и своего рода нюхъ, который съ такими богатыми данными, привелъ бы его прямо къ цѣли. Но время упущено, слѣдъ простылъ и розыскъ, съ первыхъ шаговъ, сѣлъ па мель. Ничего важнаго у нихъ нѣтъ теперь на чеку. Держутъ до сихъ поръ въ острогѣ, эту несчастную горничную, на счетъ которой теперь никто ужь не сомнѣвается, и недавно опять посадили (чуть ли не въ третій разъ) старуху, хозяйку того постоялаго дома, гдѣ останавливалась убійца. Старуха давно созналась, что то же лицо было у ней уже разъ, въ сентябрѣ; но отъ нея требуютъ имени, низводя такимъ образомъ уголовный вопросъ до полицейской придирки, основанной сверхъ того на чисто бумажномъ порядкѣ, который у насъ нигдѣ кромѣ столицъ не дѣйствуетъ. Извѣстно, какъ это дѣлается. Кто не бывалъ проѣздомъ въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ? И кто не знаетъ, что тамъ не только на постояломъ дворѣ, а даже въ людной гостинницѣ раньше трехъ дней не спросятъ ни вида, ни имени?... Да и къ чему? Что̀, напримѣръ, выигралось бы, еслибы старуха показала, что дама, у ней квартировавшая, называла себя баронессою Фогель?.. Кстати объ этой Фогель; — вы уже знаете главное изъ депеши, и мнѣ остается прибавить очень немного. Ее, то-есть дѣйствительную, само собой разумѣется, не тревожили. По первымъ справкамъ ясно было, что это фальшивый слѣдъ. Вопервыхъ, она была несомнѣнно дома и въ сентябрѣ и послѣ; а вовторыхъ, есть множество обстоятельствъ, по которымъ она не могла быть не только главнымъ лицомъ, а даже и косвенною участницею. Назову только одно изъ нихъ, потому что оно одно можетъ имѣть для васъ интересъ. Дознано, что она не видала Бодягина, во время его поѣздки въ Орелъ... Затѣмъ о Бодягинѣ. Его, разумѣется, не оставили безъ вниманія; но кромѣ писемъ жены, въ которыхъ дѣйствительно рѣчь была о разводѣ и еще объ одномъ предметѣ (сейчасъ скажу, о какомъ) не найдено ничего, что̀ могло бы даже и косвенно подтвердить существовавшее противъ него, довольно слабое подозрѣніе. Мало того, одно письмо (если не ошибаюсь послѣднее, полученное

отъ жены) едва не сбило всѣхъ съ толку, направивъ догадки совсѣмъ на другую дорогу. Въ письмѣ этомъ говорится довольно ясно, что положеніе пишущей нестерпимо, что жизнь ей въ тягость, и что только одна религія удерживала ее до сей поры отъ самоубійства, но что и эта точка опоры, въ послѣднее время, у ней пошатнулась... Судите сами, какая находка для слѣдователя, чувствующаго, что дѣло скользитъ изъ рукъ!... Не будь тутъ двухъ, трехъ неловкихъ фактовъ, скрѣпляющихъ показанія горничной, это письмо имъ развязало бы руки, да можетъ быть еще и развяжетъ... Но возвращаюсь къ Бодягину. Я лично вполнѣ раздѣляю нѣкоторыя изъ вашихъ догадокъ на его счетъ. Мнѣ кажется крайне невѣроятно, чтобъ онъ, вообще говоря, былъ совершенно чистъ, потому что помимо его или какихъ-нибудь отношеній къ нему трудно даже представить себѣ, чтобы кто-нибудь могъ имѣть какую-нибудь причину отправить его жену на тотъ свѣтъ. Къ тому же они были въ ссорѣ и рѣчь у нихъ шла о разводѣ, и онъ на этомъ настаивалъ, а она была несогласна. Всѣ нравственные мотивы тутъ на лицо. Но, господа!—нравственные мотивы вещь очень скользкая и единственный вѣсъ, который мы въ правѣ придать имъ, есть вѣсъ отрицательный. Если ихъ нѣтъ, то это естественно заставляетъ насъ усомниться въ виновности. Но въ обратную сторону нельзя заключать, ибо мы знаемъ изъ опыта, что подобнаго рода мотивы сами въ себѣ недостаточны. Мало ли есть мужей въ ссорѣ съ своими жонами и добивающихся развода или по меньшей мѣрѣ сильно его желающихъ! Что жь? Развѣ всѣ они прибѣгаютъ къ убійству?... Помилуйте! Да этакъ жизнь въ обществѣ, въ гражданскомъ быту, была бы немыслима и оставалось бы бросить людей, бѣжать отъ нихъ какъ отъ тигровъ или отъ ядовитыхъ змѣй!... Но допустимъ, что въ иныхъ, рѣдкихъ случаяхъ, подобнаго рода мотивы могутъ вести и приводятъ дѣйствительно къ преступленію. Что-жь изъ того? Для каждаго даннаго случая необходимо все-таки доказать фактически, что подобнаго рода связь мотива съ дѣломъ существовала дѣйсвительно. Факты необходимы не только чтобъ обвинить, а даже чтобъ юридически заподозрить лицо; а фактовъ у насъ, къ несчастію, нѣтъ никакихъ. Концы, если они и были съ его стороны, припрятаны такъ искусно, что даже тѣни отъ нихъ не видать. Конечно, за нимъ слѣдили и до сихъ поръ слѣдятъ; но вотъ уже мѣсяцъ прошелъ безъ всякаго результата; а мѣсяцъ, батюшка, въ этого рода вещахъ это почти все равно, что вѣчность. Если въ мѣсяцъ они ничего не пронюхали (а я имѣю вѣрныя свѣдѣнія, что не про-

нюхали ничего), то дѣло это, судя по всѣмъ вѣроятностямъ, безнадежно и нужно чудо, чтобы теперь еще открыть что-нибудь. Они это сами знаютъ, и если не ошибаюсь, махнули уже рукой. Слѣдятъ еще такъ *pro forma*, покуда въ публикѣ не затихло; а какъ затихнетъ, составятъ опредѣленіе и баста.

«Перехожу къ вашей дорожной встрѣчѣ, и прежде всего скажу, что я справлялся на Дмитровкѣ, не оффиціально, но все же весьма аккуратно и черезъ вѣрныхъ людей. Въ книгѣ нашли дѣйствительно ваше имя; но тутъ же, подъ вашимъ, какой-то другой рукою, написано, — угадайте-ка, что?... *Софья Черезова!!!*... Просто и остроумно! Я хохоталъ, когда получилъ отвѣтъ изъ Москвы... *Si non e vero e ben trovato*, неправда-ли? Вотъ подите, какъ осторожну слѣдуетъ быть съ молодыми попутчицами, которыя прячутся, въ семейныхъ *coupés*, опускаютъ вуаль и, что̀ всего хуже, курятъ сигары!... Мнимая Фогельша тоже курила сигары и тоже пряталась, и вдобавокъ имѣла кольцо съ рубиномъ... Все это, я согласенъ, довольно странно и совершенно естественно должно было породить догадки. Но, господа! Что̀ такое догадки, которыя насъ не ведутъ ни къ чему? Я не намѣренъ спорить о силѣ ихъ. Положимъ, что онѣ еще вдесятеро сильнѣе; положимъ, что была та самая. Что̀-жь изъ того? Она исчезла и вы не знаете даже имени. Вы видѣли только мелькомъ, въ потемкахъ, вензель на носовомъ платкѣ. Ю. Ш... А можетъ быть и не Ю. Ш?. Можетъ быть, вамъ показалась такъ?... Ошибки этого рода нерѣдки. Да, наконецъ, вы и сами не вѣрите или не вѣрили этому вензелю; доказательство имя, которые вы мнѣ сообщили. Конечно, оно было фальшивое; но вы не считали его фальшивымъ, и совершенно логично, потому что нельзя заключить ничего рѣшительнаго по вензелю на платкѣ. Платокъ можетъ быть чужой, вензель случайный. Пойду еще далѣе. Предположу, что вы въ настоящій моментъ, въ Россіи, встрѣтили эту личность гдѣ-нибудь и убѣдились, что это та самая. Какъ вы докажете, что это та, то-есть, что это ваша попутчица, и затѣмъ еще разъ, что она и искомая личность тождественны?... Вы могли ошибиться. Вы не видѣли ее въ Р**, вы знаете только отъ вашей кузины двѣ-три примѣты, — очень поверхностныя...

«Эти и нѣкоторыя другія соображенія заставили меня ограничиться подстрочною передачею вашей депеши и умолчать совершенно о томъ, что̀ вы сообщили въ письмѣ».

Письмо это я перечитывалъ нѣсколько разъ, и на первыхъ порахъ оно произвело на меня благодѣтельное вліяніе. Оно дало пищу моей раздраженной мысли и положительную опору

моимъ догадкамъ; но, тѣмъ не менѣе, оно было скудно. Оно оставляло главный вопросъ нетолько неразрѣшеннымъ, а даже и незатронутымъ. Кто сдѣлалъ дѣло? И для чего? Кому нужна была смерть этой несчастной женщины?... Недѣли три я возился съ этой загадкой и наконецъ не вытерпѣлъ. Кстати, я долженъ былъ выслать деньги Z** и, пользуясь этимъ случаемъ, написалъ ему нѣсколько строкъ, прося отвѣта. Онъ отвѣчалъ, что дѣло совсѣмъ замолкло и что догадки его, также какъ и другихъ, за совершеннымъ отсутствіемъ фактовъ, способныхъ направить ихъ на какой-нибудь иной путь, волей-неволей останавливаются на самоубійствѣ.

— «Другое лицо», писалъ онъ,—«конечно тутъ было, и фактъ, что оно такъ старательно пряталось, конечно весьма подозрителенъ. Но мы не знаемъ, кто это лицо, и нѣтъ ничего невозможнаго, что оно было только пособницею. Оно могло, напримѣръ, привезть съ собой ядъ, по просьбѣ О. Б., которой трудно было его достать въ такомъ городкѣ какъ Р**, гдѣ малѣйшій шагъ съ этою цѣлію возбудилъ бы немедленно толки и подозрѣнія. Противъ этой гипотезы, разумѣется, тяжело говоритъ показаніе горничной, что ея госпожа смѣялась и весело разговаривала наединѣ съ пріѣзжею; но вѣдь пріѣзжая могла и не вѣрить, чтобы ея пріятельница (а можетъ статься и практика, потому что кто знаетъ, какой у нея былъ промыслъ?) серьёзно рѣшилась исполнить свое намѣреніе. Ядъ могъ быть добытъ и врученъ, какъ пистолетъ или ножъ, такъ — только на всякій случай,—и полученъ вашей кузиной шутя, со смѣхомъ, съ не разъ повторенными увѣреніями, что она и не думаетъ употребить его въ дѣло безъ крайней надобности. Можетъ быть, даже она и точно не думала, въ ту пору, когда получала, а тамъ, когда гостья ушла,— одна минута унынія или отчаянія, и дѣло сдѣлано,—сдѣлано можетъ быть даже безъ твердаго умысла и отчета,—а такъ, какъ говорятъ,—лукавый попуталъ..... Все это очень слабо, конечно, и я, пожалуй, даже скажу—неправдоподобно; но въ строгомъ смыслѣ, нельзя сказать, чтобъ это было совсѣмъ уже невозможно. Къ тому же, есть коекакія невѣроятности и въ другую сторону. Правдоподобно-ли, напримѣръ, чтобы О. Б. довѣрилась такъ легко совсѣмъ незнакомой женщинѣ, которая назвала себя именемъ, для О. Б. тоже совсѣмъ незнакомымъ? И какъ довѣрилась? Посѣщала ее тайкомъ отъ матери, въ постояломъ домѣ, открыла ей, какъ вы пишете, свое сердце, свои отношенія къ мужу, свои задушевныя мысли?... Наконецъ, гипотеза самоубійства имѣетъ все-таки на своей сторонѣ два факта: вопервыхъ, ключъ, найденный внутри

(говорятъ, подсунутъ снаружи кѣмъ нибудь изъ вошедшихъ; но не гораздо ли легче предположить, что онъ былъ повернутъ бородкой прямо на выемъ и выпалъ, когда снаружи стали стучать?), а вовторыхъ — письмо, въ которомъ О. Б. собственноручно свидѣтельствуетъ о своемъ намѣреніи... А догадки другаго рода не имѣютъ въ пользу свою совсѣмъ ничего. Еслибы было что нибудь,—любовь, напримѣръ, или ревность, или матримоніальный умыселъ, то трудно себѣ представить, чтобъ этого рода вещи, ни прежде, ни послѣ, не обнаружились совершенно ничѣмъ. У Бодягина были, конечно, любовницы, да и теперь есть; но все это женщины или замужнія, или публично скомпрометированныя, и стало быть такія, которымъ его жена не могла мѣшать. Къ тому же дознано, что ни одна изъ нихъ, въ ноябрѣ, не шевельнулась съ мѣста. Затѣмъ кто была искомая и въ какой связи состояла она съ О. Б.—это тайна, которую разъяснить вѣроятно могла бы намъ только одна покойная.—Вамъ она не открыла ея; но почемъ вы знаете, въ какой степени она была съ вами искренна, и не было ли у ней причины открыть вамъ только часть истины, а на счетъ остальной умолчать, или даже умышленно направить васъ на фальшивый слѣдъ?... Подумайте и рѣшите сами».

Письмо это раздражило меня до крайности. «Проклятый фигляръ!» воскликнулъ я мысленно. «Кондоттіери ораторскихъ распрей! Профессоръ судебной гимнастики!... Ты упражняешься тутъ надо мной въ діалектической гибкости языка!... У тебя нѣтъ уваженія къ истинѣ, нѣтъ убѣжденій, нѣтъ фактовъ, ясныхъ какъ день, которые ты не готовъ бы былъ опрокинуть вверхъ дномъ, перекроить и вывернуть на изнанку, по первому требованію покупщика!... Ты сторожишь какъ факторъ на перекресткѣ, засматривая въ глаза прохожимъ: не найметъ ли тебя кто нибудь на послуги?... Все что̀ угодно,—на все готовъ!.. Прикажете: сію минуту вамъ докажу, что женщина эта отравлена? Или вы не желаете этого? хотите чтобъ я доказалъ, что она сама отравилась?... Сію минуту».....

Я смялъ письмо и съ отвращеніемъ бросилъ его въ огонь. Я былъ убѣжденъ, что все это фиглярство и что Z хотѣлъ только пощеголять передо мной своей изворотливостью. Но не прошло и пяти минутъ, какъ я уже чувствовалъ, что сомнѣніе подкапывается какъ кротъ подъ мою неколебимую истину. «Ну, а что̀, если онъ правъ?» шептало что-то чуть слышно мнѣ на ухо; и вслѣдъ за этимъ все спуталось у меня въ головѣ.

Долго и долго длилось еще это безплодное напряженіе мысли. Я строилъ гипотезы по цѣлымъ недѣлямъ и разрушалъ ихъ въ

двѣ, три минуты. Это была работа Сизифа—мучительная и безъисходная. Порой, когда мнѣ казалось, что я уже близокъ къ вершинѣ, во мнѣ поднималась рѣшимость и я начиналъ обдумывать планы дѣйствія. Раза два или три я чуть не уѣхалъ на родину съ этою цѣлію, но каждый разъ, въ рѣшительную минуту, нелѣпость задуманнаго становилась мнѣ вдругъ ясна какъ день, руки мои опускались въ уныніи и камень Сизифа катился внизъ.... Это шло періодически, какъ симптомы перемежающейся болѣзни, и періоды унынія совпадали у меня всегда съ тяжелымъ разстройствомъ нервъ. Я помню безсонныя ночи и помню странныя сновидѣнія, которыя посѣщали меня въ бреду. Онѣ всѣ были въ связи съ фатальнымъ событіемъ. Вначалѣ, мнѣ часто грезилось, что я напалъ наконецъ на слѣдъ убійцы и отъискиваю ее то въ Москвѣ, въ нумерахъ, то въ Р**, то ночью, въ уединенномъ купе вагона. Раза два, я мчался за ней на курьерскомъ поѣздѣ, гдѣ-то въ Германіи, стараясь изо всѣхъ силъ припомнить адресъ отеля, въ которомъ я зналъ, что я долженъ ее найти.—Разъ, это было ужь лѣтомъ, въ іюльскую, душную ночь,—мнѣ грезилось, будто я крадусь въ потемкахъ, въ пятый этажъ съ агентомъ сыскной полиціи, въ рукахъ у котораго потаенный фонарь.... Мы отворили двери отмычкой, пробрались въ ея квартиру, и захватили ее въ постели сонную.—«Она?» шепчетъ сыщикъ, направивъ свѣтъ фонаря на ея лицо.... Я вглядываюсь:—*Она*!—Но въ эту минуту фонарь потухъ, и двѣ руки обвились вокругъ моей шеи... «Останься!... вѣдь ты меня самъ приглашалъ»,—шепчетъ мнѣ на ухо страстный голосъ, и я вдругъ будто бы понялъ, что все это грезы, что никакого Берлина и сыщика не было, что я въ Москвѣ, на Дмитровкѣ, въ меблированныхъ комнатахъ. Въ объятіяхъ у меня моя попутчица, и она будто бы шепчетъ: «Смотри же, помни нашъ уговоръ. До утра я твоя; но по утру, ты выпьешь то, что стòитъ тутъ на столѣ, и тогда счеты наши окончены».—«Что такое стоитъ на столѣ?»—Она шепчетъ:—«*ядъ*».—«Какой»?—«Тотъ самый, который я Ольгѣ дала... Не бойся,—онъ дѣйствуетъ быстро и ты умрешь безъ мученій... Я видѣла, она умерла при мнѣ. Усмѣшка еще не успѣла сбѣжать у нея съ лица, какъ на немъ уже лежала тѣнь смерти, и въ ту же минуту все было кончено. Такъ же легко окончится и съ тобой, потому что это тотъ самый ядъ»....

Ужасъ сдавилъ мнѣ сердце, и когда я проснулся, оно стучало молотомъ у меня въ груди....

Но чаще всего мнѣ снилась Ольга, и снилась какъ-то всегда одинаково. Сижу будто я одинъ у себя и совершенно спо-

коенъ. Вдругъ отворяются двери, и входитъ женщина въ чорномъ. Лицо подъ вуалемъ. Она блѣдна и серьёзна; но кромѣ этого ничего особеннаго. Она подходитъ, глядитъ на меня печально и словно хочетъ сказать мнѣ что-то; но губы ея не шевелятся, и взглядъ недвижимъ.... Смутная мысль, что дѣло не ладно, потому какъ же это она пришла, когда она.... того....?—И слѣдомъ за этою мыслію, страхъ крадется холодкомъ вдоль по спинѣ...... Видѣніе меркнетъ и я просыпаюсь въ ознобѣ.

Въ исходѣ года, однако, слѣды душевнаго потрясенія стали слабѣть и небольшая поѣздка на сѣверъ, въ Б**, вмѣстѣ съ холоднымъ морскимъ купаньемъ, поправили меня окончательно... Жизнь потекла попрежнему, мелкой своей стороною наружу. Дѣла, пріятели, книги,—все снова вступило въ свои права.

Н. Ахшарумовъ.

АГАСѲЕРЪ ВЪ РИМѢ.

ПОЭМА ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Роберта Гамерлинга.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Пожаръ.

Какъ буря съ вакханаліи Нерона
Толпа вакхантовъ буйныхъ понеслась,
И съ криками, и съ грохотомъ цимбаловъ
На стогны Рима бросилась она.
Въ ея главѣ — Силенъ. Его оселъ
Обвѣшанъ весь гирляндами изъ розъ
И виноградныхъ листьевъ; онъ дорогой
Ихъ алчно обрываетъ и жуетъ,
Межь тѣмъ какъ всадникъ громко призываетъ
Народъ принять участье въ торжествѣ
Въ честь бога — Діонисія-Нерона.
За нимъ идетъ животныхъ вьючныхъ стадо
Съ мѣхами винъ различныхъ: ими онъ
Всѣхъ жаждущихъ радушно угощаетъ.
При этомъ онъ горстями изъ мѣшковъ
Въ толпу бросаетъ золото, и дико
Реветъ она, кидаясь на добычу.
За щедрый даръ Нерона славятъ всѣ
И къ шествію вакхантовъ примыкаютъ.
Толпа течетъ, какъ бурная рѣка,
Все возрастая, разлилась по Риму,
И дрогнули всѣ семь его холмовъ.
По всѣмъ тавернамъ пьянствуетъ народъ
На золото Нерона и бушуетъ

По улицамъ. Но не одинъ народъ —
Всѣ жители участвуютъ въ разгулѣ,
И даже во дворцахъ: одни изъ страха
Подпасть подъ гнѣвъ тирана, а другіе
По собственной охотѣ.
Такъ весь Римъ
Объятъ былъ вакханаліи угаромъ
И обратился въ пьяную гетеру.
Спустилась ночь, а бѣшенство растетъ;
Вакханты съ воемъ бѣгаютъ по стогнамъ,
Размахивая факеловъ огнемъ.
Но вотъ одинъ изъ нихъ — ужь не старикъ ли
Съ ужасными глазами — бросилъ факелъ
На крышу дома; пьяная толпа
Привѣтствуетъ безумное дѣянье
И подражать ему спѣшитъ. И вдругъ
И тутъ, и тамъ на кровляхъ запылало.
Толпа кричитъ и пляшетъ вкругъ домовъ,
Любуясь ихъ ужаснымъ освѣщеньемъ;
Смятеніе и страхъ проникли въ домы
Патриціевъ. Всѣ въ общей суматохѣ
Бросаются на улицу; рабы
Стараются тушить; но корибанты
Мѣшаютъ имъ неистовой игрой.
Вотъ и Силенъ явился на ослѣ
И трубочки мѣховъ своихъ направилъ
На огненныя балки, будто хочетъ
Ихъ потушить; но жаждущая сволочь
Бросается къ мѣхамъ и начинаетъ
Сосать изъ нихъ напитокъ дорогой.
А тамъ вакхантъ въ толпу тушащихъ пламя
Кидаетъ горсти золота — и въ мигъ
Народъ, забывъ тушить горящій домъ,
Изъ-за добычи начинаетъ драку.
Съ конца въ конецъ по Риму льется пламя
Отъ факеловъ вакхантовъ; сотни зданій
Охвачены огнемъ; клубится дымъ
И тучами по городу несется;
Мильоны искръ сверкаютъ въ нихъ, какъ звѣзды
И сыплются пурпуровымъ дождемъ.
Змѣей ползетъ тамъ пламя по фронтону
И, охвативъ карнизы, арабески
И статуи, какъ кровожадный звѣрь,

Ихъ лижетъ языкомъ и низвергаетъ
Обломки ихъ въ пылающую глубь.
Съ громовымъ трескомъ лопаются плиты,
Течетъ со стѣнъ расплавленная мѣдь.
А тамъ пожаръ встревожилъ и разсѣялъ
Веселый сонмъ пирующихъ кутилъ:
Со рдѣющими отъ вина щеками,
Мужчины всѣ въ пурпуровыхъ одеждахъ,
А женщины въ браслетахъ и вѣнкахъ, —
Бѣгутъ изъ залъ, охваченныхъ огнемъ;
О помощи кричатъ, ломаютъ руки.
Тутъ всѣ слились — и господинъ, и рабъ,
И старецъ, и ребенокъ. Тотъ бѣжитъ,
Отъ пламени спасаясь; этотъ въ пламя
Бросается, имущество спасая.
— «И здѣсь горитъ! И здѣсь! И здѣсь!» кричатъ.
Тамъ слышенъ плачъ, тамъ жалобы и стоны,
Тутъ слышатся проклятья, тамъ мольбы,
А тамъ грохочетъ хохотъ злобной шутки;
Но громче и неистовѣй гремятъ
Вакхантовъ буйныхъ крикъ и завыванье.
Тамъ тысячи несутъ свои пожитки:
Одинъ спѣшитъ сокровище спасти,
Другой, отъ страха потерявъ сознанье,
Спѣшитъ спасти ничтожнѣйшую вещь.
Вотъ бѣдная плетется старушонка,
Неся горшокъ горячій съ очага,
Но тотъ богачъ умнѣй распорядился:
Толпа рабовъ несетъ его казну,
А онъ за ними слѣдуетъ въ носилкахъ.
Они идутъ; но въ страшной толкотнѣ
Пробраться имъ нельзя: ихъ окружила
Толпа гулякъ и съ крикомъ начала
Опустошать и грабить достоянье
Богатаго патриція, и самъ онъ
Былъ изъ носилокъ выброшенъ и смятъ.
Смятенье все ростетъ. Текутъ, какъ волны,
По улицамъ народныя толпы,
Растаптывая женъ, дѣтей и старцевъ.
Тѣ гибнутъ подъ развалинами стѣнъ,
Тѣ задохнулись въ черныхъ тучахъ дыма...
Все дальше льется пламенное море,
Столбы огня взлетаютъ къ небесамъ,

Спирально извиваясь; балки крышъ,
До бѣла раскаленныя, сверкаютъ
Сквозь дымъ синебагровый, будто зубы
Громаднаго чудовища. Но вотъ
Горитъ и циркъ, и масляный базаръ;
Всѣ низменности — огненное море,
Отъ нихъ ползетъ огонь и на холмы:
Какъ кратеры дымятся ужь они,
Выбрасывая пепелъ. Вотъ и форумъ,
И величавый Палатинскій за̀мокъ,
И Авентинскій роскошный дворецъ
Стоятъ въ вѣнцѣ огня, сверкая рядомъ
Своихъ колоннъ, и аркъ, и галлерей.
Вотъ вспыхнулъ и священный Капитолій,
Не пощаженъ огнемъ и Эсквилинъ
Съ грядой могилъ подъ сѣнью кипарисовъ,
И Яникула тихіе сады.
Все пожираетъ бѣшеное пламя:
Амфитеатры, мавзолеи, храмы...
Еще стоятъ гигантскіе столбы,
Гранитной грудью отражая пламя;
Но грозная стихія лижетъ ихъ
И расплавляетъ мѣдныя ихъ связи,
И будто кровь по нимъ струится мѣдь,—
Они дрожатъ и съ громомъ упадаютъ.
  Свирѣпствуетъ огонь-опустошитель,
И все живое отъ него бѣжитъ;
Грабители одни неустрашимо
Бросаются въ горящіе дома:
Лишь преступленью одному разгулъ
Въ пылающемъ гнѣздилищѣ порока!
Тутъ каждый другъ себѣ лишь одному:
Нѣтъ болѣе ни братьевъ, ни супруговъ,
Ни матерей! Враги одинъ другаго
Толкаютъ безнаказанно въ огонь.
Тутъ женщина колеблется въ раздумьи,
Спасти-ли ей уборъ свой иль дитя,—
Колеблется недолго — и хватаетъ
Ларецъ свой драгоцѣнный. Тамъ старикъ
Безпомощный и хилый; нѣтъ Энея,
Который бы, спасая, на плечахъ
Унесъ его изъ пламени!.. Смотрите:
Засовъ его пылающихъ дверей

Задвинула рука роднаго сына!..
Прочь, прочь отъ этихъ ужасовъ! сноснѣй
Глазамъ смотрѣть на пламени свирѣпость,
Чѣмъ на людскую злобу. Это пламя
И въ истребленьи поражаетъ взоры
Величіемъ своимъ и красотой!
Народъ бѣжитъ отъ падающихъ зданій
Въ открытыя мѣста; но и сюда
Доносится удушливая гарь,
И черный дымъ заволокаетъ небо.
Согрѣлись волны Тибра и, клубясь,
Несутъ обломки, головни и пепелъ.
Треща, горятъ роскошные сады
И миртовыя рощи; въ водоемахъ,
Въ фонтанахъ и прудахъ кипитъ вода;
Отъ жара скачетъ рыба изъ нея,
А птицы сверху падаютъ на землю.
Львы, тигры, леопарды изъ звѣринцевъ,
Охваченныхъ огнемъ, освободясь,
По стогнамъ съ воемъ мечутся и рыщутъ,
И нагоняютъ ужасъ на толпу;
Но и они предъ пламенемъ робѣютъ
И, замкнутые въ огненномъ кольцѣ,
На раскаленномъ пеплѣ издыхаютъ.
Межъ тѣмъ, сквозь тучи дыма на востокѣ
Сталъ выплывать кровавый солнца шаръ;
Но блескъ его блѣднѣетъ предъ пожаромъ.
Еще мрачнѣй при тускломъ свѣтѣ утра
Громаднаго пожарища картина.
Остатки закоптѣлые колоннъ,
Какъ призраки, стоятъ среди развалинъ
Дымящихся и тлѣющихъ домовъ...
Царитъ повсюду геній истребленья.
Но кто же тотъ пирующій красавецъ,
Который на террасѣ тамъ сидитъ?
Вокругъ него менады, корибанты,
Въ одной рукѣ его сверкаетъ кубокъ,
Другая держитъ лиру: то Неронъ.
У ногъ его лежитъ любимый левъ;
Прелестнѣйшая дѣва изъ вакханокъ
Покоится на ложѣ близь него.
Неронъ глядитъ ей въ очи и клянется,
Что пламенемъ объятый Римъ нигдѣ

Прелестнѣе не можетъ отразиться,
Чѣмъ у нея въ глазахъ. Онъ ободряетъ
Сробѣвшую предъ зрѣлищемъ пожара
И передъ львомъ, и передъ нимъ самимъ.
Онъ ей даетъ точеный изумрудъ,
Въ который онъ на представленьяхъ въ циркѣ
Всегда глядитъ: его зеленый цвѣтъ
Смягчаетъ глазу яркій блескъ пожара.
У ногъ Нерона стелется огонь
И лижетъ, какъ покорная собака,
Подножіе порфировыхъ колоннъ.
Какъ со скалы пловецъ, объятый страхомъ,
На море разъяренное глядитъ,
Которое у ногъ его бушуетъ,
Такъ съ высоты террасы, не безъ страха,
Глядитъ Неронъ на огненное море
И льетъ въ него фалернское вино
Изъ золотаго кубка, будто хочетъ
Имъ потушить пожарище, иль жертву
Стихіи сокрушительной принесть.
Вдругъ пестрый барсъ, отъ пламени спасаясь,
Пришелъ искать пріюта на террасѣ.
Но мощною рукой его Неронъ
Столкнулъ назадъ въ свирѣпую стихію,
Вскричавъ: «Вѣдь барсы возятъ колесницу
Нерона-Діонисія, а ты
Робѣешь предъ огнемъ! такъ привыкай же
Къ стихіи грозной бога твоего!»
Звенятъ златые кубки на террасѣ,
Звучатъ веселья клики, пьяный хохотъ.
Невдалекѣ отъ общества кутилъ
Сидитъ мудрецъ Сенека и, спокойно
Слѣдя за страшнымъ дѣйствіемъ огня,
На восковыя доски торопливо
Заноситъ рядъ событій и картинъ
Для своего новѣйшаго творенья.
Упившійся Силенъ кричитъ: «Смотрите,
Какъ новый богъ преобразилъ весь міръ!
Смотрите, какъ взлетаютъ къ небесамъ,
Крутясь, Нерона огненныя птицы!
Вѣдь это не чета сонливой стаѣ
Юпитера! И можно ли сравнить
Его грозу съ Нероновой грозою?

Что̀ дождь Юпитера? Нерона тучи
Спадаютъ съ неба золотымъ дождемъ,
Какого не видала и Даная!
Вамъ показалъ Неронъ свои перуны,
Теперь его предъ вами ураганъ!»
Такъ шутятъ Саккъ-Силенъ. И чѣмъ сильнѣе
Пылаетъ Римъ, тѣмъ ярче пламенѣетъ
Веселое Нероново лицо.
Онъ хвастовство Силена продолжаетъ:
—«Спроси ужь и Нептуна, можно ль море
Холодное его сравнить съ моимъ
Огнистымъ океаномъ? Башни Рима
Тамъ изъ него какъ скалы выступаютъ;
Дымъ стелется какъ утренній туманъ.
Пускай Нептунъ попробуетъ прислать
Своихъ коней, чтобъ пламя затоптать, —
Они предъ нимъ сробѣютъ и умчатся,
Спаливши гривы бѣлыя свои,
Назадъ въ свою холодную стихію.
Пусть вѣтеръ попытается задуть
Мой океанъ, — онъ самъ въ немъ задохнется!
А это солнце, — что̀ оно теперь?
Оно глядитъ, едва-едва мерцая,
Какъ нищій одноглазый: мой огонь
Затмилъ его сіяніемъ своимъ.
А эта ночь? Куда она сокрылась
Со всей своей дружиною свѣтилъ,
Когда предъ ней мой пламень загорѣлся?
Подайте лиру мнѣ, я пѣть хочу
Гимнъ въ честь огня, который въ дни былые
Мать Рима, Трою славную, спалилъ!»
И, лиру взявъ, онъ по струнамъ ударилъ
И съ жаромъ гимнъ неистовый запѣлъ.
О Троѣ онъ поетъ и о Пріамѣ,
О роковомъ томъ днѣ, когда погибъ
Въ огнѣ священный городъ Посейдона,
Чтобъ вѣчно жить во вдохновенныхъ пѣсняхъ
Виргилія, Гомера и — Нерона.
«Хвала тебѣ, о пламя!» онъ поетъ:
«Прекрасно ты въ сіяньи лучезарномъ!
О, дивное! ты лучше всѣхъ стихій!
Въ тебѣ видна божественности сила:
Земное все къ землѣ и тяготѣетъ,

А духъ и ты — стремитесь оба въ высь!
Хвала тебѣ, о пламя! безъ тебя
Что̀ былъ бы міръ? Ты вѣчно истребляешь
И вѣчно алчешь, какъ моя душа.
Тебя когда-то Прометей принесъ
Лишь искрою ничтожною на землю,
А міръ златыми буквами занесъ
Его за этотъ подвигъ въ книгу жизни;
Но подвигъ мой почетнѣй, чѣмъ его:
Не искру лишь одну предъ вами, люди,
А огненное море пролилъ я!
Моихъ вакхантовъ факелъ сдѣлалъ больше,
Чѣмъ огненные кони Геліоса:
Я исполинскій пламенникъ зажегъ,
Которому свѣтильней цѣлый Римъ:
Свѣтильня эта ярко такъ пылаетъ
Лишь отъ того, что нѣсколько вѣковъ
Питалась жиромъ всѣхъ народовъ міра!...»
  Тутъ струнная игра оборвалась,
И зазвучала пѣснь негодованьемъ:
— «О, Римъ! Когда я вспомню, чѣмъ ты сталъ, —
Поетъ Неронъ съ пылающимъ лицомъ, —
То даже эта чистая стихія,
Которою охваченъ ты теперь,
Мнѣ кажется потокомъ мутнымъ; ты же
Котломъ волшебнымъ фессалійскихъ вѣдьмъ,
Гдѣ съ пѣною, клубясь и клокоча,
Въ пылу кипятъ всѣ мерзости людскія!
Презрѣнный Римъ! тебя, какъ скорпіона,
Кольцомъ огня кругомъ я обложилъ, —
Убей себя теперь своимъ же жаломъ!
  Но что̀ я вижу? эти человѣчки
Ужь приглядѣлись даже и къ огню:
Я вижу тамъ смѣющіяся рожи, —
Сосѣдъ, шутя, съ сосѣдомъ говоритъ.
Да, зрѣлище, ужаснѣйшее въ мірѣ,
Свою теряетъ силу наконецъ
И нагоняетъ скуку. Это пламя
Наскучило и мнѣ; мои глаза
Пресытились ужь этой желтизною;
Подайте мнѣ теперь цвѣты другіе, —
Зеленый или красный, — ну, хоть кровь!»
  Ужель и самый случай рабъ Нерона?

Смотрите: тамъ, изъ города стремясь,
Какъ бы на зовъ его, бѣжитъ ватага
Неистовыхъ вакхантовъ; ихъ ведетъ
Презрѣнный негръ. Они влекутъ съ собою
Смущенную толпу мужей и женъ,
И старцевъ, и дѣвицъ, и малолѣтныхъ.
Они остановились предъ Нерономъ,
И Тигеллинъ сказалъ: «О, государь!
Мы привели преступниковъ толпу, —
Всѣ эти негодяи — христіане.
Они твое величество поносятъ
И дерзко богохульствуютъ. Когда
Тебя всѣ здѣсь провозгласили богомъ —
Нерономъ-Діонисіемъ, и Римъ
Тебя повсюду славилъ, — эти люди
По улицамъ смущали твой народъ,
Крича: хотя низвержены всѣ боги,
Хотя царитъ надъ міромъ новый богъ, —
Но онъ не тотъ, кого зоветъ народъ
Нерономъ-Діонисіемъ: богъ этотъ
Тиранъ и кровопійца. Нѣтъ, другой
Есть богъ великій — Іисусъ Христосъ,
Рожденный въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ
И на крестѣ умершій при Пилатѣ,
Въ Ерусалимѣ, тридцать лѣтъ назадъ.
И этого-то бога ждутъ безумцы
И новое съ нимъ царство предвѣщаютъ,
А надъ тобой глумятся дерзновенно.»
— «Какъ? богъ иной у нихъ? — вскричалъ Неронъ, —
Богъ новый, пригвожденный ко кресту?
Опасный же соперникъ появился
Нерону-Діонисію! Глупцы!
Вы лучшаго придумать не съумѣли!
Взгляните на меня: передо мной
Курится Римъ, какъ жертвенная чаша!
Оставьте сумасбродную мечту,
Пока самихъ, какъ вашего же бога,
Не пригвоздили ко кресту. Склонитесь
Передо мной и съ вѣрными моими
Провозгласите въ честь мнѣ: эвоэ!
Кричите только громче и, быть можетъ,
Я пощажу вамъ жизнь. Я вижу самъ, —
Вы менѣе опасны, чѣмъ безумные,

А я сегодня милостивъ и веселъ.
Кричите же скорѣе: эвоэ!»
Въ толпѣ смущенной плѣнныхъ христіанъ
Стоятъ два дивныхъ сѣдовласыхъ старца
Съ божественнымъ величіемъ въ чертахъ.
Вкругъ нихъ, какъ стадо робкое ягнятъ
Вкругъ пастырей своихъ, стоятъ другіе
И смотрятъ имъ въ лицо съ благоговѣньемъ,
Какъ будто въ немъ желаютъ прочитать
Отвѣтъ словамъ Нерона богохульнымъ.
И вдругъ, по знаку старцевъ, вся толпа
Упала на колѣна и, воздѣвъ
Глаза и руки къ небесамъ, вскричала:
«Мы молимся тебѣ лишь одному,
Тебѣ, сынъ Божій, Іисусъ Христосъ!»
Лицо Нерона гнѣвомъ запылало.
Чу! слышится какъ будто львиный ревъ...
Мысль адская у негра Тигеллина,
Какъ молнія, сверкнула вдругъ въ глазахъ.
На край террасы онъ повелъ Нерона
И въ глубину арены указалъ,
Гдѣ пламя тихо подползало къ клѣткамъ,
Въ которыхъ звѣри дикіе сидятъ.
Вмигъ понятъ былъ намекъ его ужасный.
Къ толпѣ своихъ вакхантовъ обратясь,
Неронъ вскричалъ: «возьмите эту сволочь
Безумныхъ Назарянъ, сведите ихъ
Во глубину арены и спустите
На нихъ звѣрей! Пока еще огонь
Не охватилъ арены, пусть она
Потѣшитъ насъ чудеснымъ представленьемъ
Кормленія звѣрей, пусть до отвалу
Насытятся они своей добычей,
Пока огонь ихъ не пожралъ самихъ.
О, это будетъ дивная картина:
Борьба звѣрей съ людьми, потомъ съ огнемъ
И наконецъ — ихъ труповъ всесожженье!»
Съ восторгомъ былъ приказъ его исполненъ:
Вакханты съ крикомъ взяли христіанъ
И увлекли во глубину арены.
И вотъ звѣринца клѣтки распахнулись
И выступили съ ревомъ ихъ жильцы:
Медвѣди, львы, гіены и слоны,

И буйволы, и барсы, и шакалы;
Межъ нихъ ползутъ удавы, извиваясь...
Сонмъ христіанъ съ молитвой смерти ждетъ:
Одни изъ нихъ упали на колѣна
И простираютъ руки къ небесамъ,
Другіе же съ величіемъ стоятъ,
Товарищей своихъ благословляя.
Смотрите, — даже стая кровожадныхъ,
Глубокимъ ихъ спокойствіемъ смутясь,
На мигъ свой дикій бѣгъ остановила,
Какъ бы не зная, люди ли предъ нею,
Иль мраморныя статуи стоятъ.
Но вотъ левъ лапу первый наложилъ
На юношу, молящагося тихо,
За нимъ и тигръ, стремительнымъ скачкомъ
Сваливъ другую жертву, вырываетъ
Часть груди у нея, и кровь изъ раны
Течетъ струей багряной на песокъ,
Еще сильнѣе алчность возбуждая
Въ звѣряхъ тяжелымъ запахомъ своимъ.
И началась ужасной травли сцена...
Съ отверстой пастью, съ ревомъ скачетъ левъ,
Отъ жертвы къ жертвѣ, рветъ ихъ и терзаетъ;
Гіена ходитъ крадучись кругомъ
И лижетъ кровь, и насыщаетъ голодъ
Растерзанными членами людей;
Медвѣдь стоитъ, поднявшись на дыбы
И яростно рыча, въ могучихъ лапахъ
Сжимаетъ тѣло, схваченное имъ;
А дикій быкъ, рогами подхвативъ,
Бросаетъ вверхъ попавшуюся жертву...
Какъ трогателенъ благородный видъ
Страдальцевъ блѣдныхъ въ этой дикой стаѣ
Чудовищъ разъяренныхъ! Какъ спокойно
Они даются имъ себя терзать!
Лишь къ небесамъ обращены ихъ взоры,
Лишь теплыя молитвы на устахъ!
Вотъ юная дѣвица умираетъ,
Но, въ страхѣ цѣломудренномъ, стыдясь,
Клочки своей одежды собираетъ,
Чтобъ тѣло обнаженное прикрыть.
Тутъ звѣря пасть кровавая зіяетъ,
А тутъ спокойный мученика ликъ

Съ покорностью взираетъ къ небесамъ!
А зрители-вакханты рукоплещутъ,
Любуясь дикой яростью звѣрей.
Неронъ съ террасы взоромъ знатока
Разсматриваетъ дѣвственныя формы
Страдалицъ обнаженныхъ. Больше всѣхъ
Его плѣняетъ милый образъ дѣвы,
Которая, колѣна преклонивъ,
Мучительной кончины ожидаетъ.
Невинности чарующая прелесть
Въ немъ возбудила похоть. Онъ вскричалъ:
— «Кто пустится въ кровавую арену
И дѣву ту отниметъ у звѣрей
И принесетъ ко мнѣ? Эй! храбрый Бурръ!
Ты силою вѣдь равенъ Геркулесу,
А мужествомъ поспоришь и со львомъ,
Посмѣешь ли нырнуть вотъ въ этотъ омутъ
И изъ него красотку ту извлечь,
Которая стоитъ тамъ на колѣняхъ
Недалеко отъ входа?» И покорный
Его велѣнью, Бурръ широкоплечій
Стремительно встаетъ; ему вино
Отваги придаетъ. Стопою твердой
Спустился онъ въ арену, отперъ дверь
И, очутившись вдругъ среди звѣрей,
Самъ будто дикій звѣрь, изъ ихъ когтей
Безчувственную дѣву вырываетъ
И, вскинувъ на плеча, несетъ наверхъ
И съ торжествомъ кладетъ къ ногамъ Нерона:
Но бѣдная страдалица лежитъ,
Какъ мертвая, — поникла голова,
Ослабли члены, косы разметались.
— «Пусть эту дѣву въ чувство приведутъ, —
Сказалъ Неронъ, — и, нарядивъ вакханкой,
Вѣнкомъ украсятъ голову ея,
Потомъ ко мнѣ невѣстою представятъ!»
Сказалъ, и снова ненасытный взоръ
На зрѣлище кровавое направилъ.
  О, какъ ярится бѣшеная стая
Изъ-за добычи споря межь собой!
Барсъ на слона кидается, рыча,
Но тотъ, схвативши хоботомъ его,
О мраморную стѣну ударяетъ,

И дерзкій звѣрь съ разбитой головой
Предъ исполиномъ грознымъ упадаетъ.
А вотъ удавъ обвился вкругъ быка
И жметъ его въ своихъ ужасныхъ кольцахъ;
Быкъ бьется въ нихъ, отчаянно мыча,
И задушенный въ корчахъ издыхаетъ.
Вотъ наконецъ всѣ звѣри межь собой
Въ свирѣпомъ боѣ мечутся, грызутся,
Катаясь по песку, рычатъ и воютъ,
И вся арена, какъ жерло волкана,
Въ дыму кипитъ, клокочетъ и гудитъ.
Но кто же эти дивные два старца
Съ серебристыми власами, точно боги,
Спокойные и свѣтлые, стоятъ
Среди кровавой бойни? Или звѣри
Забыли ихъ въ своемъ остервененьи?
Ихъ чудный видъ какъ будто говоритъ:
«Мы тутъ стоимъ, какъ скалы надъ водою,
На коихъ вѣчный храмъ соорудится!»
И стая кровожадныхъ, не дерзая
Коснуться ихъ, другой добычи ищетъ.
Ихъ взоръ горитъ небеснымъ вдохновеньемъ,
Онъ устремленъ къ тому, кто ихъ послалъ
Повѣдать міру слово искупленья;
Къ нему теперь стремится ихъ душа,
Имъ кажется, что небо ужь отверзлось,
Чтобъ ихъ принять; имъ слышится призывъ
Пославшаго: «посѣяно ужь сѣмя
На многіе вѣка и поколѣнья;
Ты честно трудъ свой, сѣятель, свершилъ;
Приди ко мнѣ вкусить отдохновенье!»
Такъ имъ звучитъ изъ выси лучезарной...
И будто бы по мановенью ихъ,
Вдругъ огненная лава охватила
Кровавую арену, залила
Ее огнемъ и дымомъ и сомкнулась
Надъ головой святыхъ Петра и Павла!
И, отвративъ отъ зрѣлища свой взоръ,
Неронъ спросилъ: «А гдѣ моя красотка?
Пришла ль она въ себя? къ лицу ли ей
Нарядъ моей вакханки?» Но безмолвно
Раздвинулась толпа, и передъ нимъ
Явился одръ; на немъ въ цвѣтахъ душистыхъ

Покоится прелестная дѣвица;
Хотя она одѣта, какъ вакханка,
А въ волосахъ и плющъ, и виноградъ,
Но ликъ святой невинностью сіяетъ
И на устахъ улыбка: для нея
Нѣтъ болѣе страданій на землѣ, —
Ея душа въ міръ лучшій улетѣла!
Гирлянда розъ, которою обвитъ
Станъ непорочной дѣвы, представляетъ
Какъ будто бы кровавую струю
На бѣлыхъ перьяхъ горлицы убитой.
— «Прочь, прочь скорѣй холодный этотъ трупъ!»
Вскричалъ Неронъ, — и Тигеллинъ, схвативъ
Трупъ за ноги, низвергъ его съ террасы
Въ горящую арену, такъ что ужасъ
Всѣхъ зрителей невольно обуялъ...
— О, Тигеллинъ! — сказалъ ему Неронъ, —
Какой же ты невѣжа съ женскимъ поломъ!
Красавицу ты бросилъ точно мячъ!
Но ты за то надежнѣйшій изъ всѣхъ
Служителей моихъ: ты съ наслажденьемъ
Ужасное творишь, спокойно, тихо,
Какъ будто хвостъ отрѣзалъ у собаки
Иль птичку задушилъ. Нерѣдко я
Самъ спрашивалъ себя: ужели злоба
Безъ цѣли, безъ причины, можетъ быть?
Теперь я вижу, что она не призракъ:
Она живетъ, пока ты самъ живешь, —
Тебя другого міръ не создавалъ
Какъ не создастъ онъ больше и Нерона,
Которому назначенъ ты служить.
Но ты самостоятельнѣй меня:
Ты веселишься зломъ лишь ради зла,
Оно, какъ зло, душѣ твоей пріятно.
Я не таковъ! порокъ иль добродѣтель,
Добро иль зло — мнѣ это все равно:
Я веселюсь лишь тѣмъ, что̀ мнѣ пріятно.
Что Римъ погибъ въ огнѣ, что эти звѣри
Въ моихъ глазахъ терзали здѣсь людей, —
Свершилось это все лишь потому,
Что мнѣ хотѣлось такъ, что̀ это тѣшитъ
Меня какъ пѣнье птицъ, какъ запахъ розъ.
При зрѣлищѣ, которое ужасно

Для мелкихъ душъ, я беззаботно пью
Божественный напитокъ наслажденья!
Въ пожарѣ Рима духъ мой укрѣпился,
Все нѣжное, что̀ только есть въ душѣ,
Въ томъ пламени растаявъ, испарилось!
Извѣдалъ я всѣ тайны наслажденья,
Все, все испилъ до дна и что̀-жь узналъ?
Что наслаждается не тотъ, кто смотритъ
Туда, сюда, кто любитъ, ненавидитъ,
Кто презираетъ или чтитъ; но тотъ,
Кому все это — пошлая игра,
Тотъ, для кого ничтожны всѣ кумиры,
Кто сброситъ ихъ во прахъ и, улыбаясь,
Самъ ихъ алтарь упраздненный займетъ.
Я не хочу кумиру подчиняться,
Его законы рабски исполнять;
Я не хочу быть глупою машиной,
Которая идетъ къ извѣстной цѣли,
Направленная чуждою рукой!
Зачѣмъ мнѣ цѣль? зачѣмъ мнѣ назначенье?
Не буду я рабомъ ихъ никогда!
И еслибъ то я сдѣлалъ, что̀ разумно,
То сталъ бы только разума рабомъ.
А что̀ же разумъ: развѣ это *я*?
О, нѣтъ, я — воля. Воля безконечна,
А съ нею вмѣстѣ безконечна жизнь!
Чтобъ одному, въ теченье тысячъ лѣтъ,
Развить въ себѣ такое убѣжденье,
Не жаль мильоны жизней истребить,
Не жаль огнемъ полміра уничтожить!
Что̀ значитъ жизнь ничтожныхъ этихъ тварей?
Презрѣнные! они передъ богами
Во прахѣ пресмыкаются, когда
Гремитъ ихъ громъ; они не смѣютъ руку
Свою поднять на гесперидскій плодъ;
Трусливые, они способны только
Выпрашивать, выманивать и красть,
Иль нѣжиться на ложѣ Эпикура
Гордясь своею мнимой добротой.
О, пусть на этотъ родъ, на этотъ міръ
Обрушатся какъ буря всѣ причуды,
Какія мнѣ внушитъ мой духъ: онѣ
Имъ карою достойною послужатъ!

И если въ страхѣ затрепещетъ Римъ,
То я вдвойнѣ тѣмъ буду потѣшаться:
Въ моей душѣ любовь и состраданье
Угасли навсегда съ той самой ночи,
Когда на вакханалію мою
Богиня Рима гостьею явилась;
Съ той ночи я отбросилъ человѣчность
И богомъ сталъ! И вотъ теперь, въ сознаньи
Божественности этой, вызываю
Съ улыбкою и землю я, и небо,
И даже самый адъ! Дерзнетъ ли кто
Межъ небомъ и землей передо мною
Возстать и отразить мои слова?
Гдѣ этотъ дерзновенный? Все молчитъ!
Вонъ тамъ народъ толпится и — молчитъ,
Тамъ черныя развалины строеній
Дымятся и — молчатъ, а тамъ внизу,
У ногъ моихъ, широкая арена,
Засыпанная углями и пепломъ,
Заваленная трупами, — молчитъ...».
И онъ идетъ съ высокомѣрнымъ взоромъ
На край террасы и глядитъ на дно
Дымящейся и тлѣющей арены...
Но кто же вдругъ поднялся въ ней изъ груды
Растерзанныхъ и обгорѣлыхъ труповъ?
Не старецъ ли тотъ дивный? Онъ, какъ тѣнь,
Изъ глубины арены вставъ, восходитъ
По ступенямъ наверхъ, и предъ Нерономъ
Предсталъ опять ужасный тотъ скиталецъ,
Котораго онъ видѣлъ.
— «Это ты? —
Спросилъ Неронъ, — ужели твой могильный,
Покрытый тлѣньемъ образъ долженъ мнѣ
Являться лишь въ великія мгновенья?
Но все равно! Теперь твое лицо
Покоя моего не потревожитъ:
Втройнѣ свое я сердце закалилъ!
Скажи, старикъ, довольна ли теперь
Твоя душа? Согрѣлъ ли наконецъ
Свои ты члены на огнѣ чудесномъ,
Который я зажегъ, какъ ты желалъ?
Да ты и самъ усердно помогалъ!
Но какъ же ты изъ этой адской бездны

Которая, какъ алчущая пасть
Чудовища, кругомъ все пожирала,
Успѣлъ спастись одинъ? Зачѣмъ она
Тебя лишь одного не поглотила?
Иль бездна не безмолвна? Или хочетъ
Черезъ тебя сказать мнѣ что нибудь?
Ну, хорошо! готовъ тебя я слушать;
Коль хочешь что сказать, то говори!»
— «Я и скажу,—отвѣтилъ дивный старецъ:
То бездна говоритъ тебѣ, а я
Языкъ той бездны. Какъ во рту у звѣря
Не тлѣетъ онъ отъ пламени, замкнутый
Оградою своею костяной,
Такъ уцѣлѣлъ и я у бездны въ пасти.
Привѣтъ тебѣ, титанъ опустошенья!
Да, я согрѣлъ хладѣющіе члены
На томъ огнѣ, который ты развелъ,
И самъ тебѣ усердно я помогъ, —
Я первый бросилъ факелъ истребленья!
Хотя не все еще испепелилось
И многое, что̀ сгибнуть бы должно,
Еще стоитъ, надменно возвышаясь,
Хотя еще не полонъ мой восторгъ;
Но все-таки — хвала тебѣ, Неронъ,
Огонь покрылъ тебя сіяньемъ славы.
Ты огненными буквами вписалъ
Свое въ потомствѣ имя въ книгу жизни!
И пепелъ, и развалины и трупы
Благодарятъ тебя! Спаленный Римъ,
Какъ длани черныя, къ тебѣ изъ пепла
Вздымаетъ обгорѣлые столбы,
Признательный тебѣ: онъ сгибъ охотно,
Какъ жизнію пресыщенный кутила!
Лишь черезъ смерть и чрезъ уничтоженье
Достигнуть можетъ бѣдный родъ людской
Безвѣстнаго ему успокоенья.
Но и такія времена бываютъ,
Когда разгулъ и опьяненье чувствъ
Стремленіе къ покою заглушаетъ.
И человѣчество тогда родитъ
Само себѣ судью и палача...
Коль небеса огня не посылаютъ,
Не потопляетъ океанъ земли,

Такъ ужь она изъ собственнаго лона
Должна себѣ карателя родить,
Который судъ произнесетъ надъ нимъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и надъ самимъ собою!»
При этомъ словѣ зарево пожара
Вдругъ вспыхнуло и озарило свѣтомъ
Скитальца потемнѣвшее лицо.
И взоръ его, къ Нерону устремленный,
Какъ молнія изъ тучи, вдругъ сверкнулъ.
— «Ты слышишь-ли? и надъ самимъ собою!
Ступай, Неронъ, и бросься въ это пламя,
Чтобъ увѣнчать дѣяніе свое!
Ты своего же вѣка представитель,
Вершина человѣчества того,
Которое достойно истребленья;
Такъ бросься подъ развалины въ то пламя!
Ты, какъ онѣ, ничтоженъ, пустъ и мертвъ!
Въ тебѣ самомъ ужь все испепелилось:
И духъ, и умъ, и сердце; только воля
Одна въ тебѣ лишь бродитъ и шумитъ,
Какъ въ опустѣвшемъ домѣ привидѣнье!
Стремленьемъ къ жизни вырванный изъ круга,
Изъ колеи, которою текутъ
Созданья всѣ къ невѣдомой имъ цѣли,
Ты огненной кометою летишь
Безъ цѣли, безъ пути, неудержимо,
И зажигаешь міръ, и величаешь
Себя въ безумствѣ богомъ! Но въ твоей
Бездонной самолюбія пучинѣ
Божественный покой не обитаетъ:
Въ ней только холодъ, мракъ и пустота!
Въ сравненьи съ ними — смерти поцалуй
Есть высшая отрада. Такъ ступай
И бросься подъ развалины, Неронъ!
Ты, какъ онѣ, ничтоженъ, пустъ и мертвъ!
Да, точно я разбрасывалъ усердно
Огонь, которымъ Римъ твой истребленъ;
Но не твоимъ помощникомъ я былъ,
А ты моимъ! Ты этому не вѣришь?
Ну, такъ попробуй броситься въ то пламя
И выйти изъ него, какъ вышелъ я!
Во имя тѣхъ, которые, какъ фениксъ,
Изъ пепла въ новой жизни возродились,

Во имя той безсмертной, дивной силы,
Которую ты дерзко презираешь,
Себя безумно величая богомъ,
Во имя человѣчества всего
Я предаю проклятію тебя!
То голосъ міра, я его уста,
Его давно страдающее сердце,
А ты? — ты лишь орудье палача,
Которое бросаютъ послѣ казни,
Какъ и убійца свой бросаетъ ножъ,
Которымъ онъ зарѣзалъ человѣка.
Да, я тебя проклятью предаю —
И обрекаю голову твою —
Гнилой, презрѣнный плодъ — уничтоженью!
Да, ты погибнешь, но не смертью той,
Которая уставшему отъ жизни
Даетъ покой желанный; нѣтъ, Неронъ,
Подобной смерти ты не заслужилъ!
Еще при жизни чувствовать ты будешь
Въ своей груди точеніе червей!
Еще при жизни будешь ты носить
Въ своей душѣ сознаніе проклятья,
И съ ужасомъ узнаешь наконецъ,
Что цѣль твоя: душевное довольство,
Которой ты достигнуть возмечталъ
Уничтоженьемъ міра, можетъ только
Достигнуться *твоимъ* уничтоженьемъ!»
  Такъ прозвучало громовое слово
Ужаснаго скитальца. Всѣ стоятъ,
Окаменѣвъ отъ страха, и глядятъ
Въ безмолвіи глубокомъ на Нерона,
Который старца пламенные взоры
Своимъ холоднымъ взоромъ отражаетъ.
Всѣ замерли, пока онъ говорилъ,
Но лишь умолкъ, и жизнь въ нихъ пробудилась.
И вотъ спокойно Тигеллинъ встаетъ
И говоритъ съ усмѣшкою Нерону:
  — «Позволь мнѣ, государь, его столкнуть
Во глубину пылающей арены;
Давно знакомъ мнѣ этотъ сумасшедшій
Съ безумнымъ взоромъ, съ космами сѣдыми, —
Пусть онъ еще попробуетъ спастись.

Быть можетъ, тамъ найдется левъ голодный,
Который не побрезгаетъ и имъ!»
И, ухмыляясь шуткѣ, Тигеллинъ
На мраморнаго льва облокотился,
Который тутъ стоялъ, какъ часовой.
Но старецъ поднялъ руку и съ угрозой
Сказалъ ему: — «Послушай, черный рабъ:
Скорѣе ты отъ мраморнаго льва
Погибнешь тутъ, чѣмъ я отъ льва живого!»
— «Отъ мраморнаго льва? — захохотавъ,
Отвѣтилъ Тигеллинъ. — Ты сумасшедшій!
Ну, можно ли отъ камня ожидать
Подобной штуки? Вотъ, смотри сюда»...
И Тигеллинъ въ разинутую пасть
Чудовища, смѣясь, засунулъ руку;
Но съ воплемъ вдругъ назадъ ее отдернулъ.
Въ прохладной пасти мраморнаго льва
Гнѣздилася ехидна, отдыхая,
И вотъ она, какъ черное кольцо,
Вдругъ охватила руку Тигеллина
И жало въ тѣло черное впустила...
Отъ боли вскрикнувъ, сбросилъ онъ змѣю
И устремилъ со страхомъ взоръ на рану,
Въ которой ядъ смертельный ужь кипѣлъ.
Глаза его блуждаютъ; онъ дрожитъ,
Шатается... Всѣ ужасомъ объяты...
— «Въ моей отчизнѣ, — шепчетъ онъ, — ростетъ
Цѣлебная трава; она могла бы
Меня отъ этой язвы исцѣлить;
Но ужь теперь все кончено со мною...
Прощай, Неронъ! Я долженъ умереть!...».
И онъ упалъ и, съ пѣною у рта,
Въ ужасныхъ мукахъ корчится и стонетъ,
И начался его предсмертный бредъ:
— «Иль Римъ угасъ? Какъ темно вкругъ меня!
Не вижу ничего! Передо мною
Торчитъ одинъ лишь этотъ старый демонъ...
Прочь отъ меня, проклятый! Ты мнѣ страшенъ!
Ты смерть или Самумъ?.. О, какъ горитъ
Вся степь кругомъ подъ огненнымъ дождемъ...
Я пить хочу... Онъ все растетъ, растетъ —
Ужасный этотъ демонъ»...
Онъ умолкъ;

Угасла жизнь; но все еще со страхомъ
Глаза его глядятъ на старика.
Всѣ въ ужасѣ отъ страшнаго явленья,
Но вотъ кругомъ поднялся грозный крикъ:
«Онъ чародѣй! Имъ Тигеллинъ убитъ!»
И поднялись съ угрозою ихъ руки.
Но знакомъ ихъ Неронъ остановилъ
И, къ старцу обратясь, сказалъ спокойно:
— «Ну, это дѣло удалось тебѣ,
Сѣдой ворчунъ; ты съ этимъ человѣкомъ
Управился легко и мастерски
И зрѣлище чудесное пожара
Ты довершилъ отличнымъ представленьемъ,
Которое потѣшило меня.
Но не мечтай, что ты своимъ искусствомъ,
Сѣдоволосый чародѣй-софистъ,
Управиться такъ можешь и со мною,
Съ Нерономъ-Діонисіемъ! О, нѣтъ!
Я надъ твоей риторикой смѣюсь:
Она мнѣ не испортитъ ни вина,
Ни поцалуя молодыхъ красотокъ.
А смѣлостью твоею я доволенъ
И за нее тебя благодарю:
Предъ ней себя я выше сознаю.
Великое тогда лишь и растетъ,
Когда его встрѣчаютъ отрицаньемъ:
Тогда оно сберетъ свои всѣ силы
И явитъ все могущество свое.
Ступай, безумецъ! убивать тебя
Я не хочу, и знаешь, почему?
На этотъ разъ есть у меня и цѣль:
Хочу тебя свидѣтелемъ оставить,
Что рѣчь твоя смутить меня не можетъ,
Что я останусь тѣмъ же все Нерономъ.
Ты хвалишься безсмертіемъ своимъ,
За голосъ человѣчества всего
Себя ты выдаешь; — пусть будетъ такъ.
Но вѣдь и я неистребимъ, и я
На якорѣ надежномъ укрѣпился;
Меня ничто не можетъ измѣнить!
Тебя, несокрушимаго въ огнѣ,
Я на борьбу съ собою вызываю,
И пусть она докажетъ, что̀ прочнѣй:

Духовная моя несокрушимость.
Или твоя тѣлесная, глупецъ!»
— «Я вызовъ твой приму, отвѣтилъ старецъ.—
Свирѣпствуй, разрушай и наслаждайся!
Ласкай себя безумною мечтой
Божественности мнимой. Но, смотри,
И для тебя настанетъ часъ, Неронъ,
Когда твой міръ и *я* твое исчезнутъ!
Настанетъ часъ, когда ты сокрушишься
И вспомнишь обо мнѣ! Настанетъ часъ,
Когда въ твоихъ зѣницахъ отразится
Карающій мой образъ, какъ теперь
Вотъ здѣсь, въ глазахъ у твоего клеврета!»

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Золотой дворецъ.

Вотъ изъ развалинъ Рима возстаетъ
Римъ новый, — Римъ Нерона. Вотъ, сіяя,
Возносятся предъ взоромъ властелина
На площадяхъ гранитные колоссы,
Межъ тѣмъ, какъ онъ изъ золотого дома, —
Вѣнца его столицы обновленной, —
Съ балкона смотритъ внизъ. Онъ говоритъ:
— «О, Римъ! тебя разрушилъ я, а ты,
Ты, погибая, утвердилъ во мнѣ
Божественности чувство! Но довольно.
Теперь тебѣ я говорю: возстань!
Возстань еще роскошнѣе, чѣмъ былъ:
Я видѣть Римъ, мной созданный, желаю,
Я міру доказать хочу, что я
Не раззоритель только! Не въ пустынѣ
Хотѣлъ же я воздвигнуть тронъ. О, нѣтъ!
Чтобъ царствовать, Нерону нуженъ міръ.
А римлянамъ у ногъ моихъ лежащимъ,
Я, какъ рабу покорному, скажу:
Встань! уложить тебя опять могу я,
Когда лишь захочу!
О, человѣчки!
Какъ муравьи копышетесь вы тамъ
Вкругъ каменныхъ развалинъ: было-бъ лучше,

Когда-бъ свои домы воздвигли вы
Вблизи волкана, хлещущаго лавой,
А не у ногъ Нерона, не въ чертѣ,
Которая его доступна взору!»
И въ думѣ онъ поникнулъ головой.
Въ душѣ его роятся мысли; взоры
Несутся гордо въ поле, какъ орлы.
Онъ на минуту вспомнилъ о Виндексѣ,
О дерзкомъ томъ глупцѣ, который смѣлъ
Изъ Галліи поднять толпу мятежныхъ
Подъ знаменами Гальбы и вести
Ее на Римъ. «Какъ? онъ дерзнулъ возстать
Противъ такого мощнаго владыки,
Дерзнулъ идти на Римъ, гдѣ трепетъ рабства
Въ безмолвіи влачитъ свои оковы,
Дерзнулъ грозить Нерону? О, комаръ,
Бросающійся въ пламя!» И Неронъ
Съ презрѣньемъ улыбнулся и забылъ
Уже о немъ; онъ дальше мыслью мчится;
Онъ вспомнилъ о таинственномъ скитальцѣ,
Изъ пламени возставшемъ передъ нимъ,
И улыбнулся, вспомнилъ о пожарѣ,
Пожравшемъ древній Римъ — и улыбнулся.
И дальше, дальше мысль его летитъ:
Вотъ вспомнилъ онъ о пиршествѣ своемъ,
Объ Агриппинѣ вспомнилъ: но улыбка
Съ лица его сбѣжала; тѣнь покрыла
Его чело; онъ поспѣшилъ согнать
Ее, какъ муху; но упрямы мухи
И, возвращаясь, не даютъ покоя
Навязчиво-тщеславному Нерону.
— «Какъ? восклицаетъ онъ, — ужель еще
Остались въ жизни у меня минуты,
Когда я только смертный? О, безстрастье,
Удѣлъ боговъ, ты ль измѣняешь мнѣ?
Иль ты гетера также, какъ Фортуна,
Которая сегодня насъ ласкаетъ,
А завтра вдругъ покинетъ, оставляя
Намъ пустоту и въ кошелкѣ, и въ сердцѣ?
И какъ могла тревога заглянуть
Въ Неронову божественную грудь?
Что̀ можетъ чувства волновать мои
Въ такой торжественно-спокойный вечеръ?

*

Міръ носится надъ Римомъ золотымъ
Отъ Авентина, точно бѣлый голубь, —
Я, кажется, готовъ его схватить
И у себя въ груди его сокрыть!
  Но и тревога иногда милѣй,
Чѣмъ этотъ міръ боговъ однообразный:
Я иногда мечтой стремлюсь и къ ней,
Хочу того прилива и отлива
Сердечныхъ волнъ, который человѣку
Разнообразитъ жизнь, переносить
Ее легко порой намъ помогая.
И все-таки, какъ ни желалъ бы я
Въ предѣлы прежней жизни возвратиться
И прежнихъ чувствъ, — мнѣ это невозможно:
Я переросъ ту жизнь, она меня
Сама бы не могла теперь объять.
Нѣтъ, нѣтъ! хоть одинокъ, но я останусь
На гордой высотѣ своей — Нерономъ!»
  Ночь тихая спустилась на природу;
Покой вкушаютъ люди отъ трудовъ;
Надъ хижинами робкихъ бѣдняковъ
Витаетъ геній мира; но изъ бездны
Восходятъ духи мрака и, кружась,
Какъ въ сумерки нетопыри, летаютъ
Надъ золотымъ Нероновымъ дворцомъ
Они въ него толкутся. Вы хотите
Проникнуть въ этотъ домъ, исчадья ночи —
Забота и раскаянье? — Напрасно!
Забота, ослѣпленная сіяньемъ,
Едва достигнувъ двери, возвратилась.
Раскаянье проникло въ самый домъ,
Вошло къ Нерону; но его спокойный
И твердый взоръ прогналъ его назадъ.
Въ желѣзной этой груди, закаленной
Въ пожарѣ Рима, — мѣста нѣтъ ему,
И прочь оно летитъ.
                Но вотъ восходитъ
Изъ самыхъ мрачныхъ тартара ущелій
Страшилище другое и оно
Ужаснѣй всѣхъ, живущихъ у Коцита.
Его обвисли крылья, какъ свинецъ;
Оно лежитъ, свернувшись, тамъ въ углу
И сонною качаетъ головою.

Туманный, сѣрый, безпрерывный дождь
Ему всегдашней служитъ атмосферой:
Оно зѣвнетъ, и кажется тогда,
Что это пасть разинулъ первобытный
Хаосъ, чтобъ снова поглотить тотъ міръ,
Который имъ рожденъ.
И вотъ теперь
Страшилище возстало изъ Эреба
И понеслось къ Неронову дворцу.
Оно его не ослѣпилось блескомъ,
Не улетѣло, какъ забота, прочь;
Оно проникло въ домъ, и взоръ Нерона
Его не испугалъ, не отогналъ.
Оно къ нему приблизилось, склонилось
Надъ погруженнымъ въ думу и пахнуло
Дыханіемъ тлетворнымъ на него.
Извѣстно ль вамъ страшилища названье?
Оно зовется скукой у людей.
Она ничтожныхъ мало безпокоитъ,
За то великихъ страшно жметъ въ когтяхъ.
Неронъ скучаетъ. Онъ кричитъ: «Позвать
Ко мнѣ сюда веселато шута
Изъ Беневента, моего Силена!
Пусть онъ придетъ! Пусть рожею своею
Пунцовою, смѣющеюся вѣчно,
Мою прогонитъ скуку, какъ порой
Съ вершинъ сгоняетъ солнце облака».
И рабъ ушелъ, но вскорѣ возвратился
Съ извѣстіемъ: «Саккъ умеръ, государь,
Сегодня въ ночь». — «Ужели умеръ онъ?
Но отчего жь?» — «Вчера на новосельѣ,
Которое справлялъ ты, государь,
Здѣсь въ золотомъ дворцѣ, онъ черезъ мѣру
Желудокъ свой обременилъ, и это
Ему внезапно причинило смерть».
— «И ты, мой Саккъ, — сказалъ Неронъ,—ушелъ
Во слѣдъ за Тигеллиномъ! Скоро я
Совсѣмъ одинъ останусь! Все кругомъ
Мѣняется, приходитъ и уходитъ,
Лишь я одинъ, средь общей перемѣны,
Стою неизмѣняемый... Но нѣтъ!
Насмѣшница природа, для которой
Мой недоступенъ духъ, какъ видно, хочетъ

Надъ тѣломъ власть испробовать свою:
Цвѣтъ щекъ моихъ ужь блекнуть начинаетъ,
И желтизна явилась на лицѣ,
А между тѣмъ еще играетъ юность
Волосъ моихъ кудрями! Что̀ я вижу?
Иль зеркала серебрянаго гладь
Меня морочитъ? Вижу бѣлый волосъ!
О, гадость! Онъ, пожалуй, заразитъ
Собою и другихъ! Вонъ, вонъ его!
Ужель и я узнаю злое время,
Когда какъ съ розы лепестки спадутъ
Всѣ волосы съ главы моей? — Но что жь?
Остался бъ духъ лишь юнымъ, неизмѣннымъ, —
А тѣло пусть увянетъ! Я тогда
Возьму его съ собой, какъ трупъ холодный,
Какъ близнеца, приросшаго ко мнѣ
И до меня умершаго въ утробѣ,
И понесу чрезъ жизнь. Зачѣмъ во мнѣ
Слитъ богъ съ такою бренною природой?
Прочь, мысли мрачныя! Смой капли пота
Съ чела, златой источникъ наслажденья,
Какимъ ты потѣшалъ меня донынѣ,
Какъ никого изъ смертныхъ до меня!»
  И онъ идетъ искать себѣ забавы
По золотому своему дворцу.
За нимъ идетъ его любимый левъ,
А слонъ ручной въ уборѣ золотомъ
Идетъ впередъ, неся горящій факелъ;
Толпа рабовъ въ безмолвіи глубокомъ
Сопровождаетъ властелина. — Такъ
Идетъ Неронъ по заламъ величавымъ,
По галлереямъ, по дворамъ обширнымъ
Роскошнаго дворца. Всѣ храмы Рима,
И Греціи, и Азіи, Неронъ
Расхитилъ, чтобъ пышнѣй его украсить.
Средь главнаго двора передъ дворцомъ
Стоитъ колоссъ Нерона величавый;
Какъ башня онъ: ноги его лишь палецъ
Въ объемѣ равенъ тѣлу человѣка,
А дворъ обширенъ такъ, что заключилъ
Въ себѣ и портикъ въ тысячу шаговъ
И озеро, въ которомъ отразился,
Какъ городъ въ морѣ, золотой дворецъ.

Отъ Палатина на сосѣдній холмъ
Раскинулъ члены каменный гигантъ
И заключилъ въ себѣ сады и рощи;
Весь въ золотѣ на солнцѣ онъ сіяетъ,
Какъ гордый витязь въ латахъ золотыхъ.
Помостъ сѣней составленъ изъ кристалловъ,
Такъ что идешь какъ будто по волнамъ;
Какъ канделабры изъ него встаютъ
Громадные кораллы, а кругомъ
Съ расписанныхъ искусно стѣнъ глядятъ
Изъ мрамора и мѣди изваянья:
Тутъ — съ изумрудными глазами левъ,
А тамъ змѣя съ глазами изъ рубина
Сверкаетъ золотою чешуей.
Тутъ блещетъ рядъ колоннъ изъ малахита,
Тамъ — вся изъ яшмы статуя Нерона
Съ оружіемъ и лирой Аполлона.
А внутренность дворца еще роскошнѣй:
Онъ цѣлый міръ въ себѣ совокупилъ;
Искусство и природа принесли
Ему свои всѣ лучшіе дары,
Все, что̀ волнуетъ, раздражаетъ чувства,
Плѣняетъ сердце, оживляетъ умъ.
Но самъ Неронъ на этотъ дивный міръ
Имъ созданный, съ холодностью взираетъ,
Какъ будто онъ ему ужь надоѣлъ.
Вотъ входитъ онъ въ изящный павильонъ,
Который названъ «пантеономъ чувствъ».
Здѣсь слито все, что̀ манитъ къ наслажденью, —
Всѣ чары чувствъ, всѣ прихоти мечты.
Чертогъ волшебный въ легкомъ полусвѣтѣ
Весь розовымъ сіяніемъ облитъ,
Которое по прихоти Нерона
То въ сумерки внезапно переходитъ,
То засіяетъ свѣтомъ золотымъ.
Тропическаго края теплота
Дыханіемъ своимъ ласкаетъ щеки.
Незримые источники журчатъ
Подъ музыку, чарующую чувства;
Разлитъ повсюду тонкій ароматъ
И отъ цвѣтовъ роскошныхъ и курильницъ.
Кто вступитъ въ этотъ дивный павильонъ,
Тотъ, восхищенный, глубже дышитъ грудью

И чудится ему, что онъ вошелъ
Въ святилище Ураніи, и ждетъ,
Что передъ нимъ сама она предстанетъ.
И точно: по стѣнамъ кругомъ стоятъ
Изъ розоваго мрамора статуи,
Но если въ нихъ вглядишься и рукой
Дотронешься до бархатнаго тѣла,
Почувствуешь живую теплоту
И мягкость нѣжную, — и вдругъ съ улыбкой
Статуя та съ подножія спрыгнетъ!
Пока Неронъ за золотымъ столомъ
Свой вкусъ виномъ душистымъ услаждаетъ
И яствами роскошными, — къ нему
Сбирается красавицъ рой веселый.
Однѣ кружатся вкругъ него, другія —
Ласкаются къ нему, играютъ, шутятъ,
Или подъ звуки лиры семиструнной
Поютъ любви чарующую пѣснь.
Однѣ изъ ваннъ выходятъ, освѣживъ
Свое купаньемъ тѣло, а другія —
Покоятся на ложахъ.
Кто изъ смертныхъ
Видалъ себя когда-либо въ такомъ
Собраніи красавицъ? Кто бывалъ
Осыпанъ такъ избыткомъ наслажденій?
Но тотъ, кого все это окружаетъ,
Не рвется къ нимъ, холодный, равнодушный,
Руки не поднимаетъ, чтобъ сорвать
Тотъ наслажденья гесперидскій плодъ,
Который самъ надъ нимъ ужь наклонился.
Онъ говоритъ себѣ: «Что̀ это значитъ,
Что ужь меня ничто не веселитъ
И чувствъ моихъ не манитъ, не плѣняетъ?
Я, какъ корабль въ безвѣтріе, стою
Средь моря наслажденій: вѣтерокъ
Не шелохнетъ уснувшихъ сердца волнъ,
И паруса повисли безъ движенья!
Ужь если сто̀итъ человѣкомъ быть
И жизнію довольствоваться краткой,
Такъ только для того лишь, чтобъ любить
И пить объятій женскихъ упоенье.
Но и они не радуютъ того,
Кто насладился всѣмъ до пресыщенья!

О, счастливъ тотъ, въ комъ есть еще желанье:
Его легко онъ можетъ утолить.
Но пресыщенье — это волкъ голодный,
Прожорливая гарпія, — оно
Хватаетъ жадно все, и все грязнитъ
Своимъ прикосновеньемъ! Счастливъ тотъ,
Кто женской красотой, какъ идеаломъ,
Любуется пока издалека;
Но отчего жь потомъ, его достигнувъ,
Становится и грязенъ такъ и пошлъ?..
Нѣтъ, прочь отсюда! я ищу сегодня
Для чувствъ моихъ существенныхъ утѣхъ!»
Такъ говоритъ пресытившійся жизнью
И, вставъ, идетъ по заламъ золотымъ.
Вотъ входитъ онъ въ палату, гдѣ хранятся
Сокровища его. Тамъ накопилъ онъ
Такія груды ихъ, какихъ, навѣрно,
Не видывалъ ни Крезъ, ни Поликратъ.
Тамъ серебро, и золото, и жемчугъ,
Изъ Индіи, съ далекаго Востока,
Съ Цейлонскихъ береговъ и изъ Колхиды —
Волшебнымъ блескомъ ослѣпляютъ взоръ.
Тутъ бриллiянты льютъ свои лучи,
Какъ уголья — рубины тамъ пылаютъ,
А тамъ горитъ небесно-голубой
Сапфиръ — индійскихъ храмовъ украшенье.
Тамъ свѣтится зеленый изумрудъ,
А тамъ опалъ — хамелеонъ изъ камней,
Какъ радуга, цвѣта свои мѣняетъ.
Бериллъ, агатъ, топазъ и гіацинтъ,
Разсыпанные грудами повсюду
Какъ будто соревнуя межь собой,
Плѣняютъ взоръ разнообразнымъ блескомъ.
— «Вотъ въ камни обращенные огни! —
Сказалъ Неронъ: — они горятъ, какъ жаръ,
Но подъ рукою холодны, какъ мраморъ.
Кристаллы эти рѣжутъ мнѣ глаза
И душу заостренными краями...
Какъ могъ я такъ усердно ихъ сбирать
И дорожить, и любоваться ими,
Какъ рѣдкостью? Вѣдь это тѣ жь кремни,
Но только съ бо́льшимъ блескомъ и игрою.
А развѣ капля дождевая блещетъ

На солнцѣ меньше, чѣмъ алмазъ? Но онъ
Встрѣчается лишь рѣже, чѣмъ она, —
Вотъ дѣло въ чемъ! И я, глупецъ, сбиралъ
Ихъ грудами, не думая о томъ,
Что рѣдкое и цѣнно лишь тогда,
Когда оно бываетъ одинокимъ,
А рѣдкое во множествѣ — ничто!
Прочь эту дрянь! она мнѣ не нужна.
Возьми себѣ вотъ это, Аздрубалъ!
Вотъ это, Сиръ, тебѣ, — бери скорѣе!
Вотъ изумрудъ, съ яйцо величиной,
Тебѣ я, Гета, подарю, — лови!»
Такъ говоритъ онъ и, смѣясь, бросаетъ
Невольникамъ сокровища свои,
Потомъ свой путь по замку продолжаетъ.
  Вотъ онъ вступилъ въ роскошный свой цвѣтникъ,
Весь факелами ярко освѣщенный;
Тамъ разныхъ странъ рѣдчайшія растенья
Разнообразной блещутъ красотой
И ароматъ свой нѣжный разливаютъ.
Тамъ лиліи и бѣлыя нимфеи
Сверкаютъ серебромъ; на длинныхъ стебляхъ,
Какъ звѣздочки, качаются нарцисы;
Благоухаютъ нѣжныя фіялки,
А тамъ горятъ огнями всѣхъ цвѣтовъ
Гортензіи, тюльпаны, амаранты
И кактусы, и розы, и жасминъ.
  — «О, какъ скучна вся эта пестрота!
Сказалъ Неронъ, — и этотъ ароматъ,
Который мнѣ насильно лѣзетъ въ ноздри!
Что̀ это все? лишь пестрая трава,
Что̀ завтра будетъ сѣномъ! Этотъ макъ
Краснѣетъ точно кровь въ отверстой ранѣ.
Чѣмъ вамъ гордиться, глупые цвѣты,
Когда всю вашу пышную одежду
Сорветъ, снесетъ дыханье вѣтерка?»
И, проходя, срываетъ онъ цвѣты
И топчетъ ихъ ногой съ негодованьемъ.
  И далѣе идетъ онъ по дворцу.
Вотъ входитъ онъ въ громадный свой звѣринецъ,
Гдѣ собраны всѣ виды и породы
Звѣрей различныхъ: тутъ, рыча сердито,
Снуютъ въ желѣзныхъ клѣткахъ левъ и тигръ,

Жирафъ и слонъ гуляютъ на свободѣ,
А за рѣшоткой ползаютъ удавы,
И смотритъ изъ бассейна крокодилъ;
Орлы сидятъ спокойно на подставахъ;
Павлины распускаютъ пышный хвостъ,
А по зеркальнымъ плаваютъ прудамъ
И лебеди, и красные фламинго.
Но и звѣринецъ этотъ, какъ цвѣтникъ,
Въ Неронѣ возбуждаетъ отвращенье,
А яростный и дикій взглядъ звѣрей
Какой-то странный трепетъ и смущенье
Наводитъ на него. Онъ говоритъ:
— «Мнѣ въ этихъ харяхъ видятся однѣ
Холодныя, безжизненныя маски.
Чѣмъ долѣе смотрю я въ ихъ глаза,
Тѣмъ мнѣ яснѣе видится та бездна,
Которая положена природой
Межь каждымъ существомъ. Порою мнѣ
И благородный человѣка ликъ
Такимъ ужаснымъ кажется и дикимъ,
Что я предъ нимъ невольно содрогаюсь.
Мы думаемъ, что, погружая взоръ
Въ глаза другого существа, мы можемъ
Во глубину души его проникнуть...
Какое заблужденье! Въ этотъ мигъ
Мы только сознаемъ, что между нами
Зіяетъ глубина ужасной бездны,
И перехода нѣтъ черезъ нее
Отъ одного созданія къ другому;
Мы сознаемъ, что каждое изъ нихъ
Живетъ самостоятельно отъ прочихъ
И одного себя лишь хочетъ знать,
И одного себя лишь понимаетъ!
Вокругъ меня кишитъ животный міръ, —
Жуки и черви въ кучахъ безобразныхъ;
Мнѣ видятся драконы, скорпіоны,
Лягушки, жабы, ящерицы, раки,
Тарантулы, ехидны, саламандры...
Вся эта мерзость ползаетъ и вьется
Вокругъ меня! Такъ вотъ твои творенья,
Природа мать! Ты царство создала,
Въ которомъ всѣ чуждаются другъ друга,
Свирѣпствуютъ, враждуютъ межь собой.

Ты показала творчество свое
Въ ужасномъ, въ безобразномъ въ бо̀льшей силѣ,
Чѣмъ въ томъ, что̀ благородно и прекрасно.
Ну, матерински ль поступила ты
Съ своимъ созданьемъ лучшимъ, съ человѣкомъ?
Ты окружила тварями его,
Которыя своей враждою вѣчной
Неистово преслѣдуютъ его.
Не на него ль всѣ возстаютъ стихіи,
И дикій звѣрь бросается, и змѣи
Грозятъ ему своимъ смертельнымъ жаломъ,
И даже червь ничтожный, даже муха
Впиваются въ него! Да, всѣ творенья
Какъ будто для того и существуютъ,
Чтобъ съ человѣкомъ вѣчно враждовать!
А тамъ, гдѣ ты старалась произвесть
Прекрасное, — о, какъ бѣдна явилась
Фантазія твоя, природа-мать!
Красивенькій цвѣтокъ, пѣвунья птичка,
Блестящій камень, пестрый мотылекъ —
Вотъ это удалось тебѣ; но въ цѣломъ
Ты мелочна и скаредно-скупа!
Ты щедрости не знаешь настоящей
И средствъ своихъ не хочешь проявить!
Зачѣмъ не видимъ мы цвѣтовъ громадныхъ
Величиною съ кедръ? Зачѣмъ нѣтъ скалъ
Брильянтовыхъ? Зачѣмъ иному ты
Дала одно, лишивъ его другого?
Зачѣмъ у соловья нѣтъ красоты
Павлина? у орла блестящихъ перьевъ
Колибри? Для чего у человѣка,
У высшаго созданья твоего,
Нѣтъ крыльевъ, какъ у птицы?»

Недовольный

Онъ входитъ въ залъ, — святилище Изиды,
Который въ маломъ видѣ представляетъ
Небесный сводъ и землю. Въ потолкѣ
Вращаются свѣтила, а внизу
Изъ водъ встаетъ земля. На возвышеньи
Стоитъ покрытый истуканъ Изиды.
Въ рукахъ ея изъ бѣлыхъ лилій скипетръ,
На головѣ сидитъ громадный коршунъ —
Эмблема ненасытности.

— «Природа! —
Сказалъ Неронъ, — таинственное слово!
Природа — разрушительница — ты,
Творящая безцѣльно! Для чего
Скрываешь ты свой ликъ подъ покрываломъ?
Вѣдь женщина тогда лишь прикрываетъ
Свое лицо, когда оно въ угряхъ
Иль безобразно. Покажи его!
И у тебя оно не таково ли?»
И онъ съ усмѣшкой подошелъ къ богинѣ,
Одной рукой сорвалъ съ нея покровъ,
Другою жь, взявши факелъ у раба,
Ей освѣтилъ лицо. И оживился
Богини ликъ, изваянный искусно
Изъ хризолита съ янтаремъ, какъ жаръ
Онъ запылалъ отъ близости огня,
И гнѣвно засверкали на Нерона
Сапфировыя очи, такъ что онъ
Покровъ изъ рукъ невольно опустилъ.
— «О, какъ она сурова! точно дѣва! —
Вскричалъ Неронъ. — Но стоитъ ли стараться
Во глубину природы проникать?
И еслибъ кто, какъ кротъ, съумѣлъ прорыться
Сквозь эту землю, — есть же ей предѣлъ, —
То, можетъ быть, наткнулся бы опять
На ту же голубую безпредѣльность,
Которая у насъ надъ головой.
И можетъ ли открыть мнѣ что нибудь
Таинственная эта безконечность?
Спрошу у астрологовъ, не найдутъ ли
Они чего, чтобъ скуку мнѣ прогнать».
И всходитъ онъ на башню, надъ дворцомъ,
Гдѣ астрологи, бодрствуя, слѣдятъ
Теченье звѣздъ. Ужь полночь. Небо ясно.
Внимательно глядятъ сѣдые старцы
Въ небесную лазурь, гдѣ міръ за міромъ
Восходитъ и горитъ.
— «Скажите мнѣ,
Спросилъ у нихъ Неронъ, — что̀ вамъ даетъ
Холодный звѣздный міръ взамѣнъ того,
Что вы себя отрады сна лишили?»
И самый древній изъ ученыхъ старцевъ
Сказалъ ему въ отвѣтъ: — «О, государь!

Тамъ, въ высотѣ лазурной, еженощно,
Въ величіи и вѣчной красотѣ,
Текутъ надъ нами дивныя свѣтила:
Вотъ величавый Лебедь по эѳиру
Свое свершаетъ плаванье; вотъ Лира
Гармоніей небесною звучитъ;
Вотъ Оріонъ изъ края въ край небесъ
Лучистую стрѣлу свою бросаетъ;
Вотъ мрачнымъ силамъ ночи Геркулесъ
Своей дубиной звѣздной угрожаетъ...
Такъ царство свѣта отверзаетъ намъ
Таинственный свой храмъ, и мы витаемъ
Душою въ немъ. Насъ любятъ эти звѣзды
И открываютъ будущее намъ».
— «Вы въ заблужденьи, — говоритъ Неронъ
Съ улыбкою презрѣнья, — вамъ самимъ
Безвѣстно то пустынное пространство,
Которое хотите вы наполнить
Созданьями фантазіи своей.
Нѣтъ! небо — бездна мертвая, свѣтиламъ
Нѣтъ никакаго дѣла до людей!
Но ежели по нимъ, старикъ, ты можешь
Грядущее провидѣть, то скажи,
Когда конецъ твоей наступитъ жизни?»
И астрологъ составилъ гороскопъ
И говоритъ Нерону: — «Государь!
Я міръ оставлю за день до тебя».
— «Какъ? дерзновенный лжецъ! — вскричалъ Неронъ—
И смѣешь ты остатокъ дряхлыхъ дней
Равнять съ божественной и юной жизнью
Нерона-Діонисія? Такъ знай же,
Что ты умрешь сегодня! Пусть докажетъ
Тебѣ мой приговоръ, какъ я цѣню
Твое мнѣ предсказанье!»
Задрожавъ
Отъ гнѣвнаго движенія Нерона,
Упалъ маститый старецъ, покатился
Съ площадки башни внизъ и головой
Ударился о мраморныя плиты.
— «Хитрецъ! — вскричалъ тиранъ, захохотавъ:
У палача добычу онъ похитилъ!»
Оставивъ башню, онъ идетъ въ палату,
Хранилище остатковъ древнихъ лѣтъ

И рѣдкостей, достойныхъ удивленья,
Которыя онъ нѣкогда сбиралъ:
Теперь развлечь онъ ими хочетъ скуку.
Вотъ знаменитый перстень Поликрата;
Вотъ глина, изъ которой Прометей
Слѣпилъ искусно образъ человѣка;
Вотъ изъ Авлиды дерева кусокъ,
Съ котораго змѣя предвозвѣстила
Паденье Трои черезъ десять лѣтъ,
Съѣвъ десять воробьевъ; вотъ кнутъ, которымъ
Ксерксъ море бичевалъ за непокорность;
Вотъ Геркулесова щита осколокъ;
Вотъ кубокъ Александра золотой;
Вотъ чаша, изъ которой выпилъ ядъ
Сократъ въ своей темницѣ; вотъ копье
Героя Мараѳонскаго; вотъ мечъ
Защитника ущельевъ Термопильскихъ;
Вотъ отъ суднà Энеева бревно;
Вотъ зубъ волчицы, воскормившей двухъ
Извѣстныхъ братьевъ — Ромула и Рема.
  На это все глядитъ теперь Неронъ
Съ улыбкою и говоритъ: — «Какъ могъ я
Такими пустяками забавляться?
Я это въ годы юности сбиралъ,
Когда я былъ неопытенъ душою,
Когда еще не зналъ я высшей цѣли.
Чтò въ этихъ мнѣ обломкахъ старины,
Заброшенныхъ сюда волною мутной
Рѣки временъ? Чтò можетъ мнѣ повѣдать
Исторія ничтожнаго мірка?
И чтò она такое? — галлерея
Картинъ туманныхъ пролетѣвшихъ лѣтъ;
Холодный протоколъ полета птицъ,
Промчавшихся надъ нашей головою,
Иль хроника рожденія и смерти
Цвѣтовъ и мотыльковъ, отжившихъ краткій
Свой жизни день и сдавленныхъ теперь
И засушенныхъ межъ листовъ громадныхъ
Той хроники. Исторія даетъ
Намъ лестную увѣренность, что нѣкій,
Давно забытый всѣми человѣкъ,
Не Луціемъ, а Каемъ назывался.
Она — реэстръ фазановъ и муренъ,

Которыхъ съѣли мы и ужъ давно
Въ себѣ переварили, — инвентарій
Ногтей всѣхъ и волосъ, какіе мы
Въ теченье нашей жизни потеряли!»
  Такъ говоритъ Неронъ и, недовольный,
Съ усмѣшкою бросаетъ за окно
Вѣковъ минувшихъ рѣдкіе остатки.
  Вотъ передъ нимъ открытъ послѣдній залъ,
Огромнѣйшій, роскошнѣйшій изъ всѣхъ:
Въ немъ собраны и въ образцахъ и въ снимкахъ
Великія творенья всѣхъ вѣковъ;
И въ мраморѣ, и въ краскахъ тутъ сіяютъ
Праксителя и Фидія идеи;
Тутъ Апеллесъ, Парразій и Зевксисъ;
А въ свиткахъ по стѣнамъ лежатъ плоды
Фантазіи поэтовъ вдохновенной.
Тутъ юноша Неронъ, еще съ душой,
Въ порокѣ не погрязшей, наслаждался
Изящнаго высокой красотой;
И геніевъ — созданьямъ величавымъ;
Имъ въ звукахъ онъ, и въ словѣ подражалъ.
Теперь они всѣ мертвы для него,
И онъ стоитъ предъ ними равнодушный,
Затѣмъ, что самъ душою омертвѣлъ.
  — «О, мраморный, пустой, холодный міръ!
Такъ восклицаетъ онъ, — міръ мертвыхъ формъ!
Всей этой чистой красотой эллиновъ
Глаза мои пресытились давно!
Наскучила мнѣ эта мягкость линій
И прелесть очертаній; мнѣ теперь
Пріятнѣй чѣмъ онѣ — каррикатуры
И хари искаженныя; мой духъ
Не такъ теперь настроенъ, чтобъ подѣтски
Могъ восхищаться этой тихой, кроткой
Гармоніей, хотя прелестной съ виду,
Но неподвижной, гладкой, какъ равнина
Уснувшихъ водъ. Нѣтъ, жизни я хочу,
Угара чувствъ, конвульсій и боренья!
Прочь этотъ хламъ кропаній устарѣвшихъ
Голодныхъ маляровъ, каменотесовъ,
Прочь это все маранье стихоплетовъ,
Фантазіи цвѣтовъ увядшихъ сѣно,

Которое лѣтъ съ тысячу они
Какъ жвачку все жуютъ — не нажуются!»
Такъ говоритъ хулитель недовольный
И съ пьедесталовъ низвергаетъ на̀ полъ
Творенія великихъ мастеровъ,
А рукописей свертки дорогіе
Велитъ въ костеръ рабамъ своимъ бросать.
Такъ мрачное исчадье ада — скука,
Страшилище, проникшее къ Нерону,
Дыханіемъ пахнуло на него,
И, пасть свою все шире растворяя,
Весь поглотила золотой дворецъ —
Роскошный міръ Нерона. Для него
Ужь ничего въ немъ больше не осталось,
И онъ стоитъ какъ нищій средь него.
— «Міръ чувственный меня не развлекаетъ, —
Въ немъ больше нѣтъ приманки для меня, —
Такъ говоритъ Неронъ. — Позвать Сенеку!
Быть можетъ, онъ ученой болтовней
И разными софизмами съумѣетъ
Попрежнему меня развеселить.
Позвать его ко мнѣ, гдѣ-бъ ни нашли, —
За грудою ли книгъ иль за попойкой, —
И то, и это любитъ онъ равно!»
И призванъ былъ философъ и предсталъ
Почтительно предъ нимъ.
— «Скажи, Анней, —
Спросилъ его Неронъ, — что̀ это значитъ,
Что ужь ничто меня не веселитъ?
Что даже мой дворецъ мнѣ опротивѣлъ!
Я обратилъ все въ золото кругомъ,
Какъ нѣкогда Мидасъ; иль неразумно
Я поступилъ и долженъ, голодая,
Предъ золотыми яствами сидѣть?»
И отвѣчалъ мудрецъ: «Зачѣмъ же ты
Стремился наслаждаться безгранично
Тѣмъ, что̀ въ границахъ можетъ лишь плѣнять?
Зачѣмъ хотѣлъ ты чувствомъ то изведать,
Что̀ можетъ лишь фантазія обнять?
Зачѣмъ, изъ моря черпая рукою,
Дивишься ты, что можешь изъ него
Не болѣе, какъ горсть одну достать?»
— «Ты назвалъ мнѣ болѣзнь, скажи лекарство!»

— «Возстанови республику, Неронъ!
Возстанови могучій древній Римъ,
И мужемъ будь, какъ Нума или Брутъ,
Какъ Фабій иль Публикола: сегодня
Разбей врага, какъ Сципіонъ, а завтра
Ступай въ свое помѣстье и за плугомъ
Трудись, какъ Цинциннатъ!»
— «Не для того ли, —
Спросилъ Неронъ, — чтобъ лучше совершился
Процессъ пищеваренья? Какъ? я долженъ
Набить опять пустую кожу Рима,
Которую онъ сбросилъ какъ змѣя,
Вдохнуть въ него мой духъ и такъ пустить
Его живымъ разгуливать? Я долженъ,
Какъ на показъ, преобразиться въ куклу
Римлянина давноминувшихъ лѣтъ,
Чтобъ сѣверные варвары, пришедъ,
Глазѣли на меня и дивовались
И за бороду дергали меня?
Нѣтъ! никогда не буду мертвой куклой!
Во мнѣ течетъ кровь вѣка моего,
И пусть она во мнѣ *живомъ* клокочетъ!
Во время Нумы былъ бы, можетъ статься,
Я Нумою, во время Брута — Брутомъ,
Въ мое же время долженъ быть Нерономъ.
Великое не можетъ быть успѣшно,
Когда оно не коренится въ сердцѣ
Эпохи той, въ которую живетъ:
Ты это самъ нерѣдко мнѣ твердилъ.
И ты Катономъ былъ бы въ вѣкъ Катона;
Но если быть имъ хочешь въ вѣкъ Нерона,
То стало быть ты двоедушенъ, другъ!
Гермофродитъ ты нравственный — и только!
Ты, нѣжась на подушкахъ, порицаешь
Изнѣженность; за пьянымъ кутежомъ,
Едва тупымъ владѣя языкомъ,
Разумную воздержность восхваляешь.
О, лицемѣръ! не самъ ли ты всегда
Былъ на моихъ пирахъ усерднымъ гостемъ?»
— «Я прихоти твоей лишь покорялся,
Да и тебя покинуть не хотѣлъ.
Я предпочелъ дурному подчиниться,
Чтобъ охранить отъ худшаго тебя».

— «Софистъ! влеченью слѣдовать труднѣе,
Чѣмъ пріискать для этого предлогъ.
Сознайся самъ, что пировать со мною
Совсѣмъ не жертвой было для тебя,
А наслажденьемъ. Жаждой удовольствій
Теперь у всѣхъ сердца заражены,
А отъ заразы излечить нельзя
Водой твоихъ сентенцій философскихъ».
— «Я человѣкъ, но я душой всегда
Лишь къ истинѣ и мудрости стремился,
Имъ жизнь моя была посвящена,
Хотя ее ты двойственной находишь».
— «Ты мудрствовалъ всегда и за виномъ;
Но что-жь тебѣ открыла эта мудрость?
Быть можетъ, ты узналъ, что жжетъ огонь
И что вода текуча? Ну, скажи,
Какую же ты истину узналъ,
Которая была бы неизвѣстна
Безъ мудрствованій каждому изъ насъ?»
— «*Извѣстна* только, но не *понята:*
Я понимать учился, что̀ другіе
Лишь по послышкѣ знаютъ. Самъ же ты
Всегда искалъ такого пониманья
И съ жадностью словамъ моимъ внималъ».
— «О, это пониманье! Я съ тѣхъ поръ,
Какъ понялъ этотъ свѣтъ, увидѣлъ ясно,
Какъ пустъ онъ и ничтоженъ! Ты некстати
Напоминаешь мнѣ объ этомъ главномъ
Источникѣ моей несносной скуки.
О, счастливъ тотъ, кто ничего не знаетъ,
Кто ничего не хочетъ понимать!
Я жажду сновъ, пріятнаго незнанья,
Я жажду мрака: яркій знанья свѣтъ
Слѣпитъ мои глаза! Я проклинаю
Тебя и мудрость мнимую твою,
Которою тебѣ лишь я обязанъ!
Она меня лишаетъ наслажденій.
Анней! тобой я недоволенъ; ты
Наскучилъ мнѣ; по счастію ты стоикъ
И не боишься смерти; думать можно,
Что ты охотно примешь приказанье
Мое тебѣ — оставить этотъ міръ,
Въ которомъ ты встрѣчаешь лишь досаду!

*

Попробуй-ка себѣ ты жилы вскрыть, —
Такая смерть въ ходу теперь у римлянъ, —
Она спокойнѣй прочихъ, говорятъ,
Такъ пусть она тебя освободитъ
Отъ двойственности внутренней, съ какою,
При мудрости стоической своей,
Ты можешь кубки полные любить
И дорогимъ металломъ увлекаться.
Такъ или такъ, мы сами для себя
Должны придумать средство исцѣленья;
Посмотримъ, какъ себѣ я помогу!
Теперь ступай и мой приказъ исполни!»
 И, выслушавъ свой смертный приговоръ,
Мудрецъ, шатаясь, вышелъ пораженный:
Онъ твердо былъ увѣренъ, что Неронъ
Не перемѣнитъ сказаннаго слова.
 — «Да, — говоритъ Неронъ въ раздумьи мрачномъ, —
Есть у меня причина проклинать
Тебя, познанья свѣтъ, который съ міра
Очарованье снялъ передо мной
И лучшую приправу наслажденья
Похитилъ у меня. Любовь не даромъ
Предпочитаетъ сумракъ свѣту дня.
Къ чему познанье мнѣ, когда оно
Мнѣ портитъ только радость наслажденья?
Къ чему мнѣ безконечное, когда
Конечное въ немъ гибнетъ для меня?
Конечнымъ наслаждаться безконечно,
Пока съ людскими чувствами живешь, —
Вотъ лучше всякой вѣчности по мнѣ;
А въ немъ-то мнѣ судьба и отказала!
Божественность моя мнѣ надоѣла
И свѣтъ ума, и царское всевластье.
Мнѣ хочется мистическаго мрака,
Мнѣ хочется извѣдать ужасъ. — Ахъ!
Есть существо одно, передъ которымъ
Я могъ бы задрожать, — то Агриппина,
Но и она въ аду заключена!
А впрочемъ, есть молва о мудрыхъ магахъ,
Которые посредствомъ заклинаній
Изъ гроба могутъ мертвыхъ вызывать.
Хотѣлъ бы я толкнуться въ двери ада!
Я испыталъ и землю, и Олимпъ, —

Теперь хочу извѣдать міръ Плутона,
Куда послалъ я въ гнѣвѣ Агриппину!
О, мать! лишь только вспомню о тебѣ,
Какъ вновь во мнѣ рождается желанье
Тебя изъ міра мрака возвратить,
Чтобъ надъ тобой опять свершить отмщенье
И вновь тебя въ пучинѣ потопить!
А иногда приходятъ и мгновенья,
Что кажется, собралъ бы я съ земли
Всѣ розы и фіалки, чтобъ покрыть
Ихъ пеленой кристальную могилу,
Сурово поглотившую тебя,
Единственная женщина на свѣтѣ,
Передъ которой могъ склониться я!»
  Неронъ стоитъ въ раздумьи у окна
И устремляетъ взоры въ отдаленье.
Сіяетъ ярко мѣсяцъ золотой.
Какая тѣнь вдругъ отдѣлилась тамъ
Отъ мрамора блестящаго колонны?
Къ ней прислонясь, задумчиво стоитъ
Какой-то мрачный образъ человѣка.
Вотъ поднялъ онъ главу свою сѣдую
И вверхъ къ Нерону взоры устремилъ.
Лучъ мѣсяца ужасно отразился
Въ его глазахъ глубокихъ и большихъ, —
И въ немъ Неронъ узналъ Титана-старца,
Который ищетъ смерти и живой
Возсталъ предъ нимъ изъ пламени.
                                        — «Позвать
Ко мнѣ сюда того, кто тамъ стоитъ!»
И рабъ спѣшитъ исполнить повелѣнье.
Проходитъ мигъ, и вотъ передъ Нерономъ
Опять предсталъ ужасный тотъ старикъ,
Которому въ глаза лишь онъ одинъ
Смотрѣть спокойно можетъ.
                                        — «Ты ужъ разъ,—
Сказалъ Неронъ,—своею смѣлой рѣчью
И волшебствомъ съумѣлъ меня развлечь.
Не хочешь ли опять мнѣ послужить?
Ты некромантъ, быть можетъ? Видишь, мнѣ
Хотѣлось бы ужасное извѣдать,
А на землѣ нѣтъ больше ничего,
Предъ чѣмъ бы я могъ сердцемъ содрогнуться.

Лишь адъ одинъ скрываетъ ту жену,
Которой видъ могъ потрясти мнѣ душу,—
И этого хочу я: мнѣ наскучилъ
Нѣмой покой; — жена та — Агриппина;
Ты можешь ли теперь ее мнѣ вызвать
Изъ царства тьмы»?
И старецъ отвѣчалъ:
— «Ты не напрасно пригласилъ меня;
Съ недавнихъ поръ здѣсь въ Римѣ обитаетъ
Великій магъ, прибывшій изъ Египта,
По имени Тіанскій Аполлоній;
Онъ изъ могилы вызоветъ тебѣ
Кого ты пожелаешь».
— «Хорошо!
Веди меня къ нему! Я нынче жь ночью
Хочу его искусство испытать.
Готовъ-ли ты»?
— «Готовъ; ступай за мною»!
Подъ сводами глухаго подземелья,
Угрюмаго и темнаго, какъ ночь,
Куда лучъ дня совсѣмъ не проникаетъ,
Сидитъ при свѣтѣ лампы некромантъ.
Со стѣнъ, ея мерцаньемъ озаренныхъ,
Въ полузвѣриныхъ образахъ глядятъ
Египетскіе боги: Озирисъ,
Изида, и Бубастрисъ, и Тифонъ.
Магическіе знаки, будто змѣи,
Обвили ихъ кругомъ. На пьедесталахъ
Серебряныя блещутъ зеркала
И урны погребальныя стоятъ,
Наполненныя пепломъ и костями,
И травами волшебными; въ углу
Стоитъ скелетъ; надъ нимъ, раскинувъ крылья,
Виситъ убитый воронъ; тутъ лежитъ
Набитый крокодилъ; тамъ, скаля зубы,
Глядятъ, уставясь мертвыми глазами,
Звѣрей различныхъ головы со стѣнъ.
Иль мертво все подъ этимъ мрачнымъ сводомъ?
Но нѣтъ,—вотъ тутъ, въ ногахъ у некроманта,
Лежитъ громадный черный песъ; онъ страшенъ
Какъ песъ Гекаты; тамъ ползетъ змѣя,
Серлвкая зобно красными глазами;
Тамъ жаба исполинская сидитъ,

Широко ротъ разинувъ ядовитый
И выпуча глаза.—Самъ некромантъ
Сидитъ, глубоко въ думу погруженный.
Онъ прибылъ изъ Египта, изъ священной
Страны когда-то славныхъ мертвецовъ,
Изъ колыбели мудрости глубокой,
И вотъ, въ роскошномъ Римѣ, гдѣ волной
Кипитъ и хлещетъ жизненная сила,
Стоитъ теперь угрюмый странникъ съ Нила
Какъ будто смерти вѣстникъ роковой!
Глаза его горятъ волшебнымъ блескомъ,
Онъ мыслію витаетъ въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ онъ бывалъ, и смуглое лицо
Отъ тайныхъ думъ его то омрачится,
То снова просіяетъ. Онъ въ мечтахъ
Ужь видитъ время то, когда съ востока
Прольется свѣтъ на западъ и внесетъ
Въ среду его народовъ новый культъ —
Возвышенно прекрасный! Ужь идутъ,
Какъ вѣстники его, мужи съ востока,
Отъ Нильскихъ береговъ, отъ Палестины...
И все сильнѣй мистическій огонь
Во взорахъ Аполлонія сверкаетъ.
Онъ прибылъ въ Римъ и здѣсь узналъ, какъ дерзко
Себя Неронъ возвысилъ въ божество.
Безумецъ! какъ ничтоженъ и смѣшонъ
Казался онъ сѣдому некроманту!
Къ нему не разъ таинственный скиталецъ,
Нерона злобный геній, заходилъ
И убѣждалъ его употребить
Всѣ силы тайныхъ чаръ и заклинаній
Чтобъ дерзкаго тирана пристыдить.
  И вотъ теперь, лишь только Аполлоній
Свой поднялъ взоръ, какъ увидалъ опять
Его передъ собою; оба тихо
Немногими словами обмѣнялись,
И молча ввелъ Нерона мрачный старецъ
Въ жилище некроманта.
                    — «Ты-ли тотъ,—
Спросилъ Неронъ,—который одаренъ
Таинственною силой — вызывать
Изъ царства тьмы усопшихъ?»

— «Да, она
Моей покорна волѣ, императоръ!
Да, магіи орфической законамъ
И демоны подвластны, даже боги:
Лишь въ ней таится истинная воля,
Она одна всесильна!»
— «Докажи
Свою мнѣ власть и силу, и посмотримъ,
Сравнится-ли она съ моею силой.
Открой мнѣ своды Орма и заставь
Передо мной явиться Агриппину!»
— «Ее увидишь ты!»—отвѣтилъ магъ,
И, развернувъ мистическіе свитки,
Сталъ сочетанье знаковъ наблюдать
И связь іероглифовъ по таблицамъ,
Чтобъ лучшій мигъ избрать для заклинаній.
Потомъ онъ взялъ куренье и насыпалъ
Въ горящую жаровню, и мгновенно
Клубами одуряющаго дыма
Наполнился весь сводъ; сіянье лампъ
Вдругъ озарило краснымъ свѣтомъ стѣны,
И некромантъ сталъ вынимать изъ урнъ
Различныя мистическія травы,
Которыя сбиралъ онъ по ночамъ
У Понта и у Нильскихъ береговъ,
А между тѣмъ съ усмѣшкою презрѣнья
Неронъ жилище мага озиралъ.
Вдругъ взоръ его на зеркало упалъ,
И въ немъ лицо представилось ему,
Которое съ такимъ презрѣньемъ злобнымъ
Глянуло на него, что, вздрогнувъ, онъ
Невольно отшатнулся. Некромантъ
Стремительно, какъ бы съ негодованьемъ,
На зеркало накинулъ покрывало.
Потомъ, поднявъ одинъ изъ камней пола,
Надъ этимъ мѣстомъ, въ жертву силамъ ада,
Онъ чернаго ягненка умертвилъ
И, бормоча таинственныя рѣчи,
Сталъ свѣжей кровью землю поливать.
Тутъ приподнялся песъ и подошелъ,
Чтобъ темной крови полизать, но съ воемъ
Отъ сильнаго удара некроманта
Опять назадъ въ свой уголъ поплелся.

Поднялся паръ отъ крови той, и магъ
Собралъ ее въ сосудъ и, отсчитавъ
Три капли въ кубокъ съ влагою душистой,
Ее Нерону подалъ, чтобъ онъ отпилъ,
Потомъ остаткомъ влаги изъ сосуда
Онъ, бормоча, сталъ брызгать вкругъ себя.
И вотъ, куда лишь капля упадала,
Вдругъ вспыхивало пламя, и звучалъ
Какой-то странный звукъ, и все кругомъ
Мгновенно оживало: засверкали
Глаза у мертвой рыси и гіены,
Забѣгали кругомъ, раздулись поздри,
Какъ будто кровь почуяли онѣ;
Огромный мертвый воронъ надъ скелетомъ
Сталъ крыльями размахивать и клювомъ
Долбить скелета черепъ; крокодилъ
Разинулъ пасть и съ шумомъ изъ нея
Исторгся рой нетопырей и совъ
И сталъ свистя по храминѣ кружиться.
А некромантъ все ходитъ и повсюду
Разбрызгиваетъ кровь. Но вотъ одна
Изъ этихъ капель, противъ воли мага,
Попала въ урну съ пепломъ и костями,
И огонекъ надъ нею запылалъ,
И будто призракъ встала изъ нея
Вдругъ голова съ сомкнутыми глазами
И блѣдная какъ смерть. Затрепеталъ
Самъ некромантъ и съ новымъ заклинаньемъ
Къ ней бросился и крышкою тяжелой
Захлопнулъ въ урну страшный ликъ.
Но вотъ
И остовы всѣхъ птицъ пришли въ движенье
И начали по храминѣ летать,
Ихъ крикъ и хлестъ ихъ крыльевъ раздражаетъ
И желтую змѣю, и крокодила, —
Они, грозя, на нихъ зіяютъ пастью,
И слышится кругомъ и визгъ, и стонъ,
И свистъ, и завыванье, точно лай
Свирѣпой Скиллы, точно бури вой.
Съ остервенѣньемъ черная собака
Бросается на нихъ, змѣя шипитъ
И пѣну извергаетъ; вздулась жаба
И брызжетъ чернымъ ядомъ вкругъ себя.

А некромантъ творитъ все заклинанья,
Сбираетъ ядъ и пѣну и мѣшаетъ
Ихъ съ кровью на полу и подсыпаетъ
Волшебныхъ травъ...
Все бѣшенѣй кружится,
Все яростнѣй грохочетъ адскій сонмъ.
Неронъ, смутясь, блѣднѣетъ; вотъ ползетъ
Къ нему змѣя; онъ хочетъ раздавить
Ее ногой; но вдругъ все подземелье
Поколебалъ ударъ землетрясенья.
Всѣ идолы египетскихъ боговъ,—
Кто съ птичьей, кто съ собачьей головою,—
Съ подножій соскочили и смѣшались
Съ гудящимъ роемъ вьющихся духовъ.
Но въ этотъ мигъ отчетливо и грозно,
Какъ рѣзкій звукъ металла, раздалось
Таинственное слово некроманта,
И стихло все, и замерло кругомъ,
Разсѣялись, исчезли духи мрака,
Повѣялъ нѣжный ароматъ цвѣтовъ,
И розовымъ сіяньемъ освѣтился
Подземный сводъ, какъ утренней зарей.
И вотъ изъ глубины его встаетъ
И тихо, тихо близится къ Нерону,
Облитый весь пурпуровымъ сіяньемъ,
Съ вѣнкомъ изъ розъ и лилій на челѣ,
Прелестный, блѣдный образъ Агриппины.
Да, то она! Такой она была,
Когда жила на свѣтѣ; лишь нѣжнѣе,
Эѳирнѣе весь станъ ея теперь,
И юностью дѣвической сіяетъ
Ея воздушный образъ. Съ изумленьемъ
Глядитъ Неронъ на чудное видѣнье, —
Онъ очарованъ прелестью его;
Въ его груди заглохло чувство злобы,
И сердца мракъ впервые озарилъ
Внезапно лучъ любви со всѣмъ ея
Таинственно-отраднымъ наслажденьемъ,
Со всей ея гнетущею тоской.
Языкъ не въ силахъ выразить тѣ чувства,
Какія волновали въ этотъ мигъ
Нерона грудь. Онъ простираетъ руку,
Чтобъ удержать прелестную; но, ахъ!

Она принадлежитъ иному міру:
Межъ нимъ и ею вѣчность и судьба
Преграду положили, и видѣнье
Разсѣялось, какъ облако, предъ нимъ.
Но онъ, уставясь, смотритъ все туда,
Гдѣ скрылся милый образъ, и опять
Передъ собою видитъ Агриппину;
Но это ужь не призракъ, не мечта:
Ее теперь онъ видитъ ужь не такъ,
Какъ некромантъ хотѣлъ ее представить:
Богиней Рима видитъ онъ ее,
Но ликъ ея печаленъ и суровъ,
Осыпались цвѣты ея вѣнковъ,
Разорванныхъ и спутанныхъ... Но вотъ
Все близится она и представляетъ
Холодный трупъ той царственной жены,
Которую, какъ сломанную пальму,
Изъ моря принялъ атріумъ Нерона.
Она несется тихо близь него,
И мертвый взоръ ея потухшихъ глазъ
Ему пронзаетъ грудь укоромъ грознымъ.
Онъ съ ужасомъ читаетъ въ нихъ слова:
«Ты мать свою убилъ!» Холоднымъ пòтомъ
Покрылся лобъ его; глаза, уставясь,
Глядятъ на грозный призракъ, порожденный
Не чарами таинственными мага,
Но собственнымъ его воображеньемъ.
Онъ смотритъ, но она ужь не одна!
Чей призракъ съ искаженными чертами
Явился вдругъ? Га! это Британникъ!
На тѣлѣ пятна, вызванныя ядомъ,
Замазалъ бѣлымъ гипсомъ Тигеллинъ,
Чтобъ скрыть на немъ слѣды своей отравы.
А вотъ несется блѣдная чета
Двухъ юныхъ дѣвъ съ закрытыми глазами:
О, какъ различенъ видъ ихъ! Вотъ Актея,
Затоптанная грязными ногами
Упившихся вакхантовъ; близь нея
Витаетъ образъ христіанской дѣвы,
Которую Неронъ хотѣлъ спасти
Для утоленья похоти позорной.
Га! вотъ и негръ, клевретъ его презрѣнный,
Глядитъ ему въ глаза, оскаливъ зубы

И потрясая черною змѣей.
Вотъ и Силенъ съ раздутымъ животомъ
Кривляется, сокрывъ свое лицо
Подъ маскою египетскаго бога.
И все растетъ тѣней ужасный рой
И вереницей вьется вкругъ Нерона.
Всю храмину наполнили они,
Исчезли сводъ и стѣны, — и пустыня
Открылась передъ нимъ, и видитъ онъ
Развалины сожженныхъ городовъ
И груды труповъ залитые кровью,
И страшныя картины истребленья...
Онъ ужасомъ объятый, цѣпенѣетъ
И дыбомъ встали волосы его.
Такъ въ сонмѣ фурій нѣкогда Орестъ
Стоялъ подъ ихъ змѣиными бичами.
— «Га! — восклицаетъ онъ, -- иль поднимаетъ
Адъ на меня всѣхъ мертвецовъ своихъ?...
Проклятіе! какъ исполинскій змѣй
Мнѣ ужасъ грудь опуталъ и сжимаетъ,
И тщетно я стряхнуть его хочу!...
Духъ борется, но тѣло измѣняетъ...
О, какъ темнѣетъ все вокругъ меня!...»
Онъ пошатнулся, взоръ его угасъ
И на̀ земь онъ безъ жизни упадаетъ.
Какъ надъ своею жертвой демонъ мести
Склонился мрачный старецъ и, взглянувъ
На некроманта, говоритъ ему:
— «Такъ вѣчная природа побѣдила:
Неронъ сломился, палъ, уничиженъ, —
Хотя лишь на мгновенье. Пусть опять
Онъ снова гордо голову подниметъ;
Но лютый червь, котораго вложилъ
Я въ сердцевину кедра, съ каждымъ мигомъ
Все далѣе въѣдается въ него.
И вижу я, — ужь близится тотъ часъ,
Когда надъ нимъ свершится воля рока!»

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Агасѳеръ.

Прошелъ смертельный обморокъ Нерона;
Онъ возвратился къ жизни и увидѣлъ

Себя опять въ златомъ своемъ дворцѣ.
Онъ какъ отъ сна тяжелаго проснулся,
Отъ сна, который въ душу такъ глубоко
Къ нему проникъ, такъ чувства оковалъ,
Что подъ его вліяньемъ роковымъ
И наяву себя онъ ощущаетъ:
Еще дрожатъ отъ ужаса всѣ члены,
Въ стѣнѣ зеркально-гладкой онъ увидѣлъ
Вдругъ отраженье своего лица
И вздрогнулъ — такъ искажено и блѣдно
Представилось оно. Его теперь
Видъ зеркала пугаетъ; будто въ немъ
Боится онъ увидѣть то лицо,
Которое у мага въ подземельѣ
Изъ-за спины глядѣло на него.
Во всѣхъ углахъ мерещутся ему
Таинственные признаки Аверна;
Онъ будто ждетъ, что даже самый полъ
Вдругъ подъ его разступится ногами
И вновь предъ нимъ предстанутъ духи тьмы.
Но наконецъ, съ негодованьемъ топнувъ,
Неронъ спросилъ: «Ужели это я?
Прилично-ли Нерону, какъ мальчишкѣ,
Бояться привидѣній? Вотъ что̀ значитъ
Быть существомъ, рожденнымъ отъ жены!
Да, какъ бы человѣкъ ни сознавалъ
Въ себѣ всѣ силы бога, какъ бы гордо
Онъ о своемъ величіи ни мыслилъ, —
Но отъ земной природы отрѣшиться
Не можетъ онъ совсѣмъ, и, хоть на мигъ,
Но долженъ ей невольно подчиниться.
Да, лишь на мигъ — и только! духъ свободный
Всегда всплыветъ наверхъ, какъ изъ воды
Заброшенная пробка выплываетъ.
Нѣтъ! ты во мнѣ не заглушишь, природа,
Высокаго сознанья моего!
Хотя и не могу я не признаться
Что силѣ духа можешь предъявить
Другую силу ты, и что, быть можетъ,
Еще есть третья сила—сила рока».
И будто вѣстникъ этой третьей силы,
Предъ нимъ явился Бурръ; его лицо
Недоброе извѣстье предвѣщаетъ,

И въ тотъ же мигъ его поспѣшнымъ словомъ
Оно и подтвердилось: «Государь!
Сейчасъ гонецъ примчался запыленный
И вѣсть принесъ, что съ Галлами Виндексъ
Твои разбилъ, разсѣялъ легіоны
И къ Риму приближается.»
— «Ого! —
Вскричалъ Неронъ, — едва ли что̀ достойнѣй
Такую ночь могло бы довершить!
Иль думаешь меня ты убаюкать
Такою пѣснью послѣ страшной ночи,
Которую безсонно я провелъ?»
— «О, государь! извѣстье слишкомъ важно
И медлить я не смѣлъ. Успѣхъ Виндекса,
Твоихъ полковъ смятенье и побѣгъ —
Все требуетъ поспѣшности. Весь Римъ
Эдиктами измѣнника взволнованъ
И жадно ихъ читаетъ. Въ нихъ тебя
Отъ власти онъ верховной отрѣшаетъ,
На щитъ возноситъ Гальбу и дерзаетъ
Язвить тебя насмѣшками и бранью.
Аэробарбомъ онъ тебя зоветъ,
А не Нерономъ и...»
— «Ну, что же дальше?»
— «Могу ли все сказать?»
— «Все говори!»
— «Съ насмѣшкою въ своихъ эдиктахъ онъ
Тебя зоветъ безпутнымъ скоморохомъ,
Бездарнымъ риѳмоплетомъ, безголосымъ
Пѣвцомъ и гистріономъ...»
Задрожавъ,
Неронъ вскричалъ: — «А что̀ же Римъ отвѣтилъ
Ему на то? Не растопталъ съ презрѣньемъ
Хулителя эдикта?»
— «Государь!
Народъ всегда за тѣхъ, кто побѣдилъ.
Всѣ прежнія кровавыя дѣянья
Теперь припомнилъ онъ и, не стѣсняясь,
О томъ кричитъ, о чемъ не смѣлъ и думать.
Толпа, когда-то чтившая тебя
За зрѣлища и празднества, какими
Ее никто не тѣшилъ до тебя,
На форумѣ тебя жь теперь позоритъ

За то, что ты въ голодный годъ велѣлъ
Прислать изъ Александріи суда
Не съ хлѣбомъ для народа, а съ пескомъ
Для цирка и борцовъ. Твои статуи
Заплеваны народомъ, и кругомъ
Гремятъ тебѣ ужасныя проклятья».
— «Вотъ я имъ ротъ зажму! — съ негодованьемъ
Вскричалъ Неронъ. — Я накажу примѣрно
Измѣнниковъ — проконсуловъ провинцій,
Вождей — презрѣнныхъ трусовъ! Кровью мнѣ
Они за все поплатятся, хотя бы
Пришлось ихъ мнѣ наемною рукой
Со свѣта сбыть! Я раззорю до тла
Мятежныя провинціи; я кровью
Ихъ оболью; я ихъ на разграбленье
Отдамъ моимъ войскамъ. Народъ заставлю
Повиноваться страхомъ, а солдатъ —
Надеждою добычи. А сенатъ —
О, этотъ сбродъ изнѣженныхъ обжоръ!
Лишь я замѣчу только, что они
Хоть на̀ волось посмѣютъ отшатнуться
На сторону врага, — я ихъ, мерзавцевъ,
Всѣхъ отравлю на пиршествѣ моемъ;
Спущу звѣрей на гражданъ непокорныхъ!
А если ужь ничто въ борьбѣ съ судьбой
Не сможетъ мнѣ помочь, — то подожгу
Со всѣхъ сторонъ я Римъ, — и пусть погибнутъ
Въ томъ пламени и жители, и я!
Теперь спѣши собрать какіе есть
Отряды подъ рукою и скажи
Моимъ когортамъ, что я самъ не медля
Ихъ на мятежныхъ поведу. Но прежде
Пошли гонцовъ къ сенаторамъ, вели
Ихъ растолкать отъ утренней дремоты:
Пусть явятся сейчасъ они ко мнѣ!»
И Бурръ спѣшитъ исполнить приказанье.
И лишь разсвѣта лучъ позолотилъ
Албанскихъ горъ зеленыя вершины,
Какъ во дворцѣ, предъ комнатой Нерона,
Въ обширномъ залѣ собрались зѣвая
Отъ прерваннаго сна, мужи совѣта,
Сенаторы, отцы сѣдые Рима.
Заплыли, осовѣли ихъ глаза

Отъ сна и отъ попоекъ, лобъ и щеки
Еще блестятъ испариной ночной.
Они другъ другу шепчутъ о тревожныхъ
Событіяхъ, о дерзости Виндекса,
О планахъ Гальбы (новости послѣдней
Они еще не знаютъ), — а потомъ
Несносную политику забывъ,
(Да и какое до нея имъ дѣло,
Когда и цезарь ей предпочитаетъ
Убійства и пиры?) — они къ своимъ
Любимымъ разговорамъ переходятъ:
О представленьяхъ въ циркѣ, о ристаньяхъ,
О силѣ гладіаторовъ, о пляскѣ
Хорошенькихъ танцовщицъ, объ игрѣ
Мимическихъ актеровъ, акробатовъ;
Тотъ за того стоитъ, тотъ за другого;
Забыты ими въ оживленномъ спорѣ
И Гальба, и Неронъ...
А онъ межъ тѣмъ
Тайкомъ изъ-за угла глядитъ на группу
Сѣдобородыхъ старцевъ, и кипитъ
Въ его груди и злоба, и презрѣнье.
— «Га! вотъ они, вотъ эти абдериты! —
Онъ говоритъ, — вотъ эти львы, что̀ стали
Слабѣе кошки, — вотъ тѣ крокодилы,
Что̀ въ ящерицъ вертлявыхъ обратились!
Да, вотъ они, тѣ доблестные мужи,
Съ которыми, по мнѣнію Сенеки,
Я могъ бы древній Римъ возстановить,
Быть справедливымъ, добрымъ государемъ
И міръ себѣ со славой покорить!
О, пошляки! они способны только
Свои тѣла на мягкихъ ложахъ нѣжить,
Да яствами утробы набивать,
Да заставлять невольницъ за попойкой
На нихъ прохладу миртой навѣвать...
Вотъ эти люди! Ихъ ли для совѣта
Могу призвать? Могу ли передъ ними
Я робость или слабость показать?
Нѣтъ! мнѣ они ни въ чемъ помочь не могутъ!
Они лишь какъ монеты, или нѣтъ,
Какъ марки только ходятъ по рукамъ,
А мы, — всемірной власти игроки,

По нимъ лишь сводимъ счетъ; они же сами,
Какъ жесть иль кость, — не стоютъ ничего!»
И вышелъ онъ съ сіяющимъ лицомъ
И съ царственнымъ величіемъ въ собранье
Сенаторовъ своихъ. Подобострастно
Они предъ нимъ склонились, ожидая
Его велѣній.
— «Знаете ли вы —
Спросилъ онъ ихъ, — зачѣмъ я васъ призвалъ?»
Они молчатъ. — «Вамъ трудно угадать?».
— «Быть можетъ, вѣсть изъ лагеря, — отвѣтилъ
Одинъ изъ нихъ, — о близости Виндекса?»
— «Что̀ мнѣ Виндексъ! — съ презрительной усмѣшкой
Сказалъ Неронъ. — О немъ я и не думалъ.
Отрубленную голову его
Я прикажу, вонзенную на дротикъ,
Здѣсь выставить на воротахъ дворца.
Изъ-за такой бездѣлицы не сталъ бы
Я васъ будить отъ утренняго сна,
Почтенные отцы и главы Рима!
Нѣтъ, радостную вѣсть я вамъ скажу!
Узнайте: ныньче ночью наконецъ
Я разрѣшилъ великую проблемму,
Которою былъ занятъ много лѣтъ.
Вамъ водяной органъ давно извѣстенъ;
Вы знаете, какъ этотъ инструментъ
Несовершенъ еще въ своемъ устройствѣ,
Какъ звукъ его порой терзаетъ слухъ
Любителя гармоніи. Извѣстно
Вамъ также то, что духомъ я ношусь
Въ предѣлахъ разныхъ знаній и искусствъ,
Механикой нерѣдко занимаюсь
И опытностью въ ней я обладаю.
Такъ вотъ мнѣ ночью что-то не спалось,
И началъ я обдумывать устройство
Органа водянаго: думалъ, думалъ,
И, наконецъ, изъ этого хаоса
Идей, соображеній, сталъ мнѣ ясенъ
Такой чудесно-хитрый механизмъ,
Что старый нашъ органъ преобразится
Въ чудеснѣйшій на свѣтѣ инструментъ.
Открытіемъ счастливымъ восхищенный,
Я съ нетерпѣньемъ ждалъ разсвѣта дня,

Чтобъ сообщить о радости моей
Сенату и народу. Вотъ, смотрите,
Я въ чертежахъ предъ вами объясню
Весь механизмъ».
И онъ вокругъ стола
Сенаторовъ смущенныхъ собираетъ
И на листѣ папирса передъ ними
Въ извилистыхъ и спутанныхъ чертахъ
Устройство механизма объясняетъ.
Они внимаютъ, выпуча глаза,
И кружатся ихъ головы сѣдыя.
— «Ну, поняли?» — «Отлично, императоръ!»
— «Теперь ступайте передать народу
Мои слова; скажите, что на дняхъ
Я опытъ самъ римлянамъ покажу
На этомъ инструментѣ. Но смотрите,
Ни слова о Виндексѣ! чтобъ никто
Изъ васъ о немъ не смѣлъ и заикнуться —
Подъ страхомъ смерти! Можете идти!»
И, тѣшась ихъ смущеньемъ, отпускаетъ
Неронъ мужей совѣта престарѣлыхъ,
Которые, съ почтеньемъ удаляясь,
Ему лепечутъ льстивыя слова.
Межъ тѣмъ настало утро. Съ нетерпѣньемъ
Неронъ считаетъ каждую минуту.
Вотъ стклянoчку въ оправѣ золотой
Съ какой-то влагой, вынувъ изъ-подъ тоги,
Онъ бережно поставилъ предъ собой.
Ужь солнце башни Рима озарило,
А Бурра нѣтъ. Неронъ тревожно ждетъ.
Но наконецъ съ извѣстьемъ роковымъ
Вбѣгаетъ онъ: «Мятежники подъ Римомъ!
Въ волненіи весь городъ; легіоны
Передались врагу, повсюду клики
Въ честь Гальбы раздаются: это эхо
Тѣхъ возгласовъ, которые гремѣли
Еще вчера съ прибывшихъ кораблей.
Измѣна войскъ и флота отнимаетъ
Возможность обороны! Все пропало!
Въ смятеніи сенатъ. Сейчасъ я встрѣтилъ
Оттона: онъ отправился къ Виндексу
Ему покорность Рима предложить
И вымолить пощаду для сената.

Народъ со словъ презрѣнныхъ преторьянъ
Повсюду славитъ Гальбу и несется
Съ неистовыми криками сюда,
Чтобъ захватить всѣ выходы дворца
И плѣнникомъ тебя Виндексу выдать».
И въ этотъ мигъ раздался вкругъ дворца
Ужасный вопль, какъ бури завыванье.
Во всѣ ворота ломится толпа.
Увидя это, Бурръ спѣшитъ спастись.
— «Останься здѣсь!» вскричалъ ему Неронъ.
Но тотъ его велѣнью не внимаетъ.
Тогда Неронъ, схвативъ кинжалъ, бросаетъ
Его за бѣглецомъ, и, какъ стрѣла
Юпитера, пронзилъ его онъ спину,
И на порогѣ мертвый Бурръ упалъ.
Неронъ послалъ позвать своихъ любимцевъ:
Никто нейдетъ. Онъ самъ идетъ за ними;
Но комнаты ихъ заперты. — «Ужель
Остался я одинъ? спросилъ Неронъ.
Ужь не одѣть ли мнѣ въ мужское платья
Всѣхъ женъ моихъ и амазонокъ рать
Поставить у дверей моихъ на стражѣ?»
Онъ далѣе идетъ, зоветъ рабовъ;
Они бѣгутъ, не слушая его.
Онъ бѣсится, грозитъ, — они не видятъ.
Его безсиленъ гнѣвъ: его кинжалъ
Торчитъ въ спинѣ у Бурра. Онъ ужь хочетъ
Сокровищами подкупить людей;
Но видитъ, что они безъ страха сами
Въ его глазахъ сокровища берутъ.
Онъ возвратился въ комнату свою;
Но тамъ ужь все разграблено и пусто, —
Нѣтъ даже съ ядомъ стклянки золотой.
И снова онъ обходитъ свой дворецъ, —
Нѣтъ ни души нигдѣ! Но нѣтъ, у входа
Въ одинъ покой, стоитъ на стражѣ воинъ
Изъ гвардіи Нероновой, германецъ:
Онъ отдалъ честь обычную монарху,
И, удивленный вѣрностью его,
Неронъ сказалъ: — «Ступай за мной!» И тотъ
Идетъ за нимъ безмолвно, апатично.
Онъ сходитъ съ нимъ въ подземный тайный ходъ,
Ведущій изъ дворца, подъ Палатиномъ,

Къ далекому кладбищу Эсквилина.
Подземный мракъ имъ освѣщаетъ факелъ.
Они идутъ безмолвно; наконецъ
На свѣтъ дневной опять они выходятъ
Среди могилъ. Неронъ переодѣлся,
Такъ что никто узнать его не можетъ.
Уставши отъ ходьбы, они садятся
На памятникъ могильный у дороги.
Два путника проходятъ мимо ихъ
И говорятъ о Гальбѣ и Неронѣ.
Куда они идутъ? Несется гулъ
Издалека отъ городскихъ предмѣстій.
Вкругъ города, какъ пламя вкругъ котла,
Лежатъ войска Виндекса, и кипитъ
Въ немъ, какъ въ котлѣ, народное возстанье.
Иль небеса хотятъ принять участье
Въ возстаньи томъ и тучи насылаютъ?
Онѣ кругомъ все небо облегли,
Поднялся вихрь, столбы вздымая пыли;
Онъ воетъ и гудитъ; вотъ загремѣли
Раскаты грома, молніи сверкнули,
И яростнымъ потокомъ полилъ дождь,
И снова день смѣнился мракомъ ночи.
И все сильнѣе бури завыванье,
Все ярче блещетъ молнія межъ тучъ,
Она дрожитъ и вьется, какъ змѣя
Въ когтяхъ орла, парящаго подъ небомъ;
Все чаще и сильнѣй грохочетъ громъ,
И эхо горъ его раскатамъ вторитъ...
Что̀ возвѣщаетъ Риму этотъ гулъ?
Тріумфомъ ли для Гальбы онъ звучитъ,
Иль похороннымъ гимномъ для Нерона?
Или его любимая стихія,
Во всемъ своемъ величіи явясь,
Ему еще привѣтъ свой посылаетъ?
Но что же онъ не радуетъ Нерона?
Зачѣмъ онъ такъ блѣднѣетъ и дрожитъ
При каждомъ блескѣ молніи сквозь тучи?
Не передъ нею онъ дрожитъ, — о, нѣтъ!
Ему въ ея сіяніи кровавомъ
Все видится ужасный старца ликъ,
Ликъ демона, который такъ упорно
Преслѣдуетъ его. Еще страшнѣй

Чѣмъ прежде онъ глядитъ ему въ глаза
Съ язвительной усмѣшкою презрѣнья.
Неронъ пылаетъ гнѣвомъ. Будь при немъ
Кинжалъ иль мечъ, — онъ дерзкаго пронзилъ бы.
— «Убей мнѣ эту харю!» внѣ себя
Онъ воину кричитъ. Но потухаетъ
Блескъ молніи, и снова все кругомъ
Густая мгла предъ ними покрываетъ.
Потоки льются съ горъ, и бѣглецы
Должны идти по лужамъ дождевымъ
Сквозь дождь и мракъ, подъ молніей и громомъ,
Они едва передвигаютъ ноги.
Но наконецъ пріютъ они нашли
Въ развалинахъ строенья. Утомленный
Неронъ на камень сѣлъ: жаръ лихорадки
Его палитъ; языкъ засохъ отъ жажды.
Германскій воинъ дождевую воду
Сбираетъ въ шлемъ и подаетъ Нерону.
— «Здѣсь безопасны мы», — онъ говоритъ.
— «Да, безопасны», — съ горькою улыбкой
Отвѣтилъ тотъ, ложась на жесткій одръ. —
«Какъ передъ жатвой жаворонокъ во ржи.
Чу! слышишь ли, какъ завываетъ буря,
А мы здѣсь на покой обречены.
Что-жь ты молчишь? болтай мнѣ что-нибудь!
Ты знаешь, я привыкъ вѣдь къ развлеченьямъ.
Зачѣмъ одинъ за мною ты пошелъ?
Зачѣмъ одинъ ты вѣренъ мнѣ остался,
Когда другіе всѣ бѣжали прочь?»
— «Какъ, государь? — дивясь отвѣтилъ воинъ:
Ты мнѣ за службу плату выдавалъ,
А долгъ слуги быть вѣрнымъ господину».
— «Что? вѣрность? долгъ? да это варваризмы!
Давно ли въ Римѣ ты?» — «Ужь десять лѣтъ».
— «И вѣрности еще не разучился?
И цѣнишь долгъ? Курьёзный вы народъ!»
Вдругъ въ этотъ мигъ ударъ ужасный грома
Разсыпался у нихъ надъ головой,
И вспыхнули развалины. Въ испугѣ
Неронъ вскочилъ, и снова въ блескѣ молній
Ему явился страшный образъ старца.
— «Прочь, прочь отсюда! закричалъ Неронъ —
Гроза какъ бичъ насъ гонитъ отовсюду.

Ужели нѣтъ мѣстечка на землѣ,
Гдѣ могъ бы я спокойно отдохнуть,
Не слыша воя дикаго стихій,
Не видя этой хари ненавистной?»
И, спотыкаясь, тащутся они;
Но воинъ вдругъ споткнулся и упалъ
Въ глубокій ровъ. Ощупывая землю
Вокругъ себя, при блескѣ молній онъ
Во глубинѣ увидѣлъ сводъ пещеры
И подозвалъ Нерона. Оба вмѣстѣ
Они открыли маленькую дверь
И узкій ходъ въ подземное жилище.
Впередъ поползъ германецъ на колѣняхъ,
Неронъ за нимъ послѣдовалъ, смѣясь
Своей судьбѣ, которая его
На четверенкахъ ползать заставляетъ.
— «Я самъ не знаю, отъ чего бѣгу, —
Сказалъ онъ самъ себѣ, — отъ жизни развѣ?
Но только не отъ смерти: эта жизнь
Мнѣ кажется пустымъ, ничтожнымъ сномъ!»
Вдали раскаты грома раздаются;
Какъ дикій звѣрь, ихъ потерявшій слѣдъ,
Озлобленно за ними воетъ буря.
Но вотъ они увидѣли себя
Въ обширномъ подземельи. Бѣглецовъ
Объяла вдругъ такая тишина,
Какъ будто въ міръ иной они вступили,
Въ міръ благодатный сладкаго покоя,
Куда ни звукъ съ земли не долетитъ.
Пріютъ отрадный сверху освѣщенъ
Висящею лампадой. Въ глубинѣ
Стоитъ алтарь, обставленный свѣчами;
Предъ нимъ сѣдой, благообразный старецъ
Въ священническомъ платьѣ совершаетъ
Таинственный обрядъ богослуженья;
Вокругъ него, колѣна преклонивъ,
Стоитъ толпа молельцовъ блѣднолицыхъ.
И въ этотъ-то пріютъ священный мира
Вступилъ внезапно, мрачный и суровый,
Бѣглецъ Неронъ. Какъ въ стадѣ голубей
Орелъ пронзенный, съ высоты упавъ,
И ужасъ и смятенье производитъ,
Хотя вредить безсиленъ: такъ теперь

Всѣ при его явленьи содрогнулись,
И съ устъ слетѣло роковое слово:
«Неронъ!»
Пришлецъ нежданный мрачнымъ взоромъ
Окинулъ все кругомъ и съ любопытствомъ
Остановилъ его на алтарѣ;
Тамъ, пригвожденный ко кресту, сіялъ,
Облитый свѣтомъ, дивный образъ мужа
Съ вѣнцомъ терновымъ на челѣ. Неронъ,
Взглянувъ на ликъ божественный, припомнилъ
Что̀ нѣкогда слыхалъ отъ Тигеллина
О Богѣ христіанъ. — «Вотъ еслибъ я, —
Сказалъ онъ самъ себѣ,—любилъ такъ жизнь,
То, можетъ статься, ощутилъ бы страхъ,
Попавъ въ такую львиную берлогу,
Въ гнѣздо моихъ опаснѣйшихъ враговъ».
И гордо онъ глядитъ на христіанъ,
Которымъ видъ его внушаетъ ужасъ.
— «Да, я Неронъ! Теперь вашъ врагъ смертельны
У васъ въ рукахъ! Убейте же его!
Скорѣе совершите месть: я безоруженъ, —
Былъ ядъ при мнѣ, — и тотъ украли слуги.
А этотъ воинъ черезчуръ ужь честенъ,
Чтобъ на меня поднять свой мечъ. Вѣдь я
Бѣгу лишь отъ позора, не отъ смерти;
Нѣтъ, я ищу ея. Предъ вами тотъ,
Кто вашихъ женъ, отцовъ, дѣтей и братьевъ
Звѣрямъ на травлю отдавалъ; я тотъ,
Кто воздвигалъ гоненіе на васъ,
Кто въ циркѣ сжечь велѣлъ Петра и Павла.
Такъ мстите жь мнѣ, убейте же меня!»
Благообразный старецъ обратился
Отъ алтаря къ Нерону и сказалъ:
— «Нѣтъ, мы не убиваемъ, мы не мстимъ
Своимъ врагамъ, — мы любимъ ихъ: любовь —
Священнѣйшій завѣтъ, намъ данный Богомъ!»
— «Любовь? мнѣ ненавистно это слово!
О, глупые мечтатели! ужели
Владѣете вы рѣдкостью такой,
Которая, какъ фениксъ, баснословна?
Такъ знайте же: я, я одинъ открылъ
Ужаснѣйшую тайну, что любви
На свѣтѣ нѣтъ и быть ея не можетъ!

Я не любилъ и не былъ я любимъ, —
А я вѣдь былъ Неронъ — властитель міра!»
— «Ты даже и того не находилъ,
Несчастный, что̀ любовью называешь!
Ты слишкомъ высоко себя вознесъ,
Все прочее чрезъ мѣру унижая, —
Такъ надъ тобой не стало никого,
Къ кому бъ ты могъ душою устремляться
Съ любовію: надъ нами быть должно
Такое существо, къ кому бы мы
Съ любовью безконечною стремились.»
— «Любовь такую утолить нельзя!
Прекрасное прекраснѣйшаго ищетъ,
Высокое лишь къ высшему летитъ:
Такъ все стремится вверхъ лишь, а не внизъ. —
И при одномъ желаньи остается».
— «Да, но желанье это сочетаетъ
Насъ дивной силой съ *высшимъ* существомъ.
Надъ нимъ ужь нѣтъ другого существа,
Къ которому бъ оно могло стремиться,
И шлетъ оно любовь свою назадъ,
Къ тѣмъ, кто къ нему съ любовію взираетъ.
Одинъ лишь Богъ во всей вселенной можетъ
Отвѣтить на любовь, одинъ лишь Онъ
Насъ любитъ всѣхъ любовью неизмѣнной!»
— «Вотъ странное евангелье любви!
Нѣтъ, наши боги любятъ только жертвы,
Имъ нужны лишь почтеніе и страхъ.»
— «Нашъ Богъ отъ насъ желаетъ лишь любви.»
— «И вы убѣждены, что онъ васъ любитъ?»
— «Да, Онъ для насъ сошелъ съ небесъ и умеръ.
Вонъ видишь тамъ Его изображенье?
— То — нашъ Спаситель — Іисусъ Христосъ.
Язычества безчувственные боги
Себялюбивы, горды, недоступны
Въ своей холодной высотѣ; но мы,
Мы знаемъ, что нашъ Богъ сошелъ на землю,
Что Онъ ходилъ по ней, какъ человѣкъ,
Что жилъ для насъ, страдалъ за насъ и умеръ!»
— «Богъ — и страдалецъ! Странно! Ну, и вы
Его примѣру подражая, сами
Лишь ищете страданья, не утѣхъ?»

— «Утѣхи не дадутъ намъ искупленья:
Одно страданье намъ его даетъ.»
— «Вы славите страданье, какъ любовь!
Сказать по правдѣ, радости страданья
Недоставало во дворцѣ моемъ.
Ну, вижу я, что съ вами я въ разладѣ:
Я славлю эгоизмъ, а вы — любовь,
Я жажду лишь утѣхъ, а вы — страданья.
На вашемъ всемъ Олимнѣ христіанскомъ
Навѣрное нѣтъ мѣста для меня,
Нерона-Діонисія?»
— «Быть можетъ:
Вотъ посмотри; тутъ змѣй изображенъ,
Но съ ликомъ человѣка искаженнымъ.
Во прахѣ онъ крутится: это демонъ.
А юноша съ пылающимъ мечомъ
Стоитъ надъ нимъ. Змѣй этотъ — Люциферъ,
Когда-то свѣтлый ангелъ, а теперь
Лишь демонъ себялюбья и гордыни.
Отъ вѣчнаго источника любви
Онъ дерзко отрѣшился и остался
Чрезъ это одинокимъ, осужденный
Въ холодной тьмѣ навѣки пресмыкаться.
Его главу ногами попираетъ
Тотъ серафимъ, какимъ и онъ могъ быть,
Когда бы самъ, гордыней ослѣпленный,
Изъ царства благодати и любви
Не устремился въ область вѣчной ночи!»
— «Мнѣ кажется, подобныя слова
Я слышалъ ужь когда-то. Будь при мнѣ
Мой мечъ, я имъ сразилъ бы серафима,
За то, что такъ надменно топчетъ онъ
Ликъ демона, въ которомъ вижу я
Слѣдъ благородства даже въ искаженьи!
Но чей, скажи, тотъ чудный женскій ликъ
Съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ прелестной,
Съ улыбкою парящій къ небесамъ
Въ сіяньѣ лучезарномъ?»
— «То — Марія
Святая Богоматерь: отъ ея
Божественнаго, дѣвственнаго лона
Родился Искупитель, — и Господь
Ее вознесъ къ себѣ на небеса.

Тамъ серафима неба видишь ты,
Низверженнаго въ бездну за гордыню,
Здѣсь — силою любви и благодати
Вознесена на небо дщерь земли!
Земное здѣсь, какъ облако златое,
Слилось съ эѳиромъ неба голубымъ,
А тамъ — клубится туча грозовая,
Тотъ мрачный демонъ, что̀ дерзнулъ возстать
На кроткій свѣтъ; онъ тщетно блескомъ молній
Его сіянье хочетъ помрачить —
И въ бездну льетъ потоки дождевые,
Въ негодованьи силы истощивъ.»
  Разсматривая долго и въ раздумьи
Таинственные образы картинъ,
Неронъ сказалъ: «Я вижу, какъ богатъ
И какъ неистощимъ въ своихъ созданьяхъ
Духъ человѣка! Если распадется
Во прахъ весь міръ отжившій, — этотъ духъ
Вновь возродитъ его для новой жизни! —
Тутъ — богочеловѣкъ, тамъ — дѣва-матерь,
Здѣсь — падшій демонъ, бывшій серафимомъ:
Да, эти типы, созданные вами,
Мечтатели смиренные, дадутъ
Вамъ торжество надъ міромъ! Эти типы
Глубоко могутъ душу потрясти, —
И, думается мнѣ, что, какъ символы
Великаго, они жить вѣчно будутъ.
Такъ создаютъ мечтателей умы
Святые идеалы! Такъ и я
Хотѣлъ создать иное божество:
Я опрокинулъ троны олимпійцевъ
И самъ себя возвелъ на ихъ алтарь;
Но, сознаюсь, — предъ этимъ новымъ богомъ
Я долженъ уступить, — онъ побѣдилъ!
Я думалъ, что со мною новый вѣкъ
Для міра наступилъ, но вижу только
Изъ стараго въ немъ выводъ горделивый...
Я богомъ былъ, но блескъ мой помрачился,
И счастья свѣточъ, выгорѣвъ, угасъ!
Я на крылахъ желаній возносился,
Ища упрочить счастье за собой.
Но нѣтъ границъ желаньямъ человѣка, —
Ихъ только воля можетъ обуздать.

Я счастья безконечнаго искалъ;
Но, можетъ быть, залогъ его таится
Лишь въ отреченьи нашемъ отъ себя,
Въ забвеньи нами собственнаго *я?*
Не таково-ль и ваше убѣжденье,
Поклонники Христа, глубокій смыслъ
И вашего ученья, и картинъ?»
— «Пойми теперь, — ему отвѣтилъ старецъ, —
Что здѣсь тебѣ открытъ святой пріютъ
Спокойствія и мира!»
— «Нѣтъ, не мнѣ!
Пусть новое ученье обратится
Къ тому, чей духъ смиреніемъ богатъ;
А я предъ новымъ богомъ не склонюсь,
Я только уступлю ему дорогу.
Теперь я, стоя на порогѣ ада,
Вотъ этотъ кубокъ съ алтаря беру
И выливаю въ жертву дивной силѣ,
Таинственной и вѣчной, что̀ царитъ
Во глубинѣ души! Я выливаю
Его въ честь милыхъ звѣздъ моихъ желаній,
Которыхъ блескъ манилъ мои мечты
И сердце такъ отрадно согрѣвалъ!
О, призраки обманчивые! Я
Тогда и жилъ, когда я съ вами жилъ!
Я слишкомъ былъ великъ для человѣка,
И вотъ теперь, надломленный, усталый,
Я мрачнымъ силамъ ада отдаю
Лишенную божественности жизнь...
Была пора, когда я былъ увѣренъ,
Что я одинъ несокрушимъ средь міра,
Который гибнетъ вкругъ меня въ огнѣ;
Теперь же вижу *я*, что сокрушился
Лишь я одинъ, а обновленный міръ
Передо мной встаетъ для новой жизни!»
Такъ онъ сказалъ и, вырвавъ у германца
Мечъ изъ ноженъ, пронзилъ себѣ имъ грудь.
Онъ палъ и крови хлынувшимъ потокомъ
Алтарь священный обагрилъ...
Тогда
Сонмъ христіанъ смутился, пораженный,
И онѣмѣлъ. Но, вдругъ, какъ изъ земли
Явился передъ ними страшный старецъ,

И угасающій Нерона взоръ
Узналъ того, кто говорилъ ему:
«Настанетъ часъ, когда въ твоихъ зѣницахъ
Карающій мой образъ отразится,
Какъ здѣсь въ глазахъ у твоего клеврета!»
— «Га! это ты опять! онъ прошепталъ:
Ты въ спорѣ побѣдилъ! Стремленье къ жизни
Во мнѣ желаньемъ смерти замѣнилось!..»
И жизнь съ послѣднимъ вздохомъ улетѣла.
Лежитъ онъ, полный силъ и красоты,
Но гордость и презрѣнье выражаютъ
Его лица холодныя черты.
Какъ серафимъ надъ демономъ сраженнымъ
Стоитъ ужасный старецъ и глядитъ
На трупъ его, но мрачная суровость
Карателя въ чертахъ его угрюмыхъ
Смягчаться понемногу начала
И замѣнилась кроткимъ выраженьемъ.
— «Вкуси святую смерти тишину,
Надменный сынъ земли! — промолвилъ онъ, —
Да осѣнитъ она тебя покровомъ!
Стремленья сердца своего не могъ
Ты выразить въ прекрасномъ и высокомъ,
Затѣмъ, что сыномъ былъ такого вѣка,
Который влилъ въ твою младую грудь
Ядъ себялюбія и отрицанья.
Ты памятенъ останешься въ вѣкахъ,
Какъ грозное и страшное явленье,
А въ сущности — какъ идеалъ стремленья
Души людей въ предѣлы божества.»
Такъ говоритъ таинственный скиталецъ;
Всѣ съ удивленьемъ смотрятъ на него.
— «Скажи, кто ты?» — спросилъ его священникъ.
— «Я — Агасѳеръ!» — отвѣтилъ онъ ему.
— «Ты тотъ еврей, который съ оскорбленьемъ
Прогналъ Христа отъ дома своего,
И осужденъ, какъ говоритъ преданье,
На вѣчное скитальчество за то?»
Вращая дико огненные взоры,
Отвѣтилъ старецъ: — «Тотъ, кѣмъ вашъ Спаситель
Былъ такъ жестоко, тяжко оскорбленъ,
Былъ не простой еврей Ерусалима,
Но первобытный, древній Агасѳеръ

Ровестникъ міру по лѣтамъ; его
Согбенный станъ носилъ ужь на себѣ
Тысячелѣтій бремя: съ той поры,
Какъ стало биться сердце человѣка,
Тотъ Агасѳеръ скитается, и вѣчно
Скитаться будетъ онъ, пока на свѣтѣ
Живетъ и бьется сердце человѣка!
Еврей Ерусалима — только образъ, —
Одинъ изъ тѣхъ, какіе иногда
Въ теченіе вѣковъ я принимаю.»
— «Но чей же сынъ ты?»
— «Я — перворожденный
Отъ нерожденной, созданной четы!
Да, человѣка перваго земли
Я первый сынъ и первый былъ мятежникъ;
Я въ лѣтопись кровавую временъ
Внесъ первое кровавое сказанье!
Я тотъ, кто міру смерть принесъ, которой
Онъ до меня не зналъ, не ожидалъ;
Сквозь сердце брата я отверзъ ей двери,
И съ той поры господствуетъ она,
И каждый сынъ земли — ея невольникъ.
И вотъ за то, что въ міръ я внесъ ее,
Она меня щадитъ! Какъ часто я
Съ раскаяньемъ, съ тоскою къ ней взываю,
И предо мной является она,
Какъ грозное страшилище. — «Возьми,
Возьми меня!» ее я умоляю.
Но мнѣ она съ насмѣшкой говоритъ:
«Нѣтъ, я тебя оставлю! Пусть въ тебѣ
Конечное сольется съ безконечнымъ!
И смертное съ безсмертнымъ навсегда!
Какъ пробка на водѣ, азбестъ въ огнѣ,
Такъ будь и ты — скитальцемъ вѣчнымъ въ мірѣ!
Не отдыхая, по канату жизни,
Съ зіяющею смертію у ногъ,
Влачиться будешь ты, не упадая!»
Такъ мнѣ сказала смерть и удалилась, —
И я въ тоскѣ влачусь изъ вѣка въ вѣкъ!
Что не грозитъ земному бытію?
Стихіи возстаютъ на человѣка,
И звѣрь его терзаетъ, и змѣя
Его язвитъ, и самое растенье

Отравой умерщвляетъ; но меня
Она щадитъ, меня лишь одного!
И ядъ, и пламя, и вода, и время
Безсильны и безвластны надо мной.
Моихъ друзей — лѣсныхъ звѣрей о смерти
Выспрашиваю я; но львы и тигры
Мнѣ говорятъ: поди, спроси змѣю, —
Ей лучше знать; ее и мы боимся.
И я иду къ змѣѣ; но и она
Мнѣ говоритъ: мой страшный врагъ — орелъ
Тебѣ ее укажетъ. Я къ орлу
Направилъ путь, и на скалѣ кремнистой
Его сыскалъ: и поднялъ онъ меня
До облаковъ, и сбросилъ на утесы,
И я, упавъ, остался живъ и цѣлъ...
«Конечное сольется съ безконечнымъ
И смертное съ безсмертнымъ»,—такъ сбылось,
Что̀ мнѣ сказала смерть. Одной отрадой
Въ несчастіи осталась мнѣ гордыня,
Съ которою смотрю на этотъ міръ,
На все, что̀, умирая и смѣняясь
Вокругъ меня, идетъ своимъ путемъ.
Могу ли я предъ божествомъ склоняться?
Приходятъ и уходятъ боги міра,
Но вѣчно, вѣчно ходитъ Агасѳеръ!
И долго ли еще томиться мнѣ
Таинственнымъ стремленіемъ къ покою,
Стремленіемъ, которое врожденно
Всѣмъ существамъ земли, въ какомъ бы видѣ
Они себѣ его ни представляли:
Блаженство, небо, совершенство, Богъ!
Стремится каждый къ цѣли неизвѣстной
И смертью этой цѣли достигаетъ;
Да, умираетъ каждый человѣкъ,
Но вѣчно человѣчество живетъ
Въ волненіи; въ страданьи и борьбѣ, —
И я, я тотъ, который осужденъ
То горе человѣчества влачить
Вездѣ съ собой сквозь мракъ тысячелѣтій!»

Ѳ. Миллеръ.

ДѢЛЬЦЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Все лѣто провелъ Бенескриптовъ въ отыскиваніи себѣ мѣста. Ему предлагали разныя занятія, но ни одно изъ нихъ не было ему по душѣ. Ни одно не отвѣчало на страстно развившееся въ немъ чувство самостоятельности. Ему все казалось, что такъ или иначе онъ долженъ будетъ лакействовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось въ немъ и другое чувство: особенная требовательность къ самому себѣ и желаніе смотрѣть на себя, какъ на человѣка, предназначеннаго судьбой къ какому нибудь роковому исходу, безполезнаго, нелѣпаго и вздорнаго.

Осенью, совершенно неожиданно, одинъ изъ его товарищей по семинаріи, который былъ уже профессоромъ и мѣтилъ въ архимандриты, доставилъ ему мѣсто смотрителя духовнаго училища. Бенескриптовъ созналъ, что такое мѣсто для него едва-ли не самое подходящее. Училищемъ онъ могъ управлять какъ ему угодно. Въ уѣздномъ городѣ ближайшаго начальства у него не было. Никто, стало быть, не будетъ вмѣшиваться каждый день въ его дѣятельность; а дѣятельность всего болѣе отвѣчала его наклонностямъ. Онъ любилъ возиться съ дѣтьми и считалъ себя прирожденнымъ педагогомъ. Но согласившись принять мѣсто смотрителя, Бенескриптовъ тотчасъ же нажилъ себѣ большое горе: приходилось проститься съ Загариной и своей милой ученицей. Когда онъ пришелъ объявить имъ о полученіи мѣста, ему сдѣлалось такъ больно, что онъ готовъ былъ тотчасъ же бросить все и остаться въ Петербургѣ безъ всякаго обезпеченнаго куска хлѣба. Тутъ только впервые догадался онъ, какое

чувство связывало его съ личностью Загариной. Онъ испугался. Его раздирало двойственное желаніе: быть всегда около этой женщины и такъ замаскировать свое чувство къ ней, чтобы ничѣмъ не нарушить тѣхъ дружественныхъ отношеній, какія существовали между ними. Загарина очень обрадовалась за него и начала усиленно уговаривать тотчасъ же принять мѣсто. Даже Лиза, какъ ей ни дорогъ былъ ея „Феддъ Миччъ", стала ему доказывать серьёзнымъ тономъ, что онъ будетъ весьма дурной „citoyen", если откажется отъ такого дѣла. Бенескриптовъ видѣлъ, что здоровье Загариной портилось. Она просиживала до обѣда въ редакціи и брала работу на домъ. Замѣтно стала она все худѣть и худѣть, и сухой рѣзкій кашель никакъ не отвязывался отъ нея. Только ежедневнымъ, усиленнымъ трудомъ могла она поддерживать свое маленькое хозяйство. Всякіе другіе источники истощились. Дѣло о наслѣдствѣ кануло въ воду. Борщовъ предлагалъ ей вести процессъ, отыскать ей адвоката, и найти денегъ на необходимыя издержки, но она воздержалась. Бенескриптовъ увидалъ въ ея нездоровьѣ зловѣщіе признаки; но навязывать себя онъ не хотѣлъ. Требовательность къ самому себѣ подсказывала ему, что еслибъ онъ даже и могъ остаться въ Петербургѣ на хорошемъ мѣстѣ, онъ только тяготилъ-бы своей неуклюжей преданностью тѣ два существа, дороже которыхъ у него не было на свѣтѣ...

Явившись въ свое училище, Бенескриптовъ предался дѣлу съ необычайною страстностью. Первое время онъ забылъ о своей душевной хандрѣ и писалъ въ Петербургъ длинныя и весьма оживленныя письма. Онъ началъ дѣйствовать по своей, самимъ выработанной, программѣ и захотѣлъ поставить себя къ преподавателямъ и ученикамъ въ небывалыя дотолѣ отношенія. Дѣти сейчасъ же поняли, что пахнуло совсѣмъ другимъ воздухомъ; но преподаватели стали съ особеннымъ злорадствомъ подводить смотрителя подъ разныя гадости. Въ городѣ про него тоже пошли самые дикіе слухи. Мѣстные чины и власти никакъ не могли простить ему того, что онъ не явился ни къ кому съ визитомъ и не посѣщалъ ихъ вечеринокъ. Бенескриптовъ первое время тѣшилъ себя этой уѣздной непріязнью. Его подзадоривало положеніе человѣка, который, выйдя изъ той же глухой уѣздной среды, доразвился до сознанія своей личности. Его гордость питалась фактическою независимостью положенія; а задушевныя свои силы и стремленія обращалъ онъ на міръ дѣтства и отрочества, которому онъ могъ принести столько дѣйствительнаго добра. Весь его день былъ посвященъ одному дѣлу, только ночью прочитывалъ онъ любимыя книжки и писалъ письма въ Петербургъ.

Но гораздо скорѣе чѣмъ онъ предполагалъ, пришлось ему отстаивать свое право на существованіе, а просвѣтительныя и гуманныя затѣи отложить въ дальній ящикъ. Въ стѣнахъ самаго училища ему сдѣлалось очень тяжело отъ своихъ сотоварищей, которыхъ онъ не желалъ превратить въ подчиненныхъ. Одинъ изъ нихъ не замедлилъ настрочить на него доносъ. Высшее начальство стало дѣлать выговоръ за выговорами, а потомъ явилась и ревизія, направленная къ одной цѣли—усмотрѣть зловредныя сѣмена, посѣваемыя Бенескриптовымъ. Сѣмена были, конечно, усмотрѣны, и къ новому году Бенескриптовъ уволенъ отъ должности. Онъ высидѣлъ на ней всего 5 мѣсяцевъ и 12 дней.

Бенескриптовъ ожесточился, и не столько противъ судьбы и начальства, сколько противъ самаго себя. Онъ видѣлъ въ своей неудачѣ прямое доказательство того, что въ немъ нѣтъ никакой дѣловой снаровки, что всякое дорогое дѣло онъ испортитъ отсутствіемъ выдержки, мальчишествомъ, себялюбивымъ фанфаронствомъ. Теперь только онъ понялъ, что ему слѣдовало дѣйствовать совершенно иначе: получивъ такое мѣсто, не накидываться на либеральничанье, а сначала изучить враждебныя силы и личности, обезоружить ихъ, сдѣлать ихъ ручными и потомъ, исподволь, проводить въ жизнь свои идеи и симпатіи. Только держа въ рукахъ бумагу о своемъ увольненіи, Бенескриптовъ увидалъ, какъ бы ему нужно было дѣйствовать во всѣхъ подробностяхъ избраннаго имъ педагогическаго поприща. Но локтя уже нельзя было укусить...

„На что же я годенъ?“ спрашивалъ себя Бенескриптовъ, все болѣе и болѣе раздражаясь. „Неужели стоитъ биться изъ-за одной поденщины, изъ-за того только, чтобы не околѣть съ голоду?“

Его гордость не позволяла мириться съ такой житейской перспективой; а искать другой дѣятельности затѣмъ, чтобы и въ ней провалиться, онъ не хотѣлъ. И тутъ, вся его внутренняя жизнь, съ той минуты, когда онъ, начитавшись книжекъ, захотѣлъ превратиться изъ дьячка въ человѣка, представилась ему жалкой пародіей на тѣ существованія, которыя онъ бралъ своимъ идеаломъ.

„Дуракъ!“ говорилъ онъ, злобно озираясь на свой смотрительскій кабинетъ, гдѣ у него все было разставлено въ такомъ порядкѣ. „Оставался бы ты въ псаломщикахъ, читалъ бы апостола, ставилъ свѣчи и цѣловалъ ручку у отца-протоіерея, поднося ему кадило. Ну, куда тебѣ, съ твоимъ суконнымъ рыломъ, записываться въ ряды гражданскихъ дѣятелей? Безмозглая голова! Казнься за

свою продерзость и околѣвай, если не хочешь идти опять въ псаломщики, да и туда не примутъ."

Бенескриптову сдѣлалось такъ нестерпимо тяжело, что онъ, какъ сумасшедшій, заметался по комнатѣ и ощутилъ ѣдкую потребность сейчасъ же забыться. Онъ разбудилъ свою кухарку и послалъ ее за виномъ. И въ семинаріи, и по выходѣ изъ нея, Бенескриптовъ отличался безусловной трезвостью. Вліяніе забулдыгъ-товарищей скользило по немъ; даже заграницей онъ не привыкъ къ вину, а довольствовался за обѣдомъ кружкою пива. Ему казалось всегда, что на слабость къ вину, а тѣмъ болѣе на запой, нельзя иначе смотрѣть, какъ на непростительную блажь и дурь. Сколько разъ онъ услаждалъ себя увѣренностью въ томъ, что никогда, ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни, онъ не поддастся чаркѣ.

Кухарка принесла вино, какой-то, отзывавшейся перцомъ, мадеры. Бенескриптовъ выпилъ ее, чуть не залпомъ и тутъ же сильно захмѣлѣлъ. Ему стало вдругъ очень пріятно. Вся исторія его смотрительства приняла совершенно новыя, комическія формы. Онъ началъ хохотать вслухъ и надъ собой, и надъ своими затѣями, и надъ высшимъ начальствомъ, и надъ страхомъ за будущность. Но припадокъ бурной веселости перешелъ скоро въ мертвенное уныніе. Его засосало что-то смертельно въ груди, и судьба, въ видѣ какого-то чудовища, стала хватать его своими острыми когтями. Безпощадно закололо его въ сердце чувство къ той женщинѣ, которую ему такъ не хотѣлось покидать въ Петербургѣ. Онъ уже не смутно, а совершенно ясно, съ отчетливостью нервной боли, любилъ ее и видѣлъ, какъ эта страсть безцѣльна и безъисходна. Ему казалось, что любимая женщина смотритъ на него въ эту минуту и своимъ тихимъ, чахоточнымъ голосомъ говоритъ: „И ты осмѣлился, неумытый и нелѣпый семинаристъ, мечтать объ общественной дѣятельности, ты хотѣлъ играть роль моего покровителя. Валяйся, пьянчушка! Топи въ винѣ свою дурь и свое самодовольство. Не смѣй говорить мнѣ про твои нѣжныя чувства. Надѣвай стихарь и ходи славить Христа по купеческимъ домамъ и услаждаться тамъ водочкой. Не кажись мнѣ на глаза!".

Проснувшись на другой день съ тяжестью въ головѣ, Бенескриптовъ послалъ опять кухарку и на этотъ разъ уже за полштофомъ водки. Выпивши двѣ рюмки, онъ съ отчаяніемъ вскричалъ:

— Нѣтъ, я не покажусь ей на глаза ни за что!

II.

Уже нѣсколько дней, какъ мать Лизы чувствовала себя очень нехорошо. Докторъ не позволялъ ей выходить: на дворѣ стояли трескучіе морозы. Она испугалась за свою работу въ редакціи и просила посылать ей на домъ какъ можно больше перевода.

Часу въ осьмомъ вечера она, полулежа на кушеткѣ, держала въ рукахъ большой листъ газеты и диктовала слабымъ голосомъ Лизѣ. Въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ Лиза очень вытянулась, лицо сильно похудѣло и приняло еще болѣе англійскій типъ. Верхняя губа ея меньше оттопыривалась. Косы завернуты были на маковкѣ. Всякій далъ бы ей на видъ лѣтъ пятнадцать. Одѣта она была въ черное шерстяное платье, подлиннѣе, чѣмъ какія носила весной. Лиза писала скоро и увѣренно, и то и дѣло вскидывала на мать своими большими глазами. Въ комнатѣ слышно было ея дыханіе съ нѣкоторымъ посапываніемъ.

Продиктовавши цѣлую страницу, Загарина закашлялась.

— Перестань, мама, сказала Лиза, тревожно поднимая голову:—это тебя слишкомъ утомляетъ. Дай, я буду переводить.

Мать усмѣхнулась.

— Ты думаешь, я не могу? Тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Дай мнѣ газету.

И она взяла изъ рукъ матери листъ „Таймса“, пробѣжала тотъ столбецъ, который та переводила, и начала говорить въ слухъ, въ то же время дѣйствуя перомъ:

— „Въ настоящее время, произносила она четко и старательно:—король Амедей выбираетъ своихъ совѣтниковъ...“. Вѣдь такъ, мама? И она сказала фразу поанглійски.

— Такъ, такъ, ласково промолвила мать.

— Выбираетъ своихъ совѣтниковъ, повторяла Лиза:—совсѣмъ не изъ той партіи, которая пригласила его на корону...

— Призвала на престолъ, поправила мать.

— Ну, пожалуй, и такъ, выговорила одобрительно Лиза.—Вотъ, видишь, у меня очень хорошо пойдетъ. Тебѣ же гораздо легче поправлять меня, чѣмъ говорить все одной.

— У тебя есть свои уроки.

— Уроки! Какой вздоръ, мама! Въ гимназіи такъ мало спрашиваютъ. Я теперь порусски иду лучше другихъ, а все оттого, что мой семинаристикъ меня такъ хорошо училъ.

— Тебѣ скучно безъ него, Лиза?

— Мнѣ не скучно, мама, такъ вообще; но я хотѣла бы, чтобы онъ жилъ здѣсь. Ему тамъ будетъ очень трудно, я знаю.

— Почему же такъ, мой другъ?

— А потому, что онъ такой гордый; ты его такъ не знаешь, мама, какъ я. Ему хочется всегда быть... совсѣмъ свободнымъ... чтобы не было у него никакихъ старшихъ, а вѣдь тутъ и надъ нимъ есть старшіе. Онъ уже пишетъ, что долго на этомъ мѣстѣ не останется. Меня это не удивляетъ.

Лиза произнесла свою заключительную фразу точно какая старушка, покачавъ головой.

— Прочти-ка мнѣ конецъ его письма, сказала ей мать, опуская голову на подушку.

Лиза достала изъ старенькаго бювара письмо на большомъ почтовомъ листѣ и начала читать:

„Боюсь только, дорогіе мои", писалъ Бенескриптовъ (это было писано недѣли за двѣ до его отставки), „что совсѣмъ здѣсь одичаю; а пускаться въ нашъ уѣздный свѣтъ не хочу, потому что не желаю превратиться въ еще болѣе первобытнаго человѣка. Здѣсь кто не ходитъ каждую субботу въ баню, кто не садится послѣ утренней закуски козырять до пѣтуховъ, кто не бьетъ своей прислуги и не поретъ мальчишекъ до безчувствія, тотъ— фармазонъ. И я нисколько не удивлюсь, если на меня сдѣланъ будетъ доносъ въ принадлежности къ этой несуществующей на Руси сектѣ".

— Ты видишь, мама, прервала свое чтеніе Лиза: — онъ хочетъ написать веселенькое письмо, а внутри у него грустно.

Мать ничего не отвѣтила и опустила голову.

Ей давно уже не доставало Бенескриптова. Какъ ни старался онъ скрывать свое чувство къ ней, она угадала, что̀ заговорило въ сердцѣ ея доброжелателя. Это открытіе не испугало ее, но и не обрадовало. Она довольна была уже тѣмъ, что жизнь этог простого и хорошаго человѣка скрасилась новымъ интересомъ; но въ ней самой не было уже способности откликнуться на страстное чувство такой же страстью. Гнётъ прошедшаго, плохое здоровье и заботы о дочери лишали ее возможности отдаться какой-нибудь личной утѣхѣ, хотя бы и въ формѣ самой непорочной привязанности. Еслибы Бенескриптовъ и яснѣе сталъ показывать свое чувство, она бы не охладила его. Ей казалось, что было бы жестоко отнимать у такого человѣка ту нравственную поддержку, которая является всегда вмѣстѣ съ любовью и надеждой.

„Зачѣмъ я буду говорить ему то, что̀ онъ самъ прекрасно понимаетъ?" думала она не разъ. „Онъ очень хорошо знаетъ

какъ я утомлена жизнью, на сколько лѣтъ я его старше, и можемъ ли мы оба думать о личномъ счастіи, когда каждому изъ насъ такъ нелегко просуществовать? Пускай его живетъ своимъ чувствомъ, а время сдѣлаетъ то, что моя дружеская симпатія смягчитъ его и покажетъ, чего ему ждать отъ меня".

— Да, заговорила громче Лиза. — Мой семинаристикъ очень гордый. Ему не хотѣлось жить здѣсь оттого, что ему сдѣлалось стыдно быть то, что̀ ты, мама.

— Чѣмъ же это?

— Un prolétaire.

— Кто же тебѣ сказалъ это, Лиза?

— Я знаю; я видѣла. Онъ могъ бы навѣрно достать себѣ такую же работу, какъ и ты, мама, и даже гораздо меньше. Онъ проживаетъ очень мало.

„Она права", думала Загарина: „здѣсь ему было бы все-таки потеплѣе, а теперь, разъ попавши на мѣсто, онъ долженъ будетъ вступить въ слишкомъ тяжелую борьбу. Вѣроятно не даромъ пишетъ онъ о доносахъ. Если его не оцѣнятъ и заставятъ выйдти, онъ сильно ожесточится".

— Ну, какъ же моему семинаристику не найдти здѣсь работы? Вонъ, Саша Чернокопытовъ, совсѣмъ еще мальчуганъ, а получаетъ пять цѣлковыхъ за урокъ.

— Ну, довольно, Лиза, перебила ее мать: — начнемъ работать.

— Нѣтъ, мама, я тебѣ не дамъ самой диктовать, ты слишкомъ устаешь.

Она наклонилась надъ листомъ и начала переводить вслухъ, останавливаясь и поглядывая на мать. Такъ она проработала съ полчаса. Поправки были, и довольно частыя; но Лиза увѣряла мать, что такъ ей все-таки легче работать. Въ слѣдующую паузу она подсѣла къ ней на кушетку, обняла ее и заговорила уже болѣе ребяческимъ тономъ:

— Погоди, мама, мы недолго будемъ такъ бояться потерять работу. Богатства я не хочу; но мы выиграемъ процессъ, половину отдадимъ на хорошія дѣла, чтобы на наши деньги учились бѣдные студенты, а изъ другой—мы подаримъ нѣсколько тысячъ семинаристику, онъ долженъ взять. И сами мы будемъ проживать столько, чтобы ты могла не работать, а мнѣ не нужно денегъ. Ты за меня плати, пока я не могу сама... выигрывать свой хлѣбъ, завершила Лиза, совершенно серьёзно, не замѣчая, какой она сдѣлала галлицизмъ.

— Будто бы тебѣ не хочется быть богатой? спросила ее мать.

— Нѣтъ. Мнѣ все равно; но зачѣмъ же другіе, можетъ быть, совсѣмъ нехорошіе люди, будутъ имѣть наше наслѣдство? Ты вѣришь, мама, этому господину, который хочетъ хлопотать?

— Почему же мнѣ ему не вѣрить?

— Ты мнѣ говорила, что онъ совѣтуетъ тебѣ взять деньги вмѣсто всего, что̀ тебѣ можетъ достаться.

— Ну, да, мой другъ.

— Ты возьмешь, а тебѣ достанется въ десять разъ больше.

— Ты не понимаешь, Лиза, какъ ведутся такія дѣла. Тутъ много разныхъ расходовъ; а мы съ тобой, какъ ты знаешь, не капиталисты. Даромъ, мой другъ, никто нынче не станетъ работать. Мнѣ предлагаютъ продать мое право. Большаго состоянія намъ съ тобой не нужно...

— Продать, мама... стало быть, кому-нибудь выгодно, коли хотятъ купить.

— Это значитъ, мой другъ, что на удачный исходъ процесса есть много шансовъ; но вести его я сама не могу. Можетъ быть, и отыскался бы адвокатъ, который взялъ бы на себя расходы процесса, выговоривши извѣстный процентъ въ случаѣ выигрыша...

— Да, вѣдь, Борщовъ вызывался, мама, помочь тебѣ.

— Мнѣ совѣстно его безпокоить, да онъ и не занимается адвокатурой.

— А тотъ господинъ, который былъ вчера, развѣ онъ адвокатъ?

— Нѣтъ, мой другъ, онъ пищетъ.

— Зачѣмъ же онъ берется за такое дѣло?

— Самъ онъ не берется за него. Онъ только далъ мнѣ добрый совѣтъ, предостерегъ отъ людей, которые хотятъ уже слишкомъ поживиться на нашъ счетъ.

— Кто же эти люди? живо спросила Лиза.

— Да вотъ хоть бы тотъ же адвокатъ, помнишь—пріѣзжалъ сюда.

— Такой фатъ? съ бакенбардами?

— Его зовутъ Воротилинъ.

— Ну, а этотъ, мама, онъ — хорошій человѣкъ?

— Я его мало знаю, мой другъ, но его тонъ мнѣ нравится.

Лиза нѣсколько нахмурилась и выговорила какъ бы про себя:

— Не знаю... Онъ точно актёръ, и нижняя губа у него противная.

— Нельзя-же, Лиза, судить всегда по первому впечатлѣнію.

Дѣвочка смолчала и продолжала переводить, а Загарина задумалась. Замѣчаніе Лизы напомнило ей, что и она сама, когда

въ первый разъ увидала этого господина, т.-е. Илларіона Семеновича Малявскаго, нашла его весьма несимпатичнымъ. Это было въ редакціи той газеты, гдѣ она работала. Малявскій вступилъ съ ней въ разговоръ очень просто, сидя надъ корректурой статьи, помѣщенной имъ въ газетѣ. Было это вечеромъ, съ глазу на глазъ. Сначала разговоръ былъ общій. Малявскій говорилъ умно, и если не особенно ярко выставлялъ свои принципы, то выказалъ все-таки общую порядочность и просвѣтительныя симпатіи. Освѣдомившись о фамиліи Загариной, онъ тутъ же сообщилъ ей, что знаетъ нѣкоего господина Воротилина, который надѣется прибрать къ рукамъ ея наслѣдство, предложивши ей плутовскую сдѣлку. Она была нѣсколько удивлена такимъ оборотомъ разговора; но Малявскій сообщилъ ей это такъ просто, что видѣть въ его поведеніи что-либо преднамѣренное она никакъ не могла. Ей нельзя было не поблагодарить Малявскаго за сообщеніе. Разговоръ пошелъ дальше, и Малявскій, нисколько не навязываясь, какъ первый попавшійся порядочный человѣкъ, изъявилъ свою готовность навести болѣе точныя справки, а чрезъ два дня пріѣхалъ къ ней. Онъ сообщилъ ей, что продать выгодно свой процессъ она во всякомъ случаѣ можетъ, что въ адвокатскомъ мірѣ дѣло ея извѣстно и охотники найдутся. Еще разъ предостерегъ онъ ее отъ Воротилина, прибавивъ, что готовъ служить посредникомъ между ею и такими дѣльцами, больше которыхъ никто ей за процессъ не дастъ.

Загарина не считала себя вправѣ отнимать у дочери своей средства, по крайней мѣрѣ такія, которыя дали бы ей возможность подольше поучиться и начать какое нибудь серьёзное дѣло, когда она станетъ на свои ноги. Хлопотать сама она дѣйствительно была не въ силахъ. Изъ друзей ея одинъ только Борщовъ могъ бы помочь ей; но она не рѣшалась энергически просить его взяться за это дѣло, потому что сама слишкомъ мало надѣялась на успѣхъ. Борщовъ въ послѣднее время заѣзжалъ къ ней, но рѣдко. Видно было, что онъ поглощенъ чѣмъ-то личнымъ. Она почти догадывалась, что̀ это такое. Онъ познакомилъ ее, мѣсяца два передъ тѣмъ, съ Повалишиной. Катерина Николаевна сразу ей чрезвычайно понравилась. Она была даже поражена, встрѣтивши такую русскую женщину: ей начинало уже сильно сдаваться, что среди соотечественницъ она только и будетъ находить, что малокровныхъ, изъѣденныхъ резонерствомъ или смѣшныхъ въ своемъ задорѣ и неумѣлости женщинъ. Повалишина обдала ее воздухомъ искренности, молодаго пыла и оригинальнаго умственнаго развитія.

— Мнѣ про васъ говорили, какъ про человѣка, сказала ей Повалишина:—а намъ люди необходимы. Помогите же намъ.

Ее необычайно оживило это обращеніе къ ней такой свѣжей и симпатичной личности. И она готова была съ радостію откликнуться на зовъ Катерины Николаевны и посвятить тому, что̀ занимало Повалишину, все свое свободное время. Но здоровье ея начало сильно хромать. Она не каждый день могла ходить въ редакцію и по вечерамъ чувствовала ужасное утомленіе. Катерина Николаевна стала навѣщать ее, разсказывать ей про результаты своей дѣятельности, и очень скоро вступила съ нею въ дружественныя отношенія. Онѣ часто говорили о Борщовѣ и тонъ Катерины Николаевны заставлялъ предполагать въ ней болѣе, чѣмъ простую симпатію...

III.

Точно въ отвѣтъ на то, о чемъ думала въ эту минуту Загарина, явилась Катерина Николаевна. Она съ большимъ безпокойствомъ разспросила своего новаго друга о здоровьѣ и потребовала, чтобы Загарина хоть на нѣсколько дней оставила свои занятія.

— Я или сама, говорила она:—буду переводить за васъ, или пришлю вамъ кого-нибудь.

Катерина Николаевна казалась взволнованной, что̀ не ускользнуло отъ Загариной. Лиза поговорила немножко съ гостьей и удалилась въ свою комнату, понявши, что надо оставить гостью наединѣ съ матерью.

Какъ только дѣвочка вышла, Катерина Николаевна присѣла на кушетку и тотчасъ-же прильнула совершенно подѣтски къ Загариной.

— Какъ я слаба! шептала она.—Я думала, что всякая борьба для меня возможна. А я теперь такъ безпомощна...

Она недоговорила и зарыдала.

— Я знаю, отвѣтила Загарина:—я догадываюсь, что̀ въ васъ происходитъ.

— Я себя оправдываю, заговорила Катерина Николаевна, сдержавъ слезы:—и все-таки не могу оправдать, у меня не хватаетъ смѣлости...

Катерина Николаевна не поднимала головы и, тяжело дыша, силилась говорить спокойно.

— Поплачьте, поплачьте! повторяла Загарина, обнимая ее и прикасаясь губами къ ея темени.

— Нѣтъ! вскричала Повалишина, энергически поднявъ голову:—дольше такъ жить нельзя! Нельзя изъ-за своего личнаго чувства губить всякое разумное дѣло. Вы знаете, что я его люблю?

— Знаю, отвѣтила кротко Загарина.

— Я себя долго мучила, называла свое чувство къ нему капризомъ, блажью, наконецъ испорченностію, развратомъ... Но нѣтъ, это не капризъ! Для меня человѣкъ, лишенный порыва, высохшій, рутинный, не можетъ имѣть обаянія...

— О комъ вы говорите?

— О мужѣ моемъ. Жить все въ той же душной средѣ, я не въ силахъ. Если во мнѣ есть что нибудь порядочное, если я годна на какое нибудь дѣло, то только рука объ руку съ человѣкомъ, который дастъ мнѣ и вѣру въ свои силы, и способность на постоянную жертву. И вотъ теперь, въ рѣшительную минуту, я не чувствую въ себѣ смѣлости, чтобы прямо объявить моему мужу, что я больше не жена его.

— Вы хотѣли это сдѣлать?

— Я должна это сдѣлать! вскричала Катерина Николаевна, и щоки ее зардѣлись.—Неужели въ васъ, мой другъ, я найду защитницу буржуазной нравственности? Не обвинять меня нужно, а поддержать въ честномъ поступкѣ. Въ томъ свѣтѣ, которому я до сихъ поръ принадлежала, такіе поступки—большой подвигъ!

— Дитя мое, заговорила Загарина:—я не стану давать вамъ совѣтовъ. Вы страдаете, вы любите, вы вѣрите, что нашли человѣка, съ которымъ жизнь ваша будетъ свѣтла и полна разумнаго труда; но откуда-же у васъ сознаніе собственной слабости? выдержите-ли вы борьбу? Въ васъ много силъ и энтузіазма. Вы и меня, усталую и больную, оживили; на работу вы способны, но принесетъ ли она тотъ плодъ, о которомъ вы мечтаете?

— Не могу, не могу я оставаться женой мертвеца!

Крикъ этотъ вылетѣлъ такъ порывисто изъ груди Катерины Николаевны, что заставилъ вздрогнуть Загарину всѣмъ тѣломъ.

— Живите и ничего не бойтесь, проговорила она, обнимая Повалишину.

Вышла пауза. Въ комнатѣ было только слышно всхлипываніе, прерываемое тяжелымъ дыханіемъ.

. . . .

Въ три мѣсяца, протекшіе съ того времени, когда Борщовъ явился къ Катеринѣ Николаевнѣ, ихъ свиданія дѣлались все чаще и чаще. Сначала Борщовъ зорко слѣдилъ за самимъ собой. Онъ былъ ригористъ въ вопросахъ нравственности, и уже одинъ тотъ фактъ, что Повалишина—замужняя женщина, заставлялъ его анализировать каждое свое слово и сдерживать себя

въ малѣйшихъ проявленіяхъ задушевности. Катерина Николаевна шла гораздо смѣлѣе его, и чувство, овладѣвшее ею, прорвалось совершенно неожиданно для Борщова. Онъ былъ тронутъ и пораженъ; но тутъ же сказалъ ей рѣзко, что любить онъ можетъ только женщину, которая найдетъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы покончить съ прежнею своею жизнью и смѣло пойдти рука объ руку съ своимъ избранникомъ...

Въ принципѣ, Катерина Николаевна рѣшила, что она не будетъ больше женой Александра Дмитріевича Повалишина; но когда настала роковая минута, у ней не хватило простоты убѣжденія, чтобы тутъ же покончить съ своей супружеской жизнью. Борщовъ возмутился этимъ. Онъ сталъ ей горячо доказывать, что она приняла за чувство, рѣшающее ея судьбу, мимолетный взрывъ чувственности и праздной фантазіи. Но самъ онъ не могъ уже прекратить съ ней всякія сношенія. Она была ему уже слишкомъ дорога. Онъ страдалъ, видя какъ такая прелестная женщина, полная живыхъ стремленій, находится все-таки подъ гнетомъ свѣтскаго двоедушія.

На Катерину Николаевну протестъ Борщова подѣйствовалъ сильнѣе всякихъ страстныхъ изліяній. Она получила чуть не омерзеніе къ самой себѣ, начала копаться въ своихъ душевныхъ тайникахъ, изобличать себя въ преступной распущенности; но любовь отъ этого не смолкла, а еще съ большей силой начала глодать ее. Произошелъ второй пароксизмъ, противъ котораго Борщовъ не могъ устоять. Катерина Николаевна сказала ему, что она рѣшается разорвать окончательно свою супружескую связь, и брала на себя кончить все безъ малѣйшей утайки и ненужныхъ смягченій.

Вотъ послѣ этого-то пароксизма она и пріѣхала къ Загариной, еще раздираемая сомнѣніями въ своихъ нравственныхъ силахъ. Борщовъ долженъ былъ на другой же день знать, что̀ произошло между нею и мужемъ. . . . .

. . . .

Въ десять часовъ Катерина Николаевна вернулась домой. Дорогой, въ каретѣ, она успокоилась, по крайней мѣрѣ, наружно. Щеки ея не горѣли; она не чувствовала больше сердцебіенія. Подъѣзжая къ дому, ей казалось даже, что она становится все безстрастнѣе и безстрастнѣе. Съ мужемъ у ней не было съ самыхъ первыхъ дней знакомства съ Борщовымъ никакихъ объясненій. Она предполагала, что онъ ее ревнуетъ. Она желала вызвать въ немъ припадки ревности; но Александръ Дмитріевичъ слишкомъ хорошо владѣлъ собою. Глухая страсть его соединялась съ такой же глухою гордостію. Онъ точно не хотѣлъ допустить, что

его жена можетъ увлечься кѣмъ нибудь, послѣ того какъ она выбрала его въ мужья. Ему точно казалось, что онъ былъ подвергнутъ ею слишкомъ строгому и образцовому испытанію. Такъ разсуждала Катерина Николаевна, и съ каждымъ днемъ личность мужа становилась для нея тягостнѣе. Она нѣсколько разъ пробовала отнестись къ нему совершенно безпристрастно, и находила тогда, что онъ достоинъ сожалѣнія въ своей мертвенной дѣльности, которая все-таки не удовлетворяла его. Но сожалѣніе такъ и оставалось сожалѣніемъ. Чего нибудь теплаго, даже дружественнаго, она въ себѣ не находила, хотя и наклонна была ежесекундно обвинять себя въ нарушеніи супружескаго обѣта.

Съ тѣхъ поръ, какъ Борщовъ сталъ играть первую роль въ ея интимной жизни, она отказалась совсѣмъ отъ свѣтскихъ выѣздовъ. Мужъ не настаивалъ на нихъ. Онъ никогда почти не спрашивалъ, гдѣ она бываетъ и въ какомъ обществѣ проводитъ свои вечера? Его тактъ и сдержанность всего сильнѣе смущали Катерину Николаевну.

Вернувшись отъ Загариной, она узнала, что Александръ Дмитріевичъ дома и работаетъ одинъ въ кабинетѣ.

Обыкновенно, она не заходила къ нему, и видѣлась больше поутрамъ. На такую перемѣну въ ихъ брачной жизни Александръ Дмитріевичъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія, и Катерина Николаевна могла понять изъ его намековъ только то, что онъ считаетъ ее не совсѣмъ здоровой и готовъ на время сократить свои супружескія права.

Когда она вошла въ кабинетъ, глазамъ ея представилась все та же бѣлокурая голова съ англійскимъ проборомъ, все тотъ же крупный и скучный носъ, и блѣдныя губы. Все такъ же голова была наклонена надъ бумагами и свѣтъ падалъ на нее изъ-подъ бронзоваго абажура.

Тихими шагами приблизилась она къ письменному столу и опустилась въ кресло, стоявшее съ боку.

— Александръ, произнесла она медленно и звучно, такъ что голосъ дрогнулъ по всей комнатѣ:—ты занятъ?

Онъ быстро поднялъ голову и улыбнулся, показывая ей этой улыбкой, что онъ очень тронутъ ея неожиданнымъ визитомъ.

— Ничего нѣтъ особенно спѣшнаго, проговорилъ онъ, продолжая ласково глядѣть на нее.

— Александръ, я пришла сказать тебѣ, что не могу быть твоей женою.

Онъ подвинулся всѣмъ корпусомъ впередъ и сдѣлалъ такой жестъ, какъ будто онъ нехорошо разслышалъ.

— Ты говоришь? проронилъ онъ.

— Я говорю, продолжала твердымъ голосомъ Катерина Николаевна:—что быть твоей женою я больше не въ состояніи.

Александръ Дмитріевичъ всталъ, выпрямился, потомъ опять сѣлъ и томительно провелъ рукою по лбу.

— Вы хорошо меня разслышали? спросила Катерина Николаевна.

— Хорошо, хорошо, глухо вымолвилъ онъ.

— Я не стану васъ увѣрять, продолжала Катерина Николаевна:—что боролась съ своимъ новымъ чувствомъ, нѣтъ! для меня любовь должна быть связана съ жизнью. Вы сами по себѣ прекрасный человѣкъ, и невиноваты, что ваша личность потеряла для меня всякое обаяніе. Я скажу больше: мнѣ васъ почти не жалко даже, какъ человѣка, который любитъ меня. Еслибъ я и не встрѣтила того, съ кѣмъ я хочу теперь связать судьбу свою, я все-таки бы васъ не любила.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, Повалишинъ все блѣднѣлъ. Онъ сидѣлъ въ креслѣ съ опущенными глазами и чуть замѣтная дрожь пробѣгала по его губамъ.

— Вы полюбили этого... Борщова, съ трудомъ вымолвилъ онъ.

— Дѣло не въ имени, Александръ Дмитричъ...

— И вы имъ не увлечены? продолжалъ онъ какимъ-то предсѣдательскимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не увлечена, отвѣтила она спокойно.

— И ничто не тронетъ васъ?..

Онъ недоговорилъ и обернулся. Ей показалось, что на концахъ его длинныхъ рѣсницъ заблистали слезы.

— Я избрала этого человѣка для борьбы, сказала послѣ паузы Катерина Николаевна.

Чуть замѣтная усмѣшка пробѣжала по губамъ Повалишина.

— Зачѣмъ же вамъ непремѣнно бороться? спросилъ онъ.

— Жить, жить хочу, а не прозябать.

— Живите. Я поперегъ дороги становиться не буду.

— Но я желала бы, заговорила Катерина Николаевна менѣе твердымъ голосомъ: — чтобы вы сказали мнѣ: считаете ли вы меня способной на одно пустое чувственное увлеченіе?

— Я не судья... въ этомъ дѣлѣ.

— Я потому позволила себѣ этотъ вопросъ, что васъ же я должна буду просить облегчить мнѣ трудность моего положенія.

— Что̀ вы хотите сказать?

— Я хочу быть женой другого человѣка.

— Будьте ею, если вы не можете поступить иначе.

— Но для этого нужно расторгнуть нашъ бракъ.

— Расторгнуть? протянулъ Александръ Дмитріевичъ.

— Конечно.

— То-есть вы хотите развода?

— Онъ необходимъ.

— По добровольному соглашенію?

— Да.

— Но вамъ знакомы ли наши законы по этой части?

— Я готова, вскричала Катерина Николаевна:—взять виновность на себя!

— Въ такомъ случаѣ здѣсь, въ Россіи, вамъ нельзя будетъ вступить въ новый бракъ.

— Нельзя?

— По крайней-мѣрѣ очень опасно. Если вамъ и удастся обвѣнчаться, то всякій можетъ расторгнуть этотъ бракъ, донеся на васъ.

— Все равно, я не буду имѣть права выдти замужъ, но не стану считаться больше женой вашей, носить вашего имени.

Александръ Дмитріевичъ всталъ, и опершись на спинку кресла, заговорилъ методически, безстрастнымъ голосомъ:

— Вы предлагаете мнѣ сдѣлку, на которую я ни въ какомъ случаѣ не могу пойти. Вопервыхъ, я считаю бракъ договоромъ нерасторжимымъ, если вамъ уже не угодно смотрѣть на него, какъ на таинство. Будь я другихъ взглядовъ, считай я разводъ честнымъ и благимъ дѣломъ, я все-таки бы не согласился на вашу мнимую виновность.

— Какая же она мнимая? она совершенно реальная!

— Реальная? переспросилъ онъ, взглянувши на нее вдругъ затуманившимся взглядомъ.

— Я вамъ не измѣняла, Александръ Дмитричъ, поправилась она. — Я затѣмъ и пришла къ вамъ, чтобы не оскорблять нашихъ отношеній.

— А если такъ, чему я вполнѣ вѣрю, то съ вашей стороны нѣтъ никакого фактическаго дѣйствія, которое бы мотивировало разводъ. Поэтому, я и не могу допустить чтобы вы ложно взяли на себя виновность въ супружеской невѣрности.

— Такъ неужели же, вскричала съ живостью Катерина Николаевна: — вы заставите меня измѣнить вамъ фактически?

— Поступайте какъ вамъ будетъ угодно, но въ сдѣлку съ вами я не могу войти.

— Вѣдь не буду же я васъ просить, чтобъ вы приняли на себя виновность?

— Я-бы взялъ ее на себя, еслибъ иначе смотрѣлъ на бракъ.

— Что̀-жь изъ этого вытекаетъ, Александръ Дмитричъ? спросила Катерина Николаевна значительно.

— Моя роль—страдательная. Если вамъ угодно покинуть меня, я не стану злоупотреблять моими правами. Любите другого, живите съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ сохранитъ для васъ обаяніе, и не требуйте отъ меня ничего больше.

— Это та же тиранія, только въ мягкой формѣ!

— Я не вижу тутъ никакой тираніи. Мои принципы не позволяютъ мнѣ подчиниться вашей волѣ и перестать быть вашимъ мужемъ. Кто знаетъ, что̀ можетъ случиться. Я бралъ на себя обязательства, которыя и выполню. Вы всегда найдете во мнѣ друга и покровителя.

— Зачѣмъ же это, Александръ Дмитричъ?

— Умъ у васъ свѣтлый, но темпераментъ беретъ верхъ.

— Но этакъ я всю свою жизнь буду и въ глазахъ свѣта, и передъ закономъ жена ваша? Вы хотите, стало быть, чтобы я постоянно нарушала свой долгъ, чтобы моя новая жизнь съ человѣкомъ, которому я хочу быть вѣрной женой, имѣла видъ преступной интриги?

— Я не могу поступить иначе, выговорилъ Александръ Дмитріевичъ и опустился въ кресло точно затѣмъ, чтобы опять приняться за свои бумаги.

— Я надѣялась, вскричала Катерина Николаевна: — что вы будете хоть немного поискреннѣе!

— Искреннѣе быть нельзя. Пользуйтесь фактической свободой. Я отказываюсь отъ своихъ правъ. Позвольте мнѣ удержать одни обязанности.

Она ничего не отвѣчала и быстро вышла изъ кабинета. Онъ проводилъ ее глазами до дверей, и когда она исчезла въ нихъ, тяжело опустилъ голову на руки.

IV.

Любовь сильно измѣнила наружность Борщова. Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ. Лицо его не поражало уже прежней ясностью и добродушіемъ. Борода удлиннилась. Глаза пріобрѣли новый блескъ вмѣстѣ съ тревожностью. Но онъ настолько слѣдилъ за собою, что дѣловая его жизнь не страдала отъ душевныхъ волненій. Напротивъ, онъ шелъ въ гору. Ему поручили завѣдываніе очень крупнаго предпріятія, гдѣ онъ былъ и пайщикомъ. Для него практическая дѣятельность дѣйствительно играла роль одного лишь средства къ достиженію такой матеріальной независимости, которая позволяла бы ему впослѣдствіи предаваться всякимъ „просвѣтительнымъ затѣямъ“. Онъ вовсе не усердствовалъ,

а дѣло у него, все-таки, спорилось. Еслибъ онъ самъ не относился такъ къ своей дѣловой карьерѣ, онъ, конечно бы, имѣлъ уже не одну сотню тысячъ, давно считался бы тузомъ промышленнаго міра.

Столкновеніе съ Катериной Николаевной скрасило его жизнь гораздо болѣе, чѣмъ онъ самъ ожидалъ. Но сейчасъ же человѣкъ принциповъ сказался въ немъ. Онъ увидалъ въ этой роскошной и обаятельной натурѣ недостатки, данные средою. Въ сердце его закралась боязнь, что Катерина Николаевна не въ силахъ будетъ рвануться энергически вонъ изъ того міра, гдѣ она прозябала. Онъ уже видѣлъ, что у ней недостало сразу смѣлости прекратить свои сношенія съ мужемъ. Быть можетъ, она пошла бы на обыкновенный свѣтскій обманъ, еслибъ онъ самъ такъ рѣзко не возмутился одной идеей такой нравственной пошлости. Цѣлую недѣлю не могъ оправиться Борщовъ отъ ѣдкаго сознанія, что любимая имъ женщина способна была бы продѣлать съ нимъ такой же „адюльтеръ“, какой Алеша Карповъ вкушалъ когда-то съ безчисленными замужними женщинами. Умственный анализъ взялъ однако верхъ. Борщовъ упрекнулъ себя въ болѣзненной требовательности и пришелъ къ тому выводу, что Катерина Николаевна была бы кукла, а не живое существо, еслибы она хоть сколько-нибудь не отдавала дани непослѣдовательностямъ, неизбѣжнымъ въ развитіи свѣтской женщины, даже и такой, какъ она.

Онъ зналъ, что Катерина Николаевна еще колеблется имѣть рѣшительное объясненіе съ мужемъ; но уже гораздо меньше сомнѣвался въ томъ, что она будетъ его имѣть. Онъ ждалъ ее на другой день разговора, въ кабинетѣ Александра Дмитріевича, но не зналъ, что разговоръ произойдетъ именно въ этотъ день. Онъ былъ слишкомъ деликатенъ, чтобы напоминать ей.

Ихъ свиданія происходили почти каждый день, больше все у него, или на засѣданіяхъ. До сихъ поръ тонъ ихъ былъ самый сдержанный. Они инстинктивно боялись всякой внѣшней короткости, чтобы раньше срока не зайти за предѣлъ... И ей, и ему было одинаково трудно сдерживаться; но у него оказывалось больше ригоризма.

На другой день послѣ разговора Катерины Николаевны съ мужемъ, Борщовъ получилъ отъ нее, утромъ, такую записку:

„Объясненіе было вчера. Я хотѣла ѣхать къ вамъ, но почувствовала себя не совсѣмъ хорошо; пожалуйста, мой другъ, будьте у меня сегодня, въ какомъ угодно часу“.

Ѣздить къ ней въ послѣдніе дни сдѣлалось для Борщова тягостно. Онъ видѣлъ въ этомъ косвенное оскорбленіе мужа, ко-

торый навѣрно догадывался объ ихъ отношеніяхъ. И принимать у себя Катерину Николаевну было для него также тягостно. Поэтому-то онъ такъ жаждалъ рѣшительнаго конца, послѣ котораго онъ могъ бы назвать ее предъ всѣми честными людьми своей подругой.

Онъ тотчасъ же поѣхалъ къ ней и нашелъ ее очень слабой, въ большомъ креслѣ, укутанной, съ лихорадочнымъ цвѣтомъ лица.

— Простите меня, другъ мой, начала она, протягивая ему горячую, слегка дрожащую руку:—я очень, очень слаба.

— Нездоровы? спросилъ Борщовъ и тревожно оглядѣлъ ее.

— Эта физическая слабость пройдетъ, а я очень малодушна.

Медленно и грустно разсказала она ему содержаніе своего разговора съ мужемъ. Борщовъ слушалъ съ опущенными глазами и отъ времени до времени подергивалъ свою бороду.

— Онъ по своему правъ, сказала Катерина Николаевна въ заключеніе.

— Конечно, правъ, подтвердилъ Борщовъ.—Требовать отъ него развода нельзя, хотя на его мѣстѣ слѣдовало бы самому предложить то же самое.

— Но это бездушно! вскричала Катерина Николаевна.

— Это понятно, возразилъ Борщовъ. — Вопервыхъ, онъ человѣкъ формальной морали, и вся бѣда въ томъ, что вы поздно его разглядѣли, а вовторыхъ, онъ любитъ васъ, и надо его пожалѣть.

— Но какъ же намъ-то быть? нѣсколько раздражительно спросила Катерина Николаевна.

— Поступайте какъ вамъ говорятъ ваши убѣжденія.

Борщовъ произнесъ эту фразу глухо и слегка отвернувшись въ сторону.

— Я, все-таки, буду женой Александра Дмитрича Повалишина?

— Да.

— Стало быть на мнѣ, хотя бы только формально, будутъ лежать извѣстныя обязанности. Оставаться въ этомъ домѣ я больше не хочу. У меня есть свое состояніе. Я могу жить одна. До свѣта мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Я васъ увѣряю, мой другъ, что въ этомъ отношеніи я совершенно эмансипировалась. Лучше такъ, чѣмъ оставаться хозяйкой этой квартиры, гдѣ одно присутствіе мое составляетъ уже грубѣйшую ложь..

Катерина Николаевна остановилась и взглянула на Борщова. Онъ молчалъ и не поднималъ на нее глазъ. Ей дѣлалось очень неловко.

— Вы какъ будто не вѣрите, другъ мой, заговорила она все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ смущеніемъ.—Я совершенно искренно

высказываю вамъ все, что̀ у меня на сердцѣ. Простите мнѣ недостатокъ настоящей силы. Все это меня разстроило болѣе, чѣмъ слѣдовало.

— Вы хотите, стало быть, выговорилъ Борщовъ:—оставить вашего мужа и поселиться одной? Прекрасно. Но что̀ же будетъ значить подобный поступокъ въ нравственномъ смыслѣ—что вы, не поладивши съ нимъ, остаетесь, однако, вѣрны свѣтской морали?

— Почему же свѣтской?

— А то какъ же? Вы хотите соблюсти декорумъ. Въ свѣтѣ такіе домашніе разводы происходятъ часто; но для того, чтобы разошедшаяся съ своимъ мужемъ жена продолжала пользоваться, по крайней мѣрѣ, наружнымъ уваженіемъ, ей надо жить одной и скрывать все отъ свѣта.

— Но мнѣ не нуженъ этотъ свѣтъ!

— Вы такъ говорите; но дѣйствуете вы совершенно иначе.

— Почему же иначе? спросила подавленнымъ голосомъ Катерина Николаевна, и вдругъ поблѣднѣла.

— Если вамъ свѣтъ не нуженъ, то зачѣмъ же вы хотите надѣвать на себя личину, передъ кѣмъ, во имя какого принципа? Мы съ вами любимъ другъ друга; мы рѣшились дѣлить все, что̀ только жизнь дастъ намъ; мы не сантиментальные романтики, а люди дѣла, сознавшіе, что имъ нужна взаимная поддержка. Зачѣмъ же вы добровольно хотите унизить себя до роли женщины, превращающей свою честную привязанность въ интригу, которую надо прикрывать безукоризненной внѣшностью?

— Я не хочу этого, не хочу, шептала Катерина Николаевна, закрывая лицо руками.

— Вы этого хотите, выговорилъ твердо Борщовъ.

— Что̀ же мнѣ дѣлать? вырвалось у ней почти съ плачемъ.

— Открыто и смѣло соединить судьбу вашу съ тѣмъ, кого вы избрали.

— Другими словами?

— Не скрывать того, что̀ само по себѣ безупречно въ глазахъ честныхъ людей.

— Вы предлагаете мнѣ жить съ вами? чуть слышно спросила она, все еще прикрывая лицо руками.

— Развѣ это оскорбляетъ васъ?

— Нѣтъ, но...

Она недоговорила и заплакала. Слезы тихо опускались по ея похудѣвшимъ щекамъ. Борщовъ всталъ и заходилъ скорыми шагами по комнатѣ.

— Простите, простите меня, начала всхлипывая Катерина Ни-

колаевна.—Я вижу, какъ еще сильны во мнѣ предразсудки. Я воображала, что съумѣю смѣло взглянуть въ глаза тому свѣту, котораго мнѣ совсѣмъ не нужно. И вотъ на что я способна!..

Она опять недоговорила. Слезы брызнули изъ глазъ.

— Вы сознаете свою слабость, отвѣчалъ Борщовъ уже кроткимъ, измѣненнымъ голосомъ.—Больше ничего и не нужно. Вы не любите вашего мужа, оставьте его. Вы любите другого и хотите быть его сотрудницей, живите съ нимъ.

— Да, да, повторяла шопотомъ Катерина Николаевна, отирая глаза платкомъ.

— Я васъ оставлю теперь, сказалъ громче Борщовъ.—Посидите дома, успокойтесь, не мучьте ваше воображеніе и дѣйствуйте тогда, когда все перегоритъ въ васъ и улягутся всякія колебанія.

Онъ подошелъ къ ней, протянулъ ей руку, крѣпко пожалъ и, не дожидаясь, что̀ она скажетъ, удалился. Она было-хотѣла удержать его, быть можетъ, кинуться ему на шею, но не посмѣла...

Еслибы невидимый свидѣтель былъ при ихъ разговорѣ, онъ бы никакъ не повѣрилъ, что подъ оболочкой суховатыхъ фразъ таилось молодое и сильное чувство. Они съ первыхъ же дней своего сближенія добровольно вставили себя въ такія рамки, что имъ нельзя было даже въ рѣшительную минуту отдаться своимъ порывамъ. Стоило Борщову, увидавши колебаніе любимой женщины, приласкать ее хоть однимъ страстнымъ словомъ, и она безъ его доводовъ сдѣлала бы то, чего онъ хотѣлъ; но онъ счелъ бы такое поведеніе глубоко безчестнымъ, даже зная, что она любитъ его. Ласка не была бы обманомъ предъ мужемъ, съ которымъ Катерина Николаевна наканунѣ прервала супружескую связь; но Борщовъ, все-таки, посмотрѣлъ бы на нее какъ на вымогательство и эксплуатацію женской слабости.

V.

А въ кабинетѣ мужа происходила молчаливая драма въ одиночку. Александръ Дмитріевичъ поѣхалъ въ присутствіе, но вернулся гораздо раньше обыкновеннаго. Какъ онъ ни принуждалъ себя, онъ не могъ углубиться въ бумаги и даже долженъ былъ отложить важный докладъ до другого дня.

Вернувшись, онъ присѣлъ къ столу; но его начало душить въ этомъ дубовомъ креслѣ, гдѣ онъ просидѣлъ столько лѣтъ. Попробовалъ-было онъ ходить по кабинету, но и это его раздра-

жало. Онъ легъ на большой сафьянный диванъ, подложилъ себѣ подъ голову подушку, и такъ пролежалъ до полныхъ сумерекъ. Голова его заработала съ лихорадочною поспѣшностью и совсѣмъ не въ ту сторону, какъ обыкновенно. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помнилъ себя сколько-нибудь сознательнымъ существомъ, все въ его жизни шло спокойно, все связано было одно съ другимъ, все исполнялось по разъ задуманному плану. Онъ не сдѣлалъ ни однаго ложнаго шага, никогда не брался за то, къ чему не способенъ, все выполнялъ основательно и добросовѣстно: учился, ѣздилъ въ свѣтъ, проходилъ по ступенямъ служебной лѣстницы. Никогда и никого онъ не обманывалъ.

Его сближеніе съ той женщиной, которая взяла его въ мужья, произошло полегоньку, методически, безъ всякой фразы и рисовки. Она имѣла время узнать его умъ, характеръ, вкусы, образованность, таланты, весь матеріалъ, изъ котораго сложилась его офиціальная и задушевная жизнь. Любовь къ ней забралась въ его сердце также не вдругъ, но съ каждымъ днемъ все больше и больше наполняла его. Онъ не старался анализировать этого чувства, а просто жилъ имъ. Оно сдѣлалось для него особенно дорогимъ съ той минуты, когда онъ началъ замѣчать, что внутри у него завелся какой-то червякъ. До женитьбы, служба совершенно поглощала серьёзную сторону его существованія. Особенно въ первое время послѣ того, какъ онъ выступилъ въ роли крупнаго дѣятеля по судебной реформѣ, онъ весь уходилъ въ исполненіе своихъ обязанностей и всякое недовольство неполнотой жизни считалъ бы пустой блажью. Но спустя года два послѣ женитьбы ему все чаще и чаще приходило на умъ: полно, долженъ ли онъ считать свою жизнь дѣйствительно разумной, плыветъ ли онъ на всѣхъ парусахъ? Эта тревога явилась у него раньше, чѣмъ Катерина Николаевна подмѣтила ее. Онъ удваивалъ энергію, заваливалъ себя работой, въ буквальномъ смыслѣ надѣвалъ на себя „вериги" чиновничьяго труда, цѣлыми недѣлями и даже мѣсяцами заглушалъ въ себѣ этотъ новый голосъ нравственнаго недовольства; но червякъ опять прогрызалъ себѣ отверстіе и забирался на прежнее мѣсто. Тогда ему яснѣе начала представляться другая жизнь, гдѣ бы онъ бился не изъ-за того только, чтобы чѣмъ-нибудь наполнить осемнадцать часовъ бдѣнія, гдѣ всякое дѣло доставляло бы и свѣтлую отраду, и ѣдкую горечь, смотря по его успѣху. Но гдѣ такое дѣло? Онъ не зналъ и не надѣялся когда-либо натолкнуться на него. Да еслибъ онъ и натолкнулся на него, то онъ чувствовалъ, что ко всему его существу приросла уже долголѣтняя кора, мѣшающая человѣку кинуться во что бы то ни было съ задоромъ и страстностью.

Знаніе самаго себя подсказывало ему, что коры этой не соскоблишь. И разъ придя къ такому выводу, онъ ухватился за чувство свое къ женѣ какъ за нѣчто такое, что̀ должно замѣнить ему всѣ иныя волненія и утѣхи полной жизни человѣка-гражданина. Когда Катерина Николаевна заговорила съ нимъ о своемъ недовольствѣ, онъ казался непонимающимъ ея требованій, но былъ въ сущности сильно встревоженъ и призвалъ ихъ супружескую любовь, какъ убѣжище отъ прозы жизни, горячо надѣясь, что этотъ призывъ откликнется въ сердцѣ его жены.

Не самодовольство, а формализмъ понятій препятствовалъ ему измѣрить ту пропасть, которая такъ скоро образовалась между нимъ и женою. Для его натуры, чувство его къ женѣ было очень страстно; но онъ не предавался мученіямъ ревности во весь тотъ періодъ времени, когда жена его сближалась съ Борщовымъ. Ему казалось все невѣроятнымъ, чтобы женщина, честная по природѣ, воспитанная въ извѣстныхъ правилахъ, изучившая его хорошо до выхода замужъ, могла вдругъ изъ-за совершенно теоретической идеи бросить его. Новой страсти къ другому человѣку онъ не вѣрилъ. Выборъ, сдѣланный Катериной Николаевной въ ея замужествѣ, казался ему такимъ рѣшительнымъ, что всякій новый порывъ не могъ имѣть въ глазахъ его иного значенія, какъ мимолетная вспышка женской хандры или впечатлительности.

Но фактъ стоялъ передъ нимъ во всей своей неотразимости. Значитъ, нельзя уже ему попрежнему жить, если онъ хочетъ привязать къ себѣ любимую женщину. Гдѣ же отыскать ту живую воду, которая сдѣлала бы его способнымъ на вдохновенную дѣятельность? Александръ Дмитріевичъ все-таки еще надѣялся, что въ женѣ его говорило гораздо больше нравственное недовольство, чѣмъ страстное увлеченіе Борщовымъ. Онъ перебиралъ въ своей головѣ всякія комбинаціи. Онъ припоминалъ, съ какого времени жена его должна была начать хандрить. Въ головѣ его проходили цѣлыя вереницы дней, убійственныхъ въ своемъ однообразіи. Онъ долженъ былъ сознаться, что каждый день жена его видѣла въ немъ одно и то же безстрастное исполненіе своей обязанности; а къ ея „затѣямъ“ онъ всегда относился слегка, съ снисходительной усмѣшкой. Онъ никогда ее подробно ни о чемъ не разспрашивалъ, не зналъ даже хорошенько, какіе люди раздѣляютъ ея интересы, а когда ему случалось знакомиться съ этими людьми, то онъ обходился съ ними съ ледяной вѣжливостью, точно желая показать, что только въ угоду женѣ подаетъ имъ руку и говоритъ съ ними. Перебирая эти личности, Александръ Дмитріевичъ остановился на Кучинѣ. Его онъ зналъ

еще до женитьбы своей. Они съ нимъ даже имѣли сношенія по службѣ. Онъ зналъ, что у него бываютъ разныя благотворительныя засѣданія, въ которыхъ участвуетъ Катерина Николаевна. Кучинъ былъ центромъ кружка, гдѣ, сколько помнилъ Александръ Дмитріевичъ, жена его и познакомилась съ Борщовымъ. Вотъ кто могъ бы указать ему: куда стремится его жена, что̀ сильнѣе возбуждаетъ ея интересъ? Такой человѣкъ будетъ ему полезнѣе собственныхъ соображеній.

„Поѣду я къ нему?“ вдругъ спросилъ онъ про себя и всталъ съ дивана.

Онъ позвонилъ, велѣлъ подать лампу и прошелъ въ столовую. Столъ былъ накрытъ на одинъ приборъ. Часы на каминѣ показывали безъ четверти шесть. Онъ походилъ по столовой, подошелъ къ небольшому столику, гдѣ стояла закуска, выпилъ водки, закусилъ икрой и опять заходилъ, посматривая на часы. Ровно въ шесть онъ спросилъ: дома ли барыня? Ему доложили, что ее нѣтъ и дома она кушать не будетъ. Онъ приказалъ подавать обѣдать, ѣлъ старательно и не торопясь и послѣ обѣда сѣлъ заниматься; но Кучинъ не выходилъ у него изъ головы. Онъ узналъ отъ человѣка, ѣздившаго съ Катериной Николаевной, его адресъ, и въ половинѣ осьмаго отправился на извощикѣ.

Кучинъ былъ дома. Александръ Дмитріевичъ засталъ его одного. Они встрѣтились какъ старые знакомые. Видно было, что посѣщеніе Повалишина очень польстило Кучину, хотя онъ и старался скрыть это подъ личиной своей обычной мягкой скромности. Александръ Дмитріевичъ приступилъ прямо къ дѣлу.

— До сихъ поръ, сказалъ онъ: — я не могъ принять особенно дѣятельнаго участія въ интересахъ моей жены. Вы — ея главный руководитель, и мнѣ весьма хотѣлось бы узнать отъ васъ, чѣмъ она по преимуществу интересуется.

Кучинъ чуть замѣтно улыбнулся и своимъ вкрадчивымъ, елейнымъ голосомъ проговорилъ:

— Вы изволите называть меня руководителемъ вашей супруги. Это было бы весьма лестно для меня; но, къ сожалѣнію, я не могу принять такого титула.

— Почему же нѣтъ?

— Можетъ быть, Катерина Николавна и удостоивала меня своимъ дружескимъ вниманіемъ, слѣдовала нѣкоторымъ моимъ указаніямъ; но вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы начали идти по разнымъ направленіямъ.

— По разнымъ? удивленно спросилъ Александръ Дмитріевичъ.

— Да, я долженъ это съ прискорбіемъ засвидѣтельствовать.

— Но какъ же могло такъ случиться?

— Тутъ сказалось вліяніе одной личности. Кучинъ улыбнулся.

„Борщова". подумалъ Повалишинъ.

— Личность эта, продолжалъ Кучинъ:—весьма энергическій и способный молодой человѣкъ. Онъ былъ самымъ дѣятельнымъ нашимъ сочленомъ, но въ послѣднее время взглянулъ съ какимъ-то непонятнымъ недовѣріемъ на все то, что̀ я, слабыми своими силами, стараюсь провести въ жизнь. Вѣроятно это недовѣріе отразилось и на супругѣ вашей. По крайней мѣрѣ, она стала относиться ко мнѣ гораздо холоднѣе, и въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, которымъ преданъ я, она уже не находила прежняго интереса.

— Вы однако видитесь съ ней?

— Да, довольно часто даже; но наши свиданія не имѣютъ прежняго дружественнаго характера. Мы встрѣчаемся на засѣданіяхъ двухъ обществъ, гдѣ я состою дѣлопроизводителемъ.

— Чѣмъ же она еще занимается? спросилъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ Повалишинъ.

— Я не умѣю вамъ доложить обстоятельно; но думаю, что сотрудничая тому господину, о которомъ я сейчасъ упомянулъ, супруга ваша предается извѣстнаго рода пропагандѣ...

— Какой пропагандѣ? испуганно выговорилъ Повалишинъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, они устроили или устроиваютъ родъ воспитательнаго убѣжища для безпріютныхъ дѣвушекъ. Идея сама по себѣ прекрасная. Мнѣ кажется даже, я ее обсуждалъ съ Катериной Николавной гораздо раньше. Но въ рукахъ ея теперешняго сотрудника идея эта получила совершенно иной характеръ. Все дѣло будетъ, какъ кажется, облечено въ пропаганду, которой врядъ ли слѣдуетъ сочувствовать.

— Какого же рода пропаганда? допытывался Повалишинъ.

— Вы понимаете... въ духѣ, какъ бы это выразиться... разрушительномъ, относительно извѣстныхъ основъ...

— Нигилизмъ, что ли?

— Хе-хе-хе, разсмѣялся въ отвѣтъ Кучинъ. — Это слишкомъ общее обозначеніе. Я, признаюсь, не люблю употреблять его всуе. Вѣдь и меня тоже въ иныхъ мѣстахъ называютъ нигилистомъ.

— Васъ?

— И какимъ еще! Равнодушіе людское къ немощамъ и нуждамъ человѣчества таково, что каждый, кто только желаетъ удѣлить хоть какую-нибудь лепту на меньшую братью, уже заподозривается тѣми, кто считаетъ свой эгоизмъ за настоящую благонамѣренность. Извините, я уклонился немного отъ нашего предмета. Стало быть, я не буду называть нигилизмомъ то, что̀ теперь супруга ваша затѣяла вмѣстѣ съ своимъ сотрудникомъ.

Ихъ пропаганда рѣзко отличается отъ моего нигилизма, если я могу такъ выразиться. Какъ ни широка моя терпимость, но быть солидарнымъ съ ними я не въ состояніи.

— И вы думаете, заговорилъ Повалишинъ:—что жена моя можетъ очень увлечься этими идеями?

— Натура супруги вашей должна быть вамъ прекрасно извѣстна.

— Въ томъ-то и дѣло, что я недостаточно слѣдилъ за ея идеальными порывами. Вамъ, со стороны, можно безпристрастнѣе опредѣлить...

— Если позволите, я вамъ скажу мое мнѣніе съ полною искренностью. Катерина Николавна, какъ и всякая женщина, нуждается не столько въ отвлеченномъ, сколько въ живомъ идеалѣ. Она привязывается сердцемъ ко всякой широкой идеи, когда видитъ, что этой-же идеѣ служитъ живое лицо. Она вѣрила мнѣ и горячо мнѣ сотрудничала. Теперь вѣритъ другому, и такъ же горячо взялась за то, что̀ онъ ей предложилъ....

— Вы хотите сказать, перебилъ Повалишинъ:—что у ней нѣтъ никакой собственной иниціативы, что она можетъ идти только на помочахъ другаго?

— Извините меня, я не желалъ такъ рѣзко выразиться. Я признаю за супругой вашей весьма значительный душевный починъ. Она чрезвычайно воспріимчива. Не скрою и того, что въ ея направленіи лежали уже сѣмена разлада съ моимъ взглядомъ на вещи. Къ этому присоединилось, какъ я вамъ уже сказалъ, и личное недоразумѣніе относительно меня. Супруга ваша, разъ взявшись за что нибудь, способна дѣйствовать самостоятельно. Но для нея, живой примѣръ, соединеніе, такъ сказать, идей съ личностью, которую она въ данную минуту ставитъ на извѣстный пьедесталъ—вопросъ первой важности.

Кучинъ замолчалъ и провелъ лѣвой рукой по подбородку. Глаза его ласково оглядѣли гостя съ ногъ до головы.

— Благодарю васъ, сказалъ Повалишинъ, вставая и подавая ему руку.—Все, что̀ вы сообщили мнѣ, должно быть совершенно вѣрно. Я душевно жалѣю о томъ, что не раздѣлялъ до сихъ поръ вашихъ интересовъ.

— Милости просимъ, промолвилъ Кучинъ, держа въ рукѣ своей руку Повалишина.—Я знаю, вы завалены работой; но такой человѣкъ, какъ вы, скорѣе другихъ найдетъ минуту свободнаго времени, чтобы вложить и свою лепту...... въ нашъ нигилизмъ. И Кучинъ тихо разсмѣялся.

— Вы правы, вы тысячу разъ правы, проговорилъ Повалишинъ тронутымъ голосомъ.

— Придете *вы* къ намъ, продолжалъ Кучинъ:—и супруга ваша иначе посмотритъ на насъ, грѣшныхъ.

— Да, да, повторялъ Повалишинъ, прощаясь съ Кучинымъ.— Когда засѣданіе того общества, гдѣ моя жена?

— Послѣ завтра. Угодно вамъ будетъ пожаловать?

— Я буду непремѣнно.

— Въ восемь часовъ вечера. Вамъ извѣстно помѣщеніе?

— Нѣтъ, я не знаю.

— Въ Измайловскомъ полку. Да вѣдь вы вѣрно съ Катериной Николавной пожалуете?

— Да, да, повторилъ машинально Повалишинъ. Онъ въ эту минуту думалъ совершенно о другомъ.

Кучинъ проводилъ его въ переднюю, помогъ ему надѣть шубу, отворилъ дверь и еще разъ сказалъ ему:—Милости просимъ.

Сходя съ лѣстницы, Повалишинъ такъ задумался, что вмѣсто параднаго подъѣзда попалъ чрезъ какую-то дверку на дворъ и насилу нашелъ ворота. Онъ побрелъ домой пѣшкомъ, точно не желая ѣздой въ саняхъ прерывать нити своихъ мыслей. Полчаса, проведенные имъ у Кучина, совсѣмъ перевернули его. Онъ устыдился самаго себя. Этотъ сладкій благотворитель, человѣкъ, котораго онъ еле-еле зналъ, прочелъ ему цѣлую лекцію о задушевной жизни жены его. Въ то время, какъ онъ предавался чиновничьему самодовольству (онъ не могъ теперь иначе назвать своего поведенія), посторонній человѣкъ, не менѣе занятый, чѣмъ онъ, участвующій, какъ онъ слышалъ, чуть не въ двадцати обществахъ, съумѣлъ такъ хорошо разглядѣть его жену, такъ вѣрно опредѣлить, что̀ для нея—вопросъ первой важности. Подумай объ этомъ онъ, Повалишинъ, четыре года тому назадъ, и теперь не случилось бы съ нимъ такого сюрприза! Что̀ ему стоило сразу-же заняться „затѣями" Катерины Николаевны, посѣщать хоть изрѣдка засѣданія ея обществъ? Что̀ ему стоило наконецъ притвориться интересующимся хотя бы для того, чтобъ слѣдить за „идеалами" своей жены и не допускать ее до роковыхъ увлеченій? Но тутъ-же онъ опять попалъ на зарубку собственной неспособности къ энтузіазму; а Катерина Николаевна такъ чутка и воспріимчива, что съ ней притворство было бы невозможно. Чѣмъ ближе подходилъ къ своему дому Александръ Дмитріевичъ, тѣмъ безпомощнѣе и безпомощнѣе онъ себя чувствовалъ. Ну, онъ поѣдетъ послѣ-завтра въ Измайловскій полкъ, будетъ присутствовать на засѣданіи, запишется пожалуй въ члены... а потомъ? Развѣ жена его не догадается, что онъ ухватился за соломенку и хочетъ формальнымъ сочувствіемъ наверстать промахъ нѣсколькихъ лѣтъ?

Когда онъ подошелъ къ своему дому, былъ уже одинадцатый часъ: такъ онъ медленно двигался. Въ передней человѣкъ подалъ ему письмо, сказавши:

— Сейчасъ принесли, городское.

Онъ взявъ письмо, не поглядѣвъ на адресъ и не спросивъ: дома ли барыня? Онъ, противъ своего обыкновенія, прошелъ въ кабинетъ въ шляпѣ и шейномъ платкѣ. Шляпу онъ поставилъ на подзеркальникъ, положилъ въ нее платокъ, снялъ сюртукъ и надѣлъ свой рабочій сюртучокъ. Только въ креслѣ передъ письменнымъ столомъ вспомнилъ онъ, что ему подали въ передней письмо.

Развернувши листокъ, онъ не сразу узналъ руку жены: такъ далекъ онъ былъ отъ мысли получить письмо отъ нея въ эту минуту. Съ необыкновенной отчетливостью, внутренно выговаривая слова, прочелъ онъ:

„Вы, можетъ быть, приняли мое объясненіе съ вами за угрозу или за истерическую выходку. Если такъ, то вы ошиблись; я не переставала уважать васъ, какъ честнаго человѣка, а потому не позволила бы себѣ тревожить васъ понапрасну. Прощаться съ вами я сочла лишнимъ. Вы, конечно, не будете на меня за это въ претензіи. Я больше не вернусь въ вашъ домъ. Такъ-какъ я знаю, что вы не любите фразъ, то и не приняла за фразу ваше завѣреніе въ томъ, что вы не въ состояніи злоупотребить вашими супружескими правами. Я по вашему желанію принуждена носить ваше имя. Вы позаботитесь, стало быть, оградить меня отъ непріятностей, выдавъ мнѣ видъ на жительство. Моя горничная соберетъ всѣ вещи, принадлежащія лично мнѣ. Больше я не хочу никакого дѣлежа нашей общей движимой собственности. Хотѣла бы сказать вамъ доброе слово, но лучше подожду. Позднѣе вы ему больше повѣрите".

Александръ Дмитріевичъ прочелъ и подписную букву „К." и тутъ же, точно проснувшись, вскричалъ про себя:

„И я, идіотъ, ѣздилъ къ Кучину совѣтоваться объ идеалахъ моей жены!"

Онъ истерически захохоталъ. Съ нимъ сдѣлался припадокъ.

VI.

Кучинъ, проводивши Повалишина, долго улыбался и похаживалъ по своей маленькой гостиной. Онъ тотчасъ же понялъ, что мужъ пріѣзжалъ къ нему, какъ пріѣзжаютъ за консультаціей къ доктору. Онъ не особенно жалѣлъ этого мужа. Самый разговоръ

заставлялъ его сознаться, что такая цѣнная сотрудница, какъ Катерина Николаевна, окончательно ушла изъ-подъ его вліянія. Онъ завидовалъ Борщову. Степанъ Ивановичъ не могъ ему простить успѣха его пропаганды надъ такой прелестной женщиной...

Въ этотъ вечеръ у него не было никакого засѣданія. Въ такіе вечера, передъ своей ночной работой, продолжавшейся обыкновенно часовъ до двухъ, до трехъ, Степанъ Ивановичъ выходилъ изъ дому въ короткой шубкѣ и бродилъ по бойкимъ улицамъ Петербурга. Ходилъ онъ медленно, опираясь на палку, часто останавливаясь на перекресткахъ и всматриваясь въ особенности въ проходящихъ женщинъ. Степанъ Ивановичъ, въ числѣ другихъ благотворительныхъ стремленій, служилъ дѣлу такъ-называемаго „возстановленія падшихъ женщинъ". Онъ преслѣдовалъ при этомъ и спеціальную цѣль: противодѣйствовать своей личной иниціативой слишкомъ ревностнымъ захватамъ врачебно-полицейскаго надзора. Онъ дѣйствительно изучилъ во всѣхъ подробностяхъ роковой ходъ постепеннаго паденія женщины, на которую разъ обращены глаза полиціи. Нѣсколько разъ Степану Ивановичу удавалось высвобождать изъ-подъ полицейскаго клейма молодыхъ дѣвушекъ, или казавшихся подозрительными по случайному стеченію обстоятельствъ, или же такихъ, которыя не принадлежали еще къ проституціи, а просто завертѣлись въ воздухѣ праздности, подъ уколами молодости и жажды удовольствій.

Степанъ Ивановичъ поднялся по Невскому, повернулъ въ Большую Морскую и началъ спускаться по Вознесенскому. На углу Мѣщанской, на подъѣздѣ какой-то гостиницы, онъ наткнулся на сцену, заставившую его тотчасъ же остановиться. На тротуарѣ, подъ навѣсомъ подъѣзда, онъ увидалъ какого-то господина въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, который, стоя къ нему спиной, схватилъ за руку женщину въ темной шубкѣ, съ головой, повязанной бѣлымъ кашемировымъ платкомъ, и кричалъ тутъ же стоявшему городовому:

— Бери, бери ее!

Кучинъ подошелъ ближе.

— Я не хочу идти, говорила испуганно женщина. — Какое право имѣете вы?

— А вотъ мы потомъ увидимъ, кинулъ ей господинъ въ пальто.

Около нихъ уже собралась толпа.

Господинъ въ пальто обернулся лицомъ къ Степану Ивановичу. Онъ узналъ полицейскаго агента, и тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ:

— Куда вы ведете эту госпожу?

Полицейскій тоже узналъ Кучина, съ которымъ онъ уже имѣлъ столкновенія, крайне недолюбливалъ его, но побаивался, зная, что у Кучина большія связи.

— Я исполняю свою обязанность. Эта женщина—тайная проститутка.

— Это ложь! вскричала молодая женщина, которая была не кто иное, какъ Зинаида Алексѣевна Тимоѳѣева.

Кучинъ быстро оглядѣлъ ее, и тотчасъ же распозналъ, что тутъ какая-нибудь грубая ошибка.

— Вы знаете меня? обратился онъ къ полицейскому.

— Какъ же-съ, имѣю честь знать.

— Вы позволите мнѣ взять эту госпожу подъ мой личный надзоръ? Если вы не ошибаетесь, она во всякомъ случаѣ не уйдетъ отъ васъ.

— Помилуйте, ваше превосходительство, заговорилъ полицейскій, вспомнившій чинъ Степана Ивановича, при такомъ послабленіи...

— Я вамъ все объясню! вскричала Зинаида Алексѣевна, беря за руку Кучина.—Поѣдемте ко мнѣ, у меня есть видъ...

Голосъ ея дрожалъ. Она едва держалась на ногахъ отъ испуга и волненія.

— Прошу васъ оставить эту госпожу, сказалъ Кучинъ полицейскому болѣе внушительно.—Ваше начальство меня знаетъ. Доложите обо всемъ кому слѣдуетъ, а я самъ завтра явлюсь въ комитетъ.

И тутъ же онъ вскричалъ извощика и сказалъ нѣжно Зинаидѣ Алексѣевнѣ:

— Поѣдемте, дитя мое. Успокойтесь. Васъ никто не возьметъ.

Когда они сѣли въ сани, Кучинъ спросилъ:

— Гдѣ вы живете?

— Въ Моховой, съ трудомъ выговорила Зинаида Алексѣевна; зубы ея стучали точно въ лихорадкѣ.

— Это слишкомъ далеко! Вамъ надо сейчасъ же согрѣться и успокоить ваши нервы. Я живу въ двухъ шагахъ отсюда. Ко мнѣ вы можете заѣхать. Вы видите, я уже почти старикъ и другъ всѣхъ женщинъ, ищущихъ нравственной поддержки.

— Благодарю васъ, шепнула Зинаида Алексѣевна. Лихорадка дѣйствительно начала бить ее.

Черезъ пять минутъ они были уже у подъѣзда того дома, гдѣ жилъ Степанъ Ивановичъ. Онъ бережно высадилъ ее изъ саней, подалъ ей руку и повелъ по лѣстницѣ, съ заботливостью поглядывая на нее. Имъ отворила горничная.

— Пожалуйте вотъ сюда, указалъ Кучинъ на дверь въ свой кабинетъ.—Не раздѣвайтесь здѣсь, простудитесь.

Онъ ввелъ ее въ небольшую узкую комнату съ однимъ окномъ, гдѣ стоялъ какой-то сладкій запахъ, немного отшибающій мятой.

— Вотъ отдохните на этой кушеткѣ, дитя мое.

Она сѣла.

— Я сейчасъ велю подать вамъ чаю. Прилягте, не церемоньтесь.

Онъ тихо вышелъ, кивнувъ ей ласково головой. Оставшись одна, Зинаида Алексѣевна оглядѣла кабинетъ и тотчасъ же почувствовала во всемъ тѣлѣ какое-то томленіе. Въ кабинетѣ было очень натоплено. Она сняла съ себя шубку, платокъ и даже кругленькую мерлушковую шапочку, которую покрывалъ платокъ. Щоки ея горѣли, въ вискахъ стучало; она должна была опуститься на кушетку и даже прилечь немного головой на спинку ея.

„У кого же это я?“ спросила она про себя, и продолжала разглядывать комнату. Запахъ, стоявшій въ кабинетѣ, очень подходилъ ко всей его обстановкѣ. Письменный столъ придвинутъ былъ къ окну. На немъ стояло множество всякихъ вещицъ, очень дешевенькихъ и не нарядныхъ. Надъ столомъ висѣли по стѣнѣ фотографическіе портреты. Зинаида Алексѣевна по контурамъ догадывалась, что это все женскія лица. На окнѣ три горшка съ кактусами. Никакихъ принадлежностей куренія не замѣчалось. Книги стояли въ самой простой библіотекѣ безъ стеколъ. Надъ кушеткой висѣла небольшая лампочка и подъ ней зеркальцо.

„Небогатый чиновникъ-холостякъ“, подумала Зинаида Алексѣевна. „Зачѣмъ же я у него буду оставаться? Онъ такой славный; но лучше же попросить его ко мнѣ... да и зачѣмъ ему знать, кто я... Онъ не станетъ же допытываться, если онъ порядочный человѣкъ?“

Волненіе ея стихало, только ей захотѣлось спать, глаза такъ и слипались.

„Надо домой“, думала она, съ трудомъ раздѣляя вѣки. Рука ея начала искать на кушеткѣ шапочку и платокъ. Но сонъ внезапно овладѣлъ ею, точно кто-нибудь опоилъ ее. Когда она очнулась, она услыхала голосъ своего покровителя.

— Вы очень слабы, дитя мое. Не хотите ли, я васъ прикрою?

— Нѣтъ, нѣтъ, заговорила она, поднимая голову.—Я чувствую себя прекрасно.

Она приподнялась. Передъ ней на столикѣ стоялъ чай, стаканъ воды и два пузырька съ лекарствомъ. Тутъ только она разсмотрѣла Кучина. Онъ сидѣлъ на стулѣ наклонясь къ ней. Его волосы, носъ, губы, все это сливалось въ полусвѣтѣ комнаты въ какое-то желтое пятно. Зинаида Алексѣевна не могла опредѣлить его лѣтъ. Онъ не похожъ былъ ни на чиновника, ни на помѣщика, ни на купца.

— Примите немного капель. Вотъ позвольте, я вамъ накаплю на сахаръ.

Она молчала и глядѣла на него. Онъ взялъ синенькій пузырекъ и началъ бережно, считая про себя, капать на кусокъ сахару.

„Холостякъ онъ?“ спросила опять про себя Зинаида Алексѣевна. Ей стало жутко. Но вотъ за дверью раздался шопотъ двухъ женскихъ голосовъ.

— Подала чай? спросилъ одинъ голосъ, уже не молодой.

— Подала-съ.

Отвѣчала навѣрно горничная.

— Спитъ? продолжалъ первый голосъ.

— Нѣтъ; кажется, проснулась.

— Спроси Степана Иваныча, не нужно ли горчишникъ приготовить?

— Да они бы сказали.

„Нѣтъ, не холостой“, успокоилась Зинаида Алексѣевна. „Съ горничной говоритъ барыня“.

— Примите, это васъ успокоитъ.

Кучинъ подалъ ей на чайной ложкѣ кусокъ сахару.

— Чтò это такое? наивно спросила она.

— Не бойтесь, это лавро-вишневая вода съ дигиталисъ. Это подѣйствуетъ сейчасъ и на нервы, и на сердцебіеніе.

Зинаида Алексѣевна совершенно подѣтски взяла въ ротъ кусокъ сахару и стала его разгрызать.

— А потомъ напейтесь чайку. Кучинъ налилъ ей самъ и подалъ чашку.

— Какой вы славный, заговорила Зинаида Алексѣевна.—Безъ васъ я не знаю чтò бы со мной было.

— Вы мнѣ разскажете потомъ вашу исторію. Въ настоящую минуту вамъ надо...

— Нѣтъ, нѣтъ, перебила она Кучина:—я совсѣмъ оправилась. Вы за меня заступились, надо же вамъ знать, кто я такая.

— Я вижу, дитя мое, что вы прекрасная и симпатичная дѣвушка. Не смущайтесь, это была грубая ошибка. Она бы во всякомъ случаѣ разъяснилась. Но я понимаю, какъ вы должны были возмутиться подобнымъ насиліемъ...

— Можетъ быть, я сама виновата, проговорила съ недоумѣніемъ Зинаида Алексѣевна.

— Какъ же это могло случиться?

— Вотъ видите. Вы такой хорошій человѣкъ, я съ вами буду говорить, какъ съ другомъ. Во мнѣ вы видите вовсе не рѣдкій теперь экземпляръ.

Кучинъ вздохнулъ. Зинаида Алексѣевна поняла этотъ вздохъ.

— Нѣтъ, вы меня не поняли: я вовсе не погибшее созданіе. Я дѣвушка, и вы можете мнѣ вѣрить. Про себя я сказала вамъ правду: я дѣйствительно не рѣдкій теперь экземпляръ. Мнѣ ужасно скучно. Вотъ моя болѣзнь; я знаю, что вы мнѣ сейчасъ на это скажете: трудитесь, трудъ освѣжаетъ и т. д. Все это я двадцать разъ слышала; но позвольте мнѣ не останавливаться на этомъ. Скажу только, что я вовсе не лѣнива по натурѣ; только я не вижу ничего въ безвкусномъ трудѣ. Я продолжаю. Жила я въ провинціи, жила въ Москвѣ. Вотъ уже около году болтаюсь здѣсь. Начала я искать людей.

— Знаю, знаю, проговорилъ Кучинъ съ наклоненіемъ головы и мягкой усмѣшкой.

— Вы думаете, быть можетъ, что я искала людей вотъ какъ теперешнія, передовыя женщины ищутъ, чтобы создавать новую жизнь? Нѣтъ, я такъ высоко не мѣтила. Мнѣ просто хотѣлось отыскать какую нибудь занимательную личность: поумнѣе, поживѣе, поэнергичнѣе, непохожую на всю ту кислятину, которая называется у насъ мужчинами.

Кучинъ тихо разсмѣялся.

— Правда, правда, прибавилъ онъ, заправляя за лѣвое ухо свои волосы.

— Ну, вотъ я и металась изъ стороны въ сторону, и наскочила наконецъ на человѣка побойчѣе другихъ. Онъ мнѣ показался оригинальнымъ типомъ. Мы съ нимъ сошлись скоро, потомъ онъ измельчалъ въ моихъ глазахъ. Я увлеклась другимъ типомъ, который показался мнѣ очень крупнымъ. Но въ немъ я еще скорѣе увидала пошлость. Тутъ меня окончательно засосала тоска. Первый типъ опять подвернулся. Я уже безъ оглядки кинулась къ нему.

— Вы ему отдались? произнесъ Кучинъ.

— Нѣтъ, отвѣтила рѣзко Зинаида Алексѣевна.—До этого не дошло; но онъ, конечно, пользовался всѣмъ, чѣмъ только можно съ дѣвушкой, у которой въ жилахъ течетъ не молоко. Я вамъ это говорю такъ смѣло потому, что вы все способны понять: я это вижу. Вотъ тутъ и завязывается узелъ моей сегодняшней исторіи.

Кучинъ пододвинулся и удвоилъ вниманіе.

— Я живу въ меблированныхъ комнатахъ. Комната у меня маленькая. Изъ сосѣдняго нумера все слышно. Герой моего романа разсудилъ, что намъ неудобно имѣть у меня нѣжныя свиданія. У него на квартирѣ тоже было неудобно: слишкомъ много являлось къ нему всякаго народа, а приходить въ очень поздніе часы я сама не хотѣла. Мы и стали видѣться въ гостинницѣ, и всегда въ одинъ и тотъ же часъ. Гостиница — та самая, гдѣ со мной случилась сегодня исторія, на углу Вознесенской.

— Соображаю, соображаю, шепталъ Кучинъ.

— Разумѣется, коридорный меня зналъ, и если надъ женщинами существуетъ здѣсь такой надзоръ, то, конечно, на меня должны были обратить вниманіе.

— Да, да, какъ бы про себя поддакивалъ Кучинъ.

—Вотъ уже недѣля прошла съ того дня, какъ я окончательно разорвала всякія сношенія съ моимъ дѣльцомъ. Мнѣ его совсѣмъ не нужно, и я ни мало не тосковала о немъ; но на меня напала опять хандра и... вы, пожалуй, не повѣрите мнѣ, я начала шататься по улицамъ... каждый вечеръ попадала я на Вознесенскій, и почему-то меня всегда тянуло пройти мимо той гостиницы, куда мы ѣздили вдвоемъ. Сегодня, у подъѣзда меня схватилъ какой-то господинъ. Остальное вы знаете.

Послѣ небольшой паузы, Кучинъ громко вздохнулъ.

— Вашъ разсказъ, дитя мое, сказалъ онъ:—дышетъ правдой. Мнѣ васъ очень жалко. Я знакомъ съ этими страданіями женской души.

— Пройдетъ, выговорила Зинаида Алексѣевна, улыбнувшись.

— Дай Богъ, дай Богъ. Я теперь вижу, какъ все это случилось. Разумѣется, вы, по неопытности, не могли предполагать, что навлечете на себя подозрѣніе. Мнѣ уже не разъ приводилось сталкиваться съ полицейскимъ надзоромъ...

Зинаида Алексѣевна недоговорила и вопросительно поглядѣла на Кучина.

— Вы развѣ особенно интересуетесь...

— Да, отвѣтилъ онъ, опуская глаза.—Я служу всѣмъ интересамъ страждущей женщины. Для меня всего дороже возстановить человѣческую личность въ каждомъ женскомъ существѣ. Ваше душевное недовольство такъ сильно оттого, что вы лишены всякой нравственной поддержки. Вы живете ненормально.

— Это правда, отвѣтила Зинаида Алексѣевна, задумавшись:— я живу безъ всякаго толку.

— Вы меня еще не знаете, заговорилъ оживленнѣе Кучинъ.—

Присмотритесь ко мнѣ, и вы будете больше довѣрять мнѣ. Если вамъ угодно, я введу васъ въ весьма симпатичный кружокъ лучшихъ нашихъ женщинъ.

— Пожалуйста! вскричала Зинаида Алексѣевна.

И помолчавъ, она сказала:

— Да кто вы такой? Я такихъ людей, какъ вы, еще не встрѣчала.

Кучинъ нагнулся, закрылъ совсѣмъ глаза и, точно слушая себя, заговорилъ:

— Я самый обыкновенный смертный. У меня нѣтъ ни талантовъ, ни замысловъ личнаго честолюбія. Живу и даю жить другимъ. Желаю всѣмъ сердцемъ служить безсмертной идеѣ человѣчности.

Звукъ его голоса показался Зинаидѣ Алексѣевнѣ нѣсколько приторнымъ и слащавымъ; но вся его личность очень ее занимала.

„Это какой нибудь филантропъ“, подумала она. „Напрасно у него тонъ такой. Это, должно быть, отъ привычки говорить слишкомъ мягко.“

— Что̀ же вы теперь намѣрены дѣлать, дитя мое? спросилъ Кучинъ.

— Не знаю, не знаю.

— Не оставайтесь одни.

— Вы позволяете мнѣ, спросила Зинаида Алексѣевна:—заходить къ вамъ?

— Пожалуйста, пожалуйста, дайте мнѣ возможность вывести васъ изъ вашего печальнаго душевнаго настроенія. Право, жизнь проситъ столькихъ жертвъ. Такъ много въ ней страданій, для которыхъ такъ немного нужно участія.

Зинаида Алексѣевна встала и протянула руку Кучину. Онъ тоже поднялся.

— Вотъ сейчасъ, заговорила она тронутымъ голосомъ:—мнѣ представилась сегодняшняя сцена; я почувствовала, какъ много я вамъ обязана.

— Помилуйте, это простое недоразумѣніе.

— Да, но оно Богъ-знаетъ къ чему бы повело. Мнѣ даже теперь страшно становится...

— Не прикажете ли проводить васъ? спросилъ Кучинъ.

— Ахъ, пожалуйста, не безпокойтесь. Я чувствую себя прекрасно.

Она назвала себя по фамиліи и сообщила ему свой адресъ. Онъ сдѣлалъ то же и обѣщалъ навѣстить ее на другой же день.

Зинаидѣ Алексѣевнѣ очень хотѣлось спросить его: женатъ ли онъ или нѣтъ; но она воздержалась. Она поспѣшно надѣла свою

шубку, шапочку и платокъ и еще разъ пожала руку Кучину. Въ передней ей отворила дверь горничная. Другой женской фигуры она не замѣтила, хотя и бросила испытующій взглядъ въ полуоткрытую дверь. Кучинъ проводилъ ее на лѣстницу.

VII.

„Правда или ложь все, что̀ она мнѣ наговорила?“ спросилъ про себя Степанъ Ивановичъ. Онъ припоминалъ голосъ, манеру молодой дѣвушки, выраженіе ея лица, и долженъ былъ сознаться, что такая личность не могла быть заподозрѣна въ чемъ либо отзывающемся тайнымъ развратомъ. Степанъ Ивановичъ чувствовалъ себя возбужденнымъ и вообще очень пріятно настроеннымъ. Онъ въ своей практикѣ не встрѣчалъ еще такой оригинальной и бойкой особы. Наружность ея сразу привлекла его. Въ ней было что-то новое и задирательное. Въ томъ, какъ она разсказала свою исторію, чувствовалась натура. Только съ большимъ природнымъ умомъ и тактомъ можно такъ свободно ввести посторонняго человѣка въ такія подробности своей интимной жизни. Сколько дѣвушекъ начали бы путаться, лгать безъ всякой надобности, интересничать; ничего подобнаго не было въ разсказѣ Зинаиды Алексѣевны. Степану Ивановичу особенно польстило то довѣріе, съ которымъ она обратилась къ нему. Другая сдѣлала бы это вовсе не съ такой широтой чувства и пониманія личности того, кто принялъ въ ней участіе.

Ему сильно захотѣлось „пріобщить“ поскорѣй эту симпатичную женскую личность къ своей дѣятельности. Въ этакихъ скучающихъ дѣвушкахъ находилъ онъ гораздо болѣе энергіи, чѣмъ въ тѣхъ рутинныхъ сотрудницахъ, которыя надѣвали на себя одинъ мундиръ гуманности и филантропіи.

Долго не могъ Степанъ Ивановичъ собрать мысли, такъ чтобы засѣсть за свой ночной трудъ. Все ему видѣлась въ полусвѣтѣ кабинета изящная фигурка Зинаиды Алексѣевны. Ея глазки смотрѣли такъ игриво и завлекательно и голосокъ звучалъ такъ мило, и вся головка, укутанная въ бѣлый платокъ, такъ граціозно отдѣлялась отъ темноватаго фона комнаты.

„И такая прелестная особа, думалъ Степанъ Ивановичъ, тихо улыбаясь, не знаетъ что̀ съ собой дѣлать, хандритъ и мечется изъ стороны въ сторону. Ясно, что любовь еще не коснулась ее. Но какъ заставить ее полюбить?“

И уже не одно служеніе человѣчеству, не одно врачеваніе его недуговъ готовъ онъ былъ предложить Зинаидѣ Алексѣевнѣ...

А она, и дорогой, и вернувшись домой продолжала все сообра-

жать: кто могъ быть Степанъ Ивановичъ Кучинъ, и отчего во всей его личности было что-то ей совершенно неизвѣстное? Существуютъ же, значитъ, люди, въ томъ же городѣ Петербургѣ, которые посвящаютъ жизнь свою служенію гуманныхъ идей, а не одному обработыванію своихъ дѣлишекъ въ разныхъ формахъ и размѣрахъ, начиная съ размѣровъ генерала Саламатова и кончая грошовымъ аферистомъ? Зинаида Алексѣевна увидала въ своемъ новомъ покровителѣ человѣка, прожившаго весь свой вѣкъ въ воздухѣ принциповъ и гуманныхъ стремленій. Если онъ даже и надѣвалъ на себя маску, то все-таки привыкъ жить во имя той или иной идеи. Изучить такого человѣка—значитъ войти въ цѣлый міръ дѣла, направленнаго къ добру.

Когда она сравнила этого тихаго, скромнаго человѣка, дышущаго терпимостью и вниманіемъ, съ „героемъ своего романа", какъ она выразилась про Малявскаго, разсказывая свою исторію, ей стало совѣстно за самою себя. Она горько упрекнула себя за то, что могла по доброй волѣ превратиться въ забаву для господина Малявскаго. Положимъ, у ней достало самообладанія, чтобы не сдѣлаться его любовницей; но она провела же нѣсколько недѣль въ лобызаніяхъ и разговорахъ, гдѣ, кромѣ бездушія, хвастовства, а подчасъ цинизма, ея возлюбленный ничего не проявлялъ. Малявскій, правда, кончилъ тѣмъ, что навелъ на нее омерзеніе; но она все-таки выносила его дольше, чѣмъ слѣдовало дѣвушкѣ, непотерявшей чувства нравственнаго изящества. И еслибъ сегодня она не столкнулась съ такою личностью, какъ Кучинъ, ея хандра получила бы другой, болѣе печальный характеръ. Она рѣшительно не знала бы, гдѣ же живутъ люди, у которыхъ подъ оболочкой ума, знаній, условной порядочности бьется что либо, похожее на сердце, теплится огонекъ какого нибудь человѣчнаго стремленія. Только боязнь за кусокъ хлѣба заставила бы ее выдти изъ апатіи, въ которую она со дня окончательнаго разрыва съ Малявскимъ погружалась не по днямъ, а по часамъ. Да и то не предвидѣлось трагизма нищеты и голодной смерти. Она уѣхала бы въ провинцію, и тамъ должна была бы скоротать свой вѣкъ, какъ доживаютъ его тысячи женщинъ: въ старыхъ дѣвкахъ, или замужемъ за первымъ попавшимся зрѣлымъ холостякомъ, предлагающимъ въ обмѣнъ на миловидное личико даровую квартиру, столъ и туалетъ.

VIII.

Степанъ Ивановичъ явился на другой же день. Онъ показался Зинаидѣ Алексѣевнѣ гораздо пріятнѣе на видъ, чѣмъ нака-

нунѣ. Она замѣтила также, что онъ попріодѣлся, и волосы у него были приглажены. Онъ заговорилъ съ ней тономъ менѣе сладкимъ, но самый звукъ его голоса больше понравился ей. Онъ оглядѣлъ, ласково улыбаясь, комнатку Зинаиды Алексѣевны, и нашелъ что у ней очень мило. О вчерашнемъ происшествіи онъ даже и не упомянулъ.

— Я желалъ бы, началъ онъ:—познакомить васъ съ одной женской личностью... она своей пылкой натурой и воспріимчивостью прекрасно бы на васъ подѣйствовала; но въ настоящую минуту она отдалилась отъ меня и, кажется, слишкомъ поглощена своей личной жизнью. Сегодня же я васъ приглашаю пожаловать ко мнѣ, пораньше, часамъ къ семи, у меня соберется кой-кто.

— Будетъ вечеръ? спросила Зинаида Алексѣевна.

— Какой вечеръ! Я вечеровъ никогда не даю. Маленькое совѣщаніе, гдѣ вы познакомитесь съ преобладающимъ характеромъ моей дѣятельности.

— Да кто-же вы такой? весело спросила Зинаида Алексѣевна.—Я объ васъ все думала и никакъ не могла рѣшить. Вы чиновникъ?

— Я служу, отвѣтилъ Степанъ Ивановичъ:—но не чиновникъ.

— Можетъ быть профессоръ?

— Я слишкомъ мало знаю.

Сказавши это, Кучинъ вздохнулъ.

— Во всякомъ случаѣ вы благотворитель, филантропъ.

— Пожалуйста, не употребляйте этого слова, заговорилъ просительно Кучинъ.—Оно такъ опошлилось. Вамъ, когда вы ко мнѣ присмотритесь, покажется пожалуй, что я поддерживаю или, лучше сказать, подслуживаюсь къ пустымъ и празднымъ затѣямъ важныхъ барынь, что я не понимаю, изъ какихъ побужденій большинство ихъ занимается такъ-называемыми добрыми дѣлами. Васъ я сразу же предваряю. Я вижу, какая вы умница.

Зинаида Алексѣевна поблагодарила его наклоненіемъ головы.

— Въ нашемъ обществѣ, продолжалъ Кучинъ:—ничего нельзя сдѣлать безъ извѣстныхъ компромисовъ. Нелѣпо было бы идти на проломъ, когда единственное средство чего нибудь достигнуть—направить существующіе элементы такъ, чтобы...

Кучинъ запнулся.

— Чтобъ и волки были сыты и овцы цѣлы? спросила Зинаида Алексѣевна и громко разсмѣялась.

Ей тотчасъ же сдѣлалось непріятно за свою выходку; но лицо у Кучина было такое, что она не могла воздержаться отъ этой прибаутки.

*

— Вы, пожалуй, и правы, отвѣтилъ, нисколько не сконфузившись, Кучинъ.—Только волковъ тутъ нѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ слова: есть тщеславіе и барская скука, а то такъ и ханжество. Вотъ вы хандрите отъ избытка силъ, а многія наши барыни—отъ неспособности на какое нибудь живое дѣло. Онѣ умираютъ отъ скуки. Для нихъ всякое дѣло—забава. Требовать отъ нихъ сознательнаго служенія идеѣ было бы крайне наивно. Стало быть, нужно руководительство. Я одинъ не въ состояніи былъ бы сдѣлать одной десятой того, что̀ мнѣ удается теперь, имѣя подъ руками сотрудницъ со связями и съ большими матеріальными средствами.

— Много у васъ ихъ? спросила Зинаида Алексѣевна.

— Довольно; двухъ-трехъ вы увидите сегодня. И я васъ нарочно предваряю: не удивляйтесь тому, какъ я обращаюсь съ этими барынями; вѣрьте, что иначе нельзя. Вамъ, быть можетъ, кто нибудь станетъ говорить обо мнѣ именно на тему моего житейскаго умѣнья,—не смущайтесь такими толками. Иначе и быть не можетъ.

— Но какую же главную цѣль имѣете вы? спросила Зинаида Алексѣевна серьёзно и нѣсколько задумчиво.

— Цѣль у всѣхъ насъ должна быть одна, проговорилъ закрывая глаза Степанъ Ивановичъ: — не давать живымъ существамъ утрачивать свою человѣчность.

— Это слишкомъ общо, замѣтила какъ бы про себя Зинаида Алексѣевна.

— Напротивъ, дитя мое, возразилъ мягко, но сосредоточенно Кучинъ:—это—ясная и вѣчная нравственная истина. А служить ей можно безконечно-разнообразными средствами. Вы увидите, что я ничѣмъ не пренебрегаю. Вамъ покажется даже, что я слишкомъ разбрасываюсь; но такимъ только путемъ и можно чего нибудь достичь.

Онъ всталъ. Лицо его все измѣнилось, поблѣднѣло и сдѣлалось точно прозрачное. На Зинаиду Алексѣевну весь этотъ разговоръ навелъ особую, довольно пріятную истому. Она точно окунулась въ тихія воды, гдѣ смолкло раздраженіе жаркой кожи. Ей даже не хотѣлось въ эту минуту разбирать содержаніе того, что̀ сказалъ Кучинъ. Она желала бы пробыть подольше подъ этимъ впечатлѣніемъ и не разстраивать себя никакимъ резонерскимъ вопросомъ.

— Придете сегодня? спросилъ онъ ее.

— Непремѣнно! вскричала она, и крѣпко пожала ему руку.

— Пораньше, часамъ къ семи.

— Буду, сама акуратность!

— И пожалуйста, съ полною искренностью говорите мнѣ обо всемъ, что̀ вы замѣтите страннаго въ моемъ поведеніи.

Она еще разъ пожала ему руку и проводила его до лѣстницы.

„Какъ это хорошо, воскликнула она про себя, быть убѣжденнымъ! Какимъ спокойствіемъ дышетъ все, что̀ онъ говорилъ. Стоитъ только проникнуться извѣстной идеей, и какъ человѣкъ преображается. Вѣдь что̀ особенно сладкаго въ жизни такого Кучина? Онъ долженъ бы тянуть сѣренькое петербургское житье, а теперь онъ чувствуетъ себя другомъ человѣчества, онъ направляетъ къ одной цѣли множество отдѣльныхъ усилій, онъ пользуется даже скукой и тщеславіемъ барынь для своей высокой цѣли. Завидная доля!“

И Зинаида Алексѣевна горячо пожалѣла объ одномъ, что она такъ много времени убила въ Петербургѣ на возню со всякой дрянью.

IX.

Катерина Николаевна пріѣхала къ Борщову утромъ и объявила ему, что она больше къ мужу не вернется. Онъ не сразу повѣрилъ ей. Онъ боялся новаго объясненія съ мужемъ.

Какъ только онъ убѣдился въ томъ, что Катерина Николаевна дѣйствительно простилась съ своимъ мужемъ, онъ совсѣмъ преобразился. Не гордость побѣды наполняла его, а сознаніе, что вотъ такая прекрасная женская личность не захотѣла же предаваться обыкновенному свѣтскому обману, а смѣло разорвала связь, потерявшую для нея всякое задушевное содержаніе, и взяла на себя отвѣтственность за этотъ смѣлый шагъ.

Съ глазу на глазъ, они бы бросились другъ другу въ объятія; но ихъ удерживалъ еще какой-то особый стыдъ. Сдержанность Борщова сильно дѣйствовала на Катерину Николаевну. До сихъ поръ онъ не позволилъ себѣ ни одной ласки: съ такимъ ригоризмомъ смотрѣлъ онъ на свои отношенія къ ней во все то время, пока она считалась женой Повалишина.

Сейчасъ же представился вопросъ: гдѣ останется Катерина Николаевна? Борщовъ находилъ, что надо ему подъискать квартиру побольше и поудобнѣе; но Катерина Николаевна сочла это лишней затѣей. Ей квартира Борщова очень нравилась, и она не желала дожидаться подъисканія другой. Въ первый день ей было странно оставаться въ квартирѣ, гдѣ ничто не указывало на присутствіе женщины. Минутами ей самой казалось, что она тутъ въ гостяхъ. Но вотъ наступилъ вечеръ. Она сообразила, что Александръ Дмитріевичъ долженъ былъ въ это время полу-

чить ея письмо. Она сидѣла съ Борщовымъ на низенькомъ диванчикѣ передъ каминомъ и думала свою послѣднюю думу о томъ человѣкѣ, который въ эту минуту долженъ былъ получить послѣдній ударъ...

— Я знаю, о чемъ вы думаете, сказалъ ей Борщовъ, все еще не рѣшавшійся перейти на „ты“. — Вы думаете о мужѣ вашемъ.

— О томъ, кто былъ моимъ мужемъ, поправила Катерина Николаевна.—Онъ теперь читаетъ мое письмо.

— Вамъ жаль его?

— Я сантиментальничать не стану; но я не хотѣла бы быть на его мѣстѣ. Еслибъ онъ могъ, онъ конечно бы преобразился.

— Странно, очень странно въ немъ такое непониманіе.

— Онъ такъ и умретъ, добавила Катерина Николаевна:—живымъ мертвецомъ.

— И у васъ нѣтъ, тихо заговорилъ Борщовъ:—никакихъ угрызеній совѣсти?

— Ахъ, полноте, вскричала Катерина Николаевна, оживляясь.— Зачѣмъ эти вопросы, мой другъ?

— Лучше задавать ихъ теперь, возразилъ Борщовъ:—чѣмъ позднѣе.

Борщовъ чувствовалъ, что онъ ведетъ себя слишкомъ „теоретически“; но иначе у него не выходило. Онъ просто не смѣлъ взять другой тонъ и позволить себѣ какую-нибудь ласку: онъ и это счелъ бы профанаціей ихъ чувства, по крайней мѣрѣ въ минуту такого разговора.

Катерина Николаевна чутьемъ догадывалась объ этомъ. Ей это нравилось. Цѣломудренность Борщова имѣла для нея особое благодѣяніе. Когда Александръ Дмитріевичъ былъ женихомъ, онъ тоже отличался сдержанностью, но въ немъ чувствовался, все-таки, человѣкъ, немало болтавшій разнаго вздора съ барынями. Въ Борщовѣ ее трогала и увлекала бѣлоснѣжная чистота его прошедшаго и даже крайности ригоризма, которыя онъ влагалъ во всѣ отношенія къ людямъ.

Часы на каминѣ пробили одиннадцать.

— Дѣло сдѣлано, сказалъ Борщовъ:—онъ уже навѣрно прочелъ письмо. Увѣрены ли вы, что онъ исполнитъ вашу просьбу?

— О чемъ?

— На счетъ вида.

— Исполнитъ. Можно было его и не просить объ этомъ. Вотъ на счетъ движимой собственности—другое дѣло. Тутъ онъ будетъ непремѣнно деликатничать.

— Вы думаете, что онъ станетъ настаивать на возвращеніи вамъ половины?

— Думаю. Онъ продастъ все, возьметъ другую квартиру и будетъ жить скромнымъ холостякомъ.

Чѣмъ ближе стрѣлка подходила къ двѣнадцати часамъ, тѣмъ сильнѣе становилась неловкость, какую ощущалъ Борщовъ. Онъ взглядывалъ на Катерину Николаевну, и точно спрашивалъ ее глазами, въ которомъ часу она желаетъ удалиться къ себѣ.

Она тоже чувствовала смущеніе и никакъ не могла перевести разговора на другую тему. Спать не хотѣлось. Она готова была пробесѣдовать всю ночь. Но разговоръ не шелъ. Что-то такое его тормозило. Катерина Николаевна видѣла, что Борщовъ смущенъ гораздо сильнѣе, чѣмъ она. Ей нужно было положить предѣлъ этому взаимному смущенію.

— Теперь все кончено, сказала она послѣ долгой паузы.— Назадъ ходу нѣтъ, и вы видите какъ я смѣло и просто смотрю на ту жизнь, которая открывается передъ нами.

Она взяла его за руку.

— Съ вами, продолжала она: — уже не будетъ у меня никакого нравственнаго недовольства.

Фраза вышла неловко, почти банально. Катерина Николаевна это почувствовала и покраснѣла. Борщовъ не нашелся что̀ сказать ей, всталъ и прошелся по комнатѣ. Имъ обоимъ сдѣлалось вдругъ очень томительно. Точно будто оборвана была какая-то нить, которую до этого вечера все натягивали и натягивали. Не только Катеринѣ Николаевнѣ, но и Борщову слишкомъ сдѣлалось жутко отъ яснаго сознанія, что матеріальный фактъ произошелъ. Въ холостой квартирѣ Борщова, въ двѣнадцать часовъ ночи, сидитъ женщина, которую онъ еще вчера зналъ женой другаго. Она еще въ зависимости отъ этого другаго, у ней нѣтъ даже вида на жительство, ея платье и бѣлье еще въ той квартирѣ, гдѣ она была хозяйкой и барыней. Онъ самъ требовалъ, чтобы она недовольствовалась разъѣздомъ съ мужемъ и жизнью на положеніи вдовы. Онъ возмущался ложью такого свѣтскаго компромиса. И вотъ теперь онъ самъ же смущенъ больше ея. Онъ не чувствуетъ за собою какъ бы никакихъ правъ на обладаніе этой женщиной. Онъ какъ будто бы боится начать жить съ ней открыто, какъ съ подругой, смѣло глядя въ глаза каждому.

Часы пробили двѣнадцать.

— Вы утомлены, другъ мой, сказалъ Борщовъ, подходя тихо къ Катеринѣ Николаевнѣ.

— Да, я чувствую нѣкоторую нервность, отвѣтила она.

— Вы вѣдь не имѣете привычки ужинать?

— Нѣтъ.

Она встала съ диванчика. Онъ приблизился къ ней, и указывая на дверь, проговорилъ, съ замѣтнымъ смущеніемъ:

— Покойной ночи...

Она чуть замѣтно улыбнулась и промолвила:

— Вы, я думаю, тоже утомлены сегодняшнимъ днемъ.

Онъ поцѣловалъ у нея руку и проводилъ ее до дверей.

Катерина Николаевна вошла въ комнату, обставленную какъ обставляется всякая приличная мужская спальня. Хотя она была одна, но щеки ея сильно зарумянились. Она въ первый разъ въ жизни попала въ такую комнату. Горничная ея была съ утра въ квартирѣ Борщова, но она долго не рѣшалась позвонить. Она медленно двигалась по комнатѣ, оглядывая кровать и ночной столикъ, и умывальный столъ, и комодъ, и картинки на стѣнахъ. Она сначала посидѣла на кровати, и даже съ нѣкоторою брезгливостью всмотрѣлась въ подушки. Все было безукоризненно чисто. Только по прошествіи десяти минутъ она начала раздѣваться, а горничную такъ и не позвала. Въ кровати она скорѣе сѣла чѣмъ легла и взяла тотчасъ же книгу, лежавшую на ночномъ столикѣ. Развернувши она прочла заглавіе: „О подчиненности женщинъ“. Книгу эту она давно прочла поанглійски и содержаніе ея было ей прекрасно извѣстно. Но на поляхъ были отмѣтки, сдѣланныя Борщовымъ, и онѣ ее заинтересовали,

Прочитывая отмѣченныя страницы, гдѣ авторъ всего сильнѣе ратуетъ за возстановленіе правъ подавленной и угнетенной женщины, Катерина Николаевна невольно усмѣхнулась, оглянувшись на самою себя. Ей какъ-то странно было бы представить себя жертвой мужской тираніи. Она сама измѣнила свою судьбу, а мужъ ея игралъ только страдательную роль. Правда, онъ не согласился на разводъ; но за то онъ не нарушилъ ни одного изъ ея правъ и предоставилъ ей полную фактическую свободу.

„Какъ-то я воспользуюсь?“ промелькнуло у ней въ головѣ, и на этомъ вопросѣ она потушила свѣчку.

Борщовъ долго ходилъ по кабинету и все не могъ освободиться отъ неловкости, овладѣвшей имъ такъ некстати. Онъ не обвинялъ себя за сдержанность съ Катериной Николаевной; но ему не нравилось то особенное раздумье, которое присоединилось къ его смущенію. Совсѣмъ не такъ мечталъ онъ провести этотъ первый день своей новой жизни. Впервые вознегодовалъ онъ на слишкомъ идеалистическій складъ своихъ воззрѣній. Онъ чувствовалъ, что любитъ женщину не однимъ умомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, и все-таки не находилъ въ себѣ смѣлости согрѣть ее въ ту минуту, когда ей самой было неловко, своей молодой страстью.

Петръ Боборыкинъ.

БЛАГОНАМѢРЕННЫЯ РѢЧИ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ).

Я ѣхалъ недовольный, измученный, разстроенный. Въ М***, гдѣ были у меня дѣла по имѣнію, ничто мнѣ не удалось. Дѣла оказались запущенными; мои требованія встрѣчали или прямой отпоръ, или такую уклончивость, которая не предвѣщала ничего добраго. Предвидѣлось судебное разбирательство, разъѣзды, расходы. Обладаніе правомъ представлялось чѣмъ-то сомнительнымъ, почти тягостнымъ.

— Очень ужь вы, сударь, просты! утѣшали меня мои м—скіе пріятели. Но и это утѣшеніе дѣйствовало плохо. Въ первый разъ въ жизни мнѣ показалось, что едва-ли было бы не лучше, еслибъ про меня говорили: вотъ молодецъ! налетѣлъ, ухватилъ за горло—и дѣлу конецъ!

Дорога отъ М. до П. идетъ семьдесятъ верстъ проселкомъ. Дорога тряска и мучительна; лошади сморены, еле живы; тарантасъ сколоченъ на живую нитку; на половинѣ дороги надо часа три кормить. Но на этотъ разъ дорога была для меня поучительна. Сколько разъ проѣзжалъ я по ней, и никогда ничто не поражало меня: дорога какъ дорога, и лѣсомъ идетъ, и перелѣсками, и полями, и болотами. Но вотъ лѣтъ десять какъ я не былъ на родинѣ, не былъ съ тѣхъ поръ, какъ помѣщики взяли въ руки гитары и запѣли:

На рѣкахъ вавилонскихъ—тамо сѣдохомъ и плакахомъ...

и до какой степени все измѣнилось кругомъ!

Съ тѣхъ поръ, и народъ «сталъ слабъ», и всѣ мы оказались «просты... ахъ, какъ мы просты!», и «нѣмецъ насъ одолѣлъ»! Да, нѣмецъ. «Долитъ нѣмецъ да и шабашъ!», вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики, всѣ лабазники, всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ. И вамъ ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами, и чуете сердцемъ, какъ всюду, и на землѣ и подъ землею, и на водѣ и подъ водою—всюду ползетъ нѣмецъ. Въ

этихъ коренныхъ русскихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда попирали ногами землю русскіе угодники и благочестивые русскіе цари и царицы—въ настоящую минуту почти всевластно господствуетъ нѣмецъ. Онъ снимаетъ рощи, корчуетъ пни, разводитъ плантаціи, овладѣваетъ всѣми промыслами, отъ которыхъ, при менѣе черной сравнительно работѣ, можно ожидать болѣе прибылей, и даже угрожаетъ забрать въ свои руки исконный здѣшній промыселъ «откармливанія пѣуновъ». И чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Троицкому посаду и къ Москвѣ, этому средоточію русской святыни, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что нѣмецъ совсѣмъ не перелетная птица въ этихъ мѣстахъ, что онъ не на шутку задумалъ здѣсь утвердиться, что онъ устраивается прочно и надолго и вѣрною рукой раскидываетъ мрежи, въ которыхъ суждено барахтаться всевозможнымъ Трифонычамъ, Сидорычамъ и прочей неуклюжей бѣлужинѣ и сомовинѣ, заспавшейся, опухшей, спившейся съ круга.

— Чей это домикъ? спрашиваю я, указывая на стоящій въ сторонѣ новенькій съ иголочки домикъ, кругомъ котораго уже затѣянъ молодой садъ.

— Это Крестьянъ Иваныча! отвѣчаетъ ямщикъ: — онъ тутъ рощу у помѣщика купилъ. Вонъ онъ, лѣсъ-то! Ишь сколько повалилъ! Словно городъ, костровъ-то наставилъ!

Я смотрю по указываемому направленію, и вижу, что вдали дѣйствительно раскинулось словно большое село. Это сложенныя стопы бревенъ, тесу, досокъ, сажени всякаго рода дровъ: швырковыхъ, угольныхъ, хворосту и т. д.

— Кто же этотъ Крестьянъ Иванычъ?

— Нѣмецъ. Онъ ужь лѣтъ пять здѣсь орудуетъ. Тощòй пришелъ, а теперь, смотри, какую усадьбу взбодрилъ!

— Хорошій человѣкъ?

— Душа-человѣкъ. Какъ есть русскій. И не скажешь, что нѣмецъ. И вино пьетъ, и сморкается по нашему; въ церковь только не ходитъ. А на работѣ—дошлый-предошлый! все самъ! И хозяйка у него—все сама!

— А дорого за рощу далъ?

— Пустое дѣло. Почесть что за даромъ купилъ. Иванъ Матвѣичъ, помѣщикъ тутъ былъ, господинъ Сибиряковъ прозывался. Крестьянъ-то онъ въ казну отдалъ. Остался у него лѣсокъ—самъ-то онъ въ него не заглядывалъ, а лѣсокъ ничего, хоть на какую угодно стройку гожь!—да болотце десятинъ съ сорокъ. Ну, онъ и говоритъ, Матвѣй-то Иванычъ: гдѣ мнѣ говоритъ, съ экимъ дерьмомъ возжаться! Взялъ да и продалъ Крестьянъ Иванычу за безцѣнокъ. Владай!

— Отчего же свои крестьяне не купили, коли дешево?

— А крестьяне покудова прохлаждались, покудова что̀... Да и засилья настоящаго у мужиковъ нѣтъ: все въ разсрочку да въ годы—жди тутъ! А Крестьянъ Иванычъ—настоящій человѣкъ! вѣроятный! Онъ тебѣ вынулъ бумажникъ, отсчиталъ денежки—поѣзжай хоть на всѣ на четыре стороны! Хоть—въ Москвѣ, хоть—въ Питерѣ, хоть—на теплыхъ водахъ живи! Болотце-то вотъ, которое просто въ придачу, задаромъ пошло, Крестьянъ Иванычъ нынче высушилъ да засѣялъ — такая ли трава разчудесная пошла, что теперича этому болотцу и цѣны по нашему мѣсту нѣтъ!

— Однако, этотъ Крестьянъ Иванычъ, если въ засилье взойдетъ, онъ у васъ скоро съ лѣсами-то порѣшитъ!

— Это ты на счетъ того, что ли, что лѣсовъ-то не будетъ? Нѣтъ, за имъ безъ опаски на счетъ этого жить можно. Потому, онъ умной. Нашъ русскій — купецъ или помѣщикъ—это такъ. Этому дай въ руки топоръ, онъ все безо времени сдѣлаетъ. Или съ весны рощу валить станетъ, или скотину по вырубкѣ пуститъ, или подъ покосъ отдавать зачнетъ — ну, и останутся на томъ мѣстѣ одни пеньки. А Крестьянъ Иванычъ—тотъ съ умомъ. У него, смотри, какой лѣсъ на этомъ самомъ мѣстѣ лѣтъ черезъ сорокъ выростетъ!

Ѣдемъ еще верстъ пять-шесть; проѣзжаемъ мимо усадьбы. Большой каменный двухъ-этажный домъ, съ башнями по бокамъ и вышкой по серединѣ; штукатурка мѣстами обвалилась; направо и налѣво каменные флигеля, службы, скотные и конные дворы, оранжереи, теплицы; во всѣ стороны тянутся проспекты, засаженные столѣтними березами и липами; сзади—темный, густой садъ; сквозь листву деревъ и кустовъ мѣстами мелькаетъ стальной блескъ прудовъ. И домъ, и садъ, и проспекты, и пруды—все запущено, все заглохло; на всемъ печать забвенія и сиротливости.

— Чья усадьба?

— Величкина Павла Павлыча была, а нынче Ѳедоръ Карлычъ купилъ.

— Какой Ѳедоръ Карлычъ?

— Нѣмецъ. Сибирянъ (Зильберманъ) прозывается. Хорошій баринъ. Умный.

— Отчего же у него такъ запущено? удивляетесь вы, уже безотчетно подчиняясь какому-то странному внушенію, вслѣдствіе котораго выраженія: «нѣмецъ» и «запущенность» вамъ самимъ начинаютъ казаться несовмѣстимыми, тогда какъ та же запущенность показалась бы совершенно естественною, еслибъ

рядомъ съ нею стояло имя Павла Павловича господина Величкина.

— Только по веснѣ купилъ. Онъ верхній-то этажъ снести хочетъ. Ранжереи тоже нарушилъ. Нѣкому, говоритъ, здѣсь ѣсть. А у него кирпича одного тысячъ на десять будетъ.

— А много денегъ отдалъ?

— Сибирянъ-то? Задаромъ взялъ. Десятинъ съ тысячу мѣста здѣсь будетъ, только все лоскутками: въ одномъ мѣстѣ клочокъ, въ другомъ клочокъ. Ну, Павелъ Павлычъ и видитъ, что возжаться тутъ нѐ изъ чего. Взялъ да на кругъ по двадцать рублей десятину и продалъ. Анъ одна усадьба кирпичемъ того стоитъ. Лѣску тоже не мало, покосы!

— Да что же наконецъ за крайность была отдавать за безцѣнокъ?

— А та и крайность, что ничего не подѣлаешь. Павелъ-то Павлычъ, покудова у него крѣпостные были, тоже съ умомъ былъ, а какъ отошли, значитъ, крестьяне въ казну, — онъ и узналъ себя. Остались у него отъ надѣла клочечки—самъ оставилъ: все получше, съ лѣскомъ, мѣстечки себѣ выбиралъ—ну, и не соберетъ ихъ. Помаялся, помаялся—и бросилъ. А Сибирянъ эти клочечки всѣ къ мѣсту пристроитъ.

Еще десять верстъ—впереди рѣчка. На рѣчкѣ плотина, слышенъ шумъ падающей воды, двигающихся колесъ; на берегу, въ лощинкѣ ютится красивая, вновь выстроенная мельница.

— Чья мельница?

— Была мельница, теперь фабричка. Адамъ Абрамычъ купилъ. Увидалъ, что по здѣшнему мѣсту молоть нечего,—и поворотилъ на фабричку. Бумагу дѣлаетъ.

Я уже не спрашиваю, кто этотъ Адамъ Абрамовичъ, и за сколько онъ пріобрѣлъ мельницу. Я знаю. Но мною всецѣло овладѣваетъ вопросъ: и это земля, которую нѣкогда прославили чудеса русскихъ угодниковъ! Земля, которую нѣкогда попирали стопы благочестивыхъ царей и благовѣрныхъ царицъ русскихъ, притекавшихъ сюда, подъ такую сѣнь святыхъ обителей, отдохнуть отъ царственныхъ заботъ и трудовъ и излить воздыханія сокрушенныхъ сердецъ своихъ! Это ужасно! Вѣдь онъ, наконецъ, жидъ, этотъ Адамъ Абрамовичъ! Непремѣнно онъ жидъ! Жидъ—и гдѣ? въ какомъ мѣстѣ?!

А вотъ кстати, въ сторонѣ отъ дороги, за сосновымъ боромъ, значительно, впрочемъ, порѣдѣвшимъ, блеснули и золоченныя главы одной изъ тихихъ обителей. Вдали, изъ за-лѣса, выдвинулось на просторъ темное плёсо монастырскаго озера. Я зналъ и этотъ монастырь, и это прекрасное, глубокое рыбно

озеро! Какіе водились въ немъ лещи! и какъ я объѣдался ими въ годы моей юности! Вяленые, сушеные, копченые, жареные въ смѣтанѣ, вареные и обсыпанные яйцами — во всѣхъ видахъ они были превосходны!

— Озеро-то у монастыря ныньче Иванъ Карлычъ снялъ! оборачивается ко мнѣ ямщикъ.

— Чтò ты!

— Истинно. Прежде все русскимъ сдавали, да слышь безо времени рыбу стали ловить — ну, и выловили все. Прежде какіе лещи водились, а ныньче только щурята да голавль. Ну, и отдали Иванъ Карлычу.

Еще ударъ чувствительному сердцу! Еще язва для оскорбленнаго національнаго самолюбія! Иванъ Парамоновъ! Сидоръ Терентьевъ! Антипъ Егоровъ! Столпы, на которыхъ утверждалось благополучіе отечества! Вы, въ три дни созидавшіе, и въ три минуты разрушавшіе созданное! Гдѣ вы? Гдѣ мрежи, которыми вы уловляли вселенную? Ужели и онѣ лежатъ заложенныя въ кабакѣ, и ждутъ покупателя въ лицѣ Ивана Карлыча? Ужели и ваши таланты, и ваша «удача», и ваше «небось» — все, все погибло въ волнахъ очищенной?

— Ныньче русскіе только кабаками занимаются, какъ бы отвѣчаетъ ямщикъ на мою тайную мысль: — а прочее все къ нѣмцамъ отошло.

— Но вѣдь не всѣ же кабаками занимаются! Прочіе-то чѣмъ же нибудь да живутъ?

— А прочіе—кто невинно пашшимъ объявился, а кто въ прикащики къ нѣмцу нанялся. Ничего—нѣмцы нашими не гнушаются покудова. Прохора-то Петрова, чай, знаете?

— Это Голубчикова-то?

— Ну, вотъ, его самаго. Теперь онъ у Адама Абрамыча первый человѣкъ состоитъ. И у него своя фабричка была подлѣ Адамъ Абрамычевой; и тоже пофордыбачилъ онъ по началу, какъ Адамъ-то Абрамычъ здѣсь поселился. Я-ста да мы-ста, да куда-ста кургузому противъ насъ устоять! Анъ черезъ годъ вылетѣлъ. Однако, Адамъ Абрамычъ простилъ. Ныньче Прохоръ-то Петровъ у него всѣмъ дѣломъ заправляетъ — оба другъ дружкой не нахвалятся.

Мы ѣдемъ съ версту молча. Наконецъ, ямщикъ снова оборачивается ко мнѣ.

— Я вотъ чтò думаю, говоритъ онъ: — теперича я ямщикъ, а задумай нѣмецъ свою тройку завести—ни въ жизнь мнѣ противъ его не устоять. Потому, сбруйка у него аккуратненькая, животы не мученные, тарантасецъ покойный—ѣдетъ да посвис-

тываетъ. Ни онъ лошадь не задергаетъ, ни онъ лишній разъ кнутомъ ее не хлеснетъ—право ну! Намѣднись я съ Крестьянъ Иванычемъ въ Высоково на базаръ ѣздилъ, такъ онъ мнѣ: какъ это вы, русскіе, лошадей своихъ такъ калечите? говоритъ: — неужтожь, говоритъ, ты не понимаешь, что лошадь твоя тебѣ хлѣбъ даетъ? Ну, а намъ какъ этого не понимать? Понимаемъ!

— Ну, и что-жь?

— Извѣстно, понимаемъ. Я вотъ тоже Крестьяну-то Иванычу и говорю: а тебя, Крестьянъ Иванычъ, по зубамъ-то, вѣрно! не чищивали? — Нѣтъ, говоритъ, не чищивали. — Ну, а насъ, говорю, чистили. Только и всего. Эй вы! колѣлыя!

Мы съ версту мчимся во весь духъ. Ямщикъ то и дѣло оглядывается назадъ, очевидно, съ желаніемъ уловить впечатлѣніе, которое произведетъ на меня эта безумная скачка. Наконецъ, лошади мало по малу начинаютъ сами убавлять шагу, и кончаютъ обыкновенно лѣнивою рысью.

— Ужь такъ нынче народъ слабъ сталъ! такъ слабъ! произноситъ наконецъ ямщикъ, какъ бы вдругъ открывая предо мной свою завѣтную мысль.

— А что̀?

— Это чтобы обмануть, обвѣсить, утащить — на все первый сортъ. И не то чтобъ себѣ на пользу—все въ кабакъ! У насъ въ М. девятнадцать кабаковъ числится — какіе тутъ прибытки на умъ пойдутъ! Онъ тебя утромъ на базарѣ обманулъ, анъ къ полудню, смотришь, его самого кабатчикъ до нитки обобралъ, а тамъ, по истеченіи времени, гляди, и у кабатчика либо выручку украли, либо безмѣномъ по темю — и духъ вонъ. Такъ оно колесомъ и идетъ. И за дѣло! потому, дураковъ учить надо. Только вотъ что диво: куда деньги дѣваютъ, ни у кого ихъ нѣтъ!

— А нѣмцы на что?

— И то правда. Денежка свое мѣсто знаетъ. Ползкомъ-ползкомъ, а доползетъ-таки до хозяина!

Опять восклицаніе: «эй вы, колѣлыя!» и опять скачка.

— А вонъ и Пчельники! вонъ на горѣ-то!

Въ Пчельникахъ кормежка.

Восклицаніе: «ужь такъ нынче народъ слабъ сталъ!» — составляетъ въ настоящее время модный припѣвъ градовъ и весей россійскихъ. Вездѣ, гдѣ бы вы ни были—вы можете быть увѣрены, что услышите эту фразу черезъ девять словъ на десятое. Вельможа въ раззолоченныхъ палатахъ, кабатчикъ за

стойкой, земледѣлецъ за сохою — всѣ въ одно слово вопіютъ: слабъ сталъ народъ! То же самое услышали мы и на постояломъ дворѣ.

Жена содержателя двора, почтенная и дѣятельнѣйшая женщина, была въ избѣ одна, когда мы пріѣхали; прочіе члены семейства разошлись: кто на жнитво, кто на сѣнокосъ. Изба была чистая, свѣтлая, и все въ ней глядѣло запасливо, полною чашей. Меня накормили отличнымъ ситнымъ хлѣбомъ и совершенно свѣжими яйцами. За чаемъ, зашелъ разговоръ о хозяйствѣ вообще и въ частности объ огородничествѣ, которое въ здѣшнемъ мѣстѣ считается главнымъ и почти общимъ крестьянскимъ промысломъ.

— Нѣтъ нынче прежней обощи! говорила хозяйка, вынимая изъ печи лопатой небольшіе румяные хлѣбцы: — горохи—и тѣ противъ прежняго на половину родиться стали!

— Отчего же? земля что ли отощала?

— Нѣтъ, и не земля, а народъ сталъ слабъ. Ахъ, какъ слабъ нынче народъ!

Черезъ часъ пришелъ съ покоса хозяинъ, а за нимъ собрались и остальные члены семейства. Началось безконечное чаепитіе, подъ конецъ котораго изъ чайника лилась одна чуть-чуть желтоватая вода.

— Я прежде паръ триста пѣуновъ въ Питеръ отправлялъ, говорилъ хозяинъ: — а прошлой зимой и ста паръ не выходилъ!

— Невыгодно, что ли?

— Нѣтъ, выгода должна быть, только птицы совсѣмъ нонѣ не стало. А ежели и есть птица, такъ не кормна, проѣстлива. Какъ ты ее со двора-то кости да кожа возьмешь — начинка-ка ее кормить, она самое себя съѣстъ!

— Отчего-жь это?

— Да оттого, что народъ сталъ слабъ. Слабъ нынче народъ, ни на̀ что не похоже!

Хозяева отобѣдали и ушли жать на работы. Пришелъ пастухъ, который обыкновенно кормится по ряду то въ одной крестьянской избѣ, то въ другой. Ямщикъ мой призналъ въ пастухѣ знакомаго, который нѣсколько лѣтъ сряду пасъ стадо въ М.

— Ты что же отъ насъ ушелъ, Мартынъ?

— У васъ въ М. дверей у кабаковъ больно много.

— А ты бы не во всякую попадалъ!

— Да, убережешься у васъ! развѣ я одинъ! Нынче и весь народъ вообще слабъ сталъ.

— Ужь такъ слабъ! такъ слабъ! вторили пастухъ, ямщикъ и хозяйка.

Частое повтореніе этой фразы подѣйствовало на меня раздражительно. Ужели же, думалось мнѣ, достаточно поставить передъ глазами русскаго человѣка штофъ водки, достаточно отворить дверь кабака, чтобъ онъ тотчасъ же растерялся, позабылъ и объ горохѣ, и о пѣунахъ, и даже о священной обязанности бодро и неуклонно пасти ввѣренное ему стадо коровъ! Нѣтъ, тутъ что-нибудь да не такъ. Это выдумали клеветники русскаго народа, или, по малой мѣрѣ, противники нынѣ дѣйствующей акцизной системы. Допустимъ, что водка имѣетъ притягивающую силу, но вѣдь не сама же по себѣ, а развѣ въ качествѣ отуманивающаго, одуряющаго средства. Не́куда дѣваться, нѐ объ чемъ думать, нѐчего жалѣть, не для чего жить,—въ такомъ положеніи, водка, конечно, есть единственное средство избавиться отъ тоски и гнетущаго однообразія жизни. Зачѣмъ откармливать пѣуновъ? зачѣмъ растить горохи? Вотъ хозяинъ постоялаго двора, который скупаетъ пѣуновъ и горохи, тотъ конечно можетъ дать ясный отвѣтъ на эти вопросы, потому что пѣуны и горохи даютъ ему извѣстный барышъ. Но вѣдь онъ и не «слабъ». А мужикъ, то-есть первый производитель товара — онъ ничего передъ собой не видитъ, никакой политико-экономической игры въ спросъ и предложеніе не понимаетъ, барышей не получаетъ, и потому можетъ сказать только «наплевать» — и ничего больше. Чтобы предаться откармливанію пѣуновъ абсолютно, трансцендентально и безкорыстно, надо, по малой мѣрѣ, хоть азбуку политической экономіи знать; но этого-то знанія именно у насъ и нѣтъ. Отъ того, пѣуны выходятъ некормные, а горохи плохіе. Прежде, когда русская политическая экономія была въ завѣдываніи помѣщиковъ, какихъ индеекъ выкармливали — подумать страшно! Теперь, когда политическая экономія перешла въ руки мужиковъ,—самое названіе индейки грозитъ сдѣлаться достояніемъ исторіи. «Индейка» объявляетъ мужикъ прямо, «птица проѣстливая, дворянская, мужику кормить ее не изъ чего». Но ради самаго Бога! Кто же будетъ выкармливать индеекъ?

Нѣтъ, хозяинъ постоялаго двора былъ неправъ, объясняя некормность нынѣшнихъ пѣуновъ такъ-называемою «слабостью» русскаго народа. И прежде крестьянская птица была тоща и хила, и нынче она тоща и хила; разведеніемъ же настоящей, сильной и здоровой птицы занимался исключительно помѣщикъ, у котораго были и надлежащія приспособленія, чтобъ сдѣлать индейку жирною, пухлою, бѣлою. «Уѣхалъ на теплыя воды» помѣщикъ — исчезла и птица; но погодите, имѣйте терпѣніе — птица будетъ! Придетъ Крестьянъ Иванычъ — и такихъ пред-

ставитъ индеекъ, что самъ Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька — и тотъ залюбуется ими!

То же самое должно сказать и о горохахъ. И прежніе мужицкіе горохи были плохіе, и нынѣшніе мужицкіе горохи плохіе. Идеалъ гороха представлялъ собою крупный и полный помѣщичій горохъ, котораго нынче нѣтъ, потому что помѣщикъ уѣхалъ на теплыя воды. Но идеалъ этотъ живъ еще въ народной памяти, и вотъ, подъ обаяніемъ его, скупщикъ восклицаетъ: нѣтъ нынче гороховъ! слабъ сталъ народъ! Но погодите! имѣйте терпѣніе! Придетъ Карлъ Иванычъ, и такихъ гороховъ представитъ, какихъ и во снѣ не снилось помѣщикамъ!

Остается, стало быть, единственное доказательство «слабости» народа — это недостатокъ неуклонности и непреоборимой вѣрности въ пастьбѣ сельскихъ стадъ. Признаюсь, это доказательство мнѣ самому на первый взглядъ показалось довольно вѣскимъ, но, по нѣкоторомъ размышленіи, я и его не то чтобы опровергнулъ, но нашелъ возможнымъ обойти. Смѣшно, въ самомъ дѣлѣ, изъ-за какого-нибудь десятка тысячъ пастуховъ обвинить весь русскій народъ чуть не въ безуміи! Ну, запилъ пастухъ — ну, и смѣните его, ежели не можете простить!

Но вотъ и опять дорога. И опять по обѣимъ сторонамъ мелькаютъ все нѣмцы, все нѣмцы. Чуть только клочокъ поуютнѣе, непремѣнно тамъ нѣмецъ копошится, рубитъ, колетъ, пилитъ, корчуетъ пни. И все это только еще піонеры, развѣдчики, за которыми уже виднѣется цѣлая армія.

— А позволь, твое благородіе, сказать, что̀ я еще думаю! вновь заводитъ рѣчь ямщикъ: — я думаю, что мы противъ этихъ нѣмцевъ очень ужь просты, — оттого и задачи намъ нѣтъ.

— То-есть, что̀ же ты хочешь этимъ сказать?

— Нѣмецъ — онъ умный. Онъ изъ пятиалтыннаго норовитъ цѣлковыхъ надѣлать. Ну, и знаетъ тоже. Землю-то онъ сперва пальцемъ поковыряетъ, да на языкѣ попробуетъ, каковъ у ней скусъ. А мы до этого не дошли.. Просты.

Часъ отъ часу не легче. То слабы, то-есть пьяны, то просты, то-есть... Мы просты! Мы, у которыхъ сложилась даже пословица «простота хуже воровства». Не вѣрю!

И я невольно припомнилъ, какъ М—скіе пріятели говорили мнѣ:

— Ужь очень вы, сударь, просты! ахъ, какъ вы просты!

И не одно это припомнилъ, но и то, какъ я краснѣлъ, выслушивая эти восклицанія. Не потому краснѣлъ, чтобъ я сознавалъ себя дуракомъ, или чтобы считалъ себя въ правѣ поступать иначе, нежели поступалъ, а потому, что эти восклицанія напоминали мнѣ, что я *могъ поступать иначе*, то-есть съ выго-

дою для себя и въ ущербъ другимъ, и что самый фактъ непользованія этой возможностью у насъ считается уже глупостью.

Стыдно сказать, но дѣлается какъ-то обидно и больно, когда разомъ цѣлый кагалъ смотритъ на васъ какъ на дурака. Не самое названіе смущаетъ, а то указываніе пальцами, которое васъ преслѣдуетъ на каждомъ шагу. Вы имѣли, напримѣръ, случай обыграть въ карты, и не обыграли:

— Очень ужь вы просты! ахъ, какъ вы просты!

Васъ надули при покупкѣ, вы дались въ обманъ, не потому, чтобъ были глупы, а потому, что вамъ на умъ не приходило, чтобы въ странѣ, снабженной полиціей, мошенничество было одною изъ формъ общежитія:

— Очень ужь вы просты! Ахъ, какъ вы просты!

Вы управляли чужимъ мнѣніемъ, и ничѣмъ не воспользовались въ ущербъ своему довѣрителю, хотя имѣли, такъ-называемые «случаи», «дѣла» и т. п.

— Очень вы ужь просты! ахъ, просты!

Нѣтъ, мы не просты. Ямщикъ совралъ. Не простъ тотъ народъ, который къ простотѣ относится съ такою язвительностью, который такъ рѣшительно бичуетъ ее!

Но, можетъ быть, мы недальновидны и невѣжественны? Можетъ быть, мы самонадѣянны и черезчуръ ужь способны? Можетъ быть, даровой прибытокъ насъ соблазняетъ больше, нежели прибытокъ, сопряженный съ трудомъ?

Таковы были мысли, съ которыми я въѣхалъ въ П.

Между уѣздными городами, П. занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Въ немъ есть свой кремль, въ которомъ когда-то ютилась митрополія; черезъ него пролегаетъ шоссе, которое, впрочемъ, въ настоящее время не играетъ въ жизни города никакой роли; наконецъ, по веснѣ, тутъ бываетъ значительная ярмарка. Въ двухъ верстахъ отъ города пролегаетъ желѣзная дорога и имѣется станція.

Когда я пріѣхалъ въ П., было около девяти часовъ вечера, но городская жизнь уже затихала. Всенощныя кончались; послѣдніе трезвоны замирали на колокольняхъ церквей; черезъ четверть часа улицы оживились богомольцами, возвращающимися домой; еще четверть часа — и городъ словно застылъ.

Есть что-то удручающее въ физіономіи уѣзднаго города, оканчивающаго свой день. Сумерки еще прозрачны, дневной зной только-что улегся; изъ садовъ несутся благоуханія; воздухъ мало по малу напояется свѣжестью, а движеніе уже покончено. Покончено рѣзко, разомъ, словно оборвалось. Отовсюду несут-

ся звуки запираемыхъ желѣзныхъ засововъ и болтовъ. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, еще мелькаютъ въ окнахъ каменныхъ купеческихъ домовъ огоньки, свидѣтельствующіе о вечерней трапезѣ, а сквозь запертыя ставни маленькихъ деревянныхъ домиковъ слышится смутный говоръ. Но вотъ, словно вздохъ пронесся надъ городомъ; все разомъ погасло и притихло. Мракъ погустѣлъ; вы на улицѣ одни; изъ-подъ ногъ что-то вдругъ шмыгнуло...

До прихода поѣзда оставалось еще около четырехъ часовъ. Въ «почтовой гостиницѣ», когда-то бойкой и оживленной, съ проведеніемъ желѣзной дороги, все напоминало о запустѣніи. Въ нумерахъ пахло прокислымъ и затхлымъ; загаженныя мухами окна растворялись съ трудомъ; на кровати, вмѣсто тюфяка, лежалъ замасляный и притоптанный блинъ. Нельзя ни спать, ни бодрствовать. Я вышелъ на улицу, и не встрѣтивъ тамъ ни души, направился къ озеру. Озеро въ П. неопрятное, низменное; вода въ немъ тухлая, никуда не пригодная; даже рыба имѣетъ затхлый, болотный вкусъ; но вдали, по берегу, разбросано довольное количество селъ, которыя, въ яркій солнечный день, представляютъ пріятную панораму для глазъ. Со стороны города, набережная озера не въ чести. Богатый людъ удалился отъ нея поближе къ Кремлю, и предоставилъ берегъ озера люду бѣдному: чиновникамъ и мѣщанамъ. Маленькіе деревянные домики въ разбросъ лѣпятся по береговой покатости, давая на ночь убѣжище людямъ, трудно сколачивающимъ, въ теченіе дня, мѣдные гроши въ базарныхъ столахъ и рундукахъ и въ душныхъ камерахъ присутственныхъ мѣстъ.

Я спустился къ самой водѣ. Въ этомъ мѣстѣ, дневное движеніе еще не кончилось. Чиновники только-что воротились съ вечернихъ занятій, и передъ ужиномъ разсѣлись по крылечкамъ въ виду завтрашняго праздничнаго дня, обѣщающаго имъ отдыхъ. Тутъ же бѣгали и заканчивали свои игры и чиновничьи дѣти.

Сзади меня, на крыльцѣ одинокаго домика, незащищеннаго даже дворомъ, сидѣло двое мужчинъ въ халатахъ, которые курили папиросы и вели на сонъ грядущій бесѣду.

— А Харинъ-то вѣдь проигралъ дѣло! говорилъ одинъ.

— Что ты!

— Проигралъ — это вѣрно. Дуракъ — ну, и проигралъ.

— Да вѣдь у всѣхъ на знати, что покойникъ рукой не владѣлъ передъ смертью! Весь городъ знаетъ, что Маргарита Ивановна ужь на другой день духовную поддѣлала! И писалъ-то отецъ протопопъ!

*

— И поддѣлала, и всѣ это знаютъ, и даже самъ отецъ протопопъ подъ веселую руку не разъ проговаривался, и все же у Маргариты Ивановны теперь милліонъ чистаганомъ, а у Харина—кошель черезъ плечо. Потому, дуракъ!

— Дуракъ-то дуракъ! однако, все-таки...

— Дуракъ — и больше ничего. Маргарита Ивановна предлагала ему мириться: «бери, говоритъ, двадцать тысячъ, и ступай съ Богомъ!» — зачѣмъ онъ не мирился! Зачѣмъ не мирился, коли знаетъ, что онъ дуракъ! Нѣтъ, говоритъ, подавай все! Это дураку-то! Гдѣ этѣ моды писаны! Опять и отецъ протопопъ, и Иванъ Ѳерапонтычъ—предлагали они ему! Предлагали они ему: дай намъ по десяти тысячъ—все по чистой совѣсти покажемъ! Скажемъ: подписались по неосмотрительности—и дѣло съ концомъ. Зачѣмъ онъ не соглашался! Зачѣмъ не соглашался, коли самъ знаетъ, что онъ дуракъ! Маргарита Ивановна-то слова не сказала: сейчасъ вынула и отдала! А онъ кочевряжился! И хочь бы деньги съ него просили, а то векселя. Ну, далъ бы, а потомъ еще бабушка на двое сказала, какова бы по векселямъ-то получка была! Можетъ быть, они совсѣмъ не его рукой подписаны? А можетъ быть, они безденежные? Дуракъ!!

— Такъ неужтожь Маргарита Ивановна такъ-таки ничего и не дастъ?

— И не дастъ. Потому, дуракъ, а дураковъ учить надо. Ежели дураковъ да не учить, такъ это чтожь такое будетъ! Пущай-ко теперь попробуетъ, каково съ сумой-то щеголять!

Собесѣдники смолкаютъ. Слышится позѣвываніе; папироски еще разъ другой вспыхнули и погасли. Черезъ минуту, я уже вижу въ окно, какъ оба халата сидятъ у ненакрытаго стола и крошатъ въ чашку хлѣбъ.

— Дурракъ! раздается въ темнотѣ.

А у сосѣдняго домика смѣхъ и визгъ. На самой дорогѣ, дѣвочки играютъ въ горѣлки, несутся въ запуски, ловятъ другъ друга. На крыльцѣ сидятъ мужчина и женщина, должно быть, отецъ и мать семейства.

— Этакой случай былъ—и упустилъ! Дуракъ! укоряетъ женщина.

— Да ты знаешь ли, дура, чѣмъ Сибирь пахнетъ! возражаетъ мужчина.

— Для дурака, куда ни оглянись — вездѣ Сибирь. Этакой случай упустилъ!

Женщина вздыхаетъ и умолкаетъ, но ненадолго.

— Дуракъ! повторяетъ она.

— Не мути ты меня, ради Христа! Дуракъ да дуракъ! Нѣшто я не вижу! И словно вѣдь дьяволъ меня осѣтилъ!

— И чего ты глядѣлъ! Счастье само въ руки лѣзетъ, а онъ, смотри, носъ отъ него воротитъ! Дурракъ!

Мужчина, уличенный и подавленный, не возражаетъ. Раздаются вздохи и позѣвота; изрѣдка, сквозь сонъ, произносится слово «дуракъ»—и опять тихо. Но на дорогѣ, между играющими дѣвочками, происходитъ смятеніе.

— Не въ десятый разъ мнѣ горѣть! Я первая ударила! протестуетъ жалобный голосъ одной изъ дѣвочекъ.

— Анъ я ударила! Я первая ударила! ты дура! ты и гори! возражаетъ другой голосъ, болѣе мужественный и крѣпкій.

— Я первая ударила! не мнѣ горѣть! Манькѣ горѣть!

Споръ оживляется, но протестующая сторона видимо слабѣетъ. Слышатся возгласы: дура! криворотая! ишь что выдумала! и т. д. Возгласы готовы перейти въ побоище.

— Цыцъ, поскуда! раздается съ крыльца.

Протесты мгновенно смолкаютъ; горѣлки продолжаются ужь безъ шума, и только изрѣдка безмолвіе нарушается крикомъ: дура! что взяла?

На третьемъ крыльцѣ бесѣдуютъ двѣ сибирки.

— Нашъ хозяинъ ныньче такую афёру сдѣлалъ! такую афёру, что страсть! отзывается одна сибирка.

— Ужь что объ вашемъ хозяинѣ говорить! Хозяинъ — первый сортъ! отзывается другая сибирка.

— Нѣтъ, да ты вообрази! Продалъ онъ Семену Архипычу партію сѣмени, а Семенъ-то Архипычъ съ дуру и деньги ему отдалъ. Стали потомъ сортировать, анъ сѣмя-то только сверху чистое, а внизу-то все съ пескомъ, все съ пескомъ!

— Дуракъ!

— Нѣтъ, ты вообрази! Все вѣдь съ пескомъ! Семенъ-то Архипычъ даже глаза вытаращилъ: такъ, говоритъ, хорошіе торговцы не дѣлаютъ!

— Дуракъ!

— А хозяинъ нашъ стоитъ да покатывается. А у тебя гдѣ глаза были? говоритъ.—Долженъ ли ты имѣть глаза, когда товаръ покупаешь? говоритъ. Нѣтъ, говоритъ, васъ, дураковъ, учить надо!

— Дуракъ!

— Дуракъ! дуракъ! и дуракъ! — вотъ единственныя выраженія, которыя раздаются въ моихъ ушахъ. Мнѣ становится, наконецъ, страшно. Куда дѣваться отъ этого поскуднаго, поганаго слова? Десять дней сряду, прямо или косвенно оно преслѣ-

дуетъ меня; десять дней сряду я слышу наглый панегирикъ мошенничеству, присвоивающему себѣ наименованіе ума. Даже тутъ, въ виду этой примиряющей ночи, только одно это слово и имѣетъ какой-нибудь опредѣленный смыслъ. Прислушайтесь къ остальному говору—и вы навѣрное ничего изъ него не вынесете. Это сбродъ какихъ-то обрывковъ, рядъ бродячихъ, ничѣмъ не связанныхъ восклицаній, неимѣющихъ даже характера проявленія мысли. Дѣтскій неосмысленный лепетъ, полусонное бормотаніе, въ которомъ нѐ за что ухватиться и нѐчего понимать—вотъ чтò прежде всего поражаетъ вашъ слухъ. И вдругъ, прорывается слово «дуракъ» — и рѣчь оживляется, начинаетъ течь плавно и получаетъ смыслъ. Все чтò до сихъ поръ бормоталось, всѣ безсмысленные обрывки, которыми безплодно сотрясался воздухъ—все это бормоталось, копилось, нанизывалось и собиралось въ виду одного всеразрѣшающаго слова: «дуракъ»!

Я скорѣе побѣжалъ въ гостиницу, и благо часы показывали одиннадцать, поѣхалъ на станцію желѣзной дороги.

Нѣтъ! мы не просты!

Станція была тускло освѣщена. Въ залѣ перваго класса господствовала еще пустота; за стойкой, при мерцаніи одинокой свѣчи, буфетчикъ дышалъ въ стаканы и перетиралъ ихъ грязнымъ полотенцемъ. Даже мой приходъ не смутилъ его въ этомъ наивномъ занятіи. Казалось, онъ говорилъ: вотъ я въ стаканъ дышу, а коли захочется, такъ и плюну, а ты будешь чай изъ него пить... дурракъ!

Чтобъ не сидѣть одному я направился въ зало третьяго класса. Тутъ, вслѣдствіе обширности залы, освѣщенной единственною лампой, темнота казалась еще гуще. На полу и на скамьяхъ сидѣли и лежали мужики. Большинство спало, но въ нѣкоторыхъ группахъ слышался говоръ.

— И какъ же онъ его нагрѣлъ! восклицаетъ нѣкто въ одной группѣ:—да это еще чтò—нагрѣлъ! Грѣетъ, братецъ ты мой, да приговариваетъ! помни, говоритъ! въ другой разъ умнѣе будешь! Сколько у насъ смѣху тутъ было!

— Дуракъ!

— Дуракъ и есть! Потому, ежели ты знаешь, что ты дуракъ, зачѣмъ же не въ свое дѣло лѣзешь? Ну, и терпи, значитъ!

Я иду далѣе, и слышу:

— Нѣтъ, ты слушай, какъ онъ нѣмца объегорилъ. Вотъ такъ ужь объегорилъ! Купилъ, братецъ, онъ у нѣмца въ рощѣ четыреста саженъ дровъ для фабрики по три рубля за сажень.

Ну, перевозилъ значитъ, склалъ: милости просимъ, молъ, Богданъ Богданычъ, ко мнѣ въ домъ расчетецъ получить. Пришелъ Богданъ Богданычъ — онъ его честь честью: заѣдочковъ, шипучки и все такое. Ну, говоритъ, пиши, Богданъ Богданычъ, росписку, пока я долгъ готовить буду. Сталъ это, какъ и путный, деньги считать, а нѣмецъ ему тѣмъ временемъ живо росписку обработалъ. Только взялъ онъ у нѣмца росписку посмотрѣть, видитъ—вѣрно: тысячу двѣсти рублей сполна получилъ. Да вмѣсто того, чтобъ деньги-то отдать, онъ росписку-то вмѣстѣ съ деньгами—въ карманъ. Самъ ты, говоритъ, передо мной, Богданъ Богданычъ, сейчасъ сознался, что деньги съ меня сполна получилъ, слѣдственно и дожидаться тебѣ больше здѣсь нечего.

— Ха-ха! вотъ, братъ, такъ штука!

— Сколько смѣху у насъ тутъ было—и не приведи Господи! Слушай что̀ еще дальше будетъ. Вотъ только нѣмецъ сначала будто не понялъ, да вдругъ какъ рявкнетъ: воръ ты! говоритъ. А нашъ ему: ладно, говоритъ; ты, нѣмецъ, обезьяну, говорятъ, выдумалъ, а я, русскій, въ одну минуту всю твою выдумку опровергъ!

— Молодецъ!

— Нѣтъ, ты бы на нѣмца-то посмотрѣлъ, какая у него въ ту пору рожа была! И испугался-то, и не вѣритъ-то, и за карманъ-то хватается—смѣхота да и только!

— Просты еще на счетъ этихъ дѣловъ нѣмцы! не выучены!

— Чего проще! просто дураки! совсѣмъ какъ оглашенные!

Далѣе; въ третьей группѣ идетъ еще разговоръ.

— Нѣтъ, ныньче какъ можно! ныньче не въ примѣръ нашему брату лучше! А въ четвертомъ году я чуть было даже ума не рѣшился, какъ онъ меня истиранилъ!

— Что такъ?

— А вотъ какъ. Порядился я у него съ артелью за тысячу рублей въ деревнѣ домъ оштукатурить. Только онъ и говоритъ: нѣтъ, братъ, Максимъ Потапычъ, этакъ нельзя, надо, говоритъ, письменное условіе намъ промежду себя написать. «Что же, говорю, Василій Порфирычъ, условіе такъ условіе, мы отъ условіевъ не прочь: писывали!» Вотъ онъ и сочинилъ, братецъ, условіе, прочиталъ, растолковалъ; одно слово, все какъ слѣдуетъ. Подпишись теперь, говоритъ. Ну, мнѣ чего! взялъ въ руки перо, обмакнулъ, подписалъ — на бѣду грамотный! Только, что̀ бы ты думалъ, какую онъ, шельма, штуку со мной выкинулъ! Что я-то исполнить долженъ, то-есть работу-то мою, всю расписалъ какъ должно; а объ себѣ вотъ что̀ сказалъ: а

я, говоритъ, Василій Порфировъ, обязуюсь заплатить за таковую работу тысячу рублей, *буде мнѣ то заблагоразсудится!*

— Вотъ-те и капуста съ масломъ!

— И безъ масла хороша будетъ. Слушай, что̀ дальше. Кончили мы работу—я за разсчетомъ къ нему. Ну, говоритъ, спасибо, Потапычъ, нечего сказать, работа — первый сортъ! Ты, говоритъ, въ разное время двѣсти рублей ужь получилъ, такъ вотъ тебѣ еще двѣсти рублей—ступай съ Богомъ!—Какъ, говорю, двѣсти! мнѣ восемьсотъ приходится! Слово за слово — контрактъ! Тутъ, братецъ, и объяснилъ онъ мнѣ, какую онъ, значитъ, пружину подъ меня подвелъ! По нынѣшнему, сейчасъ бы его къ мировому—и шабашъ! а въ ту пору—ступай за сорокъ верстъ въ полицейское управленіе. Гонялъ я, гонялъ—одна мнѣ резолюція: самъ подписывалъ, самъ на себя и надѣйся! Два мѣсяца мучился я такимъ манеромъ—такъ ничего и не получилъ!

— Ловко онъ тебя объѣхалъ! Однако, простъ вѣдь и ты!

— Чего простъ! совсѣмъ дуракъ!

— А дураковъ, братъ, учить надо! Это и въ законѣ такъ сказано! Вотъ онъ тебя и поучилъ!

Меня беретъ зло. Я возвращаюсь въ зало перваго класса, гдѣ застаю уже въ полномъ разгарѣ приготовленія къ ожидаемому поѣзду. Первыя слова, которыя поражаютъ мой слухъ, суть слѣдующія:

— Такъ онъ меня измучилъ! такъ надо мной насмѣялся! Вѣрите ли: даже во снѣ его увижу—такъ вся и задрожу.

— Очень ужь вы, сударыня, просты!

Не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, я быстро перехожу черезъ зало, и достигаю платформы.

— Дуракъ! розиня! объясняетъ жандармъ стоящему передъ нимъ растерявшемуся малому: — изъ-подъ ногъ мѣшокъ вытащили—не чуетъ! Такъ васъ и надо! Долго еще васъ, дураковъ, учить слѣдуетъ!

Нѣтъ, мы не просты!

Бьетъ часъ; слышится сигнальный свистъ; поѣздъ близко. Станція приходитъ въ движеніе; поднимается шумъ, бѣготня, суета. Въ моихъ ушахъ, словно перекрестный огонь, раздаются всевозможныя привѣтствія и поощренія. Дуракъ! разиня! простофиля! фалелѣй! Наконецъ, я добираюсь до вагона 2-го класса, и бросаюсь на первую порожнюю скамью, въ надеждѣ уснуть.

Но, увы! лѣтнія ночи недолги. Не успѣваемъ мы проѣхать

трехъ станцій, какъ въ вагонѣ уже совсѣмъ свѣтло. Сквозь безпокойную дорожную дрему я слышу говоръ проснувшихся сосѣдей, который, постепенно оживляясь и оживляясь, усиливается, наконецъ, до того, что нечего и думать о снѣ. Было четыре часа утра, когда я окончательно открылъ глаза. Весь вагонъ бодрствовалъ; во всѣхъ углахъ шла оживленная бесѣда. Мой визави, чистенькій старичекъ, какъ послѣ оказалось стараго покроя стряпчій по дѣламъ, переговаривался съ сидѣвшимъ наискосокъ отъ меня мужчиной среднихъ лѣтъ въ цилиндрѣ и щегольскомъ пальто. Повидимому, знакомство началось не далѣе, какъ вчера вечеромъ, но въ рѣчахъ обоихъ собесѣдниковъ уже царствовала та интимность, которою вообще отличаются изліянія людей вполнѣ чистыхъ сердцемъ, и не имѣющихъ на душѣ ничего завѣтнаго.

— Да вы знаете ли, какъ Балясины состояніе пріобрѣли? спрашивалъ старичекъ стряпчій.

— Слыхалъ... да ужь давно какъ-то...

— Такъ извольте, я вамъ разскажу. Жилъ былъ въ Москвѣ нѣкто Скачковъ...

— Позвольте! это тотъ Скачковъ, который...

— Ну, ну, ну — онъ самый! Еще въ Новой Слободѣ свой домъ былъ... Капитолина Егоровна потомъ купила...

— Это какъ отъ каретнаго-то ряда пойдешь...

— Ну, вотъ! вотъ онъ самый и есть! Такъ жилъ-былъ этотъ самый Скачковъ, и остался онъ послѣ родителя лѣтъ двадцати-двухъ, а состояніе получилъ — счету нѣтъ! Въ гостиномъ дворѣ пятнадцать лавокъ, въ Зарядьѣ два дома, на Варваркѣ домъ, за Москвой рѣкой домъ, въ Новой Слободѣ... Чистоганомъ милліонъ... въ товарѣ...

— Сс!!

— Словомъ сказать, тузъ! Только вотъ почувствовалъ молодой человѣкъ, что родительской воли надъ нимъ нѣтъ — и устремился! Прохожаго на улицѣ увидитъ—хватай! лей ему на голову шампанскаго! вотъ тебѣ двадцать-пять рублей! Женщину увидитъ — волоки! Мажь дегтемъ! вотъ тебѣ пятьдесятъ! Тузъ да и только! Разъ даже княгиню какую-то изъ бѣдныхъ вымазали, такъ на силу потомъ за четыре тысячи помирились! Я и мировую писалъ. Ну, само собой, окружили его друзья-пріятели, пьютъ, ѣдятъ, на рысакахъ по Москвѣ гоняютъ, народъ давятъ — словомъ сказать, всѣ удовольствія, что только можно вообразить! Примазался тутъ и Балясинъ Петрушка. Видитъ нашъ Петръ Ѳедорычъ, что парень-то очень хорошъ, коли тоись въ обдѣлку его пустить. И умомъ простъ, и сердце мяг-

кое, и рука машистая. Одно нехорошо: пріятелевъ очень ужь много. Ежели между всѣми въ раздѣлку его пустить, посколько достанется? Пустяки какіе-нибудь! Такъ ли-съ!

— Да, коли женскій полъ дегтемъ часто мазать... не надолго—это такъ!

— Ну, вотъ изволите видѣть. А Петру Ѳедорычу надо чтобъ и не долго возжаться и чтобъ все было въ сохранности. Хорошо-съ. И сталъ онъ теперича подумывать, какъ бы господина Скачкова отъ пріятелевъ уберечь. Сейчасъ-это составилъ свой плантъ, и къ Аннѣ Ивановнѣ—онъ ужь и тогда на Аннѣ-то Ивановнѣ женатъ былъ. Да вы, чай, изволили Анну-то Ивановну знавать!

— Какъ же! какъ же! Красавица была! всей Москвѣ извѣстна.

— Вотъ-вотъ-вотъ. Вотъ и говоритъ онъ ей: ты бы, Анпушка... понимаете?—Что-жь, говоритъ, я съ моимъ удовольствіемъ? И начали они вдвоемъ Скачкова усовѣщевать. И что это ты все шампанское да шампанское—ты водку пей! И капиталъ цѣлѣе будетъ, и пьянъ все одно будешь! Словомъ сказать, такое омерзеніе къ иностраннымъ винамъ внушили, что, подъ конецъ, онъ даже никакой другой посуды видѣть не могъ—непремѣнно чтобъ былъ полштофъ! Поселился онъ въ ту пору у Балясиныхъ какъ въ своемъ домѣ, и всталъ и легъ тамъ. Проснется утромъ—полштофъ! пиши вексель въ тысячу рублей! Проснется къ обѣду—полштофъ! пиши вексель въ двѣ тысячи рублей! Ужинать встанетъ—полштофъ! опять вексель въ тысячу рублей! Вытянули они у него такимъ родомъ векселей на полмилліона—онъ и душу Богу отдалъ! Вотъ съ тѣхъ поръ и пошло у Балясиныхъ состояніе! И пошло имъ, и пошло! Теперь, одниxъ домовъ по Москвѣ семь штукъ считаютъ. На Ильинкѣ-то домъ чего стоитъ!

— Гм... простъ былъ этотъ Скачковъ, сказываютъ!

— Чего простъ! одно слово: дуракъ! Дуракъ! какъ есть скотина!

— Ну, а Балясинъ-то умненько живетъ... этотъ не разсоритъ!

— Помилуйте! прекраснѣйшіе люди! Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ умеръ Скачковъ... словно рукой сняло! Пить совсѣмъ даже пересталъ, въ подряды вступилъ, откупа держалъ... Дальше-больше. Теперь церковь строитъ... въ Елоховѣ-то, изволите знать?—онъ-съ! А благодѣяніевъ сколько! И какъ, сударь, благодѣянія-то дѣлаетъ! Одна рука даетъ, другая не вѣдаетъ!

— А Анна-то Ивановна... говорятъ, съ прикащикомъ?

— Женщина-съ! Слабость ихъ женская!

— Ну, конечно. А впрочемъ, коли по правдѣ говорить: что же такое Скачковъ? Ну, стòитъ ли онъ того, чтобъ его жалѣть!

— Помилуйте! дуракъ! какъ есть скотина! Ду-у-р-ракъ! Ну, а Петръ Ѳедорычъ, смотрите, какой домъ на Солянкѣ по веснѣ застроилъ! Всей Москвѣ на украшеніе будетъ!

— Такъ-съ, а скажите, Капитолину-то Егоровну вы хорошо знаете?

— Капитолину-то Егоровну! Помилуйте! Еще въ дѣвицахъ, сударь, зналъ! Какъ она еще у отца, у Егора Прохорыча, въ дому у Калужскихъ воротъ жила! вотъ когда зналъ! Въ переулкѣ-то большой домъ, еще булочная рядомъ!

— Что у нихъ за исторія съ мужемъ была?

— Съ дуракомъ-то! Помилуйте! скотина! Да все какъ нельзя проще произошло! Изволите видѣть: задумалъ онъ въ ту пору невинно падшимъ себя объявить—ну, она, какъ христіанка и женщина умная, разумѣется на всякій случай мѣры приняла. Дома и лавки на свое имя переписала, капиталъ тоже къ рукамъ прибрала. Ну, разумѣется, покуда что̀, покуда въ коммерческомъ судѣ дѣло вели, покуда конкурсъ, покуда объявили невинно-падшимъ—его, голубчика, въ яму! А какъ выпустили изъ ямы-то, она ужь его не приняла! Нѣтъ, говоритъ! ты, голубчикъ, по всѣмъ острогамъ сидѣть будешь, а мнѣ съ тобой жить послѣ того! Не приходится! Только всего и дѣла было.

— Сс... чѣмъ же онъ однако теперь живетъ?

— Такъ кое-когда Капитолина Егоровна изъ своихъ средствъ кой-что даетъ. Да зачѣмъ и давать! Сейчасъ получилъ—сейчасъ въ кабакъ снесъ!

— Да, простъ-таки Иванъ Гаврилычъ! на порядкахъ простъ!

— Помилуйте! дуракъ! Коли этакихъ дураковъ не учить, кого жь послѣ того учить надо!

Нѣсколько секундъ молчанія.

— Такъ вы говорите, что это можно? вновь заводитъ рѣчь цилиндръ, повидимому возвращаясь къ прежде прерванному разговору.

— Помилуйте! какъ же не можно! въ субботу торги назначены! Какъ мнѣ не знать: я самъ со стороны купца Толстопятова въ конкурсѣ состою!

— Можно, стало быть?

— Да ужь будьте покойны! Вотъ какъ: теперича въ Москву пріѣдемъ — и не безпокойтесь! Я все самъ... я самъ все сдѣлаю! Вы только въ субботу придите пораньше. Не пробьетъ двѣнадцати, а ужь домъ...

— Право, мнѣ совѣстно! для перваго знакомства, и можно сказать, такое одолженіе!

— Помилуйте! за что же-съ! Вотъ еслибъ Иванъ Гаврилычъ просилъ, или господинъ Скачковъ — ну, тогда дѣло другое! А то проситъ человѣкъ основательный, можно сказать солидный... да я за честь...

Цилиндръ протягиваетъ стряпчему руку и крѣпко пожимаетъ руку послѣдняго.

— Одного я боюсь, говоритъ онъ: — чтобъ Тихонъ Никанорычъ самъ не явился на торги!

— Онъ-то! помилуйте! статочное ли дѣло! Онъ ужь съ утра муху ловитъ! А ежели и явится — такъ что-жь! Милости просимъ! Сейчасъ ему въ руки бутыль и дѣло съ концомъ. Что угодно — все подпишетъ!

Цилиндръ сладко вздыхаетъ и нѣсколько секундъ молча улыбается.

— Да простенекъ-таки почтеннѣйшій Тихонъ Никанорычъ! наконецъ произноситъ онъ съ новымъ вздохомъ.

— Помилуйте! Скотина! На дняхъ это, вообразилъ себѣ, что онъ свинья: не ѣстъ никакого корму, кромѣ какъ изъ корыта— да и шабашъ! Да ежели этакихъ дураковъ не учить, такъ кого же послѣ того и учить!

Между тѣмъ поѣздъ замедляетъ ходъ; мы приближаемся къ станціи.

— Станція Александровская! поѣздъ стоитъ десять минутъ! провозглашаетъ кондукторъ.

Мы высыпаемъ на платформу и спѣшимъ проглотить по стакану скверкаго чая. При послѣднемъ глоткѣ, я вспоминаю, что пью изъ того самаго стакана, въ который, за пять минутъ до прихода поѣзда, дышалъ заспанный мужчина, стоящій теперь за прилавкомъ, дышалъ и думалъ: пьете и такъ... дураки! Возвратившись въ вагонъ, я пересаживаюсь на другое мѣсто, противъ двухъ купцовъ, съ бородами и въ сибиркахъ.

— Да, говоритъ одинъ изъ нихъ: — ныньче надо держать ухо востро! Ныньче чуть ты отвернулся, анъ у тебя тысяча, а пожалуй и цѣлый десятокъ изъ кармана вылетѣлъ. Вы Маркова-то Александра знавали? Вотъ что у Бакулина въ магазинѣ въ прикащикахъ служилъ? Бывало, все Сашка да Сашка! Сашка, сбѣгай туда! Сашка! рыло вымой! А теперь, смотри, какой домъ на Волхонкѣ взбодрилъ! Вотъ ты и думай съ ними!

— Да... народъ ныньче! Да вѣдь и Бакулинъ-то простъ! ну, какъ-таки такъ? замѣчаетъ другая сибирка.

— Чего простъ! Дуракъ какъ есть! Дуракомъ родился, дура-

комъ и умреть! Потому и учатъ. Кабы на дураковъ да не плеть, отъ нихъ и житья бы на свѣтѣ не было!

Я опять пересаживаюсь на другое порожнее мѣсто, противъ двоихъ молодыхъ людей, которые оказываются прикащиками.

— Нашъ хозяинъ геніальный! говоритъ одинъ изъ нихъ: — не то что просто умный, а поднимай выше! Знаешь ли ты, какую онъ на дняхъ штуку съ братомъ съ роднымъ съигралъ?

— А что?

— Да такую, братецъ, штуку... вотъ такъ ужь штука! Пріѣзжаетъ онъ къ брату на имянинный пирогъ, а стряпчій—братнинъ тоись стряпчій — и говоритъ ему: поздравьте, говоритъ, братца! Какую они вчерась покупку сдѣлали!—Какая такая покупка? спрашиваетъ нашъ-то. — А вотъ, говоритъ, за двадцать верстъ отселѣ у господина помѣщика лѣсъ за сорокъ тысячъ купили, а лѣсу-то тамъ по дешевой цѣнѣ тысячъ на двѣсти будетъ.—Вѣрно ты говоришь? — Вотъ какъ передъ Истиннымъ! —Задатокъ данъ? — Нѣтъ, сегодня вечеромъ отдавать будетъ.— Айда! пять тысячъ тебѣ въ зубы — молчокъ! И притворился онъ, будто какъ у него животъ болитъ, ей-богу! — да отъ имянинника-то прямо къ помѣщику. Сорокъ-пять тысячъ посулили, задатокъ отдали, да не глядя лѣсъ и купили!

— Молодецъ! Брать-то что-жь?

— Ничего; даже похвалилъ. Ты, говоритъ, дуракомъ меня сдѣлалъ—такъ меня и надо. Потому, ежели мы дураковъ учить не будемъ, такъ намъ самимъ на полку зубы класть придется.

Наконецъ, я рѣшаюсь, такъ сказать, замереть, чтобы не слышать этотъ разговоръ; но едва я намѣреваюсь привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ за спиной у себя слышу два старушечьихъ голоса, разговаривающихъ между собою:

— Ему, сударыня, только понравиться нужно, разсказываетъ одинъ голосъ: — пошутить, что ли, мимику тамъ какую-нибудь сдѣлать, словомъ разсмѣшить... Сейчасъ онъ тебѣ четвертную, а подъ веселую руку и двѣ. Ну, а мой-то и не понравился!

— Простъ, что ли, онъ у васъ, сударыня?

— Какой ужь простъ! Прямо надо сказать: дуракъ! Ни онъ пошутить, ни представить что-нибудь... ну, и выгнали! И за дѣло, сударыня! Потому, ежели дураковъ да не учить...

Я окончательно замираю, но и сквозь дремоту слышу:

— Дуракъ! Скотина — и больше ничего!

Нѣтъ! мы не просты!

Въ Пушкинѣ, въ нашъ вагонъ врывается цѣлая толпа нѣмцевъ и французовъ. Все это мѣстные воротилы: фабриканты,

заводчики, лѣсопромышленники и проч. Между ними есть нѣсколько русскихъ. На сцену выдвигаются мѣстные вопросы: во-первыхъ, вопросъ сѣнной, причемъ предсказывается, что сѣно будетъ зимой продаваться въ Москвѣ по рублю за пудъ; во-вторыхъ, вопросъ дровяной, при чемъ предугадывается, что въ непродолжительномъ времени дрова въ Москвѣ повысятся до двадцати рублей за сажень швырка. Русскіе воротилы надъ всѣми этими «вопросами» посмѣиваются; нѣмецкіе смотрятъ солидно.

— Вы все смѣетесь, господа! говоритъ одинъ изъ нѣмцевъ русскому воротилѣ: — но, подумайте, куда вы идете!

— Ничего, Ѳедоръ Иванычъ! отвѣчаетъ воротила-русакъ: — покуда на свѣтѣ дураки есть — жить можно!

А между тѣмъ, какой-то французъ партически выкрикиваетъ панегирикъ Москвѣ, сравниваетъ ее съ Петербургомъ и восклицаетъ:

— Pétersbourg est beau! Moscou est grand! Moscou est sublime! Jamais, au grand jamais, même à Paris, mon coeur n'a battu avec autant de force, comme au moment, lorsque la sainte cité de Moscou («святая Москва!» перевелъ онъ порусски) s'est découverte pour la première fois à mes yeux! C'était quelque chose d'inéffable! Parole d'honneur!

— Барышки хорошіе получаете, Анатолій Филиппычъ! вотъ и понравилось! сшутилъ кто-то изъ русскихъ.

Нѣтъ! мы не просты!

Что̀-жь дальше? спроситъ меня читатель. Зачѣмъ написанъ разсказъ? Будетъ ли нравоученіе?

Далѣе мы пролетѣли мимо Сокольничьей рощи, и пріѣхали въ Москву. Вагоны, въ которыхъ мы ѣхали, не разбились въ дребезги, и земля, на которую мы ступили, не разверзлась подъ нами. Мы разъѣхались каждый по своему дѣлу, и на всѣхъ перекресткахъ слышали одинъ неизмѣнный припѣвъ: дуррракъ!

Будетъ ли нравоученіе? Нѣтъ, его не будетъ, потому что нравоученія вообще скучны и безполезны. Вспомните пословицу: ученаго учить только портить, — и разъ навсегда откажитесь отъ роли моралиста и проповѣдника. Иначе, вы рискуете на первомъ же перекресткѣ услышать: дуракъ!

Зачѣмъ писанъ разсказъ? А хоть бы затѣмъ, милостивые государи, чтобъ констатировать, какія бываютъ на свѣтѣ *благонамѣренныя рѣчи*...

Н. Щедринъ.

ФАЛЬКЕНФЕЛЬСЪ.

(Изъ «L'Année Terrible» В. Гюго).

Фалькенфельсъ—обломокъ за̀мка, съ выси мрачно внизъ глядитъ;
Въ немъ его владѣлецъ старый, обнищавшій графъ сидитъ.
Мнѣ хотѣлось видѣть за̀мокъ и владѣльца. На зарѣ,
Въ лѣтній день, тѣнистымъ лѣсомъ я поднялся по горѣ.
Вотъ, на полпути, часовня повалилася въ оврагъ.
Въ ней давно богослуженье прекратилось: у бѣднягъ,
Здѣшнихъ жителей тугіе наступили нынче дни...
Ахъ, на праздникѣ приходскомъ пляшутъ въ рубищѣ они
И платить попу имъ нѐчѣмъ, а убогихъ прихожанъ
Недолюбливаетъ крѣпко и боится капелланъ.
Такъ часовня и скончалась... Въ мрачной ямѣ трупъ ея
Былъ оставленъ мной, и дальше по горѣ поднялся я.
Вотъ и за̀мокъ. Величаво и зловѣще смотритъ онъ;
Даже днемъ какимъ-то страшнымъ полу-мракомъ окруженъ.
На порогѣ старой башни, вижу я, поселянинъ,
Погруженный въ думу; это — Фалькенфельса властелинъ.

Я приблизился. Заслыша шумъ шаговъ моихъ, старикъ
Поднялъ голову, но съ мѣста онъ не всталъ. Къ нему приникъ
Сынъ его, цвѣтущій мальчикъ. Шляпу снять предъ тѣмъ, кто палъ—
Для него, конечно, значитъ что-нибудь. Я шляпу снялъ
Предъ разрушеннымъ вельможей.—„Графъ, сказалъ я, въ нищетѣ
Васъ я вижу, васъ, стоявшихъ на блестящей высотѣ.
Къ вамъ я съ просьбой: въ этомъ за̀мкѣ жизнь сурова и дика!
Къ дикой жизни возвратиться хорошо для старика,
Смерть — для юноши. Со мною сына въ городъ дайте вы.
Роза мретъ въ глуши тѣнистой, благодатной для совы;
Мглу тумана не выноситъ лучъ денницы золотой.
Я не спорю, что прекрасно у себя надъ головой
Видѣть обликъ горделивый этихъ дѣдовскихъ руинъ;

Но въ *свой* вѣкъ вступить для жизни не прекраснѣй ли?—Вашъ сынъ,
Повторяю вамъ, зачахнетъ въ этомъ мракѣ. Въ наши дни,
Въ бой съ чудовищемъ вступили люди чуда; но они
Твердо вѣруютъ въ побѣду. Мрачный старецъ, отпусти-жъ
Къ намъ дитя въ его прелестной, дикой свѣжести. Въ Парижъ
Пусть идетъ онъ, какъ ходили въ Римъ и Спарту въ древній вѣкъ.
Графомъ быть ужь онъ не можетъ,—пусть же будетъ человѣкъ.
Съ славнымъ именемъ пусть долю столь-же славную сольетъ!...
Умирающій живому въ мірѣ мѣсто отдаетъ;
Въ дальній путь орелъ пускаетъ опереннаго птенца
И могучій дубъ не душитъ молодого деревца".

Мрачный старецъ горделиво улыбнулся и сказалъ:
— "Жизнь развалинѣ противна. Если нѣкогда стоялъ
Я высоко, — не мѣшайте этой тайнѣ умереть...
На лежащаго во прахѣ интересно посмотрѣть, —
Ну, вотъ вы и посмотрѣли. Больше словъ не тратьте. Я
Никого не знаю въ мірѣ, прекратилась жизнь моя.
Уходите".

„— Но, о, старецъ, не на вѣчную же тьму
Обреченъ цвѣтокъ роскошный. Разбивая своему
Сыну будущность, свершаетъ преступленіе отецъ".
Онъ сказалъ:—„О васъ, живущихъ, нынче слышу я, мертвецъ
Вещи гнусныя: что будто тотъ кто грозенъ и силенъ, —
Безпощаденъ; что не умеръ въ вашемъ обществѣ законъ:
„Зубъ за зубъ, за око — око"; что для васъ еще лиса
Выше льва; что вашъ разсудокъ хромъ, а истина — коса;
Что пускать въ народъ картечью и разстрѣливать людей
Вамъ не трудно; что средь крови, воплей, ужаса страстей
Вы считаете преступнымъ дать изгнаннику пріютъ...
Правда это? Можетъ статься. Ложно? Можетъ быть, и лгутъ.
Но меня оставьте. Честнымъ я ушелъ въ нору свою.
Ту же воду ключевую, что̀ и самъ я ныньче пью,
Будетъ пить и сынъ мой. Городъ предлагаете вы мнѣ.
Нѣтъ, мой лѣсъ въ его прекрасной, безмятежной тишинѣ
Для меня милѣе: слыша, что̀ творится у людей,
Больше сердца вижу въ камняхъ и разсудка — у звѣрей".

Петръ Вейнбергъ.

ПИСЬМА ОБЪ АМЕРИКѢ.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ-ДЕВЯТОЕ.

Первые русскіе піонеры на дальнемъ западѣ Америки: В-ръ Г-съ, и Н-ай П-въ; ихъ жены.—Взглядъ на ихъ прошлое.—Переѣздъ Г-въ въ Америку, высадка; жизнь въ Джерсей-Сити.—Пріѣздъ къ нимъ П-ыхъ и толки объ избраніи мѣста и рода дѣятельностей.—Переѣздъ въ Луисъ.—Поиски за работою.—Перемѣна фамилій.—Возвращеніе Фреевъ на Востокъ и жизнь въ Вильямсбургѣ.—Бруки на фермѣ и на фабрикахъ.—Выѣздъ Фреевъ на дальній западъ въ братское общество Лонглея.

Въ виду повѣствованія о дѣятельности нашихъ первыхъ піонеровъ на дальнемъ западѣ Америки, небезъинтересно пробѣжать ихъ жизнь на родинѣ и похожденія въ первоначальныхъ пунктахъ ихъ поселеній въ новомъ свѣтѣ: Джерсей-Сити и С.-Луисѣ.

Г-съ съ женою пріѣхали въ Америку четырьмя мѣсяцами раньше П-ыхъ, поэтому я начну съ очерка ихъ жизни.

В-ръ Г-съ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ людей свѣжаго поколѣнія, которые цѣнятъ свои высокія, честныя убѣжденія на вѣсъ золота и не разстаются съ ними при самыхъ тяжелыхъ испытаніяхъ жизни. Серьёзный умъ и полное образованіе, полученное въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдвинули Г-са на хорошую дорогу и, конечно, открывали ему блестящую карьеру. Но «субъективныя» убѣжденія этой личности шли въ разрѣзъ со всей обстановкой его воспитанія дома и въ школѣ.... Непрерывно сосредоточенныя наблюденія надъ «движеніемъ современной жизни» скоро привели его къ полному признанію ненормальности существующихъ порядковъ въ отношеніяхъ экономическомъ и общественномъ.

Люди «подобныхъ» наклонностей не остаются пассивными

обладая желѣзнымъ характеромъ и страшною силою воли, они дѣлаютъ свое дѣло... неудержимо, — несмотря ни на что.....

Не задаваясь грандіозными цѣлями объ измѣненіи соціальныхъ условій въ движеніи человѣчества и т. п., и въ то же время держась дѣйствительности, Г-съ началъ нужное ему «перевоспитаніе» съ самого себя, и притомъ не на родинѣ или въ Европѣ, гдѣ существующіе порядки жизни держатся крѣпкими историческими корнями, но за океаномъ, въ странѣ новаго свѣта, гдѣ жизнь давно уже сложилась «иначе», гдѣ полная свобода въ частной, общественной и политической жизни, даетъ желающему широкое поле для производства всевозможнѣйшихъ экспериментовъ......

За полгода до выѣзда своего изъ Россіи, Г-съ познакомился съ уроженкою Крыма М-ю С-ю, личностью весьма близко подходящею къ его строю убѣжденій и принциповъ. Скоро Г-съ предложилъ ей искать разумнаго счастья вдвоемъ въ странѣ новаго свѣта, и ему не суждено было ошибиться въ своемъ выборѣ (и обратно—конечно....). Еще будучи воспитанницею института, М. С. замѣтно выдѣлялась изъ круга своихъ подругъ своеобразными стремленіями, умомъ, энергіею и силою воли. Тотчасъ по окончаніи курса, вмѣсто обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ «развлеченій»... она посвятила себя обязанности обученія дѣтей грамотѣ, а затѣмъ почти неотлучно находилась у изголовья больной матери въ теченіе полутора года— до послѣдняго ея вздоха. Это время жизни сильно повліяло на физическую и духовную стороны 17-тилѣтней дѣвушки: крѣпкій отъ природы организмъ поддался, идеи начали принимать какое-то мистическое направленіе.... Но это продолжалось недолго. Южный климатъ взялъ свое, а затѣмъ жизнь въ Петербургѣ измѣнила и характеръ идей. Въ столицѣ М. С. горячо принялась за свое дальнѣйшее интеллектуальное развитіе; давнишнія стремленія ея «быть полезной и самостоятельной»— получили здѣсь нужную имъ пищу. Знакомясь въ это время съ развитіемъ женскаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ, съ практическимъ участіемъ американокъ въ дѣлѣ народнаго образованія, медицины и т. п., М. С. часто задумывалась надъ этою широкою и плодотворною дѣятельностью. Упомянутое предложеніе Г-са, обусловленное выѣздомъ въ Америку, давало много шансовъ къ исполненію завѣтныхъ плановъ. День свадьбы въ началѣ 1868 года былъ вмѣстѣ и днемъ выѣзда Г-овъ въ Америку, — днемъ разлуки съ родиною на продолжительное время......

Товарищи, глубоко уважавшіе В. Г—са, не вполнѣ оправды-

вали его выѣздъ за океанъ, тѣмъ болѣе, въ періодъ, когда передъ нимъ открывалась широкая служебная дорога и блестящая карьера, проходя которую онъ могъ принести много пользы обществу, опираясь на свои знанія и сильныя способности... До какой степени горячо и глубоко задумывались близкіе къ Г—су люди надъ участью его и подобныхъ ему людей, видно изъ слѣдующаго письма, настолько общеинтереснаго по своимъ взглядамъ и выводамъ, что я рѣшаюсь привести его здѣсь почти цѣликомъ. Авторъ его—какъ увидитъ читатель—далеко не изъ такъ-называемыхъ «крайнихъ»... «Люди, подобные В. Г—су, заставляли меня много разъ вдумываться въ тѣ фатальныя причины, которыя въ послѣднее время коверкаютъ столько свѣжихъ силъ. Безспорно, эти люди создаются ненормальностью настоящихъ общественныхъ условій, да еще избыткомъ ума и энергіи, при нежеланіи изучить настоящую жизнь, которая остается для нихъ чуждою, можетъ быть, вслѣдствіе слѣпой къ ней ненависти. Эти страстныя натуры предполагаютъ, что современныя отношенія людей сложились вслѣдствіе историческихъ событій, являвшихся въ міръ не какъ продуктъ разума, а подъ вліяніемъ произвола, насилія, фанатизма и невѣжества. Такое мрачное происхожденіе цивилизаціи ихъ пугаетъ; въ негодованіи они и берутся «исправить» общество. Дѣйствительно, они могутъ исправить его, но—какъ самка въ дарвиновскомъ подборѣ особей и образованіи рода—никакъ не болѣе. Геніальные реформаторы, разомъ и круто ворочающіе порядками общественныхъ отношеній по своему—вѣковыя исключенія въ міровой исторіи... Общественный строй каждой исторической эпохи есть математически-вѣрный итогъ требованій общества, иначе—его пониманія. Увеличивается это пониманіе, расширяется кругъ потребностей, является какое-либо рѣзко обозначившееся сознаніе,—и понятіе о правдѣ, законы, складъ общества, административныя и экономическія формы, все измѣняется, соотвѣтственно съ новыми потребностями. Тѣ реформаторы и называются великими, которые вѣрно улавливаютъ потребность времени; за то всѣ упреждающіе время, или непонимающіе его—обыкновенно безжалостно наказываются обществомъ же. Этотъ законъ историческаго соотношенія между спросомъ и предложеніемъ былъ вѣренъ всегда и вездѣ. Въ большей части случаевъ, люди совершенно напрасно жалуются на притѣсненія со стороны лицъ и законовъ. Обыкновенно, эти лица и эти законы—это они сами, коллективный продуктъ ихъ желаній, пониманій и потребностей... Одно лицо или сотни лицъ могутъ чувствовать, что лица и законы ихъ притѣсняютъ, но трудно себѣ представить,

чтобы могло долго продолжаться такое положеніе вещей, которымъ были бы всѣ недовольны. Отъ этого болѣе развитымъ личностямъ не легче, но меньшинство никогда не принимается въ разсчетъ. Желаніе же массы есть та потребность, которая всегда удовлетворялась и всегда будетъ удовлстворяться. Допустимъ, что я хотѣлъ бы измѣнить всѣ общественныя отношенія. Зная вѣрность сказаннаго выше закона, я, чтобы быть логичнымъ, рѣшился бы дать всѣмъ людямъ то воспитаніе, которое должно вызвать осуществленіе моей программы. Затѣмъ, я не сталъ бы уже и заботиться, чтобы моя новая программа была вводима. Ее вызоветъ на свѣтъ жизнь тѣхъ людей, которые подготовлены образованіемъ. Но думать, что обезьяна, какъ она есть, станетъ пахать, или что вчерашній крѣпостной сегодня перестанетъ пьянствовать, или что англійскій купецъ откажется обирать всю вселенную, потому что среди обезьянъ острова Явы, или въ Россіи, или въ Англіи, какимъ-либо чудомъ установилась идеальная соціальная программа жизни—значитъ думать, что на свѣтѣ все значитъ форма, а сущность не имѣетъ никакого значенія. Между тѣмъ, многіе молодые люди, вмѣсто того, чтобы работать на *постепенное* совершенствованіе общества, отворачиваются отъ современной жизни и съ гордостью показываютъ на блестящій соціальный идеалъ, ими составленный, и думаютъ, что только стоитъ захотѣть жить такъ, или согласить на то людей, или заставить подчиниться этому идеалу—и дѣло въ шляпѣ. А гдѣ же нравственныя гарантіи, что прежніе пороки и прежній строй не будутъ возстановлены черезъ нѣкоторое время въ ихъ же средѣ? Нѣтъ! Чтобы уничтожить развратъ и насиліе, нужно много улучшеній въ натурѣ человѣка и постепенная его подготовка. Не отворачиваться нужно отъ жизни, чтобы имѣть возможность направить ее, а служить ей, въ настоящихъ ея рамкахъ, подавляя въ себѣ чувства негодованія противъ общественныхъ недуговъ, потому что мы всѣ безъ исключенія заражены ими сами въ большей или меньшей степени. Вмѣсто того, многіе, испуганные неподвижностью и устойчивостью общества, совершенно натуральными, не захотѣли идти рядомъ съ нимъ и бросились искать неизслѣдованные пути, по которымъ,—если этого не потребуетъ жизнь—никто за ними и не пойдетъ. Если же обществу понадобятся такіе пути, то, конечно, оно не спроситъ вожаковъ показывать ему дорогу. В. Г—съ изъ числа этихъ лицъ, и я думаю, что тратя свои крѣпкія силы, блуждая по неторной дорогѣ, онъ съ разбитыми убѣжденіями все-таки выйдетъ на ту дорогу, по которой ходятъ всѣ. И сколько, въ послѣднее

время, сложилось, такимъ образомъ, жизней, которыя тратятъ лучшіе свои годы силясь реализировать мечты, въ одно и то же время честныя, страстныя, но неопредѣленныя, основанныя не на требованіяхъ большинства, а на научныхъ выводахъ, и на отвлеченномъ правѣ, выработанномъ такъ-называемыми передовыми людьми? Нельзя не радоваться тому, что В. Г—съ увидѣлъ, какъ живутъ люди въ Америкѣ. На него, во многихъ отношеніяхъ, эта жизнь произведетъ тяжелое впечатлѣніе. У насъ считаютъ долгомъ полагать, что тамъ рѣки молочныя, а берега кисельные, и никто не хочетъ допустить, что высшая цивилизація стремится къ возможно большей сгруппировкѣ капиталовъ въ рукахъ *нѣкоторыхъ*, при чемъ сохраняется спросъ хлѣба со стороны *всѣхъ* и большее его предложеніе, правда, но и съ бо̀льшимъ разборомъ. В. Г—съ увидитъ, къ несчастію, на собственномъ опытѣ, что жить, хотя бы только прозябанія ради... и то значитъ подчиняться требованіямъ большинства общества... Намъ остается сильно жалѣть о потерѣ прекраснаго гражданина Россіи (будущаго дѣятеля съ значительною сферою дѣйствія), который могъ бы приносить положительную, а не отрицательную пользу. Мнѣ кажется, что свѣжая американская жизнь, полная борьбы за существованіе, втянетъ въ себя В. Г. рано или поздно. Изъ его аскето-политическихъ убѣжденій, изъ его добровольнаго кастратства (и нежеланія имѣть связи съ настоящею жизнью) вѣдь останутся же при немъ умъ, энергія, сила воли, твердость и непоколебимая честность; но тогда всѣ эти силы его прекрасной натуры пойдутъ на простую, будничную, но дѣйствительную жизнь»...

Съ своей стороны и друзья жены Г. горько выражали свою досаду по поводу ея выѣзда, и одна изъ нихъ, г-жа Д—ри, высказала въ первомъ письмѣ къ ней въ Америку слѣдующее: «мы сочли рѣшимость вашу бросить все, что̀ было близкаго, оторваться отъ всего роднаго и ѣхать на край свѣта—крайне эгоистичною. Мы нуждаемся въ честныхъ, энергическихъ дѣятеляхъ. Конечно, въ Америкѣ можно всегда найти трудъ, равноправность, свободу, но хорошо-ли будетъ, если лучшіе люди съ ихъ возвышенными стремленіями будутъ прилагать свои способности и силы... въ другихъ странахъ свѣта!..».

19-го марта 1868 года, послѣ 14-ти дней плаванія по океану, Г—сы пристали къ Джерсей-Сити у Гудзона противъ Нью-Йорка. Сложивши на пристани свой багажъ, они ожидали отлива пассажировъ парохода, массами осаждавшихъ омнибусы, экспрессы и тому подобные экипажи. Какъ ни разнообразна и комична была эта картина, но сцены другаго характера оття-

гивали отъ нея нашихъ переселенцевъ. Это были сцены теплыхъ, искреннихъ привѣтствій, поздравленій разныхъ друзей, знакомыхъ, давно поджидавшихъ своихъ изъ-за океана. Эти-то группы людей произвели грустное впечатлѣніе на жену Г—са, и она невольно проговорила: «никого изъ друзей, ни одного соотечественника...». «Полно, Маруся, волновать себя, посмотри сколько убыло народа, время и намъ взяться за дѣло, пора къ экипажу, на квартиру...». Послѣ объясненій—на половину мимическихъ—съ хозяиномъ экспресса, послѣдній захватилъ багажъ и предложилъ усѣсться на вещахъ, крикнулъ «hod ор» и покатилъ къ центру города. Минутъ черезъ 20, вожатый сдержалъ лошадь предъ кирпичнымъ домомъ въ улицѣ Grove-Street № 330, крикнулъ хозяина, быстро сдалъ ему грузъ пассажировъ и проговоривъ: «Russian men», уѣхалъ съ заработанными въ полчаса двумя долларами (3 р. 50 к.). Домовладѣлецъ показалъ двѣ свободныя комнаты съ кухнею, и какъ квартира оказалась достаточно просторною и свѣтлою, то, нанявши ее за 20 долларовъ въ мѣсяцъ, наши стали устроиваться. Хозяинъ какъ-то особенно пытливо осмотрѣлъ своихъ новыхъ жильцовъ; впослѣдствіи оказалось, что онъ видѣлъ «Russian men» (русскихъ людей) въ первый разъ.

На другой день, наши пріѣзжіе отправились осматривать свое первое мѣсто поселенія на американскомъ материкѣ. Городъ Джерсей-Сити (штата Нью-Джерсей—New-Jersey) имѣетъ около 50,000 жителей; это главный пунктъ высадки пассажировъ изъ гаваней Франціи и Англіи, пристань пароходовъ бременскихъ, лондонскихъ и ливерпульскихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ станція желѣзныхъ дорогъ (Erie Railway и другихъ), отвозящихъ ежедневно сотни эмигрантовъ и пассажировъ на западъ и югъ Сѣверной Америки. Трехчасовая прогулка по Джерсею—далеко не изъ первыхъ американскихъ городовъ—показала уже нашимъ землякамъ совершенно невиданную ими картину дѣятельности... Что̀ за масса людей, что̀ за суета! Да, говорили они, понятно, почему американцы такъ быстро богатѣютъ... съ такой энергіею много подѣлаешь...

Возвратившись въ свою квартиру подъ сильнымъ впечатлѣніемъ видѣннаго, Г—съ и его жена крѣпко призадумались: «Что-то выпадетъ на нашу долю? хватитъ-ли силушки и волюшки? Уныньe въ сторону... Начнемъ идти слѣдомъ, будущее впереди». Вотъ какъ прошелъ «первый день» въ ихъ скромномъ уголку: распаковка чемодановъ, провѣтриваніе... Думалось-ли въ это время, что болѣе половины привезенныхъ вещей изъ тонкаго сукна и шелку окажутся скоро ненужными и будутъ

замѣнены одеждою изъ грубой, но прочной матеріи, болѣе приспособленной къ работамъ разнаго рода? Затѣмъ приступлено было къ составленію бюджета. Привезенныхъ съ собою денегъ было около 500 долларовъ. Для переселенца-семьянина капиталъ этотъ очень невеликъ; благоразуміе требовало возможно скорѣе распредѣлить всѣ предстоящіе расходы. Благодаря экономіи и аккуратному исполненію смѣтныхъ назначеній, Г-сы прожили на эти деньги не нуждаясь болѣе году, включая сюда и плату за переѣздъ ихъ впослѣдствіи, на западъ Америки, въ г. С.-Луисъ.

Устроивши свою хозяйственную часть на американскій ладъ (исключивъ, конечно, расходъ на наемъ прислуги, прачки и т. п.), соотечественники пріискали себѣ учителя англійскаго языка и горячо принялись за его изученіе. Весь ихъ досугъ шелъ на это занятіе; было слишкомъ важно, для будущей дѣятельности, какъ можно скорѣе выучиться мѣстному языку, не только въ теоретическомъ отношеніи. Расходъ на учителя (20 долларовъ въ мѣсяцъ) былъ слишкомъ чувствителенъ, но черезъ мѣсяцъ статья эта была выключена изъ бюджета, такъ-какъ явилась возможность учиться поанглійски у дочери хозяина дома, взамѣнъ уроковъ по музыкѣ со стороны жены Г-са. Въ этомъ же мѣсяцѣ значительно уменьшенъ былъ столовый расходъ. Обѣдъ въ ресторации, стоившій обоимъ ежедневно 1 р. 20 к., замѣненъ былъ домашнимъ, собственнаго приготовленія, не дороже 80 к., такъ-какъ два простыя блюда въ лѣтнюю пору легко изготовлялись на небольшой газовой печкѣ (цѣна такой печки съ гуттаперчевымъ проводомъ—трубою къ газовому рожку — 1 долларъ). Здѣсь я припоминаю слѣдующій разсказанный мнѣ случай, крѣпко удивившій нашихъ земляковъ на первыхъ порахъ ихъ жизни въ Америкѣ. Нуждаясь однажды въ привозѣ изъ магазина нѣкоторыхъ хозяйственныхъ вещей, Г-съ обратился къ хозяину дома съ просьбою достать экспрессъ и послать за ними. Когда это было исполнено и вещи привезены, то при разсчетѣ хозяинъ телеги любезно протянулъ имъ руку и проговорилъ привѣтствіе. Лицо показалось знакомо, мѣсто встрѣчи скоро припомнилось; этотъ извощикъ (говоря по нашему) оказался однимъ изъ джентльменовъ — постоянный сосѣдъ нашихъ земляковъ за table d'hôte'мъ. Подобные случаи поражаютъ въ Америкѣ только первое время, когда еще свѣжи впечатлѣнія европейской жизни...

Четыре мѣсяца прожили Г-сы въ Джерсей-Сити, не встрѣтивъ ни одного русскаго. За это время Г-съ не пытался

искать работы внѣ дома, онъ считалъ себя еще слишкомъ мало подготовленнымъ къ тяжелому физическому труду; что же касается до его умственнаго капитала, то при несвободномъ владѣніи англійскимъ языкомъ, онъ не могъ быть приложенъ къ дѣлу. Тѣмъ не менѣе, время проведенное въ Джерсеѣ, не было безплодно для будущаго. Полная самодѣятельность въ жизни домашней уже не была тягостна — она вошла въ привычку; практическое изученіе мѣстнаго языка шло впередъ, причемъ незамѣтно приходилось втягиваться въ туземныя условія экономической и соціальной жизни. Досугъ посвящался прогулкамъ по городу, посѣщенію фабрикъ, заводовъ Джерсея и сосѣднихъ городовъ: Нью-Йорка, Бруклина, Вильямсбурга. Разъ или два въ недѣлю ходили къ пристанямъ океаническихъ пароходовъ, смотрѣть на непрерывный наплывъ свѣжихъ силъ, знаній и капиталовъ европейскаго материка. Въ одну изъ такихъ прогулокъ въ Нью-Йоркѣ по скверу, прилегающему къ мѣсту высадки эмигрантовъ Кестль-Гардену, Г-съ неожиданно увидѣлъ въ одной изъ группъ переселенцевъ Н. П—ва, съ которымъ онъ познакомился при производствѣ геодезическихъ работъ въ одной изъ западныхъ губерній. Послѣ горячаго привѣтствія, товарищи и ихъ жены весело направились въ Джерсей-Сити, раздѣлившись между собою небольшимъ багажемъ новопріѣзжихъ. Во время переѣзда чрезъ рѣку Гудзонъ и въ вагонѣ конно-желѣзной дороги, наша группа русскихъ обращала на себя упорное вниманіе американцевъ; соотечественникамъ было о чемъ поговорить страстно и горячо...

Съ августа 1868 года П—вы и Г—сы зажили въ той же квартирѣ Grove-Street, № 330, вчетверомъ. О прошлой жизни Н. П—ва и его подруги Ю. Ф. мнѣ извѣстно слѣдующее. Въ 1858 году П—въ былъ выпущенъ офицеромъ изъ п—го корпуса. Служебное время П—ва въ Россіи прошло почти въ непрерывной борьбѣ съ нуждою, начальствомъ, товарищами, родными. Его безпокойной и своеобразно-честной натурѣ мудрено было удержаться на родной почвѣ; онъ рѣшился отправиться въ Америку, быть можетъ на худшія матеріальныя невзгоды, но гдѣ онъ могъ найти нужный ему «покой» во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ. Его жена, уроженка Волынской губерніи, рано лишается своихъ родителей и попадаетъ подъ тяжелый гнетъ своихъ дальнихъ родственниковъ. Грубое обращеніе и дурная нравственная обстановка были не подъ силу дѣвушкѣ съ большимъ здравымъ смысломъ, добрымъ сердцемъ и сильнымъ характеромъ; она бѣжитъ отъ родственниковъ въ г. К—въ. Здѣсь послѣдовала встрѣча ея съ П—мъ, при горя-

чемъ участіи котораго Ю. Ф. получила право не возвращаться болѣе къ родственникамъ. Съ этихъ поръ начинается ея самостоятельная трудовая жизнь: она открываетъ небольшую кухмистерскую, постепенно расширяетъ ее, присоединяетъ сюда прачешное отдѣленіе, и ведетъ это дѣло такъ успѣшно, что за всѣми расходами откладываетъ ежемѣсячно въ запасный капиталъ отъ 25 до 40 р. с. Постоянный посѣтитель кухмистерской, П—овъ, продолжаетъ изучать эту энергическую личность и скоро убѣждается, что такая женщина ему нужна... Но въ это время состоялось его новое служебное назначеніе. Зная свое шаткое матеріальное положеніе (офицерское жалованье), П—овъ рѣшился на разлуку съ Ю. Ф. до упроченія своего благосостоянія; причемъ уговорилъ свою будущую подругу не оставлять города К—ва, гдѣ ея хозяйственное предпріятіе шло такъ успѣшно. Исполняя желаніе своего друга, Ю. Ф. около году энергически продолжаетъ свое дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ постоянно возрастающимъ нетерпѣніемъ ждетъ конца тяжелой разлуки. Убѣдившись изъ писемъ, что мало надежды на осуществленіе плановъ П—ова, Ю. Ф. неожиданно оставляетъ свое дѣло и уѣзжаетъ къ своему другу. Съ этихъ поръ они не разлучались: вмѣстѣ оставили родину, вмѣстѣ отправились искать счастья за океанъ...

Возвращаюсь къ разсказу о совмѣстной жизни этой группы русскихъ въ Джерсей-Сити. Надѣясь на свой здоровый организмъ, П-овъ и Г-ъ черезъ нѣсколько дней отправились искать себѣ работу, сначала въ Джерсеѣ, а затѣмъ въ Нью-Йоркѣ. Эти попытки не удались. Въ городахъ съ излишкомъ предложенія на трудъ хозяева очень разборчивы при сортировкѣ рабочихъ. Соотечественниковъ забраковали при первомъ взмахѣ лопаты. «Не нужно, не привыкли», сказалъ хозяинъ, взявшій ихъ на работу, разсчитывая на коренастое сложеніе одного и высокій ростъ другаго. Отойдя въ сторону и внимательно всматриваясь въ пріемы трудящихся, наши наглядно убѣдѣлись, что они еще не работники. Но это полное фіаско не привело ихъ къ унынію, какъ было уже со многими русскими въ этой странѣ, но, напротивъ, задѣло ихъ самолюбіе, усилило стремленіе какъ можно скорѣе стать на одну линію съ американскими работниками. На совѣщаніи этого дня, рѣшено было оставить портовые города и двинуться на западъ Америки, гдѣ въ рабочей силѣ нуждаются, гдѣ, при меньшей строгости въ выборѣ, болѣе шансовъ получить работу, набить въ ней руку. Избранный пунктъ былъ городъ С.-Луисъ. Въ концѣ лѣта 1868 года, эмигрантскій поѣздъ изъ Джерсей-Сити везъ

нашихъ земляковъ къ берегамъ Миссиссипи и черезъ $2^1/_2$ сутокъ доставили ихъ къ мѣсту новаго жительства. Эмигрантскіе поѣзды не снабжены роскошнымъ комфортомъ обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ; но имѣя тѣ же удобства (мягкіе диваны, умывальныя комнаты, резервуары съ водою для питья, лѣтомъ всегда со льдомъ, ватерклозеты и т. п.), они перевозятъ переселенцевъ на дальній западъ и югъ почти за половинную цѣну. Этотъ переѣздъ 1,200 миль стоилъ соотечественникамъ 76 долларовъ, а именно: 4 билета—64 д. 40 ц.; плата за вещи—3 д. 55 ц.; издержки въ дорогѣ 8 дол. 5 центовъ. Первый день въ С.-Луисѣ проведенъ былъ въ гостиницѣ. Счетъ первыхъ сутокъ (8 дол. 10 цент.) такъ напугалъ нашихъ, что съ ранняго утра слѣдующаго дня они уже искали себѣ частной квартиры, и въ одной изъ нихъ въ тотъ же вечеръ уже сварили себѣ скромный ужинъ и запивали его пока еще русскимъ чаемъ. Просторная комната съ кухнею была нанята за 5 долларовъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ въ экономическомъ отношеніи переселеніе на западъ уже было дѣломъ практичнымъ. Познакомившись нѣсколько съ городомъ, центромъ свинной и мануфактурной дѣятельности запада Америки, наши принялись «искать работы». На своемъ домашнемъ митингѣ они порѣшили заняться фермерскими работами, и о предложеніи своихъ рукъ заявили въ мѣстныхъ газетахъ. На другой же день явилось нѣсколько хозяевъ посмотрѣть на русскую рабочую силу, но на этотъ разъ наемъ не состоялся; выраженное нашими соотечественниками желаніе не разлучаться было не съ руки нанимателямъ. Здѣсь кстати припомнить, что хозяева, искавшіе труда нашихъ земляковъ, видимо затруднялись въ произношеніи русскихъ фамилій: они находили ихъ неудобными при розыскахъ, корреспонденціяхъ, разговорахъ и т. п.; необходимо было переименоваться въ клички, подходящія жаргону янки. Г-сы назвались Фреями (Frey), П—вы Бруками (Broock). Фамиліи эти удержу и я въ дальнѣйшемъ моемъ разсказѣ... Я сказалъ, что желаніе работать всѣмъ вмѣстѣ на одной фермѣ, не могло состояться; тяжелая необходимость разлуки становилась очевидною. Черезъ мѣсяцъ своего пріѣзда въ С.-Луисъ, Брукъ съ женою нанялись на фермерскія работы въ 10-ти миляхъ отъ города, за 25 долларовъ въ мѣсяцъ обоимъ, на хозяйскомъ продовольствіи. При этомъ наймѣ, американецъ изъ нѣмцевъ взялъ въ соображеніе и незнаніе производства фермерскихъ работъ, и англійскаго языка и проч., и какъ опытный эксплуататоръ назначилъ плату, ниже которой, вѣроятно, даже по его личнымъ соображеніямъ, нельзя было назна-

чить. Въ сентябрѣ Бруки выѣхали. Фрей, предполагавшій также заняться трудомъ земледѣльческимъ, отложилъ это намѣреніе до будущаго года, такъ-какъ полевыя работы приближались къ концу; онъ заявилъ въ мѣстныхъ газетахъ о своемъ умѣніи вести корреспонденцію и чертить планы, и черезъ нѣсколько дней занималъ въ одной изъ торговыхъ конторъ мѣсто клерка съ содержаніемъ 40 долларовъ въ мѣсяцъ. При неприхотливой жизни и самодѣятельности въ домашнемъ быту, получаемое жалованье покрывало бо̀льшую часть необходимыхъ хозяйственныхъ издержекъ и давало возможность, употребляя изъ запаснаго капитала не болѣе 10 или 15 рублей въ мѣсяцъ, жить порядочно. Приведу для всякаго случая цифры ихъ расходовъ съ 21-го сентября по 21-е октября 1868 года.

Квартира 5 дол.; хлѣбъ 3 дол. 25 цент.; сахаръ 2 д. 40 цент.; чай 1 дол. 60 цент.; говядина 4 дол. 10 цент.; зелень 1 дол.; сыръ и молоко 1 дол. 70 цент.; масло и сало 1 д. 5 ц.; мука, картофель 1 дол. 15 цент.; яйца 5 дол.; фрукты 1 д. 5 цент.; уголь 1 дол. 20 цент.; хозяйственное обзаведеніе 5 д. 30 цент.; книги, газеты 3 дол. 9 цент.; ѣзда по желѣзно-конной дорогѣ 1 дол. 50 цент.; напитки 25 цент.; платье, баня 7 дол. 55 цент.; экстренныя издержки: почтовый расходъ, плата за объявленія въ газетахъ и проч. 3 дол. Общій итогъ 48 дол. 59 центовъ.

Значительныхъ колебаній въ расходахъ послѣдующихъ мѣсяцевъ не было, а потому этотъ общій итогъ издержекъ почти безошибочно можетъ опредѣлить среднюю стоимость безбѣдной жизни въ С.-Луисѣ.

Черезъ мѣсяцъ контора назначила Фрею уже 60 долларовъ въ мѣсяцъ. За это—на первыхъ порахъ хорошее вознагражденіе—требовалась работа съ 7 часовъ утра до 6 вечера съ часовымъ отдыхомъ во время обѣда. Повышеніе платы ободрило Фрея и онъ считалъ свое положеніе обезпеченнымъ на всю зиму; но такое заключеніе скоро оказалось преждевременнымъ. Случилось, что, по домашнимъ обстоятельствамъ (болѣзнь жены), Фрей не ходилъ въ контору три дня и забылъ увѣдомить ее о причинѣ своего отсутствія. На четвертый день, онъ находитъ свое мѣсто занятымъ другимъ клеркомъ и получаетъ слѣдующій отвѣтъ хозяина: «мы ждать не могли, тѣмъ болѣе, что не имѣли за это время о васъ никакихъ свѣдѣній». При окончательномъ разсчетѣ, хозяинъ выдалъ Фрею «референсъ» (refe-rens), т.-е. ручательство въ честности и способности къ работѣ. Такой аттестатъ имѣетъ большое значеніе въ Америкѣ: онъ значительно облегчаетъ возможность полученія работы. При

постоянномъ приливѣ эмигрантовъ, между которыми много негодяевъ, американцы стали очень осторожны при наймѣ рабочихъ; преимущество отдается тѣмъ работникамъ, которые имѣютъ referens отъ фирмы или конторъ. Послѣ этой неудачи Фрей не имѣлъ постоянной, опредѣленной работы въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, которые прошли въ занятіяхъ поденною работой (преимущественно пилка дровъ), въ заботахъ о больной женѣ и ихъ дѣвочкѣ. Въ свободные часы онъ слѣдилъ за общественною и политическою жизнью Соединенныхъ Штатовъ; въ это время Фрей прислалъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» свою первую статью («Отеч. Зап.», январь 1870 г. «Американская жизнь») о президентскихъ выборахъ въ Америкѣ.

Въ мартѣ 1869 г. сложившіяся обстоятельства заставили Фреевъ переѣхать въ Нью-Йоркъ. Съ одной стороны получены были свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Нью-Йоркъ двухъ земляковъ, свѣдущихъ въ столярномъ дѣлѣ и имѣвшихъ намѣреніе устроить тамъ или въ близь лежащихъ городахъ небольшую мебельную мастерскую; съ другой, — являлась возможность для жены Фрея готовиться къ поступленію въ одну изъ женскихъ медицинскихъ академій Америки — давнишняя цѣль ея стремленій. Мастерская была открыта въ городѣ Вильямсбургѣ (напротивъ Нью-Йорка). Объ ней и о жизни этого русскаго кружка въ Вильямсбургѣ я сообщалъ уже довольно подробно въ предыдущихъ моихъ письмахъ [1].

Возвращаюсь къ разсказу о фермерской жизни семьи Бруковъ. Я уже упомянулъ, что хозяинъ ихъ былъ американецъ изъ нѣмцевъ, и что онъ нанялъ ихъ за возможно низкую цѣну. По пріѣздѣ въ ферму на нашихъ земляковъ налегли такъ, что едва хватало силы исполнять всѣ приказанія хозяевъ. Брукъ ходилъ за плугомъ, копалъ ямы для посадки деревьевъ, смотрѣлъ за домашнимъ скотомъ, лошадьми, исполнялъ и экстренныя работы. Его жена — убирала комнаты, стирала бѣлье, доила коровъ, изготовляла молочные скопы и т. п. «Да, почти все хозяйственное дѣло фермы лежало на однихъ насъ, и не было возможности отказаться отъ этой работы, такъ-какъ мы нанялись на опредѣленный срокъ, и въ случаѣ преждевременнаго выхода рисковали потерять половину заработанной платы. Притомъ, что̀ намъ предстояло впереди, въ осеннее и зимнее время года... когда спросъ на рабочихъ сокращается почти въ половину? Отъ тяжелой работы не умрешь, но *безъ* работы

[1] Письма 4, 5 и 6 „Отеч. Зап.» январь 1872 г.

весьма вѣроятно... и мы работали въ потѣ лица, безъ права протеста противъ эксплуататоровъ, выносили придирчивый надзоръ, зависимость отъ людей грубыхъ, неразвитыхъ, видѣвшихъ въ работникѣ не человѣка, а исключительно рабочую силу».

Подобныхъ эксплуататоровъ изъ нѣмцевъ особенно много въ штатѣ Миссури, вслѣдствіе чего американцы другихъ національностей этого штата предубѣждены противъ всей германской націи, и относятся къ нимъ весьма недружелюбно; напримѣръ, если вы отвѣчаете утвердительно на вопросъ: «Do you Speak German?» (говорите вы понѣмецки), то отъ васъ отворачиваются; многіе нѣмцы, желая получить довѣріе, выдаютъ себя за лицъ другихъ національностей и преимущественно за русскихъ.

Наконецъ, годъ тяжелаго испытанія окончился, и Бруки потребовали отъ хозяина разсчета. Здѣсь-то безсовѣстность нанимателя вылилась вся; онъ подъ разными неосновательными предлогами удержалъ изъ годовой платы 75 долларовъ, т.-е. не додалъ за трехмѣсячный ихъ трудъ. На угрозы, что эти деньги будутъ вытребованы судомъ, фермеръ ухмыляясь отвѣчалъ: «попробуйте, останетесь довольны, порадуетесь успѣху». Такой наглый поступокъ, и дерзкая самоувѣренность въ отсутствіи правосудія заставили Брука тотчасъ по пріѣздѣ въ С.-Луисъ начать противъ фермера процессъ. Въ день выслушаннаго рѣшенія, Брукъ былъ крайне пораженъ несправедливымъ приговоромъ судьи, который, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ близкимъ пріятелемъ фермера; онъ отказалъ Бруку въ его искѣ на слѣдующемъ основаніи: «такъ-какъ истецъ заключилъ договоръ съ фермеромъ, а ферма принадлежитъ не ему, а его женѣ, то за отказомъ сей послѣдней уплатить Брукамъ слѣдуемыя за работу деньги, взысканіе это не можетъ пасть на фермерское имущество, а самъ фермеръ не имѣетъ своего, которымъ могъ бы обезпечить уплату долга». Процессъ этотъ стоилъ Брукамъ болѣе 10 долларовъ, а потому, боясь дальнѣйшей траты такъ тяжело заработанныхъ денегъ, Брукъ дѣло прекратилъ.

Этотъ годъ непрерывной физической дѣятельности, сопровождаемой многими, быть можетъ, неиспытанными физическими и нравственными лишеніями, замѣтно измѣнилъ Брука. Въ группѣ американскихъ работниковъ Брукъ не выступалъ теперь новичкомъ ни по своимъ мускуламъ, ни по пріемамъ въ работѣ, и такое пріобрѣтеніе нѣсколько мирило его съ жизнью, проведенною на фермѣ. По возвращеніи въ С.-Луисъ, Брукъ скоро поступилъ на фабрику изготовленія рѣшетокъ для небольшихъ садовъ; жена же его, исполняя всѣ домашнія работы, устроила

въ то же время въ своей квартирѣ небольшую прачешную. Обоюдный заработокъ дня равнялся въ это время отъ 2 до 3 долларовъ. Безъ особенной перемѣны такая жизнь продолжалась почти всю зиму. Въ февралѣ 1870 года, фабрика, гдѣ работалъ Брукъ, закрылась, и какъ въ это время трудно было пристроиться къ другой, то, до наступленія весенняго спроса рабочихъ, Брукъ взялъ на прокатъ ручную повозку для развозки по домамъ провизіи и пассажирскаго багажа, и заработывалъ такимъ образомъ отъ 1½ до 2½ долларовъ въ день. Весною того же года Брукъ перешелъ на мебельную фабрику, гдѣ работалъ болѣе году, пока сумма сдѣланныхъ сбереженій не дала возможности озаботиться пріобрѣтеніемъ земли и начать жить своимъ хозяйствомъ. «Своя земля, свой собственный уголъ и работа на себя—вотъ все, чего мы хотимъ; далѣе этого желанія наши не идутъ—говорили Бруки:—только тогда мы получимъ давно неизвѣстный намъ душевный покой, и нужное для насъ счастье...».

Въ концѣ марта 1870 года наши труженики С.-Луиса ранѣе обыкновеннаго прекратили свои работы и направлялись къ вокзалу желѣзной дороги; въ этотъ день эмигрантскій поѣздъ изъ Нью-Йорка долженъ былъ привезти въ С.-Луисъ ихъ друзей Фреевъ. Въ 7 часовъ вечера соотечественники возвращались домой уже большою, веселою группою. Начались толки о жизни въ Вильямсбургѣ, Нью-Йоркѣ, о рѣшимости переселиться на дальній западъ, въ одну изъ американскихъ общинъ, основанную Лонглеемъ. «Я, жена и ребенокъ—ваши гости на короткое время; черезъ нѣсколько дней мы отправляемся въ юго-западную часть штата Миссури; пріѣзжайте и вы, поживите съ нами, и если понравится—будемъ жить подъ одною крышею, а нѣтъ, то въ сосѣдствѣ есть свободные участки, вы можете пріобрѣсть одинъ изъ нихъ и будемъ себѣ добрыми сосѣдями»...

Въ это время Фрей рѣшился привести въ исполненіе давнишнее желаніе свое—пожить въ одной изъ американскихъ общинъ, что оказывалось удобнымъ и съ экономической стороны. Этотъ періодъ жизни Фреевъ на столько поучителенъ (не только лично для нихъ), что мнѣ прійдется, опираясь на корреспонденцію по этому поводу, передать читателямъ едва-ли не полную исторію ихъ пребыванія въ одной изъ общинъ штата Миссури, а затѣмъ Канзаса. «Два года жизни нашей въ Америкѣ—пишетъ Фрей — прошли безъ видимаго результата, почти только въ тратѣ привезенныхъ денегъ; положеніе наше въ Нью-Йоркѣ было шатко и неопредѣленно. Мнѣ предстоялъ трудъ литературный, какъ извѣстно, преисполненный случайностей; трудъ

грубо-мускульный, оказавшійся пока не по нашимъ силамъ; притомъ сбереженіе отъ рабочей платы было далеко впереди, а поддерживать существованіе семьи нужно было тотчасъ. Поступая же въ общину Лонглея, мы могли разсчитывать на устраненіе этихъ неудобствъ; къ тому же, по конституціи этой общины, жизнь и воспитаніе ребенка гарантированы отъ всякихъ невзгодъ (смерти отца или матери) до своего умственнаго совершеннолѣтія. Такимъ образомъ, мы всѣ стали бы въ положительно лучшую обстановку и пользовались бы большею свободою, чѣмъ въ частной жизни».

Избранная Фреемъ община была основана американцемъ Алькандеромъ Лонглеемъ (Alcander Longley), наборщикомъ одной изъ типографій города С.-Луиса. Главные принципы этого братства были слѣдующіе: каждый для всѣхъ, и всѣ для одного, сообразно силамъ и способностямъ каждаго; воспитаніе дѣтей на счетъ общества; общая собственность, совмѣстный трудъ и т. д. Въ ихъ конституціи есть оригинальный пунктъ о такъназываемомъ «свободномъ критицизмѣ», по которому каждый имѣетъ право о моральныхъ недостаткахъ своего собрата заявить въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ братства, при чемъ замѣчанія, совѣты или внушенія должны выслушиваться безъ злобы, спокойно. Всѣ основные принципы общества были подробно развиты въ изданной Лонглеемъ брошюрѣ «Reunion or the true family», а результаты примѣненія этихъ принциповъ на дѣлѣ въ практической жизни публиковались впослѣдствіи ежемѣсячно въ издаваемой этимъ братствомъ газетѣ. Каждый желавшій вступить въ общество предварительно списывался съ Лонглеемъ, и въ первомъ же письмѣ высылалъ свою фотографическую карточку (вѣроятно для моральныхъ выводовъ изъ выраженій физіономіи). При самомъ же поступленіи требовался единовременный взносъ ста долларовъ отъ взрослаго и половину этой суммы съ ребенка. Идеи Лонглея, опубликованныя имъ еще въ началѣ 1868 года, встрѣтили сочувствіе, и скоро явились отзывы людей, готовыхъ устроить общество на его принципахъ. На совѣщаніи въ С.-Луисѣ была составлена программа дѣйствій и начался сборъ денегъ для покупки земли. Въ концѣ того же года пріобрѣтено было съ разсрочкою уплаты 160 акровъ въ плодороднѣйшей части штата Миссури, въ графствѣ Джесперъ (Gasper County), недалеко отъ города Майнерсвиля. Съѣздъ будущихъ членовъ общества начался въ срединѣ 1869 года; первоначально явилось семь человѣкъ, которые тотчасъ же приступили къ постройкѣ дома. Весною будущаго года при-

ѣхало нѣсколько семействъ, въ числѣ ихъ Фрей, съ женою и ребенкомъ.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ.

Пенсильванская центральная желѣзная дорога. — Города Чикаго и С-нъ-Луисъ. — Свиданіе съ Бруками. — Выѣздъ въ Канзасъ. — Колумбусъ и Майнерсвиль. — Пріѣздъ въ братское общество Лонглея. — Свиданіе съ Фреями. — Жизнь членовъ общества.—Митинги. — Печатный станокъ. — Начало раздора между членами общины.

Три мѣсяца спустя послѣ выѣзда Фреевъ на западъ, я получилъ подробный маршрутъ къ мѣсту ихъ поселенія и приглашеніе провести часть лѣта съ ними, посмотрѣть какъ устраивается ихъ братское общество, познакомиться съ американскою трудовою сельскою жизнью. Путь къ мѣсту поселенія общины Лонглея лежалъ чрезъ города Чикаго и С.-Луисъ, поэтому поѣздка эта имѣла для меня двойной интересъ. Пассажирскій билетъ въ Чикаго я взялъ въ конторѣ пенсильванской желѣзной дороги (Бродуей № 271), которая считается болѣе солидною сравнительно съ двумя другими — къ тому же мѣсту (Эрійской и Большой Сѣверной), причемъ и направленіе ея прямѣе. Билеты или тикеты (tickets) на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ продаются въ Америкѣ на вокзалахъ, въ конторахъ (offices), расположенныхъ по разнымъ пунктамъ города, и во всѣхъ первоклассныхъ гостиницахъ, причемъ они, какъ я однажды уже говорилъ, дѣйствительны въ теченіе тридцати дней. Пассажирская плата публикуется въ газетахъ и въ листкахъ желѣзныхъ дорогъ только тамъ, гдѣ рельсовый путь не имѣетъ конкурентовъ, но какъ только появляются къ какому нибудь пункту вторая или третья пара рельсъ, какъ наприм. между Нью-Йоркомъ и городами у большихъ рѣкъ и озеръ, то начинается колебаніе цѣнъ, и пониженіе тарифа бываетъ иногда такъ значительно, что врядъ-ли такія компаніи не несутъ убытка; такого minimum'а пассажирская плата достигаетъ особенно при открытіи выставокъ въ штатахъ, въ лѣтніе загородные, праздничные поѣзды и. т. п......

Я оставилъ Нью-Йоркъ въ половинѣ іюля (1870 г.), въ одинъ изъ тѣхъ жаркихъ дней, когда термометръ Фаренгейта переходитъ за черту ста градусовъ и въ газетахъ появляются свѣдѣнія о жертвахъ солнечнаго удара, число которыхъ въ Нью-Йоркѣ доходитъ до 50-ти въ сутки. Въ вагонѣ почти всѣ

пассажиры были въ соломенныхъ шляпахъ или панама, съ легкими китайскими вѣерами, а нѣкоторые, усаживаясь, снимали съ себя сюртуки и даже жилеты, что̀, впрочемъ, не вызывало ложной стыдливости со стороны американокъ; въ подобныхъ случаяхъ онѣ снисходительнѣе европейцевъ и трезвѣе отдѣляютъ невѣжество отъ необходимости. Какъ только тронулся поѣздъ, въ вагонахъ началось обычное движеніе: пошли въ ходъ газеты, брошюры, книги, съѣстные припасы, фрукты, коробки съ сюрпризами, пакеты съ предсказаніями; тутъ же переходила отъ одного пассажира къ другому молоденькая лэди — агентъ общества страхованія багажа, жизни, отъ увѣчій и т. п. Наблюдая за этою операціею, я не замѣтилъ лицъ, нежелающихъ застраховываться отъ разныхъ случайностей, и понялъ причину этого не прежде, какъ очередь дошла до меня. Агентша компаніи „Railway Passengers Assurance C⁰ of Hartford“ выдала мнѣ страховой билетъ на право полученія 3,000 долларовъ въ случаѣ увѣчья, могущаго лишить возможности работать, и предложила уплатить преміи всего 40 центовъ или 60 коп. сереб. Припомнилась мнѣ высокая премія и сложность процедуры подобныхъ операцій у насъ; естественнымъ казалось несочувствіе нашего общества къ поддержкѣ такихъ предпріятій. Впослѣдствіи я узналъ, что упомянутая компанія дѣйствуетъ уже давно, всегда исправно исполняетъ свои обязательства и даетъ хорошій дивидендъ акціонерамъ, что̀ много говоритъ въ пользу постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и о строгомъ исполненіи своихъ обязанностей завѣдывающими и управляющими поѣздами. Скоро агентша и разносчики перешли въ слѣдующіе вагоны. Жара была невыносимая, несмотря на вѣеры. Сосѣдъ мой, повидимому, особенно сильно страдалъ отъ нея; положеніе своего тѣла онъ мѣнялъ безпрерывно: то стремительно хваталъ мой вѣеръ, какъ только находилъ его свободнымъ; то бѣгалъ въ сосѣднюю съ вагономъ комнату напиться воды со льдомъ. Томительное состояніе вогнало его въ страшную скуку; онъ прочелъ свою газету, изорвалъ ее, схватилъ мою русскую книгу, внимательно осмотрѣлъ ее; но, неудовлетворенный шрифтомъ, скоро положилъ обратно. Все путешествіе отъ Нью-Йорка до Чикаго прошло спокойно, безъ приключеній; скорость ѣзды колебалась отъ 45 до 60 верстъ въ часъ — норма, обычная въ Америкѣ, непугающая ни публику, ни акціонеровъ. Открывавшіеся виды и пейзажи оживляли насъ отъ томленія и усталости. Зеленыя поля, свѣтлые ручейки съ тѣнистыми деревьями—бѣлою елью, свѣтло-зеленымъ дубомъ, акаціями — хорошенькіе фермерскіе домики, смѣнялись густымъ

лѣсомъ, красивою рѣкою, фабричными зданіями, и опять равнины, рощи, фермы, ручейки... Всюду богатая природа и неутомимая дѣятельность. На другой день поѣздъ былъ уже въ знаменитомъ Чикаго, главной станціи между двумя океанами: Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско. Всякій, побывавшій въ этомъ городѣ хоть сутки, обязанъ сказать о немъ свою лепту, несмотря на все, что̀ о немъ такъ часто повторялось въ печати. Расположенный при рѣкѣ и озерѣ (Мичиганѣ), эта могучая центральная столица Соединенныхъ Штатовъ — одинъ изъ самыхъ юныхъ городовъ Америки. Въ 1830 году Чикаго имѣлъ десятка полтора домовъ съ сотнею обитателей, занимавшихся мѣховою торговлею, подъ прикрытіемъ небольшаго военнаго форта Дирборна (Dearborn). Рѣка, каналъ, озеро, его изгибъ—готовый портъ для судовъ—и другія мѣстныя удобства были такъ очевидны, что быстрый и усиленный приливъ сюда эмигрантовъ — явленіе понятное. Земля, гдѣ стоитъ Чикаго и его окрестности, принадлежала индѣйскому племени Pottawatomics. Блѣднолицые тотчасъ же вступили съ ними въ сдѣлку, и въ 1834 году были уже тамъ хозяевами; краснокожіе откочевали далѣе къ западу съ десятками телегъ, нагруженныхъ товарами, полученными ими за уступку земли. Съ этого года началась въ этой мѣстности дѣятельность поразительная; приращеніе народонаселенія и торговое развитіе стало принимать здѣсь такіе колоссальные размѣры, какихъ не представляютъ намъ примѣры ни одинъ изъ городовъ древняго и современнаго міра. Въ 1843 году насчитывали въ Чикаго — 7,560 жителей, въ 1850 — 28,269, въ 1860—109,263, а въ 1870—348,709. Ростъ этого города начался съ хлѣбной торговли. Первое судно, пришедшее въ Чикаго въ 1838 году, привезло 78 бушелей (bushels) [1] пшеницы, а въ послѣднее время къ этой цифрѣ прибавляются уже милліоны. Въ 1870 году привезено въ Чикаго до 70.000,000 бушелей зерна, для пересыпки котораго на суда и обратно въ магазины работаютъ на набережной 70 подъемныхъ паровыхъ машинъ. Одновременно съ хлѣбною торговлею начала развиваться лѣсная, которая отпускала этотъ матеріалъ въ ближайшіе и дальные штаты, не только бревнами и простыми досками, но въ видѣ готовыхъ церквей, школъ, фермерскихъ домовъ, разобранныхъ и занумерованныхъ. Установивши прочно лѣсное дѣло, энергическіе жители принялись за торговлю мясомъ и устроили у себя бойню на 20,000 головъ рогатаго скота, такого же количества барановъ и, кромѣ того, залы для 75,000 свиней,

[1] Бушель=1 1/36 частей четверика.

издержавъ на этотъ предметъ до 3½ милліоновъ рублей. Эти три коллосальныя спеціальности не мѣшаютъ жителямъ Чикаго предаваться и громадной мануфактурной дѣятельности. Этотъ бѣглый очеркъ показываетъ, до какихъ изумительныхъ результатовъ доводитъ человѣка избытокъ энергіи и силы воли при полной свободѣ дѣйствій. Обозрѣвая городъ, я прошелъ его тоннель (подъ судоходною рѣкою), устроенный для болѣе быстраго и удобнаго сообщенія съ частью города, раздѣленнаго водою, и выкупался въ холодной водѣ Мичигана. На 64-хъ-футовой глубинѣ этого озера уложены трубы для снабженія города чистою водою; водопроводъ этотъ построенъ въ 1866 году и обошелся въ полтора милліона рублей сер. О характеристикѣ домовъ, улицъ и вообще о движеніи въ Чикаго, я не имѣю прибавить сюда ничего новаго за кратковременностью моего тамъ пребыванія. Черезъ два дня, я выѣхалъ далѣе, но образъ этого юнаго гиганта трудно забыть... Чикаго сильнѣе всего убѣдитъ въ справедливости выраженія янки, что «*невозможно*» — не американское слово... Отъ Чикаго до Сенъ-Луиса 280 миль. На билетѣ моемъ былъ штемпель „Chicago, Alton and St.-Louis Rail Rood", компаніи, славящейся особеннымъ комфортомъ своихъ вагоновъ; на заголовкѣ врученной мнѣ (конечно, безплатно) картѣ желѣзныхъ дорогъ этой компаніи, стояли слѣдующія слова: «быстрота, безопасность и комфортъ; спальные и *обѣденные* вагоны; 30 миль въ часъ». Билетъ до Сенъ-Луиса стоилъ, вмѣстѣ съ спальнымъ вагономъ — 14 дол. 25 центовъ; нельзя не отдать справедливости замѣчательно-изящному и комфортабельному устройству вагоновъ, какъ днемъ, такъ и ночью, когда роскошные, уютные диваны и плафонныя украшенія быстро обращаются въ широкія постели съ тюфяками, подушками, чистѣйшими простынями, шерстяными одѣялами, гардинами и т. п... У города Альтоны открылась передъ нами величественная Миссисипи, по которой быстро шли пароходы, то мрачные и неуклюжіе — товарные, то замѣчательно красивые, многоэтажные — пассажирскіе. Глядя на жизнь по Миссисипи, не удивляешься словомъ Джона Дреппера, который говоритъ: «Миссиссипи, съ своими громадными притоками, затмѣваетъ своимъ величіемъ знаменитый египетскій Нилъ; долина этой рѣки, окруженная поясомъ великолѣпныхъ, разнообразныхъ штатовъ, менѣе, чѣмъ въ три поколѣнія, сдѣлается центромъ человѣческаго могущества». Быстро проѣхали мы послѣдніе десятки миль и въ полдень уже проѣзжали чрезъ Миссисипи на громадномъ Ферри — ботѣ, который помѣстилъ у себя не только всѣхъ пассажировъ нашего поѣзда, но и десятка два подъѣхавшихъ

*

къ этому времени телегъ съ грузомъ. На противоположномъ берегу я сѣлъ въ общественный дилижансъ (мѣсто—50 центовъ) и чрезъ $1/2$ часа остановился у квартиры гг. Бруковъ (въ Cass Avenue № 1,425), о которыхъ я говорилъ въ предъидущемъ письмѣ.

Жену Брука я засталъ у печки, на которой, кромѣ кострюль, стоялъ и американскій бойлеръ, аппаратъ для быстрой и экономной стирки бѣлья; хозяйка поспѣшила на фабрику сообщить мужу о моемъ пріѣздѣ, и черезъ часъ мы уже весело разговаривали за чайнымъ столомъ, втроемъ. Всматриваясь въ фигуру Брука, я убѣдился, что два года рабочей жизни въ новомъ свѣтѣ уже сильно отразились въ немъ: слѣды тяжелаго труда и частыхъ лишеній отпечатались бороздами на молодомъ лицѣ, серьёзность и сосредоточенность котораго и безъ того уже имѣла суровый оттѣнокъ. Подруга его почти не измѣнилась: та же живая, добрая, веселая, расторопная; она не знала, гдѣ усадить, чѣмъ накормить своего гостя.

На слѣдующій день утромъ, Брукъ познакомилъ меня съ Сенъ-Луисомъ, извѣстномъ ему вдоль и поперегъ. Начало этого города, названнаго въ честь французскаго короля Людовика XV, относится къ 1764 году. Въ это время и послѣдующее до 1804 года въ Сенъ-Луисѣ производилась преимущественно мѣховая торговля и число жителей колебалось между 1,000 и 2,500 человѣкъ. Въ 1820 году народонаселеніе не превышало еще 5,000 чел., въ 1840 возрасло до 16,469, въ 1850—77,860, въ 1860—160,773, а въ наше десятилѣтіе эта цифра перешла уже 310,000, въ томъ числѣ на $1/3$ нѣмцевъ. Въ настоящее время, Сенъ-Луисъ одинъ изъ серьёзнѣйшихъ торговыхъ и коммерческихъ городовъ верхней и средней долины Миссисипи, и ростетъ почти съ такою же быстротою, какъ и Чикаго. Фабрики и заводы Сенъ-Луиса преимущественно желѣзныя, свинцовыя, изготовленія машинъ, сахаро-рафинадныя, пивоваренныя, свинаго производства и др. Улицы города широки, правильно распланированы. Мѣсто гуляній — Lafayette Square; публичныя зданія, отличающіяся изящною внѣшнею отдѣлкою — the City Hall (городская дума), the Custom-House (таможня) и the Court-House (присутственныя мѣста съ залою для публичныхъ собраній). Постройка послѣдняго обошлась въ два милліона рублей; стиль его напоминаетъ Капитолій Вашингтона. Во время нашей экскурсіи по городу, мы неожиданно услышали за собою дѣтскіе голоса: „White shirt, white shirt“ (то-есть, бѣлая рубаха...). Я оглянулся, и увидѣлъ трехъ мальчиковъ, указывающихъ на костюмъ Брука и припѣвающихъ означенныя слова. Выходку

эту Брукъ разъяснилъ мнѣ такъ: мальчишки эти—дѣти моихъ товарищей по фабрикѣ, труба которой виднѣется отсюда. Такъ-какъ здѣсь въ эти часы каждый непремѣнно работаетъ, то встрѣтивъ меня въ будній день не въ рабочей курткѣ, а въ черномъ сюртукѣ и бѣлой рубахѣ, они поражены такой аномаліей, и воспѣли ее при насъ, а дома сообщатъ семьѣ своей. Этотъ уличный эпизодъ перенесъ насъ къ воспоминаніямъ о европейскихъ нравахъ и обычаяхъ въ подобныхъ случаяхъ. Всѣ имѣющіе у насъ возможность ничего не дѣлать, жуировать на проценты съ капитала (по бо̀льшей части неблагопріобрѣтеннаго), возбуждаютъ въ окружающихъ не удивленіе, а почетъ, не саркастическую, а льстивую, сладкую улыбку. Въ Америкѣ нѣтъ типовъ праздныхъ людей, живущихъ только для своего собственнаго удовольствія. „Travaillons, travaillons mes frères, car le travail est la libérté"—основный, неизмѣнный принципъ ихъ жизни. Разбогатѣетъ ли янки, онъ не дѣлается тунеядцемъ, и если покончилъ свое дѣло, то въ большинствѣ случаевъ употребляетъ добытые капиталы на благотворительныя и общественныя дѣла и зорко слѣдитъ за употребленіемъ ихъ согласно назначенію. Наряду съ Куперомъ, Корнеліемъ, Асторомъ, Пибоди и другими, милліоны долларовъ которыхъ пошли на общественное образованіе, стоятъ множество лицъ во всѣхъ штатахъ, жертвовавшихъ на означенныя дѣла десятки, даже сотни тысячъ рублей, пріобрѣтенныхъ тяжелымъ, продолжительнымъ трудомъ...

Послѣ обзора города, мы возвратились къ 3 часамъ домой, гдѣ любезная хозяйка приготовила намъ малороссійскій борщъ, кусокъ хорошаго мяса и связку банановъ. «Еслибы я открыла здѣсь кухмистерскую, какъ когда-то въ К—вѣ»—говорила жена Брука—«то имѣла бы большой запросъ на русскій борщъ и щи; янки ихъ ѣдали у насъ съ большимъ аппетитомъ». На свое матеріальное положеніе Бруки не жаловались, если взять въ соображеніе ихъ мизерныя требованія. «Работа моя тяжела, но хозяинъ хорошъ, не чета тому фермеру, который такъ много испортилъ у меня крови. Мѣсто мое прочное, жена тоже имѣетъ постоянную работу, а при такихъ условіяхъ возможно и маленькое сбереженіе; заведемъ и мы свое дѣло, избавимся отъ работы на другихъ, отъ непрерывной зависимости и надзора»...

Около 11 часовъ вечера, я простился съ гостепріимною хозяйкою и вмѣстѣ съ Брукомъ отправился въ вокзалъ желѣзной дороги. Мой дальнѣйшій путь былъ на Канзасъ, лежащій въ 283 миляхъ отъ Сенъ-Луиса. Уплативъ за мѣсто 20 долларовъ, почти на 40% дороже, чѣмъ за то же разстояніе между Чикаго

и Сенъ-Луисомъ (отсутствіе конкуренціи), я сѣлъ въ спальный вагонъ и здѣсь простился съ Бруками, пожелавъ имъ поскорѣе усѣсться на *своемъ* участкѣ земли.

Отъ Сенъ-Луиса идетъ уже канзаская пассификская линія желѣзной дороги, которая у Чеенны (Cheenne) соединяется съ союзною пассификскою (Union Pacific) и далѣе идетъ уже въ одинъ путь къ Salt Lake, то-есть къ Соленому озеру — владѣніямъ мормоновъ. Выйдя рано утромъ на балконъ послѣдняго вагона, я нашелъ уже тамъ нѣсколько любителей подышать утреннимъ воздухомъ, въ виду новой мѣстности. Поѣздъ шелъ, то черезъ лѣса почтенныхъ дубовъ, вязей, липы, чернаго орѣха и т. п., то равниною, засѣянною кукурузою, высота и густота которой прикрыла бы любую лошадь съ всадникомъ. Послѣ полудня мы стали выѣзжать въ нижнюю часть Канзаса, откуда въ небольшой компаніи дошли пѣшкомъ до верхняго города — лучшей его части. Канзасъ—одинъ изъ новыхъ городовъ запада и имѣетъ около 10,000 жителей. Какъ одна изъ главныхъ станцій пассификской желѣзной дороги, онъ тоже разсчитываетъ, въ недалекомъ будущемъ, играть видную роль. Въ тотъ же день я поѣхалъ далѣе къ городку Колумбусъ (Columbus). Поѣздъ шелъ здѣсь съ скоростью значительно меньшею, по пустынной мѣстности чрезъ лѣса и болота, поросшія высокимъ камышомъ. Вся прислуга въ вагонахъ была цвѣтная—негры и креолы, которые очень услужливы, впрочемъ, не безкорыстно; здѣсь, впервые на американскомъ материкѣ, пришлось давать на виски (родъ водки). Чрезъ нѣсколько часовъ мы были у вокзала крошечнаго городка Columbus, и какъ далѣе мнѣ предстоялъ уже не рельсовый путь, то я перешелъ въ ближайшую гостинницу для найма экипажа до города Майнерсвиля и Reunion Comunity. Пока любезный хозяинъ гостинницы хлопоталъ о лошадяхъ и телегѣ, я успѣлъ обѣжать весь городъ и пріобрѣлъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія: Columbus существуетъ всего второй годъ, имѣетъ 700 жителей, церковь, двѣ школы, общественный банкъ, 2 гостинницы, магазины, преимущественно земледѣльческихъ орудій и т. п. Въ юный городъ постоянно прибываютъ новыя силы, и, вѣроятно, онъ скоро сравнится съ городомъ того же имени штата Огайо. Возвратясь въ гостинницу, я засталъ у подъѣзда телегу, и часа черезъ два прибылъ въ Майнерсвиль, откуда на возвышенномъ полѣ, по указанію мѣстнаго доктора француза Лафайэта, я увидѣлъ небольшой деревянный домъ... Въ немъ помѣщалась братская община Лонглея; въ числѣ ихъ и наши земляки Фрей съ женой. Знакомый голосъ радостно привѣтствовалъ меня у

входа въ домъ. Это была жена Фрея въ сѣренькомъ рабочемъ платьѣ manche courte, съ американской шваброй въ рукахъ. Послѣ первой минуты свиданія, я сталъ всматриваться въ эту энергическую женщину, отыскивая видимые слѣды тяжелой, трудовой жизни, перенесенныхъ лишеній; напрасно,—общее состояніе здоровья было много лучше прежняго, а въ выраженіи лица ни тѣни сожалѣнія о прошломъ, полное довольство своимъ положеніемъ среди любимой семьи, двухъ, трехъ добрыхъ друзей и скромной, даже бѣдной матеріальной обстановки. Въ этотъ день она была дежурная по дому (день двойной, усиленной работы). Мы вошли въ большую комнату, такъ-называемую Sitting-Room (или комната бесѣдъ), служащую и мѣстомъ игръ для дѣтей, и теперь я увидѣлъ въ ней группу дѣтей, изъ числа которыхъ одинъ здоровенькій ребенокъ тотчасъ же подбѣжалъ къ г-жѣ Фрей, а съ нею и ко мнѣ. Это была ея дочь, возникающая американочка, родившаяся два года назадъ въ Сенъ-Луисѣ. За Sitting-Room мнѣ показали кухню, гдѣ я былъ представленъ женѣ президента общины M-rs Лонглей, готовившей ужинъ для ожидаемыхъ съ поля работниковъ—членовъ общины. До прихода г. Фрея я успѣлъ подробно осмотрѣть ихъ резиденцію. Домъ былъ деревянный, въ два этажа, считая помѣщеніе подъ крышею. Внизу, какъ я сказалъ, Sitting-Room и шесть комнатъ, раздѣленныхъ между собою широкими клѣтками, заклеенными толстой бумагой; наверху двѣ большихъ комнаты; въ двухъ шагахъ отъ дома кухня (она же и кладовая); въ сторонѣ холмикъ — погребокъ для молочныхъ скоповъ и овощей... Мебель только крайне необходимая, доморощенная, незатѣйливая. Инымъ убранствомъ отличалась только одна изъ комнатъ—верхняго этажа. Здѣсь стояли двухспальная кровать, 2 сундука съ книгами, ручной печатный станокъ, небольшой некрашеный столъ, а вмѣсто стульевъ — бочонокъ съ доской и два ящика, изъ которыхъ одинъ имѣлъ форму гроба; въ первомъ былъ складъ типографскихъ принадлежностей, а во второмъ — сохранялся художественной работы манекенъ человѣка — неразлучный товарищъ одного изъ членовъ общины—доктора Бригса. Это была его комната, она же служила библіотекою и ночлегомъ для заѣзжавшихъ въ общину гостей. Кончая осмотръ дома, я увидѣлъ изъ окна приближающуюся группу работниковъ, и вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Послѣ горячаго привѣтствія, Фрей представилъ меня президенту общины Лонглею, доктору Бригсу и остальнымъ. Войдя въ домъ, всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, для обычнаго, послѣ работъ, омовенія рукъ и лица, а черезъ полчаса стали сходить-

ся въ кухню для подкрѣпленія силъ скромнымъ, овощнымъ ужиномъ (бобы, огурцы, картофель) и чаемъ. Послѣ трапезы, мы, русскіе, вышли походить по недавно-разведенному саду и скоро присѣли бесѣдовать у колодца. Ночь была тихая, безоблачная, ничто не мѣшало предаваться воспоминаніямъ о далекой родинѣ, о прошлой жизни, разсказамъ о настоящей, предположеніямъ о будущей — на дальнемъ западѣ новаго свѣта. Въ самый разгаръ бесѣды подошелъ президентъ къ нашей кучкѣ для передачи Фрею какихъ-то распоряженій на счетъ домашняго скота, но тотчасъ удалился... Въ полночь мы разошлись, такъ-какъ въ 5 часовъ утра начинались уже въ общинѣ работы. Я отправился наверхъ, гдѣ провелъ ночь съ докторомъ Бригсомъ, подъ однимъ одѣяломъ, которое онъ всю ночь невольно оттягивалъ въ свою сторону; должно быть, кровообращеніе 60-тилѣтняго старика приближалось къ температурѣ товарища его—манекена.

На другой день, съ восходомъ солнца, ночлежный товарищъ мой былъ уже на ногахъ, и торопливо вышелъ для исполненія лежащихъ на немъ хозяйственныхъ работъ. Въ 7 часовъ утра я засталъ внизу только двухъ дежурныхъ женщинъ и дѣтей; всѣ мужчины уже работали въ полѣ и на огородѣ. Образъ жизни членовъ общины былъ въ это время слѣдующій: вставали въ 5 часовъ утра; въ 6 завтракъ, послѣ котораго начиналась работа; въ 12—обѣдъ, черезъ часъ опять работа до 6 часовъ вечера; въ $6^1/_2$ — ужинъ, послѣ котораго каждый занимался своимъ личнымъ дѣломъ: письмами, чтеніемъ и составленіемъ статей для газеты и т. п. Вечера субботы и воскресенья посвящались обсужденію дѣлъ общины. Это былъ родъ домашнихъ митинговъ, въ которомъ, съ правомъ голоса, принимали участіе и женщины; дѣла рѣшались по большинству голосовъ. Субботній назывался business meeting (дѣловой митингъ), такъ-какъ на немъ сводились итоги сдѣланнаго за пройденную недѣлю и дѣлалось распредѣленіе работъ и другія хозяйственныя распоряженія на предстоящую недѣлю. Въ воскресные митинги разсматривались дѣла, касающіяся внутренней жизни общины, причемъ пускался въ ходъ тотъ «свободный критицизмъ» дѣйствій каждаго изъ членовъ, о которомъ я упоминалъ выше. Во время пребыванія моего въ общинѣ, на г. Фрея была возложена забота объ устройствѣ сада и уходъ за огородомъ, а жена его завѣдывала присмотромъ за дѣтьми, швейнымъ дѣломъ и разъ въ недѣлю участвовала въ уборкѣ комнатъ и стиркѣ бѣлья.

Матеріальное положеніе братства было въ это время крайне

скудно. Бо́льшая часть зарабатываемыхъ и поступавшихъ въ общину денегъ откладывалась на уплату лежащаго на ней долга за землю, такъ что на удовлетвореніе насущныхъ потребностей оставалось очень мало. Столъ состоялъ только изъ растительной пищи: картофель, горохъ, бобы, огурцы, дыни, кукуруза; молоко и пшеничный хлѣбъ назначались почти исключительно для дѣтей, а взрослые ѣли лепешки изъ кукурузной муки и питательный, но трудноваримый хлѣбъ съ отрубями (Bran bread); за то воды и воздуха было вдоволь, и притомъ, отмѣннаго качества... Изъ 160 акровъ (акръ=1/3 десятины) принадлежащей общинѣ земли посѣвы были сдѣланы только на 50. По количеству засѣяннаго зерна первое мѣсто принадлежало растенію broom corn, сѣмена котораго и стволъ, идущій на метлы, имѣютъ въ этой мѣстности хорошій и постоянный сбытъ; далѣе sweet-corn—сладкая небольшая кукуруза (маисъ)—главная пища для людей и corn—крупная кукуруза—для свиней, лошадей и муловъ; sorghum—растеніе, изъ котораго извлекаютъ малласесъ, родъ патоки, употребляемый вмѣсто сахара съ кофе и чаемъ. На огородѣ былъ картофель обыкновенный и такъ-называемый sweet potatoes (сладкій), чрезвычайно вкусный и деликатный; tomato — помедоры (американцы, обыкновенно, ѣдятъ ихъ сырыми съ приправою перца), огурцы, арбузы и дыни, а въ недавно-разведенномъ саду росли молодыя абрикосовыя и яблочныя деревья и достаточно кустовъ винограда. Живность состояла изъ пары воловъ, четырехъ коровъ, четырехъ лошадей и двухъ муловъ и около 200 куръ. Община состояла въ мою бытность изъ 15 взрослыхъ и 10 дѣтей. Изъ членовъ общины замѣтно выдѣлялись основатель ея, Алкандеръ Лонглей (Longley) и докторъ Бригсъ; они пользовались въ своей средѣ особеннымъ уваженіемъ, а на митингахъ общины ихъ мнѣніе рѣдко встрѣчало оппонентовъ; чувствовалась какъ бы сила авторитетовъ, чему, конечно, не мало способствовали ихъ тактъ, умъ, опытность и вѣрный, свѣтлый взглядъ на вещи. Неутомимо работая всю недѣлю, члены общины посвящали свой воскресный досугъ чтенію, а представители интеллигенціи (Лонглей, Бригсъ, Фрей и др.) составляли статьи и печатали ихъ повременамъ въ издаваемыхъ ими сборникахъ „Reunion or the true family", продажа котораго составляла одинъ изъ доходовъ общины. Въ эти же дни почтенный докторъ Бригсъ раскрывалъ свой прекрасный манекенъ (стоившій 700 долларовъ) и объяснялъ желающимъ составъ и строеніе тѣла, систему мускуловъ, и т. д., словомъ, читалъ почти полныя наглядныя лекціи анатоміи...

Казалось, что при такомъ устройствѣ внутренней жизни, эта небольшая община на границѣ штатовъ Миссури и Канзаса должна бы была разростись, окрѣпнуть и не бояться никакихъ жизненныхъ невзгодъ. Такъ думалъ основатель ея Лонглей; ему казалось, что свѣтлое и прочное будущее его дѣла недалеко... Случилось иное: послѣ двухлѣтней геройской борьбы съ лишеніями и неудачами, когда главныя мытарства были уже пройдены, совершился въ этой общинѣ печальный кризисъ; раздѣленіе ея на два противоположные лагеря, покончившееся погибелью всего предпріятія. Виновникомъ этой печальной катастрофы былъ нѣкто мистеръ Сполдингъ, одинъ изъ позднѣйшихъ членовъ общины, заявившій свое властолюбіе и безпокойный нравъ на первыхъ же порахъ. На воскресныхъ митингахъ общины, m-r Spolding началъ выражать разныя требованія, необходимыя для улучшенія быта членовъ, исполненія которыхъ были невозможны при тогдашнемъ экономическомъ положеніи общины и лежащемъ на ней долгѣ за землю. Желая привлечь на свою сторону большинство и вѣрно разсчитывая на слабѣйшую струну человѣческой природы, Сполдингъ начинаетъ проповѣдывать между членами общины принципъ Онеидской коммуны, то-есть «свободной любви» (free lover). На одномъ изъ митинговъ, этотъ принципъ предлагается имъ на обсужденіе и принимается большинствомъ голосовъ. Такой исходъ дѣла былъ вполнѣ неожиданнымъ для Лонглея и его истинныхъ друзей; это меньшинство, вѣрное однажды уже принятымъ принципамъ общины, тотчасъ же отдѣлилось, отказавшись отъ всякой солидарности съ фрилёверами. Мистеръ Сполдингъ только этого и ожидалъ, и съ этого времени началъ систематически подкапываться подъ Лонглея и его послѣдователей, разсчитывая или самому быть «первымъ—по своему», или, если неудастся, то довести общину до полнаго паденія.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

Послѣдствія раздора.—Взаимныя отношенія обѣихъ партій.—Негодованіе сосѣдей-фермеровъ на фрилёверовъ и преслѣдованіе ихъ главы. — Продѣлки бывшаго владѣльца земли.— Ликвидація дѣлъ общины и ея распаденіе.— Выѣздъ Лонглея въ С.-Луисъ, а остальныхъ членовъ его кружка на сѣверъ Канзаса земли переселенцевъ.— Покупка земли въ районѣ «Оседжей».—Переселеніе.—Сосѣди.—Фибсъ.—Теперешняя жизнь земляковъ на новыхъ мѣстахъ.

Я прогостилъ въ общинѣ Лонглея около недѣли. Выѣзжая оттуда съ хорошими впечатлѣніями, трудно было предвидѣть, что

чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, эта молодая колонія, полная жизни, обратится въ разоренное гнѣздо. Вотъ какъ случилось это дѣло, погубившее партію фрилёверовъ, а также и дѣло Лонглея.

Какъ только на бывшемъ чрезвычайномъ митингѣ большинство членовъ стало на сторону Сполдинга, то послѣдній объявилъ полное отдѣленіе своей партіи отъ лонглеевской и потребовалъ оцѣнки всего имущества общины и раздѣленія его между обѣими партіями; такимъ маневромъ онъ разсчитывалъ запутать дѣла общины и добиться уступки правъ на землю въ пользу своей партіи. На этотъ разъ Сполдингъ не имѣлъ успѣха. Ликвидація дѣлъ показала, что уплата большей части долга за землю (400 долларовъ) произведена была взносами членовъ меньшинства. Послѣ этой неудачи фрилёверы жадно накинулись на сдѣланные посѣвы, скотъ и все остальное движимое имущество общины и здѣсь, по праву большинства, получили себѣ львиную часть. Обративъ все, что̀ было возможно, въ доллары, Сполдингъ снарядилъ экспедицію для пріиска новаго мѣста поселенія.

Раздоры эти, возникшіе въ мирномъ уголку Лонглеевой общины, не могли остаться тайной для сосѣдей фермеровъ, всегда зорко слѣдящихъ за всѣмъ, что̀ творится около да вокругъ. Большинство ихъ были переселенцы Германіи. Строгіе хранители семейнаго начала, домашняго очага, они были возмущены вѣстью о возникающемъ въ ихъ районѣ преступнаго общества «свободной любви», и рѣшили принять крутыя мѣры къ истребленію зла въ зародышѣ. Успокоенные на время выѣздомъ фрилёверовъ для пріиска себѣ новаго поселенія, фермеры зашумѣли вновь, какъ только узнали о ихъ возвращеніи, послѣ неудачной попытки. Дѣйствительно, удобнаго для нихъ мѣста не нашлось, а деньги были израсходованы. Находясь въ такомъ критическомъ положеніи, фрилёверы обращаются съ просьбой о займѣ хлѣба до осени—къ фермерамъ, но получаютъ въ отвѣтъ: «мы любимъ, когда все идетъ честнымъ путемъ и хорошо заведеннымъ порядкомъ, и тогда помогаемъ, а фрилёверамъ хлѣба не дадимъ». Фермеры не ограничились этимъ суровымъ отказомъ. Опасаясь, что фрилёверы останутся съ ними надолго, сосѣди рѣшились примѣнить къ Сполдингу особеннаго рода самосудъ, который до сихъ поръ въ ходу на дальнемъ западѣ и вообще въ новыхъ поселеніяхъ, отдаленныхъ отъ центровъ цивилизаціи. Не имѣя подъ рукой правительственной защиты, подобные поселенія и города, для огражденія посягательства на свои принципы, жизнь и имущество, формируютъ родъ «наблюдательнаго комитета», который зорко слѣдитъ за всѣми лицами, живущими

въ ихъ округѣ, и съ попавшимися на ихъ удочку расправляются очень жестоко. Въ смыслѣ нравственной пытки такъ-называемая мобилизація не уступитъ закону Линча, примѣненіе котораго на дальнемъ западѣ и югѣ сѣверной Америки далеко не рѣдкость. Въ теченіе іюля 1870 года, помнится, я прочелъ о трехъ случаяхъ кары Линча въ одномъ только штатѣ (Миссури). Приведу ихъ изъ любопытства: 15-го іюля на улицѣ города Ashley была убита своимъ женихомъ M-ss Summers за отказъ отъ замужества, имѣвшій своимъ основаніемъ крайне дурное поведеніе жениха m-r Ambrase Coe. Въ тотъ же часъ убійца уже висѣлъ на сосѣднемъ деревѣ въ виду своей жертвы. Въ томъ же мѣсяцѣ были повѣшены два извѣстныхъ вора, m-r Lucal и John James, пойманные на мѣстѣ преступленія. Этотъ жестокій народный судъ примѣняется только при безусловной очевидности преступленія и всѣми признается единственнымъ радикальнымъ средствомъ для охраненія порядка и безопасности въ мѣстахъ малонаселенныхъ.

Къ мистеру Сполдингу сосѣди-фермеры хотѣли примѣнить не законъ Линча, а вторую упомянутую мною мѣру; они порѣшили схватить его ночью, вымазать смолою, обкатать въ перья и въ такомъ видѣ публично выгнать его за предѣлы ихъ владѣній. Эта суровая экзекуція не состоялась, такъ-какъ въ назначенную для ея исполненія ночь Сполдингъ, провѣдавъ объ этомъ, бѣжалъ; замѣнить его, въ виду такой перспективы, охотниковъ не оказалось, и фрилёверы, не имѣя пастыря, скоро разсѣялись неизвѣстно куда. Послѣ ихъ выѣзда, основатель общины Лонглей и его послѣдователи сохранили за собою ферму, $^1/_3$ жатвы, пару лошадей и одну корову; но пріобрѣтая право на землю, имъ предстояло уплатить бывшему владѣльцу 700 долларовъ и до 200 долларовъ другихъ лежавшихъ на общинѣ долговъ.

О жизни нашихъ земляковъ послѣ выѣзда фрилёверовъ я буду говорить словами Фрея, цитируя одно изъ его прошлогоднихъ писемъ: «наше положеніе было одно изъ самыхъ отчаянныхъ. Если прежде, при 15 взрослыхъ людяхъ съ двумя парами лошадей, шестью головами рогатаго скота, косильной машиной и проч., мы имѣли полную возможность заработать сумму, необходимую для уплаты долга за землю, то теперь мы не могли и думать о возможности своимъ трудомъ выработать 700 долларовъ въ такое короткое время (срокъ уплаты былъ въ декабрѣ 1870 года). Мы взяли на себя обязательство только потому, что сильно надѣялись на добродушіе и хорошія къ намъ отношенія Митчеля (хозяина земли), разсчитывая, что онъ согласит-

ся на отсрочку платежа и дастъ намъ время оправиться. Скоро мы разочаровались въ этомъ предположеніи. Митчель какъ коршунъ ожидалъ только случая взять землю назадъ и рѣшился воспользоваться нашимъ затруднительнымъ положеніемъ, чтобы сдѣлать себѣ деньги (to make money — какъ говорятъ американцы). Полушутя, полусерьёзно онъ отказался дать намъ отсрочку и объявилъ, что когда наступитъ срокъ платежа, онъ предъявитъ нашъ вексель ко взысканію и тогда нашу ферму продадутъ съ публичнаго торга. Мы видѣли, что онъ легально правъ и поневолѣ согласились на предложеніе продать ему землю частнымъ путемъ, безъ посредства суда и аукціонной продажи. Мы начали торговаться, желая получить хоть сколько-нибудь подходящее вознагражденіе за наши труды и улучшенія по землѣ, но Митчель, имѣя вексель въ рукахъ, зналъ, что онъ сильнѣе насъ, и торгуясь, безпрерывно мѣняя свои условія, дотянулъ время до тѣхъ поръ, пока не наступилъ срокъ уплаты. Тогда онъ перемѣняетъ свой тонъ и требуетъ отъ насъ согласія на свои условія, грозя иначе предъявить вексель въ судъ. Мы должны были согласиться на все и отдали ему наше добро и потраченный трудъ за самое ничтожное вознагражденіе...».

Глубоко пораженный неудачею, Лонглей возвратился въ городъ С.-Луисъ къ своимъ прежнимъ должностямъ—наборщика и сотрудника въ одной изъ лучшихъ газетъ «The St.-Louis Dispatch». Братски разставшись съ семействомъ Лонглея, наши земляки и докторъ Бригсъ рѣшились переѣхать куда-нибудь далѣе на западъ, начать снова фермерскую жизнь.

«Наученные горькимъ опытомъ, пишетъ Фрей, мы рѣшили не приглашать въ свое общество никого до тѣхъ поръ, пока не обезпечимъ земли, т.-е. не уплатимъ за нее правительству. Конечно, потративъ всѣ свои средства на наше дѣло, посвятивъ годъ или два каторжнаго труда на то, чтобы обработать землю, сдѣлать ее годною для жизни, мы не захотимъ уже рисковать своимъ *потомъ* и *кровью* (буквально) и принимать къ себѣ, подобно Лонглею, всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ. Двери нашего дома будутъ открыты для всѣхъ желающихъ пріѣхать къ намъ и пожить съ нами, но сдѣлаться членами нашей семьи могутъ быть только избранные, послѣ долгаго и основательнаго ихъ изученія...»

Перехожу къ исторіи переселенія Фреевъ, доктора Бригса и Брука съ женою, пріѣхавшихъ къ этому времени въ общину съ желаніемъ поселиться на своемъ хозяйствѣ около Фреевъ.

6-го декабря 1870 года былъ подписанъ контрактъ съ Митчелемъ, а 7-го—докторъ Бригсъ выѣхалъ уже на западъ отыс-

кивать землю. Честный 60-тилѣтній, но еще очень крѣпкій, старикъ-американецъ Бригсъ глубоко полюбилъ нашихъ соотечественниковъ, раздѣлялъ съ ними всѣ тяжелыя минуты жизни, и своею мудрою опытностью много содѣйствовалъ улучшенію ихъ быта на дальнемъ западѣ.

Земли Соединенныхъ Штатовъ, переходящія къ переселенцамъ, раздѣляются на три категоріи: 1) Почти вся незанятая территорія называется правительственною землею, и всякій совершеннолѣтній глава семейства (мужчина и женщина — все равно) имѣютъ право выбрать для себя участокъ въ 160 акровъ (53 десятины) и поселиться на немъ *безплатно* съ однимъ только обязательствомъ: прожить тамъ 5 лѣтъ безвыѣздно (разумѣется, не считая кратковременныхъ отлучекъ мѣсяца на два въ году) и заниматься обработкой. Только послѣ пяти лѣтъ постояннаго труда, переселенецъ получаетъ купчую крѣпость на свою землю, и уже послѣ того можетъ продать свой участокъ или уѣхать куда-нибудь безъ всякаго контроля со стороны общества и сосѣдей, наблюдающихъ, чтобы между поселенцами не нашлись спекуляторы, т.-е. люди захватывающіе лучшіе мѣста съ цѣлью перепродажи ихъ другимъ. Такимъ образомъ, пятилѣтній трудъ на участкѣ дастъ поселенцу право на собственность земли. Въ этомъ заключается сущность знаменитаго закона Homestead law, по которому «каждый американецъ имѣетъ право на землю, если пожелаетъ обработывать ее». Законъ этотъ, однакоже, не сохранился во всей чистотѣ. Вслѣдствіе послѣдующихъ поправокъ, правительство разрѣшаетъ поселенцамъ покупать означенныя земли, не болѣе 160 акровъ въ однѣ руки, если хотятъ *немедленно* получить право на нее (т.-е. купчую крѣпость), причемъ цѣна за землю положена разъ навсегда одинаковая: 1 долларъ 25 центовъ за акръ (около $5^1/_2$ руб. за десятину). Вслѣдствіе этого люди съ достаткомъ могутъ брать земли, уплативши за нее 200 дол. и немедленно уступать другимъ или просто держать у себя не обработывая ее и дожидаясь, чтобы трудомъ сосѣдей земля возвысилась въ своей стоимости и тогда продать ее уже не за 200, а быть можетъ, за 1,000 долларовъ. Велико помѣстье Дяди Сама (Uncle Sam's farm—такъ юмористически американцы называютъ правительственную землю). Десятки, а быть можетъ и сотни милліоновъ народа могутъ поселиться въ центральныхъ степяхъ Америки, прежде чѣмъ населенность края приравняется средней населенности европейскихъ государствъ; всѣ земли этой категоріи лежатъ слишкомъ далеко отъ цивилизаціи, далеко отъ городовъ, отъ правильныхъ путей сообщенія и т. д. Земля эта заселяется

постепенно отъ востока на западъ, и только отчаянная энергія американцевъ можетъ побудить ихъ селиться на окраинѣ и жить впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ между дикими звѣрями въ надеждѣ на лучшее будущее. 2) Къ землямъ второй категоріи относятся тѣ, которыя правительство даетъ въ видѣ субсидій промышленнымъ компаніямъ: желѣзнымъ дорогамъ и друг. Даровая раздача общественныхъ земель капиталистамъ ведетъ за собою множество злоупотребленій въ администраціи и создаетъ поземельную аристократію, напримѣръ, компанія пассификской желѣзной дороги, идущей чрезъ степи въ Калифорнію, получила отъ правительства въ даръ *неширокую* ленту земли вдоль дороги, поверхность которой однако же равняется поверхности почти *всей Франціи.* Противъ этого зла народъ сильно возстаетъ и готовитъ будущимъ кандидатамъ въ президенты слѣдующее предложеніе (главный шансъ на ихъ избраніе): прекращеніе даровой раздачи правительственныхъ земель промышленнымъ компаніямъ, какъ источника безчисленныхъ злоупотребленій администраціи и частаго обмана народа.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія, я прибавлю, что, напримѣръ, компаніи желѣзныхъ дорогъ, получивши земли отъ правительства, распродаютъ ее поселенцамъ не по 1 дол. 25 центовъ за акръ, а по 5, 10, 15 и болѣе долларовъ, смотря по тому, на сколько участокъ близокъ къ станціи желѣзной дороги. 3) Земли послѣдней категоріи тѣ, которыя правительство *покупаетъ* у индѣйцевъ съ тѣмъ, чтобы предотвращать столкновенія между бѣлыми поселенцами и краснокожими. Правительство обыкновенно заключаетъ договоръ съ племенемъ, по которому оно обязывается уплатить 1 дол. 25 цент. за акръ, а индѣйцы къ извѣстному сроку должны удалиться съ этой земли и не препятствовать блѣднолицымъ обработывать ее. Купленную такимъ образомъ землю правительство уже не даетъ даромъ, а съ каждаго поселенца (имѣющаго право на 160 акровъ) беретъ ту же сумму, которую оно уплатило индѣйцамъ, т.-е. 1 дол. 25 центовъ за акръ.

Для нашихъ піонеровъ было бы удобнѣе всего остановиться на землѣ желѣзно-дорожныхъ компаній, но при крайне ограченныхъ финансовыхъ средствахъ, они не могли и думать о подобномъ пріобрѣтеніи. А какъ правительственная земля (незаселенная) была очень далека отъ Jasper County (прежнее мѣсто ихъ поселенія), то докторъ Бригсъ, который взялся за пріискъ удобнаго мѣста поселенія, остановился на землѣ третьей категоріи, принадлежавшей индейскому племени Оседжей, которая была недалека отъ ихъ бывшей общины и чрезвычайно быстро

населяется, благодаря богатству почвы и теплому климату. Докторъ выбралъ три участка въ 160 акровъ каждый, одинъ для себя и два для Фреевъ и Бруковъ.

По возвращеніи Бригса съ экспедиціи, наши соотечественники, оставивши своихъ женъ и ребенка на прежней фермѣ, выѣхали съ Бригсомъ къ мѣсту своего новаго поселенія. Это было въ началѣ января 1871 года. Назадъ тому два, три мѣсяца на сосѣдней землѣ стояли шатры индѣйцевъ оседжей, между которыми осмѣлились поселиться всего 3, 4 смѣльчака, разсчитывая на скорый переходъ этой мѣстности къ бѣлымъ, а потому уже заранѣе выбравшихъ себѣ лучшіе куски. Въ поѣздку доктора Бригса, въ декабрѣ 1870 года, индѣйцы уже были далеко на западѣ, сожигая, на пути своего передвиженія, всю траву на лугахъ, чтобы выгнать отсюда оленей и буйволовъ и оставить блѣднолицымъ только голую землю.

Не мало трудностей и лишеній приходилось испытывать нашимъ переселенцамъ, переселяясь сюда. Процессъ переселенія, первое время жизни нашихъ піонеровъ въ Канзасѣ изложены въ письмахъ Фрея и его жены настолько искренно и интересно, что разсказъ объ этомъ я сообщу ихъ словами: «Я не стану распространяться—пишетъ Фрей,—какую ужасную погоду приходилось намъ терпѣть въ дорогѣ; какъ я отморозилъ себѣ пальцы на рукахъ, а Брукъ ноги; какъ, несмотря на это, намъ приходилось съ лопатами и заступами идти впереди телеги и расчищать дорогу отъ снѣга, чтобы сдѣлать ее проходимою. Наконецъ, мы (я, Брукъ и докторъ Бригсъ) пріѣхали въ обѣтованную землю. Одинъ изъ первыхъ поселенцевъ въ здѣшнемъ краѣ и нашъ близкій сосѣдъ, Фибсъ по имени, радушно встрѣтилъ насъ, далъ намъ возможность остановиться у его избы и варить кушанья на его печкѣ, такъ что мы, хотя ночевали въ телегѣ, все-таки чувствовали себя какъ бы полудома послѣ нашего двѣнадцатидневнаго путешествія. Гостепріимство Фибса было особенно полезно для Брука, потому что хотя онъ въ послѣдніе дни переѣзда лежалъ въ вагонѣ, но отъ невозможности имѣть надлежащій уходъ за ногой, она у него начала гнить. Въ 6 дней нашей стоянки у Фибса, его нога значительно поправилась. Я и Бригсъ начали строить землянку на нашей землѣ, а Брукъ былъ поваромъ, и никогда не дѣлавши прежде хлѣбовъ, сталъ отличнымъ пекаремъ. А задача предстояла нелегкая: надобно было дѣлать ноздреватый хлѣбъ на кострѣ, не имѣя вовсе дрожжей, ни пекарныхъ порошковъ, а только муку и воду. Пусть опытныя русскія хозяйки рѣшатъ

эту задачу и скажутъ, какъ должно печь хлѣбъ при такой обстановкѣ!?

Мы начали строить землянку 28-го января (1871 г.), а 8-го февраля она была уже готова и докторъ Бригсъ, оставивши меня съ больнымъ Брукомъ, поѣхалъ за женщинами: моею женою, дочерью и женою Брука. Они тоже немало промучились, живя на фермѣ Митчеля, въ сквозномъ, деревянномъ домѣ. Прибавьте къ тому безпокойство объ насъ, и, что̀ важнѣе всего, болѣзнь моей дочери, у которой начиналось воспаленіе въ легкихъ—и вы поймете (зная любовь къ ней моей жены), сколько мученій физическихъ и нравственныхъ приходилось испытывать моей Марусѣ въ это печальное время... Женщины ѣхали сюда, какъ разъ во время распутицы, когда огромное количество снѣга, покрывавшее землю, стало быстро таять отъ жаркаго солнца. Погода стояла теплая, но дороги были отвратительно грязны. Кромѣ того, онѣ везли курицъ, онѣ должны были гонять коровъ за телѣгою, а постоянныя заботы о ребенкѣ, только что оправившемся отъ болѣзни и обязанномъ покоиться по цѣлымъ днямъ, а иногда и ночамъ въ телегѣ, покрытой легкой парусинной крышей!!..»

Это путешествіе русскихъ женщинъ чрезъ степи и лѣса дальняго запада Америки, я передамъ здѣсь изъ письма Мери Фрей, написаннаго въ Россію вскорѣ по пріѣздѣ на новое поселеніе, слѣдовательно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

«Мы оставили ферму Митчеля 22-го февраля (1871 г.), въ 2½ часа послѣ обѣда. Всѣхъ насъ было четверо: я съ ребенкомъ, докторъ Бригсъ и жена Брука; при насъ было 9 куръ въ ящикѣ сзади повозки, 2 коровы, 1 теленокъ и кошка. Старикъ Бригсъ сидѣлъ на козлахъ и правилъ лошадьми, я и Белочка (двухлѣтняя дочь Фреевъ) сѣли внутрь вагона, а Ю. Ф. на этотъ разъ гнала коровъ. День былъ жаркій; дорога отъ дождей была очень нехороша, коровы задерживали насъ и, благодаря такимъ препятствіямъ, мы сдѣлали въ первый день только 7 миль, или около 12 верстъ. Незадолго до заката солнца, мы подъѣхали къ одной фермѣ, гдѣ и расположились на ночлегъ. Фермеръ, его жена и 6 дѣтей жили въ loghous'ѣ (срубъ), состоящемъ изъ одной комнаты, безъ оконъ, но съ двумя дверьми, изъ которыхъ одна, всегда открытая днемъ, служила вмѣсто окна. При ненастьѣ двери запираются, но щелей въ домѣ такъ много, что проходящій чрезъ нихъ свѣтъ даетъ возможность читать и писать. Въ подобныхъ домахъ живутъ почти всѣ начинающіе фермерскую жизнь, конечно, исключая денежныхъ людей. Такъ-какъ ночь была теплая, ти-

хая, то мы отправились спать въ телѣгу, предварительно выпивши теплой воды съ сахаромъ и закусивши хлѣба съ масломъ. Докторъ Бригсъ устроилъ себѣ постель тутъ же у телѣги. На другой день рано утромъ мы напоили лошадей и коровъ и, заплативъ за сѣно 40 центовъ (60 к. с.), отправились далѣе. Наши коровы, которыхъ гнали поочередно то я, то жена Брука, дѣлали намъ много хлопотъ, пока, наконецъ, и онѣ не привыкли и не стали придерживаться ѣхавшей впереди ихъ повозки. Этотъ второй день мы переночевали въ степи. На третій—погода ухудшилась, задулъ сѣверякъ, небо покрылось тучами, готовился дождь. До города Columbus оставалось двѣ мили, но мы боялись ѣхать далѣе и остановились на фермѣ. Хозяева встрѣтили насъ привѣтливо, пригласили въ комнату, дали въ наше распоряженіе печь, а когда мы, отпивши чай, начали прощаться, намѣреваясь идти въ телегу, то фермеръ удержалъ насъ, говоря, что скоро будетъ буря и съ ребенкомъ нельзя быть въ эту ночь въ телегѣ. Мы отъ души его поблагодарили, притащили свои теплыя вещи и улеглись на полу. Слова хозяина сбылись: разыгралась страшная буря съ дождемъ, градомъ, съ раскатами грома. Какъ мы были рады, что спимъ не въ телегѣ. Къ утру буря утихла, ее смѣнилъ тихій, ясный, чудный день. Поблагодаривъ хозяевъ за хорошо проведенную ночь и заплативъ всего 25 центовъ за сѣно, мы поѣхали далѣе. Черезъ полтора часа мы пріѣхали въ городъ Columbus, закупили провизіи (сахаръ, масло, муку и проч.) и, проѣхавъ еще пять миль, стали для отдыха лошадямъ у костра, разведеннаго переселенцами, расположившимися здѣсь на отдыхъ. Во время дальнѣйшаго перехода этого дня, мы встрѣтили одно семейство, тоже переселяющееся на западъ, къ которому и присоединились. Въ этотъ день мы передвигались впередъ медленно по случаю грязи и сдѣлали только 16 миль. Ночь пришлось провести на полянѣ, окруженной лѣсомъ, гдѣ Бригсъ и ѣхавшій съ нами американецъ срубили три бревна, набрали хвороста и развели костеръ, обогрѣвшій насъ и давшій возможность напиться чаю. На зарѣ мы вскочили, огонь еще горѣлъ и подкрѣпивши себя кофеемъ, поѣхали далѣе. Къ вечеру пріѣхали къ рѣчкѣ; но вода отъ бывшихъ дождей такъ поднялась, что нельзя было и думать о переѣздѣ. Мы завернули на ферму, гдѣ встрѣтили гостепріимныхъ и радушныхъ хозяевъ, которые за два дня стоянки взяли съ насъ всего 50 центовъ. Отъ этой фермы до рѣки было около мили. Подъѣхавъ къ ней мы увидѣли, что вода еще такъ мало спала, что переѣздъ былъ рискованнымъ дѣломъ. Какъ ни манила насъ въ

дальнѣйшій путь хорошая погода, но нужно было подождать еще цѣлыхъ два дня, которые мы провели у фермера-ирландца, жившаго въ грязной хижинѣ съ женою и девятью дѣтьми. Но и они оказались добрыми людьми и сдѣлали все, что могли, и за два дня стоянки взяли только 75 центовъ. Наконецъ, мы переѣхали рѣку, за которою дороги были лучше, грязь встрѣчалась только въ лѣсахъ и оврагахъ. Все это время, несмотря на всѣ неудобства дороги, на скудную пищу, постоянно подмоченныя ноги, никто изъ насъ не заболѣлъ. На другой день мы въѣхали въ Oswego — порядочный, чистенькій городокъ, существующій всего второй годъ, и послѣ небольшого отдыха въ немъ, отправились далѣе. Въ этотъ день нашъ докторъ, соскучившись своей кучерской должностью, просилъ вручить ему пастушескій посохъ и до вечера преусердно гналъ коровъ, а мы попеременно исполняли его профессію. Вечеромъ пріѣхали въ лѣсъ, развели костеръ, хорошо выспались, и далѣе. Дни были хороши, а вечера еще лучше, и какъ намъ пріятно было въ лунныя, тихія ночи идти среди степей, лѣсовъ и горъ Америки, съ хворостинкою въ рукахъ, и распѣвать русскія и малороссійскія пѣсни, и только по временамъ, какъ бы опомнившись, мы боязливо посматривали по сторонамъ: не виднѣется ли гдѣ индѣецъ, не бѣжитъ ли хищный звѣрь. Мѣста, которыя мы проходили въ эти два дня, еще не заселены пришельцами, въ нихъ до сихъ поръ живутъ племена индѣйцевъ. Но весь страхъ опасности съ этой стороны исчезалъ, какъ только мы, послѣ утомительнаго путешествія, устраивали свой ночлегъ, и засыпали... до разсвѣта никакая мысль не тревожила нашъ крѣпкій сонъ. Къ вечеру мы были недалеко отъ города Индепенденсъ (Independence), всего въ двухъ миляхъ, но такъ-какъ намъ предстоялъ опять переѣздъ черезъ рѣку и на паромѣ, а было уже поздно, то мы своротили въ лѣсъ. Тамъ мы застали три костра, присоединились къ грѣвшейся группѣ и очень весело провели часть ночи. Одинъ молодой переселенецъ, почему-то считая меня незамужнею, сдѣлалъ мнѣ «предложеніе—на всю жизнь». Я для шутки согласилась; мой женихъ началъ уже передавать мнѣ планы нашей совмѣстной жизни, но звонкій хохотъ г-жи Брукъ выдалъ меня. Рано утромъ мы въѣхали въ Индепенденсъ, купили кукурузы для лошадей и продолжали свой путь. День былъ холодный, вѣтреный, а ночь, которую мы провели въ степи, еще свѣжѣе. На зарѣ мы встали и не завтракая, отправились въ путь, не теряя времени, такъ-какъ до цѣли путешествія оставалось всего 12 миль. Въ полдень мы увидали нашего Вильяма, бѣжавшаго къ намъ на встрѣчу»...

*

«5-го марта — пишетъ Вильямъ Фрей — я и Брукъ ходили въ сосѣдній городокъ за письмами, и возвращаясь оттуда съ пустыми руками, еще издали увидѣли эмигрантскій корабль (такъ американцы называютъ вагоны переселенцевъ, покрытые бѣлою парусиною) съ коровами назади. Сердце подсказало мнѣ то, чего не съумѣлъ разобрать глазъ. Наши ѣдутъ! крикнулъ я, и бѣгомъ бросился на встрѣчу вагону; я не ошибся. Дѣвочка моя, загорѣлая, полная и совершенно оправившаяся отъ болѣзни—на первыхъ порахъ не узнала меня (мы не видались 53 дня). Маруся, черная, какъ цыганка, въ платьѣ забрызганномъ грязью и съ длинною хворостинкою въ рукахъ, гонявшая коровъ, показалась мнѣ въ тысячу разъ красивѣе, чѣмъ когда бы то ни было... Мы всѣ были такъ рады и счастливы, что видимъ другъ друга, что не будемъ уже жить въ разныхъ мѣстахъ, что радость и горе придется дѣлить вмѣстѣ; оно пріятнѣе въ первомъ случаѣ и легче во второмъ. Мы отпраздновали этотъ день тѣмъ, что Брукъ спекъ отличный хлѣбъ, а всѣ мы выкупались въ ручьѣ, протекающемъ по нашему участку. Это было наше первое купанье, и съ того дня мы постоянно держимся правила купаться чуть ли не каждый день...

Мы живемъ пока въ землянкѣ безъ оконъ, слѣдующаго размѣра: 127 дюймовъ въ длину, 92 въ ширину и 70 высоты. Насъ всѣхъ пятеро, шестой—ребенокъ. Пріѣздъ женщинъ, или вѣрнѣе, пригонъ коровъ значительно улучшилъ нашу пищу. Съ самаго начала я и Брукъ ѣли хлѣбъ и бобы, запивая ихъ горячей водой съ сахаромъ. Потомъ, когда не стало сахару—ограничились хлѣбомъ съ бобами; а не хватило бобовъ—ѣли одинъ хлѣбъ, запивая его водицею... и вдругъ о, радость! на столѣ молоко, снова сахаръ, бобы и даже сушеныя яблоки! Конечно, и эта пища не особенно разнообразная, но что дѣлать? Обыкновенной діэтѣ американскаго піонера трудно угодить потребностямъ гастрономическимъ. Стаканъ кофе безъ сахару и кусокъ жареной свинины—вотъ все, что̀ онъ имѣетъ и ѣстъ три раза въ сутки (конечно кромѣ хлѣба). Кофе, свинину и табакъ вы можете достать вездѣ, гдѣ есть хоть одинъ поселенецъ на 10 квад. миль. Что̀ же было ѣсть намъ, когда мы не любимъ кофе и не ѣдимъ свинины, какъ самой вредной для здоровья пищи; поневолѣ приходилось довольствоваться бобами и сушеными яблоками. За то кровь не отравляется, ребенокъ не будетъ золотушнымъ, и мы болѣе или менѣе застраховываемъ себя отъ возможности заболѣть лихорадкой... Кстати о лихорадкахъ. Съ точностью непреложнаго закона, эта болѣзнь, неизбѣжная для поселенцевъ новаго края, свирѣпствуетъ меж-

ду ними особенно сильно впродолженіе первой осени, и затѣмъ, хотя повторяется въ слѣдующіе годы, но становится все слабѣе и слабѣе, пока, наконецъ, совершенно теряетъ характеръ повальной болѣзни. Существуетъ нѣсколько теорій для разъясненія этого факта; очень многіе приписываютъ его міазмамъ, распространяющимся въ воздухѣ отъ разложенія только-что сломанной [1] первобытной почвы. Это можетъ быть справедливо; тѣмъ не менѣе справедливъ и тотъ фактъ, что правильной діэтой, умѣренностью въ пищѣ, при чистотѣ тѣла и умѣренности въ работѣ,—всякій человѣкъ можетъ держать свою кровь чище и организмъ здоровѣе, и слѣдовательно менѣе подвергать себя зараженію отъ міазмовъ. Даже отлагая въ сторону теорію о міазмахъ, приходится удивляться, какимъ образомъ можетъ не заболѣть американецъ, который и питается только табакомъ, кофе и свининой (наркотическимъ, раздражающимъ и гнилостнымъ веществомъ), который врядъ-ли обмываетъ свое тѣло разъ въ мѣсяцъ и, что̀ сильнѣе всего, работаетъ какъ животное съ утра до вечера, подъ почти вертикальными лучами солнца! Мало организмовъ могутъ выдержать такую пробу и разумѣется, что подъ конецъ лѣта самые крѣпкіе ложатся въ кровать и болѣютъ лихорадкой мѣсяцами. Въ послѣдующіе годы, когда поселенецъ обстроится, обзаведется хозяйствомъ, онъ уже работаетъ меньше, больше заботится объ опрятности, и имѣя болѣе разнообразія въ пищѣ, меньше налегаетъ на свинину, которая въ жаркихъ климатахъ равносильна медленному яду,—и понятно, что если онъ уцѣлѣлъ въ первый годъ, то уже навѣрное будетъ здоровъ во второй и т. д.... Таково по крайней мѣрѣ наше мнѣніе, на сколько оно сформировалось изъ фактовъ жизни и изъ научныхъ данныхъ. Мы живемъ бѣдно, но мы всегда будемъ по возможности не уклоняться отъ правилъ гигіены и вѣроятно встрѣтимъ будущую зиму не имѣя больнаго у себя въ домѣ...

Послѣ пріѣзда женщинъ мы съ удвоенною энергіею принялись за работы. Начали возить лѣсъ для постройки дома [2],

---

[1] Слово *«сломанная»* земля (broken land) употребляется въ отличіе отъ *вспаханной* (plowed). Чтобы вспахать новую землю, до которой въ теченіе тысячелѣтій не дотрогивалась рука человѣка—употребляютъ особеннаго рода тяжелые плуги, которые тянутся двумя или тремя парами быковъ и рѣжутъ землю въ видѣ правильныхъ лентъ, опрокидываемыхъ травою къ низу. Когда черезъ годъ этотъ дернъ перегніетъ, то уже пашутъ землю обыкновенными плугами. Только немногіе изъ овощей растутъ въ только-что сломанной землѣ, такъ что огородъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, появляется у поселенцевъ только на второй годъ.

[2] Домъ обязанъ построить каждый въ первый же годъ по занятіи земли.

строить домъ, копать колодезь. Какъ только окончилась подвозка матеріала для дома, докторъ Бригсъ снова уѣхалъ на ферму Митчеля за нѣкоторыми изъ нашихъ вещей, а я и Брукъ остались доканчивать постройку дома. Въ концѣ апрѣля (1871 года) нашъ лѣтній орѣховый [1] дворецъ въ 3 комнаты былъ готовъ (къ зимѣ онъ будетъ приспособленъ лѣтомъ), и мы перебрались на новоселье. За нѣсколько дней до того, Бригсъ пріѣхалъ съ вещами и плугомъ въ томъ числѣ; мы начали рыть и пахать, и продолжали это съ небольшими перерывами до конца мая. Наши женщины, смотря на насъ ухаживающихъ за плугомъ, приревновали насъ къ этому занятію. Моя жена и Ю. Ф. часто приходили къ намъ и доставляли не мало удовольствія смотрѣть на ихъ героическія усилія. За то гораздо дѣйствительнѣе была ихъ помощь въ сажаніи кукурузы, бобовъ, тыквъ, огурцевъ, арбузовъ и т. д. Много времени было сбережено для насъ тѣмъ, что наши женщины не ladies (леди), что онѣ съумѣли обходиться съ лопатой и заступомъ не хуже какъ прежде, бывало, съ фортепьянными клавишами; честь имъ и слава. Лопатою и заступомъ онѣ пріобрѣтутъ современемъ фортепьяно, и хотя пальцы не будутъ уже такъ деликатны и эластичны, за то музыка при нашей суровой дѣятельной жизни доставитъ намъ навѣрно больше удовольствія, нежели тѣмъ, жизнь которыхъ вращается почти исключительно въ области эстетическихъ наслажденій...

Наша дѣвочка тоже развивается не по днямъ, а по часамъ; она крѣпнетъ какъ физически, такъ и умственно; она любитъ работать вмѣстѣ съ матерью на полѣ и часто помогаетъ ей (не шутя) сажать кукурузу *пантъ корнъ*, какъ она называетъ plant corn. Она купается въ рѣчкѣ каждый день, умѣетъ сама держаться верхомъ на неосѣдланной лошади, когда я веду ее за уздцы. А вѣдь ей еще нѣтъ 2½ лѣтъ! У ней сильно развивается умѣніе говорить и любовь къ пѣнію; только одно обидно: нѣтъ ей сотоварища въ играхъ, она бѣдняжка или одна, или со взрослыми. Но пока этого поправить нельзя, слѣдовательно и горевать нечего...

Теперь, когда мы вспахали столько, сколько могли при нашихъ средствахъ (около 10 экровъ на нашихъ двухъ участкахъ и 4—на участкѣ Брука) и засадили всѣмъ, что нужно для нашего обезпеченія и жизни лошадей и коровъ впродолженіе зимы, мы имѣемъ небольшой роздыхъ отъ полевыхъ работъ и принялись за рытье колодца, который былъ начатъ мною еще

[1] Дерево, растущее въ изобиліи на западѣ Америки.

до пріѣзда женщинъ. До сихъ поръ мы беремъ воду изъ ключа, открытаго нами недалеко отъ дома, но боимся, что съ наступленіемъ засухи количество воды можетъ значительно уменьшиться и даже вполнѣ испариться, и потому мы принялись за порохъ и стопинъ и начинаемъ дѣлать взрывы въ колодцѣ, чтобы пробить залежи камня и добраться такъ-сказать до источника неизсякаемаго...

Намъ приходится дѣлать всѣ роды работъ для обезпеченія нашей жизни. Годъ *такой* жизни, навѣрное, сдѣлаетъ человѣка вполнѣ самостоятельнымъ, научитъ заработывать себѣ кусокъ хлѣба при всевозможныхъ обстоятельствахъ и случайностяхъ жизни. Наша жизнь очень проста. Встаемъ въ 5 часовъ, завтракаемъ въ 6-ть, затѣмъ принимаемся за работы; обѣдаемъ въ 12 ч., послѣ нѣкотораго отдыха опять за работу; ужинаемъ въ 6 ч. До сна занимаемся мелкими работами по дому, а еще чаще проводимъ время въ бесѣдѣ, чтеніи или обсужденіи какого-нибудь вопроса, имѣющаго практическую важность для нашего хозяйства. Ложимся спать очень рано, вопервыхъ, для того, чтобы рано встать; вовторыхъ, чтобы не тратить деньги на освѣщеніе; мы держимся теоріи Франклина, который въ одной изъ своихъ юмористическихъ статей доказывалъ, что *изобрѣтенный имъ солнечный свѣтъ* гораздо пріятнѣе для глазъ и полезнѣе для здоровья, чѣмъ всѣ остальные сорты свѣтовъ... По воскресеньямъ обыкновенно или мы посѣщаемъ сосѣдей или они насъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы находимся въ очень хорошихъ отношеніяхъ [1]. Устраиваются иногда и экстренныя удовольствія. Одно изъ такихъ surpising porty было дано сосѣдями Фибсу, тому самому господину, который пріютилъ насъ у себя, когда мы пріѣхали сюда. Фибсъ, родомъ шотландецъ, принадлежитъ къ замѣчательному типу людей. Гостепріимный (что̀ рѣдкость у янки), щедрый, веселый, крѣпкій, энергичный—онъ сдѣлался въ короткое время идоломъ всего околодка. Фибсъ былъ изъ числа тѣхъ немногихъ, которые пріѣхали сюда годъ тому назадъ, рискуя быть скальпированнымъ или ограбленнымъ индѣйцами; онъ выбралъ себѣ отличный кусокъ земли съ лѣсомъ, рѣкой, богатой почвой; построилъ избушку, посадилъ кукурузу и картофель, стерегъ свою жатву отъ индѣйцевъ, которые иногда жаловали къ нему воровать овощи, и дождался того

---

[1] Всѣ съ особеннымъ любопытствомъ присматриваются къ намъ, русскимъ. Здѣсь почти всѣ піонеры—кровные англо-саксы. Вся масса полуневѣжественной грубой эмиграціи изъ Европы отсѣдаетъ въ большихъ городахъ или селится въ среднихъ штатахъ. Ирландцы, кромѣ того, селятся въ рудокопныхъ округахъ и по желѣзнымъ дорогамъ, такъ-какъ они очень хорошіе землекопы.

времени, когда правительство купило эту землю у оседжей и тысячи эмигрантовъ нахлынули сюда, разбирая лучшіе участки. Лучшими называются участки съ лѣсомъ, потому что лѣсу здѣсь немного, а всякому нужны дрова для топлива и жерди для дѣланья изгородей. Лѣсъ всегда разбирается очень рано, первыми поселенцами, а луга остаются для втораго наплыва эмигрантовъ. Участокъ Фибса былъ лучшій изъ лучшихъ и такъ понравился одному изъ богатыхъ переселенцевъ, что онъ предложилъ ему за него 1,000 долларовъ. Фибсъ продалъ свою землю, и еслибы онъ былъ совершенно здоровъ, то навѣрное поѣхалъ бы еще на 100 миль далѣе къ западу; еще разъ поселился бы въ глуши, вытерпѣвая всевозможныя лишенія, чтобы опять передать кому-нибудь свой участокъ за порядочныя деньги. Но Фибсъ былъ боленъ и рѣшился ѣхать домой въ Огайо къ своимъ роднымъ. Когда онъ еще жилъ здѣсь — его домъ (онъ холостой) былъ въ родѣ клуба для сосѣдей. Въ каждое время дня можно было встрѣтить тамъ двухъ-трехъ человѣкъ и Фибса, хлопочущаго у своей печки и угощающаго ихъ кофеемъ. Его огромный кофейникъ, въ который онъ постоянно насыпалъ новаго кофе, не высыпая стараго, и его способъ нагрѣвать избу для гостей останутся надолго въ памяти поселенцевъ. Помню, какъ я и докторъ Бригсъ пріѣхали къ нему однажды верхомъ; былъ холодный вѣтеръ и сильный морозъ. Мы подсѣли къ его огромной, раскаленной до красна чугунной печкѣ, чтобы отогрѣть свои полузамерзшіе члены, но Фибсу казалось, что печка горитъ не особенно жарко; онъ приноситъ охапку дровъ, и не будучи въ состояніи положить ихъ внутрь печки, кладетъ на верхнюю часть, разводитъ громадный костеръ, рискуя сжечь свою избу, и отъ души радъ, что намъ будетъ тепло; а мы, бѣдные, едва могли сидѣть въ избѣ, наполненной дымомъ. Но независимо отъ этихъ неуклюжихъ выходокъ, Фибсъ дѣйствительно былъ однимъ изъ самыхъ симпатическихъ личностей въ околодкѣ. Онъ помогалъ всѣмъ, чѣмъ могъ; онъ содержалъ на свой счетъ два семейства, которыя, вслѣдствіе болѣзней и недостатка средствъ, должны были остановиться здѣсь на полпути къ своимъ участкамъ...

Когда мы узнали, что онъ продалъ свой участокъ, рѣшено было угостить его прощальнымъ обѣдомъ, устроеннымъ экспромтомъ—неожиданно для Фибса. Каждое семейсто взяло на себя доставку какого-нибудь матеріала для обѣда: печеніе, молоко, и т. д. Съ утра назначеннаго дня, нѣсколько мужчинъ зашли къ Фибсу и пригласили его удить рыбу. Не подозрѣвая заговора, Фибсъ уходитъ, оставляя по обыкновенію свою избу от-

пертою для посѣтителей и оставивъ все въ безпорядкѣ и хаосѣ, обыкновенномъ при холостой жизни. Вслѣдъ затѣмъ стали собираться къ нему женщины съ корзинами въ рукахъ. Любо было смотрѣть, съ какимъ проворствомъ эти американки въ бѣдныхъ, но чистыхъ платьяхъ, принялись за уборку его комнаты и приготовленіе обѣда. Онѣ постлали ему постель, подмели комнату (въ его избѣ земляной полъ, который вѣроятно подметался разъ въ нѣсколько мѣсяцевъ), съ помощью досокъ и ящиковъ устроили довольно большой столъ, съ непонятнымъ для нашего брата проворствомъ изготовили обѣдъ, прежде чѣмъ Фибсъ почувствовалъ аппетитъ. Пригласивши товарищей зайти къ нему на чашку кофе, Фибсъ направился къ дому. Мы всѣ сидѣли у него въ комнатѣ тихо, чтобъ не выдать нашей затѣи; будучи въ обыкновенномъ своемъ рабочемъ платьѣ, въ грязныхъ штанахъ, онъ навѣрное убѣжалъ бы къ сосѣдямъ, еслибы зналъ о заговорѣ. Совершенно неподготовленный къ сюрпризу, онъ отворяетъ дверь и, какъ ужаленный змѣею, отскакиваетъ назадъ посреди оглушающаго хохота заговорщиковъ. Слезы блеснули въ глазахъ этого желѣзнаго человѣка. Чрезъ минуту онъ совершенно оправился и, самъ шутя надъ своимъ костюмомъ и надъ комичностью своего положенія, принялъ дѣятельное участіе въ общемъ веселіи...

Обѣдъ былъ простой—кофе, свинина, маринованные огурцы, бобы печеные и вареные, пирожное—вотъ и все. *Ни капли вина или водки*. Ни одинъ званый или прощальный обѣдъ не оставлялъ на мнѣ такого глубокаго впечатлѣнія, какъ это простое, безъискусственное угощеніе уѣзжавшему сотоварищу.

Нѣсколько недѣль спустя задумали мы отпраздновать трехлѣтіе нашей дочери. Замѣчу, что среди нашей скудной обстановки Белочка цвѣтетъ и крѣпнетъ на славу; и еслибы она всю жизнь была такъ здорова, какъ въ эти три года! Мы отпраздновали ея день баломъ. Созвали сосѣдей 12 взрослыхъ и 6 душъ дѣтей, угостили ихъ обѣдомъ, а потомъ принялись и за танцы подъ звуки скрипки и гитары. Дѣти пѣли, ѣли, прыгали, кружились, а когда стемнѣло, то были пущены ракеты, оставшіяся у насъ отъ купленныхъ въ С.-Луисѣ въ день 4-го іюля—праздника независимости Америки. Въ одинадцать часовъ гости разъѣхались, веселые и довольные небывалымъ въ ихъ округѣ происшествіемъ...».

Закончу эти похожденія нашихъ первыхъ піонеровъ на дальнемъ западѣ свѣдѣніями о жизни ихъ кружка въ послѣднее время.

Докторъ Бригсъ — служившій въ послѣдней войнѣ Соеди-

ненныхъ Штатовъ—не торопился постройкою дома на своемъ участкѣ (обязательною для всѣхъ въ теченіе перваго года поселенія), такъ-какъ его право сопровождалось льготами, общими для всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ за свободу негровъ [1]. Что же касается Брука, то продолжительная болѣзнь его (ноги и лихорадка) не давала ему возможности окончить постройку своего дома ранѣе конца 1871 года. Впрочемъ, плугъ ходилъ по его землѣ и она была, при общей помощи, засѣяна. На постройку хижины и на необходимое хозяйство (земледѣльческія орудія, скотъ, птицы и т. п.) былъ потраченъ Бруками весь капиталъ, пріобрѣтенный трудовою ихъ дѣятельностью въ С.-Луисѣ. Хотя урожай овощей и кукурузы обезпечивалъ имъ продовольствіе на всю зиму, тѣмъ не менѣе положеніе ихъ было очень незавидное. Приходилось думать объ уплатѣ 200 долларовъ за землю, а для пріобрѣтенія ихъ требовалось еще много труда и лишеній. «Положеніе наше — пишетъ Брукъ— очень тяжелое. Хотя мы много работаемъ, и жена моя, кромѣ домашняго труда, беретъ еще на домъ чужую работу (она стираетъ бѣлье на три зажиточныя фермы), но это не даетъ ей еще возможности купить себѣ башмаки, такъ-какъ есть множество вещей, безъ которыхъ труднѣе обойтись. Я обуваюсь по необходимости, ибо иначе не могъ бы работать въ полѣ. Только по уплатѣ за землю, мы начнемъ жить безбѣдно и даже въ достаткѣ, а пока деньги у насъ и у многихъ поселенцевъ рѣдкость, такъ что часто приходится обмѣнивать трудъ на трудъ, трудъ на продуктъ, продуктъ на продуктъ. Разумѣется, всѣ эти лишенія для насъ теперь не такъ ощутительны; послѣ тяжелыхъ переворотовъ въ своей жизни, мы уже близимся къ спасительному берегу, къ достиженію независимаго положенія и полной самостоятельности»...

Въ это же время М. Фрей писалъ слѣдующее о своей фермерской жизни: «Стѣсненные ограниченными средствами, мы не могли сдѣлать большихъ улучшеній въ 1-й годъ, но и то, что̀ сдѣлано, можетъ обезпечить насъ на всю зиму. Мы имѣемъ достаточно кукурузы, чтобъ прокормить себя и лошадей; у насъ есть запасъ бобовъ, тыквъ, рѣпы, 30 курицъ, 2 дойныя коровы и одна годовалая телушка, которая будущимъ годомъ сдѣлается совершеннолѣтнею. Такимъ образомъ, при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, мы можемъ провести зиму весьма комфортабельно...... Удаленные отъ главныхъ центровъ циви-

[1] Всѣмъ служившимъ въ этой войнѣ выдавалось въ полную собственность по 160 акровъ на правительственныхъ земляхъ.

лизаціи, мы однако-же имѣемъ всѣ средства слѣдить за политическою и соціальною жизнью страны. Еженедѣльная газета «Weekly Tribune», издаваемая въ Нью-Йоркѣ Горасомъ Грили, и газета фермерская съ прекрасными рисунками «Western Rural» доступны, по своей цѣнѣ (2 доллара въ годъ съ пересылкою), бѣднѣйшимъ изъ переселенцевъ. Кромѣ этихъ газетъ, моя жена, благодаря любезности г-жи Стантонъ, издательницы нью-йоркской газеты «The Revolution», получаетъ безплатно эту газету, посвященную разработкѣ исключительно женскаго вопроса. Всѣ эти изданія мы получаемъ своевременно, благодаря замѣчательной регулярности правительственной почты, и какъ только кончаемъ работу и уложимъ нашу дѣвочку спать, то садимся у сундука (столы и стулья въ будущемъ), гдѣ одинъ изъ насъ громко читаетъ, а женщины (жена Брука и моя) слушая шьютъ, и такъ до 9½ или 10-ти часовъ, когда мы всѣ отправляемся на покой»......

Посмотрѣвши на карту, ужасаешься громадности разстоянія, отдѣляющаго эти двѣ семьи соотечественниковъ отъ Россіи. Думалъ ли кто нибудь изъ нихъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, что имъ прійдется сдѣлаться піонерами въ американскихъ степяхъ и выносить всѣ лишенія и трудности, сопряженныя съ этимъ именемъ? Предполагали-ли Фрей и Брукъ, что ихъ жены будутъ жить въ землянкѣ, ѣсть одни бобы съ хлѣбомъ.... или переселяясь на новое мѣсто гонять съ телѣгою коровъ почти на протяженіи 200 верстъ, и все это для того, быть можетъ, чтобъ опять спокойно, безропотно, съ надеждою на лучшее будущее, переносить дальнѣйшія лишенія! Сопоставляя ихъ прежнюю жизнь съ настоящею удивляешься, сколько мощи могутъ выработать изъ себя даже неподготовленные къ тому организмы!.....

Съ вершины холма, на которомъ выстроенъ домъ нашихъ земляковъ, можно насчитать теперь уже болѣе семидесяти фермерскихъ домовъ, разсыпанныхъ посреди очень живописнаго ландшафта. Почтовое сообщеніе уже совершается правильно, а въ возникающемъ городкѣ Ozro-Falls, въ 3½ миляхъ отъ Фреевъ, открытъ Post-Office (почтовое отдѣленіе). Желѣзныя дороги, которыя прокладываются въ Европѣ изъ большихъ городовъ, какъ главныхъ центровъ, къ мѣстамъ наиболѣе населеннымъ, уже строятся въ этой дѣвственной мѣстности чрезъ лѣса и пустынныя степи, куда еще не занесена человѣкомъ ни культура, ни промышленность. Свистъ локомотива раздается теперь въ 40 миляхъ отъ фермъ нашихъ земляковъ и, быть можетъ, не далѣе какъ черезъ годъ вагоны и станціи будутъ уже

въ предѣлахъ ихъ владѣній..... И вся эта поразительная перемѣна: скромные фермерскіе дома на мѣстѣ воинственныхъ лагерей краснокожихъ; коровы, кошки, куры вмѣсто бизоновъ и дикихъ звѣрей; пшеница, маисъ, огороды, фруктовые сады на мѣстѣ луговой травы, и наконецъ желѣзный путь въ краю, неимѣвшемъ даже тропинокъ,—все это и здѣсь совершилось менѣе чѣмъ въ два года тою-же несокрушимою энергіею, тѣмъ-же гигантскимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, тою-же энергическою настойчивостью поселенцевъ Америки, на которыя такъ часто указывали и не перестанутъ указывать европейцамъ путешественники ихъ по ту сторону океана.

Говоря о жизни нашихъ земляковъ въ Вильямсбургѣ (письма 4, 5 и 6), Нью-Йоркѣ (письмо 26) и—въ качествѣ русскихъ піонеровъ на дальномъ западѣ, я не успѣлъ передать одну выдержку изъ письма М. Фрея по поводу возникающей у насъ эмиграціи за океанъ, а также не сообщилъ свѣдѣній (отчасти извѣстныхъ уже изъ газетъ) о «Русскомъ кружкѣ вспомоществованія», образовавшемся въ Нью-Йоркѣ. Начну съ письма Фрея отъ іюня сего года.

«Въ послѣднее время, пишетъ онъ, американскія газеты начинаютъ поговаривать объ эмиграціи русскихъ за океанъ; даже я лично слышалъ отъ земляковъ, что нѣсколько молодыхъ русскихъ желаютъ пріѣхать къ намъ, въ нашу ферму. При этомъ, конечно, воображеніе ихъ настроено на розовый ладъ, жизнь наша представляется имъ земнымъ раемъ и т. п.; съ тѣмъ энтузіазмомъ, который такъ присущъ русскому люду, они, подталкиваемые какою-то маніею къ переселенію, говорятъ восторженно о прелестяхъ физическаго труда и сельской жизни, гдѣ-то въ далекомъ Канзасѣ... Рисую себѣ, какъ они уже переплываютъ океанъ, проѣзжаютъ полъ-Америки, тратятъ на это бо̀льшую часть своихъ денегъ, являются наконецъ къ намъ... а для чего? имъ прійдется разочароваться съ перваго же дня по пріѣздѣ сюда. Наша суровая, аскетическая жизнь огорошитъ ихъ сразу; о нашей школѣ, о нашихъ мытарствахъ они не знаютъ почти ничего. Мы строго смотримъ за собой, не допуская разладицы между словомъ и дѣломъ — ни въ какомъ случаѣ; мы анализируемъ свои поступки... и такой же строгій критицизмъ прикладываемъ къ новопріѣзжимъ. Вообразите же себѣ ужасъ этихъ экзальтированныхъ юношей, которые считаютъ себя чуть ли не героями, оттого только что пріѣхали въ Америку, и которымъ мы говоримъ, положимъ, что у нихъ много недостатковъ, непослѣдовательности, ненужныхъ замашекъ, привычекъ и т. п.; что вообще имъ придется *ломать* себя, отрѣшаться,

быть можетъ, отъ самыхъ лучшихъ и сильныхъ порывовъ, если только они не соотвѣтствуютъ разумнымъ требованіямъ жизни. Понятно, что подобный критицизмъ озадачиваетъ свѣжихъ юношей, и по свойственной всѣмъ людямъ склонности отыскивать вину въ другихъ, они не задумаются надъ необходимостью внутренней ломки... «Какая тутъ ломка?» подумаютъ они: «мы всегда и всѣми считались за хорошихъ людей, слѣдовательно не мы дурны, а эти люди, съ ихъ невозможными требованіями; чудаки!»... И вотъ они успокоиваются на такомъ рѣшеніи, смотрятъ на наше братство, какъ на берлогу чудаковъ, и ожидаютъ первой возможности — удрать отъ насъ... Еще еслибы наша матеріальная обстановка была привлекательною... быть можетъ юноши попытались бы переломить себя: остались-бы съ нами; а тутъ, какъ на бѣду, мы живемъ очень плохо; ѣдимъ кукурузу и какую-то похлебку изъ муки (которую—думаютъ либералы юноши — и моя собака не захотѣла бы глотать). Мало того, при *этомъ*, о, ужасъ!... мы, не краснѣя, говоримъ, что человѣкъ, неспособный переносить *такой* жизни, «любитъ свое брюхо болѣе своихъ убѣжденій», и что онъ не можетъ быть нашимъ собратомъ. «Ну, что это за жизнь» думаютъ *они*: «эти чудаки переходятъ въ первобытное состояніе...», и они стремглавъ бѣгутъ отъ людей, которые предлагаютъ имъ весело ѣсть ту похлебку, отъ которой отвернется даже его собака! Что̀-же выходитъ въ результатѣ? Для насъ чистый *нуль*... почти во всѣхъ отношеніяхъ; но они за свое разочарованіе въ насъ и идеалахъ нашихъ теряютъ много долларовъ, потраченныхъ на пріѣздъ сюда... проклинаютъ всѣхъ и вся, и думаютъ только о томъ, какъ бы поскорѣе возвратиться *назадъ* — въ Россію. Но шутки въ сторону; во всей этой траги-комедіи, такъ живо представившейся моему воображенію, дѣйствительно есть серьёзная сторона; ее-то не имѣютъ въ виду тѣ, которые, живя въ Россіи, совѣтуютъ пожить у насъ вмѣсто того, чтобы удерживать отъ такихъ горячихъ стремленій... Адресуясь къ вамъ, Н. Е., я разсчитываю, что вы будете сообщать всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что жизнь наша далеко *не* привлекательна; если письма наши дышатъ довольствомъ, это значитъ, что только *мы* довольны своею жизнью, и вовсе не гарантируетъ возможности сдѣлать ее пріятною *для другихъ*; вмѣсто такъ-называемыхъ *розовыхъ* представленій пусть *они* знаютъ, что наша жизнь *тяжелая*, трудовая жизнь; что много горя и лишеній приходится намъ испытывать; разсчитывая получить отъ жизни все, что̀ она способна дать, мы стараемся эксплуатиро-

вать даже лишенія наши; мы дрессируемъ себя, закаливаемся въ этой суровой школѣ... и, весьма можетъ быть, что эти лишенія сильнѣе чѣмъ все остальное связали насъ горячею братскою любовью другъ къ другу. Прибавлю, пожалуй, что люди, ищущіе случая и вѣрной возможности перевоспитать себя по нашему, могутъ найдти здѣсь спокойный очагъ и братскую любовь. Фразеры-же, поклонники мамоны и чувственныхъ удовольствій, очень скоро оставятъ насъ, потерявъ деньги и время. Еще разъ упорно прошу васъ доводить ихъ, при случаѣ, до свѣдѣнія *всего этого*... пусть *они* въ простотѣ сердца повторяютъ избитыя фразы о прелестяхъ сельской жизни, о наслажденіяхъ физическаго труда, о величіи извѣстныхъ идеаловъ... и пусть *они остаются* въ Россіи...»

Перехожу къ русскому кружку взаимнаго вспомоществованія въ Нью-Йоркѣ.

Въ письмахъ «о положеніи въ Америкѣ русскихъ переселенцевъ» я говорилъ, какъ часто русскіе, въѣзжая въ Нью-Йоркъ, Бостонъ и другія мѣста высадки, попадались на удочку любителей такъ-называемыхъ «зеленныхъ эмигрантовъ», какъ много приходилось имъ бѣдствовать отъ полной безпомощности и невозможности получить, отъ кого бы то ни было, если не матеріальную поддержку, то хоть совѣтъ: какъ на первое время устроиться, гдѣ найти работу, средства къ жизни.

Съ цѣлью огражденія вновь прибывающихъ русскихъ отъ эксплуатаціи, поддержки ихъ въ трудной борьбѣ за существованіе и по возможности матеріальной помощи бѣдствующимъ русскимъ, образовался «русскій кружокъ взаимнаго вспомоществованія въ Нью-Йоркѣ».

Начало этому благому учрежденію положили четырнадцать русскихъ въ мартѣ текущаго года; къ нимъ, мало по малу, присоединяются новые члены русскіе, и изъ различныхъ штатовъ. По словамъ нью-йоркскаго корреспондента газеты «Голосъ», кружокъ разростается и въ скоромъ времени получитъ отъ американскаго правительства хартію, которая дастъ ему право имѣть свою печать, знамена и т. п. вещественные знаки, позволитъ вывѣшивать свои объявленія въ Кестль-Гарденѣ (пріютъ эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ въ первые дни высадки), на пароходахъ, — словомъ, русскій кружокъ пріобрѣтетъ всѣ права, какими пользуются другія подобныя ассоціаціи въ Америкѣ.

Основныя его положенія слѣдующія:

1) Двери засѣданій «Русскаго кружка» открыты для всѣхъ, желающихъ посѣтить собраніе.

2) Всѣ пренія [1] и дѣла «Кружка» ведутся на русскомъ языкѣ.

3) Дѣйствительнымъ членомъ «Русскаго кружка» можетъ быть только русскій. Въ почетные члены принимается всякій, безъ различія національностей.

4) «Кружокъ» собирается въ недѣлю одинъ разъ, по понедѣльникамъ, въ 8 часовъ вечера. Желающихъ посѣтить періодическія собранія «Русскаго кружка» приглашаютъ по слѣдующему адресу: Delancey Hall, 36 Delancey, corner Forsyth Street, а письма и корреспонденціи адресуются такъ: Post-office Box 404, Greenpoint, Kings County, L. J.; за частными же свѣдѣніями и справками по дѣламъ «Кружка» предлагаютъ обращаться къ секретарю (ежедневно, съ 6 часовъ пополудни), въ Amity St. New-Jork. Въ настоящее время предсѣдателемъ «Русскаго Кружка» состоитъ И. П. Волковъ; секретаремъ М. С. Бетанелли; казначеемъ И. А. Добролюбовъ.

По отзыву того же корреспондента, русскій кружокъ уже помогаетъ своимъ братьямъ въ Россіи нужными для нихъ справками и свѣдѣніями, а въ Нью-Йоркѣ—хлопотами и даже матеріальною помощью; такъ нѣкоторымъ русскимъ, издержавшимъ на переѣздъ въ Америку всѣ деньги, найдены мѣста и оказана небольшая денежная поддержка, а одному бѣдному русскому булочнику, пріѣхавшему изъ Кіева съ женою, двумя дѣтьми и старухою матерью, пріискана дешевая квартира и мѣсто у кандитера за 60 долларовъ въ мѣсяцъ.

Средства кружка теперь еще незначительны; ихъ расширеніе и упроченіе—въ рукахъ сочувствующихъ этому благому почину нашихъ заатлантическихъ соотечественниковъ.

Н. Славинскій.

---

[1] Религіозные и политическіе вопросы не входятъ въ программу кружка и пренія о нихъ не допускаются.

ИЗЪ МОРИЦА ШТРАХВИЦА.

Когда въ лазурь небесъ я взоры устремляю,
Слегка покрытую прозрачной пеленой, —
Твои глаза я вспоминаю,
Прекрасный ангелъ мой!
Когда съ разсвѣтомъ дня, на листья нѣжной розы
Цѣпь тучекъ плачущихъ спускается росой, —
Твои я вспоминаю слезы,
Прекрасный ангелъ мой!

Когда, послушныя неодолимой власти,
Двѣ тучи въ небесахъ столкнутся межъ собой, —
Я думаю о нашей страсти,
Прекрасный ангелъ мой!
Когда гроза реветъ на бѣшеномъ просторѣ
И одѣваетъ все зловѣщей темнотой, —
Я думаю о нашемъ горѣ,
Прекрасный ангелъ мой!

Петръ Вейнбергъ.

О РАЗВИТІИ ВЫСШИХЪ ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ЧУВСТВЪ.

Мысли сибиряка при взглядѣ на нравственныя чувства и стремленія сибирскаго общества.

Всякій, кто внимательно вникнетъ въ современный фазисъ развитія человѣческой природы, съ радостнымъ убѣжденіемъ замѣтитъ, между прочимъ, что высшее развитіе нервной системы и сознанія человѣка все болѣе и болѣе выражается въ лучшей части человѣчества развитіемъ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, честности, кооперативной взаимности, сознанія и уваженія въ людяхъ равнаго человѣческаго достоинства и всѣми вытекающими изъ нихъ высшими, благороднѣйшими стремленіями. Вмѣстѣ съ этимъ, высшее развитіе нервной системы и сознанія человѣка стремится устранить изъ исторіи и жизни людей грубую, зоологическую или животную борьбу за существованіе, наравнѣ съ другими законами природы подчинить разуму человѣческому самый законъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе, уничтожить первобытное преобладаніе грубыхъ эгоистическихъ наклонностей человѣческой природы и замѣнить его всеобщимъ развитіемъ высшихъ чувствъ соціально-кооперативной взаимности и просвѣщенно-человѣчной симпатіи. Этого ужь и теперь требуетъ, а съ каждымъ будущимъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе будетъ требовать законъ высшаго развитія человѣческаго мозга. „Высшія чувства—говоритъ Гербертъ Спенсеръ—высшія чувства, при равенствѣ другихъ условій, соотносительны болѣе сложному мозгу, такъ же какъ болѣе многочисленныя, болѣе разнообразныя, болѣе общія и болѣе абстрактныя мысли, потребность въ которыхъ для успѣшной жизни должна возрастать по мѣрѣ совершенствованія общества, при равенствѣ другихъ условій, также соотносительны большому мозгу“ (Основ. біол. 11, 390). Да, чѣмъ болѣе раз-

виваются высшіе нервные центры человѣческаго мозга, тѣмъ болѣе развиваются въ людяхъ и высшія чувства; и, съ другой стороны, чѣмъ болѣе развиваются въ человѣческой природѣ возвышенныя идеи и чувства справедливости, гуманности и честности, тѣмъ болѣе развиваются въ человѣческомъ мозгу и нервныя клѣтки большихъ мозговыхъ узловъ или, вообще, прибавляется нѣчто къ нервнымъ свойствамъ слѣдующихъ поколѣній. Мысль эту прекрасно выражаетъ Маудсли въ своей „Физіологіи и патологіи души". „Между врожденною нравственною природою хорошо образованнаго человѣка и грубою природою дикаря,— говоритъ онъ,—мы находимъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ образованіи и воспитаніи, различіе, не меньшее того, которое часто существуетъ между однимъ видомъ животныхъ и другимъ. Возвышенныя идеи о справедливости, добродѣтели, милосердіи, пріобрѣтаемыя съ развитіемъ истинной цивилизаціи и совершенно чуждыя дикарю, несомнѣнно прибавляютъ *нѣчто къ нервнымъ свойствамъ слѣдующихъ поколѣній; въ устройствѣ ихъ нервовъ* не только лежитъ возможность такихъ идей, которыхъ нѣтъ у дикаря, но у нихъ зарождаются даже инстинктивныя качества души, прекрасный тонъ чувствованій, возстающій противъ несправедливости всякаго рода; у нихъ образуется возможность такъ-называемаго нравственнаго чувства... Нравственное чувство означаетъ усовершенствованныя качества нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ, или высшій родъ нервныхъ элементовъ, качества, которыя являются вслѣдствіе надлежащаго развитія. Такая высота нервно-мозговаго развитія достигается при совершенствованіи человѣчества изъ поколѣнія въ поколѣніе, при прогрессѣ гуманизаціи. Напротивъ того, при упадкѣ и вырожденіи человѣческой природы, однимъ изъ самыхъ раннихъ дурныхъ симптомовъ бываетъ потеря добродѣтели и разрушеніе нравственнаго чувства или любви къ ближнему... Идеи о добродѣтели и порокѣ, для которыхъ австралійскій дикарь вовсе не имѣетъ словъ въ своемъ языкѣ, до тѣхъ поръ не могутъ образоваться въ его умѣ, пока посредствомъ воспитанія цѣлыхъ поколѣній онъ не будетъ сдѣланъ образованнымъ человѣкомъ, или пока не будутъ наиболѣе развиты и дифференцированы нервныя клѣтки его большихъ мозговыхъ узловъ" (Маудсли, 1, 166—167, 198). И дѣйствительно, не отвлекаясь за примѣрами далеко, вспомнимъ только, отчего, напримѣръ, бурятъ, остякъ, якутъ или чувашенинъ, черемишанинъ и вотякъ, при обращеніи въ христіанство, не усвояютъ глубоко, всѣмъ своимъ умомъ и чувствомъ, высшихъ идей и чувствъ евангельской правды и любви къ ближнимъ? Отчего миссіи наши сѣютъ евангельское

сѣмя бо̀льшею частью совершенно безуспѣшно или только, по выраженію евангельской притчи, „на камени", то-есть поверхностно? Оттого, что самые мозги или нервно-мозговыя способности бурятъ, остяковъ, чукчей или чувашъ, черемисъ и вотяковъ еще далеко не развиты были на столько предварительно, генеративно-послѣдовательно, чтобы нервныя клѣтки ихъ были способны къ надлежащей ассимиляціи идей и чувствъ, превышающихъ ихъ нервно-мозговую воспріимчивость и силу. Ихъ напередъ надобно гуманизировать, надобно развить ихъ мозги постепеннымъ, генеративно-послѣдовательнымъ общечеловѣческимъ просвѣщеніемъ,—и тогда возможна будетъ успѣшная пропаганда между ними всякихъ высшихъ идей и чувствъ. Оттого-то, и по свидѣтельству общей исторіи человѣчества, такія высшія идеи и чувства, какъ идеи и чувства гуманности и справедливости, не могли развиться на нисшихъ степеняхъ нервно-мозговаго состоянія человѣческой природы, а стали развиваться только съ высшимъ развитіемъ человѣческаго мозга. Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныя времена на нисшей степени развитія нервной системы человѣка, высшія человѣческія чувства гуманности и справедливости были еще и немыслимы вовсе. Симпатія человѣческая тогда ограничивалась, да и то не всегда во всей полнотѣ, одной своей семьей, потомъ своимъ родомъ или племенемъ, такъ же какъ и инстинктивная симпатія животныхъ ограничивается однимъ своимъ стадомъ. Въ первобытной лѣсной дичи сплошь и рядомъ было такъ, что родовыя орды близко жили другъ возлѣ друга и, однакожь, не знали другъ друга. Отсюда-то и проистекаетъ, напримѣръ, эта несказанная разрозненность и разноголосица языковъ дикихъ индѣйцевъ, которая страшно затрудняетъ у нихъ каждый шагъ культуры; насчитывается отъ 500 до 600 американскихъ языковъ или нарѣчій у какихъ-нибудь 12—13 милліоновъ первобытныхъ жителей! (W. Roscher 1, 22). Къ чуждымъ родамъ или племенамъ первобытные люди чувствовали только страхъ, антипатію, вражду и жажду мести. Страхъ чуждыхъ племенъ, особенно страшныхъ своею наружностью, силою и звѣрскою жестокостью, постоянно возбуждалъ и поддерживалъ только эгоистическія чувства инстинкта самосохраненія и, вслѣдствіе того, невольно, рефлективно проявлялся въ вѣчной ожесточенной борьбѣ со всѣми чуждыми племенами, въ неудержимыхъ порывахъ жестокой мести, въ звѣрскихъ, безпощадныхъ человѣкоубійствахъ. Такъ это доселѣ замѣчается путешественниками, напримѣръ, у нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ дикихъ племенъ, такъ это было нѣкогда и въ нашей Сибири. Со страхомъ и трепетомъ выходили первобытныя племена на ожесточенную

борьбу съ чуждыми племенами, боясь не только враговъ, но и боговъ, дающихъ племенамъ силу, оружіе и храбрость или лишающихъ всего этого, дарующихъ побѣду и плѣнниковъ, или предающихъ самихъ въ плѣнъ врагамъ. И вотъ, какъ только они одерживали верхъ надъ какимъ-нибудь чуждымъ или враждебнымъ племенемъ и захватывали у него плѣнниковъ—тотчасъ же, въ рефлексѣ отъ изступленнаго ожесточенія и чувства мести, безпощадно задушали и закалали этихъ плѣнниковъ въ жертву богамъ, чувствуя въ собственномъ ожесточеніи и мести невольную требу боговъ и побужденіе къ жертвоприношенію. Такимъ образомъ, вѣроятно, произошли эти противочеловѣчественные, звѣрскіе обычаи первобытныхъ временъ, какъ людоѣдство или антропофагія, каннибализмъ и ксеноктонія. Подобно тому, какъ одинъ родоначальникъ дикаго племени на островѣ Фиджи или Feeice-Islands, впродолженіе своей жизни пожралъ до 872 человѣкъ,—такъ, вѣроятно, и въ первобытныя времена дикари-герои, на своемъ вѣку, пожирали не меньше того людей. Даже мексиканцы, у которыхъ найдены слѣды значительно развитой культуры, отличались звѣрскою жестокостью антропофагіи. По свидѣтельству одной испанской хроники, они каждогодно приносили отъ 20 до 50,000 человѣческихъ жерствъ, или, по словамъ Torquemada Monarquia Indiana, они ежегодно закалали до 20,000 дѣтей (Roscher 1, 493). Что касается до древнихъ историческихъ народовъ, то у многихъ изъ нихъ долго господствовалъ тотъ родъ человѣческой жертвы, который греки называли ξενοκτονία, то-есть закланіе въ жертву чужеплеменниковъ. Извѣстна прославленная Геродотомъ и Еврипидомъ ταῦραν ξενοκτονία или безпощадное закланіе въ жертву богинѣ Артемидѣ всѣхъ иностранцевъ, пристававшихъ къ берегу древней Тавріи [1].

---

[1] Григорій Назіанзинъ въ своемъ словѣ о древнеязыческихъ религіозныхъ обрядахъ, называетъ этотъ родъ жертвоприношенія Ταῦρων ξενοκτονία (Слово V). Наконецъ, до какой степени чужды были и древнимъ индогерманскимъ и славянскимъ племенамъ всякія чувства гуманности или человѣколюбія не только къ людямъ чуждыхъ племенъ, но и къ своимъ единоплеменникамъ и даже своимъ дѣтямъ и кровнымъ родственникамъ, — объ этомъ также свидѣтельствуетъ долговременное господство и у нихъ жестокихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Такъ, напримѣръ, о языческой Руси IX вѣка въ амастрійской легендѣ говорится: «Crudeliter caedentes omnem sexum atque aetatem, nulla senum infantiumque commiseratione, sed promiscue contra omnes sanguinolentam armantes manum, pernicem inferre quam citissime contendebant... Taurica illa vetus hospitum caedes ab iis renovata: adolescentium jugulatio (удушеніе), tam marium quam feminarum. (Гедеонова, о варяж. вопр. въ Зап. ак. н. стр. 60). Левъ Діаконъ о руссахъ временъ Святослава говоритъ: «ἄνδρας καὶ γύναια ἐπ αντοῖς

При такомъ долговременномъ господствѣ антропофагіи и человѣческихъ кровавыхъ жертвъ, на нисшей степени развитія человѣческой природы—очевидно, долго не могли развиваться высшія идеи и чувства гуманности, справедливости и уваженія человѣческаго достоинства. Именно, въ самомъ мозгу дикаря еще не развита или не существуетъ такая нервная способность, нѣтъ такого нервнаго элемента, чтобы воспринять и уразумѣть идею гуманности и отвращенія отъ людоѣдства. „Въ нѣкоторыхъ языкахъ Полинезіи—говоритъ Джонъ Лёббокъ—однимъ и тѣмъ же словомъ выражаются понятія: хорошій и благо, дурной и зло, право и неправо. Потому миссіонеры никакъ не могли объяснить каледонійцамъ, что *безчеловѣчно, дурно ѣсть себѣ подобнаго. „Я увѣряю тебя, что это хорошо*",—отвѣчали они почтенному епископу, усиливавшемуся разъяснить имъ, что это дурно" (Сборн. соврем. вопр. антроп. 28).

На слѣдующей, болѣе высшей степени человѣческаго развитія въ періодъ господства политеистическаго страха таинственныхъ силъ природы, первобытныя, чисто звѣрскія чувства, породившія людоѣдство или каннибализмъ, замѣнились господствомъ чувствъ, хотя и менѣе противочеловѣчественныхъ, но также чуждыхъ идеи гуманности и справедливости. Послѣ господства безчеловѣчныхъ, антропофагическихъ чувствъ, — настало господство чувствъ и стремленій эгоистически-поработительныхъ. Политеизмъ, внушая вѣру въ вѣчную борьбу въ природѣ двухъ началъ—добраго и злаго—и въ природѣ человѣческой санкціонировалъ господство завоевательныхъ и эгоистически-поработительныхъ наклонностей какъ роковой, неизбѣжный результатъ всеобщей борьбы противоположныхъ началъ въ природѣ. Греческій философъ Гераклитъ въ этой всеобщей борьбѣ силъ природы видѣлъ санкцію и войны и порождаемаго ею рабства. Именно онъ училъ: *πόλεμος πάντων μὲν πατὴρ εστι πάντων δὲ βασιλεὺς, καὶ τοὺς μὲν δούλους ἐποίησε τοὺς δὲ ελεύθερους* (Ист. фил. Льюиса, 71). Въ то же время, политеизмъ, возбуждая національныя войны во имя племенныхъ боговъ, также благопріятствовалъ развитію и господству эгоистически-поработительныхъ чувствъ и наклонностей. „Всѣ войны во времена политеизма, — говоритъ Льюисъ, излагая идеи Конта,—имѣли существенно религіозный характеръ. Боги были тогда существенно національны. Ихъ вражда необходимо шла объ руку съ враждой племенъ. Они были

κατα τον πάτριον νόμον ἐναποσφάξαντες». (Edit. Bonn. 149). Наконецъ, въ нашей лѣтописи сказано о нашихъ предкахъ: «Привожаху сыны своя и дщери и жряху бѣсомъ. Рѣша старцы и боляре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на него же надетъ, того зарежемъ богомъ» (Лав. 35).

участниками и торжествъ, и пораженій. Вслѣдствіе этого, политеизмъ прямо возбуждалъ духъ завоеванія, и велъ къ замѣнѣ древняго людоѣдства рабствомъ. Война была главнымъ источникомъ рабства, а рабство вездѣ смѣняло антропофагію и принесеніе плѣниковъ въ жертву (Льюисъ и Контъ, 310). Такимъ образомъ, при всей несомнѣнности нѣкотораго прогресса въ такой перемѣнѣ антропологическихъ воззрѣній, все-таки и на болѣе высшей степени развитія человѣческой природы, какую представляли древніе греки и римляне, въ нервной системѣ человѣка еще не развиты были въ надлежащей степени такія нервно-мозговыя свойства, которыя бы естественно сопровождались развитіемъ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости и уваженія равнаго человѣческаго достоинства. И потому, вотъ, эгоистически-поработительныя наклонности господствовали тогда со всей силой. Въ Греціи, вслѣдствіе этого, почти $^3/_4$ народонаселенія составляли совершенно безправныя лица, которыя считались предметомъ собственности, товаромъ. Аттика, самая образованнѣйшая страна древности, на пространствѣ 40 квадр. миль, при населеніи въ 500,000 человѣкъ, имѣла 365,000 рабовъ, то-есть 73%. Въ Римской имперіи половина населенія состояла изъ рабовъ и при Августѣ были примѣры гражданъ, имѣвшихъ по 4,000 рабовъ. При переходѣ отъ республики въ имперію, городъ Римъ имѣлъ, сверхъ 50,000 перегриновъ (иностранцевъ), почти 1.000,000 рабовъ. И въ то время, какъ 40% населенія Рима состояло изъ рабовъ, а 29% изъ нищихъ, классъ рабовладѣльцовъ и собственниковъ не составлялъ и $^1/_2$ % его населенія. Этотъ классъ собственниковъ захватилъ въ свое владѣніе обширнѣйшія земли (latifundia), и рабы, какъ рабочій скотъ, или, по выраженію римлянъ, какъ, „говорящія машины“ какъ (instrumentum vocale), обречены были на каторжную обработку этихъ латифундій. Вообще, численностъ и страшное иго рабовъ въ Римѣ были такъ велики и опасны, что Сенека восклицалъ: quantum periculum immineret si servi nostri numerare nos coepissent (Clementia 1,24). И вотъ, въ этомъ-то неестественно-одностороннемъ и чрезмѣрно-рабскомъ напряженіи мышечной силы общественнаго организма, въ ущербъ умственнымъ и нравственнымъ силамъ общества, для обезпеченія только dulcis otii — сладкаго досуга немногихъ рабовладѣльцевъ богачей, въ этомъ соціальномъ преобладаніи страдальческой рабской работы мускуловъ массы народной надъ здоровой нервно-мозговой выработкой высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности и справедливости,—вотъ въ этомъ-то, говоримъ, антиантропологическомъ общественномъ злѣ и заключался главный источникъ органическаго разложенія древняго

міра. „Главною причиною разрушенія Римской имперіи, — говоритъ Мишле,—было общественное зло, источникъ котораго не могъ изсякнуть, пока новый человѣкъ не смѣнилъ древняго. Такимъ зломъ было рабство“ (Hist. de France. Paris, 1835, I, 90—97). Да, чрезмѣрное развитіе и вѣковое господство эгоистическихъ поработительныхъ чувствъ и наклонностей неизбѣжно доводило древняго человѣка до такого нравственнаго растлѣнія и психическаго вырожденія, что не только неизбѣжно было паденіе древнихъ обществъ, но и вполнѣ возможно было развитіе безотрадныхъ воззрѣній на достоинство человѣческой природы, на высшія идеи и чувства гуманности и справедливости. Пиѳагорейцы считали простолюдиновъ „животными“ ζῶα (Бабстъ. „Государ. мужи Греціи“, стр. 10). „Циники, говоритъ Льюисъ въ своей исторіи философіи,—циники хулили и оскорбляли человѣчность“ (Ист. фил. 181 — 182). Какъ идея о государствѣ, de republica, πολιτεία у греческихъ философовъ преобладала надъ идеей человѣчности, такъ и идея гражданина или государственнаго мужа, политика у нихъ преобладала надъ идеей человѣка. Аристотель утверждалъ, что человѣкъ по самой природѣ своей есть не что иное, какъ „политическое животное“: ὅτι ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῶον ἐστι. Вообще, человѣкъ въ древности, по выраженію Вебера, терялся въ гражданинѣ, или имѣлъ значеніе, по выраженію Бека, только какъ „мужъ закона“ (Mann des Gesetzes). Идея справедливости также еще далеко не была ясно и точно понята даже самыми философскими греческими умами. Справедливость (δικαιοσύνη) у грековъ означала собственно судейское правосудіе, правду на судѣ ареопага. Софисты учили, что нѣтъ вѣчной истины и справедливости: τὸ δίκαιον καὶ τὸ αἴσχρον οὐ φύσει ἀλλὰ νόμῳ: справедливость есть только справедливость каждаго города; то, что кажется справедливымъ и честнымъ для какого-нибудь города, справедливо и честно только для этого города; справедливость есть не что иное, какъ законъ, предписанный сильнѣйшею партіею въ государствѣ (Льюисъ, Ист. филос.). Скептикъ Карнеадъ въ одной рѣчи съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ восхвалялъ справедливость, а на слѣдующій день такъ же убѣдительно говорилъ противъ справедливости, и опровергъ всѣ свои доводы, которыми наканунѣ доказывалъ бытіе этой добродѣтели (Ibid. 301). У римлянъ также идеи справедливости и гуманности имѣли ограниченный смыслъ: первая означала правосудіе въ легально-юридическомъ смыслѣ (justitia), а вторая обнимала только гражданъ римскихъ, и то только свободныхъ. „Граждане римскіе, —говоритъ современникъ паденія Римской имперіи Сальвіанъ — граждане римскіе не имѣли справедливости и человѣколюбія и, не имѣя сами

несправедливыхъ притѣсненій, шли искать у варваровъ римскаго человѣколюбія (romanam humanitatem), потому что не могли перенести у римлянъ варварской безчеловѣчности. Гдѣ и у кого, какъ не у римлянъ, можно найти такое зло, какъ безчеловѣчность и несправедливость?—Чья несправедливость превышаетъ нашу (римскую несправедливость)? У римлянъ люди свободные обращаются въ рабовъ. И мы еще удивляемся, что варвары могутъ брать насъ въ плѣнъ, когда мы сами полонимъ своихъ братьевъ“ (De Gubernatione Dei, см. извлеч. въ Истор. сред. вѣк. Стасюл. I. 86—94). Такъ, и на болѣе высшей степени развитія человѣческой природы, въ періодъ господства политеистическаго страха таинственныхъ силъ природы, мозгъ человѣческій еще не развилъ въ себѣ такихъ высшихъ нервныхъ свойствъ, чтобы быть способнымъ выработать, во всей опредѣленности и полнотѣ, высшія идеи и чувства гуманности, справедливости и сознанія равнаго человѣческаго достоинства.

Но вотъ, наконецъ, послѣ того, какъ евангельское ученіе возвѣстило не только по городамъ, но и по весямъ величайшую заповѣдь о любви къ ближнему, о братствѣ людей,—послѣ того, на высшей степени развитія человѣческой природы, какая была доселѣ возможна, съ выработкой, въ новѣйшее время, высшихъ, разумно-сознательныхъ, научно-антропологическихъ понятій и убѣжденій,—умъ человѣческій впервые сталъ доходить до истиннаго, полнаго и точнаго сознанія идей гуманности, справедливости и равнаго человѣческаго достоинства. Высшія чувства, соединяемыя съ идеями гумманности и справедливости, возможны стали только съ высшимъ развитіемъ мозга. „Высшая человѣческая симпатія или гуманность,—говоритъ Дарвинъ, — кажется, есть одно изъ самыхъ послѣднихъ моральныхъ пріобрѣтеній. Мы не находимъ ея у дикарей. Какъ мало было знакомо высшее чувство гуманности древнимъ римлянамъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ возмутительныя гладіаторскія бойни. Самая идея гуманности была, на сколько я могъ замѣтить, новостью для большей части пампасскихъ гаучосовъ. Эта добродѣтель, благороднѣйшая изъ человѣческихъ добродѣтелей, возникаетъ по мѣрѣ того, какъ наши симпатіи становятся нѣжнѣе и шире и охватываютъ собою наконецъ всѣ чувствующія существа. Въ настоящее время, какъ только проявляется эта добродѣтель въ нѣсколькихъ уважающихъ ее личностяхъ, то она быстро прививается къ юношеству путемъ воспитанія, примѣра и общественнаго мнѣнія“ (Дарвинъ, „О происх. челов.“ I, 141). Общее высшее развитіе ума и чувства, вслѣдствіе усиленія образовательнаго вліянія естествовѣдѣнія и антропологическаго ученія, все-

болѣе и болѣе сопровождается развитіемъ высшихъ чувствъ справедливости и честности. „Естествовѣдѣніе,—говоритъ Вирховъ,—освобождаетъ мысль съ каждымъ шагомъ своего развитія; оно открываетъ мысли новые пути и несетъ съ собою, кромѣ матеріальныхъ успѣховъ, кромѣ благороднаго стремленія впередъ и жажды къ дальнѣйшимъ научнымъ пріобрѣтеніямъ,—еще и для всякой отдѣльной личности путь уйти отъ лжи, отъ обмана чувствъ, отъ иллюзій, а слѣдовательно, и отъ вытекающаго отсюда безнравственнаго положенія относительно многихъ, сомнительныхъ вопросовъ жизни. Другими словами, оно даетъ возможность каждому быть въ полномъ смыслѣ *правдивымъ*. И по мѣрѣ того, какъ каждый научится правильно думать и познакомится съ бо̀льшимъ кругомъ фактовъ, по мѣрѣ того, какъ все бо̀льшая масса предметовъ будетъ включаться въ сферу его пониманія,—и нравственный уровень каждаго повысится. Я убѣжденъ, что въ научномъ развитіи каждый найдетъ источникъ нравственнаго совершенствованія, *будетъ стремиться къ правдѣ, честности и справедливости въ жизни*“ (Рѣчь Вирхова, въ „Отеч. Зап.“ 1871 г. № 12, стр. 317). Развитіе высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, симпатіи и кооперативной общности въ соціальныхъ отношеніяхъ людей, все болѣе и болѣе возвышаетъ человѣческое достоинство и наслажденіе общежитія, и сообщаетъ человѣческой природѣ истинно-антропологическое совершенство. Чѣмъ болѣе развиваются въ людяхъ эти высшія чувства, тѣмъ болѣе они начинаютъ чувствовать наслажденіе истинными человѣческими отношеніями, наслажденіе своими соціальными обязанностями, соціальными дѣлами гуманности, справедливости и кооперативнаго сочувствія и содѣйствія, и тѣмъ болѣе развивается цѣльность и гармонія психической жизни личностей, согласіе ума, чувства, воли и страстей, убѣжденій и дѣйствій. „Если,—говоритъ великій воспитатель человѣческихъ поколѣній Песталоцци,—если гармонія душевныхъ силъ возстановлена посредствомъ исполненія человѣческихъ обязанностей, если существуетъ наслажденіе отъ истинныхъ человѣческихъ отношеній, тогда нравственная сила человѣка имѣетъ прочное основаніе“ (Письма Песталоцци въ журналѣ „Дѣтскій Садъ“ 1868 г. май и іюнь). Далѣе, чѣмъ болѣе общественное мнѣніе и сознаніе проникается высшими чувствами гуманности, справедливости и честности, тѣмъ легче и удобнѣе становится и отдѣльнымъ личностямъ проводить въ своей жизни и дѣятельности со всею строгою послѣдовательностью и выдержанностью высшія идеи и чувства, внушаемыя глубокими соціально-антропологическими убѣжденіями. Въ высоко-цивилизованныхъ обществахъ западной Европы, при наиболь-

шей распространенности высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ, все безпретксновеннѣе и шире становится соціальный просторъ для строго-выдержанныхъ, неуклонно послѣдовательныхъ, честныхъ, справедливыхъ и гуманныхъ дѣйствій такихъ личностей, какъ Оуэны, Мадзини, Лассали и т. п.,—тогда какъ въ обществахъ, гдѣ еще крайне мало развиты высшія человѣческія убѣжденія и чувства, часто само общественное мнѣніе тормозистѣе и страшнѣе всякаго репрессивнаго контроля, и соціально-нравственное міросозерцаніе большинства общества представляетъ почти сплошную трущобу претккновеній для строгой выдержанности и послѣдовательности осуществленія въ жизни честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ правилъ и дѣйствій. Наконецъ, чѣмъ болѣе развиваются высшія человѣческія чувства справедливости, гуманности и соціально-кооперативнаго сочувствія и взаимодѣйствія, тѣмъ болѣе люди отрѣшаются отъ первобытныхъ, грубыхъ эгоистическихъ наклонностей, приравнивающихъ человѣка къ животнымъ, и тѣмъ болѣе вымираютъ въ человѣческой природѣ нисшія, чисто животныя эгоистическія чувства и наклонности. Современныя антропологическія наблюденія показываютъ, что тѣ человѣческія поколѣнія, которыя, не развивая въ себѣ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости, честности и соціально-кооперативной взаимности, съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ мозга, всецѣло предаются только эгоистическимъ, своекорыстно-пріобрѣтательнымъ интересамъ и стремленіямъ буржуазнаго духа и бѣшеной ажитаціи корыстолюбія,—тѣ поколѣнія, какъ атавистическое или реверсивное отродье первобытнаго господства грубыхъ, чисто-животныхъ эгоистическихъ чувствъ и наклонностей,—наслѣдуютъ большею частію только задатки нервно-мозговаго разстройства или душевнаго и физическаго вырожденія. Чрезмѣрное возбужденіе мозга, выражающееся въ эгоистической буржуазной борьбѣ за существованіе, въ ненасытимой жаждѣ обогащенія, въ чрезмѣрномъ, исключительномъ напряженіи ума и волненіи чувства одними эгоистическими, безсовѣстно-пріобрѣтательными стремленіями, въ подавленіи всѣхъ высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности, честности и справедливости,—такое чрезмѣрное эгоистически-пріобрѣтательное возбужденіе нервной системы часто сопровождается, говоримъ, душевнымъ и физическимъ вырожденіемъ буржуазныхъ поколѣній. Въ высшей степени замѣчательны слѣдующія наблюденія и выводы англійскаго натуралиста Маудсли: „Можетъ быть—говоритъ онъ,—особый и, безъ сомнѣнія, немаловажный изъ дурныхъ аффектовъ, происходящихъ изъ условій настоящей цивилизаціи и порождающихъ упадокъ и разстройство нервной системы, состоитъ въ господ-

ствующемъ въ буржуазномъ мірѣ страхѣ сдѣлаться бѣднымъ и въ страстномъ желаніи быть богатымъ. Практическое евангеліе этого міра, вездѣ свидѣтельствуемое вѣрою и дѣлами, состоитъ въ пріобрѣтеніи денегъ. Люди главнымъ образомъ цѣнятся и занимаютъ положеніе въ обществѣ по количеству ихъ богатства, и потому напрягаютъ всѣ свои силы для пріобрѣтенія его., Результатомъ этого является то, что въ высшія сферы торговли и коммерціи сильно проникаютъ спекуляціи всѣхъ родовъ, и что многіе держатся въ постоянномъ состояніи возбужденія и безпокойства колебаніями денежнаго курса. Въ низшихъ отрасляхъ торговли существуетъ тоже самое сильное желаніе пріобрѣтенія маленькихъ выгодъ, и постоянное поглощеніе ума этими маленькими пріобрѣтеніями, порождаетъ мелкость ума и посредственность духа, если не ведетъ къ настоящей нечестности, которая нигдѣ не обнаруживается въ такой жалкой формѣ, какъ у нѣкоторыхъ мелкихъ торговцевъ. Занятія, которыми человѣкъ совершенно поглощается, конечно, измѣняютъ его характеръ, и жизнь, тратимая съ единственною цѣлію сдѣлаться богатымъ, оказываетъ весьма пагубное дѣйствіе. Это не значитъ, что колебанія возбужденія разстраиваютъ разсудокъ купца и ведутъ къ маніи, хотя иногда случается и это; это не значитъ, что неудача въ пароксизмѣ какого-нибудь кризиса разбиваетъ всю его энергію и дѣлаетъ его меланхоликомъ, хотя и это также иногда наблюдается; но значитъ, что исключительность его цѣли жизни и занятія чрезвычайно часто подрываетъ нравственный элементъ въ его природѣ, дѣлаетъ его крайнимъ эгоистомъ и отвратительнымъ человѣкомъ, и въ его лицѣ ухудшаетъ природу человѣчества. Чтò изъ этого слѣдуетъ? То, что крайне невѣроятно, чтобы такой человѣкъ произвелъ здоровыхъ дѣтей; напротивъ, весьма вѣроятно, что пріобрѣтенное ухудшеніе природы онъ передаетъ, какъ несчастное наслѣдство, своимъ дѣтямъ. Во многихъ случаяхъ, въ которыхъ отецъ съ большимъ трудомъ поднялся изъ бѣдности къ громадному богатству, съ цѣлію и надеждою основать родъ, я видѣлъ въ результатѣ душевное и физическое вырожденіе его потомства, которое шло впередъ до тѣхъ поръ, пока не угасалъ родъ въ третьемъ или четвертомъ колѣнѣ. Когда зло бываетъ не такъ велико, какъ помѣшательство или гибельный недостатокъ, то, при хорошемъ вліяніи матери, оно можетъ выразиться инстинктивной хитростью и двоедушіемъ, и крайнимъ самолюбіемъ, исключающимъ возможность развитія истинныхъ и нравственныхъ понятій, или чувства любви къ ближнимъ. Чтò бы ни думали другіе, болѣе опытные наблюдатели, я, послѣ того, чтò замѣчалъ самъ, держусь того мнѣнія, что чрез-

мѣрная страсть къ пріобрѣтенію богатства, поглощая всю энергію жизни, предрасполагаетъ потомство къ душевному вырожденію—къ нравственнымъ недостаткамъ, или нравственной и интеллектуальной слабости, или къ положительному помѣшательству, смотря по условіямъ жизни“ (Маудсли: Физіологія и Патологія души. I, 244—245).

Съ такими мыслями мнѣ невольно пришлось въ Сибири вдоволь насмотрѣться на нравственную жизнь и дѣятельность наибольшей части сибирскаго общества. Указывая на высказанныя сейчасъ общія соціально-антропологическія мысли, считаю нелишнимъ далѣе обратить вниманіе читателей на нравственныя чувства и стремленія наибольшей части сибирскаго населенія, сообщить нѣкоторыя свои наблюденія и сдѣлать изъ нихъ нѣсколько выводовъ, заслуживающихъ, думаю, серьёзнаго вниманія не только сибирскаго, но и всего русскаго общества. Прежде всего замѣчу, что сообщенное мною сейчасъ наблюденіе англійскаго натуралиста-антрополога Маудсли о душевномъ и физическомъ вырожденіи эгоистически-корыстолюбивыхъ поколѣній, вѣроятно, можетъ подтвердиться многими фактами и изъ жизни русскаго народа. Я укажу на одинъ фактъ, извѣстный мнѣ частію по личнымъ наблюденіямъ, частію по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нѣкоторыми жителями изъ мелкихъ деревень. Въ Верхоленскомъ округѣ я знаю до 7 родовъ, изъ которыхъ одни принадлежали къ сословію такъ-называемымъ на Ленѣ торгующихъ крестьянъ, другіе переписались въ купеческое сословіе, третьи числились крестьянами, но въ то же время занимались мелкими торговыми спекуляціями, и, наконецъ, одинъ родъ, принадлежавшій даже къ духовному сословію. Основатели этихъ родовъ и ихъ дѣти, вообще, до того заражены были всецѣло одною эгоистически - пріобрѣтательною страстью и своеобразно - буржуазною заботливостью о наживѣ, что, можно сказать положительно, утратили всякія человѣческія чувства совѣсти, человѣколюбія, честности и справедливости. Бѣдныхъ людей они эксплуатировали съ возмутительно-безпощаднымъ жестокосердіемъ. Одни, напримѣръ, закабаляя бѣдныхъ крестьянъ мелочными ссудами на годъ, па два, вынуждали ихъ весною строить свои барки для сплава хлѣба и разныхъ товаровъ въ Якутскъ и продерживали ихъ на этой работѣ до половины мая, вслѣдствіе чего бѣдные крестьяне пропускали время весенняго посѣва, или сѣяли яровые хлѣба уже около половины мая, такъ что хлѣбъ у нихъ, естественно, не успѣвалъ выростать и созрѣвать въ какіе-нибудь 70 дней, при выпаденіи раннихъ инеевъ на Ленѣ. Эти же богачи, безсовѣстно ссужая нуждающихся крестьянъ

небольшими суммами денегъ подъ условіемъ уплаты за нихъ хлѣбомъ, такимъ образомъ у многихъ изъ нихъ забирали хлѣбъ еще на корню, и, вообще, пользуясь крайнимъ малоденежьемъ и отсутствіемъ заработковъ въ Ленскомъ краю, за безцѣнокъ скупали огромное количество хлѣба, въ ущербъ бѣдному мѣстному населенію. Другой родъ, проживающій въ такой непроходимой, недоступной лѣсной глуши, куда еще и дорога тележная не проложена, а ѣздятъ верхомъ по хребтамъ, съ трудомъ пробираясь мѣстами черезъ топи, трясины и болота,—этотъ захолустный родъ своей потаенной, безпощадной эксплуатаціей довелъ до вымиранія большой процентъ послѣднихъ туземныхъ тунгусовъ, грабя въ то же время и другихъ бѣдныхъ ясачныхъ и русскихъ. Третьи безъ всякаго милосердія грабятъ и обижаютъ не только бѣдныхъ собратій-крестьянъ, но даже и своихъ ближайшихъ бѣдныхъ родственниковъ. Я нахожу излишнимъ разсказывать здѣсь извѣстные мнѣ возмутительные факты безчестности и жестокости буржуазнаго эгоизма этихъ родовъ. Но замѣчу вообще, что многіе изъ извѣстныхъ мнѣ ленскихъ кулаковъ-экплуататоровъ до того прославились своимъ эгоистически-пріобрѣтательнымъ грабежемъ и наживой на чужой счетъ, что въ мѣстномъ населеніи разсказываются про нихъ разныя легенды, какъ напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ, будучи прикащиками у туземныхъ же крезовъ, скрадывали шкатулки съ тысячами рублей и, чтобы сразу же не обнаружить своего воровства, исподоволь начинали плавать барками въ Якутскъ, и какъ будто бы по ночамъ огненный змѣй влеталъ въ трубу домовъ нѣкоторыхъ изъ этихъ богачей и приносилъ имъ деньги и всякаго рода имѣнье. И что же, какая судьба всѣхъ этихъ корыстолюбцевъ - эксплуататоровъ? Нѣкоторые изъ нихъ, богатѣйшіе роды, нѣкогда славившіеся по всему ленскому краю, напримѣръ родъ Горбуновыхъ въ селѣ Биргольки, Манзурской волости, родъ Бѣлоусовыхъ въ одной деревнѣ близь Верхоленска, родъ Кирилловыхъ въ деревнѣ Бутаковой при р. Малой Ангѣ и нѣкоторые другіе, послѣ крайняго нравственнаго, а частію и умственнаго упадка или душевнаго вырожденія, совершенно вымерли, не оставивши никакихъ наслѣдниковъ. Представитель одного изъ этихъ исчезнувшихъ родовъ, недавно умершій и закончившій собой вырожденіе своего рода, особенно поражалъ насъ своимъ нравственнымъ и умственнымъ извращеніемъ до степени дикарскаго или даже звѣрскаго одичанія, а въ концѣ жизни былъ настоящимъ сумасшедшимъ до бѣшенства. Изъ продолжающихъ же досслѣ свое существованіе, нѣкоторые роды,—достигшіе уже высшей степени душевнаго, нравственнаго вырожденія,—въ третьемъ колѣнѣ,

повидимому, также клонятся и къ совершенному физическому вырожденію, вслѣдствіе вымиранія болѣзненнаго потомства, или нерожденія дѣтей-наслѣдниковъ. Наконецъ, такова же судьба и упомянутаго нами духовнаго буржуазнаго рода. Представитель втораго колѣна этого рода до того увлеченъ былъ нѣкогда буржуазно-эгоистической жаждой обогащенія своего потомства, что, несмотря на свой духовный санъ, былъ совершеннымъ купцомъ и промышленникомъ, даже ходилъ въ сюртукахъ и халатахъ, какъ купецъ или мѣщанинъ, торговалъ чаемъ и товарами, вмѣсто требъ приходскихъ, съ жаднымъ, страстнымъ увлеченіемъ занимался мѣхопромышленностью, такъ что въ иные годы, даже весь великій постъ и пасху, вмѣсто отправленія богослуженія, разъѣзжалъ по лѣснымъ, захолустнымъ деревнямъ и кочевьямъ инородческимъ за поборомъ, скупкой и вымѣномъ мѣховъ и т. п. И что-же? И въ этомъ родѣ, несмотря на всѣ заботы отца втораго колѣна увеличить и поддержать богатство своего потомства, дѣти, при общей болѣзненности и чахлости тѣлосложенія, или вымерли въ молодости отъ чахотки, хотя отецъ ихъ обладалъ, повидимому, богатырскимъ здоровьемъ, или отличались идіотствомъ, малоуміемъ и, вслѣдствіе того, крайнею тупостью и безуспѣшностью въ школьномъ ученіи, и, при этомъ, какою-то глупою гордостью и презорливостью относительно дѣтей бѣдныхъ. И этотъ родъ, въ концѣ концовъ, въ третьемъ колѣнѣ видимо клонится къ совершенному вырожденію и вымиранію за отсутствіемъ наслѣдниковъ. Вотъ, и всѣ эти и подобные факты, мнѣ кажется, тоже свидѣтельствуютъ, какимъ психо-физическимъ растлѣніемъ и паденіемъ человѣческой природы сопровождается, при неразвитости мозга или ума, господство однихъ грубыхъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ наклонностей, всежизненное, всецѣлое напряженіе и возбужденіе мозга одною своекорыстною, буржуазною, эксплуататорскою жадностью къ деньгамъ и полнѣйшее отсутствіе всякихъ высшихъ человѣческихъ чувствъ и побужденій. А къ прискорбію, въ Сибири, особенно въ глуши ея дикихъ, лѣсныхъ захолустій, среди суровыхъ физико-экономическихъ условій существованія и труда, грубыя, эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности цѣнятся еще большею частію, какъ единственныя высшія человѣческія достоинства, и путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности передаются изъ рода въ родъ.

Надобно замѣтить, что, сверхъ недостаточности нервно-мозговаго или умственнаго развитія сибирскаго населенія, сверхъ тяжелой индивидуально-трудовой борьбы его съ трудно-доступной природой въ добываніи средствъ жизни, сверхъ неблаго-

пріятнаго нравственнаго вліянія азіятскаго, инородческаго элемента, — и самыя естественно-историческія условія хозяйственнаго и нравственнаго развитія сибирскаго населенія благопріятствовали сильному поддержанію и господству въ немъ эгоистически-пріобрѣтательныхъ, буржуазныхъ наклонностей. Извѣстно, что сибирская колонизація представляетъ два періода: вопервыхъ, періодъ звѣроловный, характеризующійся преобладаніемъ бродячаго, подвижнаго населенія и хаотическимъ смѣшеніемъ до-петровскихъ, животно-эгоистическихъ и общинныхъ наклонностей съ сибирскими звѣроловческими нравами, — и, вовторыхъ, періодъ развитія городской, торгово-промышленной осѣдлости и жизни, отличающейся зачатками коммерческо-буржуазныхъ понятій и стремленій. Приблизительно, съ половины XVIII столѣтія, съ убылью соболя, первый, т. е. звѣроловный періодъ сибирской колонизаціи замѣтно сталъ прекращаться, и начался новый фазисъ экономическаго развитія сибирскаго населенія — фазисъ преобладающаго развитія торгово-промышленной, городской жизни, далеко, однакожь, незавершившійся еще и теперь. Звѣровщики начали тогда выходить изъ тайги, съ хребтовъ на берега рѣкъ, даже по Илиму и Ленѣ; вмѣсто невыгоднаго промысла соболя, они занялись хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Отъ этого въ хлѣбѣ и скотѣ почувствовался такой избытокъ, что необходимо было выдѣлить изъ сельскаго населенія часть для занятія ремеслами въ городахъ. И мы видимъ, дѣйствительно, какъ крестьяне десятками стали переселяться въ города и записываться въ мѣщанское или купеческое сословіе. Въ Красноярскомъ архивѣ намъ попалось нѣсколько дѣлъ изъ второй половины прошлаго столѣтія, въ которыхъ излагаются прошенія крестьянъ о дозволеніи имъ переселиться въ города, или остаться въ тѣхъ городахъ, гдѣ они раньше поселились и завелись хозяйствомъ и домами, такъ-какъ по силѣ учрежденія о губерніяхъ и городоваго положенія крестьянамъ запрещено было имѣть жительство и домообзаводство въ городахъ (таковы, напримѣръ, дѣло 1793 г. № 337, дѣло 1788 г. № 354). Вообще, стремленіе поселянъ изъ лѣсовъ и деревень въ города за наживой до того усилилось, что въ 1795 году семипалатинскій капитанъ Андреевъ, сибирскій уроженецъ, въ своей „домовой лѣтописи" написалъ, по поводу этого, особое длинное, какъ онъ выразился, „домашнее размышленіе о хлѣбопашествѣ", въ которомъ съ уныніемъ жалуется на усилившееся въ крестьянахъ стремленіе къ городской жизни, къ пріобрѣтенію матеріальнаго благосостоянія хитростью и неправдой, со вредомъ для ближнихъ. "Зло это, — писалъ онъ, — происходитъ отъ того умствованія, что землдѣль-

цы суть будто бы люди самопослѣднѣйшіе, гнуснѣйшіе и подлѣйшіе, несмысленные скоты рабочіе, что только тѣ суть люди, кто вникъ въ роскоши, въ надменныя понятія, въ хитрость, сплетающую всякія несправедливости и волочащую по судамъ и расправамъ по всякой неправдѣ. Роскошь переманила блескомъ своимъ земледѣльцевъ и разсѣяла по разнымъ многочисленнымъ городамъ и принудила ихъ снискивать изобильное наслажденіе вкусными яствами и питьями во грѣхахъ, неправдѣ, ссорѣ и неспокойствіи, со вредомъ ближнимъ. Вслѣдствіе этого, въ такомъ селеніи, гдѣ считалось обывателей душъ до 300 мужскаго и женскаго пола, — тамъ оставалось настоящихъ пахарей только едва 40 или 50, и такимъ образомъ 1 работникъ вынужденъ сталъ обработывать хлѣбъ на 20 и на 22 души, кромѣ собственнаго своего семейства" (Домовая лѣтопись Андреева, изд. въ Чтен. Моск. общ. истор. 1870 г. кн. IV, стр 137 — 138). И вотъ, вслѣдствіе такого-то усиленнаго стремленія къ наживѣ уже не въ лѣсахъ и на поляхъ, насчетъ звѣрей, скота и пашни, а въ городахъ, насчетъ общества, насчетъ ближнихъ, — первобытныя эгоистически - пріобрѣтательныя наклонности, утрачивая своеобразныя черты звѣроловнаго періода, все болѣе и болѣе принимали направленіе коммерческо-буржуазное, мѣщанско-цеховое. Вмѣсто какихъ-нибудь старинныхъ соболиныхъ артелей, въ родѣ витимскихъ, — въ городахъ и селахъ стали все болѣе и болѣе умножаться торгующіе монополисты, эксплуататоры. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ больше можно было поживиться кабалой, невольничествомъ и полономъ иноплеменныхъ людей, — чѣмъ добычей пушныхъ звѣрей, — въ тѣхъ мѣстностяхъ, вмѣсто охоты на звѣрей, вошла въ обычай и получила юридическое утвержденіе охота на людей, на инородцевъ. Такъ въ Иртышскихъ степяхъ цѣлыя артели или команды казачьи, по свидѣтельству одного экстракта сибирской губернской канцеляріи 1745 года, „соединясь всѣ обще, по 150, отправлялись въ улусы киргисъ - кайсаковъ и калмыковъ на охоту за полономъ непріятельскихъ людей мужеска и женска пола, которыхъ забирали и считали наравнѣ съ жеребцами, кобылами, лошаками и верблюдами". „И тотъ де полонъ мужеска и женска пола 42 человѣка. — сказано въ одномъ экстрактѣ, — за помощію Божіею вывелъ сотникъ Дороховъ съ командою въ Омскую крѣпость во всякомъ благополучіи и въ добромъ здравіи. И требуетъ де онъ, Дороховъ, рапортомъ, дабы повелѣно было вышеписанную *взятую имъ добычу людей, такожъ лошадей и верблюдовъ, отдать ему съ командою въ раздѣлъ, дабы, де, впредь многіе вѣрноподданные къ поиску непріятельскихъ людей охоту*

и немалую ревность имѣли. И сибирская губернская канцелярія, по силѣ указа 1735 года, велѣла взятыхъ въ полонъ людей, мужеска и женска пола и ихъ багажъ и скотъ дѣлить, кто ихъ въ полонъ добылъ, и чтобъ, де, служилые люди и татары къ поиску и добычѣ непріятельскихъ людей и впередъ охоту имѣли" (Сибирскіе акты въ Чтен. общ. истор. 1867 г. кн. 1, стр. 145—146). Служилые люди, захватывая такимъ образомъ въ кабалу и невольничество малолѣтнихъ инородцевъ мужескаго и женскаго пола, офиціально назывались ихъ „хозяевами" и торговали ими. Установлялись особыя цѣны за холоповъ изъ инородцевъ. Напримѣръ, за инородческую бабу 40 лѣтъ платили 12 рублей, за бухарца 30 лѣтъ съ бабой 30-же лѣтъ платили 1 мерина, 1 жеребенка да денегъ 16 рублей, за бурутку 7 лѣтъ — 6 рублей, за бухаретина 12-ти лѣтъ—1 мерина, да денегъ 1 рубль, за бухарку 12 лѣтъ — 1 мерина, за бухарку 16 лѣтъ — 12 рублей, за бухарку 25 лѣтъ — 1 кобылу, 1 жеребенка и 1 суконный зипунъ, за киргизку 40 лѣтъ — 1 мерина и денегъ 6 рублей, за киргиза — 10 рублей, за калмыковъ — мальчика и дѣвочку платили 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ (ibid, стр. 160—162). Въ тѣ же времена, въ Енисейскомъ краю, въ средоточіи богатѣйшихъ золотопромышленниковъ, практически образовалась и доселѣ существуетъ поговорка: „нынѣ гораздо выгоднѣе подстрѣливать горбачей, т.-е. людей идущихъ съ золотыхъ пріисковъ съ деньгами, чѣмъ какихъ нибудь косачей или звѣрей". Во всѣхъ городахъ Сибири, все чаще и чаще стали появляться и доселѣ появляются богатые купцы, переписывавшіеся изъ звѣропромышленниковъ и крестьянъ, которымъ, по народнымъ сказаніямъ, огненные змѣи наносили деньги и рухлядь, т.-е. разныя неправды и мошенничества, въ родѣ грабежа обозовъ или кладей, непрерывно тянущихся по столбовой сибирской дорогѣ, въ родѣ убійства и обокражи хозяевъ или прикащиковъ съ шкатулками денегъ, или безпощаднѣйшей эксплуатаціи рабочихъ рукъ бѣднаго народа, и т. п. Вообще, въ сибирскомъ населеніи, повидимому, гораздо болѣе, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ, замѣтно преобладаніе эгоистическихъ, своекорыстно-пріобрѣтательныхъ и семейно-родовыхъ чувствъ и наклонностей надъ нравственно-соціальными и гуманными чувствами и стремленіями. Трудность борьбы за существованіе и добываніе средствъ жизни въ сферѣ дикой, суровой, скупой на дары и труднодоступной физической экономіи Сибири, усиленное колонизаціонное стремленіе къ домоустройству и „домообзаводству" на новыхъ мѣстахъ Сибири, разнохарактерность и взаимная недовѣрчивость переселенцевъ, ссыльныхъ поселенцевъ, урожденныхъ русскихъ

сибиряковъ, азіятцевъ или инородцевъ бродячихъ, осѣдлыхъ и ясачныхъ, наконецъ, общая умственная и нравственная грубость, неразвитость и диковатость сибирскаго населенія, — вотъ, кажется, главныя причины преобладанія въ сибирскомъ обществѣ эгоистическихъ, своекорыстныхъ личныхъ и семейно-родовыхъ чувствъ и наклонностей надъ соціально-человѣческими чувствами справедливости, честности и гуманности. Вслѣдствіе этого, сибирскій народъ, почти по общему убѣжденію и молвѣ не только простонародныхъ европейско-россійскихъ поселенцевъ, но и образованныхъ людей, пріѣзжихъ изъ Россіи, слыветъ народомъ хитрымъ, грубымъ, своекорыстнымъ, немилосердымъ, даже жестокосердымъ. Сколько мы ни разспрашивали ссыльныхъ изъ Россіи поселенцевъ о сибирякахъ, — они всегда единогласно говорили намъ: „сибиряки грубы, немилосерды, мошенники; противъ россійскихъ людей далеко не будутъ по добротѣ сердечной, они скупы безмѣрно, нежалостливы, безсердечны“. И послѣ этихъ общихъ выводовъ и сужденій, поселенцы обыкновенно разсказывали намъ много фактовъ, какіе кто изъ нихъ самъ испытывалъ или наблюдалъ въ разныхъ сферахъ сибирской жизни и въ разныхъ мѣстахъ Сибири. И дѣйствительно, какъ ни преувеличены эти мнѣнія ссыльныхъ поселенцевъ о сибирякахъ, но въ нихъ есть большая доля правды: въ сущности, эти мнѣнія вѣрны и подтверждаются многими фактами. Сибиряки болѣе корыстны и буржуазны, чѣмъ великорусскій народъ. Интересы и стремленія эгоистически-пріобрѣтательные, своекорыстно-матеріальные, денежные и домохозяйственные суть, можно сказать, единственные стимулы ихъ умонастроенія, житейской дѣятельности и общественныхъ чувствъ и отношеній. Въ этомъ отношеніи сибирское населеніе замѣтно ассимилировалось съ такими сибирскими азіятцами, какъ татары, буряты и якуты. Какъ буряты, такъ и русскіе сибиряки весь умъ полагаютъ въ „хитрости“, въ лукавствѣ, въ искусствѣ ловкаго буржуазнаго обмана и эксплуатаціи людей безхитростныхъ, простаковъ, въ ловкомъ, шельмовскомъ перехитриваньи другъ друга въ дѣлахъ корысти и пріобрѣтенія. „Жить *умственно*“ — по выраженію и понятію сибиряковъ значитъ разсчетливо думать только о наживѣ, не издерживать денегъ безъ прибыли, вообще хитро, ловко умѣть наживать деньги. „*Умственный*“ или „*умнѣющій человѣкъ*“ на языкѣ ихъ значитъ хитрый и разсчетливый пріобрѣтатель, домохозяинъ. Самое „*добро*“ на языкѣ и въ понятіи сибиряковъ значитъ „интересъ, польза, выгода“. Они говорятъ: „Конь добрый, собака добрая, работникъ добрый“,—что̀ значитъ въ пере-

водѣ съ ихъ языка: сторожливая и полезная собака, дюжая и полезная рабочая лошадь, полезный, или за малую плату большія выгоды приносящій работникъ. Гуманность, честность и справедливость наибольшей части сибиряковъ кажутся глупостью, простофильствомъ, исключительными свойствами и отличительными признаками дураковъ. Появлялся честный, нравственно высоко-развитый человѣкъ въ глуши сибирской деревни или даже въ городѣ, проводилъ въ своей жизни, въ своихъ отношеніяхъ къ мѣстнымъ крестьянамъ или мѣщанамъ и казакамъ высшія начала гуманности, честности и справедливости, безкорыстно ссужалъ нуждающихся деньгами. И что же? Тѣ самые, которые пользовались благодѣяніями его высшихъ человѣческихъ чувствъ, отходя отъ него, за угломъ съ усмѣшкой говорили: „вотъ дуракъ"! Это — фактъ. И такихъ фактовъ мы знаемъ множество. Согласно съ нашимъ наблюденіемъ, и авторъ описанія одного изъ селеній Восточной Сибири, села Коршуновскаго, совершенно справедливо писалъ: „начните говорить коршуновцу о безпристрастіи, безкорыстіи, нелицепріятіи передъ закономъ, и онъ посмотритъ на васъ какъ на сумасшедшаго или просто расхохочется вамъ въ лицо, сочтетъ чуть не сумасшедшимъ"... Понятія о нравственности не опредѣляются у этого люда культомъ, законодательствомъ, или какими бы то ни было отвлеченными принципами; у него создался для нравственности своеобразный масштабъ, основывающійся на ощущеніяхъ удовольствія и страданія, и за тѣмъ па экономическихъ потребностяхъ. Нерѣдки случаи, что сибирякъ, встрѣтивъ бродягу въ какой-нибудь лѣсной трущобѣ, не задумывается подстрѣлить его изъ винтовки и обобрать его скудный пожитокъ. „Бродягу все же выгоднѣе убить, чѣмъ бѣлку"—гласитъ народная поговорка:—„съ него всегда возьмешь не меньше рубля, а за бѣличью шкурку даютъ только 15 копѣекъ". Жены въ Сибири нерѣдко изводятъ нелюбимыхъ, ненавистныхъ мужей, чаще всего сулемой. При замѣтномъ увеличеніи въ Сибири такихъ преступленій, какъ воровство, грабежъ, убійство, проституція, обусловливаемомъ частыми голодами, возрастающей дороговизной и проч.,—сибиряки не приходятъ въ негодованіе, напротивъ они извиняютъ или оправдываютъ ихъ. „Какъ ему не воровать,—говоритъ сибирскій мужикъ: — вѣдь онъ, смотри, дохнетъ съ голоду", или: „откуда же ей взять,—говорятъ о какой-нибудь проституткѣ:—вѣдь она сирота, бѣдная". Сплошь и рядомъ родители легко смотрятъ на развратъ своихъ дѣтей: „пусть погуляетъ дѣвка, пока молода, говорятъ они: — а если что лишнее заробитъ, то и слава Бо-

*

гу". [1] Вообще, психическая природа сибиряка слишкомъ мало культивирована, нравственная сторона ея весьма слабо развита. Онъ большею частію такъ же дикъ, грубъ, хитеръ или лукавъ, двоедушенъ и эгоистически-своекорыстенъ, какъ и бурятъ или татаринъ и остякъ. Ничто такъ не поражаетъ и не печалитъ насъ при анализѣ психическихъ или нравственныхъ проявленій въ жизни сибиряка, какъ эта неразвитость, чорствость, грубость его нравственнаго чувства, или лучше сказать, крайній недостатокъ или отсутствіе нравственнаго сознанія человѣческихъ обязанностей относительно ближнихъ, чувствъ гуманности, справедливости и честности. Наибольшая часть сибиряковъ, знающихъ только одни своекорыстные интересы и дѣла, никакъ не могутъ понять, чтобы можно было даромъ, безплатно, безкорыстно сдѣлать какое-нибудь общественное дѣло, на пользу ближнимъ, усидчиво, усердно исполнить какую-нибудь работу для общественной пользы, особенно нравственно-соціальной. „Какой барышъ городу,—говорили, напримѣръ, члены иркутской городской думы, — какая прибыль давать даромъ деньги на публичную библіотеку. Ее надо закрыть, потому что она не оправдала себя". Когда одинъ изъ читавшихъ въ нынѣшнемъ году публичныя лекціи въ сибирскомъ отдѣлѣ географическаго общества часто усердно просиживалъ вечера за приготовленіемъ этихъ лекцій, то одна иркутская гражданка, замѣтивши это, спросила жену этого безкорыстнаго труженика: „что же, должно быть, большая плата будетъ вашему мужу за эти лекціи, когда онъ такъ усердно просиживаетъ вечера за ними?" „Нѣтъ,—отвѣчала ей жена, — никакой платы не будетъ: лекціи эти читаются безплатно, для общественной пользы". „Какъ,—воскликнула иркутская гражданка: — ужели даромъ? Не можетъ быть! А а-а!" Въ массѣ сибирскаго общества, вмѣсто высоконравственныхъ общественныхъ чувствъ просвѣщенно - человѣческой симпатіи, благожелательности и справедливости, сплошь и рядомъ преобладаютъ самыя печальныя, самыя грубыя эгоистическія чувства и наклонности. Такъ, зложелательство, эхидство, злость и безсердечная чорствость, жестокость въ отношеніи къ ближнимъ суть, можно сказать, обыкновенныя нравственныя качества наибольшей части сибиряковъ, особенно нисколько неразвитыхъ, простонародныхъ. Напримѣръ, узнаютъ они, что вамъ вообще не нравится тотъ или другой поступокъ, оскорбительный или вредный, и они нерѣдко нарочно, съ эхиднымъ упрямствомъ, будутъ продолжать этотъ поступокъ, безъ всякой необходимости. Напри-

[1] «Коршуновцы», очеркъ изъ сельской жизни въ Сибири. «Дѣло» 1872 г. № 2.

мѣръ, нарочно сдѣлаютъ непомѣрный жаръ или угаръ въ вашей квартирѣ, пустятъ на васъ злыхъ собакъ, станутъ нарочно шумѣть и кричать, когда замѣтятъ, что это вамъ не нравится или мѣшаетъ что-нибудь дѣлать, вообще, по сибирскому же выраженію, склонны всячески „эхидно поперечить“ ближнимъ. Попросите вы иныхъ сосѣдей или однодворцевъ не стучать, что есть мочи, безъ всякой нужды въ стѣну вашей квартиры, сообщая имъ, что такой стукъ зловредно дѣйствуетъ на сильно страдающую больную нервную женщину, неимѣющую возможности перемѣститься отъ этой стѣны, или попросите ихъ не приставлять къ той же стѣнѣ на ночь цѣлый табунъ безпокойныхъ лошадей, неугомонно бьющихся объ стѣны до потрясенія всего дома и своей возней и стукотней причиняющихъ невыносимое безпокойство, вѣжливо и добромъ указывая этимъ сосѣдямъ на много другихъ, болѣе удаленныхъ мѣстъ на ихъ широкомъ дворѣ и даже на существованіе особаго конскаго двора. И что же? Они только посмѣются надъ вами, сочтутъ васъ за сумасшедшаго и еще нарочно, съ эхидной злобой сильнѣе станутъ стучать объ стѣну, еще больше и ближе приставятъ лошадей. Наглое зубоскальство, злая насмѣшливость или просмѣшливость, страсть къ пересудамъ, страсть осуждать ближнихъ, „сочинять сплетни“, какъ говорятъ въ Сибири, привычка двоедушничать или „быть вашимъ и нашимъ“ — вотъ и всѣ эти качества суть также самыя обыкновенныя нравственныя черты сибиряковъ, повидимому, гораздо болѣе развиты у нихъ, чѣмъ гдѣ-либо въ Россіи. Все, что̀ дѣлается не по ихъ уму и понятіямъ, несогласно съ ихъ восточно-азіятскою церемонностью, уставностью и обрядностью, — все это просмѣивается, какъ глупость или сумасшествіе. Сами на себя сибиряки и сибирячки большею частію не любятъ оглядываться. Сами себя они не критикуютъ, не осуждаютъ, сплошь и рядомъ безъ стыда творятъ ужь дѣйствительно пресмѣшныя, простофильскія глупости, но всегда увѣрены, что они дѣлаютъ такъ умно, какъ всѣ на свѣтѣ люди во вѣки вѣковъ должны дѣлать. А въ ближнихъ своихъ, между тѣмъ, особенно въ людяхъ, неподходящихъ къ ихъ кругу, они все осуждаютъ, пересуживаютъ, зло, зубоскально просмѣиваютъ. Вообще, въ отношеніи къ себѣ самимъ отличаясь, въ высшей степени, азіятскою самоувѣренностью, самодовольствомъ и хвастливостью, сибиряки и сибирячки большею частію зло просмѣиваютъ и осуждаютъ всѣхъ, кто не подходитъ подъ мѣрку ихъ своеобразно-домостроевскихъ понятій и нравовъ, кто живетъ не по ихъ обычаямъ, а по своему уму и по лучшимъ человѣческимъ нравственнымъ идеаламъ, кто несравненно развитѣе ихъ умственно и прав-

ственно, кто бѣденъ, но въ высшей степени честенъ и справедливъ. Пусть будутъ у нихъ передъ глазами развитые, честные, благороднѣйшіе люди, но бѣдные, неимѣщіе ни платья щегольскаго или наряднаго, ни хорошихъ салфетокъ на столъ, ни хорошей постели и т. п.,—они непремѣнно просмѣютъ этихъ людей. Самые бѣдные сибиряки и особенно сибирячки, носящіе грязнѣйшее изорванное нижнее бѣлье подъ блестяще-пестрымъ, цвѣтнымъ наружнымъ платьемъ, или пробавляющіеся только вонючимъ омулемъ и кирпичнымъ чаемъ для того, чтобы на лишнія деньжонки накупить какой-нибудь цвѣтной матеріи на щегольское платье, — и такіе, говоримъ, сибиряки и особенно сибирячки обыкновенно зло просмѣиваютъ развитыхъ, честныхъ и благороднѣйшихъ, но бѣдныхъ людей. Въ Иркутскѣ, между политическими ссыльными, есть личности высоко-образованнаго западно-европейскаго типа, съ возвышеннѣйшими человѣческими идеями и чувствами, но въ крайне-плохой или не изящной одеждѣ, въ какомъ-нибудь сюртукѣ или пальто изъ толстаго сѣраго сукна и т. п.,—и вотъ и ихъ самые бѣдные сибиряки и особенно сибирячки, несмотря на свои собственныя лохмотья, зло осмѣиваютъ и презираютъ, не обращая никакого вниманія на то, что они неизмѣримо выше ихъ по своему человѣческому достоинству. Мало того: сибиряки нерѣдко склонны даже ни съ того ни съ сего нахально затрогивать оскорбительнымъ словомъ людей, неподходящихъ къ ихъ уровню или къ ихъ умственной и нравственной мѣркѣ. Проходя или проѣзжая мимо такихъ людей, нисколько незнакомыхъ имъ и незнающихъ ихъ, они, безъ всякаго повода, просто по самодурству, считаютъ иногда почему-то нужнымъ вслухъ сказать такія, напримѣръ, нахально-задирательныя слова: „вишь, большеволосый или большелобый чортъ, муракъ, ишь какъ расхаживаетъ, не видали ли что-ли мы этакихъ людей, дураковъ, эка диковинка!“ и т. п. Далѣе, ловко перехитрить недовѣрчиваго или осмотрительнаго и умнаго человѣка, обмануть человѣка довѣрчиваго или простодушнаго, украсть что̀ обронено, забыто или плохо положено, солгать безъ зазрѣнія совѣсти, сочинить ловкую, хитрую и совершенно ложную отговорку для оправданія своей очевидной и непростительной несправедливости и безчестности, отнестись къ вопіющему несчастію и страданію ближняго безъ всякаго сострадaнія и жалости, взять или, по сибирскому выраженію, „выжилить, скоробить“ свою копѣйку безъ милосердія и пощады съ человѣка бѣднаго и голоднаго, безпощадно эксплуатировать и обременять работой работника или работницу, когда они здоровы, и потомъ безжалостно, безъ копѣйки денегъ, спровадить ихъ съ рукъ въ больницу или на произволъ

судьбы, когда они захвораютъ и т. д.,—вотъ всѣ такіе нравственные поступки въ большей части сибирскаго общества считаются дѣйствіями не только не предосудительными, а даже умными и должными. Сплошь и рядомъ они совершаются не только безъ стыда, безъ зазрѣнія совѣсти, но еще съ самохвальствомъ и циническою усмѣшкой. Въ этомъ смыслѣ въ Сибири поется даже особая пѣсенка, начинающаяся словами: „Нынче свѣтъ ужь не таковъ, меньше стало дураковъ". „Дураковъ надо учить", — говорятъ сибиряки, то-есть, надо того обирать, кто добръ, милосердъ и благотворителенъ; у того надо красть, кто плохо кладетъ деньги или что-нибудь цѣнное; того надо обманывать и осмѣивать, кто справедливъ и честенъ и т. п. Такую нравственную философію мы часто слышали въ разговорахъ съ сибирскимъ простонародіемъ, и еще чаще наблюдали проявленія ея въ нравахъ народныхъ. Раздобыться деньгами, нажиться во что бы то ни стало, какими то ни было бы средствами — вотъ лозунгъ жизни каждаго не только неразвитаго, но и часто такъ или иначе образованнаго сибиряка. И какъ часто, безъ всякаго осужденія сибиряки разсказываютъ, какъ фактъ самый обыкновенный, что тотъ или другой нажился не добромъ, а кражей или даже убійствомъ, что вотъ такой-то въ прошломъ году ходилъ бѣднякомъ, въ лохмотьяхъ, а нынѣ купилъ домъ въ 300 рублей, завелъ лошадей и т. п., или вотъ тотъ-то назадъ тому нѣсколько лѣтъ продавалъ метлы зимой или разбивалъ обозы съ чаями, а нынѣ купецъ первой гильдіи, имѣетъ большія торговыя дѣла и участвуетъ въ компаніи какого-нибудь сибирскаго пароходства, закабаляетъ себѣ по 100 и болѣе рабочихъ и проч. Къ такимъ наживаламъ относятся даже большею частію съ уваженіемъ, какъ къ „хорошимъ людямъ". Жадность къ деньгамъ нерѣдко затмѣваетъ разсудокъ сибиряковъ до непростительныхъ ошибокъ во вредъ ближнимъ, а иногда и самимъ себѣ. Гонится какой-нибудь иркутскій казакъ - извощикъ за копѣйками, или нанимается, напримѣръ, за 1 рубль во что бы то ни стало догнать убѣжавшую у какого-нибудь богатаго жида лошадь, — и лошади этой не догоняетъ, а между тѣмъ своего собственнаго послѣдняго конишка до того загоняетъ, что онъ въ ту же ночь у него околѣваетъ. Или, весной въ нынѣшнемъ году, на одномъ иркутскомъ перевозѣ черезъ Ангару перевощики погнались за лишними 70-ю копѣйками сбора, переполнили корбазъ возами и народомъ, — и что же? Изъ-за 70 копѣекъ утопили не только корбазъ съ лошадьми и возами, но и людей 70 человѣкъ. Жадность къ деньгамъ ослѣпляетъ или подавляетъ и нравственное чувство, и притупляетъ чувствительность совѣсти. Постигло кого-

либо несчастье, случилась болѣзнь жестокая, нужна помощь посторонняя, нанимаются люди для помощи,—по морали сибиряковъ, надо пользоваться счастливымъ случаемъ, брать деньги съ больнаго безбожно и безчеловѣчно за малѣйшую услугу, вообще, извлечь какъ можно больше корысти изъ крайности ближняго, и, наконецъ, если можно, обобрать, обокрасть у него все, что̀ можно. Одна весьма зажиточная иркутская домохозяйка безъ зазрѣнія совѣсти говорила намъ: „во время скотскаго падежа занемогла у меня корова; всѣ люди и говорятъ: надо скорѣе продать мясникамъ на убоину, а то пропадетъ даромъ. Ну, я и сама думала своимъ умомъ: надо поскорѣе продать, выручить заплаченныя деньги". Да какъ же продавать? возразили мы ей: вѣдь не честно, не человѣчно продавать на убой, на пищу людямъ больную скотину: люди могутъ захворать и умереть. „Ну, я и сама подумала,—отвѣчала буржуазная баба: коровка-то ужь, слава Богу, и окупила себя молочкомъ, съ лихвой дала тѣ денежки, что заплачены были за нее, много я отъ нея продала молочка, сметанки, творожку, ужь какъ захворала-то она, такъ рубли на три отъ нея продано было молочка: ну, и я думаю, поэвтому можно не продавать, потому что она ужь и безъ того окупила себя". Такъ корысть до того ослѣпляетъ умъ и заглушаетъ всякій голосъ совѣсти, что не совѣстятся продать больную скотину на убой, на пищу людямъ, во вредъ ближнимъ, и если и не рѣшаются продать такую больную скотину,—что̀ крайне рѣдко бываетъ,—то отнюдь не потому, что это безсовѣстно, вредно для ближнихъ, а потому только, что скотина ужь доставила корысть, окупила себя. Сплошь и рядомъ богачъ-хозяинъ кормитъ своихъ рабочихъ вонючей, протухлой рыбой или говядиной, такъ что ужь сами рабочіе, при всей привычкѣ сибиряковъ къ „воньким омулямъ", ропщутъ, не могутъ ѣсть такую пищу, заболѣваютъ отъ нея, — но хозяинъ упорно, безъ зазрѣнія совѣсти, продолжаетъ ихъ кормить такой пищей, говоритъ: „не бросать же цѣлыя бочки съ говядиной или рыбой, онѣ стоятъ денежекъ, лучше же ихъ скормить, чѣмъ бросать; нѣтъ, нады-ть пріѣсть". Такихъ фактовъ мы могли бы привести множество. Но находимъ это излишнимъ. А замѣтимъ только вообще, что буржуазная жажда корысти, денегъ, наживы какими то бы ни было средствами, намъ кажется, значительно сильнѣе развита въ сибирскомъ населеніи, чѣмъ въ великорусскомъ. Просматривая реэстры красноярскаго архива, я пораженъ былъ особой рубрикой такъ-называемыхъ въ реэстрѣ „секретныхъ государственныхъ дѣлъ", такъ и многочисленностью ихъ. Съ большимъ любопытствомъ заглянулъ я въ эти дѣла. И что же! Всѣ

эти „секретныя государственныя дѣла“ — все „отношенія да рапорты о денежномъ мошеничествѣ, о дѣланьи фальшивыхъ ассигнацій въ 5, 10 и 25 рублей. Дѣлая моціонъ по иркутскимъ улицамъ, я пробовалъ, для курьёзу, отмѣчать невольно, случайно услышанные громкіе разговоры прохожихъ, — и тутъ изъ 30 разъ 10 разъ я слышалъ разговоры о какихъ-нибудь настойкахъ, о новыхъ и старыхъ брюкахъ, или насмѣшливые пересуды и сплетни о комъ-нибудь, а 20 разъ — о пріобрѣтеніи денегъ, о ловкомъ денежномъ обманѣ кого-нибудь и т. п.; буряты, по примѣру русскихъ, быстро, энергично преуспѣваютъ въ усвоеніи буржуазной юриспруденціи. Въ находящейся у меня подъ руками запискѣ обрусѣлаго бурята г. Болдонова, учителя бурятскихъ дѣтей при балаганской степной думѣ, приведены подлинныя слова бурятъ (на бурятскомъ языкѣ и въ русскомъ переводѣ) о значеніи образованія или грамотности въ настоящее время. „Нынѣ, — говорятъ буряты,—народъ сталъ обманчивый, хитрый, нѣтъ прежней простоты: надо все записывать, а то обманутъ на каждомъ шагу; нынѣ все нужны реэстры, подписки, условія, чтобъ не обманули“. Вообще, и рускій колонистъ, и бурятъ другъ съ другомъ соперничаютъ въ искусствѣ буржуазнаго обмана и взаимной эксплуатаціи.

Какъ эгоистически-пріобрѣтательныя, такъ и семейно-родовыя чувства и интересы въ сибирскомъ обществѣ, повидимому, болѣе преобладаютъ надъ общественными чувствами и стремленіями, чѣмъ въ великорусскомъ народѣ. Въ великорусскомъ народѣ, намъ кажется, нерѣдко можно замѣтить, напримѣръ, что какой-нибудь степенный крестьянинъ, мѣщанинъ или даже купецъ въ самыхъ заботахъ своихъ о семейно-родовомъ счастіи не забываетъ иногда чувствъ и обязанностей общественнаго долга, наставляетъ своихъ дѣтей не столько пріобрѣтать имущество, сколько имѣть и проявлять въ общежитіи и общественной дѣятельности чувства справедливости, честности, человѣчности и благоразумной, разсудительной осторожности. Весьма характеристично и любопытно, напримѣръ, находящееся у насъ подъ руками письмо или наставленіе, писанное въ 1794 году однимъ устюжскимъ мѣщаниномъ къ сыну его, посланному въ Иркутскъ „для обученія коммерческимъ или купецкимъ дѣламъ“ и помѣщенное въ рукописномъ сборникѣ разныхъ статей, принадлежащихъ одному иркутскому гражданину. Въ частности, достойно замѣчанія въ этомъ наставленіи то, что отецъ, устюжскій гражданинъ, посылая сына своего изъ Россіи въ Сибирь, въ Иркутскъ, для служенія въ прикащикахъ у сибирскихъ купцовъ, считалъ необходимымъ долгомъ дать ему особыя наставленія и предостереже-

нія, какъ избѣгать въ Сибири хитрости, лжи и обмана лукавыхъ, „безсовѣстныхъ и сребролюбивыхъ корыстожадцевъ“, напоминая сыну, что въ Иркутскѣ особенно чувствительно испытано ими жало такихъ людей. Такъ-какъ это наставленіе или посланіе великорусскаго простолюдина къ сыну представляетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, характеристическое своеобразное подражаніе знаменитому до-петровскому „Домострою“, только съ оттѣнками новаго, послѣ-петровскаго городскаго быта, и, въ частности, любопытно для характеристики той областной массы великорусскаго народа, которая принимала самое энергическое участіе въ первыхъ основахъ сибирской колонизаціи и культуры, выслала почти во всѣ страны Сибири первыхъ колонистовъ и промышленниковъ,—то мы считаемъ нелишнимъ выписать здѣсь цѣликомъ нѣсколько пунктовъ изъ этого наставленія. Пунктъ 24: „Если достанется тебѣ когда быть при государственныхъ или частныхъ людей коммерческихъ дѣлахъ, при какомъ сужденіи или разбирательствѣ, то всячески старайся тяжущихся или спорющихся склонять къ миру, но безъ всякой корысти и съ безпристрастіемъ, чтобы доставить справедливой сторонѣ удовольствіе; буде же случится съ тобою товарищъ безсовѣстный и сребролюбивый корыстожадецъ, коварный или дуракъ, котораго другіе могутъ на многія тебѣ противности наводить, и для того своихъ товарищей главныхъ или подчиненныхъ довольно надобно сначала искусить и состояніе ихъ и нравы и совѣсти познать твердо, чтобъ ты впредь нелѣпо не могъ быть ими обманутъ; однакожь съ главными и равными во вражду и явную ссору вступать и на нихъ протестовать и ни съ кѣмъ въ тяжбу вступать, елико возможно, всячески воздерживаться, ежели-жъ паче чаянія весьма необходимая нужда позволитъ, но и то со всякою осторожностію и правдою истинною, ибо должно каждому обиженному справедливость доставить законную, по правосудію, защиту, оборону и удовольствіе“. 25-й пунктъ: „Будучи при означенныхъ дѣлахъ, прилежи о ввѣренномъ тебѣ всеусердно и нелѣностно, чтобъ представить себя государю по присяжной должности вѣрнымъ и усерднымъ рабомъ, и полезнымъ сыномъ отечества, начальникамъ же и товарищамъ, каждому и всѣмъ добрымъ другомъ, а страждущимъ помощникомъ и заступникомъ; но если помощь и добро сдѣлать не въ силахъ, то по крайней мѣрѣ покажи привѣтливость и сожалѣніе объ нихъ“. 26-й: „Когда ты имѣть будешь, по благости Всевышняго, достаточное имѣніе, то, оставляя себѣ на благопристойное употребленіе и содержаніе, излишнее рукою щедрою раздавай бѣднымъ и неимущимъ всегда отъ чистаго сердца и съ охотою; а ежели ты, яко человѣкъ и не-

умышленно погрѣшить могущій, у кого что возьмешь къ присвоенію, отнюдь возврати четверицею, и за самую малѣйшую обиду ближняго старайся удовлетворить, дабы никто тобою обиженъ не былъ; наносимыя же тебѣ обиды, сколько возможно, переноси съ благодареніемъ и терпѣніемъ безъ ропота". 27-й: „Стыдися лгать и быть жаднымъ къ неправильному стяжанію имѣнія". 28-й: „Ищи всегда совѣта у просвѣщенныхъ науками, добрыхъ, благомыслящихъ и достаточно разумныхъ людей; убѣгай же злыхъ, завистливыхъ и развращенныхъ лицемѣровъ, яко повреждающихъ всякое благоразуміе... Разбирай совѣты благодѣтелей и друзей твоихъ съ прилежнымъ вниманіемъ и скоро въ нихъ не вдавайся, но посуди съ благопристойною осторожностію, чтобы ложь не помрачила истины, и отнюдь не послѣдуй ихъ ложнымъ и политическимъ ласкательствамъ: ибо я все то на себѣ испыталъ, наконецъ съ прискорбіемъ и собственныхъ моихъ поведеній съ глубочайшимъ раскаяніемъ гнушался и довольно насмотрѣлся во многихъ моихъ обращеніяхъ, какъ льстецы затмѣваютъ истину и самые добродѣтельные нравы развращаютъ, наконецъ же въ презрительныя поведенія и бѣдность ввергаютъ. *А нѣкоторое въ Иркутскѣ и тебѣ видно и знакомо и мнѣ чувствительно*". 32-й: „Не допускай всячески поселиться въ тебѣ гордости, зависти, роскоши, празднолюбія и пьянства, всякой благомыслящій разсудокъ помрачающихъ и всякое зло производящихъ; ибо политическая ложь и ласкательство похваляютъ все то, что божіимъ и народнымъ правиламъ противно и предосудительно; и ежели ты таковымъ обычаямъ послѣдуешь, то они же сами тебя наконецъ попрекать будутъ, и ты совсѣмъ оправдаться уже не въ состояніи и недостоинъ (будешь)". 33-й: „Убѣгай клеветниковъ, честь ближняго оскорбляющихъ, а паче законъ Божій и церковныя преданія раздирающихъ, и всячески остерегайся ихъ, какъ самаго смертоноснаго яда, но отнюдь и ни въ чемъ ихъ не попрекай, пусть они остаются при своихъ мнѣніяхъ, ты же, на Господа уповая, благонравія и правды держися, ибо они, яко ехидны, извиваясь, легко могутъ повредить хитростію своею всякую осторожность и мудрость. Они-то суть наглые похитители чести и покоя общежительства". 34-й: „Чужихъ пороковъ не обличай, и какъ ввѣренную тебѣ по должности тайну, такъ и своей собственной никому отнюдь не открывай". 35-й: „Елико возможно, старайся каждому и всѣмъ по силѣ и могуществу твоему показать вспоможеніе пристойное, вѣрность, почтеніе и добродѣтель, предпочитая праведное ложному". 35-й: „Возлагаемыя на тебя отъ честныхъ людей дѣла и должности, всячески старайся исполнять съ прилежнымъ радѣніемъ безъ малѣйшаго упущенія, въ счетахъ и раз-

счетахъ наблюдай честь и вѣрность и осторожную благопристойность, а чрезъ то можешь ожидать по принесенію плодовъ пристойной благодарности и награжденія, въ противномъ случаѣ поношеніе и презрѣніе". 37-й: „Берегись суевѣрія и всякихъ вредныхъ площадныхъ врачей, бабьихъ лекарствъ, какъ-то: наговоровъ, ворожей, шепотниковъ, сприскиванья, привѣсокъ и другихъ мнимыхъ забобоновъ: ибо всѣ сіи и тому подобныя кощунства и колдовства, сколько заповѣдямъ Божіимъ противны суть, столько и законамъ гражданскимъ и благомыслящимъ людямъ вредны и презрительны и ненавистны есть. Не принимай отъ такихъ вредныхъ людей никакихъ совѣтовъ, ни лекарствъ, сколько бы они тебя много къ тому ни принуждали и какъ вѣроятно на опыты свои ни ссылались, ибо что одинъ площадный врачъ повредитъ, то почасту бываетъ, и десять искусныхъ лекарей поправить не въ состояніи, о чемъ довольно опытами и искусствомъ дойдено, и таковыхъ легкомысленныхъ изувѣровъ законами наказывать повелѣно" и проч. [1]. Съ такими нравственными правилами и наставленіями посылалъ иногда великорусскій народъ лучшихъ своихъ колонистовъ или промышленниковъ въ Сибирь, для содѣйствія ея только-что возникавшей гражданственности и культурѣ. Но сибирское населеніе, ставши въ сферу новыхъ, особенныхъ физико-географическихъ и этнографическихъ условій Сибири, частію вслѣдствіе усиленной борьбы за существованіе въ домообзаводствѣ при новыхъ физико-экономическихъ условіяхъ суровой и трудно-доступной сибирской природы, а частію и вслѣдствіе значительнаго физіолого-психическаго и сожительно-бытоваго объединенія съ сѣверными, сибирскими азіятцами, болѣе наклонно стало къ эгоистически-матеріалистическому умонастроенію, къ однимъ матеріальнымъ, чувственнымъ интересамъ жизни, или къ эгоистическимъ, своекорыстно-пріобрѣтательнымъ и семейно-родовымъ стремленіямъ, а вовсе не къ какимъ-нибудь идеалистическимъ гражданственнымъ принципамъ, или соціально-нравственнымъ чувствамъ и стремленіямъ, и гораздо охотнѣе усвояло эгоистически-матеріалистическую мораль или привычки жизни азіятцевъ, чѣмъ высшія человѣческія чувства и убѣжденія европейцевъ. Вообще, семейно-родовой эгоизмъ, исключительная забота отцовъ семействъ о буржуазномъ, торгово-промышленномъ счастіи и блаженствѣ своихъ семействъ, о пріобрѣтеніи и приращеніи капитала, барышей и славы богатства для себя, „для цѣлаго своего семейства", для своего дома или рода, стремленіе „показать

---

[1] Извлечено изъ одного иркутскаго рукописнаго сборника начала XIX вѣка, сообщеннаго С. С. Поповымъ.

себя людямъ", въ обществѣ, стать въ уровень со всѣми „хорошими людьми" пышными нарядами и выѣздами *„съ шикомъ"* супруга, супруги и дѣтокъ, всецѣлое устремленіе всѣхъ помысловъ и хлопотъ на матеріальное, чувственное довольство семействъ, на домоводство и домообзаводство, на запасы и припасы „всякой всячины на прокъ", на много годовъ, откармливанье и наряжанье дѣтей безъ всякаго разумно-нравственнаго воспитанія, всецѣлое поглощеніе всѣхъ помысловъ, желаній и чувствованій дочекъ, невѣстокъ, племянницъ, свояченицъ и проч. постояннымъ размѣриваньемъ и кроеньемъ разныхъ матерій — алыхъ, красныхъ, голубыхъ, разноцвѣтныхъ, шитьемъ „обновъ" и нарядовъ, всецѣлое замѣщеніе литературы, журналовъ и газетъ сплетнями и пересудами, да сказками и „прибаутками" приживалокъ старухъ—вѣдуней, празднованье на славу разныхъ семейныхъ или домашнихъ праздниковъ—крестинъ, имянинъ, новоселій, стуколокъ по случаю счастливыхъ оборотовъ или исходовъ дѣлъ домашнихъ, коммерческихъ, промышленныхъ и проч., и проч., — вотъ всѣ такія эгоистически-семейныя чувства, помыслы, заботы и дѣйствія всецѣло преобладаютъ надъ всякими общественными интересами и стремленіями. Намъ разсказывали, что когда вышло новое „городовое положеніе" и приступлено было въ Иркутскѣ къ организаціи городской думы по новому уставу, къ выбору членовъ изъ мѣстныхъ гражданъ, то нѣкоторые богатѣйшіе купцы города Иркутска будто бы плакали, какъ дѣти, и упорно отказывались отъ общественной службы, безъ всякаго стыда отговариваясь своими заботами о домашнихъ, семейныхъ дѣлахъ, о своихъ коммерческихъ, эгоистически-пріобрѣтательныхъ интересахъ. И въ пѣсняхъ сибирскихъ, послѣ любовной страсти, всего больше воспѣвается семья, рожденіе дѣтей, женитьба сына или выдача дочери замужъ и т. п. И пѣсни, поэтому, выходятъ самыя безсодержательныя: въ нихъ или просто только перепменовываются или величаются по имени и отчеству „отецъ-свѣтъ Прокопій Степановичъ, мать-дорогая боярыня, свѣтъ Татьяна Васильевна, сынъ-свѣтъ Василій Прокопьевичъ, дочь-дорогая боярышня, свѣтъ Василиса Прокопьевна", и проч. Или во всей пѣсни просто-напросто говорится только, что „у Михайла въ дому радость учинилась, молода его жена, свѣтъ Федосья душа, сына породила,", или „свѣтъ Аннушку матушка родимая въ раннюю зарю породила, въ воскресенскую заутреню, малиною ее парила, молочкомъ умывала, а сама то приговаривала: ты рости, мое дитятко, ты умное дитя, разумное, да ты счастливое, таланливое, отцу матери на честь-похвалу, роду племени на завидость". Точно также голословно воспѣвается

„радость, что сына женили, а дочь замужъ выдали", что „много роду, много племени, много братцевъ, сестрицъ, много дядюшекъ, тетушекъ" и проч.[1] Наконецъ, при господствѣ эгоистическихъ семейно-родовыхъ чувствъ или интересовъ, въ Сибири нерѣдко можно находить спеціальныя письменныя изліянія чувствъ супружескихъ, родственныхъ, семейныхъ. Такова, напримѣръ, попавшая намъ въ руки въ Иркутскѣ „записка о прошедшей удовольственной жизни и сокрушеніяхъ моихъ по кончинѣ сердечнаго друга М... Ал....ны", содержащая подробное описаніе того, какъ авторъ записки, иркутскій гражданинъ, на одной трогательной бесѣдѣ въ гостяхъ за обѣдомъ о счастіи семейной жизни случайно услышалъ, вмѣстѣ съ похвалой одной дѣвушки, заботливыя благожеланія одного ея родственника насчетъ осчастливленія ея хорошимъ бракомъ, и тотчасъ же возчувствовалъ пламенное желаніе познакомиться съ этой дѣвушкой, какъ потомъ сведенъ былъ на свиданіе съ нею, какія трогательныя чувства при этомъ испыталъ, какъ затѣмъ счастливо женился, счастливо жилъ и блаженствовалъ съ женой, и, наконецъ съ какими горестными сокрушеніями лишился всей этой „удовольственной семейственной жизни", разлучившись на вѣки съ „сердечнымъ другомъ" — женой, которая, съ своей стороны, и умирая, „съ трогательными чувствами говорила обо всѣхъ родныхъ, не только живущихъ въ Иркутскѣ, но и отсутствующихъ" и проч. Изъ разсказа автора, между прочимъ, видимъ, что въ то время, когда онъ женился, въ Иркутскѣ и „во время обѣдовъ въ гостяхъ, и въ продолженіе стола", велись трогательныя разсужденія о счастіи семейной жизни, что какъ удовольственно видѣть такія семейства, которыя сопровождаютъ жизнь постоянную, безъ роскоши, сварливости и пересудовъ о своихъ знакомыхъ и ближнихъ, но живутъ въ мирномъ согласіи и любви", и при такихъ разговорахъ иной гость „вдругъ изъявлялъ откровенность своихъ чувствъ родственныхъ, семейныхъ" и проч. При такомъ преобладаніи семейно-родовыхъ чувствъ и интересовъ, — казалось бы, хоть въ узкомъ, замкнутомъ кругу семейныхъ отношеній сибирскаго общества должны господствовать во всей полнотѣ нѣжныя, искреннія чувства любви, истинной доброжелательности и благосклонности, взаимнаго уваженія, честности, справедливости и добросердечной взаимной помощи и благотворительности. Но нѣтъ, и самый семейно-родовой эгоизмъ сибиряковъ весьма часто проникнутъ бываетъ, опять, личными эгоистическими интересами и чувствами. Сплошь и рядомъ въ

[1] Записки и замѣчанія о Сибири, Авдѣевой, М. 1837 г., стр. 99, 102, 123. и др.

семьяхъ жена, дочери, невѣстки тайкомъ крадутъ изъ домашняго дохода или хозяйства и, что можно, продаютъ на сторону, каждая для себя и тайкомъ другъ отъ друга. Это, по домашней эгоистичной морали сибирячекъ, называется „прикладывать для себя". Сыновья также часто скрытно отъ отцовъ и матерей добываютъ себѣ деньги насчетъ отцовскихъ пожитковъ. Отцы большею частію предпочтительно любятъ тѣхъ только сыновей, которые съ раннихъ лѣтъ обнаруживаютъ большія буржуазныя наклонности и эгоистически-пріобрѣтательныя способности. Весьма часто бываетъ и то, что хотя бы самъ „родитель" ни гроша не далъ сыну на воспитаніе и съ грѣхомъ пополамъ „вспоилъ-вскормилъ" его, и хотя бы взрослый сынъ какъ волъ работалъ на него, когда жилъ вмѣстѣ съ нимъ, — родитель, однакожь, безпощадно требуетъ, чтобы сынъ и потомъ до гроба „поилъ-кормилъ его", отдавалъ бы ему хотя послѣднія свои средства жизни, вообще, не обращая никакого вниманія на бѣдственное положеніе самаго сына, его трудность добыванія средствъ самообезпеченія,—немилосердно требуетъ отъ него помощи, „замѣны на старости лѣтъ"; иначе бьетъ его, или жалуется на него начальству и непремѣнно проклинаетъ его, „вѣчно укоряя тѣмъ, что „поилъ-кормилъ его и воспитывалъ". Да, какъ, повидимому, ни господствуютъ въ сибирскомъ обществѣ семейно-родовыя чувства и привязанности, но и за ними въ большей части общества почти сплошь и рядомъ кроется корысть и личный эгоизмъ. Иной разъ, повидимому, до глубины души можно бы растрогаться, увидѣвши въ Сибири картину свиданія и угощенія ближайшихъ родственниковъ. Какихъ-то эпическихъ привѣтствій и ласковыхъ присловій не услышите вы тутъ! Бѣдные родственники умиляются отъ радости, ласки и радушія. Но vae tibi gaudenti, quia mox post gaudium flebis! Разъ, у одного весьма богатаго крестьянина, обладающаго большимъ капиталомъ, но неимѣющаго наслѣдниковъ, были въ гостяхъ ближайшіе родственники, бѣдные сироты: кончившій курсъ въ иркутской семинаріи сынъ пономаря, и его сестры, находящіяся замужемъ за бѣднѣйшими крестьянами. Богачъ-родственникъ съ своей женой и мать его — „родная тетушка" гостей, повидимому, рады радешеньки были видѣть у себя въ домѣ бѣднѣйшихъ родственниковъ, неистощимо изливали передъ ними чувства соболѣзнованія, ласки и радушія. Самъ богачъ-родственникъ называлъ двоюроднаго брата семинариста „любезнѣйшимъ братцемъ". Видя такое благорасположеніе родственниковъ, „любезнѣйшій братецъ"-семинаристъ поручилъ своему „братцу" богачу и „тетушкѣ" продать въ сосѣдней слободѣ свой старый отцовскій, пономаревскій,

домъ и вырученныя за него деньги раздѣлить поровну его сестрамъ, чтобы хоть сколько-нибудь облегчить ихъ бѣдственное положеніе, въ замужествѣ за бѣднѣйшими крестьянами. „Тетушка“ и сынъ ея, повидимому, съ величайшею радостью взялись сдѣлать доброе дѣло своимъ ближайшимъ бѣднымъ родственникамъ. „У насъ, — говорила „тетушка“, — слава Богу, всего благодать, а наслѣдниковъ нѣту, такъ о комъ же намъ заботиться, какъ не объ васъ, родные вы наши сироточки! Какъ мы рады вамъ, гостеньки вы наши дорогіе, свѣты вы наши родимые, ласточки вы, косаточки вы, голубчики вы наши!“ Но что же потомъ сдѣлали эти богатые родственники съ своими бѣднѣйшими родственниками-сиротами? Они продали отцовскій домъ ихъ за 120 рублей, но имъ, тѣмъ самымъ четыремъ сиротамъ, передъ которыми такъ недавно изливали наичувствительнѣйшія соболѣзнованія, едва-едва роздали, по мелочамъ, по 20 рублей, а 40 рублей утаили себѣ, сказавши, что продали домъ только за 80 рублей. Потомъ одна изъ этихъ родственницъ, у которой мужъ ушелъ на пріиски, оставивъ ее безъ куска хлѣба, пришла, по нуждѣ, погостить къ „тетушкѣ и братцу“ и за то помочь имъ въ домашнихъ работахъ, но ее уже вовсе не ласкали, какъ „гостью дорогую“, а заставляли работать, какъ стряпку или работницу, безъ всякой платы, за одну хлѣбъ-соль, да и тѣмъ корили. Мало того: даже въ матеряхъ своекорыстныя, эгоистически-пріобрѣтательныя наклонности подавляютъ иногда естественныя материнскія чувства любви къ дѣтямъ. Одинъ чиновникъ намъ разсказывалъ, какъ одна мать и еще, кажется, матушка попадья, въ ту самую минуту, когда на ея ребенка, шедшаго позади ея, бросилась собака, — вмѣсто того, чтобы тотчасъ же, по рефлективному влеченію материнскаго чувства, броситься спасать ребенка, даже не оглянулась на него, а только закричала прохожему съ собакой: „заплатишь“!

До такой степени, къ прискорбію, въ большей части сибирскаго общества грубыя, эгоистически-корыстныя наклонности подавляютъ даже инстинктивныя чувства симпатіи! Нужно ли, послѣ этого, доказывать, какъ скорѣе необходима высшая, воспитательно-образовательная гуманизація человѣческой природы молодыхъ сибирскихъ поколѣній, чтобы воспитать изъ нихъ лучшее поколѣніе людей, возвысить человѣческое достоинство общественной жизни въ Сибири, внести въ сферу народнаго труда и экономическихъ отношеній высшія начала гуманности, честности, справедливости и кооперативной общинности и солидарности. Ужели еще не пора сказать, что въ Сибири скорѣе необходимъ университетъ, скорѣе необходимы

городскія и сельскія школы гуманитарно-реальныя, физико-антропологическія? Не развивая собственныхъ мыслей относительно этого насущнѣйшаго сибирскаго вопроса,—я сообщу только, что въ настоящее время даже такой бурятъ, какъ сейчасъ упомянутый учитель Балаганской степной думы, г. Болдоновъ, уже довольно хорошо сознаетъ необходимость общечеловѣческаго, гуманитарно-реальнаго образованія своихъ соплеменниковъ. Въ своей запискѣ „о вліяніи русскихъ на бурятъ", высказывая свои pia desideria относительно устройства въ бурятскихъ вѣдомствахъ разныхъ училищъ—постоянныхъ, кочевыхъ и воскресныхъ школъ,—онъ, между прочимъ, съ простодушною искренностью и наивностью говоритъ: „Взявши въ соображеніе умственное и нравственное развитіе бурятъ,—нельзя ли будетъ ввести въ бурятскихъ училищахъ популярнаго чтенія физики, психологіи, медицины, всеобщей исторіи и географіи, для того, чтобы развивать въ бурятахъ здравый смыслъ и здравыя человѣческія понятія. Одна грамотность, одно чтеніе и письмо еще не могутъ развивать ихъ ума и давать имъ правильныя понятія о предметахъ. Это мы видимъ и на опытѣ. Нынѣ есть уже много бурятъ, обучавшихся въ приходскихъ училищахъ; но умственныя и нравственныя понятія ихъ столь ограниченны, что они ничѣмъ не отличаются отъ безграмотныхъ. А еслибы они выслушали и поняли популярное чтеніе физики, антропологіи, медицины, географіи исторіи,—то, конечно, было бы не то. Вотъ почему мы,—продолжаетъ Болдоновъ,—желаемъ введенія въ бурятскихъ училищахъ подобныхъ (физико-антропологическихъ) чтеній. Можетъ быть, кто-нибудь подумаетъ, не философскій ли факультетъ мы желаемъ ввести тамъ, гдѣ преподается только первоначальное чтеніе и письмо? Нѣтъ—нисколько! мы желаемъ только, чтобы и въ бурятахъ развивался здравый смыслъ и распространялись здравыя, правильныя понятія о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра—физической природы и внутренняго міра—духа человѣческаго. Только такое физико-антропологическое образованіе можетъ подорвать шаманство, образовавшееся изъ неправильныхъ понятій о внѣшней и человѣческой природѣ, и омрачающее бурятъ. Мы думаемъ,—прибавляетъ Болдоновъ,—что всего удобнѣе было бы предлагать бурятамъ подобныя физико-антропологическія чтенія въ формѣ публичныхъ популярныхъ бесѣдъ для вольныхъ слушателей, въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Наконецъ, мы увѣрены, что важность и занимательность предметовъ будетъ привлекать много слушателей, потому что разсказы о предметахъ природы и событіяхъ исторіи сильно интересуютъ бурятъ: они слушаютъ ихъ съ большимъ любопытствомъ". — Если же, такимъ образомъ, скромный бу-

рятскій учитель, получившій образованіе въ иркутской семинаріи, какъ видите, довольно раціонально сознаетъ важность и необходимость для своего племени общечеловѣческаго, физико-антропологическаго образованія,—то не грѣшно и намъ, русскимъ, цивилизаторамъ сибирскихъ племенъ, подумать посерьёзнѣе о способахъ воспитательно-образовательной гуманизаціи сибирскихъ поколѣній, какъ русскихъ, такъ и инородческихъ. Прежде всего нужно образовать и гуманизировать нравственную природу самихъ русскихъ колонистовъ, проводниковъ русской цивилизаціи среди азіятскихъ племенъ. Въ величайшей колоніи Западной Европы, въ Сѣверной Америкѣ, при ея 1,584 милліонахъ акровъ казенныхъ земель или 586 милліоновъ русскихъ десятинъ,—впередъ топора, косы и плуга, идетъ, по пути колонизаціи, школа, чтобы напередъ научить колонистовъ, какъ лучше покорять дикую природу топору, косѣ и плугу. Тамъ дремучіе лѣса и громадныя пустынныя земли уже теперь, въ размѣрахъ больше, чѣмъ 22 милліоновъ русскихъ десятинъ, еще прежде колонизаціи, прежде прихода населенія — скватеровъ и моверовъ Омахи, Индіаны, Иллинойса и т. д.,—уже напередъ отведены на будущее обезпеченіе школъ, коллегій и университетовъ, какъ school-funds, или school-sections. Но у насъ, въ громадной колоніи Россійской, въ Сибири, къ несчастію, сочтется еще сумасбродной мечтой, еслибы кто нибудь, согласно съ авторомъ книги „О самоуправленіи"—княземъ Васильчиковымъ, заговорилъ хоть объ отдаленномъ будущемъ обезпеченіи сибирскихъ школъ на счетъ этихъ безпредѣльныхъ лѣсовъ и земель Сибири, простирающихся на 260,000 квадр. миль, на счетъ собственныхъ ея school-sections, подобныхъ сѣверо-американскимъ. И пусть будетъ это мечта. Пусть будетъ мечтой и учрежденіе особаго общества вспомоществованія колонизаціи Сибири. Но вотъ что̀, намъ кажется, уже вовсе не мечта: надобно же будетъ когда-нибудь, чтобы эти безпрерывно тянущіяся по столбовой сибирской дорогѣ длинныя вереницы колымагъ съ русскими колонистами—сибирскими скватерами и моверами, съ кучами ребятъ малъ-мала-меньше, находили, наконецъ, за безпредѣльными сибирскими лѣсами не одни кабаки, остроги, да часто угрожающую имъ судьбу таежныхъ пролетаріевъ, составляющихъ 11,8⁰ восточно-сибирскаго населенія, а находили бы и свѣтъ лучшей жизни, путь не къ заблужденіямъ раскола, шаманства и дикаго буржуазнаго эгоизма, а путь къ новой, лучшей человѣческой культурѣ и цивилизаціи. А то, вѣдь, тѣ же колонисты русскіе часто несутъ съ собой въ Сибирь, за предшествующимъ ихъ колымагамъ образомъ, одни сѣмена самыхъ мрачныхъ за-

блужденій, или сами въ темныхъ лѣсахъ сибирскихъ заблуждаются въ такомъ же мракѣ суевѣрія и одичанія. Первые колонисты сѣверной Америки, западные сектанты—пуритане шли въ дремучіе лѣса новаго свѣта искать просвѣщенія, и какъ только вступили на берега Массачузетскаго залива и основали первую колонію,—такъ тотчасъ же въ уставѣ этой колоніи 1647 года провозгласили, какъ одну изъ основъ своей гражданственности твердую заповѣдь: „каждая община, коль скоро въ ней число дворовъ умножится до 22, должна имѣть своего учителя, на каждые 50 дворовъ должна быть учреждена начальная школа, а на каждые 100 дворовъ среднее училище". А зачѣмъ шли въ лѣса сибирскіе, вслѣдъ за искателями соболя и золотой руды — вслѣдъ за служилыми, торговыми и промышленными людьми, — зачѣмъ шли великорусскіе эмигранты-раскольники, бѣглые, называвшіеся „людьми божіими"? Они шли, по собственному ихъ признанію, искать Христа въ чернораменныхъ лѣсахъ Алтайскихъ, и какъ дикари бродили тамъ, укрываясь по одному и по два человѣка въ гористыхъ и каменистыхъ мѣстахъ, въ избушкахъ и землянкахъ „для прилаганія трудовъ и моленія Господу Богу, какъ говорили нѣкоторые изъ этихъ бѣглыхъ, "людей божіихъ", пойманные въ 1760 году, а также и для воровства и разбоя, сопровождавшагося убійствами, для отгона лошадей у калмыковъ, уранхайцевъ и киргизовъ". (Чтен. общ. истор. 1867 г. кн. 1, стр. 215 — 230: акты о бѣглыхъ въ Сибири). "Съ нѣкотораго только времени, — говоритъ Липранди— въ Сибири образовалась секта подъ названіемъ "Искателей Христа": въ настоящее время ее полагаютъ уже чрезвычайно многочисленною, потому что, кромѣ туземцевъ, она ежедневно усиливается прибывающими изъ Россіи раскольниками и бродягами разныхъ состояній. Послѣдователи этого толка не признаютъ вовсе поповъ, а, рыская по разнымъ мѣстамъ и углубляясь въ сибирскіе лѣса, убѣждены, что найдутъ Христа, который и будетъ имъ проповѣдывать. Тотъ, кто откроетъ его, ожидаетъ большихъ благъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Сибири, каждый изъ послѣдователей секты „Искателей Христа", имѣя новый кусокъ холста, считаетъ возможнымъ достигнуть своего желанія: углубясь въ лѣсъ, сектаторы раскидываютъ свои куски холста и, легши на нихъ, ползутъ, приговаривая: „ползу, ползу по новому холсту къ истинному Христу; кто первый приползъ, того и холстъ" (Краткое обозр. рус. раскол. въ Чтен. общ. ист. стр. 165 — 167). Если еще счастье Сибири, что въ ней, вообще, при сильномъ развитіи и преобладаніи эгоистически-пріобрѣтательныхъ интересовъ и стремленій народа, при господствѣ хо-

лодно-разсудочнаго, практическаго напряженія ума въ борьбѣ съ суровой, трудно-доступной физической экономіей Сибири, — у народа нѣтъ досуга и наклонности развивать разныя мистическія секты съ фанатическою ревностью великорусскихъ раскольниковъ, — такъ за то весьма печально, что тѣ же эгоистически-пріобрѣтательные интересы, при крайней умственной неразвитости, повсюду въ Сибири сильно предрасполагаютъ темный народъ къ вѣрованію въ шаманство бурятъ, остяковъ и другихъ инородцевъ. На Ленѣ крестьяне нарочно ѣздятъ въ бурятскіе улусы, чтобы шаманы предсказали имъ, по лопаткѣ бараньей, про удачу или неудачу ихъ промышленнаго предпріятія, про дороговизну или дешевизну хлѣба и т. п. Дьячки и пономари съ полнѣйшей вѣрой разсказывали своимъ дѣтямъ, что̀ имъ предсказали шаманы бурятскіе насчетъ ихъ будущей судьбы. Въ при-байкальскихъ деревняхъ, въ родѣ Култука, проживающіе тамъ купцы и мѣстные жители, по словамъ одного миссіонера, на вышкахъ у себя держатъ шаманскихъ кумировъ или божковъ и сами тайкомъ шаманятъ о своемъ благополучіи или удачѣ въ торговлѣ, промышленной наживѣ и т. п. Таковъ русскій, народный цивилизующій элементъ сибирскаго населенія! Не ясно ли, что напередъ скорѣе нужно культивировать и развивать человѣческую природу самихъ русскихъ колонистовъ — цивилизаторовъ инородцевъ, чтобы они могли имѣть истинно-образовательное вліяніе на инородческія племена? — И въ этомъ отношеніи, намъ кажется, сверхъ гуманитарно-реальныхъ школъ, сверхъ умноженія хорошо устроенныхъ дѣтскихъ садовъ съ наибольшею выдержанностью педагогической системы Песталоцци, сверхъ постоянныхъ популярно-литературныхъ соціально-антропологическихъ публичныхъ чтеній или бесѣдъ и проч., — сверхъ всего этого, для воспитательно-образовательной культуры и гуманизаціи сибирскихъ поколѣній ничто такъ не нужно, какъ постоянный притокъ съ запада свѣжихъ, умственно-просвѣтительныхъ и нравственно-оживляющихъ силъ интеллектуальныхъ и дѣятельныхъ, и усиленное педагогическое развитіе и укорененіе въ дѣтяхъ сибирскихъ высшихъ идеаловъ и типовъ человѣческой природы, какіе представляетъ всеобщая исторія, антропологія и современная жизнь передовыхъ человѣческихъ націй. Посмотрите, какіе идеалы человѣческой природы созерцаетъ доселѣ сибирское населеніе, какими типами антропологическими оно вполнѣ довольствуется! Для инородцевъ, повидимому, высшій идеалъ представляетъ тотъ классъ русскихъ цивилизаторовъ, которымъ они въ прежнія времена всего болѣе были запуганы. Это классъ земскихъ чиновниковъ. Болдоновъ въ своей запискѣ „О вліяніи

русскихъ на бурятъ“ съ нѣсколько-комичною наивностью говоритъ... „Буряты нерѣдко имѣютъ сношеніе съ нѣкоторыми чиновниками, особенно съ земскими. Можно надѣяться, что эти господа чиновники снизойдутъ къ умственному и нравственному состоянію бурятъ и будутъ всегда готовы содѣйствовать развитію въ нихъ здравыхъ понятій при всякомъ удобномъ случаѣ. Буряты готовы слушать ихъ съ дѣтскою простотою и довѣрчивостью. Для бурятъ ничто такъ недорого, какъ наставленіе ихъ земскихъ начальниковъ. Всякое внушеніе, сказанное земскимъ чиновникомъ, они стараются передать другъ другу, сдѣлать предметомъ общаго разговора и, наконецъ, обративъ какъ-бы въ священный текстъ, подтверждаютъ имъ ту или другую доказываемую истину. Мнѣ, — прибавляетъ Болдоновъ, — случалось быть свидѣтелемъ наставленія бурятъ въ одномъ улусѣ балаганскимъ исправникомъ г. Калининымъ. Буряты слушали наставленіе своего начальника съ величайшимъ вниманіемъ и старались запоминать все, что̀ онъ говорилъ. Вотъ ихъ собственные отзывы, какіе они потомъ говорили въ своихъ улусахъ: „какъ умно и хорошо говорилъ нашъ начальникъ! Каждое его слово такъ и захватываетъ за сердце и проходитъ по всѣмъ жиламъ и суставамъ нашимъ. Да, надобно намъ дорожить наставленіемъ своего начальника: онъ наставляетъ насъ добру! Такъ постараемся удержать въ памяти его слова и передать потомству“. Вообще, прибавляетъ Болдоновъ, буряты ничего другаго не ожидаютъ отъ своихъ начальниковъ, какъ только одного наставленія. Когда у нихъ побываетъ какой нибудь чиновникъ, — они обыкновенно спрашиваютъ другъ друга: „что, какое наставленіе далъ имъ такой-то начальникъ!“. Точно также, продолжаетъ Болдоновъ, буряты съ особеннымъ вниманіемъ усвоили и съ особеннымъ почтеніемъ произносятъ такіе титулы чиновниковъ, какъ: шеленъ хазэнэ палатъ, галабна и оши парабленъ, асправникъ, тарактобой шадатъли или сидятиль, или духовныхъ сановъ: архира̀, портори, балгашина, миснеръ и т. п. Въ пѣсняхъ своихъ буряты воспѣваютъ прежнихъ балаганскихъ воеводъ, коммиссаровъ, или разбойниковъ, въ родѣ какого-то Матвѣя, прозваннаго ими Мандюханомъ и прославившагося своими подвигами по берегамъ Ангары“. Таковы высшіе идеалы человѣческаго совершенства у бурятъ! А каковы высшіе умственные и нравственные образцы человѣческой природы для русскихъ сибиряковъ! Въ простонародьи, напримѣръ въ Иркутскѣ, вы часто услышите дидактическую, внушительную фразу: „такъ водится то-то и то-то у *хорошихъ людей*“. Кто бы, вы думали, эти „хорошіе люди“! По большей части только такіе человѣческіе типы, какіе изобра-

жаются въ „Темномъ царствѣ“ Островскаго, въ „Мертвыхъ Душахъ“ или „Ревизорѣ“ Гоголя, да въ сатирахъ Щедрина. Присмотритесь къ уличнымъ дѣтскимъ играмъ въ Сибири. Вы замѣтите, что дѣти всего больше играютъ, представляя торговыхъ людей съ аршинами, вѣсками или въ особую, такъ-называемую игру, въ „воры“. Таковы, значитъ, воспитательныя впечатлѣнія общества. Вообще, Сибирь наша, глушь приполярная, азіятская, монголо-бурятская, крайне мало видитъ, мало знаетъ высшихъ умственныхъ и нравственныхъ типовъ или идеаловъ человѣческой природы. Удивительно ли, послѣ этого, если лучшая часть сибирскаго общества, напримѣръ, въ Иркутскѣ, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, можно сказать, была очарована внезапнымъ появленіемъ среди ея образованныхъ поляковъ—людей высшаго, западно-европейскаго умственнаго и нравственнаго типа, людей развитыхъ, честныхъ, гуманныхъ и справедливыхъ. Такъ, повидимому, и соціально-нравственные инстинкты лучшей части сибирскаго общества невольно выражаютъ инстинктивную потребность соціально-нравственнаго наслажденія высшими человѣческими интересами общежитія и необходимость педагогическаго развитія людей съ высшими, благороднѣйшими человѣческими чувствами, убѣжденіями и стремленіями. А гдѣ можно найдти лучшій отвѣтъ на эту потребность, какъ не въ современной антропологической педагогикѣ, выработанной передовыми умами человѣчества? А эта высшая педагогика, основанная на антропологическихъ началахъ, на познаніи истинныхъ потребностей и законовъ человѣческой природы, требуетъ уже воспитанія не эгоистическихъ корыстолюбцевъ и честолюбцевъ, а людей съ высшими, благороднѣйшими чувствами, убѣжденіями и стремленіями, относящимися къ высшему соціально-психическому прогрессу человѣческой природы. Одинъ изъ величайшихъ мыслителей и дѣятелей нашего вѣка, Милль въ своемъ глубокомысленномъ разсужденіи объ университетскомъ воспитаніи, такимъ образомъ выражаетъ это требованіе современной высшей педагогики: „Людей — говоритъ онъ — надобно пріучать къ тому, чтобы они считали не только дѣйствительно дурное и дѣйствительную низость, но и отсутствіе благородныхъ цѣлей и стремленій, не просто достойными порицанія, но унизительными; чтобы они имѣли сознаніе того, какъ ничтожно одно человѣческое себялюбіе предъ лицомъ великой вселенной, собирательной массы имъ подобныхъ существъ, передъ лицомъ прошедшей исторіи и неизвѣстнаго будущаго — людей надобно пріучать къ тому, чтобы они имѣли сознаніе бѣдности и незначительности человѣческой жизни, еслибы вся она терялась на

то, чтобы пріобрѣсть удобства для насъ самихъ и нашей родни, или возвысить себя и ихъ на одну или на двѣ ступени общественной лѣстницы. Съ этимъ сознаніемъ мы научаемся уважать себя только тогда, когда чувствуемъ себя способными къ болѣе благороднымъ цѣлямъ; и если, по несчастію, тѣ, кто окружаетъ насъ, не раздѣляютъ нашихъ стремленій, быть можетъ, даже порицаютъ наши дѣйствія, проводимыя этими стремленіями,—мы научаемся поддерживать себя идеальной симпатіей великихъ характеровъ въ исторіи, или даже въ поэзіи, и созерцаніемъ идеализированнаго потомства" (Сборн. Юманса, объ образованіи стр. 65—66). Въ высоко-цивилизованныхъ обществахъ, гдѣ все сильнѣе и сильнѣе дѣйствуетъ такая высшая антропологическая педагогика, и гдѣ все болѣе и болѣе появляются высшіе типы умственнаго и нравственнаго развитія человѣческой природы, — тамъ нерѣдко уже въ дѣтяхъ зарождаются высшія человѣческія идеи, чувства и стремленія. Въ одно воскресенье, въ апрѣлѣ 1821 года, одинъ знаменитый мальчикъ, тогда еще 13-ти лѣтъ, гулялъ съ матерью и другомъ ихъ дома Гамбини по Strada Nuova въ Генуѣ. Вдругъ человѣкъ строгой и энергичной наружности, со взглядомъ, который мальчикъ этотъ никогда не могъ забыть, остановился передъ нимъ. Протягивая разложенный бѣлый платокъ, онъ проговорилъ тихо: „итальянскимъ изгнанникамъ!" Мать и Гамбини положили въ платокъ нѣсколько денегъ, и незнакомецъ пошелъ далѣе собирать подаянье. Вотъ въ этотъ день въ первый разъ въ умѣ маленькаго Джузеппе, будущаго великаго человѣка-филантропа, по собственнымъ словамъ его, блеснула энтузіастическая мысль и зажглась пламенная искра тѣхъ возвышенныхъ человѣческихъ идей, чувствъ и стремленій, осуществленію которыхъ онъ потомъ посвятилъ всю свою жизнь! Такъ дѣйствуютъ высшія антропологическія начала воспитанія человѣческой природы.

При воспитательно-образовательной культурѣ и гуманизаціи,—другою лучшею силою, противодѣйствующею развитію и господству эгоистически-пріобрѣтательныхъ наклонностей кулаковъ-монополистовъ и эксплуататоровъ, было бы основаніе и распространеніе въ Сибири рабочихъ ассоціацій или артелей, какъ лучшихъ разсадниковъ развитія въ народѣ высшихъ понятій и чувствъ кооперативной взаимности и солидарности. Я увѣренъ, что эти скромныя желанія наши не возмутятъ никого. Въ нихъ нѣтъ ничего утопичнаго, нѣтъ ничего несвойственнаго отчасти даже самой практикѣ и нравамъ русско-сибирскаго населенія. Рабочая артель—это изстари́нное созданіе общиннаго духа русскаго народа—уже возникала нѣкогда

и въ Сибири. Въ актахъ юридическихъ сохранились, напримѣръ, такъ-называемыя „складныя записи“ торгово-промышленныхъ артелей въ Сибири, какія существовали въ XVII вѣкѣ. Крашенинниковъ въ своемъ „Описаніи Камчатки“ подробно описываетъ звѣропромышленныя русскія артели, какія существовали въ прошломъ столѣтіи, въ районѣ витимскаго соболинаго промысла: каждая изъ этихъ артелей состояла тогда изъ 40 и даже 50 и 60 человѣкъ, подраздѣляясь на малые артельные союзы, называвшіеся „чуницами“. Судя по общей нравственной суровости и дикости Сибири въ XVII вѣкѣ, можно бы подумать, что эти грубыя, первобытныя сибирскія ассоціаціи не развивали или не поддерживали въ своей средѣ ровно никакихъ честныхъ чувствъ и правилъ. И что̀ же, однакожь, оказывается на самомъ дѣлѣ? Вопреки баснословному буйному разгулу дикихъ эгоистическихъ страстей въ сибирскомъ населеніи XVII вѣка, вопреки даже общимъ началамъ московско-сибирскаго нравственнаго міросозерцанія, порождавшимъ эту баснословную безчеловѣчность, несправедливость и безчестность бо̀льшей части сибирскихъ воеводъ и служилыхъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, вопреки всѣмъ этимъ нравственнымъ безобразіямъ, въ витимскихъ звѣропромышленныхъ артеляхъ мы видимъ хотя элементарные, примитивные зародыши развитія лучшихъ человѣческихъ чувствъ кооперативной взаимности, вѣрности и солидарности. „Общимъ правиломъ этихъ артелей было — говоритъ Крашенинниковъ — чтобы артельщики промышляли правдою, ничего бы про себя не таили, тайно ничего бы не ѣли, дѣлали бы все сообща, поровну, каждый по своей силѣ, у промышленныхъ соболей, а также и вырученныя за нихъ деньги дѣлили бы между собою поровну, и чтобы чунишники, возвратившіеся съ промысловъ ранѣе другихъ, непремѣнно отправлялись на такъ-называемый „разметъ“, то-есть взявъ изъ зимовья провіанту, разносили и раскладывали его по разнымъ станамъ, чтобы возвращавшіеся послѣ чунишники не могли терпѣть голоду. Если кто изъ артельщиковъ провинялся въ чемъ-либо противъ обычаевъ артели, то ему велѣли за общимъ столомъ кланяться всякому и, объявляя свою вину, говорить: „простите, молодежь!“ (Крашенинниковъ, Опис. земли Камчатки, ч. 1, стр. 238 — 257). Наконецъ, намъ сообщалъ одинъ ленскій житель, что въ томъ же Верхоленскомъ округѣ между самими при-ленскими крестьянами возникаетъ, будто бы, стремленіе устраивать артели для сплава барокъ въ Якутскъ, именно съ тою цѣлью, чтобы избавиться отъ гнетущей эксплуатаціи и монополіи немногихъ мѣстныхъ богачей-барочниковъ. Если это вѣрно, то намъ ничего не остается,

какъ только пожелать, чтобы мѣстные засѣдатели были настолько развиты, гуманны и справедливы и настолько уполномочены, конечно, или даже обязаны, чтобы могли всячески содѣйствовать развитію этихъ артелей, а не притѣснять бѣдныхъ крестьянъ и инородцевъ заодно съ такъ-называемою на Ленѣ (въ селѣ Качугѣ) „аристократіею", то-есть съ богатѣйшими мѣстными монополистами-барочниками, какъ это, къ сожалѣнію, замѣчалось еще въ недавніе годы. Но, къ несчастью, присмотрѣвшись ближе къ общественнымъ чувствамъ и понятіямъ сибирскаго населенія, къ господству тяжебныхъ наклонностей и ябедничества, къ преобладанію грубаго эгоистическаго своекорыстія и разрозненности интересовъ,—мы все-таки не можемъ безъ нѣкотораго скептицизма смотрѣть на нравственную возможность надлежащей соціально-кооперативной или артельной организаціи въ Сибири. Потому что мозгъ и вообще человѣческая природа сибирскаго населенія, особенно природнаго, туземнаго, намъ кажется, еще далеко не культивированы и не развиты такъ, чтобы оно могло вполнѣ сознать и понять не только экономическое, но и нравственно-педагогическое значеніе хорошо-устроенныхъ артелей. Высшія истинныя соціально-кооперативныя понятія и стремленія все болѣе и болѣе возможными становятся только тамъ, гдѣ человѣческая природа и, въ частности, высшія ея побужденія и чувства развиты частію значительно, а частію несравненно болѣе, чѣмъ въ дикой таежной и инородческой глуши Сибири. Какимъ контрастомъ, въ самомъ дѣлѣ, поражаетъ насъ разница нравственнаго развитія человѣческой природы на крайнемъ сѣверовостокѣ, и на крайнемъ западѣ! Въ западно-европейскихъ обществахъ, съ тѣхъ поръ, какъ высшія человѣческія чувства гуманности, справедливости и сознанія равнаго человѣческаго достоинства породили великую идею рабочаго вопроса и вызвали цѣлый рядъ высоко-развитыхъ двигателей и руководителей гуманно-соціальнаго прогресса,—тамъ, въ западныхъ обществахъ, въ противоположность эгоистически-пріобрѣтательнымъ стремленіямъ буржуазіи, мы видимъ не только выработку лучшихъ соціально-экономическихъ теорій на основаніи высшихъ человѣческихъ идей и чувствъ гуманности, справедливости и кооперативной взаимности, но и зачатки реальнаго, практическаго осуществленія этихъ высшихъ идей и чувствъ въ развитіи кооперативныхъ ассоціацій. Какъ бы ни были грубы, несовершенны эти ассоціаціи, но онѣ представляютъ „сѣмя горушно", discordium seminum rerum или первый зачатокъ будущаго соціально-антропологическаго возвышенія и равноправнаго развитія человѣческой природы бѣдныхъ, темныхъ „страдающихъ рабочихъ массъ человѣчества". Уже въ нихъ мы

видимъ зачатки и плоды благотворнѣйшаго развитія и вліянія высшихъ человѣческихъ чувствъ соціальной кооперативной взаимности, справедливости и гуманности. Торнтонъ, въ своей книгѣ въ „Трудѣ“, изображая результаты современнаго великаго соціальнаго движенія и представляя вдохновенную картину тѣхъ благодѣяній для человѣческаго общества, которыхъ можно раціонально ожидать отъ прогрессивнаго успѣха этого движенія, такимъ образомъ характеризуетъ первые зачатки развитія высшихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій въ рабочихъ кооперативныхъ ассоціаціяхъ: „Рабочіе союзы, — говоритъ онъ, — безмолвно и почти безсознательно производятъ смягчающее и умиротворяющее вліяніе на своихъ членовъ. Уже одно то, что существуетъ союзъ, какая бы цѣль и направленіе его ни были имѣетъ благодѣтельный педагогическій характеръ. Соединеніе всѣхъ въ одно цѣлое уже есть здравое, полезное подчиненіе индивидуальнаго интереса обществу. Склонность соединяться между собою для какой-нибудь общей цѣли побуждаетъ людей дорожить и гордиться этой цѣлью, какова бы они ни была, побуждаетъ ихъ приносить себя въ жертву для достиженія ея цѣли. Если эта цѣль состоитъ во взаимной поддержкѣ и защитѣ, то интересоваться этой цѣлью значитъ интересоваться другъ другомъ. Члены рабочихъ союзовъ, привыкая разсчитывать другъ на друга въ болѣзни, нуждѣ или старости, развиваютъ въ себѣ чувство взаимной привязанности, основанной на взаимной зависимости другъ отъ друга. Въ офиціальныхъ обращеніяхъ другъ къ другу они употребляютъ слово „братъ“, и это слово не есть пустой звукъ, а прямо указываетъ на то отношеніе, которое они желаютъ, чтобы существовало между ними, а если они этого желаютъ, то, конечно, оно рано или поздно совершится. Ихъ сочувствіе съ каждымъ днемъ расширяется, а характеристическая черта всякаго нравственнаго развитія никогда не останавливается. Тѣ, которые, заботясь прежде лишь о себѣ, дошли до того, что заботятся о своихъ товарищахъ, конечно, не остановятся на полдорогѣ, а кончатъ тѣмъ, что будутъ заботиться о всѣхъ своихъ ближнихъ. Привязанность къ своему классу окажется только ступенью между самолюбіемъ и человѣколюбіемъ. Вліяніе рабочихъ союзовъ на нравственное развитіе народа бываетъ не только косвенное, посредственное, но нѣкоторыя изъ ихъ проявленій прямо и непосредственно ведутъ къ возвышенію нравственнаго уровня народа. До сихъ поръ главною ихъ заботой было оградить своихъ членовъ отъ матеріальнаго вреда и доставить имъ матеріальную пользу; но уже мало по малу высшія цѣли обращаютъ на себя ихъ

вниманіе, умственное и нравственное развитіе рабочаго класса начинаетъ выдвигаться впередъ въ ряду занятій и стремленій союза. Въ отдѣленіяхъ лондонскаго союза каменьщиковъ строго воспрещено пьянствовать и употреблять бранныя слова. Общество соединенныхъ плотниковъ заводитъ ремесленныя школы. Ясные признаки съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе указываютъ, куда повернулось теченіе общественнаго мнѣнія между рабочими союзами. Быть можетъ, недалекъ тотъ день, когда соединенные механики или плотники будутъ такъ же гордиться своимъ союзомъ, такъ же свято хранить его честь и оберегать его отъ позора, какъ напримѣръ офицеры бенгальскихъ инженеровъ гордились тѣмъ, что принадлежали къ этому по-истинѣ достойному учрежденію; и наравнѣ съ тѣмъ, какъ будутъ развиваться въ членахъ рабочихъ союзовъ подобныя чувства, по всей вѣроятности станутъ исчезать неблаговидныя качества союзовъ, и прошедшія насилія замѣнятся мирною умѣренностію, насколько это лишь возможно". Вотъ такихъ же благотворнѣйшихъ зачатковъ развитія высшихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій можно было бы ожидать и среди темныхъ массъ русскаго народа, и въ Сибири и въ Россіи, еслибы только и здѣсь, и тамъ, въ противодѣйствіе чрезмѣрному усиленію эгоистически-пріобрѣтательныхъ наклонностей буржуазныхъ эксплуататоровъ и монополистовъ, организовались рабочіе союзы или артели — эти, повторяемъ, лучшіе соціально-педагогическіе разсадники среди темныхъ массъ народныхъ высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманно-кооперативной взаимности, честности и справедливости.

Итакъ, все, что я сказалъ и хотѣлъ сказать, заключу тѣмъ общимъ выводомъ, что развитіе высшихъ, благороднѣйшихъ идей и чувствъ человѣческой природы, при равенствѣ другихъ условій, соотносительно развитію высшихъ нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ нервной системы человѣка. Это физіолого-психическій законъ. Въ силу этого закона, развитіе, воспитаніе высшихъ идей и чувствъ просвѣщенно-человѣчной симпатіи и соціально-кооперативной взаимности людей, въ настоящій фазисъ развитія нервной системы человѣка, можно сказать, физіологически-обязательно для каждаго человѣка, нежелающаго вырождаться или дичать, подобно какому нибудь бушмену, физіологически-обязательно для каждаго народа или общества, не желающаго отставать отъ высшаго антропологическаго развитія, или вырождаться, подобно какимъ-нибудь сибирскимъ Омокамъ, Анюиламъ и Шелагамъ, австралійскимъ и американскимъ дикарямъ, или разлагаться, подобно классическому, греко-римскому обществу. Въ силу физіологическаго закона соотносительнаго

развитія высшихъ чувствъ и высшихъ нервныхъ клѣтокъ, въ современный фазисъ высшаго развитія человѣческаго мозга и обусловливаемаго имъ развитія высшихъ чувствъ и побужденій, съ каждымъ будущимъ поколѣніемъ, по мѣрѣ замѣщенія менѣе развитыхъ типовъ человѣческаго мозга, типами мозга болѣе развитаго, болѣе сложнаго, неизбѣжно должна вырождаться нервно-мозговая, душевная и физическая жизнь тѣхъ поколѣній, которыя, путемъ реверсіи или атавизма, наслѣдуютъ еще древнее преобладаніе нисшихъ, грубыхъ животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей, соотносительныхъ съ нисшею степенью величины, сложности и дѣятельности человѣческаго мозга. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдъ за вырожденіемъ нисшихъ типовъ нервно-мозговаго строенія и свойственныхъ имъ нисшихъ, животно-эгоистическихъ побужденій, по мѣрѣ наибольшаго развитія въ человѣческомъ мозгу высшихъ нервныхъ клѣтокъ и соотносительныхъ имъ высшихъ чувствъ гуманности, справедливости и соціально-кооперативной взаимности, — неизбѣжно должна кончиться и эгоистически-пріобрѣтательная, индивидуально-трудовая борьба за существованіе, какъ остатокъ первобытной, чисто-животной борьбы за существованіе, и порожденіе нисшей степени развитія человѣческаго мозга. А вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно должно начаться и высшее развитіе и господство гуманно-кооперативной человѣческой взаимности, какъ необходимый физіолого-психическій результатъ соотносительнаго развитія высшихъ чувствъ и высшихъ нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ. Какъ нисшія человѣческія расы, у которыхъ мозгъ почти на 30 процентовъ меньше мозга европейцевъ, вымираютъ, вырождаются при соприкосновеніи съ высшими человѣческими расами, или какъ въ европейскихъ обществахъ необразованный человѣкъ, у котораго средній вѣсъ мозга равняется 49 унц., въ силѣ умственнаго творчества и нравственнаго сознанія, невольно уступаетъ человѣку высокоразвитому, у котораго средній вѣсъ мозга равняется больше, чѣмъ 54 унц., — такъ и тѣ человѣческія поколѣнія, которыя не воспитываютъ въ себѣ высшихъ человѣческихъ чувствъ и стремленій и, слѣдовательно, не развиваютъ въ своемъ мозгу и соотносительныхъ имъ высшихъ нервныхъ клѣтокъ корковаго слоя, а развиваютъ и усиливаютъ въ себѣ одни низшія, грубыя животно-эгоистическія чувства и наклонности, соотносительныя нисшему, меньшему осложненію и дифференцированію нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ полушарій, — такія поколѣнія не могутъ быть психически устойчивы и живучи. Они не переживутъ тѣхъ новыхъ, все болѣе и болѣе нарождающихся и размножающихся въ передовой части человѣчества генерацій, у ко-

торыхъ высшія человѣческія идеи. чувства и стремленія развиты соотносительно съ наибольшимъ осложненіемъ и дифференцированіемъ нервныхъ клѣтокъ высшихъ, центральныхъ мозговыхъ узловъ. Да, поколѣнія древняго, нисшаго, отживающаго свой вѣкъ антропологическаго типа, исключительно—себялюбивыя, эгоистически-пріобрѣтательныя поколѣнія, у которыхъ, соотносительно съ нисшими, грубыми животно-эгоистическими чувствами и побужденіями, преобладаетъ и нисшая степень развитія нервныхъ элементовъ большихъ мозговыхъ полушарій,—и которыя въ лицѣ своего потомства, генеративно-послѣдовательно ухудшаютъ человѣческую природу,—тѣ поколѣнія рано или поздно выродятся душевно и физически, и вымрутъ. А напротивъ, новыя, высшія гуманно-просвѣщенныя, соціально-филантропическія генераціи, представляющія собой современный фазисъ высшаго развитія нервной системы человѣка, обладающія и живущія богатствомъ и разнообразіемъ высшихъ человѣческихъ идей, чувствъ и стремленій и соотносительнымъ съ ними высшимъ развитіемъ и дифференцированіемъ нервныхъ клѣтокъ болѣе сложнаго мозга, — эти нравственно-могучія поколѣнія переживутъ, и разовьютъ будущій, высшій антропологическій типъ, создадутъ будущій, высшій соціальной строй, основанный на высшихъ человѣческихъ идеяхъ и чувствахъ соціально-кооперативной взаимности, справедливости и просвѣщенно-гуманной симпатіи. Вмѣстѣ съ вырожденіемъ нисшаго типа нервныхъ клѣтокъ большихъ мозговыхъ узловъ нервной системы человѣка и соотносительнымъ ему психическимъ вырожденіемъ нисшихъ, грубыхъ, животно-эгоистическихъ чувствъ и наклонностей, — все болѣе и болѣе безсильны будутъ и всѣ стремленія и притязанія эгоистически-пріобрѣтательныхъ генерацій и партій,—и придетъ время, когда падетъ, исчезнетъ буржуазное господство Беринговъ и Ротшильдовъ, не будетъ эгоистически-сословнаго раскола школъ и другихъ общественныхъ учрежденій, не будетъ однихъ только купеческихъ или другихъ какихъ-нибудь замкнуто-сословныхъ училищъ, клубовъ и т. д. А вмѣстѣ съ этимъ, съ усиливающимся прогрессомъ или увеличеніемъ массы, сложности и дѣятельности большихъ нервныхъ центровъ человѣческаго мозга, передовыя человѣческія генераціи все сильнѣе и сильнѣе, все безостановочнѣе и неудержимѣе, все смѣлѣе и побѣдоноснѣе будутъ заявлять усиливающійся запросъ на всецѣлое удовлетвореніе потребностей высшихъ человѣческихъ чувствъ гуманности, справедливости и соціально-кооперативной взаимности. И придетъ, наконецъ, время, когда во всѣхъ странахъ, обитаемыхъ передовою частью человѣчества, разовьются, разцвѣтутъ общечеловѣческія соціально-ко-

оперативныя ассоціаціи труда, взаимодѣйственнаго умственнаго и нравственнаго развитія и высшихъ соціальныхъ наслажденій общежитія, разовьются, разцвѣтутъ повсюду песталоццовскіе „Дѣтскіе сады“, реально-гуманитарныя школы и физико-антропологическіе университеты, академіи, ассоціаціи, разовьются, разцвѣтутъ повсюду высшія соціально-эстетическія и соціально-увеселительныя ассамблеи и т. д. Да не мимо идетъ эта общечеловѣческая будущность когда-нибудь и для Сибири. И пусть же она не чуждается высшихъ человѣческихъ идеаловъ, какъ мечты, какъ утопіи, чтобы не закоченѣть, подобно тундрѣ ледовитой, самоѣдской; пусть не опускаетъ она этихъ оживляющихъ лучей и свѣточей изъ виду, какъ тунгусъ или юракъ-звѣроловъ не упускаетъ изъ виду въ темную зимнюю ночь въ тайгѣ полярную звѣзду. Пусть и сибирское общество, по мѣрѣ возможности, все болѣе и болѣе усвояетъ высшій соціально-антропологическій типъ передовыхъ европейскихъ обществъ, чтобы, иначе, не одичать, вмѣстѣ съ тунгусами или монголами, или не выродиться, подобно Омокамъ и Шелагамъ, а рано или поздно возродиться вмѣстѣ съ передовыми человѣческими обществами.

А. Щаповъ.

ИЗЪ МАРКА МОННЬЕ.

Въ церкви я стоялъ и слушалъ,
Какъ предъ набожной толпой,
Говорилъ, входящій въ славу,
Проповѣдникъ молодой:

Тàкъ земля ему казалась
И пустынна и мрачна,
Что лишь страхъ и отвращенье
Поселяла въ немъ она.

Слушалъ я его, и думалъ
О прекрасныхъ вешнихъ дняхъ,
О пестрѣющихъ цвѣтами,
Солнцемъ зàлитыхъ поляхъ!

Говорилъ онъ, что въ порокахъ
Грѣшный сынъ земли погрязъ,
Что любви мы къ братьямъ чужды,
Нѣтъ на подвигъ силы въ насъ.

Слушалъ я его и думалъ
О друзьяхъ, что на краю
Бездны страшной, мнѣ простерли
Руку вѣрную свою.

Слушалъ я его и думалъ
О безрадостной судьбѣ,
Столькихъ добрыхъ и отважныхъ,
Въ честной гибнущихъ борьбѣ!

Онъ объ огненной гееннѣ,
Въ изступленіи вѣщалъ.
Вопли, плачъ, зубовный скрежетъ,
За грѣхи намъ обѣщалъ.

А меня, въ обѣтованный
Край несла мечта моя,
Въ ту страну, гдѣ будутъ люди
Жить какъ дружная семья!

Гдѣ вражды потухнетъ пламя,
Перестанетъ литься кровь,
И въ сердцахъ людскихъ зажжется
Безконечная любовь.

Смолкъ аббатъ. Изъ церкви вышелъ
Я, краснѣя за него:
За хулу, что произноситъ
Онъ на Бога своего!

А. Плещеевъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Г. КАВЕЛИНЪ, КАКЪ ПСИХОЛОГЪ.

VI.

Давно уже было замѣчено, что терминологія психологіи составляетъ ея самую слабую сторону, что точное употребленіе словъ крайне трудно установить какому либо автору даже въ одномъ какомъ нибудь трудѣ, тѣмъ труднѣе согласиться относительно этого употребленія нѣсколькимъ авторамъ при различныхъ философскихъ міросозерцаніяхъ. И причина этого явленія не была вовсе таинственна: ее давно замѣтили съ обстоятельствъ, что различные психическіе процессы совершаются, вопервыхъ, одновременно, взаимно вліяя другъ на друга, вовторыхъ послѣдовательно, переходя одинъ въ другой. Такимъ образомъ нападки на психологическую терминологію, указаніе на тѣсную связь между психическими состояніями, и на огромную долю метафизики, входящую въ самое основаніе этой терминологіи, составляютъ предметъ весьма обычный въ трактатахъ о душевныхъ явленіяхъ. Бэйли (Bailey) въ своихъ „Письмахъ о философіи человѣческаго духа“ (Letters on philosophy of human mind) приводитъ примѣры укоровъ, дѣланныхъ психологамъ въ этомъ отношеніи Гоббзомъ, Локкомъ, Лейбницемъ, Юмомъ, указывая въ то же время, что эти мыслители сами не всегда избѣгали той же ошибки, а разобравъ терминолигію Канта и Кузена, онъ говоритъ: „относительно философіи духа человѣчество находится еще въ томъ періодѣ, когда въ физикѣ говорили о превращеніи металловъ, о жизненномъ элексирѣ, о вліяніи планетъ, о существованіи субстанціальной легкости, о боязни пустоты въ природѣ, и о тому подобныхъ вещахъ“. Въ своемъ короткомъ, но весьма заслуживающемъ вниманія, очеркѣ англійскихъ работъ по психологіи (La psychologie anglaise contemporaine) Рибо говоритъ, что психологическіе способы группировать факты ведутъ къ созданію фиктивныхъ независимыхъ сущностей, къ возникновенію пустыхъ и не научныхъ вопросовъ, и прибавляетъ:

„Третій результатъ, это—скрытіе единства состава психическихъ явленій. Жизнь душевная имѣетъ свои ступени и, такъ сказать, свои этажи; они отдѣляются одинъ отъ другаго лишь неопредѣленными границами, которыя ученіе о способностяхъ (la doctrine des facultés) представляетъ какъ границы прочныя и безусловныя...... Этотъ признакъ взаимной независимости напрасно мы искали бы въ психическихъ явленіяхъ: они сливаются, смѣшиваются и взаимно предполагаютъ другъ друга."

И такъ, вовсе неудивительно встрѣтить у г. Кавелина тысячу разъ повторенные уже выговоры психологамъ за ихъ „предразсудки и младенческіе пріемы" за „неточность психологической терминологіи, которая не мало содѣйствуетъ путаницѣ понятій". Странно, что г. Кавелинъ, такъ сильно напирая на переходъ психическихъ состояній одного въ другое, не убѣдился, что тутъ есть доля и естественной неточности. Тѣмъ не менѣе онъ, какъ мы видѣли, требуетъ созданія „новой, болѣе точной и правильной психологической терминологіи".

Это была бы заслуга очень важная, и потому, конечно, прежде всего представляются вопросы: какую же терминологію употребилъ самъ авторъ въ своемъ трактатѣ? на сколько онъ выполнилъ необходимое условіе, имъ самимъ поставленное? на сколько его терминологія нова? въ особенности же, на сколько она *точна*?

При самомъ поверхностномъ, какъ и при самомъ подробномъ разборѣ трактата г. Кавелина, трудно найти что либо *новаго* въ его терминологіи. Этого слѣдовало ожидать: обращаясь къ публикѣ въ журналѣ общедоступнаго характера, авторъ *не могъ* придумывать новыхъ терминовъ, да и всякій, знакомый съ прекраснымъ литературнымъ языкомъ г. Кавелина, знаетъ, что онъ не охотникъ до неологизмовъ.

И такъ, мы имѣемъ обычныя группы впечатлѣній, ощущеній, представленій, понятій, мыслей, чувствъ, желаній, стремленій, страстей и. т. д. Эта обычная номенклатура употреблена и въ смыслѣ совершенно обычномъ, такъ что условіе „созданія новой терминологіи", выставленное самимъ г. Кавелинымъ какъ „необходимость", оказалось вовсе не необходимымъ для самаго автора.

Но, можетъ быть, онъ выполнилъ условіе „точности". Посмотримъ.

Всѣмъ извѣстно, да и самъ авторъ хорошо знаетъ, что наиболѣе разработанная часть психологіи есть именно та, которая находится на самыхъ границахъ физіологіи, именно теорія *ощущеній* (sensations, Empfindungen); поэтому и терминъ *ощущеніе* употребляется съ наибольшимъ согласіемъ не только психологами, но и естествоиспытателями вообще, медиками, юристами, даже профанами. Тѣмъ не менѣе относительно его именно мы встрѣчаемъ у г. Кавелина слѣдующія выраженія: „что такое ощущеніе? Нѣтъ термина, повидимому, болѣе точнаго и опредѣленнаго; на самомъ дѣлѣ едва-ли найдется другой, болѣе неточный и сбивчивый. Всякое внѣшнее впечатлѣніе, всякое движе-

ніе чувства, всякое желаніе, всякое представленіе о предметѣ, намѣреніе, рѣшеніе воли есть уже ощущеніе, потому что происходитъ въ душѣ и мы объ нихъ знаемъ; сознаніе есть непремѣнное условіе ощущенія: чего мы не сознаемъ, того и не ощущаемъ. Въ этомъ общемъ смыслѣ ощущеніе, чувство и сознаніе — однозначительны".

До сихъ поръ считалось, что термины *ощущеніе* и *сознаніе* не только должны быть различаемы, но даже принадлежатъ совершенно различнымъ логическимъ группамъ, какъ *явленіе* и *процессъ*, *фактъ* и *область фактовъ*; ихъ отожествленіе въ отношеніи *точности* терминологіи однозначительно съ отожествленіемъ *температуры съ теплотою, цѣнности съ экономическою жизнію общества.* Всякій процессъ существуетъ въ каждую минуту лишь въ опредѣленномъ явленіи, его составляющемъ, но смѣшеніе одного термина съ другимъ было бы самою грубою ошибкою противъ точности научнаго языка. Неужели г. Кавелинъ воображаетъ, что онъ содѣйствуетъ *точности* психологической терминологіи, допуская въ какомъ угодно „общемъ смыслѣ" подобную путаницу терминовъ?

Но изъ предъидущей цитаты видно, что слово *ощущеніе* употребляется авторомъ или въ томъ общемъ значеніи, которое, обыкновенно, обозначаютъ словомъ *воспріятіе* (Wahrnehmung), или должно быть имъ вовсе устранено, какъ терминъ наиболѣе „неточный и сбивчивый". Но г. Кавелинъ его безпрестанно употребляетъ; можно бы подумать, что въ виду *точности,* авторъ уже вездѣ сохранитъ употребленіе *ощущенія* въ общемъ смыслѣ *воспріятій.* Дѣйствительно, онъ говоритъ о чувствахъ, желаніяхъ, мысляхъ, страстяхъ, какъ ощущеніяхъ, которыя отличаются одни отъ другихъ (стр. 509), группируетъ однородныя ощущенія, упрощаетъ эти группы, и окончательно сводитъ „всѣ перечисленныя нами ощущенія" „къ двумъ группамъ: къ чувствамъ и представленіямъ (или мыслямъ)" (стр. 510). Еслибы это было всюду, то здѣсь именно мы имѣли бы примѣръ болѣе или менѣе „новой" терминологіи. Но вотъ переходимъ къ другой главѣ и читаемъ съ удивленіемъ слѣдующія слова (мартъ, 13):

„И такъ, мы предполагаемъ, что дѣйствія внѣшняго міра на душу производятъ ощущенія и изъ этихъ ощущеній выдѣляются, съ одной стороны, представленія или мысли, съ другой—чувства, которыя ихъ въ насъ сопровождаютъ".

Позвольте, строгій порицатель всѣхъ современныхъ психологовъ, реалистовъ и идеалистовъ! Если что̀ либо „выдѣляется" изъ чего другаго, то оно не можетъ быть уже видомъ послѣдняго, какъ общаго рода. Изъ *цвѣта* воообще не можетъ выдѣлиться *красный* и *синій* цвѣтъ. Изъ *собакъ* не могутъ выдѣлиться *пудели* и *борзыя.* Въ „строгомъ научномъ изслѣдованіи" подобный способъ выраженія, по меньшей мѣрѣ, неудобенъ. Едва-ли не всего вѣроятнѣе, что слово *ощущеніе* здѣсь принято въ зна-

ченіи совершенно отличномъ отъ того, которое оно имѣло выше. Но въ такомъ случаѣ, гдѣ же „точная терминологія"?

Перейдемъ къ болѣе спеціальнымъ терминамъ.

Я указалъ выше мѣсто, гдѣ г. Кавелинъ пишетъ: „представленія (или мысли)". Это въ главѣ IV (февраль, 510). Въ главѣ VI онъ пишетъ (мартъ, 12): „Остаются затѣмъ чувства, представленія *и* мысли. О нихъ мы уже подробно говорили выше и старались опредѣлить ихъ значеніе и характеристическія различія между ними". Я подчеркнулъ здѣсь союзъ *и*, чтобы читатель обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что группа, бывшая выше *въ скобкахъ*,—слѣдовательно, по обычному грамматическому употребленію, *синонимъ* или *составная часть* того, что̀ предъ нею, становится теперь *рядомъ* съ нею, какъ *отдѣльная и равноправная* группа. Конечно, подобныя мелочи могутъ ускользнуть отъ вниманія автора и встрѣтившееся несогласіе ведетъ лишь читателя къ вопросу: какое же дѣйствительное отношеніе въ *точной* терминологіи г. Кавелина между *представленіями и мыслями?* Такъ-какъ авторъ ссылается въ главѣ VI на свое „подробное" объясненіе этихъ терминовъ, на свое „опредѣленіе ихъ значенія и характеристическихъ различій между ними", а приступилъ къ разбору самыхъ психическихъ явленій въ главѣ IV, то посмотримъ, что̀ даютъ эти главы относительно *точнаго* отношенія между указанными терминами.

На стр. 510 (февраль), вслѣдъ за приведеннымъ выраженіемъ: „представленія (или мысли)", находимъ, что „сдѣлано много наблюденій надъ чувствами и ихъ отношеніями къ представленіямъ *и* мыслямъ". На 512 стр. говорится о чувствѣ: „Мы отличаемъ его отъ мысли, отъ представленія". На 513-й: „несправедливо, будто мысль, представленіе зависятъ отъ нашей воли". На 514-й, два раза разсматриваемые термины связаны союзомъ *и*, разъ отдѣлены запятою, на 515-й, связаны союзомъ *или*. Далѣе, опять тоже на стр. 520-й, 521-й; еще далѣе то же. Въ главѣ VI (на стр. 9-й, мартъ) встрѣчаемъ опять перечисленіе „психическихъ фактовъ", гдѣ чувства, представленія, мысли, акты воли стоятъ рядомъ, какъ четыре *равноправныя* группы. И вотъ мы дошли до мѣста, гдѣ авторъ объявляетъ, что „опредѣлилъ значеніе" и „установилъ характеристическія отличія" для группъ психическихъ фактовъ, но въ числѣ ихъ встрѣчаемъ двѣ постоянно упоминаемыя рядомъ группы, о которыхъ ни слова не сказано, чѣмъ или какъ различаетъ ихъ авторъ. Если *мысль* и *представленіе* для него синонимы, то постоянное приведеніе ихъ рядомъ только смущаетъ читателя. Если первое есть общій терминъ, а второе—частный, то это приведеніе рядомъ уже совсѣмъ неправильно-грамматически и логически. Если онъ именно имѣетъ въ виду двѣ *различныя* группы фактовъ, то какъ же онъ ни однимъ словомъ не указываетъ читателю, въ чемъ именно здѣсь разница?

Кончу этотъ вопросъ о „точной терминологіи" г. Кавелина

лишь небольшимъ указаніемъ на одно мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о чувствахъ. Онъ пишетъ (февраль, 516), что „общее сознаніе“ называетъ „чувственными движеніями или стремленіями“ группу, къ которой относятся, между прочимъ „ощущенія холода, голода, физической боли (напримѣръ, при ушибѣ, обжогѣ и т. п.), усталости и т. д.“. Трудно сказать, что̀ это за „общее сознаніе“ (!), которое употребляетъ подобную терминологію; нельзя спорить, что находились какіе-нибудь оригинальные писатели, ее употреблявшіе; но какъ-то ужь очень странно и несогласно съ привычками не только научнаго, но и разговорнаго языка называть хоть бы ощущеніе усталости „движеніемъ или стремленіемъ“.

Въ результатѣ получаемъ слѣдующе: г. Кавелинъ считаетъ „необходимымъ“ „создать новую, болѣе точную и правильную психологическую терминологію“. Въ своемъ трактатѣ онъ не только не удовлетворяетъ этому „необходимому“ условію, но не выражаетъ даже попытки сколько-нибудь точно и опредѣленно употреблять старые термины, новыхъ же не вводитъ. Его психологическая терминологія отличается *крайней неточностью*, частью сближая и отожествляя термины, принадлежащіе разнымъ логическимъ областямъ (какъ *ощущеніе* и *сознаніе*), частью не уясняя отношенія между основными группами, имъ самимъ безпрестанно упоминаемыми (какъ *представленія* и *мысли*), или впадая въ другіе подобные недостатки. Въ этомъ отношеніи г. Кавелинъ не имѣетъ ни малѣйшаго права быть строгимъ къ своимъ предшественникамъ въ области психологіи.

VII.

Нѣкоторыя мысли, высказанныя г. Кавелинымъ, весьма полезны для многихъ изъ русскихъ читателей и составляютъ истины психологіи, на которыя слѣдовало обратить вниманіе. Какъ на самыя крупныя въ этомъ отношеніи мы укажемъ нераздѣльность міра психическаго отъ физическаго въ человѣкѣ, постепенную выработку перваго изъ послѣдняго, сознательнаго состоянія изъ безсознательнаго, постепенное развитіе высшихъ психическихъ явленій изъ низшихъ и переходъ одной группы явленій въ другую.

Но если это ново для русскихъ читателей, при крайней бѣдности нашей психологической литературы, когда читатели не имѣютъ возможности обратиться къ иностраннымъ источникамъ, то назвать эти истины новостью въ психологіи вообще нѣсколько странно. Болѣе или менѣе ясно онѣ высказаны не однимъ, не двумя, а значительнымъ числомъ писателей по психологіи, для иныхъ же авторовъ составляютъ самую основу ихъ психологическихъ теорій.

Я привелъ выше цитату изъ небольшой книги Рибо̀, пе-

имѣющей вовсе претензіи на оригинальность, относительно „единства состава психическихъ явленій“, относительно ихъ слитія, смѣшенія и взаимнаго обусловленія. Въ концѣ своей книги, излагая результаты, общіе для всей англійской школы психологовъ, Рибо̀ говоритъ, между прочимъ (415), о ихъ взглядѣ на связь матеріальнаго міра съ міромъ мысли: „Она (англійская школа психологовъ) признаетъ за умомъ самодѣятельность, разработывающую и преобразующую матеріалы, получаемые извнѣ; но эта самодѣятельность имѣетъ свой корень въ организмѣ, въ особенности же въ устройствѣ нервной системы“.

Но и внѣ этой школы, которую анализируетъ Рибо̀, мы найдемъ признаніе многихъ изъ истинъ, на которыя напираетъ особенно г. Кавелинъ, которыя составляютъ лучшую долю его трактата, но которыя онъ какъ будто считаетъ чуждыми писателямъ, группируемымъ имъ подъ рубриками идеалистовъ и реалистовъ. Гамильтонъ, напримѣръ, признаетъ безсознательныя состоянія духа. Въ Германіи у Вундта, о которомъ г. Кавелинъ два раза отзывается съ уваженіемъ, не только „встрѣчаемъ весьма вѣрныя и мѣткія наблюденія надъ безсознательными и непроизвольными психическими процессами, предшествующими сознательному и произвольному мышленію“, какъ выражается г. Кавелинъ (мартъ, 23), но весьма выработанную теорію развитія высшихъ психическихъ явленій изъ низшихъ. „Съ первымъ воспріятіемъ — пишетъ Вундтъ (Vorlesungen, 1865, I, 299) — положено первое зерно для развитія сознанія. Но это не значитъ еще; что сознаніе уже явилось. То, что̀ образуется (das Werdende) не одно и то же съ образовавшимся (des Gewordene)“. И далѣе: „Сознаніе оказывается предъ нами лишь результатомъ процесса, который не входитъ внезапно въ жизнь души безъ всякаго подготовленія (unvermittelt), но примыкаетъ съ логическою необходимостью ко всему предыдущему ряду психическихъ явленій, происходитъ изъ этого ряда“. Въ самомъ процессѣ сознанія Вундтъ находитъ постепенное развитіе низшихъ явленій въ высшія. „Если мы прослѣдимъ все развитіе сознанія съ минуты его возникновенія, то оно намъ представится, какъ великій процессъ, начинающійся съ самыхъ общихъ очерковъ различенія и постепенно доходящій до самыхъ тонкихъ различеній отдѣльныхъ фактовъ“. Затѣмъ, онъ слѣдитъ за фазисами перехода основнаго факта сознанія, который онъ называетъ представленіемъ, въ общее представленіе, въ эмпирическое понятіе, наконецъ, въ отвлеченное понятіе.

Точно такъ же Вундтъ совершенно ясно высказываетъ тѣсную связь между явленіями чувства (Gefühl) и явленіями мышленія, признавая за первымъ значеніе элемента субъективнаго, за вторымъ — преимущественно — объективнаго. „Чувства и хотѣнія (Begehrungen) — пишетъ онъ (II, 2)—постоянно сопровождаютъ наши ощущенія и представленія, то сплетаясь съ познаніемъ (Erkennen), то предшествуя ему; они вліяютъ на мышленіе и

мышленіе вліяетъ на нихъ, и они-то преимущественно обусловливаютъ нашу дѣятельность, сообщаютъ нашей духовной жизни ея направленіе, ея отличительную особенность". И далѣе (II, 3): „Всѣ они (чувства) относятся явно къ состоянію чувствующаго существа, къ страданію или дѣятельности его *я*. Ощущеніе еще не заключаетъ само по себѣ никакого отношенія къ чему бы то ни было, и лишь позже въ него входитъ отношеніе къ нѣкоторому объекту; представленіе всегда или обращено на внѣшніе предметы или, если оно не такъ, если оно занимается собственнымъ *я*, то оно дѣлаетъ изъ этого *я* предметъ обыкновеннаго разсмотрѣнія; чувства остаются всегда субъективными, и едва разрушена эта ихъ субъективность, они перестаютъ быть чувствами". Кромѣ того, Вундтъ доказываетъ, что чувство тѣсно связано съ безсознательными явленіями и „опирается на безсознательное познаніе", подобно тому, какъ „всѣ познанія вырастаютъ первоначально изъ безсознательныхъ процессовъ" (II, 310).

Впрочемъ, Вундтъ гораздо скромнѣе г. Кавелина и далеко не такъ рѣзко относится къ своимъ предшественникамъ. Онъ признаетъ (предис. III), что именно психологическіе труды заслуживаютъ вниманія въ послѣднее время въ той области, которую прежде называли философіею. „Нельзя не признать — пишетъ онъ — что немногія самостоятельныя работы, которыя наше время можетъ представить на поприщѣ философіи, принадлежатъ преимущественно области психологіи". Ему было бы, вѣроятно, нѣсколько странно узнать, что г. Кавелинъ приписываетъ (мартъ, 23) ему, Вундту, „честь почина" въ вопросѣ о развитіи сознательныхъ процессовъ изъ безсознательныхъ. „Чтенія" Вундта изданы въ 1863, тогда какъ еще въ 1855 году появилось первое изданіе книги, которая вся проникнута теоріею единства всѣхъ психическихъ явленій, и этотъ трудъ слишкомъ замѣчателенъ, чтобы мы рѣшились заподозрить г. Кавелина въ незнакомствѣ съ нимъ, хотя онъ ни разу не называетъ автора, довольно знакомаго нашей публикѣ и столь близкаго во многихъ отношеніяхъ къ требованіямъ, поставленнымъ г. Кавелинымъ для психологіи.

Я говорю здѣсь о Гербертѣ Спенсерѣ и о его „Началахъ психологіи" (Principles of Psychology, первое изданіе 1855 г., второе изд. т. I, 1870 г.). Читатели, знакомые съ его „Опытами", конечно не сомнѣваются въ томъ, что Спенсеръ могъ смотрѣть на психологическія явленія, лишь какъ на фазисы развитія единаго процесса, охватывающаго тѣлесные и духовные факты, безсознательное и сознательное, непроизвольное и произвольное; немногія цитаты изъ перваго тома втораго изданія его „Началъ психологіи" подтвердятъ это еще болѣе.

„Мы можемъ думать о веществѣ—пишетъ Спенсеръ (I, 627)— лишь при помощи терминовъ, относящихся къ духу. Мы можемъ думать о духѣ лишь при помощи терминовъ, относящихся къ ве-

ществу. Когда мы довели наши изслѣдованія перваго до ихъ крайняго предѣла, насъ отсылаютъ ко второму для окончательнаго отвѣта, а какъ мы получили окончательный отвѣтъ втораго, насъ отсылаютъ обратно къ первому для объясненія этого отвѣта... Одна и та же основная реальность выражается (is manifested) для насъ и объективно и субъективно".

Въ другомъ мѣстѣ (I, 396), Спенсеръ признаетъ, что между физіологическою и психологическою дѣятельностью „не существуетъ непереходимой пропасти... Въ низшихъ фазисахъ психическая жизнь не обособляется такъ, какъ въ высшихъ; различіе выказывается лишь въ теченіи жизненнаго развитія." И далѣе (403—404): „Постоянно совершаются дѣйствія умственной сферы, которыя не входятъ въ сознаніе... Чрезъ многочисленныя ступени, заключающіяся между вполнѣ сознательными и вполнѣ безсознательными дѣйствіями, психическія измѣненія переходятъ въ такія, которыя мы называемъ физическими".

„Законъ развитія—говоритъ Спенсеръ (I, 627 и слѣд.)—справедливъ для внутренняго міра, какъ для внѣшняго... Если мы разсматриваемъ соотвѣтствующія (разнымъ фазисамъ развитія нервной системы) состоянія сознанія, то открываемъ, что и они, начинаясь съ простаго, неопредѣленнаго и нестройнаго состоянія, увеличиваются въ числѣ своихъ видовъ, соединяются въ аггрегаты, которые въ своихъ формахъ становятся шире, многочисленнѣе и разнообразнѣе".

Всего ближе къ физической жизни Спенсеръ находитъ *рефлексъ* (I, 428), въ которомъ зарождается различіе физическихъ явленій отъ психическихъ. Далѣе, сложное рефлекторное движеніе становится *инстинктомъ*, хотя ясной черты между нимъ и простымъ рефлексомъ провести нельзя (I, 452). При усложненіи связи между психическими состояніями, автоматичность ихъ мало по малу уменьшается и развивается *память* (450), но „предполагаемаго пробѣла между разумомъ и инстинктомъ не существуетъ" и „невозможность провести черту, ихъ раздѣляющую, можетъ быть ясно доказана" (453). Вообще „на какую бы точку зрѣнія мы ни стали, факты всегда указываютъ постепенный переходъ отъ низшихъ формъ психической дѣятельности къ высшимъ. Прогрессивное усложненіе инстинктовъ... обусловливаетъ одновременно начало памяти и разума" (454).

Точно такъ же относительно чувства Спенсеръ находитъ, что ни ощущенія, ни душевныя волненія не свободны вполнѣ отъ умственнаго элемента (478) и что чувства, подобно уму, развиваются изъ низшихъ формъ психической дѣятельности (461). Наконецъ, воля возникаетъ въ то же время и при тѣхъ же условіяхъ, когда „память, разумъ и чувство одновременно выростаютъ", именно „когда автоматическія дѣйствія усложняются, повторяются рѣже и теряютъ въ увѣренности" (495).

Ограничусь этими выписками, которыя считаю достаточными для указанія на то, какъ странно, что у г. Кавелина не упомя-

нуты вовсе психологическіе труды Герберта Спенсера, направленные именно въ ту сторону, которую выставляетъ г. Кавелинъ на видъ, какъ особенно-новое открытіе. Для послѣдовательности и научности собственнаго трактата г. Кавелинъ сдѣлалъ бы даже хорошо, еслибы поближе держался труда своего предшественника, поставившаго себѣ для психологіи задачу, довольно близкую къ задачѣ г. Кавелина, но выполнившаго ее нѣсколько иначе.

Но есть и еще одинъ авторъ, психологическій трудъ котораго, появившійся два года тому назадъ, не могъ не быть замѣченъ нашимъ реформаторомъ психологіи; авторъ, тоже не упомянутый г. Кавелинымъ, но который, подобно г. Кавелину, развиваетъ теорію психическихъ явленій какъ единаго цѣлаго, самымъ тѣснымъ образомъ сливающагося съ процессами физическими, при чемъ безсознательныя явленія составляютъ почву развитія явленій сознательныхъ. Этотъ авторъ даже идетъ, подобно г. Кавелину, за предѣлы чисто-научнаго изложенія фактовъ. Онъ, конечно, не такъ смѣлъ, какъ нашъ психологъ, не рѣшается говорить о существованіи двухъ организмовъ въ единомъ существѣ, но онъ тоже пытается уяснить связь между двумя сторонами человѣческаго бытія въ ея сущности. Онъ склоненъ даже, подобно г. Кавелину, признать за психическими явленіями болѣе права на существенную реальность, чѣмъ за физическими. Во всякомъ случаѣ его взгляды, стремленія и желанія настолько сродны взглядамъ, стремленіямъ и желаніямъ нашего психолога, что послѣдній выказалъ нѣкоторый недостатокъ родственнаго чувства, не упомянувъ ни однимъ словомъ о Тэнѣ и его сочиненіи „Объ умѣ“ (De l'intelligence, 1870).

Тэнъ сначала разобралъ процессы мышленія, начиная съ самыхъ сложныхъ и сводя ихъ на простѣйшіе сознанные элементы, на ощущенія, но на нихъ онъ не осаановился и въ своемъ образномъ языкѣ выразился такъ (I, 237 и слѣд.):

„Мы изслѣдовали обширную страну, подобно геологамъ, начиная съ высшихъ горныхъ вершинъ до уровня береговъ, и подъ всѣми неровностями почвы мы признали существованіе одного глубокаго слоя, поддерживающаго всѣ измѣненія земной поверхности. Отъ самыхъ отвлеченныхъ понятій до самыхъ животныхъ ощущеній, мы нашли одинъ и тотъ же основный пластъ... Въ основѣ всего лежитъ ощущеніе... Кромѣ того, мы удостовѣрились, что на нѣкоторой глубинѣ эта порода, хотя и исчезаетъ, но тѣмъ не менѣе существуетъ и продолжается на неопредѣленное разстояніе, такъ-какъ, при нѣкоторой степени кратковременности или слабости, ощущеніе недоступно до сознанія, но тѣмъ не менѣе реально, и состоитъ изъ безконечно-малыхъ элементовъ. Такимъ образомъ за психологическимъ міромъ, подлежащимъ наблюденію сознанія, простирается въ безконечность психологическій міръ, сознанію недоступный“.

Затѣмъ онъ обращается къ изученію физіологическихъ дан-

ныхъ, обусловливающихъ психическую жизнь, и формулируетъ полученные имъ результаты слѣдующимъ образомъ (I, 334 и слѣд.):

„Мы знаемъ теперь съ точностью физическія условія нашихъ психическихъ явленій; для нашихъ ощущеній въ грубомъ видѣ (sensations brutes) это нѣкоторое дѣйствіе или частичное движеніе въ продолговатомъ мозгу, въ четверохолміи и, вообще, въ нѣкоторомъ первичномъ мозговомъ центрѣ; для нашихъ представленій, понятій и для остальнаго, это то же самое дѣйствіе или частичное движеніе, повторенное и распространенное въ элементахъ сѣраго мозговаго слоя. Отъ этого частичнаго движенія зависятъ событія, которыя мы относимъ къ своей личности; оно дано и они даны; его нѣтъ и ихъ нѣтъ. Это правило не допускаетъ исключенія; ему подчинены мысль самая возвышенная, подчинено понятіе самое отвлеченное при посредствѣ словъ или знаковъ, служащихъ имъ опорою. Всякое понятіе, произвольное или непроизвольное, ясное или смутное, сложное или простое, мимолетное или прочное предполагаетъ опредѣленное частичное движеніе въ мозговыхъ клѣточкахъ.—Но, кромѣ психическихъ явленій, доступныхъ сознанію, частичное движеніе въ нервныхъ центрахъ вызываетъ еще безсознательныя психическія явленія. Они гораздо многочисленнѣе сознательныхъ, и въ мірѣ, составляющемъ наше существо, мы замѣчаемъ лишь вершины, какъ бы освѣщенные возвышенные пункты материка, низменности котораго остаются въ тѣни. Подъ обычными ощущеніями находятся ихъ составныя части, именно элементарныя ощущенія, которыя, чтобъ перейти въ сознаніе, должны накопиться въ суммы. Рядомъ съ обыкновенными представленіями и понятіями находятся ихъ побочные сродники, именно скрытыя представленія и понятія, которыя не могутъ перейти въ сознаніе иначе, какъ получивъ въ свою очередь преобладаніе и господство.

„Допустивъ это, мы видимъ, что психическій міръ идетъ далеко за предѣлы, ему указанные прежде. Обыкновенно его ограничиваютъ сознанными событіями; но теперь ясно, что способность переходить въ сознаніе присуща лишь нѣкоторымъ изъ этихъ событій; большинство ихъ не имѣетъ этой способности. За небольшимъ свѣтлымъ кругомъ распространяется обширная полутѣнь и затѣмъ мракъ, идущій на неопредѣленно-далекое пространство; но событія, совершающіяся въ полутѣни и во мракѣ, столь же реальны, какъ и событія небольшаго свѣтлаго круга. Откуда слѣдуетъ, что всюду, гды мы найдемъ нервное строеніе, возбужденія, воздѣйствія, словомъ, всѣ физическія данныя, которыя соотвѣтствуютъ сознаннымъ психическимъ событіямъ и указываютъ на нихъ, тамъ мы вправѣ заключать и о присутствіи психическихъ явленій, недоступныхъ нашему сознанію“.

Разобравъ то, что̀ физіологи знаютъ, или считаютъ вѣроят-

нѣйшимъ относительно локализированія источниковъ рефлекторныхъ движеній, ощущеній и представленій, Тэнъ говоритъ:

„Такимъ образомъ для дѣятельности нервныхъ центровъ, какъ для психическихъ явленій, мы имѣемъ три этажа послѣдовательной передачи и выработки, и можно схватить въ общемъ воззрѣніи взаимную зависимость и развитіе этихъ двухъ теченій.

„Они составляютъ два длинные ряда, изъ которыхъ одинъ представляетъ необходимое и достаточное условіе для другаго, и которые соотвѣтствуютъ одинъ другому такъ же точно, какъ выпуклость и вогнутость одной и той же кривой линіи. Съ одной стороны находятся частичныя движенія нервныхъ центровъ, съ другой—психическія явленія болѣе или менѣе аналогичныя ощущенію. Первыя всегда вызываютъ явленія втораго рода и степень усложненія первыхъ всегда выражается такою же сложностью вторыхъ. Достигнувъ нѣкоторой ступени, вторыя могутъ быть открыты особеннымъ внутреннимъ путемъ, который мы называемъ сознаніемъ; но и на этой ступени большею частью ихъ не открываютъ этимъ путемъ. Подъ явленіями, доступными сознанію, находимъ много другихъ, ему недоступныхъ, и о которыхъ мы по необходимости составляемъ понятіе лишь по извѣстнымъ намъ явленіямъ, но примѣняя къ нимъ типъ ограниченный и отрывочный и тѣмъ болѣе ограниченный и отрывочный, чѣмъ проще нервное дѣйствіе, ихъ вызывающее. Такимъ образомъ отъ обыкновенныхъ ощущеній, доступныхъ сознанію, нисходитъ лѣстница неопредѣленной длины аналогичныхъ имъ психическихъ явленій, все болѣе несовершенныхъ, все болѣе далекихъ отъ сознанія, и мы не можемъ установить предѣла ряду ихъ возрастающаго вырожденія. Это послѣдовательное пониженіе, которому соотвѣтствуетъ упрощеніе нервной системы, ведетъ насъ до самаго низа зоологической лѣстницы и связываетъ непрерывнымъ рядомъ промежуточныхъ звеньевъ самые зародышные очерки съ самыми высшими комбинаціями въ нервной системѣ и въ мірѣ психическихъ явленій".

Затѣмъ онъ сближаетъ результаты психологическаго и физіологическаго разбора въ философскомъ представленіи слѣдующаго рода (I, 365 и слѣд.):

„И такъ природа имѣетъ двѣ стороны, и послѣдовательныя или одновременныя событія, ее составляющія, могутъ быть понимаемы и познаваемы двумя способами: изнутри и сами въ себѣ; извнѣ и по впечатлѣнію, производимому ими на наши чувства. Эти двѣ стороны параллельны между собою и всякая линія, пересѣкающая одну изъ нихъ, пересѣкаетъ и другую на той же высотѣ. Если смотрѣть на природу съ одной стороны, то ея элементы суть событія, которыя мы познаемъ лишь въ высшей степени ихъ сложности и которыя мы называемъ, въ этомъ видѣ ихъ, ощущеніями. Если смотрѣть на нее съ другой стороны, то ея элементы суть событія, которыя мы сознаемъ ясно лишь въ крайней степени ихъ упрощенія, и которыя, въ этомъ видѣ

нихъ, мы называемъ частичными движеніями. Съ первой точки зрѣнія, это—лѣстница психическихъ явленій, послѣдовательныхъ и одновременныхъ, которыхъ сложность *убываетъ*, когда мы въ нихъ идемъ съ верху доступнаго нашему сознанію, къ низу, нами несознаваемому. Со второй точки зрѣнія, это—лѣстница событій физическихъ, послѣдовательныхъ и одновременныхъ, сложность которыхъ *возрастаетъ*, когда мы идемъ съ низу, нами ясно сознаваемаго, въ верхъ, для котораго мы не имѣемъ ясной идеи. Степень сложности явленія на одной сторонѣ лѣстницы указываетъ такую же степень сложности и на другой. Съ обѣихъ сторонъ, внизу, событія неизмѣримо-малы... Снизу до верху обѣ стороны вполнѣ соотвѣтствуютъ одна другой. Физическое событіе, какъ мы его себѣ представляемъ, есть *переводъ* психическаго событія, передавая предложеніе за предложеніемъ, слово за словомъ...

„Представьте себѣ книгу, писанную на оригинальномъ языкѣ и снабженную подстрочнымъ переводомъ; книга эта—природа; оригинальный языкъ — психическое событіе; подстрочный переводъ—физическое событіе и порядокъ главъ есть порядокъ существъ. Въ началѣ книги переводъ напечатанъ очень четкими и ясными буквами. Но по мѣрѣ того, какъ мы читаемъ далѣе, буквы становятся менѣе четки и ясны и, въ каждой слѣдующей главѣ, мы встрѣчаемъ буквы, которыя трудно свести на предыдущія. Подъ конецъ, особенно въ послѣдней главѣ, печать разобрать нельзя, но множество указаній ведутъ къ убѣжденію, что это все тотъ же языкъ и та же книга. Оригинальный текстъ представляетъ обратное явленіе. Онъ очень четокъ въ послѣдней главѣ; чернилы блѣднѣютъ въ предпослѣдней; въ предыдущихъ главахъ можно еще догадаться, что тамъ что-то напечатано, но прочесть ничего нельзя; еще ранѣе исчезаетъ всякій слѣдъ печати.

„Такова книга, которую стараются понять философы; они останавливаются въ недоумѣніи предъ окончательною пачкотнею перваго шрифта, предъ огромными пробѣлами втораго, и каждый изъ нихъ рѣшаетъ вопросъ не по признаннымъ фактамъ, но по привычкамъ своей мысли и по требованіямъ своего сердца. Собственно-ученые, физики и физіологи, начавшіе книгу съ начала, говорятъ, что въ ней всюду одинъ языкъ, именно языкъ междустрочнаго шрифта, другой же языкъ сводится на этотъ; но это очень широкая гипотеза, потому что передъ нами два языка совершенно различные. Моралисты, психологи, религіозные умы, начали книгу съ конца, и между тѣмъ должны сознаться, что бо́льшая часть сочиненія писана на другомъ языкѣ, находятъ необыкновенную тайну въ этомъ соединеніи двухъ языковъ и говорятъ обыкновенно, что здѣсь предъ нами двѣ книги, одна подлѣ другой, при чемъ одна начинается тамъ, гдѣ кончаетъ другая. Короче говоря, матеріалисты отрицаютъ текстъ, а спиритуалисты находятъ непонятною связь текста съ переводомъ.

Мы поступили иначе, и нашъ подробный анализъ привелъ насъ къ новому рѣшенію. Мы сначала долго изучали языкъ оригинала и доказали, что страницы послѣдней главы, повидимому писанныя буквами разнаго рода, всѣ писаны однѣми и тѣми же буквами. Воспользовавшись этимъ упрощеніемъ, мы разобрали нѣсколько полустертыхъ строкъ предпослѣдней главы; потомъ, по неопредѣленнымъ слѣдамъ на предшествующихъ страницахъ, мы стали подозрѣвать, что текстъ могъ восходить гораздо ранѣе, даже на страницы, гдѣ его нѣтъ и слѣдовъ. Тогда мы доказали, что междустрочный шрифтъ заключаетъ переводъ, а другой — оригинальный текстъ, и, изъ ихъ зависимости, заключили, что первый есть переводъ втораго. На основаніи этого указанія мы допустили, что основный текстъ долженъ существовать и на предшествующихъ страницахъ, хотя онъ намъ и не видѣнъ, и что междустрочный шрифтъ представляетъ переводъ и на послѣднихъ страницахъ, хотя его тамъ разобрать нельзя. Такимъ образомъ единство книги доказано и ея два языка дополнены или объяснены однимъ другимъ. Мы знаемъ теперь (?), который изъ нихъ представляетъ первоначальное свидѣтельство и заслуживаетъ полнаго довѣрія, и съ какою увѣренностью можно обращаться къ другому. Благодаря ихъ взаимной зависимости и непрерывному присутствію того или другаго, они могутъ замѣнять другъ друга. Когда одинъ изъ нихъ для насъ стертъ или неразборчивъ, то мы вправѣ дѣлать заключенія по тому, который читаемъ и относительно того, котораго не читаемъ".

Тэнъ, повидимому, вовсе не думалъ, что говоритъ нѣчто особенно новое и неслыханное; онъ сознательно и безсознательно пользовался обширною литературою, разработывавшею психическія явленія, именно въ этомъ направленіи и затѣмъ, поставивъ философское воззрѣніе, выказалъ его связь съ другими философскими теоріями, разсматривающими явленія иначе. Относить его къ французскимъ реалистамъ вообще или вовсе не упоминать о немъ, какъ о писателѣ, незаслуживающемъ вовсе вниманія, нѣсколько странно со стороны г. Кавелина.

Но и вся школа англійскихъ психологовъ, изъ которыхъ г. Кавелинъ не называетъ почти ни одного, хотя не идетъ на путь философскихъ построеній и гипотетическихъ сближеній, но дѣлаетъ именно то, чего требуетъ г. Кавелинъ, высказывая свое требованіе, какъ будто бы оно было особенною новостью, никѣмъ до сихъ поръ не указанною. Возьмите замѣчательные труды Бэка (The Senses and the Intellect., 3 ed. 1868; The Emotions and the Will, 2 d. ed. 1865), и вы увидите, что онъ давно уже слѣдовалъ новооткрытымъ правиламъ г. Кавелина (фев. 395): не отрицалъ ни тѣла, ни духа, не думалъ „отыскивать въ одномъ изъ нихъ единство человѣческой природы", и зналъ очень хорошо, что „надо, напротивъ, поставить оба рядомъ, изучать ихъ сравнительно; разслѣдовать насколько возможно ихъ взаимныя отношенія и отсюда уже дѣлать выводы и заключенія..."

Все это очень и очень неново. Г. Кавелинъ ломится въ отпертую дверь и призываетъ психологовъ къ открытію Америки, имѣвшей уже много Колумбовъ. Безсознательныя психическія явленія, какъ основанія сознательныхъ процессовъ, давно извѣстны. Единство физическихъ и психическихъ явленій не есть новость ни въ направленіи строго-научныхъ изслѣдованій, ни въ построеніи философскихъ міросозерцаній. Полная отдѣльность областей психическихъ явленій есть преданіе психологической схоластики, которое осуждено уже болѣе вѣка тому назадъ, но до сихъ поръ эти области приходится разсматривать отдѣльно писателямъ всѣхъ школъ, вполнѣ признавая ихъ взаимную зависимость, и г. Кавелинъ не могъ уклониться отъ этой необходимости.

Въ самыхъ интересныхъ и наиболѣе научныхъ элементахъ своего трактата г. Кавелинъ вполнѣ обязанъ работамъ своихъ предшественниковъ, преимущественно же тѣхъ, которыхъ онъ даже не называетъ, а сваливаетъ въ общую кучу англійскихъ и французскихъ реалистовъ. Мы не хотимъ и не можемъ допустить, что онъ, принимаясь за реформу науки, не зналъ вовсе трудовъ замѣчательнѣйшихъ своихъ современниковъ, дѣйствующихъ въ этой самой области, трудовъ Бэна, Спенсера, Тэна, но въ такомъ случаѣ почему же онъ умолчалъ именно о нихъ? Допустить же, что эти труды были ему извѣстны, тоже не совсѣмъ удобно, потому что умолчаніе о направленіи психологическихъ работъ, которое подсказало автору всѣ его научныя задачи, всѣ его основныя психологическія понятія, было бы оскорбительно для г. Кавелина, и его іеремiады о недостаткѣ въ психологіи именно того стремленія, которое въ настоящее время проявляется съ особенною силою, были бы не лишены занимательности. Всего вѣроятнѣе допустить здѣсь двойную иллюзію: сознавая свое безспорное отличіе отъ другихъ современныхъ психологовъ въ философскомъ *воззрѣніи* на психологическіе факты, г. Кавелинъ могъ упустить изъ виду, что *научное* содержаніе его труда и систематическія задачи, поставленныя имъ психологіи, не представляютъ рѣшительно ничего новаго, что онъ слѣдуетъ только теченію, господствующему теперь въ области, на которую онъ обратилъ вниманіе. Затѣмъ онъ, можетъ быть, еще поддался иллюзіи, на которую указалъ Гербертъ Спенсеръ въ своей послѣдней статьѣ объ изученіи соціологіи (Contemporary Review, Sept. 1872): „Люди, на которыхъ произвели впечатлѣніе факты прежде непроизводившіе на нихъ впечатлѣнія, извращаютъ свидѣтельство объ общественныхъ явленіяхъ. Внезапно замѣтивъ какія либо вещи, они принимаютъ ихъ за вещи внезапно происшедшія, и потому склонны видѣть возрастающее зло или благо въ томъ, что̀ можетъ съ такою же вѣроятностью быть убывающимъ зломъ или благомъ“. Именно всеобщее современное стремленіе психологовъ, чуждыхъ рутинѣ, разработать душевныя явленія научно, открыть связь между разными процессами, совершаю-

щимися въ человѣкѣ, и прослѣдить генезисъ каждаго психическаго явленія до безсознательнаго и физическаго его источника, именно это удаленіе отъ старой рутины обратило вниманіе г. Кавелина на то, сколько остается еще сдѣлать на этомъ пути, и ему показалось, что психологія есть „самая заброшенная“ отрасль знанія, когда именно теперь физіологи, психіатры, юристы, историки, философы обращаютъ особенное вниманіе на уясненіе психическихъ элементовъ, соприкасающихся съ областями ихъ спеціальныхъ занятій; ему показалось, что наше время „отличается“ особенною „путаницею всѣхъ психологическихъ понятій“ (февр., 539), когда именно теперь работаютъ надъ ихъ уясненіемъ; ему показалось, что въ психологіи „мы теперь знаемъ меньше“, когда въ сущности уменьшеніе *знанія* здѣсь заключается именно въ устраненіи многочисленныхъ метафизическихъ элементовъ, проникавшихъ весь строй прежней психологіи. То, что̀ осталось метафизическаго въ психологіи, рѣжетъ глаза г. Кавелину именно потому, что всеобщее стремленіе противуметафизическихъ элементовъ открыло ему глаза на ихъ неумѣстность; онъ не обращаетъ вниманіе на то, что̀ уже сдѣлано, преувеличивая опасность отъ недостатка того, что̀ осталось сдѣлать, и не замѣчая, что онъ самъ гораздо болѣе склоненъ къ метафизическимъ воззрѣніямъ въ психологіи, чѣмъ многіе изъ его современниковъ.

Еслибы эти иллюзіи не увлекли г. Кавелина, онъ вѣроятно устранилъ бы многія изъ своихъ іереміадъ, отдалъ бы болѣе справедливости именно тѣмъ работникамъ въ области психологіи, имена которыхъ у него не встрѣчаются, и внесъ бы болѣе научныхъ элементовъ въ свой трактатъ именно изъ *ихъ* трудовъ.

Не совсѣмъ ново въ трактатѣ г. Кавелина и стремленіе защитить многопорицаемый нѣмецкій идеализмъ, обращая вниманіе на психологическія истины, открытыя или отгаданныя нѣмецкими идеалистами. Даже въ русской литературѣ эта мысль была высказана.

То же самое можно сказать о нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаніяхъ, безспорно вѣрныхъ и интересныхъ, но которыя можно легко указать у предшественниковъ и современниковъ г. Кавелина. Сюда мы относимъ, напримѣръ, его указаніе на работу мысли, переходящую въ безсознательное состояніе въ особи и въ безжизненныя культурныя формы въ обществѣ, хотя это могло бы быть высказано нѣсколько яснѣе.

„Мысли и представленія — говоритъ г. Кавелинъ, — обратившись въ скрытое состояніе, сдѣлавшись чувствами, перерабатываются, невѣдомо для насъ, въ новыя сочетанія и формы, иногда совсѣмъ иныя, чѣмъ какія мы имъ даемъ, или стараемся дать сознательною работою ума. Эти безсознательно-образовавшіяся комбинаціи выступаютъ со дна души въ видѣ чаяній, инстинктовъ, предчувствій, смутныхъ предвидѣній, нерѣдко противорѣчатъ сознательнымъ представленіямъ и мыслямъ, иногда оказы-

ваются вѣрнѣе ихъ. Такимъ путемъ безпрестанно, ежеминутно обновляется установившійся строй мыслей, которыя болѣе или менѣе быстро или медленно уступаютъ новымъ мыслямъ, безсознательно нарождающимся и постепенно выступающимъ передъ сознаніе. Точно также и продукты сознательной работы мысли исподоволь измѣняютъ чувства и замѣняютъ существующія, скрытыя комбинаціи другими. Выводы положительнаго знанія очень часто противорѣчатъ чувствамъ, то-есть скрытымъ сочетаніямъ мыслей и представленій и вытѣсняютъ ихъ лишь постепенно. Что̀ такимъ образомъ совершается въ душѣ человѣка въ маломъ видѣ, то въ огромныхъ размѣрахъ совершается въ исторіи народовъ и цѣлаго человѣческаго рода. Смутныя чаянія предшествуютъ яснымъ представленіямъ и мыслямъ. Прежде чѣмъ новыя воззрѣнія займутъ принадлежащее имъ мѣсто въ наукѣ и жизни, прежнія теряютъ понемногу живое значеніе, костенѣютъ, сокращаются въ безжизненную формалистику, оставляющую людей холодными и безучастными. Въ то же время новая комбинація чутьемъ, какъ бы ощупью, прокладываетъ себѣ путь, пока, наконецъ, не окрѣпнетъ и не уяснится въ сознаніи".

Сюда же относимъ указаніе г. Кавелина на значеніе личныхъ стремленій и мыслей въ исторической жизни общества.

„Первый стимулъ всякаго движенія и развитія лежитъ въ отдѣльныхъ лицахъ, изъ которыхъ слагаются человѣческія общества. Изъ этой основной ячейки выходитъ вся человѣческая премудрость, весь міръ знанія, вѣрованій, искусства, учрежденій гражданскихъ и политическихъ, всѣ тѣ многообразные пріемы, которыми человѣкъ заставляетъ матеріальную природу служить себѣ. Послѣдняя цѣль всякихъ открытій, научныхъ и практическихъ, всякихъ реформъ и переворотовъ, сомнѣній, столкновеній и борьбы людей и народовъ между собою состоитъ въ томъ, чтобъ каждый отдѣльный человѣкъ могъ приладиться къ даннымъ обстоятельствамъ или могъ приладить ихъ къ себѣ наилучшимъ и наиудобнѣйшимъ образомъ. Съ перваго взгляда кажется, что между великими идеями, сложными задачами народовъ и всемірной исторіи и простыми желаніями простыхъ людей нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго, что ихъ раздѣляетъ непереступаемая бездна, но на дѣлѣ оказывается противное: они соединены тѣснѣйшею связью, между ними существуетъ преемство, котораго мы только часто не замѣчаемъ, потому что обыкновенно сравниваютъ между собою болѣе или менѣе другъ отъ друга отдаленныя звенья этой цѣпи, пропуская безъ вниманія посредствующія, которыя ихъ соединяютъ. Это лишаетъ насъ возможности прослѣдить преемство звеньевъ, отъ перваго до послѣдняго, и такимъ образомъ, нить внутренней послѣдовательности развитія и исторіи теряется" (апрѣль, 505—506).

Все это старые знакомцы для внимательныхъ читателей нашей литературы.

VIII.

Но въ трактатѣ г. Кавелина есть части, безспорно ему принадлежащія, покрайней мѣрѣ мы не припоминаемъ источника, который можно бы здѣсь указать. Эта самостоятельная часть чисто-философскаго характера. Сюда относится теорія г. Кавелина о двухъ сосуществующихъ организмахъ тѣла и души въ единствѣ человѣческаго существа, его построеніе душевнаго организма и его особенностей; наконецъ если не новъ, то во всякомъ случаѣ совершенно несогласенъ съ современными тенденціями психологіи взглядъ г. Кавелина на произвольную дѣятельность. Мы разберемъ, на сколько научны эти элементы трактата г. Кавелина, которые одни могли бы за нимъ закрѣпить роль реформатора въ психологіи или, вѣрнѣе, въ философіи духа, еслибы они представляли болѣе строгую гипотезу, чѣмъ другія гипотезы, существующія въ этой области.

Г. Кавелинъ говоритъ (мартъ, 496) о „недоступномъ для насъ“ началѣ, видоизмѣненія котораго представляетъ намъ „психическая и матеріальная жизнь“, выросшая „на одной общей почвѣ“, и о неизвѣстномъ и недоступномъ намъ источникѣ (502), изъ котораго выдѣляются и тѣло и душа. Это мнѣніе мы встрѣчаемъ почти въ тѣхъ же словахъ и у Спенсера, когда онъ говоритъ о „непознаваемомъ“, о той основной реальности, въ которой всегда соединены субъектъ и объектъ „и знаніе которой невозможно“ (The Principles of Ps. 2 ed. I, 627); мы встрѣчаемъ то же у Тэна, когда дѣло идетъ о „единственной реальности природы“, именно о „тканяхъ событій“, или о двухъ сторонахъ одного и того же процесса, или о двухъ текстахъ одной и той же книги.

Но затѣмъ г. Кавелинъ говоритъ далѣе (527) объ особомъ „психологическомъ центрѣ“, существующемъ въ человѣкѣ „кромѣ физическаго организма“; онъ пишетъ (528): „необходимо предположить, что и тѣло и душа представляютъ своего рода самостоятельные и самодѣятельные организмы, непосредственно соединенные между собою тѣснѣйшимъ образомъ и взаимно обусловливающіе другъ друга“, и далѣе признаетъ душу и тѣло (529) „вѣтвями, выростающими изъ одного и того же корня“.

Наконецъ онъ находитъ, какъ мы видѣли, что „единство человѣческой природы... нисколько не будетъ нарушено(!), если мы... допустимъ, что въ человѣкѣ заключаются два организма, развившіеся изъ одного и того же корня“.

Еслибы г. Кавелинъ не нападалъ такъ сильно и часто на дуализмъ, то его бы всего проще отнести къ обычнымъ спиритуалистамъ-дуалистамъ, т.-е. къ приверженцамъ самаго ходячаго взгляда на психическія явленія. Невещественная душа, самостоятельная и безсмертная, чудеснымъ образомъ связанная съ вещественнымъ и разрушающимся тѣломъ, — это представле-

ніе не разъ встрѣчалось у безчисленнаго множества писателей. Но г. Кавелинъ рѣшительно возстаетъ противъ него; кромѣ того, при подобномъ представленіи, тѣло и душа не могутъ „выростать изъ одного и того же корня“.

Но какъ же представить себѣ „два организма въ человѣкѣ“ при ненарушимости „единства“ его природы? Есть ли какая возможность приладить подобное представленіе къ понятію, формулируемому въ словахъ, употребленныхъ авторомъ? Какая реальная аналогія можетъ навести на путь подобнаго представленія?

Вопервыхъ, что̀ понимаетъ самъ авторъ подъ словомъ: *организмъ*? — На это есть отвѣтъ, если не совсѣмъ ясный, то достаточный покрайней мѣрѣ для того, чтобы имѣть понятіе о точкѣ зрѣнія автора.

„Организмъ—пишетъ г. Кавелинъ (февр. 538) — предметъ сравнительно новый въ наукѣ и еще невыясненный вполнѣ... Всякій организмъ представляетъ собою какой-то узелъ, какъ бы особую форму, около которой группируются разнообразные процессы; она обусловливаетъ ихъ, опредѣляетъ извѣстный ихъ круговоротъ, оставаясь одною и тою же, несмотря на болѣе или менѣе быструю и полную замѣну однихъ матеріальныхъ составныхъ частицъ организма другими“.

И такъ представленіе, которымъ г. Кавелинъ думаетъ *уяснить* психологію, есть представленіе о предметѣ для него „невыясненномъ“, по его собственному сознанію, о „какомъ-то узлѣ“, о формѣ „остающейся одною и тою же“ при замѣнѣ составныхъ частицъ. Надо сознаться, что г. Кавелинъ употребляетъ довольно оригинальный пріемъ для уясненія читателю двуединаго человѣческаго существа. Обыкновенно „невыясненные“ предметы считаются для этого неудобными.

Оригинальность увеличивается еще отъ того, что г. Кавелинъ приписываетъ слову *организмъ* свойства, не только отличающіяся отъ обыкновеннаго его употребленія, но даже прямо противорѣчащія всѣмъ привычкамъ біологовъ. Форма „остающаяся одною и тою же“ считается обыкновенно (хотя не совсѣмъ точно) принадлежностью *неорганическаго*, *мертваго* вещества; напротивъ организму приписываютъ преимущество *измѣнчивой формы*, *развитіе*. Въ высшихъ породахъ эта измѣнчивость высказывается переходомъ зародышной ячейки въ сложное взрослое существо, гдѣ однѣ части развиваются, другія атрофируются. Нѣсколько ниже мы имѣемъ переходъ существа чрезъ рядъ смѣняющихся формъ, другъ на друга не похожихъ. Еще ниже мы встрѣчаемся съ крайнею измѣнчивостію формъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, такъ что Арлэйджъ (Arlidge), напримѣръ, пишетъ (Pridchard's „Infusoria“ 128) объ одной группѣ низшихъ организмовъ: „Замѣчательные фазисы существованія, чрезъ которые можетъ проходить каждый изъ этихъ видовъ, переворачиваютъ всѣ наши понятія о предполагаемыхъ постоян-

ныхъ признакахъ; какъ мы видѣли, одно и то же существо можетъ въ одномъ періодѣ своего существованія выказать въ преобладающей степени жизненныя явленія животнаго, въ другой жизненныя явленія растенія". Бастіанъ говоритъ о другой группѣ (The Begimrings of Life, 1872 II, App. D, № и sub): „Измѣненія развитія, которыя были въ нихъ наблюдаемы, такъ многочисленны и такъ разнообразны, что совершенно нельзя сказать, какъ велики возможныя для нихъ превращенія". Ужь лучше бы г. Кавелинъ для своего „какого-то узла" не употреблялъ термина *организмъ*, который лишь смущаетъ читателя, наводя на предположеніе, конечно, вполнѣ ошибочное, что г. Кавелинъ, говоря о сохраненіи формы, какъ отличительномъ признакѣ организма, самъ не знаетъ, о чемъ говоритъ.

Бѣда еще въ томъ, что „невыясненный" терминъ, который такъ понравился г. Кавелину, имѣетъ нѣкоторые признаки, которые признаны и біологами въ точномъ смыслѣ, и писателями другихъ областей въ смыслѣ переносномъ; но эти признаки становятся какъ разъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что̀ нужно г. Кавелину для его двуединаго человѣка. Самостоятельный организмъ или органическая особь есть представленіе нѣкотораго цѣлаго, котораго жизнь лишь въ той степени зависима отъ всего окружающаго, въ какой человѣкъ зависитъ отъ почвы, отъ атмосферы, отъ растеній и животныхъ, около него существующихъ. Одинъ изъ современныхъ мыслителей, біологическій трудъ котораго наиболѣе цѣнится спеціалистами, какъ близкій къ современнымъ научнымъ результатамъ, Гербертъ Спенсеръ, опредѣляетъ самостоятельный организмъ или біологическую особь (Princ. of Biology, I, 207) какъ „конкретное цѣлое, имѣющее строеніе, которое дозволяетъ ему, при надлежащихъ условіяхъ, постоянно приспособлять свои внутреннія отношенія къ внѣшнимъ, такъ чтобы поддерживать равновѣсіе своихъ отправленій", и, при дальнѣйшемъ объясненіи, приписываетъ это названіе лишь „вполнѣ или частью обособленнымъ массамъ". Когда говорятъ объ организмѣ общественномъ, то имѣютъ въ виду всегда, вопервыхъ, болѣе или менѣе тѣсную *зависимость* между особями, составляющими общество; вовторыхъ, бо̀льшую или меньшую *обособленность* разсматриваемой группы особей отъ другихъ подобныхъ же группъ. Государство, какъ организмъ, немыслимо безъ автономіи и самодержавія.

Но какъ же представить себѣ эти обособленные организмы души и тѣла въ единомъ существѣ? Аналогію подобному ученію приходится искать въ таинственномъ ученіи о единствѣ ипостасей, или въ археяхъ временъ возрожденія. Реальной аналогіи нѣсколькихъ организмовъ въ единомъ существѣ наука не представляетъ. Если каждая вѣтвь полипа есть организмъ, то за то цѣлый полипъ составляетъ не единое существо, а колонію существъ. Нѣтъ, рѣшительно все, что̀ извѣстно до сихъ поръ о

*

реальныхъ организмахъ, не сходится съ *организмами* г. Кавелина.

Но, можетъ быть, онъ именно здѣсь захотѣлъ создать новую терминологію, которую онъ считаетъ „необходимою“ для психологіи. Можетъ быть, *организмъ*, по его способу понпманія этого слова, есть нѣчто совсѣмъ особое. Но тогда какъ же не пожалѣть читателя и не дать ему точнаго опредѣленія, а то „какой-то узелъ“!

Но смиримся предъ нашимъ реформаторомъ. Пусть организмъ есть „какой-то узелъ“ и форма, „остающаяся одною и тою же“. Откажемся отъ проникновенія въ эту таинственную глубину, отъ соглашенія понятій г. Кавелина съ обыкновенными понятіями научныхъ авторовъ, и посмотримъ, на сколько онъ согласенъ съ самимъ собою.

Г. Кавелинъ говоритъ (февр. 538) объ организмахъ, „что эта форма вполнѣ принадлежитъ физической природѣ“, а чрезъ нѣсколько строкъ (539) не хочетъ задаваться вопросомъ о различіи физическихъ и *психическихъ* организмовъ. Но какіе же могутъ быть *психическіе* организмы, *вполнѣ* принадлежащіе физической природѣ? Прибавьте къ тому, что организмы оказываются „формою“, которая „не имѣетъ ни одного“ изъ свойствъ матеріи, а все-таки принадлежитъ „физической природѣ“, то-есть тому, что̀ общепринято называть міромъ вещества. Если г. Кавелинъ самъ ясно понимаетъ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, то онъ ужь очень безжалостно обращается съ читателями.

Но перейдемъ къ болѣе спеціальному вопросу объ организмѣ души. Можетъ быть, здѣсь мы найдемъ какую-нибудь разгадку „невыясненному“ вопросу.

Мы узнаемъ, что „между матеріальною и психическою жизнью существуетъ тѣснѣйшая органическая связь“ (февр., 490), слѣдовательно, какъ будто авторъ хочетъ сказать, что онѣ связаны, какъ связаны между собою составныя части *одного* организма. Узнаемъ, что „психическая жизнь пропитана матеріальными вліяніями“, что, смотря на нее съ этой точки зрѣнія, „жизнь души“ составляетъ „какъ бы продолженіе матеріальнаго міра“ (февр., 528); слѣдовательно, мы, повидимому, не имѣемъ возможности отдѣлить того, что̀ пропитано, отъ того, что̀ его пропитываетъ.

Но гораздо чаще въ другихъ мѣстахъ, даже прямо рядомъ съ выраженіями только-что приведенными, встрѣчаемъ утвержденіе, что душа есть нѣчто совершенно особое. Оказывается, что она „сосредоточена въ себѣ и отдѣлена отъ внѣшняго міра“, и „не имѣетъ къ окружающему прямаго отношенія“ (142), что есть „особая психическая среда“ (157), что существуетъ „безчисленная, разнообразная масса психическихъ явленій... которыя происходятъ безъ всякихъ непосредственныхъ внѣшнихъ вліяній и побужденій“ (159), что между „психическими фактами и внѣшнимъ міромъ невозможно услѣдить прямой связи“ (февр. 485);

что перехода отъ однихъ къ другому найдти невозможно, какъ въ прямомъ, такъ и въ обратномъ направленіи (февр. 528); окончательно „душа есть нѣчто особое", имѣющее всѣ „характеристическія особенности органической жизни" (539).

Какъ же это „особая среда", изъ которой „нѣтъ перехода" въ матеріальный міръ, между которою и этимъ міромъ „нельзя прослѣдить прямой связи", можетъ быть „пропитана" матеріальными вліяніями, и съ извѣстной точки зрѣнія можетъ составлять „продолженіе" матеріальнаго міра? Оба послѣдніе образа вызываютъ представленіе самаго удобнаго перехода, самой прямой связи между двумя элементами, а ни того, ни другого, по словамъ автора, не оказывается. Если подобная гипотеза, по мнѣнію Кавелина, „одна въ состояніи придать явленіямъ психической жизни значеніе положительныхъ данныхъ, доступныхъ научному изслѣдованію" (февр. 533), то психологія осуждена на безъисходную запутанность, и правы позитивисты, отвергающіе всякую психологію внѣ нервной физіологіи. Если единственная возможная гипотеза приводитъ самого автора, ее выставившаго—и, слѣдовательно, по всей вѣроятности, лучше другихъ ее понимающаго—къ самымъ рѣзкимъ противорѣчіямъ, чего же можно ожидать отъ его послѣдователей или отъ другихъ гипотезъ? Какъ окончательный образчикъ ясности представленій нашего психолога и научности его языка приведу слѣдующее мѣсто (февр. 533): „Чтобы быть такимъ преобразующимъ центромъ въ матеріальномъ мірѣ, душа необходимо должна находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей, неразрывной связи, составлять его органическую часть, продолженіе, высшую ступень; иначе нельзя себѣ представить, какимъ образомъ душа и тѣло могли бы дѣйствовать другъ на друга". *Продолженіе* чего либо, составляющее его *органическую часть!* Г. Кавелинъ не можетъ представить себѣ дѣло „иначе"; мы удивляемся его силѣ воображенія, какъ онъ можетъ себѣ представить его „такъ".

И какія же доказательства онъ приводитъ тому, что душа есть особый организмъ? „На душу... дѣйствуютъ особенныя, ей одной исключительно доступныя психическія явленія" (янв. 148). Но и на зрительный аппаратъ дѣйствуетъ *особое* вліяніе свѣта; неужели г. Кавелинъ, на основаніи этого аргумента, сочтетъ этотъ аппаратъ особымъ организмомъ въ человѣкѣ? „Будь психическія явленія въ непосредственной зависимости отъ условій и законовъ внѣшней природы, представленія были бы фотографическими оттисками впечатлѣній внѣшняго міра. Если же они—результатъ психической работы, то изъ этого слѣдуетъ, что по принятіи впечатлѣній, въ насъ совершается какой-то процессъ своего рода, при помощи котораго впечатлѣніе передѣлывается въ представленіе. Стало быть, есть особая психическая среда и особая психическая жизнь" (157—158). Первая половина фразы есть чистая фантазія, неимѣющая никакого основанія, такъ-какъ химическіе законы даютъ уже продукты,

далеко несоставляющіе „фотографическихъ оттисковъ“ веществъ, входящихъ въ соединеніе; органическіе же продукты такъ отличны отъ пищи и отъ атмосферическихъ элементовъ, перерабатываемыхъ въ кровь, въ нервы и т. п., что аргументъ г. Кавелина отзывается понятіями схоластиковъ о явленіяхъ природы. Но и вторая половина его доказательства очень несильна. Явленія физическихъ, химическихъ и органическихъ процессовъ весьма различны по своимъ результатамъ; ученый обособляетъ ихъ для изслѣдованія, но мыслители нашего времени уже сильно склоняются къ допущенію ихъ основнаго тожества и, во всякомъ случаѣ, никто не придумалъ еще особой механической, химической и органической *среды* для каждаго класса этихъ явленій. Мы ниже вернемся къ процессу произвольности, и къ „психическимъ явленіямъ“, которыя „возбуждаются въ насъ нами самими преднамѣренно“. Теперь же обратимъ вниманіе на мѣста, гдѣ авторъ признаетъ крайнее несходство физическихъ организмовъ съ душою (февр., 482—483).

„Первые дѣйствительно принимаютъ въ себя непосредственно, въ неизмѣненномъ видѣ, предметы изъ окружающаго ихъ матеріальнаго міра, передѣлываютъ ихъ въ себѣ и потомъ возвращаютъ ихъ обратно въ этотъ міръ въ измѣненномъ видѣ; душа, напротивъ, не допускаетъ въ себя прямо, непосредственно предметовъ и явленій внѣшняго міра; при первомъ же соприкосновеніи съ ними, она измѣняетъ ихъ; внѣшнія явленія возбуждаютъ ее, неизвѣстнымъ намъ образомъ, къ собственной дѣятельности. Измѣняя, вслѣдствіе того, свои состоянія, душа выработываетъ въ себѣ образцы небывалыхъ во внѣшнемъ мірѣ явленій и фактовъ, и по этимъ образцамъ человѣкъ уже видоизмѣняетъ потомъ внѣ его находящіеся матеріальные предметы.

„Это различіе жизни физическихъ организмовъ и души поясняетъ намъ взаимныя отношенія внѣшняго міра и психической среды, каковы они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Будучи своего рода самостоятельнымъ организмомъ, душа, при соприкосновеніи съ внѣшнимъ міромъ, не сливается и не смѣшивается съ нимъ; дѣйствіе ихъ другъ на друга выражается, какъ въ душѣ, такъ и во внѣшнемъ мірѣ, своеобразными явленіями: въ душѣ — измѣненіями ея состояній при участіи матеріальныхъ вліяній, составляющихъ пока неразрѣшимую загадку; во внѣшнемъ мірѣ— перестановкою матеріальныхъ условій и данныхъ. Испытываетъ ли на себѣ душа дѣйствіе внѣшняго міра, или, наоборотъ, создаетъ ли она образцы, по которымъ измѣняется внѣшняя обстановка—въ обоихъ случаяхъ нѣтъ возможности подмѣтить непосредственныхъ переходовъ между психической и окружающей человѣка матеріальной средой“.

Это сопоставленіе, конечно, крайне слабо, потому что несходствъ можно найдти гораздо болѣе и гораздо разительнѣйшихъ, тогда какъ „кажущіяся сходства“ нѣсколько напоминаютъ различныя остроумныя загадки о сходствѣ и разницѣ между

огнемъ и мальчикомъ и т. п.; тѣмъ не менѣе, казалось бы и этого достаточно для автора, чтобы убѣдиться, на сколько странно подводить слово *душа* подъ рубрику *организмъ*. Но авторъ не видитъ этого результата, а приходитъ, какъ мы видѣли, къ другому, именно, что душа есть организмъ, „но, конечно, особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ во внѣшней природѣ“ (503). Дѣйствительно, отличіе достаточно рѣзко. Что сказалъ бы г. Кавелинъ о физикѣ, который бы сталъ доказывать, что явленія магнитнаго притяженія составляютъ группу, которая есть особенный кусокъ желѣза въ самомъ магнитѣ, только кусокъ, конечно, особаго рода, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ другихъ кусковъ желѣза, которые мы можемъ взвѣсить, измѣрить геометрически и т. под. Полагаю, что г. Кавелинъ очень бы посмѣялся надъ подобнымъ умозаключеніемъ. А имѣлъ ли бы онъ право на это?

Но одинъ аргументъ г. Кавелина въ пользу особаго организма души, вѣроятно, обезоружитъ самыхъ строгихъ критиковъ, до такой степени онъ прелестенъ своей наивностью, и читатели конечно не могли не улыбнуться прочтя его въ предыдущей статьѣ: „Психическая жизнь возможна только при извѣстномъ состояніи мозга и нервовъ... Но почему изъ этого должно слѣдовать, что психическая среда не можетъ имѣть самодѣятельности — этого никакъ нельзя понять“ (янв., 157). Оставляю аргументъ во всей его силѣ и получаю столь же строгое доказательство самодѣятельности магнетической среды. „Не подлежитъ сомнѣнію, что, при отсутствіи намагниченнаго куска желѣза, магнетическія явленія прекращаются. Но почему изъ этого должно слѣдовать, что магнетическая среда не можетъ имѣть самодѣятельности— этого никакъ нельзя понять“. Дѣйствительно, почему, г. Кавелинъ?

По тщательномъ размотрѣніи, душа у г. Кавелина не оказалась похожею даже на „какой-то узелъ“ съ неизмѣнною формою, который ему угодно было назвать организмомъ. Это организмъ, непохожій на организмъ; узелъ, который не есть настоящій узелъ. Оно и не мудрено, когда намъ говорятъ, что это—новое двуединое чудовище, узелъ, который собственно составляетъ опять два узла, центръ, распадающійся на два центра (мартъ, 13 и слѣд.). Рѣшительно, г. Кавелинъ имѣетъ такія понятія о единствѣ, о центрахъ, объ узлахъ, которыя недоступны другимъ смертнымъ; у него *одинъ* значитъ всегда *два*, что, впрочемъ, весьма заслуживаетъ похвалы съ нѣкоторой точки зрѣнія.

IX.

Посмотримъ, не будемъ ли мы счастливѣе въ болѣе скромной сферѣ свойствъ и особенностей души, если мы никакъ не могли

прослѣдить за г. Кавелинымъ въ область построенія его двуединыхъ существъ.

Но при самомъ первомъ вопросѣ о методѣ изслѣдованія душевныхъ явленій, мы встрѣчаемся у г. Кавелина съ легонькимъ противорѣчіемъ. Онъ нѣсколько разъ вооружается противу самонаблюденія, какъ исключительнаго метода изслѣдованій въ психологіи, даже, судя по нѣкоторымъ его выраженіямъ, его взглядъ въ этомъ отношеніи мало чѣмъ отличается отъ взгляда позитивистовъ, отрицающихъ совершенно методъ самонаблюденія. Онъ пишетъ (янв., 151): „Еслибъ одно только сознаніе устанавляло и опредѣляло психическіе факты, то нечего было бы и думать о положительномъ, точномъ ихъ изслѣдованіи. Каждый производитъ внутреннія наблюденія надъ собою по своему; допустивъ, что для повѣрки ихъ нѣтъ всеобщаго, объективнаго мѣрила, надо согласиться, что психологія, какъ наука, дѣйствительно невозможна“.

Но вслѣдъ за тѣмъ онъ дѣлаетъ оговорку, по которой слѣдуетъ заключить, что г. Кавелинъ не допускаетъ исключительно субъективнаго метода ни для одного психическаго явленія, какъ не допускаетъ исключительно объективнаго ни для одного явленія физическаго: „Психическія и реальныя явленія стоятъ на одной почвѣ, и нетрудно доказать, что первыя такъ же доступны для внѣшнихъ чувствъ, какъ послѣднія, а послѣднія столько же зависятъ отъ самонаблюденія, сколько и первыя“.

Но какъ же это согласить съ дальнѣйшими выраженіями, гдѣ значительная доля психическихъ явленій оказывается не только не „также доступною“ объективному методу, какъ физическія (то-есть вполнѣ), а *совсѣмъ* ему недоступною. „Психическая жизнь и дѣятельность—говоритъ г. Кавелинъ (фев., 535)—не исчерпываются одними отношеніями души къ матеріальному міру. За тою ея стороною, которая обращена къ внѣшней природѣ, существуетъ другая, недоступная внѣшнимъ наблюденіямъ и опытамъ, неимѣющая прямого отношенія къ матеріальнымъ фактамъ. Эта сторона не можетъ быть предметомъ изслѣдованій по матеріальнымъ даннымъ и открывается только психическому зрѣнію, котораго тоже нельзя объяснить никакими матеріальными фактами. Мало того: вся преобразовательная, творческая дѣятельность человѣка во внѣшнемъ мірѣ представляется внѣшнимъ чувствамъ только въ своихъ результатахъ; психическіе процессы, подготовляющіе образцы новыхъ сочетаній условій и фактовъ въ матеріальной средѣ, скрыты отъ внѣшнихъ чувствъ; источникъ и механизмъ самопроизвольныхъ движеній точно также недоступенъ внѣшнимъ наблюденіямъ“. „Путемъ реальныхъ изслѣдованій мы можемъ знать только одинъ рядъ явленій, именно матеріальные факты; другой же рядъ, — соотвѣтствующія имъ явленія психическія—остается недоступнымъ для реальнаго изслѣдованія“ (фев., 490). Тутъ же онъ признаетъ психическій міръ недоступнымъ внѣшнимъ чувствамъ. И во многихъ мѣстахъ

г. Кавелинъ возвращается къ этой мысли. Такъ, что читатель остается въ недоумѣніи. Вопервыхъ, самонаблюденіе безъ провѣрки признано никуда негоднымъ; вовторыхъ, наблюденіе помощью внѣшнихъ чувствъ объявлено распространяющимся точно „также" на всю область психологіи и на всю область науки внѣшняго міра; втретьихъ, значительная часть психологіи признана доступною лишь самонаблюденію; наконецъ психическія явленія вообще оказываются недоступными для реальнаго изслѣдованія и для внѣшнихъ чувствъ; слѣдовательно, по словамъ самого г. Кавелина, здѣсь нечего... и думать о положительномъ, точномъ... изслѣдованіи. И несмотря на то, изъ всего трактата г. Кавелина видно, что онъ полагаетъ достичь и въ этой области научныхъ результатовъ.—Смиренно сознаемся, что это намъ кажется противорѣчивымъ, и проходимъ мимо.

Какъ ни часто говорилъ г. Кавелинъ о трудности различенія матеріальныхъ явленій отъ психическихъ, но установилъ-таки весьма рѣзко признаки, ихъ отличающіе. „То, что мы называемъ матеріальнымъ единично, безсознательно, непроизвольно; напротивъ психическому приписывается идеальность, сознательность, произвольность" (фев., 497). И далѣе (540) онъ повторяетъ это перечисленіе отличительныхъ признаковъ души. На этотъ разъ, кажется, уже ясно. Тѣмъ не менѣе авторъ правъ, говоря, что „эта характеристика требуетъ поясненій" (497).

Противоположеніе единичнаго идеальному нѣсколько необычно и наводитъ на мысль, что авторъ употребляетъ въ особенномъ смыслѣ несчастное слово „идеальный", которое уже много потерпѣло на своемъ вѣку отъ разныхъ призванныхъ и непризванныхъ писателей. Въ другомъ мѣстѣ г. Кавелинъ даже уклоняется отъ изслѣдованія этого характеристическаго признака, такъ-какъ „идеальность... есть продуктъ психическихъ операцій и процессовъ, которые, въ свою очередь, обусловливаются извѣстными свойствами и строеніемъ души; поэтому послѣднія не обнаруживаются непосредственно въ идеальности и недоступны въ ней для наблюденія" (фев., 490). Это аргументъ не особенно сильный, потому что изъ всего трактата г. Кавелина слѣдуетъ, что онъ разсматриваетъ и сознательность и производительность какъ „продукты психическихъ операцій и процессовъ", о которыхъ можно сказать едва-ли не то же, что̀ сказано въ приведенныхъ сейчасъ словахъ объ идеальности. Можно бы предположить иную причину уклоненія г. Кавелина отъ этого анализа, если внимательно разобрать то мѣсто, гдѣ онъ доказываетъ, что „идеальность" именно составляетъ отличительный признакъ души (фев., 497 и слѣд).

Здѣсь сначала можно предположить, что *идеальное* принято въ смыслѣ *общаго*, и указываетъ на логическіе процессы полученія понятій изъ отдѣльныхъ представленій. На это указываютъ слова: „Противоположеніе единичнаго идеальному имѣетъ только тотъ смыслъ, что въ природѣ матеріальнаго, какимъ оно отражается

въ душѣ, лежитъ обособленность, свойство существовать въ видѣ отдѣльнаго предмета и этимъ довольствоваться; тогда какъ психическое, по природѣ своей, есть единичное или обращенное или стремящееся обратиться въ общее и подчиненное общему,—отдѣльное, обособленное, возведенное или возводимое въ общее. Камень, дерево и вообще всѣ внѣшніе предметы существуютъ, каждый самъ по себѣ; матеріальные предметы не знаютъ другаго вида существованія, а въ психической переработкѣ представленія о внѣшнихъ, единичныхъ предметахъ обобщаются и общія составляютъ характеристическую особенность явленій, называемыхъ психическими; общія понятія о деревѣ, напримѣръ, или о камнѣ составляютъ явленія психическія, имѣющія идеальное, а не реальное существованіе". Впрочемъ, должно сознаться, что выраженія, употребляемыя г. Кавелинымъ, не особенно ловки, и онъ пріучилъ читателей ожидать лучшаго отъ его прекраснаго литературнаго языка. Уже выраженіе: „матеріальное, которое довольствуется тѣмъ или другимъ, не знаетъ того или другаго", какъ-то отзывается антропоморфизмомъ. Но и въ цѣломъ, читатель скорѣе можетъ лишь догадаться о томъ, что̀ хочетъ сказать г. Кавелинъ, чѣмъ вывести его мысли прямо изъ его словъ; не только каждый камень, каждое дерево, существуютъ сами по себѣ, но подобнымъ же образомъ существуетъ и каждая наша мысль, каждое наше чувство и вообще каждое психическое состояніе отдѣльной особи; если же мы можемъ сказать, что отдѣльныя психическія представленія и ощущенія стремятся обратиться въ общія понятія путемъ логическаго процесса, то подобнымъ же образомъ можно сказать, что единичность реальныхъ предметовъ неизбѣжно исчезаетъ въ непрерывности матеріальныхъ процессовъ, ихъ измѣняющихъ, уничтожающихъ и перерождающихъ. Мнѣ кажется, что мысль г. Кавелина была бы въ этомъ случаѣ выражена, можетъ быть не такъ красиво, но точнѣе, еслибы онъ ограничился весьма извѣстною истиною, что мы получаемъ ощущенія и представленія, какъ единичныя, но думаемъ объ нихъ всегда, обобщая ихъ.

Однако нельзя быть увѣреннымъ, что идеальность, какъ характеристическій признакъ души для г. Кавелина, соотвѣтствуетъ *только* процессу обобщенія. Вслѣдъ за приведенными словами онъ говоритъ: „Разбирая чувства, желанія, стремленія людей, мы также отличаемъ и между ними тѣ, которыя имѣютъ предметомъ единичное, отъ тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе общій характеръ, и на этомъ основаніи считаемъ одни болѣе матеріальными, другія—болѣе духовными; такъ половое влеченіе имѣетъ предметомъ единичный матеріальный фактъ; напротивъ любовь, которая безспорно находится въ связи съ половыми побужденіями, вызываетъ въ душѣ самыя идеальныя стремленія, нравственно просвѣтляетъ человѣка и возвышаетъ любимое существо въ идеалъ добра и красоты, передъ которымы порывы чувственности отступаютъ на второй планъ. Въ рабскомъ чувствѣ личное до-

стоинство приносится въ жертву своекорыстнымъ разсчетамъ, которыхъ ближайшая или отдаленная цѣль—матеріальные, т.-е. единичные предметы; напротивъ преданность, основанная на нравственной оцѣнкѣ лица, сопровождается идеальными чувствами и стремленіями, до забвенія матеріальныхъ разсчетовъ и выгодъ. Точно также эгоисты относятъ все къ индивидуальному, личному, единичному *я*, тогда какъ люди, способные къ самоотверженію, приносятъ себя въ жертву общему, идеѣ и чрезъ нихъ, для нихъ, лицу, имѣющему ближайшее отношеніе къ ихъ идеаламъ. То, что̀ мы называемъ животнымъ инстинктомъ въ противоположность идеальнымъ стремленіямъ, сводится къ тому, составляетъ ли предметъ исканій единичный матеріальный фактъ, или этотъ фактъ осложненъ общимъ элементомъ, въ немъ распущенъ, улетученъ и является въ преображеномъ видѣ". Здѣсь уже мы совсѣмъ въ иной области, и г. Кавелинъ устанавливаетъ различіе между смежными группами психическихъ явленій, а вовсе не между областью психическихъ и физическихъ явленій, и къ тому же прилагаетъ понятіе о единичности и общности едва-ли не совсѣмъ на выворотъ. Половое влеченіе имѣетъ въ виду самку *вообще*, любовь обращена на рѣзко *обособленную* личность, но и то, и другое суть явленія психологическія. Своекорыстные разсчеты имѣютъ въ виду богатство, довольство и низшее наслажденіе *вообще*. Эгоизмъ есть комбинація столь же сложная и обобщенная въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ и самоотверженіе. Словомъ, весь этотъ кусокъ или говоритъ объ идеальности въ *нравственномъ*, а не въ *логическомъ* смыслѣ, или не выражаетъ ровно ничего.

Оказывается, что первая попытка г. Кавелина „пояснить характеристику" психическаго міра повела къ еще большей неясности. Если онъ относитъ къ душѣ лишь *нравственно-идеальное*, то область психическая чрезвычайно съужена и съужена совершенно произвольно. Если же дѣло идетъ лишь о *логически-идеальномъ*, то къ чему онъ говоритъ о предметахъ, сюда не относящихся? Не смѣшалъ ли онъ безсознательно двѣ эти области, и не была ли это именно причина его уклоненія впослѣдствіи отъ разбора свойствъ идеальности?

Или, можетъ быть, слѣдуетъ допустить, что нравственно-идеальныя начала суть дальнѣйшая ступень обобщенія въ томъ процессѣ развитія, на низшихъ ступеняхъ котораго вырабатываются общія понятія, а еще ниже лежитъ матеріальный міръ. Это противорѣчило бы, вопервыхъ, построенію г. Кавелина, по которому матеріальный міръ, нами сознаваемый, выработывается какъ другая отрасль рядомъ съ психическимъ міромъ; вовторыхъ, оно противорѣчило бы и вполнѣ извѣстному факту, что передѣлка отдѣльныхъ ощущеній и представленій въ понятія есть процессъ совершенно иной, чѣмъ выдѣленіе побужденій долга, обязательнаго убѣжденія, изъ разнообразныхъ влеченій, обусловливающихъ жизнь человѣка.

И такъ оставимъ въ сторонѣ первый характеристическій признакъ психическаго міра — *идеальность*, какъ совершенно неясный для читателя, да едва-ли ясный и для самаго автора.

Обратимся къ двумъ другимъ характеристическимъ признакамъ. Смыслъ словъ: *сознательность* и *произвольность* на столько установился, что нельзя ожидать въ ихъ употребленіи подобной же спутанности, какую мы встрѣтили для слова *идеальность*; но посмотримъ, насколько послѣдователенъ авторъ въ признаніи сознательности и произвольности характеристическими особенностями созданнаго имъ организма души въ отличіи ея отъ тѣла.

„Только сознательныя его (человѣка) дѣйствія считаются психическими, потому что только душа имѣетъ свойство знать то, что въ ней происходитъ" говоритъ г. Кавелинъ (февр., 490 и слѣд.). „Наконецъ, характеристическимъ различіемъ дѣятельности психической отъ матеріальной признается и то, что первая свободна, а вторая нѣтъ; что человѣкъ можетъ, по своему усмотрѣнію или произволу, поступить такъ или иначе, а предметы внѣшней природы осуждены роковымъ образомъ подчиняться внѣшней необходимости и слѣпо слѣдуютъ ея законамъ". Оставимъ въ сторонѣ странный оборотъ рѣчи, употребленный г. Кавелинымъ въ первой половинѣ приведенныхъ словъ. Судя по грамматической формѣ, читатель долженъ бы считать аргументомъ то, что̀ авторъ не можетъ считать не чѣмъ инымъ кромѣ изложенія теоремы, требующей дальнѣйшихъ аргументовъ, такъ-какъ было бы уже слишкомъ грубымъ ложнымъ кругомъ доказывать, что сознательность есть психическое свойство, основываясь на томъ, что это есть свойство души. Полагаемъ вѣроятнѣйшимъ, что г. Кавелинъ исправилъ этотъ неловкій оборотъ въ отдѣльномъ изданіи.

Какъ бы то ни было, повидимому нельзя сомнѣваться, что для г. Кавелина сознательность и произвольность — *отличительные* признаки души. Но перевернемъ нѣсколько страницъ; дѣло идетъ о томъ, что душа имѣетъ способность раздвояться въ себѣ, оставаясь нераздѣльной и единой, и способность видѣть особеннымъ, внутреннимъ образомъ то, что̀ въ ней содержится и происходитъ (февр., 550 и слѣд.). При этомъ г. Кавелинъ говоритъ:

„Мы считаемъ ихъ (эти способности) прирожденными, т.-е. составляющими естественную принадлежность психическаго организма, потому что дѣйствіе ихъ можетъ обнаруживаться не только непроизвольно, но и безсознательно; множество внѣшнихъ и въ особенности психическихъ впечатлѣній поступаетъ въ душу безсознательно; она безсознательно и непроизвольно раздвояется и переработываетъ впечатлѣнія внѣшнія и психическія; доказательствомъ можетъ служить непроизвольность сновидѣній и галлюцинацій, которыя невозможны безъ внутренняго раздвоенія души. Непроизвольностью и безсознательностью психическаго раздвоенія объясняется также смѣшеніе реальной дѣйствительности съ представленіями, сновидѣніями и галлюцинаціями,

которое такъ часто встрѣчается у неразвитыхъ людей и у народовъ, стоящихъ на низкой ступени культуры. Психическое зрѣніе, по природѣ своей, не можетъ быть безсознательнымъ, потому что оно само и есть сознаніе; но оно можетъ быть и очень часто бываетъ совершенно непроизвольнымъ: мысли, образы, звуки, воспоминанія нерѣдко преслѣдуютъ людей съ неотвратимой, ужасающей настойчивостью. Въ нормальномъ состояніи, мы можемъ отстранить предметы отъ нашего сознанія; въ ненормальномъ же, мы болѣе или менѣе теряемъ способность распоряжаться ими произвольно; воля перестаетъ дѣйствовать въ этой области психическихъ отправленій.

"Такія черты видимо сближаютъ жизнь душевнаго организма съ матеріальнымъ міромъ. Непроизвольность и безсознательность психическихъ отправленій и дѣятельности составляютъ общую ихъ принадлежность съ явленіями внѣшней природы..."

Замѣченное нами выше объ отношеніяхъ души къ внѣшнему міру вполнѣ примѣняется и къ прирожденнымъ свойствамъ психическаго организма: они обусловлены матеріальнымъ міромъ и обнаруживаютъ свою дѣятельность непроизвольно и безсознательно; это приближаетъ ихъ къ внѣшней природѣ и ея явленіямъ...

„Въ той мѣрѣ, какъ душа живетъ пассивною и непроизвольною, хотя бы и сознательною жизнью, она приближается къ матеріальной природѣ и подпадаетъ подъ ея законы".

Идемъ еще далѣе и находимъ слѣдующее (мартъ, 9 и слѣд.): „Всякія вообще душевныя отправленія могутъ быть и непроизвольныя... Въ душѣ совершается многое непроизвольно, даже безсознательно, хотя, какъ мы видѣли, сознаніе само по себѣ есть еще несомнѣнный признакъ творческой дѣятельности души. Но выше было уже замѣчено, что непроизвольность и безсознательность составляютъ отличительные, характеристическіе признаки матеріальной жизни, въ противоположность произвольности и сознательности, безъ которыхъ то, что мы называемъ психическимъ въ точномъ смыслѣ слова, немыслимо. Изъ этого слѣдуетъ, что въ самомъ психическомъ организмѣ матеріальная жизнь еще продолжается, иначе сказать, что извѣстныя психическія явленія совершаются по однимъ законамъ съ явленіями матеріальнаго міра. Потому-то и невозможно провести точную разграничительную черту между матеріальнымъ и психическимъ міромъ, которые рѣзко, видимо различаются другъ отъ друга только въ самыхъ яркихъ, характеристическихъ явленіяхъ.

„Въ противоположность матеріальнымъ элементамъ, мы находимъ въ душѣ другіе, за которыми общее сознаніе по преимуществу признаетъ значеніе психическихъ. Таковы чувства, представленія, мысли, дѣйствія сознательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ произвольныя".

Затѣмъ еще далѣе (апр., 474) опять: „Въ дѣйствіяхъ непроизвольныхъ и безсознательныхъ психическій элементъ не при-

нимаетъ никакого участія или обнаруживается въ самой слабой степени".

Если читатель вынесетъ изъ всѣхъ сопоставляемыхъ здѣсь цитатъ какое либо ясное понятіе о взглядѣ автора на „отличительные признаки психическаго и матеріальнаго" (февр., 494), то мы удивляемся его проницательности. Эти отличительные признаки оказываются не отличительными, потому что самъ авторъ признаетъ въ психическомъ организмѣ присутствіе элементовъ безсознательныхъ и непроизвольныхъ. Между тѣмъ они считаются отличительными, и авторъ, какъ мы видѣли, тутъ же рядомъ дѣлаетъ выводы на основаніи посылки, что это признаки отличительные. Такія двѣ группы явленій, между которыми „невозможно провести точную разграничительную черту", нельзя относить и къ двумъ самостоятельнымъ началамъ, а тѣмъ болѣе представить ихъ какими-то особенными организмами. Что въ человѣкѣ есть явленія сознательныя и кажущіяся ему произвольными, что *онъ* ихъ отличаетъ отъ явленій иного рода и что одна изъ этихъ группъ переходитъ въ другую,—все это вѣрно и давно подмѣчено, но всѣ попытки г. Кавелина найти отличительныя свойства для его организмовъ въ двуединомъ человѣкѣ не выдерживаютъ самой нестрогой критики съ точки зрѣнія логики.

ДАРОВОЕ ДОКТОРСТВО.

(Письмо изъ Москвы).

Къ сожалѣнію, въ нашемъ московскомъ университетѣ, по замѣчанію весьма многихъ, съ нѣкотораго времени происходитъ что-то такое, чего никакъ ужь нельзя объяснить требованіями или дѣйствіемъ прямыхъ интересовъ науки и преподаванія. Очевидно, для него прошли уже невозвратно тѣ времена, когда онъ считался первымъ между русскими университетами не только по старшинству лѣтъ, но и по своему высокому образовательному значенію. Теперь онъ остается первенцемъ между ними развѣ для однихъ только хронологовъ. Чего, чего не произошло въ немъ въ послѣднія 15-18 лѣтъ! Въ итогѣ же оказывается, что и студенты плачутся на преподаваніе, чувствуя что наука какъ-то не дается имъ; что между ними и профессорами нѣтъ уже болѣе той живительной нравственной связи, которая въ былые годы готовила для Россіи лучшихъ общественныхъ дѣятелей; и профессоры легко удаляются изъ него, считая уже похороненнымъ то прежнее обаятельное преданіе, которое внушало благородную гордость каждому, занимавшему каѳедру въ московскомъ университетѣ.

На этотъ разъ остановимся на научныхъ требованіяхъ, обязательныхъ для каждаго профессора по уставу, и на томъ, какъ и въ какой мѣрѣ они исполняются теперь въ московскомъ университетѣ. Мы не станемъ касаться вопроса, на сколько преподаваніе профессоровъ удовлетворяетъ слушателей: это предметъ трудный для посторонняго наблюдателя, а однихъ отзывовъ студентовъ для рѣшенія его недостаточно, хотя съ другой стороны, для нѣкоторыхъ преподавателей онъ давно уже рѣшенъ отрицательно. Но вотъ явленіе, доступное общественной повѣркѣ и единственно принадлежащее московскому университету: это — постепенное накопленіе *даровыхъ* докторовъ. На немъ и остановимся.

Извѣстно, что по дѣйствующему нынѣ уставу полученіе ученыхъ степеней значительно облегчено: магистрантъ держитъ экзаменъ изъ двухъ-трехъ предметовъ, ближайшихъ между собою, и защищаетъ диссертацію, докторантъ же словеснаго экзамена вовсе не держитъ, а обязанъ только представить и защитить диссертацію. Подумаешь, чего ужь легче для докторанта! Да, повидимому, какъ-то и неловко явиться передъ обществомъ, передъ слушателями и передъ своимъ собратомъ безъ всякаго видимаго доказательства, что эта высшая ученая степень не досталась даромъ. При допущеніи большой спеціализаціи въ избраніи предмета для диссертаціи, ученому, обладающему своею наукою и притомъ мыслящему (а безъ способности самостоятельнаго мышленія, что̀ это будетъ за ученый? И самый уставъ того же требуетъ), ничего не стоитъ написать хорошую докторскую диссертацію. Говоримъ: «хорошую», мѣряя на нынѣшній обыденный ученый аршинъ. Нынче же и напечатать диссертацію можно даромъ, или, пожалуй, еще и деньги взять за нее вмѣстѣ съ отдѣльными оттисками для профессоровъ и для продажи (обычай раздавать экземпляры студентамъ на диспутѣ выводится въ московскомъ университетѣ). Слѣдовательно, или только лѣнь, или уже крайнее пренебреженіе къ наукѣ и обществу, или неспособность самостоятельнаго мышленія, замѣняемая рутинностію преподаванія, или то и другое и третье вмѣстѣ, можетъ разсчитывать на даровинку. Не знаемъ, ради котораго изъ этихъ соображеній московскій университетъ постарался обойти законъ и многихъ изъ своихъ преподавателей подѣлалъ докторами, не требуя отъ нихъ диссертаціи. Почему именно только его преподаватели удостоились отъ него дароваго докторства, а не посторонніе ученые, — это также остается неразгаданнымъ. Есть, правда, пословица «рука руку моетъ»; но подходитъ ли сюда это изреченіе народной опытной мудрости, предоставляемъ рѣшать другимъ и преимущественно самимъ же московскимъ профессорамъ; можемъ только прибавить, что та же народная мудрость замѣчаетъ, что если рука руку моетъ, то «рука руку и мараетъ»... Въ университетскомъ уставѣ 1863 года, въ примѣчаніи къ § 113 сказано: «Университетамъ предоставляется,

однако, право знаменитыхъ ученыхъ, пріобрѣтшихъ всеобщую извѣстность своими учеными трудами, возводить въ высшую ученую степень прямо и безъ испытанія». Если стать поодаль университетской среды и взглянуть прямымъ и трезвымъ взглядомъ на этотъ законъ, то непремѣнно цѣль и смыслъ закона склонятся въ пользу лицъ постороннихъ университету, которыя однако на столько пріобрѣли себѣ извѣстности и потрудились въ дѣлѣ науки, что, безъ сомнѣнія, стоятъ никакъ не ниже университетскихъ преподавателей и достойны вполнѣ докторской степени; но подвергать ихъ университетскому обряду испытанія— не говоря уже о томъ, пожелаютъ ли еще они этого—было бы по меньшей мѣрѣ излишнимъ: и потому законъ, въ видахъ справедливаго уравненія ученаго достоинства, и допускаетъ возможность возведенія такихъ лицъ въ докторское званіе безъ испытанія. Кромѣ того, здѣсь есть и другой смыслъ, именно тотъ, что въ наукѣ, какъ достояніи общественномъ, установившійся приговоръ общественнаго мнѣнія относительно того или другаго ученаго нельзя оставлять втунѣ, и здѣсь ему отводится равное мѣсто съ приговоромъ профессіональной ученой корпораціи. Мы знаемъ, что одинъ изъ московскихъ профессоровъ, первый предложившій, при обсужденіи проекта нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава, ввести это примѣчаніе, руководствовался примѣромъ прежняго устава духовныхъ академій и притомъ, сколько намъ извѣстно, объяснялъ свое предложеніе, и словесно, въ засѣданіи совѣта, и печатно, въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ духовно-академическаго устава, откуда и заимствовано вышеприведенное примѣчаніе къ § 113 устава университетскаго.

Духовныя академіи, съ своей стороны, всегда въ точности держались этого прямого смысла закона во все сорокалѣтнее дѣйствіе ихъ прежняго устава, составленнаго знаменитою въ свое время коммисіею духовныхъ училищъ [1], въ которой въ числѣ членовъ находились между прочимъ Ѳеофилактъ Русановъ (впослѣдствіи экзархъ и митрополитъ Грузіи), Филаретъ Дроздовъ, Сперанскій, кн. Голицынъ и др. Довольно перечислить имена тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя удостоились получить безъ испытанія званіе доктора богословскихъ наукъ, чтобъ убѣдиться, что званіе это подносилось достойнѣйшимъ въ Россіи богословамъ, проповѣдникамъ и духовнымъ писателямъ. Таковы Филаретъ Дроздовъ, ректоръ петербургской академіи (впослѣдствіи митрополитъ московскій) 1814 года по предложенію коммисіи духовныхъ училищъ; іеромонахъ Григорій Постниковъ (впослѣдствіи митрополитъ петербургскій) за сочиненіе Commentatio de prophetis in genere, по предложенію митрополита Амвросія; протоіерей Пав-

[1] Образована 21-го іюля 1808 года, изъ временнаго комитета для начертанія общаго плана воспитанія духовнаго юношества; дѣйствовала по 1839 годъ.

скій, за переводъ священныхъ книгъ на русскій языкъ, по предложенію Филарета, архіепископа московскаго, и Григорія, епископа ревельскаго (тѣхъ же); архимандритъ Моисей Платоновъ, ректоръ кіевской академіи, за «Изложеніе св. писанія»; архимандритъ Кирилъ Богословскій-Платоновъ, ректоръ московской академіи, за «Опытъ изъясненія апостольскихъ посланій», — оба по предложенію коммисіи духовныхъ училищъ; архимандритъ Поликарпъ Гойтанниковъ, ректоръ петербургской духовной семинаріи, за переводъ книгъ св. писанія на русскій языкъ; профессоръ академіи Кочетовъ за сочиненіе «Черты дѣятельнаго ученія вѣры», — оба по предложенію того же Григорія, епископа ревельскаго; архимандритъ Іоаннъ Доброзраковъ, ректоръ петербургской духовной семинаріи, за сочиненіе Delineatio germeneuticae sacrae; архимандритъ Иннокентій Борисовъ (извѣстный проповѣдникъ, впослѣдствіи архіепископъ херсонскій) за нѣсколько сочиненій и между прочимъ за «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа», — оба по предложенію ректора петербургской дух. семинаріи Поликарпа и протоіереевъ Павскаго и Кочетова, а послѣдній и Іоанна Доброзракова; протоіерей Бажановъ за изданныя имъ «Слова и рѣчи», по предложенію митрополита Серафима; архимандритъ Макарій Булгаковъ (нынѣ архіепископъ литовскій) за сочиненіе «Введеніе въ православное богословіе», по предложенію митрополита Антонія и архіепископа Иннокентія Борисова; архимандритъ Іоаннъ Соколовъ, инспекторъ петербургской духовной академіи (впослѣдствіи епископъ смоленскій) за сочиненіе «Курсъ церковнаго законовѣдѣнія»; архимандритъ Кирилъ Наумовъ, инспекторъ петербургской духовной академіи (позднѣе епископъ мелитопольскій) за сочиненіе «Пастырское богословіе», оба по предложенію Макарія, ректора академіи; протоіерей Петръ Терновскій, профессоръ московскаго университета, за сочиненіе «Догматическое богословіе» [1]. Въ сорокъ лѣтъ — только четырнадцать докторовъ богословія. Имена ихъ слишкомъ извѣстны въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія, чтобы распространяться объ ихъ дѣятельности и заслугахъ. Но они получили докторство не по одному голословному указанію на ихъ ученость, а за свои дѣйствительные труды, за ученыя сочиненія, переводы и объясненія св. писанія, проповѣди и т. д., и притомъ предложеніе о каждомъ изъ нихъ сопровождалось подробнымъ отзывомъ или разборомъ трудовъ его, сдѣланнымъ однимъ или

[1] По уставу россійскихъ университетовъ 1835 года, никто не могъ быть ординарнымъ и экстраординарнымъ профессоромъ, не будучи докторомъ того факультета, къ которому относится каѳедра. Каѳедра богословія требовала отъ профессора докторской степени, и преподаватель Терновскій представилъ для полученія этой степени вышепомянутое сочиненіе, которое митрополитомъ Филаретомъ, по разсмотрѣніи, было предложено на обсужденіе конференціи московской духовной академіи; и по ея предложенію Терновскій былъ возведенъ коммисіею духовныхъ училищъ въ степень доктора богословскихъ наукъ.

нѣсколькими такими же, какъ и самъ онъ, достойными и извѣстными учеными. Такъ, въ числѣ дававшихъ отзывы или представлявшихъ разборы, находимъ и Филарета Дроздова, и Григорія Постникова, и Павскаго, и Кочетова, и Макарія Булгакова, и Иннокентія Борисова, и Амвросія, и Серафима, митрополитовъ новгородскихъ и др., и, наконецъ, самую коммисію духовныхъ училищъ.

Примѣръ духовныхъ академій былъ на глазахъ московскаго университета; именно на уставъ духовно-академическій и указывалось при обсужденіи проекта примѣчанія къ § 113 университетскаго устава. Стоило только справиться съ образомъ дѣйствія духовныхъ академій, чтобы разумно и, такъ сказать, прилично отнестись къ закону. А справка была подъ рукою — на страницахъ 396—398 «Исторіи с.-петербургской духовной академіи» профессора И. А. Чистовича. Примѣра этого, казалось бы, достаточно было для того, чтобы московскій университетъ сохранилъ то высокое уваженіе къ наукѣ, на которое разсчитанъ самый законъ, и поддержалъ собственное свое достоинство въ тѣхъ разумныхъ, совѣстливыхъ условіяхъ, въ которыя ставилъ его законодатель, предоставляя его оцѣнкѣ ученыя заслуги и его усмотрѣнію поднесеніе докторской степени помимо общеустановленной формы испытанія.

Но какъ же поступилъ московскій университетъ? Правда, онъ воспользовался закономъ, но только съ однимъ небольшимъ отступленіемъ. Въ законѣ говорится о «знаменитыхъ» ученыхъ, а знаменитость, конечно, пріобрѣтается не домашнею сдѣлкою въ четырехъ стѣнахъ университетскаго факультета или совѣта; московскій же университетъ, забывая, что самъ онъ есть часть общества, нераздѣльная съ обществомъ, оставилъ въ сторонѣ необходимость единодушнаго общественнаго голоса и приговора ученаго міра, а предоставилъ своему частному, произвольному усмотрѣнію признаніе ученой знаменитости, сохраняя въ тайнѣ, даже едва-ли и самъ будучи въ состояніи объяснить самому себѣ основанія своихъ соображеній при оцѣнкѣ ученыхъ достоинствъ своихъ членовъ-преподавателей. Устранившись отъ связи съ обществомъ, въ которомъ всегда нашлось бы достаточно умственныхъ силъ для провѣрки университетскихъ приговоровъ; забывая, что ученыя степени имѣютъ нравственное значеніе и въ обществѣ,—московскій университетъ началъ направо и налѣво раздавать даровое докторство, не выходя однако изъ состава своихъ преподавателей, награждая имъ только «своихъ» и вводя такимъ образомъ односторонность въ примѣненіи закона, вовсе неимѣвшуюся въ виду законодателемъ. Публичное защищеніе диссертаціи, именно потому, что оно совершается на глазахъ всѣхъ, желающихъ присутствовать и участвовать на диспутѣ, по существенному своему значенію, есть удовлетвореніе общественной совѣсти; въ этомъ заключается глубокій смыслъ, указывающій на непосредственную связь университета

съ обществомъ: удостоенный публично ученой степени является въ обществѣ не какимъ нибудь выкидышемъ изъ замкнутыхъ и таинственныхъ нѣдръ университета, но ученымъ съ правами, признанными за нимъ и офиціальными судьями, и одобреніемъ всего общества, потому что и самая наука живетъ и растетъ въ обществѣ и для общества. Тѣмъ больше осторожности должно быть при поднесеніи докторства безъ испытанія. Впрочемъ, законъ достаточно обезпечилъ университетъ отъ ошибки и нареканій въ этомъ случаѣ: не менѣе, какъ *знаменитость* ученая можетъ быть увѣнчана докторствомъ безъ испытанія. Понятно, что пріобрѣтеніе ученой знаменитости безспорно стоитъ никакъ ужъ не меньшихъ трудовъ, чѣмъ докторское испытаніе на диспутѣ. Знаменитость, какъ показываетъ и самый смыслъ этого слова, пріобрѣтается чрезъ общественное признаніе: это есть одинъ изъ актовъ общественнаго сознанія; и поднесеніе докторства знаменитому ученому — и только знаменитому — есть скорѣе всего почетъ ему, дань уваженія къ его заслугамъ въ наукѣ, и вмѣстѣ какъ бы удостовѣреніе и закрѣпленіе за нимъ того справедливаго приговора, который произнесенъ о немъ предварительно самимъ обществомъ. Въ этомъ случаѣ университетъ дѣйствуетъ въ широкомъ общественномъ смыслѣ. Только при посредствѣ общества возникаетъ знаменитость; университетъ можетъ способствовать ей, но ужъ никакъ не создавать ее; она рождается во всемъ общественномъ просторѣ, и университетъ, вѣнчая ее высшею ученою степенью, преклоняется, въ лицѣ ея, предъ приговоромъ самаго общества. По всему видно, что законодатель и имѣлъ въ виду преимущественно постороннихъ ученыхъ и притомъ не весьма многихъ, потому что знаменитость не легко и не часто дается; онъ открывалъ университету пріятную возможность корпоративно и офиціально выражать свое уваженіе къ наукѣ, поднося почетный даръ ученой знаменитости, и поддерживать этимъ осязательнымъ дѣйствіемъ нравственную связь съ наукою въ лицѣ лучшихъ ея представителей. Но для заурядныхъ ученыхъ и вообще для лицъ, входящихъ въ должностной составъ университета, законъ установилъ испытаніе, а въ положеніи о производствѣ въ ученыя степени указалъ и самый путь и способъ достиженія этихъ степеней. Мы не говоримъ, чтобы знаменитость ученая не могла принадлежать университету: напротивъ, и ученыя знаменитости большею частію занимали и занимаютъ университетскія каѳедры (и академическія кресла), но все же онѣ рѣдки для каждаго университета порознь; ихъ мѣсто—въ обществѣ, въ кругу цѣлаго ученаго міра, а не въ стѣнахъ одного какого нибудь университета. Но еслибы какой нибудь университетъ вздумалъ доискиваться между своими оборышами и создавать свои домашнія знаменитости огуломъ, не обращая вниманія на то, что обществу и ученому міру эти знаменитости даже и по именамъ неизвѣстны, то этимъ самымъ онъ обна-

ружилъ бы низменный уровень своего положенія, ограниченность своихъ взглядовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бросилъ бы вызовъ оскорбленія цѣлому обществу, какъ единственной нравственной средѣ, гдѣ возможенъ неумытный и неопровержимый голосъ общаго признанія, — словомъ, этимъ самымъ онъ показалъ бы одно только мелкое и замкнутое самоуправство и пренебреженіе къ своему уставу. Знаменитость не жалуется и не отыскивается, а возникаетъ невидимо, неуловимо — и въ этомъ-то отличительномъ свойствѣ ея проявляется одинъ изъ могущественныхъ актовъ общественнаго сознанія. Понятно, что если московскіе профессоры, вздѣвши очки, ищутъ промежь себя, не завалилась ли гдѣ нибудь между ними ученая знаменитость, чтобы пожаловать ее въ докторы, и наоборотъ, чтобы чрезъ даровое докторство пожаловать въ ученую знаменитость,—то люди, непричастные таинственнымъ видамъ ученаго сословія университета, вдаются въ разныя предположенія, отводя здѣсь не послѣднее мѣсто кумовству, частнымъ сдѣлкамъ, взаимной услужливости и другимъ подобнымъ двигателямъ мелкой разсчетливости, нечуждой въ концѣ концовъ и благъ сего міра. Въ самомъ дѣлѣ, перебирая списокъ преподавателей московскаго университета со времени введенія въ дѣйствіе новаго устава, мы наталкиваемся на *восемь* даровыхъ докторовъ, изъ которыхъ шестеро возведены въ докторство самимъ московскимъ университетомъ, и это не болѣе какъ въ 6, 7 лѣтъ. На каждый годъ по одной ученой знаменитости! Что̀ же будетъ дальше? Какое преизобиліе ученыхъ знаменитостей ожидаетъ насъ въ будущемъ! Подумаешь, что дѣйствительно московскій университетъ, несмотря на общій единодушный голосъ объ его упадкѣ, вопреки этому голосу, хочетъ объявить себя разсадникомъ ученыхъ знаменитостей. И въ какое отношеніе станутъ эти нарождающіяся ученыя знаменитости къ своимъ собратьямъ по ремеслу, товарищамъ профессорамъ, получившимъ докторскую степень чрезъ испытаніе? Вѣдь этимъ послѣднимъ уставъ не приписываетъ никакой знаменитости, какъ и всѣмъ прочимъ, получающимъ ученую степень чрезъ испытаніе. Подите же ждите, когда въ обществѣ заговорятъ, что такой-то изъ нихъ есть знаменитый ученый; между тѣмъ какъ получившіе ученую степень безъ испытанія, т.-е. даровые доктора уже позакону, eo ipso, безъ всякихъ разговоровъ, признаются знаменитыми учеными, пріобрѣтшими всеобщую извѣстность своими учеными трудами, ибо только таковымъ уставъ дозволяетъ подносить докторство безъ испытанія. Понятно, что отношенія между первыми и послѣдними неравны. И удивительно, какъ до сихъ поръ начальство московскаго университета, по чувству нравственнаго долга, требующаго почтенія къ знаменитостямъ, тѣмъ болѣе узаконеннымъ, не распорядится, чтобы во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ даровые доктора, какъ закономъ признанныя ученыя знаменитости, шествовали и садились впереди

другихъ, сохраняя и между собою порядокъ по времени узаконенія за тѣмъ или другимъ изъ нихъ значенія ученой знаменитости. Это было бы какъ нельзя болѣе кстати.

Но вотъ вопросъ: признаетъ ли общество, къ которому мы относимъ и весь ученый міръ, тѣ доморощенныя знаменитости, которыя московскій университетъ плодитъ не по днямъ, а по часамъ, и извѣстность которыхъ не простирается далѣе его четырехъ стѣнъ? Мы видѣли, что оцѣнка трудовъ духовныхъ лицъ, возведенныхъ въ доктора богословскихъ наукъ, производилась тоже докторами богословія и вообще людьми полноправными въ этомъ дѣлѣ; но можно ли допустить такую же вѣрность, точность и строгость оцѣнки, когда, напримѣръ, профессоръ-юристъ дѣлаетъ заявленіе о поднесеніи докторства профессору древней классической словесности, который, послѣ своей магистерской диссертаціи, ничѣмъ не обнаружилъ ни своихъ трудовъ, ни своихъ успѣховъ въ наукѣ? Такъ случилось съ г. Леонтьевымъ, съ легкой руки котораго открывается въ московскомъ университетѣ рядъ даровыхъ докторовъ. Не думаемъ, чтобы сочиненіе «О поклоненіи Зевсу», подобно старѣющему вину, такъ возростало въ своей цѣнности, чтобы за него, послѣ магистерства, можно было поднести еще и докторство: съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. Но чѣмъ же еще прославилъ себя въ ученомъ мірѣ творецъ этой магистерской диссертаціи для того, чтобы университетъ московскій увѣровалъ, что онъ вступилъ въ среду ученыхъ знаменитостей и сталъ собратомъ Вольфа, Гейне, Германа, Бера, Бернгарди, Курціуса, Кроссена и др.? Развѣ изданіемъ «Пропилеевъ», куда издатель вложилъ отъ себя малую толику? Но послѣ этого всякого издателя учено-литературнаго сборника надо бы пожаловать въ доктора. Или рѣчью на университетскомъ актѣ, произнесенною ex officio, надъ которою такъ глумилась во время оно петербургская печать? Относительно правдивости, рѣчь эта можетъ поспорить со всѣми заздравными и заупокойными, встрѣчными и напутственными рѣчами, которыми такъ изобилуетъ наша современная общественная жизнь. Пусть же московскій университетъ не упускаетъ случая подносить докторство всѣмъ застольнымъ ораторамъ. Или нѣкоторыми передовыми статьями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», редакція которыхъ, быть можетъ, указывала университетскому совѣту руку, чертившую эти статьи? Такъ прежде всего слѣдовало бы поднести докторскій дипломъ г. Каткову, потому что положительно извѣстно, что конецъ Каткова и начало Леонтьева столь же загадочно нераздѣльно слиты между собою, какъ двѣ природы въ древне-классическомъ кентаврѣ; а потомъ вслѣдъ за г. Катковымъ и всѣмъ остальнымъ русскимъ публицистамъ съ полковникомъ Комаровымъ включительно.

Заявленіе, вышедшее изъ юридическаго факультета, естественно и справедливо должно было вызвать въ томъ же засѣ-

даніи университетскаго совѣта и заявленіе въ пользу г. Буслаева, изшедшее изъ историко-филологическаго факультета, къ которому принадлежитъ г. Буслаевъ. Мы не думаемъ, чтобы г. Буслаевъ сталъ настаивать, чтобы мы непремѣнно назвали его знаменитымъ русскимъ Гриммомъ или и обоими Гриммами, вмѣстѣ взятыми; тѣмъ не менѣе если кто, такъ именно г. Буслаевъ имѣлъ всѣ данныя къ тому, чтобы получить докторство. Его книга «О преподаваніи отечественнаго языка» послужила началомъ переворота въ способѣ обученія русскому языку; его «Историческая грамматика», какіе бы недостатки ни имѣла, выдержала три изданія; его «Хрестоматія» принесла несомнѣнную пользу преимущественно для знакомства съ памятниками древней русской письменности; сверхъ того онъ написалъ много дѣльныхъ статей и изслѣдованій по русской археологіи, русской и иностранной словесности: труды его имѣютъ общественное значеніе, и возведеніе его на степень доктора только устранило одну формальность защищенія диссертаціи. Однако замѣтимъ, что московскій университетъ, какъ мы видѣли, началъ примѣненіе примѣчанія къ § 113 устава не съ г. Буслаева, а съ г. Леонтьева. Неловкость выходки профессора-юриста была ужь такъ замѣтна, что тутъ же рѣшено было, во избѣжаніе впредь подобной аномаліи, что починъ предложенія въ доктора долженъ исходить только отъ подлежащаго факультета.

Почти въ однихъ условіяхъ съ г. Буслаевымъ ставимъ мы гг. Чичерина и Богданова. Первый уже приготовилъ для своей докторской диссертаціи сочиненіе «О народномъ представительствѣ»; но такъ-какъ онъ былъ уже извѣстенъ въ обществѣ и прежде по нѣкоторымъ своимъ сочиненіямъ, и магистерская его диссертація «Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ» надѣлала въ свое время много шума, то юридическій факультетъ петербургскаго университета, слыша, что сочиненіе его для докторской диссертаціи уже печатается, только упредилъ формальность испытанія, поднеся ему докторство вовсе неожиданно для него самого. Второй, т.-е. г. Богдановъ уже внесъ-было въ совѣтъ университета свою диссертацію на степень доктора: «Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губерніи», и просилъ о назначеніи дня для защиты ея, но по предложенію декана физико-математическаго факультета, отъ имени этого факультета, московскій университетъ нашелъ для себя болѣе пріятнымъ почтить ученыя заслуги профессора чрезъ непосредственное поднесеніе ему докторства. Изготовленное для диссертаціи и напечатанное сочиненіе г. Богданова замѣчательно какъ по своему научному достоинству, такъ и по вызванной имъ полемикѣ, представившей сильныя возраженія, и, какъ кажется, небезосновательныя.

Всѣ названныя нами лица, прежде полученія докторской степени, имѣли уже магистерскую. Не знаемъ, готовилъ ли что̀ г. Леонтьевъ для своей докторской диссертаціи: по крайней-

мѣрѣ, слуховъ объ этомъ не было; но гг. Буслаевъ, Чичеринъ и Богдановъ могутъ сослаться на свои печатныя сочиненія и, какъ мы сейчасъ сказали, послѣдніе двое прямо предназначали свои сочиненія для докторской диссертаціи. Безъ сомнѣнія, публичное защищеніе доставило бы новый случай чествовать ихъ отъ лица науки, когда бы они явились передъ обществомъ съ живымъ словомъ научнаго совершенствованія. Къ чему же было мѣшать обычному ходу дѣла? Конечно, не намъ, но кому-нибудь другому можетъ, пожалуй, показаться въ устраненіи диспута нѣкоторое невниманіе къ этому установленному для профессоровъ обряду испытанія. Сами докторанты вѣдь не избѣгали его. Обрядъ, закономъ установленный и нравственно-усвоенный, ни для кого не можетъ быть унизительнымъ, хотя бы онъ былъ излишнимъ для нѣкоторыхъ. Кто стоитъ на прямомъ пути къ этому обряду, тотъ скорѣе подчинится ему, чѣмъ станетъ избѣгать его, потому что общежитіе нуждается въ видимыхъ знакахъ для выраженія присущей ему мысли; и если обрядъ вполнѣ отвѣчаетъ своему внутреннему значенію, то общественная совѣсть удовлетворена и спокойна. Вотъ почему, сказали мы выше, примѣчаніе къ § 113 университетскаго устава имѣло въ виду скорѣе *постороннихъ* ученыхъ, сдѣлавшихся знаменитыми чрезъ свои общеизвѣстные труды, чѣмъ *своихъ*, университетскихъ. Тѣмъ не менѣе, ни имя г. Буслаева, ни имена гг. Чичерина и Богданова не вызвали бы нашего письма: мы признаемъ вполнѣ ихъ самостоятельное ученое достоинство и ихъ заслуги и отдаемъ полную справедливость возведенію ихъ въ докторство. Труды ихъ стали общественнымъ достояніемъ, а потому они пріобрѣли себѣ всеобщую извѣстность. Что же касается до ихъ ученой знаменитости, то вопросъ о знаменитости очень широкъ; слово «знаменитость» само по себѣ очень тягуче, а въ связи съ личнымъ самолюбіемъ становится еще тягучѣе: лучше оставить его въ сторонѣ, предоставляя самому обществу, судьѣ безапелляціонному, рѣшить его.

Но сколько бы мы ни рылись въ разномъ печатномъ хламѣ, и сколько бы на это ни потратили времени и терпѣнія, мы все-таки не добились бы и не выяснили бы себѣ тѣхъ доводовъ ученой знаменитости, ради которыхъ получили даровое докторство отъ московскаго университета нѣкоторые другіе изъ его преподавателей и, какъ на грѣхъ, все кандидаты, перескочившіе прямо въ доктора. Виноваты! мы совсѣмъ было-упустили изъ виду, что одинъ кандидатъ, преподаватель восточныхъ языковъ въ московскомъ университетѣ, получилъ докторство, поднесенное ему петербургскимъ университетомъ. Согласны, что можно быть отличнымъ знатокомъ своего предмета, даже отличнымъ преподавателемъ, но развѣ этого достаточно для того, чтобы составить себѣ всеобщую извѣстность въ ученомъ мірѣ? Развѣ лирическая поэма «Разбитый сосудъ» въ $2^1/_2$ странички, «Санскритская антологія» въ 48 страничекъ, двѣ, три

летучія статейки въ журналахъ и компиляція по англійскимъ и нѣмецкимъ книжкамъ и журналамъ «О главныхъ нарѣчіяхъ сѣверной Индіи», начатая еще въ 1867 году и по сію пору не оконченная, могутъ сдѣлать ученаго знаменитымъ? Относительно достоинствъ преподаванія уставъ умалчиваетъ; онъ говоритъ о «знаменитыхъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами», т.-е. о такихъ ученыхъ, которые *самостоятельными* трудами (то же требуется по закону и отъ ищущихъ докторской степени чрезъ испытаніе) несомнѣнно подвинули науку впередъ, а это не обходится безъ открытій или безъ вывода новыхъ итоговъ въ наукѣ. Главнѣйшее достоинство преподавателя состоитъ въ ясномъ и прочномъ сообщеніи слушателямъ выводовъ науки, добытыхъ трудами хотя бы и не его самого, а другихъ ученыхъ. Преподаватель долженъ обладать критическимъ взглядомъ и мастерствомъ изложенія; но это еще далеко до ученой знаменитости и до самостоятельныхъ трудовъ, пріобрѣтающихъ ученому всеобщую извѣстность. Понятно, что при существенномъ различіи того и другого, уставъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду знаменитость педагогическую: иначе онъ упомянулъ бы и о знаменитыхъ педагогахъ, пріобрѣвшихъ себѣ всеобщую извѣстность своими преподавательскими трудами, что̀, впрочемъ, уже не соотвѣтствовало бы ни понятію о творчествѣ, движущемъ науку впередъ и установляющемъ за ученымъ его знаменитость, ни самому значенію ученой докторской степени, отъ которой, какъ мы сейчасъ замѣтили, требуется положеніемъ о производствѣ въ ученыя степени самостоятельная, критическая ученая работа. Поэтому, заведя рѣчь о преподавателяхъ, получившихъ докторство чрезъ поднесеніе, мы должны разъ навсегда устранить изъ нашихъ соображеній ихъ преподавательскую дѣятельность, какъ неподходящую ни къ мысли устава, ни къ значенію ученой докторской степени, ни подъ общепринятое понятіе объ ученой знаменитости; намъ нужно нѣчто другое, именно то, что̀ свидѣтельствовало бы, что ученый много и много потрудился для науки, внесъ въ нее кое-что новаго, двинулъ ее впередъ и чрезъ то пріобрѣлъ себѣ всеобщую извѣстность. Итакъ остается предположить, что петербургскій университетъ хотѣлъ только оказать любезность московскому университету, снабжая его и отъ себя еще даровымъ докторомъ; и надо сознаться, что въ этомъ случаѣ онъ угадалъ какъ нельзя лучше вкусъ и наклонность своего московскаго собрата. И еще какъ! именно для московскаго университета, который за послѣднее время тѣмъ и отличился отъ другихъ университетовъ, что единственно въ немъ водворилось повальное возведеніе въ докторство чрезъ поднесеніе этой высшей ученой степени безъ диссертаціи и диспута—даже скачкомъ чрезъ магистерскую степень.

Удачные примѣры бываютъ заразительны. Впрочемъ, московскій университетъ не можетъ побрезгать чужимъ даромъ, когда

самъ онъ у себя еще менѣе разборчивъ на даровинку. Для него достаточно, если одинъ изъ его преподавателей, неполучившій еще магистерской степени, редактировалъ нѣкоторое время въ изданіи «Лѣтописей русской литературы и древности», издалъ самымъ обыденнымъ способомъ «Памятники отреченной русской литературы» (далеко не всѣ), и помѣстилъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Вѣстникѣ», въ которыхъ видны лишь кропотливая работа и мелкое труженичество,—и университетъ подноситъ ему докторство, какъ бы знаменитому ученому. Положимъ, что смиренномудріе есть добродѣтель, но чтобы оно вело непосредственно въ сонмъ знаменитыхъ ученыхъ и награждалось высшею ученою степенью, — этого ничѣмъ кромѣ особливой московско-университетской практики доказать нельзя. «Русская Старина», «Русскій Архивъ» стоятъ несравненно выше «Лѣтописей русской литературы и древности», а изданію «Памятниковъ отреченной русской литературы» ни мало не уступаютъ, напримѣръ, изданія раскольничьихъ сочиненій, не говоря уже объ изданіи русскихъ былинъ. Такъ почему же московскій университетъ, для соблюденія послѣдовательности и справедливости, не поспѣшитъ поднести докторство гг. Бартеневу, Семевскому, Попову, Безсонову (который кстати стоитъ на стражѣ университетской библіотеки) и другимъ, тѣмъ болѣе, что университетскій уставъ, какъ сказали мы выше, имѣетъ въ виду преимущественно постороннихъ лицъ, а эти лица, думаемъ, не имѣютъ сами по себѣ никакой надобности идти въ московскій университетъ держать испытаніе на доктора. Въ нашей литературѣ найдутся цѣлые десятки издателей разныхъ сборниковъ, и мы дивимся еще, какъ всѣ они не явятся въ совѣтъ московскаго университета съ предъявленіемъ своихъ правъ на даровое докторство на основаніи существующихъ примѣровъ!

Но вотъ еще и другая добродѣтель, которая, по ученой практикѣ московскаго университета, возвела двухъ его преподавателей изъ кандидатовъ въ доктора и тѣмъ самымъ сдѣлала ихъ также и знаменитыми учеными. Мы затрудняемся, какъ назвать эту добродѣтель, потому что относительно общества она является чѣмъ-то отрицающимъ, ничего недающимъ и ничего неговорящимъ, короче — чѣмъ-то безплоднымъ; думаемъ, что приличнѣе всего назвать ее ученымъ цѣломудріемъ, которое состоитъ въ томъ, что преподаватель университета, состоящій въ степени кандидата, *никогда ничего не написалъ и не напечаталъ*; и вотъ эта-то черта его ученой дѣятельности, по толкованію одного вліятельнаго члена университетскаго совѣта, и есть признакъ высокой нравственности, величайшей добросовѣстности, и обличаетъ въ преподавателѣ столь необходимую для университета «скромность» (подлинное выраженіе), которая заслуживаетъ всякой похвалы и награды. Еслибы дѣйствительно оба преподавателя, ровно ничѣмъ незаявившіе себя передъ обществомъ и потому никакъ ужь немогшіе, по выраженію устава,

«пріобрѣсти себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами», не были награждены отъ московскаго университета даровымъ докторствомъ, то мы подумали-бы, что вліятельный членъ совѣта издѣвается и надъ наукою, и надъ обществомъ, и надъ своею собратіею. Однако мы видимъ противное: одинъ цѣломудрствуетъ цѣлыхъ 25 лѣтъ и уже послѣ полученія докторства разрѣшается единородною рѣчью на университетскомъ актѣ нынѣшняго года—для того, вѣроятно, чтобы послѣ этой компиляціи, снова положить печать храненія на уста свои и положить уже на вѣки вѣчные; другой цѣломудрствуетъ цѣлыхъ 15 лѣтъ, или около того, и громко и чистосердечно признается, что какъ ни старался онъ что нибудь написать—ничего не смогъ написать на своемъ вѣку,—и совѣтъ московскаго университета, за ихъ долголѣтнее, упорное, неразрѣшимое ученое молчаніе, а паче за ихъ смиреніе, подноситъ имъ обоимъ докторство, пріобщая ихъ тѣмъ самымъ къ лику «знаменитыхъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами». Неужели въ уровнѣ ученой подготовки преподавателей московскаго университета предвидится такое сильное пониженіе, что, по мнѣнію совѣта, лучше молчать, чѣмъ писать, лучше быть знаменитымъ ученымъ отрицательно, чѣмъ положительно; а чтобы ученое бездѣйствіе не тревожило совѣсти, но напротивъ удовлетворяло собственному самолюбію, то, для внутренняго успокоенія и убѣжденія преподавателя, ему подносятъ докторскую степень. Вотъ что̀ значитъ классическая дрессировка! Heu excellentes doctores! Послѣ этого мы, право, затрудняемся сказать, кто же изъ служащихъ въ московскомъ университетѣ, особливо на мѣстахъ видныхъ, сопряженныхъ съ молчаніемъ, напримѣръ, привратническихъ, не достоинъ ученой докторской степени, хотя бы по греко-латинской словесности? Какъ никому изъ нихъ, несостоящему въ качествѣ преподавателя, но постоянно бездѣйствующему и печатно безмолвствующему, не придетъ на мысль просить себѣ докторства, благо оно такъ легко дается по классическимъ языкамъ. По мысли вліятельнаго члена совѣта, ученое «смиреніе» должно возводить и дѣйствительно возводитъ въ докторы римской словесности (13 мая 1872 года).

Само собою разумѣется, что намъ рѣшительно нѣтъ дѣла до того, что двое, трое или болѣе преподавателей получили въ московскомъ университетѣ даровое докторство; что они вслѣдствіе этого пріобрѣтаютъ право быть ординарными профессорами, засѣдать въ университетскомъ совѣтѣ, подавать голосъ за и противъ и—едва-ли это не главное—класть на выборахъ шары направо и налѣво по своимъ соображеніямъ и получать полный окладъ профессорскаго жалованья: все это, конечно, частности, которыя до насъ не касаются. Насъ поражаетъ здѣсь то основное начало, тотъ логическій принципъ, въ силу котораго московскій университетъ дѣйствуетъ, поднося своимъ

преподавателямъ докторство въ видѣ почетнаго ученаго званія. Согласимся впередъ, что примѣчаніе къ § 113 университетскаго устава имѣетъ полную само въ себѣ состоятельность нетолько какъ внѣшній законъ, но и въ силу внутренней своей разумности. Положимъ, что какой-нибудь университетъ желаетъ почтить какого-нибудь знаменитаго русскаго академика или иностраннаго ученаго, пріобрѣтшаго себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами, почтить именно въ смыслѣ научномъ. Прямымъ выраженіемъ высшаго ученаго достоинства служитъ степень доктора. Но положимъ, что для знаменитаго ученаго, въ лицѣ котораго университетъ желаетъ почтить успѣхи науки и закрѣпить новое звѣно нравственной связи съ ученымъ міромъ, не только нѣтъ никакой побудительной причины держать испытаніе на доктора, но даже общая его извѣстность, его знаменитость, по общему признанію, ставятъ его ученыя заслуги внѣ всякой необходимости испытанія. Тогда университету остается, согласно своему уставу, поднести ему докторство безъ испытанія, какъ высшій знакъ научнаго почета, которымъ только обладаетъ университетъ. Во всемъ этомъ, кромѣ внѣшней, въ силу устава, законности дѣйствія, есть, какъ видится, и полный внутренній, здравый смыслъ. Примѣнимъ же этотъ законный и разумный образъ дѣйствія къ московскому университету. Построимъ такой силлогизмъ: докторство подносится знаменитому ученому, пріобрѣтшему себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами; московскій университетъ подноситъ докторство г. N: слѣдовательно, г. N есть знаменитый ученый, пріобрѣтшій себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами. Ну, а если этотъ г. N буквально ничего не написалъ и не напечаталъ, а потому не могъ пріобрѣсти себѣ нетолько всеобщей, но ровно никакой извѣстности своими несуществующими учеными трудами, и если потому никто никогда не могъ признать его знаменитымъ ученымъ, такъ-какъ чрезъ ничегонедѣланіе въ наукѣ знаменитость ученая не создается — тогда что̀? Тогда можетъ ли оказаться состоятельнымъ силлогизмъ, построенный на дѣйствіяхъ московскаго университета? Конечно, нѣтъ. Какъ бы чувствуя ложность своего положенія, московскій университетъ, по крайней мѣрѣ, относительно одного преподавателя, недавно получившаго даровое докторство, постарался войти въ сдѣлку съ самимъ собою и изобрѣлъ такой мотивъ: «замѣчательные-де филологическіе труды (такого-то кандидата, исправляющаго должность адъюнкта) извѣстны-де факультету». Надо имѣть много беззастѣнчивости для того, чтобы труды, извѣстные лишь одному историко-филологическому факультету, даже и не совѣту, признать равносильными тѣмъ условіямъ, которыя выставляетъ законъ въ примѣчаніи къ § 113 устава. Нелѣпость такой аргументаціи очевидна и смѣшна: она можетъ быть успокоительною развѣ для одного московскаго университета, но отнюдь не для общества. Встрѣтясь случайно съ док-

торомъ римской словесности, получившимъ эту степень чрезъ поднесеніе, мы, на основаніи устава и здраваго смысла, должны видѣть въ немъ знаменитаго ученаго, пріобрѣтшаго себѣ всеобщую извѣстность своими учеными трудами, причемъ *всеобщая* извѣстность служитъ для насъ какъ бы санкціею безошибочности поднесенія ему университетомъ докторскаго диплома. И что̀ же? съ недоумѣніемъ ищемъ его ученыхъ трудовъ, добиваемся его ученой знаменитости—и находимъ одинъ нуль. Нельзя же отсылать все общество въ архивъ факультетскій за справкою о непечатныхъ трудахъ преподавателя; да для этого нужно еще предварительно доказать, что мы возвратились ко временамъ до-гуттенберговскимъ и что для *всеобщей* ученой извѣстности достаточно однихъ непечатныхъ трудовъ, вѣдомыхъ одному лишь факультету. (Мы сильно подозрѣваемъ, что, мотивируя такимъ образомъ ученую знаменитость филолога-преподавателя, университетъ имѣлъ въ виду ни болѣе ни менѣе, какъ упражненія въ устныхъ переводахъ съ греческаго языка на русскій и обратно, или нѣчто тому подобное. Но педагогія, по смыслу закона, здѣсь не причемъ). Слѣдовательно, какъ бы какія ни изобрѣтались уловки, а силлогизмъ московскаго университета оказывается несостоятельнымъ.

Только на дняхъ окончили мы празднованіе юбилея Петра Великаго. Вѣнчанный труженикъ русской земли самъ опредѣлилъ въ одномъ словѣ значеніе своего царствованія: онъ *служилъ* своему народу. Прошло съ тѣхъ поръ безъ малаго два столѣтія, а поняли ли мы это слово, усвоили ли его себѣ искренно, совѣстливо? На всякой службѣ мы стараемся, въ разрѣзъ съ духомъ великаго преобразователя, устроиться такъ, чтобы не мы служили другимъ, а намъ служили другіе. Отсюда и выходитъ, что различныя учрежденія, съ одной стороны, и общество, народъ, съ другой стороны—живутъ особнякомъ, безъ созвучія мыслей, взглядовъ, направленій; и разногласіе между ними доходитъ иногда до того, что здравый смыслъ одного не понимаетъ логики другаго.

Z.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

Весьма вѣроятно, что современный читатель, избалованный авторитетною заносчивостью собратій моихъ, театральныхъ рецензентовъ газетъ, будетъ не мало и даже непріятно удивленъ отсутствіемъ либерализма и скромностью въ предлагаемыхъ ему мною замѣткахъ. Онъ не встрѣтитъ въ нихъ ни внушительно-начальническихъ нагоняевъ актерамъ, ни покровительственно-менторскихъ внушеній авторамъ, ни очаровательно-почтительныхъ представленій и докладовъ многоуважаемой театральной дирекціи, просвѣщенной репертуарной инспекціи, многоопытному литературно-театральному комитету, умѣренно-снисходительной драматически-литературной цензурѣ и вообще всѣмъ кому надлежитъ вѣдать блюсти и охранять театральное дѣло, въ Россіи. За то, кромѣ скромности, читатель найдетъ въ моихъ замѣткахъ искренность, кромѣ искренности, доброжелательство — и самое главное — кромѣ искренности и доброжелательства, добросовѣстное вниманіе къ нему, исключительно къ нему, простому русскому читателю и обыкновенному театральному зрителю, такъ-какъ я самъ не болѣе какъ простой читатель газетъ, заурядный зритель, и если подписываюсь рецензентомъ, то скромно прибавляю къ этому грозному существительному прилагательное «сверхштатный».

При таковомъ моемъ газетно-театральномъ *небытіи*, между мною и читателемъ образуется сразу самая тѣсная связь, самая естественная солидарность и вслѣдствіе этого полнѣйшее entente cordiale. То, что̀ я теперь пишу для читателя, дружелюбно удостоивающаго меня своимъ вниманіемъ, я бы сказалъ въ театрѣ сосѣду, совершенно-незнакомому мнѣ человѣку, еслибы этотъ сосѣдъ позаимствовался у меня афишею или обязательно предложилъ мнѣ свой бинокль, и вообще изъявилъ какое либо поползновеніе вступить со мной въ разговоръ, чтобы отвести душу отъ невыносимыхъ, но благополучно и храбро вынесенныхъ имъ эстетическихъ наслажденій, въ изобиліи доставляемыхъ русскою сценой.

— Благодарю васъ, говоритъ мнѣ, напримѣръ, сосѣдъ, воз-

вращая по прочтеніи афишу и посматривая на меня очень любезно.

— Это комедія... гм... русская оригинальная комедія... рус-с-с-кая... протягиваетъ онъ съ нѣкоторымъ впрочемъ недовѣріемъ ко мнѣ, какъ къ совершенно ему неизвѣстному человѣку.

— А вы думали, вѣроятно, что это французская мелодрама изъ бушменскихъ нравовъ, передѣланная изъ шведскаго романа, заимствованнаго изъ писемъ испанскаго путешественника и приспособленная къ русской сценѣ дежурнымъ театральнымъ чиновникомъ?

— То-есть... не собственно такъ, какъ вы выражаетесь, а... Хе, хе, хе! сначала нерѣшительно, но потомъ съ веселымъ хохотомъ отвѣчаетъ мнѣ сосѣдъ.

И недовѣріе на его лицѣ замѣняется сочувственнымъ ко мнѣ выраженіемъ.

— Однако странно, продолжаетъ онъ: — я самъ читалъ въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ», что эта комедія составляетъ «отрадное явленіе» на нашей сценѣ.

— Вообразите, отвѣчаю я: — я читалъ то же самое въ «Санкт-петербурско-городовомъ обозрѣніи».

— Да, позвольте! То же самое напечатано въ «Административно-художественномъ указателѣ».

— И въ «Эстетико-бюрократическомъ Вѣстникѣ».

— Во всѣхъ положительно вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ было припечатано!

— Въ нѣкоторыхъ даже была троекратная публикація!

— Именно! Какъ теперь помню. До представленія: «спѣшимъ порадовать нашихъ читателей»...

— На другой день послѣ бенефиса: «спѣшимъ подѣлиться первымъ, истинно-художественнымъ впечатлѣніемъ».

— И потомъ черезъ нѣсколько дней: «спѣшимъ подробною слѣдственно-аналитическою критикою»...

— Стало быть, это дѣйствительно замѣчательная пьеса!

— Стало быть, ее будутъ давать въ Петербургѣ и на Александринскомъ и на Маріинскомъ театрѣ!

— И у Малафеева!

— И въ Москвѣ въ Маломъ театрѣ, и въ Народномъ театрѣ!

— И подъ Новинскимъ!

— И ничего больше давать не будутъ!

— Да ничего больше и не нужно!

Обмѣнъ мыслей происходитъ такъ быстро и сочувственно между мною и моимъ сосѣдомъ, что благосклонный читатель предлагаемыхъ замѣтокъ уже и теперь потерялъ нить нашего разговора, и не видитъ, гдѣ изъ насъ начинается одинъ и гдѣ кончается другой.

Этого я только и добивался. Читатель теперь убѣжденъ въ моей солидарности съ нимъ, потому что онъ именно и есть мой сосѣдъ и, конечно, вѣритъ вполнѣ моей искренности, такъ-

какъ я чистосердечно сознался, что въ постановкѣ, исполненіи и успѣхѣ русскихъ и псевдо-русскихъ пьесъ я понимаю такъ же мало, какъ и онъ, простой зритель, мой сосѣдъ, мой читатель.

Между тѣмъ занавѣсъ падаетъ. Подъ трагическимъ впечатлѣніемъ русской комедіи, я и окончательно-подружившійся со мною сосѣдъ перекидываемся прискорбно-недоумѣвающими взглядами. Часть публики валитъ на свѣжій воздухъ, будто послѣ всенощной; нѣсколько благоразумно-подгулявшихъ зрителей возвращаются изъ буфета, громко разговаривая; добрая часть публики также громко выражаетъ свое неудовольствіе, хохочетъ и неистово шикаетъ; нѣкоторые въ насмѣшку вызываютъ самыхъ бездарныхъ актеровъ; но въ то же время также добрая часть публики столь же неистово аплодируетъ и вызываетъ автора.

Въ этой суматохѣ мнѣ едва слышенъ голосъ моего пріятеля сосѣда:

— Вѣдь и я тоже публика! говоритъ онъ мнѣ тихо и нѣсколько задыхаясь.

— И я тоже публика! вторю я ему гармонически.

— И эти, которые подгуляли!

— И эти, которые шикаютъ!

— И эти, которые школьничаютъ, вызывая самыхъ бездарныхъ актеровъ.

— И эти, которые въ сурьёзъ вызываютъ автора!

— И эти, которые хлопаютъ въ ладоши, только потому, что они въ театрѣ, а въ театрѣ позволено хлопать въ ладоши.

— И эти, которые хлопаютъ глазами и угощаются пастилкой.

— И эти, которые вызываютъ исключительно-хорошенькихъ актрисъ будто въ какомъ-нибудь увеселительномъ лупанарѣ.

— Стремящіяся насладиться, стремящіеся поучиться и ни къ чему не стремящіеся, недоросшіе и переросшіе, безсознательно ищущіе свѣта въ потемкахъ и сознательно-нагоняющіе тьму на свѣтлые проблески, чистые сердцемъ и нищіе духомъ рядомъ съ мытарями, книжниками и фарисеями... Тьфу чортъ! Я и самъ заговорился будто въ мелодрамѣ!

— Ничего, продолжайте. И я и вы, тѣ и эти и всѣ — мы всѣ публика.

— Но вѣдь между нами нѣтъ ничего общаго; даже здѣсь, на этой самой многострадальной александринской сценѣ, больше ансамбля между актерами, чѣмъ между нами, зрителями; зачѣмъ же мы собрались въ одномъ залѣ, смотрѣть одну и ту же, ровно никому изъ насъ ненужную и всѣмъ чуждую пьесу. Еще положимъ, тѣ—нищіе духомъ или эти — мытари и фарисеи; и тѣхъ и другихъ позорище удовлетворяетъ, хотя, конечно, съ различныхъ точекъ зрѣнія: однихъ какъ сиротъ опекаемыхъ, а другихъ какъ опекуновъ. Но, спрашивается, мы-то зачѣмъ пришли?

— А то куда-жь намъ идти?

— И то правда, куда-жь намъ идти!

— Ходили, ходили мы во французскіе театры и въ итальянскую оперу, даже въ нѣмецкомъ театрѣ зѣвали—развѣ не шевелилось въ насъ оскорбленное чувство національности, развѣ можно подавить въ человѣкѣ эстетическую потребность плакать и смѣяться у себя, дома, въ какой бы тамъ ни было, но все-таки, русской столицѣ надъ своимъ, надъ домашнимъ, надъ русскимъ? И вотъ какъ удовлетворяется наше національное самолюбіе, въ нашемъ единственномъ русскомъ театрѣ. Какъ будто у насъ нѣтъ вовсе эстетически-развитыхъ людей, понимающихъ, что ставить такія пьесы и главное ставить такъ патріархально-безцеремонно не позволила бы самая невзыскательная публика самаго глухаго провинціальнаго городишка во Франціи и даже Германіи.

— Но куда-жь намъ идти, въ самомъ дѣлѣ, когда у насъ для всѣхъ понятій и возрастовъ только одинъ русскій театръ?

— Куда-жь намъ идти, въ самомъ дѣлѣ, если долгіе годы театральнаго оскудѣнія не успѣли убить въ насъ свойственной каждому просвѣщенному человѣку любви къ театральнымъ зрѣлищамъ?

— Чтобъ излечить насъ отъ этой пагубной страсти, можно сказать даже неприличной въ нашемъ прогрессивно-реформирующемся отечествѣ, остается только одно...

— Остается только просить начальство, чтобы оно устроило для насъ кабаки въ видахъ отвлеченія насъ отъ русскаго театра, такъ же какъ устроило народный театръ въ видахъ отвлеченія нашихъ мѐньшихъ братій отъ кабаковъ.

Такой разговоръ вели мы подъ невыносимый шумъ рукоплесканій, вызововъ автора и шиканья. Наконецъ, занавѣсъ поднялся и какой-то актеръ провозглашаетъ со сцены:

— Господа, автора въ театрѣ нѣтъ; по обязанности дежурнаго чиновника онъ наблюдаетъ за неприкосновенностью буфета.

Не ручаюсь, навѣрное эти ли слова произнесъ со сцены актеръ: за продолжавшимся шумомъ я не могъ явственно разслушать.

Изъ приведеннаго выше разговора, какъ я, такъ и сосѣдъ-читатель усматриваетъ, что мы оба ровно ничего не понимаемъ въ сложномъ механизмѣ русскаго театра въ Петербургѣ. Закулисныхъ тайнъ мы не вѣдаемъ, потому что не только простымъ зрителямъ и сверхштатнымъ рецензентамъ, но даже присяжнымъ критикамъ и драматическимъ писателямъ входъ на сцену строго возбраняется, такъ точно какъ юнкерамъ, корнетамъ и прапорщикамъ—и совершенно резонно: юнкера могутъ плѣнить воображеніе непорочныхъ актрисъ, писатели и критики—еще того хуже—повліять на дѣвственные умы нѣкоторыхъ

гг. артистовъ. И повѣрьте, сосѣдъ, рецензенты, которые хвастаются знаніемъ театральныхъ новостей изъ первыхъ рукъ — лгутъ; они добываютъ свои новости отъ театральныхъ копіистовъ и канцелярскихъ служителей различныхъ присутственныхъ мѣстъ, имѣющихъ касательство къ театру. Но мы съ вами, неимѣющіе чести служить ни въ министерствѣ императорскаго двора, ни въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, но тѣмъ не менѣе любящіе и понимающіе искусство не менѣе городовыхъ рецензентовъ, театральныхъ копіистовъ и канцелярскихъ служителей, мы можемъ только своимъ умомъ доходить до истины. Намъ извѣстно только то, что̀ съ одной стороны было представлено въ театрѣ, съ другой обнародовано въ печати лицами власть имѣющими и лицами власти неимѣющими. Но, подобно Кювье, писавшему о строеніи организма исчезнувшихъ съ лица земли животныхъ на основаніи нѣсколькихъ попадавшихся ему костей, мы можемъ, на основаніи всѣмъ извѣстныхъ фактовъ, воздвигать построенія, какія намъ только заблагоразсудятся, и никто не вправѣ положить преградъ нашему любомудрію, мы оба сгораемъ платонической, но страстною любовью къ театру, оба болѣемъ уязвленнымъ національно-художественнымъ самолюбіемъ, а больные, даже непитающіе никакихъ надеждъ на выздоровленіе, обыкновенно готовы во всякое время долго и пространно толковать о своей болѣзни, также какъ влюбленные о «предметѣ» своей срасти.

И ты несчастенъ! Дай же руку
Начнемъ другъ другу помогать,

говорю я читателю и, заручившись скудными фактическими данными, смѣло пускаюсь въ область произвольныхъ догадокъ и построеній. Конечно, я буду лгать, также какъ и всѣ мои собратья рецензенты, но я буду лгать, такъ сказать, философски, не во вредъ лицамъ, честно заинтересованнымъ въ дѣлѣ, не во вредъ искусству, той ложью, которая не боится свѣта и служитъ разоблаченіемъ правды, скрывающейся во мракѣ.

Различать въ моихъ замѣткахъ ложь отъ правды и были отъ небылицъ предоставляется каждому по желанію и разумѣнію. Я начинаю ab ovo. Всѣмъ извѣстно, что главное управленіе по дѣламъ печати ежегодно высылаетъ въ губерніи списки театральныхъ пьесъ. Пьесы въ этихъ спискахъ раздѣляются на три части: а) *пьесы запрещенныя;* б) *пьесы условно-дозволенныя,* и в) *пьесы безусловно дозволенныя.* Раздѣленныя такимъ образомъ на три разряда въ цензурномъ отношеніи пьесы затѣмъ подвергаются въ литературно-театральномъ комитетѣ дѣленію тоже на три разряда въ отношеніи административно-сценическомъ. Отсюда три новыхъ разряда пьесъ: 1) *пьесы безусловно негодныя*

къ представленію, 2) *пьесы условно негодныя къ представленію* и 3) *пьесы безусловно годныя или превосходныя.*

Замѣчено, что въ большинствѣ случаевъ классификація цензурная находится въ прямомъ отношеніи къ классификаціи комитетской: пьеса одновременно признается комитетомъ безусловно-негодною и заносится цензурою въ списокъ запрещенныхъ; иногда же происходитъ явленіе совершенно непостижимое: двѣ классификаціи становятся между собою въ обратно-пропорціональное отношеніе и на пьесу, признанную комитетомъ превосходной, цензура накладываетъ свое veto.

Я упомянулъ объ этихъ явленіяхъ мимоходомъ; вообще же разборъ цензурной классификаціи пьесъ предоставляю просвѣщенному либерализму газетныхъ гг. чиновниковъ, конечно, несравненно болѣе меня въ этомъ отношеніи компетентныхъ, а самъ останавливаюсь на классификаціи комитетской.

Радуюсь, что могу замолвить за литературно-театральный комитетъ доброе слово. Литература обыкновенно относится къ нему съ невыгодной для него стороны; многіе даже сомнѣвались въ самомъ его существованіи. Я пришелъ къ совершенно новымъ выводамъ.

Комитетъ этотъ дѣйствуетъ, правда, очень хитро, нѣсколько даже поіезуиски, но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно согласиться, чрезвычайно умно и, главное, строго слѣдуетъ разъ навсегда избранной имъ системѣ. По образу дѣйствій его, я бы перемѣнилъ ему только наименованіе: я бы назвалъ его *комитетомъ умыванія рукъ*.

Не буду разбирать, въ какой степени взгляды комитета гармонируютъ съ взглядами цензуры при браковкѣ пьесъ; допускаю и принимаю за непреложный фактъ, что пьесы перваго разряда, конечно самаго многочисленнаго, суть дѣйствительно *пьесы безусловно негодныя къ представленію* и вообще ровно никуда негодныя, хотя нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ и украшаютъ страницы толстыхъ журналовъ, конечно, только въ ущербъ симъ послѣднимъ и никакъ не въ осужденіе театральнаго комитета. Порѣшить, что подобныя пьесы никуда не годятся, вовсе не трудно, и гг. члены комитета, порѣшивъ, могутъ съ чистою совѣстью умывать себѣ руки, такъ-какъ на Руси дѣйствительно существуютъ сочинители, послѣ чтенія произведеній которыхъ умывать руки даже необходимо.

Провести грань между пьесами втораго и третьяго разрядовъ несравненно труднѣе, и вотъ тутъ-то и происходитъ истинно пилатское умовеніе рукъ въ комитетѣ. Комитетъ входитъ въ составъ дерекціи театровъ; но относительно выбора и постановки пьесы комитетъ синонимъ дирекціи. Авторъ говоритъ безразлично: комитетъ принялъ мою пьесу или: дирекція приняла мою пьесу, а недовольная публика въ театрѣ говоритъ прямо: «какъ это дирекція ставитъ такія пьесы», и знать не хочетъ ни о какомъ комитетѣ. Къ голосу публики нынѣ прислушивается

даже почтовое управленіе, подвергшееся извѣстнымъ реформамъ; какъ же не прислушиваться къ этому голосу театральной дирекціи, хотя бы ей и не угрожали никакія реформы—вѣдь публика платитъ деньги. А тутъ еще журналы, газеты! И дирекція прислушивается. И наслушавшись вдоволь всяческихъ порицаній, смѣло и совершенно справедливо отвѣчаетъ публикѣ и журналистикѣ: «что вы, господа, это не я ставила такую-то пьесу! Съ какой стати я буду ставить всякую дрянь; это поставилъ Бурдинъ или Леонидовъ; я ставлю только хорошія пьесы. Вотъ я вамъ «Бориса Годунова» поставила—помните?».

Вотъ откуда, по моему скромному мнѣнію, беретъ начало дѣленіе пьесъ на условно-негодныя и безусловно-годныя къ представленію, и какъ прямое послѣдствіе этого дѣленія—бенефисы. Комитетъ или, что̀ то же, дирекція не хочетъ принимать на себя отвѣтственность за достоинство представляемыхъ въ русскомъ театрѣ пьесъ; комитетъ или, что̀ то же, дирекція умываетъ руки въ дѣлѣ развитія театральнаго искусства въ Россіи и предоставляетъ вѣдать это дѣло двумъ или даже тремъ десяткамъ актеровъ-антрепренеровъ, въ числѣ которыхъ можно назвать и такихъ,

«что даже говорятъ иные пофранцузски»,

но зато и такихъ, которые не умѣютъ грамотно прочесть двухъ русскихъ стиховъ Грибоѣдова или Пушкина.

Изъ всѣхъ русскихъ писателей, живыхъ и умершихъ, кромѣ написанныхъ на потолкѣ Александринскаго театра, конечно дирекція признаетъ только троихъ драматуровъ, кои суть: Александръ Пушкинъ, Семенъ Райскій или, что̀ то же, Константинъ Тарновскій и Викторъ Дьяченко, и только этихъ драматурговъ пьесы считаются дирекціей безусловно годными къ представленію или превосходными. Комитетъ, или что̀ то же, дирекція, конечно, не станетъ возражать мнѣ; да и что̀ можетъ онъ или она возразить. Я говорю на основаніи положительныхъ фактовъ: съ открытія сезона 1870 года дирекція *отъ* себя поставила только три новыя пьесы трехъ названныхъ авторовъ, именно: «Борисъ Годуновъ» Пушкина, «Новое время, старые нравы» Дьяченки и «Тетеревамъ не летать по деревамъ» г. Райскаго. Промелькнулъ еще два, три раза на афишахъ какой-то «Маякъ» въ двухъ дѣйствіяхъ съ англійскаго, тоже поставленный дирекціею, но тутъ очевидно произошло недоразумѣніе, потому что ставить отъ себя пьесу на два, три раза болѣе чѣмъ странно для дирекціи, имѣющей въ своемъ распоряженіи цѣлые шкафы съ пьесами.

Какъ бы то ни было, но съ августа 1870 г., кромѣ «Бориса Годунова», дирекціею поставлены только три пьесы, признаныя ею безусловно-годными къ представленію. Всѣ остальныя, представлявшіяся въ эти два года, какъ равно и всѣ имѣющія быть представленными, комитетомъ или дирекціею признаны за условно негодныя или, пожалуй, условно-годныя, то есть годныя, если

одинъ изъ актеровъ-антрепренеровъ признаетъ ихъ таковыми, возьметъ въ свой бенефисъ, на свой страхъ, и дирекція найдетъ возможность дать ему средство хорошо ихъ обставить, и негодными — если пьесу не возьметъ никто изъ актеровъ-антрепренеровъ, или если возьметъ, но по какимъ бы то ни было причинамъ получитъ отъ дирекціи грошъ на постановку, стоющую десятки тысячъ.

О вкусахъ не спорятъ. Если дирекція ставитъ только гг. Райскаго и Дьяченка, значитъ гг. Райскій и Дьяченко всего болѣе по вкусу дирекціи. Простой зритель, конечно, всегда отдаетъ преимущество вкусу дирекціи, во главѣ которой стоитъ просвѣщенный сановникъ, управляющій также императорскимъ эрмитажемъ, и комитету, состоящему изъ извѣстныхъ ученыхъ и литераторовъ, передъ вкусомъ какого-нибудь актера, можетъ быть очень талантливаго, но конечно не столь просвѣщеннаго, ученаго и литературно-развитаго, и пойдетъ прежде всего смотрѣтъ Райскаго и Дьяченка. Если же, однако, Райскій и Дьяченко его не удовлетворятъ, онъ или вовсе не пойдетъ болѣе въ русскій театръ смотрѣть пьесы, за которыя не отвѣчаетъ даже неудовлетворившая его эстетическимъ потребностямъ дирекція, или пойдетъ только посмотрѣть на своего любимаго актера: какъ это онъ, бѣдный, будетъ одинъ вывозить на своихъ плечахъ какую-нибудь плохую, пошлую пьесу.

Публика стремится въ театръ съ букетами, шубами, самоварами, столовою и кухонною посудою, на бенефисы актеровъ, назначаемые начальствомъ, по большей части за выслугу лѣтъ и хорошее поведеніе, и ровно двадцать-пять разъ въ году дѣлаетъ восторженныя оваціи всѣмъ своимъ талантливымъ любимцамъ, начиная по алфавиту съ г. Алексѣева и оканчивая, по алфавиту-же, г-номъ Яблочкинымъ. Новыя пьесы тутъ ровно не причемъ: главное—шубы и самовары; въ гулѣ неистовыхъ рукоплесканій и вызововъ, награждающихъ г-жу Струйскую и г. Нильскаго, никогда нельзя разобрать даже, имѣла ли пьеса успѣхъ или ошикана. Черезъ день послѣ бенефиса одна газета говоритъ: пьеса провалилась; другая возглашаетъ: пьеса выдержитъ сто представленій, каждая газета, конечно, по своимъ соображеніямъ. Затѣмъ удержится ли пьеса въ репертуарѣ, и если хоть временно удержится, то по какимъ днямъ, съ какими исполнителями, и въ сообществѣ съ какими пьесами будетъ идти, то-есть будетъ ли давать сборы (если не будетъ давать сборовъ, то, конечно, дни ея сочтены) — это ужь зависитъ отъ высшихъ административно-сценическихъ соображеній людей власть имѣющихъ, начиная съ послѣдняго по алфавиту любимца публики, главнаго режиссера г. Яблочкина и восходя по начальству выше и выше.

Актеры-антрепренеры все это очень хорошо знаютъ, и имѣя въ виду, главнымъ образомъ, сборы, шубы и самовары, такъ и дѣйствуютъ, чтобы у нихъ были и сборы, и шубы, и само-

вары. Я не исключаю здѣсь и актеровъ дѣйствительно талантливыхъ, честно и глубоко понимающихъ задачи искусства и добросовѣстно относящихся къ своему дѣлу: и они такъ же дѣйствуютъ; не ихъ вина, если имъ приходится заработывать себѣ кусокъ хлѣба при такихъ субординаціонныхъ отношеніяхъ къ начальству, дѣлающему сборы ихъ талантами, и такихъ крѣпостническихъ отношеніяхъ къ публикѣ, крупные представители которой всенародно бахвалятся передъ остальными зрителями, даже съ своего барскаго плеча шубы и чуть не фраки крупнымъ представителямъ сценическаго искусства въ Россіи. Въ большихъ европейскихъ городахъ, даже въ казенныхъ театрахъ, ни одинъ актеръ не называетъ дирекцію начальствомъ, а что насчетъ господскихъ салоповъ и вышитыхъ юбокъ существуютъ различныя мнѣнія, даже между женщинами, какъ извѣстно, болѣе мужчинъ склонными къ полученію подарковъ,— такъ это даже у насъ въ Петербургѣ не такъ давно доказала г-жа Лавровская.

Актеры дѣйствуютъ, однимъ словомъ, такъ, какъ нужно, можно и должно дѣйствовать тѣмъ, кто не хочетъ, чтобы его силы оставались въ бездѣйствіи, кто хочетъ жить, и слѣдовательно, служить въ Петербургѣ. Но если у дирекціи, располагающей совокупными силами всѣхъ авторовъ, композиторовъ, актеровъ, декораторовъ, машинистовъ и иныхъ сыновъ аполлоновыхъ, есть свой вкусъ, есть даже «влеченье, родъ недуга» къ Дьяченку и Райскому,—тѣмъ паче можетъ быть своя фантазія у актера, однимъ магическимъ звукомъ своего имени привлекающаго въ театръ массы зрителей.

И дѣйствительно, у каждаго актера своя фантазія. «Вѣрители—говорилъ мнѣ недавно неутомимѣйшій театральный поставщикъ—какъ трудно ладить съ господами артистами! Ай, какъ трудно! (Бенефисный подрядчикъ обыкновенно актеровъ называетъ артистами). Вѣдь каждый заботится только о томъ, чтобы ему была хорошая роль въ пьесѣ; да мало того, чтобы хорошая, чтобы была *легкая*, по ихнему «выигрышная», и самое главное, чтобы непремѣнно *лучшая* роль въ пьесѣ, чтобы у всѣхъ остальныхъ были роли совсѣмъ незначительныя, чтобы ему одному хлопали, его одного вызывали. Да еще, если молодой актеръ, да воображаетъ, что недуренъ собой, такъ непремѣнно, чтобы и роль была молодого человѣка, стараго ни за что играть не станетъ, хотя бы роль была «брилліантъ», какъ они выражаются — ni, ni, c'est fini! особенно, если тутъ же будетъ играть другой молодой актеръ, который тоже собой недуренъ. Ну, и потрафляешь ему, изъ кожи лѣзешь, а потрафляешь, хотя богъ его знаетъ, вывезетъ ли, голубчикъ, одинъ всю пьесу. Что-жь станешь дѣлать? *Онъ* не возьметъ въ бенефисъ, *никто* не возьметъ, кромѣ него—такъ и проваляется пьеса въ дирекціи до втораго пришествія. Потому что другому другой товаръ нуженъ. Вѣдь у каждаго изъ артистовъ своя

психологія, логика и эстетика. Вонъ одинъ, очень почтенный артистъ, двадцать лѣтъ бредитъ: напиши ему разбойника Стурдзу съ самаго его малолѣтства, до глубокой старости. И кто-нибудь вѣдь напишетъ, ей-богу. Это, я вамъ скажу, такой народъ! Только я и могу съ ними ладить. Да вотъ вамъ Суворина календарь, стр. 397. Читайте ихъ всѣхъ по алфавиту; каждый свое любитъ и къ каждому принаравливайся. Алексѣевъ, вотъ, напримѣръ, любитъ забористое; Бурдинъ любитъ оглушительное, непремѣнно съ пальбою; Васильевъ больше любитъ старенькое, чтобы ему можно было Щепкина и Мартынова копировать; Виноградовъ любитъ божественное; Зубровъ любитъ умное — это мы, драматурги и рецензенты, такъ ужь привыкли говорить: «умный Зубровъ» — не помню, кто первый сказалъ, только съ тѣхъ поръ — умный, да умный, такъ оно и пошло; Зубовъ любитъ скромное, а вотъ Озеровъ—непремѣнно скоромное; Каратыгинъ—ну, этотъ только свои водевили любитъ, для него я не пишу; Леонидовъ любитъ свирѣпое; Малышевъ—чтобы была тенденція; Монаховъ—чтобы ему были куплеты, только чтобы музыка была необременительная; Марковецкому подавай роль, чтобы въ ней словъ не было: запомнить не можетъ; Нильскій любитъ нелѣпое, даже «Ольгу, русскую сироту», поставилъ съ балетной танцовщицей въ главной роли. Сазоновъ—чтобы всѣ дамы его заслушались; Пронскій—чтобы всѣ дамы на него заглядѣлись; Степанову подавай страшное, а ужь ужаснѣе всѣхъ—это Яблочкинъ, главный нашъ режиссеръ. Поповскіе у него глаза, я вамъ скажу. Заберетъ подъ лапу себѣ всѣ пьесы: баста, говоритъ, никому ничего не дамъ, покуда свой бенефисъ не сооружу. Ну, да этотъ хоть тѣмъ хорошъ, что нагромоздитъ въ одинъ вечеръ десятокъ пьесъ: все и моя какая-нибудь проскользнетъ. То же самое и актрисы. Жулева любитъ роли на половину томныя, на половину язвительныя и чтобы непремѣнно скучныя; Сѣверцова непремѣнно изъ Октава Фёлье или Понсара; Струйская—чтобы ее выносили на сцену мертвою или чтобы съ распущенными волосами въ сумасшествіи бѣгать на сценѣ; Читау—чтобы ей быть княгиней, а ужь генеральшей по меньшей мѣрѣ. Покладистѣе всѣхъ Левкѣева: эта, какъ нашъ г. режиссеръ, все любитъ, то-есть довольствуется тѣмъ, что̀ г. режиссеръ ей пожалуетъ. Истинно говорю вамъ, у каждаго актера своя фантазія. Теперь представьте себѣ, что я написалъ что-нибудь умное...

Я взглянулъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на подрядчика.

— Это я говорю къ примѣру. Написалъ я, положимъ, жалкую драму. Конечно, сейчасъ къ Зуброву; съ руками, думаю, вырветъ. Не тутъ-то и было. «Я, говоритъ, ставлю Гоголя». Слышите: Зубровъ ставитъ Гоголя! Какъ будто Зубровъ можетъ поставить «Ревизора», какъ слѣдуетъ, когда ни актеры, ни начальство наше до сихъ поръ еще не условились, какъ слѣдуетъ понимать «Ревизора» или «Горе отъ ума» и какъ ихъ

слѣдуетъ ставить. Ну, и возобновляютъ каждый годъ безъ всякаго толку и съ каждымъ разомъ все хуже и хуже, потому что уцѣлѣвшія словесныя преданія все болѣе и болѣе забываются, а взглянуть на безсмертныя творенія Гоголя и Грибоѣдова, какъ на историческіе памятники, къ которымъ слѣдуетъ относиться, такъ-сказать, набожно — никому и въ голову не приходитъ.

Я уже сталъ смотрѣть на поставщика съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, но онъ тотчасъ же продолжалъ:

— Да и на кой чортъ ставить Грибоѣдова и Гоголя! Только хлѣбъ у нашего брата отнимаютъ! Спрашивается: куда мнѣ дѣваться съ моею умною пьесою, когда Зубровъ не беретъ? Зуброву, конечно, все-равно. Ему нужно только, чтобы въ газетахъ напечатали: «умный Зубровъ поставилъ въ свой бенефисъ «Ревизора». Честь и хвала умному Зуброву». А я-то куда дѣнусь съ моей умной пьесой?

— Какъ куда? Помилуйте, да какой же актеръ отъ умной пьесы откажется?

— Ахъ, какой вы странный! Да вѣдь я же сейчасъ вамъ докладывалъ, что каждый актеръ только своимъ товаромъ торгуетъ и свой товаръ только и покупаетъ. Вѣдь и Зуброву умная пьеса нужна, только потому, что онъ состоялъ когда-то на амплуа резонера. А болѣе никому ничего умнаго не нужно. Опять только главная надежда на нашего г. режиссера. Въ числѣ десяти разныхъ пьесъ проскочитъ и моя умная.

— Въ числѣ десяти? Драма?

— Конечно, не безъ аккомодацій. Онъ попроситъ меня только немножко посократить мою драму въ шести дѣйствіяхъ и двадцати-трехъ картинахъ, съ прологомъ и эпилогомъ, сдѣлать изъ нее небольшой водевильчикъ въ одномъ дѣйствіи, непремѣнно съ куплетами, и не длиннѣе, какъ на четверть часа представленія.

— Водевильчикъ? Изъ драмы?

— Что̀-жь прикажете дѣлать, когда иначе нѣтъ сбыту? И сдѣлаю водевильчикъ изъ драмы, потому что г. режиссеръ человѣкъ нужный. Только ужь я теперь знаю, какъ распоряжусь. Когда я сокращу свою драму въ водевильчикъ, я ее самъ себѣ вслухъ прочту, дѣлая извѣстныя паузы при входахъ и выходахъ и положивъ передъ собою на столъ часы. Какъ только замѣчу, что прошло семь минутъ, сейчасъ же, въ какомъ бы мѣстѣ пьесы это ни пришлось, хотя бы всѣ персонажи были на лицо, прерываю монологи, разговоры, или что̀ тамъ придется, даже куплетъ обрываю на третьей строчкѣ, ставлю черту и подписываю на поляхъ: *всѣ уходятъ. Конецъ перваго дѣйствія.*

— Но зачѣмъ же и безъ того крошечную пьеску дѣлить на два акта? Какое же это дѣйствіе можетъ разыграться въ теченіе семи минутъ?

— У насъ все можетъ! Семь минутъ еще много! Сходите-ка посмотрѣть нашъ классическій водевиль «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ», ветерана нашего Куликова, гдѣ еще такъ изящно-уморителенъ Сазоновъ. Пьесса, батюшка, въ трехъ дѣйствіяхъ, съ перемѣнами декорацій, а продолжается всего 20 минутъ съ антрактами—хоть по часамъ наблюдайте. Полагая по три минуты на антрактъ, приходится аккуратно 4 минуты и 40 секундъ на каждое дѣйствіе. За то ужь, помимо всѣхъ ея достоинствъ—это драгоцѣнная пьеска; ее хоть каждый день можно ставить—выдерживаетъ, кажется, ужь 3,947 представленіе. И все-таки въ 3-хъ дѣйствіяхъ. А вѣдь бородачъ, какой-нибудь лавочникъ, прежде чѣмъ въ театръ поѣдетъ, по пальцамъ сочтетъ, сколько будетъ дѣйствій представлено, чтобы не даромъ заплатить деньги.

— Да зачѣмъ же вамъ-то уродовать вашу и безъ того изуродованную пьесу, зачѣмъ дѣлить?

— Какъ зачѣмъ? Да вѣдь за одноактныя пьесы дирекція не даетъ поспектакльной платы, хотя бы ихъ новѣйшій Шекспиръ написалъ. Вотъ мы и изловчились. Что̀ же дѣлать, когда иначе нельзя? Напишу въ половинѣ пьесы: конецъ перваго дѣйствія, и несу къ режиссеру. Ужь онъ это дѣло понимаетъ. Только ухмыльнется, очки поправитъ—и ничего.

— Ладно, скажетъ: въ двухъ дѣйствіяхъ, такъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Да еще собственноручно каждое дѣйствіе озаглавитъ. Вѣдь оно и ему лучше: все-таки афиша выходитъ сложнѣе и разнообразнѣе, а слѣдовательно и доходнѣе.

— Удивительно!

— Ничего нѣтъ удивительнаго. Этотъ фортель придумалъ Дьяченко, въ прошломъ году, не помню ужь въ чей бенефисъ.

Ловкій сочинитель этотъ Дьяченко. Все писалъ драмы да комедіи, а какъ пошли оперетки, и риѳмы сталъ подбирать. Истинный талантъ на все способенъ. Первый опытъ его въ этомъ родѣ называется «Три телеграммы» вод. *въ 2 д.*, и удался какъ нельзя лучше. Сценическое дѣйствіе въ полномъ разгарѣ, Марковецкій смѣшитъ, Сазоновъ смѣшитъ, но вотъ капельмейстеръ замѣчаетъ, что часовая стрѣлка приближается къ условнымъ семи минутамъ; онъ сейчасъ легонько, и для однихъ только актеровъ слышно постукиваетъ палочкой. Въ одну секунду всѣ какъ угорѣлые бѣгутъ со сцены и оркестръ разражается двумя, тремя тэмпами какого нибудь вальса. Занавѣсъ при этомъ не спускается. Зрители недоумѣваютъ, только завсегдатаи развѣ догадываются, что первое дѣйствіе кончилось и отправляются въ буфетъ. Но едва успѣютъ они выпить по рюмкѣ водки, закусить, раза два затянуться и воротиться въ кресла, какъ уже передъ ними опускается занавѣсъ послѣ втораго и послѣдняго дѣйствія. Это геніальное изобрѣтеніе Дьяченко, и оно непремѣнно привьется.

И теперь ужь нашлись подражатели. Въ нынѣшнемъ году въ бенефисъ Струйской поставленъ такой раздробленный водевиль подъ названіемъ «Въ погонею за прекрасной Еленой». Тутъ ужь актеры такъ неожиданно бѣгутъ со сцены по миновaніи семи минутъ, что даже завсегдатаи не догадываются—чрезвычайно даже комично выходитъ. Лейкинъ, говорятъ, тоже раздѣлилъ всѣ свои апраксинскіе діалоги на два темпа. Я вотъ тоже думаю сочинить 365 двухтемпныхъ водевильчиковъ.

— Врядъ ли, однакожь, публика за это поблагодаритъ васъ или г. Лейкина.

— Публика! ха, ха, ха! Да развѣ мы публикѣ служимъ? Актеры публикѣ служатъ? Актеры служатъ начальству, а мы, т.-е. я, Викторъ Александровъ, Лейкинъ, Дьяченко, мы служимъ Алексѣеву, Бурдину, и т. д. всѣмъ 25 талантливымъ любимцамъ публики. Раздробляя недѣленную пьесу на два акта, я оберегаю карманъ бенефиціанта и за это, если только онъ артистъ вліятельный, онъ употребляетъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы мою пьесу представляли чаще, чтобы мое безкорыстіе было достаточно вознаграждено поспектакльною платою. Еще бы! Вѣдь я ему не букетъ или не кострюлю преподношу въ бенефисъ, а дарю покрайней мѣрѣ шестьдесятъ рублей. На, голубчикъ, но старайся же и для меня.

— Позвольте, я что-то не понимаю...

— Я вамъ сейчасъ объясню. Это математически-вѣрный разсчетъ—вѣдь у насъ все основано на математикѣ. Надо вамъ замѣтить, что дирекція разъ навсегда положила, что порядочный человѣкъ одноактныхъ пьесъ писать не станетъ; если-же нѣкоторые свѣтскіе люди, посвящающіе свои досуги бесѣдѣ съ музами, и даютъ ей одноактныя пьесы, то даютъ обыкновенно gratis. Вслѣдствіе этого умазаключенія деркціи, одноактныя пьесы и предоставлено сочинять капельдинерамъ, какъ это и было замѣчено въ какой-то газетѣ. Вознагражденіе, конечно, полагается самое скаредное, именно: 71 рубль со штуки, хотя бы штуку, какъ напримѣръ, какого нибудь «Живчика» давали милліонъ разъ и три поколѣнія артистовъ выучились по ней театральной рутинѣ. Но и этого несчастнаго гонорарія авторъ почти никогда не получитъ и въ большинствѣ случаевъ ему приходится всего только тридцать-пять рублей съ полтиной. Дирекція, видите-ли, до того озлоблена на одноактныя пьесы, что больше тридцати-пяти рублей не хочетъ платить, и все тутъ. Остальную половину, слѣдующую по положенію, взыскивай, если хочешь, съ актера. Это не что иное, какъ косвенное запрещеніе на одноактныя пьесы. Дирекція употребляетъ всѣ мѣры, чтобы хорошихъ одноактныхъ пьесъ не было, и дѣйствительно съ незапамятныхъ временъ хорошихъ одноактныхъ пьесъ на сценѣ не появляется. Какъ я буду взыскивать съ «бѣднаго артиста» тридцать-пять рублей, когда и богатой дирекціи таковая оцѣнка не по средствамъ; вѣдь какъ бы ни былъ

богатъ артистъ, все-таки сравнительно съ дирекціею онъ «бѣдный артистъ». Вотъ раздробленіемъ недѣлимаго я и оказываю и себѣ и артисту двойную услугу. Со второго же представленія я стану получать поспектакльную плату и вмѣсто несчастныхъ тридцати-пяти рублей, получу въ нѣсколько лѣтъ за сто представленій—а подобныя пьески-малютки сто представленій всегда выдерживаютъ—получу 2,300 или 2,200 рублей, по 23—22 р. за представленіе, а бенефиціантъ къ двумъ или тремъ тысячамъ своего сбора получитъ еще отъ меня, какъ я уже вамъ докладывалъ, добавочныхъ шестьдесятъ рублей, т.-е. не заплатитъ мнѣ, какъ бы слѣдовало, за одноактную пьесу половинныхъ тридцати-пяти съ полтиною рублей, да за первое представленіе получитъ вмѣсто меня поспектакльную плату.

— Какъ получитъ вмѣсто васъ поспектакльную плату?

— Да съ какой-же стати бѣдный артистъ будетъ ставить въ свой бенефисъ, т.-е. въ свою пользу пьесу моего сочиненія или перевода, если онъ не получитъ, вмѣсто меня, поспектакльную плату? Вы, я вижу, совсѣмъ не понимаете театральныхъ правилъ. Вѣдь если ни одинъ артистъ не возьметъ въ свой бенефисъ моей пьесы, такъ она никогда и не пойдетъ: долженъ же я быть ему за услугу признательнымъ. Новички и нѣкоторые литераторы этого разсчета не понимаютъ; оттого имъ и не удается во всю жизнь поставить болѣе двухъ или трехъ пьесъ. На что ужь Островскій, которымъ, по мнѣнію литературы, должны бы дорожить и актеры и дирекція—и тотъ постоянно жертвуетъ поспектакльныя за первое представленіе бенефиціанту, хотя его пьесы по большей части не выдерживаютъ и десятой доли представленій, сравнительно съ нашими, съ моими, съ пьесами Виктора Александрова, Тарновскаго, Павла и Михаила Ѳедоровыхъ [1], Дьяченка и пр., однимъ словомъ съ «*нашими*». Это ужь не нами началось, не нами и кончится. На этомъ все колесо вертится.

— Я рѣшительно не понимаю. Дирекція вмѣсто приличнаго гонорарія за хорошую одноактную пьесу платитъ значительныя суммы за ту же пьесу, изуродованную раздробленіемъ на два акта, какъ неразсчетливый баринъ-помѣщикъ, неумѣющій свести прихода съ расходомъ; авторъ, иногда извѣстный и даровитый, имѣющій въ перспективѣ не болѣе пяти или десяти представленій, если пьеса будетъ дурно разыграна, жертвуетъ десять и двадцать процентовъ въ пользу актера, получающаго въ бенефисъ, за трудъ этого автора, между прочимъ, по нѣскольку тысячъ; актеры, служащіе начальству, авторы прислуживающіе актерамъ; капельдинеры, сочиняющіе одноактныя пьесы...

---

[1] Покорнѣйше прошу гг. театральныхъ отмѣтчиковъ имѣть въ виду, что при этомъ сопоставленіи именъ со словъ подрядчика, я ничуть не мнилъ возвышенія Михаила на счетъ Павла или униженія Павла на счетъ Михаила.

— Кто же будетъ сочинять одноактныя пьесы, кромѣ капельдинеровъ? Да вотъ вамъ: вы, конечно, знаете литератора и купеческаго внука Ищейкина, вотъ что прославился своими «Бакалейными очерками». Ну-съ, вотъ сунулся-было этотъ Ищейкинъ въ нашъ «заколдованный домъ» со своими одноактными пьесами, лучше сказать спасосѣнновскими діалогами, comedies-proverbes изъ мучнаго лабаза. Переписалъ онъ, какъ слѣдуетъ, свою первую пьесу въ четырнадцати экземплярахъ и представилъ, какъ подобаетъ, по начальству при прошеніи на установленной гербовой бумагѣ и съ приложеніемъ учрежденныхъ пошлинъ и формулярнаго списка. Начальство благосклонно отмѣтило карандашемъ на поляхъ «71 р. 50 коп.». Въ режиссерской навели глянцу на этотъ карандашъ, чтобы не стерся. Представили эту его провербу въ бенефисъ одного изъ любимцевъ публики; посмѣялась публика и надъ пьесою и надъ ея авторомъ — все однако сошло благополучно и Ищейкинъ получилъ всю опредѣленную сумму полностію — половину съ дирекціи, половину съ бѣднаго бенефиціанта. Написалъ онъ еще провербу и отдаетъ одной изъ нашихъ дамъ въ бенефисъ. Дама и говоритъ ему: «такой талантливый человѣкъ какъ вы, мсьё Ищейкинъ, и получаетъ только 71 рубль со штуки; нѣтъ, говоритъ, вашъ прекрасный талантъ стоитъ сто рублей, и я вамъ устрою, что впередъ вамъ будутъ платить постоянно по сту рублей за каждую вашу провербу». Ищейкинъ обрадовался, будто первый чинъ получилъ. «Только, продолжаетъ ему напѣвать дама, хоть я это вамъ теперь же устрою, но по сту рублей вы будете получать не съ моего, а съ слѣдующаго бенефиса. Я сейчасъ же подамъ рапортъ начальству объ увеличеніи вашего оклада съ 70 рублей на 100, т.-е. 50 рублей съ дирекціи, 50 рублей съ бенефиціанта на предбудущее время; но съ меня за эту важную услугу вы ужь возьмите на этотъ разъ только 20 рублевиковъ. Все равно: вы получите 50 рублей съ дирекціи, 20 съ меня, все тѣ же ваши 70 рублей, какъ и за первую пьесу. А за то на будущее время—сто рублей! сто рублей! сто рублей!» Ищейкинъ совершенно растаялъ. Онъ мнѣ это самъ разсказывалъ. «Такая, говоритъ, любезность, внимательность, и со стороны такой вліятельной дамы. Просила только, говоритъ, въ секретѣ держать». Еще бы не въ секретѣ! Дама на счетъ этого простофили 15 р. 75 коп. нажила—пакость и мелочь, конечно, но на перчатки годится. Сошло и на этотъ разъ благополучно: публика посмѣялась надъ пьесою и надъ авторомъ и Ищейкинъ получилъ ровно 70 рублей, только полутора рублишка меньше чѣмъ слѣдовало. Къ слѣдующему бенефису, въ качествѣ сторублеваго драматурга, проситъ онъ очередного любимца публики дать ему ложу: «хочу, говоритъ, своихъ стариковъ и молодцовъ изъ дядюшкина лабаза потѣшить». Очередной любимецъ далъ ему самую помѣстительную и спокойную литерную ложу

9-го яруса, куда никакой ревъ Леонидова не досягаетъ. И на этотъ разъ публика посмѣялась и надъ пьесою и надъ авторомъ, но пекуніарныя соображенія Ищейкина не оправдались. Секретъ между нимъ и вліятельною актрисою вышелъ наружу— закулисные секреты всегда почти выходятъ наружу. Очередной любимецъ и сравнительно съ вліятельною дамою дѣйствительно-бѣдный артистъ не далъ ему даже заикнуться о деньгахъ: «коли ежели ты, говоритъ, съ нее взялъ только двадцать цѣлковыхъ, такъ съ меня брать деньги тебѣ грѣшно и стыдно. Я, также какъ и ты, живу своимъ талантомъ, слѣдовательно и не долженъ платить тебѣ ни копѣйки». Видите, какая своеобразная логика! Волей-неволей однако Ищейкинъ подчинился этому рогатому силлогизму. «Все-таки, думаетъ, съ дирекціи получу 50 рублей, да литерная ложа въ бенефисъ 25 рублей стоитъ; тѣ же 75». Вышло, однако, тѣ же да не тѣ. Приходитъ Ищейкинъ въ контору за полученіемъ талона. Тамъ ему чиновникъ сейчасъ вотъ какой сдѣлалъ разсчетецъ: «За новую вашу пьесу, говоритъ, вамъ слѣдуетъ 35 р. 75 коп....

— Какъ? возразилъ Ищейкинъ:—мнѣ сказала госпожа...

— Вамъ было ассигновано прошлый разъ 50 рублей безъ доклада высшему начальству, разрѣшенія котораго на увеличеніе вашего оклада не послѣдовало, а потому изъ слѣдующаго вамъ нынѣ вознагражденія отчисляется въ приходъ по книгѣ партикулярныхъ суммъ неправильно-передержанные 14 рублей 25 коп. Затѣмъ остающіеся 21 р. 50 к....

Ищейкинъ было-протянулъ руку, но чиновникъ легонько ударилъ его по пальцамъ и продолжалъ:

«Остающіеся 21 р. 50 коп. слѣдуютъ на замѣщеніе по книгѣ сборовъ и выписаны въ расходъ по книгѣ непринадлежащихъ суммъ по счету, представленному актеромъ Z, въ погашеніе вашего долга за нанятую имъ для васъ въ его пользу, т.-е. въ его бенефисѣ ложу девятаго яруса литера ѳита за 25 рублей. Ищейкинъ поблѣднѣлъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ, заключилъ штатный канцеляристъ Мелькошель свою сентенцію, на случай невнесенія вами въ двадцать-четыре часа недостающихъ трехъ рублей пятидесяти коп., сообщено судебному приставу о немедленномъ наложеніи повсемѣстнаго запрещенія на ваше недвижимое имущество, и одновременно мѣстной полиціи о также немедленной описи и продажѣ вашей движимости, и еслибы таковой на сумму трехъ рублей пятидесяти коп. не оказалось, о личномъ задержаніи вашемъ.

— Этого не могло быть, замѣтилъ я подрядчику:—это анекдотъ.

— Какъ хотите, но изъ «дѣла о взысканіи съ купеческаго внука Ищейкина 3 р. 50 к., недоданныхъ имъ за наемъ ложи девятаго яруса литера ѳита», хранящагося въ театральномъ архивѣ въ шкафу, литера ижица, за № 3,002,900,000,001, вы

легко усмотрите, что писать одноактныя пьесы даже небезопасно. Примѣръ для молодыхъ людей поучительный.

— Поучительный!

— Зачѣмъ лѣзутъ? Несчастныхъ десяти тысячъ [1], отпускаемыхъ на процвѣтаніе драматическаго искусства въ Петербургѣ, недостаетъ даже намъ, оффиціознымъ, такъ сказать, драматургамъ, или, какъ вы называете, подрядчикамъ. Всѣ-то эти десять тысячъ раздѣлить на пять, придется всего по двѣ тысячи на брата. А вѣдь нужно еще изъ нихъ бросить Островскому, чтобы литература не выла, тысячи полторы, да на начинающихъ авторовъ положить примѣрно 500 рублей, да рецензентамъ вліятельныхъ вѣдомостей и уличныхъ листковъ, поставляющимъ каждый годъ по три, по четыре пьесы—кладите 1,500 рублей. А тамъ еще Куликовъ, Бурдинъ, Каратыгинъ—тоже вѣдь «свои люди», каждый не менѣе двухъ пьесъ поставитъ—кладите еще 1,500. Да тамъ еще разные сумасшедшіе литераторы лѣзутъ, кладите 500 рублей на ихъ всѣхъ. Что же намъ остается? По тысячѣ рублей на брата — и того меньше. Только и сводишь концы съ концами тѣмъ, что заберешь себѣ добрую треть бенефисовъ въ обѣихъ столицахъ, ну съ двухъ городовъ и выйдетъ тысячи три въ годъ. А вы думали, мы невѣсть какіе доходы получаемъ. Истинно говорю вамъ: одинъ Нальскій, съ разовыми да съ бенефисами получитъ въ годъ болѣе, чѣмъ всѣ драматическіе писатели вкупѣ. Вотъ и идетъ, даже между нами, оффиціозными драматургами, постоянная скачка съ препятствіями. Каждый норовитъ, чтобы ни одного бенефиса не прошло безъ его пьесы: хоть лиллипутика въ двухъ пріемахъ поставитъ, все-таки 22, 23 лишніе рубля въ недѣлю, мѣсяца на

---

[1] Авторскій трудъ въ нашихъ театрахъ вообще вознаграждается плохо, по положенію, составленному еще въ 1824 году. Между тѣмъ какъ въ Парижѣ въ сезонъ 1869—1870 г. при сборѣ, напримѣръ, Théatre Français 1.012,313 фр. 42 с., авторское право составило 122,087 фр. 15 с., т.-е. болѣе 12% (Figaro), въ русскомъ театрѣ при сборѣ 1870 г. въ 264,200 рублей, авторы ни въ какомъ случаѣ не получили болѣе 10,000 рублей—съ достовѣрностью можно сказать, что авторскій гонораръ вообще не превышаетъ 4%. Выводъ этотъ вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній: 1) дирекція платитъ только живымъ авторамъ; 2) за одноактныя пьесы вовсе не платится, или платится незначительное единовременное вознагражденіе, относимое на половину на счетъ актеровъ-бенефиціантовъ; 3) наибольшая плата по 2-му разряду (пьеса перваго разряда въ 5 д. въ стихахъ почти не пишется и не ставится) составляетъ пятнадцатую часть съ двухъ третей сбора, слѣдовательно, среднимъ числомъ съ 900 рублей полнаго сбора 40 рублей, или около 4½%. Процентъ этотъ значительно уменьшится, если возьмемъ пьесы умершихъ авторовъ и одноактныя пьесы и примемъ въ соображеніе плату за пьесы 3 и 4 разрядовъ только въ 30 и 20 рублей. Такимъ образомъ гонораріи русскаго автора въ петербургскихъ столичныхъ театрахъ выразился цифрою, колеблющеюся между 3 и 4%. Съ общаго сбора 1870 г. 264,000 это составитъ отъ 7,920 р. до 10,560 р. Вотъ приблизительно вѣрный разсчетъ оплачиваемости авторскаго труда въ Петербургѣ.

два. Тутъ ужь идутъ такія интриги, что я вамъ и разсказывать не стану—Богъ васъ знаетъ, вы еще пожалуй напечатаете. Вонъ Викторъ Александровъ такъ умудрился, что даже пьесы ошиканныя или выдержавшія не болѣе 3-хъ, 4-хъ представленій, черезъ нѣсколько лѣтъ въ бенефисы ставитъ «въ первый разъ по возобновленіи». Въ нынѣшнемъ году, напримѣръ, всего только было еще три бенефиса, а онъ успѣлъ ужь поставить три пьесы: двѣ старыхъ «Противъ теченія» и «Чайный цвѣтокъ»—(«Чайный цвѣтокъ» всего только три раза давали) и одну новую — «Въ погоню за Прекрасной Еленой»,— говорятъ, по крайней мѣрѣ, что эта пьеса принадлежитъ ему. Гдѣ-то было даже напечатано...

— Развѣ можно въ печати разоблачать анонимы?

— У насъ все можно. У насъ, если только, напримѣръ, увидятъ васъ въ Михайловскомъ театрѣ, сейчасъ же какой нибудь репортеръ напечатаетъ: такой-то, молъ, перевелъ съ французскаго такую-то пьесу—на какой пьесѣ засталъ васъ, ту и валяетъ. А вы и не думали ничего переводить. Или увидитъ рукопись вашей пьесы гдѣ нибудь въ канцеляріи: на рукописи для начальства вы, конечно, выставляете ваше имя и адресъ по положенію, а подписывать имя на афишѣ вы бы, можетъ быть, вовсе не желали. Извините: какъ только репортеръ увидѣлъ, на другой же день отпечатаетъ; вамъ ужь и неловко це выставлять имени на афишѣ, точно вы отрекаетесь отъ пьесы. Какіе у насъ анонимы и псевдонимы — вѣдь у насъ дѣло не литературное, а казенное. И когда литературный элементъ будетъ окончательно и безповоротно вытѣсненъ казеннымъ, только тогда театръ получитъ то образовательное значеніе, о которомъ всѣ толкуютъ. Потому что, кому же и вѣдать потребности публики и средства театра, какъ не намъ, театральнымъ чиновникамъ и поставщикамъ? Мы воспитываемъ и публику, и актеровъ, и авторовъ. Мы, вопервыхъ, пишемъ цензурно, а если и пустимъ какую нибудь рѣзкую выходку противъ камелій, то сейчасъ же и противопоставимъ ей добродѣтели идеальной «простушки». Мы приводимъ къ одному знаменателю Шекспира съ Дьяченкомъ, новѣйшаго французскаго драматурга-отрицателя съ благонравнымъ Куликовымъ, мы самоновѣйшіе сценическіе пріемы пріурочиваемъ къ нашимъ стариннымъ, освѣщеннымъ вѣками преданіямъ. Мы вынимаемъ изъ французскихъ пьесъ душу живую и вливаемъ въ нее нашъ русскій духъ, вѣрнѣе выразиться, духъ александринскаго театра. Въ нашей химической лабораторіи опасныя идеи переработываются въ легенькія фразы, смѣлыя драматическія положенія въ безсодержательные, но трескучіе эффекты, рѣзкія комическія обличенія въ двусмысленности, хоть и грязненькія, но ни для кого не обидныя, мелодическіе мотивы въ дубовыя, но за то каждому писарю понятныя вирши. Мы крошимъ и растираемъ мысли, растворяемъ ихъ въ прѣсной во-

дѣ воскресной морали, соединяемъ преступленіе съ наказаніемъ въ обличительно-уголовныхъ куплетахъ и монологахъ. Мы аптекаря, мы алхимики, мы жрецы черной магіи и кабалистики...».

Наивная откровенность подрядчика мнѣ надоѣла и я съ нимъ раскланялся.

«Ну, что̀ скажешь ты теперь?» спрашиваю я у своего сосѣда-читателя.

Сверхштатный рецензентъ.

НАШИ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДѢЛА.

Читателю, конечно, извѣстно, что у насъ, въ самомъ близкомъ будущемъ, ожидается новая, очень важная реформа въ крестьянскомъ самоуправленіи, которое оказалось мало пригоднымъ, хотя реформа, его вызвавшая, введена всего съ небольшимъ лѣтъ десять тому назадъ. Петербургская особая коммисія, подъ начальствомъ сенатора, разъѣзжала недавно по разнымъ губерніямъ и уѣздамъ и на мѣстахъ разузнавала, хороши ли, или плохи наши крестьянскіе волостные суды, и не требуется ли ввести какой-нибудь еще новой реформы въ эту нестарую реформу.

О дѣйствіяхъ и результатахъ, добытыхъ коммисіей, мы покуда имѣемъ еще свѣдѣнія самыя скудныя, да едва-ли и сама коммисія, при непрерывныхъ разъѣздахъ съ мѣста на мѣсто, успѣла придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ выводамъ, къ которымъ она, вѣроятно, придетъ уже въ Петербургѣ, отдохнувши послѣ утомительнаго путешествія по нашимъ проселочнымъ дорогамъ, если она, при своихъ осмотрахъ, не избѣгаетъ этого рода путей сообщенія. Изъ кое-какихъ корреспонденцій мы узнали только, что въ какомъ-то волостномъ правленіи членъ коммисіи г. Неклюдовъ встрѣтилъ безобразно-пьянаго старшину и судей и собственною властью выпустилъ будто бы арестованныхъ изъ правленской *коптилки*, но и такое неважное извѣстіе оказалось, однакоже, преждевременнымъ. Изъ другой корреспонденціи мы узнали, что старшина вовсе не былъ пьянъ, а если онъ и говорилъ нескладно и безсвязно — точно пьяный, — то у него ужь и у трезваго обычай такой — выражаться нескладно. По показанію мѣстнаго корреспондента, этотъ старшина — человѣкъ въ высшей степени распорядительный и даже, можно сказать, очень талантливый и трезвый, но говоритъ онъ дѣйствительно нескладно, безсвязно, точно пьяный до безпамятства. Такъ-какъ подобные господа нерѣдко

встрѣчаются и на мѣстахъ поважнѣе волостныхъ старшинъ, то мы охотно вѣримъ разъясненію мѣстнаго корреспондента.

Кажется, можно разсчитывать, что шестичленная петербургская коммисія успѣетъ наконецъ вполнѣ ознакомиться съ положеніемъ крестьянскихъ судовъ и изучить мѣстные обычаи и нравы народа, которые до сей поры еще такъ мало намъ извѣстны, хотя о нихъ писали у насъ немало.

Просвѣщенные петербургскіе члены коммисіи изучаютъ мѣстные обычаи, на которыхъ основываются рѣшенія крестьянскихъ судовъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла и чрезвычайно старательно. Передъ пріѣздомъ члена въ волостное правленіе, туда прежде всѣхъ скачетъ мѣстный исправникъ, становой приставъ и мировой посредникъ, которые предварительно созываютъ всѣхъ судей, старшинъ, добросовѣстныхъ и т. п., приказывая имъ, разумѣется, прилично одѣться и, вообще, нѣсколько подготовиться къ разъясненію лично петербургскому чиновнику мѣстныхъ обычаевъ. По пріѣздѣ члена въ правленіе, начинаютъ выписывать изъ книгъ волостнаго суда: пишетъ мѣстный волостной писарь, пишетъ помощникъ члена и членскіе писаря, а самъ членъ въ это время разспрашиваетъ стариковъ: «довольны ли они, сѣкутъ ли или не сѣкутъ» и т. п., на что старики съ полной откровенностью отвѣчаютъ: «довольны, молъ, ваше превосходительство! Сѣчемъ, какъ нашего брата не сѣчь?» — и т. п. На полный осмотръ правленія требуется часа два — этого вполнѣ достаточно, потому что, въ присутствіи исправника, мирового посредника и всякаго начальства, мужикъ всегда дѣлается развязнѣе и на всѣ вопросы отвѣчаетъ бойко. Въ эти 120 минутъ для изученія мѣстныхъ обычаевъ, входитъ еще пояснительное слово, которое постоянно произносится однимъ изъ членовъ — г. Заруднымъ передъ самымъ приступомъ къ разспросамъ и предъ ревизіею книгъ. Всѣ, сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія, взяты изъ газетныхъ кореспонденцій въ «Голосѣ», «Русск. Мірѣ», «Русскихъ и Петерб. Вѣд.». Судя по рѣчи, приведенной недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», ее трудно не понять даже самому безтолковому крестьянину, потому что въ ней не заключается ничего такого, что̀ не было бы заранѣе извѣстно каждому крестьянину. «Предоставляя сельскимъ обществамъ, въ виду особенностей ихъ быта — разъясняетъ ораторъ — важное право выбора изъ среды своей волостныхъ судей (чего ныньче уже ни одно другое сословіе не имѣетъ), законъ, конечно, подразумѣвалъ, что сельское населеніе обдуманно и дѣльно отнесется къ этому своему праву и будетъ выбирать судей если не всегда и не вездѣ грамотныхъ, такъ-какъ въ сельскомъ населеніи, по особенностямъ его трудовой, земледѣльческой жизни, грамотность вообще мало развита, то по крайности людей честныхъ и здравомыслящихъ, и, во всякомъ случаѣ, понимающихъ обязанность всякаго судьи карать виновныхъ и ограждать невинныхъ...»

«Надзоръ надъ дѣятельностью волостныхъ судовъ, законъ предоставляетъ мировому посреднику, который, буде усмотритъ въ рѣшеніи суда явную противозаконность, какъ, напримѣръ, превышеніе власти, и т п., обязанъ представить о томъ съѣзду мировыхъ посредниковъ. Вообще мировой посредникъ, по мысли закона, представляется не только ближайшимъ начальникомъ, но и руководителемъ сельскаго управленія; онъ не только приводитъ въ дѣйствіе законъ, но и разъясняетъ его истинный смыслъ; въ посредникѣ крестьяне находятъ просвѣщеннаго наставника, проливающаго свѣтъ въ неграмотныхъ слояхъ сельскаго населенія. Всякому здравомыслящему крестьянину должна быть ясна какъ день вся мудрость только-что объясненныхъ законовъ объ устройствѣ и дѣятельности волостныхъ крестьянскихъ судовъ.

Осмотръ волостей далъ себя знать и посредникамъ, которые уже успѣли поотвыкнуть отъ всякаго кропотливаго занятія, такъ-какъ никакихъ занятій нынче отъ нихъ уже не требуется. Коммисія, вполнѣ сознавая, что она въ теченіе недѣли не въ силахъ основательно изучить мѣстные обычаи, разослала къ посредникамъ печатные бланки съ слѣдующими запросами, на которые необходимо было отвѣчать немедленно:

А.			В.		
Число уголовныхъ дѣлъ.			Число дѣлъ, по которымъ начато преслѣдованіе.		
Общее число дѣлъ.	Въ томъ числѣ о кражахъ и мошенничествѣ.	Объ оскорбленіи властей.	По жалобѣ обиженнаго или пострадавшаго.	По требованію волостнаго старшины и другихъ властей.	По извѣщенію свидѣтелей преступленія и другихъ лицъ.
№ 1.	2.	3.	4.	5.	6.

Призадумались наши мировые посреднички. У иного было въ завѣдываніи 14—15 волостей, слѣдовательно, приходилось перечитать книгъ по полутораста писарской руки: какъ быть съ такой бѣдой? Порѣшили, впрочемъ, очень просто, какъ и всегда поступаютъ у насъ со статистикой, которой заморскіе чудаки придаютъ какое-то особенное значеніе. Послали немедленно таблички къ волостнымъ писарямъ и приказали имъ исполнить статистическую задачу немедленно, а писарь—дѣло извѣстное — ни надъ какимъ головоломнымъ дѣломъ не задумается! Ну, и получались, разумѣется, къ назначенному сроку таблички, въ которыхъ общее число дѣлъ въ такомъ-то году выражалось цифрой 30 или 40, а въ отдѣльности выходило всего пять или шесть. Повторилось то же самое, что̀ и съ уставными граматами: всей земли числилось 100 десятинъ, а въ томъ числѣ удобной 35 и неудобной 270 съ саженями, да лѣсу еще малая толика, разумѣется негоднаго.

Впрочемъ, по возвращеніи въ Петербургъ, члены коммисіи, на досугѣ, разберутъ всѣ привезенныя свѣдѣнія, и выработаютъ изъ нихъ нѣчто стройное, а покуда, какъ мы слышали изъ «достовѣрныхъ источниковъ», члены убѣдились только въ одномъ: *въ необходимости сохранить при волостныхъ судахъ наказаніе розгами.* Потерявши надежду получить отъ «стариковъ», при разспросахъ, какія-нибудь положительныя свѣдѣнія о мѣстныхъ юридическихъ обычаяхъ, члены коммисіи все свое вниманіе сосредоточили на *вопросѣ* о розгахъ, на этомъ нашемъ вѣчно-юномъ, неразрѣшимомъ восточномъ вопросѣ! Всюду члены коммисіи спрашивали стариковъ, нужны-ли розги и всюду получали въ отвѣтъ, что нужны, молъ, необходимы; что розги — самое *выгодное* и *удобное* изъ всѣхъ наказаній. Проѣхавши насквозь три, четыре губерніи, члены коммисіи и сами уже начали сознавать всю выгоду розогъ и, наконецъ, въ какой-то губерніи, окончательно покинули свой ложный, искусственно выработанный въ Питерѣ взглядъ на розги, какъ на мѣру позорную. «На основаніи отзывовъ всѣхъ спрошенныхъ крестьянъ (нѣчто въ родѣ плебисцита), члены коммисіи *пришли къ убѣжденію*, что сохраненіе розогъ въ крестьянскомъ судѣ *дѣйствительно необходимо*» — говорится въ кореспонденціи, почерпнутой изъ достовѣрныхъ источниковъ (См. корресп. въ «Голосѣ» и «С.-Петерб. Вѣд.») и, признаюсь, меня такая перемѣна въ убѣжденіяхъ ни мало не удивляетъ. Объѣхать чуть не половину обширной Россіи и всюду встрѣчать массы почтенныхъ согражданъ, которые усердно просятъ о сохраненіи права сѣчь другъ друга розгами,—какъ хотите, а трудно устоять противъ такого всеобщаго, и, притомъ, очень скромнаго народнаго требованія. Почему же не удовлетворить скромныхъ желаній представителей пользъ и нуждъ народныхъ?

Стóитъ только безпристрастно обсудить: *кто* именно у насъ толкуетъ о какомъ-то позорѣ наказанія березовыми прутьями? Говорятъ этотъ вздоръ только теоретики, начитавшіеся иностранныхъ, либеральныхъ книжекъ; люди, обыкновенно никогда невладѣвшіе крѣпостными крестьянами, никогда небывшіе ни исправниками, ни становыми, ни мировыми посредниками, ни педагогами въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, ни заводчиками, ни хозяевами мастерскихъ. Сидятъ эти люди въ Питерѣ за своими книжками, или въ канцеляріяхъ, или судействуютъ и адвокатствуютъ. Въ розгахъ они дѣйствительно—если дѣтей своихъ не имѣютъ—не видятъ никакой надобности; но вотъ— стóитъ имъ только проѣхаться по неизвѣстной имъ странѣ, именуемой Россіей, поближе познакомиться съ домашнимъ бытомъ русскихъ *мужиковъ* — и всѣ понятія теоретика немедленно переворачиваются вверхъ дномъ. Онъ, какъ и подобаетъ каждому солидному человѣку, начинаетъ смотрѣть на все съ точки зрѣнія *нужды и выгоды въ данную минуту*, и легко ухитряется смотрѣть даже на розги съ либеральной точки зрѣнія. «Мужикъ

нашъ очень бѣденъ—разсуждаетъ такой, умудренный опытомъ господинъ, пошевеливая мастерски сдѣланной кочергой угли въ своемъ каминѣ.—Если его, бѣдняжку, засадить въ рабочее время на недѣлю подъ арестъ, или обложить штрафомъ, то какъ онъ послѣ поправится, чѣмъ, наконецъ, виновата его бѣдная семья — несчастная жена, маленькія дѣти? Но, допустимъ розги: что тогда? Семья тогда не страдаетъ, жена не страдаетъ, выдранный отецъ и мужъ теряетъ при экзекуціи какихъ-нибудь полъ-часа, народное богатство не уменьшается отъ напрасной потери времени, отнятаго отъ работы; семья наслаждается полнымъ довольствомъ, а высѣченному какая бѣда при его низкомъ умственномъ развитіи? Не даромъ мудрость народная измыслила поговорку: на спинѣ рѣпу не сѣять. Не даромъ «громадное большинство опрошеннаго народа всегда у насъ высказывается въ пользу тѣлеснаго наказанія, признавая его самымъ выгоднымъ изъ всѣхъ наказаній».

Дѣйствительно, если устроить теперь на Руси нѣчто въ родѣ французскаго плебисцита (о розгахъ) и собрать голоса отъ хозяевъ фабрикъ, заводовъ, мастерскихъ, сельскихъ хозяевъ, унтеръ-офицеровъ, которые занимаются обученіемъ солдатъ военнымъ пріемамъ, отъ старыхъ, облѣнившихся педагоговъ и проч. и проч., то за сохраненіе розогъ окажется значительное большинство. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что, посматривая на Божій міръ исключительно съ точки зрѣнія *выгоды въ данную минуту*, драть оказывается несравненно *выгоднѣе*, чѣмъ не драть. Тутъ еще тюрьмы строй какія-то, очень дорогія, по новымъ системамъ; старайся пріобрѣсти со стороны рабочихъ и учениковъ уваженіе своей честностью и знаніями, а при розгахъ — отпоролъ себѣ, да и дѣло съ концомъ! И дешево и сердито!

Но, такъ-какъ предполагается, что члены коммисіи — не заводчики, не содержатели мастерскихъ, даже не спеціально землевладѣльцы, а чиновники на жалованьѣ, слѣдовательно люди лично незаинтересованные дешевой и сердитой расправой, то остается одно изъ двухъ: или предположить, что извѣстіе, сообщенное газетами, не имѣетъ основанія, или что гг. члены, при рѣшеніи вопроса о сѣченіи, отбирали голоса только лишь отъ тѣхъ, *которые сѣкутъ*, позабывши спросить мнѣнія тѣхъ, *которыхъ сѣкутъ*. Первое предположеніе вѣроятнѣе: мало ли мы получаемъ свѣдѣній изъ «достовѣрныхъ источниковъ», которыя, однако же, оказываются вздоромъ? По слухамъ, тоже изъ «достовѣрнаго источника» («Петерб. Вѣд.», «Голосъ»), коммисія, будто бы, осталась недовольна излишней простотой, т.-е. несложнымъ устройствомъ крестьянскихъ судовъ и предполагаетъ, будто, устроить нѣсколько новыхъ инстанцій—апеляціонныхъ и кассаціонныхъ; но и этотъ слухъ тоже невѣроятенъ. Крестьянинъ преимущественно любитъ во всемъ простоту: гдѣ ему еще таскаться съ разными апеляціями да кассаціями; гдѣ ему понять, что

вотъ такое-то дѣло должно разбираться «по существу», а такое-то по нарушенію судебныхъ формъ и обычаевъ? Крестьянинъ нашъ, въ юридическомъ отношеніи, стоитъ еще на той степени умственнаго развитія древняго періода исторіи, когда сами короли и герцоги, сидя подъ какимъ-нибудь развѣсистымъ дубомъ или липой, судили народъ на различныхъ майскихъ судилищахъ: кассацій и аппеляцій никакихъ не допускалось, но за то скоро — воздадутъ каждому по дѣламъ его, да и отпустятъ, какъ и нынче въ деревенскихъ судилищахъ. Мировые посредники на крестьянскомъ судѣ играютъ роли древнихъ королей и герцоговъ, и сколько бы ни придумывали разныхъ инстанцій — толку никакого изъ нихъ не выйдетъ.

По наблюденіямъ коммисіи, крестьяне (по крайней-мѣрѣ тѣ, которыхъ «опрашивали» въ присутствіи мироваго посредника, исправника, старшинъ и т. п.) очень довольны волостными судами, и нерѣдко обращаются къ нимъ даже добровольно, избѣгая мировыхъ судей. Громадное большинство, высказавшееся за «сохраненіе розогъ», высказало свои взгляды на мировыхъ судей въ такой формѣ: «къ мировому далеко, иногда за 70 верстъ придется тащиться, *да и не свой онъ человѣкъ — онъ станетъ гнушаться мужицкими дѣлами и не разберетъ ихъ порядкомъ»*.

Такія рѣчи говорились рѣшительно во всѣхъ мѣстахъ, по которымъ проѣхала шестичленная коммисія, и члены коммисіи не могли пропустить ихъ мимо ушей, но покуда еще неизвѣстно, какое употребленіе сдѣлаютъ гг. путешественники, когда они, по возвращеніи въ Питеръ, займутся общими выводами изъ своихъ отрывочныхъ путевыхъ замѣтокъ и статистическихъ данныхъ, составленныхъ хитроумными волостными писарями. Вопросъ, на самомъ дѣлѣ, очень важный: въ каждомъ уѣздѣ сидитъ по три, по четыре «мировыхъ», да еще по стольку же посредниковъ, тоже мировыхъ. Каждый изъ нихъ судитъ преимущественно крестьянъ, потому что въ сельскихъ участкахъ, кромѣ мужиковъ, никого нѣтъ. Каждый получаетъ по двѣ, по полторы тысячи, а на всѣхъ идетъ тысячъ по пятнадцати въ годъ съ уѣзда, а между тѣмъ, какъ только у мужика дѣло дошло до суда, мужикъ сейчасъ же начинаетъ почесываться и высказывать: «за какимъ лѣшимъ къ «мировому»-то тащиться? Онъ *не свой человѣкъ — станетъ гнушаться мужицкими дѣлами!»* Зачѣмъ же, спрашивается, для кого собственно существуютъ мировые-то судьи?

Этотъ вопросъ я считаю до такой степени важнымъ и животрепещущимъ, что остальную часть своей статьи посвящаю описанію мироваго суда—не такого, какимъ онъ долженъ быть по принципу, а какой есть. Считаю необходимымъ сдѣлать маленькую оговорку, для отстраненія отъ себя нареканій разныхъ кляузниковъ, которыхъ у насъ расплодилось въ послѣднее время больше, чѣмъ жрецовъ Ѳемиды. Самъ я лично въ мировые судьи не мѣчу и съ насиженнаго мѣста столкнуть никого не

помышляю; отъ суда въ камерѣ «мироваго» покуда Богъ меня еще миловалъ, злобы и пристрастія ни къ кому изъ арміи мировыхъ не питаю, слѣдовательно, глупо было бы предполагать, будто я нарочно подбираю «извращенные» факты. Я самъ постоянно огорчаюсь, быть можетъ, понапрасну, когда вижу, что «въ семьѣ не безъ урода», но за то отъ души, совершенно безкорыстно радуюсь, быть можетъ, тоже понапрасну, когда замѣчаю, что иной разъ и «въ семьѣ уродовъ не безъ красавца».

Современную намъ, «послѣ-реформенную» Русь (какъ ее называютъ), картинно можно изобразить въ видѣ громадной рѣки, напримѣръ Волги или Камы при самомъ зарожденіи пароходства на этихъ рѣкахъ, на которыхъ теперь пароходовъ развелось такое огромное количество, что не проходитъ лѣта безъ столкновеній, какъ на Невскомъ въ часы гулянья. У самаго берега, бывало, видишь,—тащатъ за длинную веревку дрянненькое суденышко, а по каменистому берегу—словно вѣтромъ наклоненный частоколъ—идутъ запряженные въ хомуты бурлаки, которые были первыми, самыми отъявленными врагами зарождавшагося пароходства. Вдали виднѣются паруса неуклюжихъ судовъ старинной конструкціи — живыхъ памятниковъ временъ разбойничьихъ, давно минувшихъ, когда сложена извѣстная пѣсня:

«Волга, матушка, бурлива, говорятъ,
Подъ Самарою разбойники шалятъ... и пр.».

Тутъ же, невдалекѣ, тащится цѣлая длиннѣйшая улица посудинъ самыхъ разнообразныхъ формъ и величинъ, а впереди коноводка—точь въ точь старинный помѣщичій домъ, въ которомъ пристройки и надстройки дѣлались по мѣрѣ прибыли въ семьѣ, и навозный запахъ отъ коноводки распространялся по вѣтру очень на далекое пространство. И, мимо всѣхъ этихъ, неуклюжихъ, пахучихъ посудинъ, полнымъ ходомъ несется пароходъ, осыпая искрами посудины, нагруженныя лыкомъ да рогожами, и каждый разъ возбуждая на нихъ суматоху страшную. Къ пароходу подъѣзжаютъ лодки съ хозяевами барокъ и коноводокъ, которые предпочитаютъ доѣхать съ удобствами въ сутки къ тому мѣсту, куда ихъ уродина дотащилась бы недѣли черезъ двѣ или чрезъ мѣсяцъ. Сидятъ, бывало, хозяева на пароходной палубѣ, распиваютъ спокойно чай, закусывая, изъ экономіи, калеными яйцами, а сами, на чемъ свѣтъ стоитъ, бранятъ пріютившій ихъ пароходъ. И «проклятый-то онъ, чтобы ему лопнуть», и народъ-то онъ раззоряетъ, вынуждая его покидать свои лошадиныя занятія. Ругается, такимъ образомъ, всю дорогу, а самъ, между тѣмъ, охотно пользуется удобствами и выгодами.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что волжскіе пароходы, лѣтъ 20 тому назадъ, далеко не имѣли тѣхъ удобствъ, какими они отличаются нынче. На пристаняхъ парохода выжидали нерѣдко дня по два, по три, подвергаясь всевозможнымъ лише-

ніямъ. На самыхъ пароходахъ вся палуба заваливалась дровами, арбузами и яблоками, такъ что пассажиры принуждены были отъискивать себѣ пріюта между арбузами и яблоками. Во второмъ и даже въ первомъ классѣ каютъ—для спанья мѣстъ не полагалось, да и духота и вонь невыносимая: экономное купечество еще не отвыкло ѣздить со своей провизіей и развѣшивало въ каютахъ испорченныя колбасы, вонючую рыбу, куски мяса.

Въ Россіи и въ настоящее время сохранились еще цѣлыя громадныя области, въ которыхъ господствуютъ еще старинные суды и самосуды — эти посудины, при которыхъ люди, запряженные въ хомуты, безъ всякаго успѣха конкурируютъ съ лошадиной силой. Еслибы на большой картѣ Россіи съ Сибирью кто вздумалъ выкрасить тушью всѣ тѣ мѣста, гдѣ еще въ полной силѣ господствуютъ старинные порядки, то ему привелось бы истратить цѣлую палку китайской туши, да и другія мѣста, гдѣ новые порядки только что еще введены — пришлось бы покрыть тоже тушью, но нѣсколько пожиже, чѣмъ, напримѣръ, всю Сибирь сплошь и обширныя восточныя окраины европейской Россіи.

Начнемъ свой обзоръ съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ мировыя и судебныя учрежденія существуютъ еще, какъ говорится, безъ году недѣлю, и гдѣ ихъ нельзя еще сравнивать съ пароходами даже старинной конструкціи, а только лишь съ коноводками, которыя все-таки имѣли немалыя преимущества предъ бичевой. Въ этомъ отношеніи, на первомъ планѣ стоитъ весь западный край, или «окраины», про которыя года три, четыре тому назадъ такъ много писали, а нынче вдругъ и замолчали, вѣроятно потому, что «обрусеніе» ихъ уже достигло желанныхъ размѣровъ.

23-го іюня прошлаго года утвержденъ былъ законъ о введеніи судебно-мирового института въ девяти западныхъ губерніяхъ, «отдѣльно отъ общихъ», съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, довольно, впрочемъ, существенными.

Первое измѣненіе и дополненіе заключалось въ томъ, что при назначеніи въ мировые судьи, выбора не допустили, а порѣшили опредѣлять отъ правительства, что̀, впрочемъ, не помѣшало мѣстнымъ комитетамъ приступить къ составленію списковъ. По словамъ одного изъ туземныхъ корреспондентовъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 342 1871 г.), списки эти, за устраненіемъ польскаго элемента, вышли такіе, что «мыслящую часть мѣстнаго населенія, при видѣ кандидатовъ на званіе мировыхъ судей, *обуялъ ужасъ*». По показанію корреспондента въ одномъ изъ уѣздовъ юго-западнаго края, «заявила желаніе быть внесенными въ списки кандидатовъ на должность мировыхъ судей цѣлая фаланга такихъ лицъ, какъ отставные полицейскіе чиновники, трижды изгнанные изъ службы, секретари думъ и уѣздныхъ судовъ, малограмотные уѣздные судьи, под-

писывавшіе протоколы, изготовленные канцелярскими взяточниками и т. п.» («С.-Петерб. Вѣд.»).

Но, куда же, однако, дѣлись тѣ благонамѣренные русскіе чиновники, на которыхъ, при обрусеніи края, смотрѣли, какъ на доброкачественныя прививныя вырѣзки плодовитыхъ деревьевъ лучшихъ породъ? Каждому вѣдь извѣстно, что многіе изъ доброкачественныхъ, чисто-русской крови чиновниковъ купили за безцѣнокъ въ означенномъ краю не мало помѣстій, получили въ даръ земель, угодій, мельницъ и т. п.: неужели это къ нимъ относятся рѣзкія выраженія корреспондента: «трижды изгнанные изъ службы», «малограмотные» и т. п.? Нѣтъ, къ счастью, не къ нимъ. Въ уѣздѣ, «обуянномъ ужасомъ», числилось не мало прививныхъ русскихъ помѣщиковъ, еще болѣе находилось совершенно пригодныхъ, русскихъ же судебныхъ слѣдователей и мировыхъ посредниковъ, но всѣ они наотрѣзъ отказались отъ внесенія въ списки, на томъ основаніи, что, при осмотрѣ составленныхъ уже списковъ, ихъ, будто бы, «покоробило». «Они-де ставятъ себя выше той среды, какая ринулась въ мировую службу». Приводили еще и другую причину. Помѣщики-обрусители, изволите-ли видѣть, «*не желаютъ быть въ зависимости отъ мѣстной администраціи и творить судъ и расправу не по своимъ убѣжденіямъ*».

Вотъ тебѣ и разъ! Да зачѣмъ же васъ и пригласили-то сюда, господа обрусители? За что же мѣстная-то администрація помогла вамъ устроиться въ вашихъ имѣніяхъ? За что же вамъ, и съ какой цѣли, дарили пустоши, угодья и мельницы? Нечего сказать, стоило издалека везти такую плодовую прививку, которая, вмѣсто улучшенныхъ плодовъ, дала только одинъ пустоцвѣтъ!

Но откуда же, наконецъ, наберутся русскіе дѣятели для обширнаго западнаго края, если привиллегированные обрусители сами отказались, а остальные однѣми своими фамиліями возбуждаютъ ужасъ въ цѣлой мѣстности? Корреспондентъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Главный контингентъ судей составляютъ лица, *бывшія мировыми судьями въ сосѣднихъ великороссійскихъ губерніяхъ, но забаллотированныя на новыхъ выборахъ*»...

Ну, это, по крайней мѣрѣ, народъ надежный, знающій. Положимъ, ихъ забаллотировали по какому-нибудь поводу, но вѣдь зачѣмъ-нибудь да выбрали же на первое трехлѣтіе? Во всякомъ случаѣ, значитъ, предполагали, что они способны къ общественной дѣятельности—все же лучше, чѣмъ совсѣмъ новые, никому неизвѣстные люди, ничѣмъ себя непрославившіе, тогда какъ между опытными, забаллотированными, навѣрное найдутся и такіе, которые успѣли уже себя прославить даже въ литературѣ, по отдѣлу литературы обличительной.

Подвигаясь отъ крайняго запада (въ которомъ всякія крайности очень естественны) немного къ востоку, мы и здѣсь еще

не видимъ ничего утѣшительнаго, потому что «умнымъ никто не родится», а судебно-мировыя учрежденія родились въ этихъ мѣстахъ очень еще недавно. 20-го марта нынѣшняго года въ Кіевѣ праздновали открытіе судебно-мировыхъ учрежденій, но празднество это было такимъ скромнымъ, что никто его, кажется, и не замѣтилъ, кромѣ самихъ новорожденныхъ судей, если только предположить, что новорожденный въ состояніи что-нибудь замѣтить въ моментъ своего рожденія. По донесенію «Кіевлянина», самый актъ открытія новаго единоличнаго суда въ священномъ Кіевѣ отличался какимъ-то особеннымъ, административнымъ характеромъ, а характеръ этотъ выразился въ томъ, что обѣдали въ сей радостный день одни только высшіе администраторы и новорожденные судьи. «Судебная дѣятельность новыхъ судей—замѣчаетъ «Кіевлянинъ»—еще не начиналась. До сихъ поръ не опубликованы ни мѣста камеръ, нѣтъ даже всѣхъ судей на лицо, и въ обществѣ ходятъ лишь неясные слухи, что гдѣ-то и какой-то мировой судья уже принимаетъ прошенія; да повременамъ на улицѣ можно встрѣтить озабоченнаго простолюдина, съ возгласомъ: «вотъ хожу, ищу мироваго: говорятъ, есть уже, да никакъ не найду!»

Далѣе, нетерпѣливый «Кіевлянинъ» отъ себя уже прибавляетъ, что желательно было бы, дабы новые судьи указали, гдѣ они живутъ, но такое крайнее нетерпѣніе можно только объяснить страстнымъ желаніемъ «Кіевлянина» поскорѣе дорваться до мирового, безъ котораго у насъ многіе просто жить не могутъ. Не мѣшало бы припомнить нетерпѣливому «Кіевлянину», что есть у насъ и такіе города и уѣзды, гдѣ мировые судьи существуютъ уже по три, по четыре года, а объ нихъ—ни слуху, ни духу, и гдѣ обыватели, вотъ уже третій годъ, шляются по уѣзду со словами: «ищу-ищу, говорятъ есть гдѣ-то, да никакъ не найду!» Въ Чембарскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи), напримѣръ, судьи *большею частію или вовсе не пріѣзжаютъ въ мировой съѣздъ, или пріѣзжаютъ только* по уговору между собою, *для учиненія скандаловъ* въ распорядительныхъ засѣданіяхъ, а затѣмъ, несмотря на необходимость въ судебномъ засѣданіи разрѣшить тѣ дѣла, по которымъ вызвано много лицъ, уѣзжаютъ со съѣзда, и предсѣдателю приходится объявлять публикѣ о невозможности разбора дѣлъ по отсутствію судей. 18-го іюля судьи, *пріѣхавшіе на съѣздъ для учиненія скандала*, немедленно по открытіи публичнаго засѣданія, вышли вонъ изъ залы, не желая разбирать дѣла, и поэтому 37 дѣлъ остались неразрѣшенными, и болѣе ста человѣкъ, вызванныхъ повѣстками, совершенно напрасно потеряли время» (См. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» корреспонденцію, скрѣпленную подписью самого предсѣдателя того самаго съѣзда, на который, или *большею частію* вовсе не пріѣзжаютъ, или съѣзжаются *для учиненія скандала*).

Въ Вязникахъ (Владимірской губерніи) въ теченіе 1870-го

года нельзя было добиться суда и расправы. То судья былъ постоянно въ отлучкахъ и за его отсутствіемъ правилъ должность почетный, который всегда ограничивался однимъ только принятіемъ письменныхъ просьбъ (у насъ совсѣмъ не въ ходу словесныя прошенія), то этотъ же судья оказывался безцензнымъ и его забаллотировывали, и, такимъ образомъ, весь годъ, нашей, собственно городской судебно-мировой практикѣ далеко не счастливилось, и дѣлъ накоплялось, конечно, кипы (См. «Голосъ»).

Изъ города Шуи пишутъ, что тамошній городской судья перваго участка, имѣющій свою камеру и безъ того въ отдаленной части города, куда весьма затруднительно являться участвующимъ въ дѣлахъ лицамъ, съ половины іюня мѣсяца совсѣмъ переселился изъ города въ свою усадьбу, отстоящую отъ Шуи въ 9-ти верстахъ, и пріѣзжаетъ для отправленія обязанности мироваго судьи одинъ и не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Поэтому многіе истцы, свидѣтели и отвѣтчики, предпринимая путешествіе въ камеру судьи и не найдя его въ ней, должны возвращаться и выжидать новаго вызова.

«Это очень неудобно»—прибавляетъ мѣстный корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей»,—хотя всякій и безъ него знаетъ, что никакого нѣтъ удобства — платить по три тысячи въ годъ, и все-таки, несмотря на такіе расходы, не имѣть возможности притянуть врага къ мировому, потому что мирового нигдѣ не отъищешь!

Жители «матери городовъ русскихъ», т.-е. Кіева, отчаявшись въ первое время отъискать гдѣ нибудь своихъ участковыхъ судей-невидимокъ, понадѣялись-было на почетныхъ, но и въ этомъ разсчетѣ потерпѣли полное разочарованіе. Назначено, говорятъ, ихъ, т.-е. почетныхъ судей, крайне недостаточное число: на уѣздъ приходится много что по два, большею же частью по одному; такъ, напримѣръ, для Кіева имѣется всего одинъ, губернскій предводитель дворянства. Вовторыхъ, назначены почти все лица высокопоставленныя, неживущія на мѣстѣ, которыя въ обыкновенномъ порядкѣ не могутъ бывать на съѣздахъ, даже еслибъ и захотѣли.

Наконецъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Тифлисѣ, почитателей мирового суда постигла новая неудача, совсѣмъ уже особаго рода. Тамъ судьи живутъ не невидимками, выбраны и въ участковые и въ почетные не отсутствующія «высокопоставленныя лица», которыя не могутъ заниматься дѣлами, еслибы и захотѣли. Тифлисскіе судьи, по слухамъ, просто не любятъ открывать засѣданій, пока у нихъ не накопится дѣлъ до 30, до 40: тогда ужь они вразъ всѣ и порѣшатъ, а потомъ сидятъ опять у моря, да ждутъ погоды.

Вотъ ужь именно: что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай!

Вообще у насъ судебныя учрежденія на новыхъ мѣстахъ при-

нимаются, почему-то, такъ же плохо, какъ плодовыя деревья на тощей почвѣ, при скверномъ климатѣ. Давно уже, напримѣръ, писали, что обитатели Донской области съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ мироваго суда, но когда появились давно желанные судьи, то они встрѣчены были, какъ евангельскій женихъ юродивыми дѣвами, съ лампадками безъ масла: судьи Донецкаго округа около трехъ мѣсяцевъ не получали жалованья, а Усть-Медвѣдицкій мировой съѣздъ нѣсколько времени не собирается вовсе, «по неимѣнію мебели и сколько нибудь сноснаго помѣщенія» (См. «Русскій Міръ»). Даже членовъ соединенной палаты помѣстили въ какой-то упраздненный холерный госпиталь, пропитанный холерными міазмами, такъ что члены, нежелающіе заразиться и умереть «даже на законномъ основаніи», предложили вычетъ изъ своего жалованья по 100 рублей въ мѣсяцъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, на свой счетъ имѣть возможность ввести между донцами судъ скорый и правый, ожидаемый ими съ такимъ нетерпѣніемъ. Изъ Минской губерніи пишутъ, что тамъ, въ Бобруйскѣ, обыватели встрѣтили открытіе мирового суда съ восторгомъ, но восторгъ этотъ не раздѣлялъ съ ними одинъ только мировой судья: на городъ съ 25-титысячнымъ населеніемъ выбрали одного судью, а городъ, между тѣмъ, биткомъ набитъ кляузными евреями, такъ что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ получено уже до 500 прошеній («Биржевыя Вѣдомости»).

Положеніе деревенскихъ мировыхъ судей, по совершеннѣйшему отсутствію за ними надзора, и по количеству дѣлъ, несравненно завиднѣе, чѣмъ городскихъ, хотя и въ городахъ, въ особенности уѣздныхъ, контроль за ними со стороны общества весьма незначителенъ, какъ это оказалось, напримѣръ, въ прошедшемъ году въ городѣ Пошехоньѣ, Ярославской губерніи (См. корреспонденцію въ «Русскомъ Мірѣ»). Нѣсколько лѣтъ сряду судилъ и рядилъ снисходительныхъ пошехонцевъ какой-то судья Р—евъ, и хотя граждане не разъ находили въ рѣшеніяхъ этого судьи нѣчто странное, но ходили въ его камеру даже съ особеннымъ удовольствіемъ, потому что въ Пошехоньѣ скучно: ни театровъ нѣтъ, ни цирковъ, гдѣ бы можно было посидѣть и посмѣяться. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, г. Р—евъ удивилъ даже и развеселыхъ, ничему не удивляющихся пошехонцевъ: онъ присудилъ одного мѣстнаго купца къ штрафу, и, какъ бы вы думали, къ какому? Ни болѣе, ни менѣе, какъ *въ милліонъ сто тысячъ рублей!* Вѣроятно и это странное дѣло прошло бы незамѣченнымъ, но самъ г. Р—евъ постарался, чтобъ его замѣтили. Когда судебный приставъ, услыхавъ о невѣроятномъ штрафѣ, не рѣшился его взыскивать, а ограничился пожиманіемъ плечами и улыбкой, то строгій судья донесъ на него прокурору, а прокуроръ, вмѣсто того, чтобы взыскивать съ судебнаго пристава за упущеніе по службѣ, предложилъ, кому слѣдовало, освидѣтельствовать самаго судью, — и, что̀ же оказалось? Оказалось, къ крайнему

изумленію пошехонцевъ, что судья у нихъ *давно уже сошелъ съ ума.*

Изъ этого отдѣльнаго случая видно, что и въ городахъ у насъ надзоръ надъ мировыми судьями не очень стѣснителенъ, но все-таки деревенскимъ судьямъ житье у насъ еще не въ примѣръ лучше. Если въ городахъ требуется годъ или два для того, чтобы отличить умнаго судью отъ безумнаго, то въ уѣздѣ, можно навѣрное сказать, для этого нужно не менѣе шести лѣтъ, потому что, кто-жь его тамъ видитъ, въ деревнѣ-то, кромѣ, крестьянъ, которые вообще по пустому болтать не любятъ? «Баринъ-то, скажутъ, *тово,* съ придурью: ходить къ нему не слѣдъ!» — и, дѣйствительно, ходить перестанутъ, но тѣмъ дѣло и ограничится, и господство судьи продолжится до той поры, пока онъ не устроитъ чего-нибудь гигантски нелѣпаго. Читатель, вѣроятно, еще помнитъ, что года два тому назадъ подъ самымъ Петербургомъ, въ Царскосельскомъ уѣздѣ, одинъ изъ мировыхъ судей тоже сошелъ съ ума, но, несмотря на освидѣтельствованіе его въ губернскомъ правленіи, гдѣ онъ признанъ безумнымъ, долгое время не устранялся отъ должности и не замѣнялся другимъ. Это, замѣтьте, подъ самымъ Петербургомъ, гдѣ уже въ настоящее время собраны, кажется, всѣ средства, чтобы отличить оффиціально-умнаго отъ оффиціально-безумнаго. Что̀ же творится тамъ, въ глуши, въ саратовской степи, или въ какомъ-нибудь Новохоперскѣ, гдѣ, кстати замѣтить, недавно мировой судья Ширикинъ *убилъ купца Гусева*, но, не взирая на это, «*не только исполняетъ обязанности судьи, но даже во время производства надъ нимъ предварительнаго слѣдствія, производилъ раздѣлъ имущества убитаго* между его наслѣдниками, находившимися въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ къ убитому, имущество котораго простиралось до трехсотъ тысячъ».

Я сообщаю это невѣроятное извѣстіе съ полною вѣрою въ него, потому вопервыхъ, что у насъ множество происшествій совершенно невѣроятныхъ до нелѣпости, но за то совершенно вѣрныхъ, а, вовторыхъ, и потому еще, что извѣстіе это напечатано въ «Судебномъ Вѣстникѣ» съ мѣсяцъ тому назадъ и никѣмъ не опровергнуто. Быть можетъ, и теперь еще судья Ширикинъ расправляется въ Новохоперскѣ своимъ, дѣйствительно «скорымъ» судомъ, неизвѣстно только, топоромъ, ножомъ, или просто палкой со свинцовымъ набалдашникомъ?

Деревенскіе наши мировые судьи, говоря вообще, представляютъ собою типъ давно уже у насъ выработанный и совершенно опредѣленно сформировавшійся: это, въ большей части случаевъ, тѣ же самые мировые посредники, дворянскіе предводители и земскіе исправники, да изъ нихъ они по преимуществу и выбираются. Мировые посредники, избираемые изъ среды мѣстныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, жили постоянно въ своихъ помѣстьяхъ, отъ докучливыхъ посѣщеній безтолковыхъ мужиковъ отдѣлывались суровымъ обращеніемъ съ «сиволапыми», на

мировые съѣзды никогда не ѣздили.—То же самое, въ большинствѣ случаевъ, мы видимъ и теперь, въ мировыхъ судьяхъ, да иначе и невозможно: вѣдь это они же, наши старые знакомые, съ какой стати имъ измѣняться-то? Изъ огромнаго количества корреспонденцій, напечатанныхъ въ газетахъ и нашихъ собственныхъ, мы видимъ, что почти съ каждымъ новымъ мировымъ судьею *назначается и новое мѣстопребываніе участковаго судьи*, по обыкновенію, въ его помѣстьѣ, хотя бы сельцо это представляло для уѣзда такую-же центральную точку, какъ, напримѣръ, Петербургъ для Россіи. Даже городскіе судьи предпочитаютъ жить въ своихъ помѣстьяхъ. Какое имъ дѣло, что крестьяне рыщутъ по уѣзду, напрасно ихъ отыскивая! Въ знаменитомъ Чембарскомъ уѣздѣ (Пензенск. губ.) одинъ участковый судья *бросилъ свой участокъ на произволъ судьбы*, самовольно уѣхалъ за границу Саратовской губерніи на жительство, и крестьяне его участка толпами розыскиваютъ его для подачи прошеній, приходя въ городъ иногда за 50 верстъ.

Подъ самымъ Петербургомъ, въ Царскомъ Селѣ, года два тому назадъ, въ мировомъ институтѣ свирѣпствовали такія-же безобразія, какъ и въ Чембарскомъ уѣздѣ. Не разъ оказывалось, что единственнаго мироваго судьи, который долженъ имѣть свою камеру въ самомъ Царскомъ Селѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней вовсе нѣтъ на мѣстѣ, и огромное, особенно въ лѣтнее время населеніе остается безъ всякой юстиціи, такъ что, когда судья, наконецъ, появляется, то его осаждаетъ цѣлая толпа людей.

Я беру только факты, которыхъ опровергнуть нельзя. Слухи о царскосельской мировой юстиціи достигли до сената, который назначалъ въ свое время слѣдствіе надъ судьями, а новѣйшія чембарскія пакости засвидѣтельствованы предсѣдателемъ съѣзда, г. Березинымъ. Подобныхъ *случаевъ* у меня въ запасѣ множество, но, къ сожалѣнію, я не считаю себя вправѣ подвергать своихъ довѣрчивыхъ корреспондентовъ опасностямъ, которыхъ они, быть можетъ, и не сознаютъ. Кромѣ этихъ страшныхъ неудобствъ, обусловливаемыхъ личною недобросовѣстностію нашихъ общественныхъ дѣятелей-самодуровъ, есть еще и другія, общія причины, заставляющія нашъ бѣдный народъ понапрасну рыскать по уѣзду. Разъ убѣдившись, что можно быть выбраннымъ въ городѣ, а жить, когда хочется, въ своей деревнѣ, наши судьи начали стремиться попасть въ городскіе участки, въ особенности въ губернскій городъ, гдѣ и жалованья даютъ больше, и жить веселѣе. Такъ-какъ кандидаты въ мировые судьи—сами же и гласные, сами-же, слѣдовательно, разбиваютъ уѣзды и на мировые участки, то, разумѣется, и работаютъ они для себя, какъ кому удобнѣе. Саратовскій уѣздъ съ городомъ раздѣлили, напримѣръ, на 10 участковъ: изъ нихъ 6 участковъ городскихъ и всего 4 для уѣзда, а содержаніе всѣ судьи безъ исключенія получаютъ отъ земства. Въ Саратовѣ числится 84,869 жителей на 6 мировыхъ

судей, у которыхъ весь-то участокъ не больше Адмиралтейской площади, а въ уѣздѣ на 125,188 жителей полагается всего четверо съ участками, простирающимися на десятки верстъ. Городской саратовскій житель, если даже въ пьяномъ видѣ самъ себѣ носъ расцарапаетъ, то, съ похмѣлья, непремѣнно пойдетъ жаловаться мировому, потому что близко, а мужикъ принужденъ тащиться верстъ за 40, потому что, какъ мы уже видѣли, центры въ участкахъ назначаются произвольно. Хорошо, если еще мужикъ застанетъ барина дома, а что, если баринъ-то уѣхалъ въ Саратовъ? А что тогда, наконецъ, если одинъ или двое умрутъ, выйдутъ въ отставку, уѣдутъ куда-нибудь по домашнимъ надобностямъ и т. п., что̀ уже разъ и случилось въ Саратовской губерніи? Вскорѣ по открытіи учрежденій, одинъ изъ мировыхъ судей умеръ, другой вышелъ въ отставку, и на весь періодъ времени между открытіемъ вакансій и замѣщеніемъ ихъ, *дѣла въ 2 уѣздныхъ мировыхъ участкахъ должны были пріостановиться* («Астраханскій Справочный листокъ»).

Поневолѣ и мы бы съ вами, читатель, вмѣстѣ съ саратовскими мужиками, сказали бы: сто̀итъ ли, молъ, тащиться къ мировому за 50 верстъ киселя ѣсть? Поневолѣ и мы бы съ вами, почтеннѣйшій читатель, предпочли свой крестьянскій самосудъ, хотя и лыкомъ шитый, въ которомъ дѣла толкомъ не разберутъ, но за то удовлстворятъ живо, скоро: стриженая дѣвка косу не успѣетъ заплести!

Ко всѣмъ этимъ бѣдамъ и злосчастіямъ, какъ бы на подмогу, появляется еще и земское собраніе, со своими вѣчными семью пятницами на одной недѣлѣ. Въ прошлогоднемъ своемъ засѣданіи собраніе усматриваетъ, что четырехъ участковъ въ городѣ мало — нужно непремѣнно пять, потому что на горизонтѣ появился какой-нибудь кумъ Иванъ Савельичъ, или Петръ Гаврилычъ, внезапно утратившій казенное мѣсто. Въ нынѣшнемъ году оказывается, что какого-нибудь судью Семена Иваныча не мѣшало бы удалить подъ благовиднымъ предлогомъ,— ну, и перерѣшаютъ вновь, что четырехъ участковъ предовольно-довольно, какъ это и случилось недавно въ Новомосковскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ., хотя настоящая причина перерѣшенія мнѣ, разумѣется, неизвѣстна.

До настоящаго года было четыре мировыхъ участка въ этомъ уѣздѣ; въ текущемъ же году весною земство прибавило еще одинъ участокъ, и стало всѣхъ пять мировыхъ судей, которые избраны и приступили всѣ къ занятіямъ; лѣтомъ же (въ началѣ августа) то же самое земство закрыло два участка, и осталось въ уѣздѣ только трое судей. Въ теченіе одного и того же года то же самое земство сначала убѣждается въ настоятельной необходимости увеличить численность своихъ мировыхъ судей, а потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ разубѣждается въ прежнемъ взглядѣ и сокращаетъ число ихъ почти на половину («Новоросс. Телеграфъ»).

Съ какою именно цѣлью представители земства поступаютъ такъ непослѣдовательно — это намъ неизвѣстно, но извѣстно только, что непослѣдовательность у насъ вообще какъ будто въ модѣ: одинъ день созидать, на другой разрушать, а на третій опять штукатурить и красить желтой краской полуразрушенное. Примѣровъ очень много. Въ Московской губерніи, напримѣръ, коломенское земство въ сентябрѣ прошлаго года *перевело* пять сельскихъ учителей изъ одной школы въ другую, предоставляя имъ переходъ этотъ сдѣлать пѣхтурой, такъ-какъ денегъ на подъемъ не ассигновало ни копейки. Недовольные постоянными передвиженіями учителя бѣгутъ въ другую губернію, гдѣ ихъ соблазняютъ жалованьемъ по 40 рублей въ годъ, но за то безъ перемѣщеній пѣхтурой. Земство начинаетъ тосковать, толкуетъ на экстренномъ собраніи о необходимости открыть земскую школу, о женской прогимназіи и т. п., и кончаетъ тѣмъ, что опять перегоняетъ засидѣвшихся на мѣстахъ учителей изъ училища въ училище!

А вотъ и еще такой же случай, одинъ изъ тысячи. Въ Ардатовѣ (Симбирской губ.) въ прошломъ, или въ передпрошломъ году, перемѣнился въ управѣ предсѣдатель, — и началъ онъ вводить новые порядки. Нѣмецкому еврею, бывшему фельдфебелю, предложилъ должность смотрителя больницы, мѣсто повивальной бабки при земствѣ отдалъ городской бабкѣ, у которой, такимъ образомъ, очутились подъ начальствомъ всѣ женщины въ городѣ и уѣздѣ, въ которыхъ числится около 160 тысячъ жителей. «Кромѣ того счастливая повивальная бабка возведена еще въ званіе медицинскаго чиновника министерства внутреннихъ дѣлъ, ибо получила разрѣшеніе, на основаніи 525 и 527 стат., дозволяющихъ этимъ чиновникамъ занимать и другія мѣста, по учебно-медицинской, ветеринарной или фармацевтической части, — заниматься вольной практикой на сторонѣ» (См. «Русск. Вѣд.»)

Зачѣмъ все это? спроситъ, быть можетъ, читатель. А кто-жь знаетъ! — можемъ мы только привести въ отвѣтъ. Наши управскіе предсѣдатели, мировые посредники и судьи руководствуются правиломъ: «я мировой судья — что̀ хочу, то и творю». Замѣчу читателю, что это подлинныя слова мироваго судьи Валдайскаго уѣзда (корреспонденція «С.-Петерб. Газеты»), а вовсе не передѣлка пѣсенки изъ какой-то оперетки, въ которой толстый китайскій мандаринъ объявляетъ публикѣ: «я — правитель Нанкина; что̀ хочу — то дѣлаю!»

Какъ судятъ и рядятъ гг. судьи въ своихъ помѣстьяхъ и въ глухихъ городкахъ, изъ которыхъ корреспонденцій добиться невозможно,—объ этомъ позволительно только догадываться и соображать; это все равно, еслибы кто вздумалъ узнать въ старые годы, какъ судитъ и рядитъ помѣщикъ или тотъ или другой мировой посредникъ своихъ крестьянъ на дому. Были, разумѣется, и между помѣщиками прекрасные люди въ родѣ гого-

левскихъ Тентентниковыхъ, у которыхъ крестьянамъ жилось не худо, но водились заурядъ и Ноздревы, и Плюшкины, и Собакевичи, и Хлобуевы. Мнѣ положительно извѣстно, что между мировыми посредниками водились всѣ эти типы, и никто изъ нихъ нисколько не стѣснялся дѣйствовать какъ кому угодно; слѣдовательно, съ большою вѣроятностью можно предположить, что и между судьями эти типы встрѣчаются нерѣдко, что̀ наглядно доказывается корреспонденціями, хотя и отрывочными, случайными. Положимъ, что въ городахъ собираются періодически мировые съѣзды, на которыхъ производится какъ бы нѣчто въ родѣ контроля надъ судьями; но намъ извѣстно также и недовѣріе народа къ этимъ съѣздамъ, на чемъ же нибудь да основанное (Корреспонденція «Судебнаго Вѣстника» изъ Ольгополя Подольск. губ.). Когда ольгопольскій мировой судья Соколовъ присудилъ кухарку дома, въ которомъ онъ останавливался, къ аресту на мѣсяцъ *за то, что кухарка не дала ему хозяйскихъ тарелокъ*, и когда дикое это рѣшеніе поступило на съѣздъ, то жители Ольгополя толпами собрались около съѣзда, и обѣдать даже не ходили, интересуясь вопросомъ: отнесется ли съѣздъ безпристрастно къ дѣлу, или же онъ, *какъ прежде бывало, будетъ поддерживать своего товарища, по пословицѣ: рука руку моетъ?* Не мѣшаетъ также замѣтить, что контроль съѣзда не имѣетъ ровно никакого вліянія на репутацію судьи. Еслибы, напримѣръ, изъ десяти обжалованныхъ рѣшеній судьи, всѣ до одного были отмѣнены, и это повторялось бы на каждомъ съѣздѣ, то, все-таки, судья отъ этого ни мало не теряетъ ни въ служебномъ отношеніи, ни въ общественномъ мнѣніи, которое, впрочемъ, въ разсчетъ не берется. Вятскій корреспондентъ изъ Нолинскаго уѣзда пишетъ въ «Русск. Вѣд.», что у нихъ тамъ есть судья, зараженный «маніей высшаго наказанія». Такъ, если въ законѣ сказано, что такое-то дѣяніе подвергаетъ содѣлавшаго оное аресту отъ недѣли до мѣсяца, и если вы содѣявшіе, то будьте увѣрены, что онъ приговоритъ васъ къ мѣсячному тюремному заключенію. *Рѣшенія этого мироваго судьи постоянно отмѣняются съѣздомъ; но это его нисколько не тревожитъ* и онъ продолжаетъ прилагать всюду свою теорію высшихъ наказаній».

И нѣтъ никакихъ основаній нолинскому судьѣ «тревожиться», потому что мѣста онъ можетъ лишиться только въ томъ крайнемъ случаѣ, когда формально докажутъ, что онъ «давно уже сошелъ съ ума», а это у насъ доказать совсѣмъ не такъ легко, какъ съ перваго раза кажется! Частая отмѣна судейскихъ рѣшеній случается не только въ Нолинскѣ, но и у насъ въ Петербургѣ, гдѣ тоже гг. судей «это нисколько не тревожитъ». Мнѣ, годъ или два назадъ, случайно удалось попасть на такое засѣданіе петербургскаго мироваго съѣзда (тогда еще въ Бассейной), которое все, цѣликомъ, заключалось *въ отмѣнѣ судейскихъ рѣшеній*. Критиковали рѣшенія на двѣ смѣны: сначала

четверо мировыхъ, съ товарищемъ прокурора, отмѣнили всѣ безъ исключенія рѣшенія тѣхъ судей, которые скрывались гдѣ-то въ отдѣльной комнатѣ, а потомъ, перемѣнившись мѣстами, вторая смѣна съ прокурорскимъ надзоромъ отмѣнила опять-таки всѣ безъ исключенія рѣшенія первой смѣны. Такимъ образомъ, зависти тутъ ни въ комъ и не могло быть: «рука руку моетъ», хотя вовсе и не въ томъ, обидномъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается эта пословица.

Еслибы, по имѣющимся подъ руками скуднымъ даннымъ, вздумали мы, по нѣмецкому обычаю, раздѣлить нашу многочисленную армію мировыхъ судей, по характеру ихъ дѣятельности, на виды, классы, подклассы, отдѣлы и подъ-отдѣлы, то составилась бы очень сложная классификація; но мы, на первый разъ, ограничимся дѣленіемъ ихъ на виды. Первый видъ — мировой судъ по формѣ. Второй видъ — судъ халатный. Третій — судъ, чинимый судьями съ поврежденными уже мозгами, и т. д., и т. д., съ различными подраздѣленіями.

Къ первому виду принадлежатъ всѣ мировые судьи, выбранные изъ старыхъ уѣздныхъ судей, и, вообще, опытныхъ чиновниковъ, которые на старыхъ законахъ, какъ говорится, зубы съѣли. Это судъ по преимуществу сухой, безцвѣтный. Здѣсь примиренія рѣдки, а все статья, да статья, да письменныя доказательства: этотъ видъ преимущественно предпочитается въ богатыхъ торговыхъ городахъ зажиточнымъ купечествомъ, которое не любитъ по пустякамъ таскаться къ мировому. Мелкимъ, задорнымъ истцамъ при такихъ судьяхъ житье плохое, потому что требуются неопровержимыя доказательства, а гдѣ ихъ взять? У богатыхъ купцовъ заборы на дворахъ высокіе и плотные, прислуга вѣрная: откуда же взять свидѣтелей? Впрочемъ, и этого вида осторожные судьи иногда черезчуръ ужь увлекаются своей излишней любовью къ формалистикѣ, какъ это случилось недавно съ казанскимъ мировымъ судьей, г. Загибаловымъ. Одинъ казанскій кухмистеръ написалъ, безъ разрѣшенія начальства, обѣденную карточку съ обозначеніемъ цѣнъ порціямъ,—и приклеилъ эту бумажку у себя въ кухмистерской. За это мировой судья Загибаловъ привлекъ его къ отвѣтственности, и присудилъ къ 10-тирублевому штрафу. Разумѣется, еслибы столовую карточку можно было какъ-нибудь причислить къ произведеніямъ литературы, то значительные зажиточные мѣстные граждане оказали бы сочувствіе къ такому рѣшенію; но вся бѣда въ томъ, что г. Загибаловъ, своимъ отмѣннымъ усердіемъ къ преслѣдованію безцензурныхъ литературныхъ произведеній, нечаянно нарушилъ интересы всѣхъ домовладѣльцевъ, содержателей магазиновъ и вообще всѣхъ благонамѣренныхъ. «Какъ же теперь мы станемъ вывѣшивать свои ярлычки объ отдачѣ квартиръ? Какимъ способомъ мы будемъ объявлять публикѣ о полученіи свѣжей икры и копченыхъ сельдей?» Неужели каждый разъ бѣжать къ полиціймейстеру за разрѣшеніемъ? Од-

нимъ словомъ, оказалось, что преслѣдованіемъ произведеній литературы, г. Загибаловъ неумышленно навлекъ на себя неудовольствіе именно той части благонамѣренныхъ гражданъ, на которую всего вѣрнѣе можно было разсчитывать (См. «Камско-Волжскую газету»).

Второй видъ—*судъ халатный*—распространенъ у насъ повсемѣстно, но только въ городахъ въ болѣе мягкой формѣ, чѣмъ въ деревняхъ, потому что въ городахъ камеру посѣщаютъ и «господа». Очень нерѣдко, напримѣръ, можно увидѣть въ судейской камерѣ, около судьи—его супругу, т.-е. *мировиху*, съ вязаньемъ, по домашнему, и тутъ же маленькаго *мировичонка* съ кошкой на плечѣ. Такую семейно-мировую картину я самъ видѣлъ въ камерѣ старорусскаго мироваго судьи, въ которой было не мало пріѣзжей изъ Петербурга публики. Въ деревняхъ, съ мужиками, судьи, конечно, стѣсняются еще менѣе. Въ старомъ «Судебномъ Вѣстникѣ» было не мало приведено подобныхъ примѣровъ. Одинъ судья, при вызовѣ свидѣтелей, не замѣчаетъ на лицо какого-то мужичка. Судья штрафуетъ отсутствующаго, но тотъ бѣжитъ впопыхахъ изъ кухни и кричитъ: «ваше благородіе, не штрафуйте! Я у васъ же на кухнѣ былъ, курицу щипалъ—ваша кухарка просила!» Штрафъ, разумѣется, отмѣняется. Къ пошехонскому судьѣ является истецъ-мужикъ съ жалобой на побои, и съ медицинскимъ свидѣтельствомъ. Судья дѣлаетъ избитому строгое замѣчаніе за то, *что онъ рѣшается съ такими пустяками являться въ камеру и его, судью, безпокоить*. Озадаченный крестьянинъ собирался уже было отретироваться, какъ въ его положеніе вошелъ одинъ изъ присутствовавшихъ и замѣтилъ судьѣ, что ежели ему и безпокойно, то избитому крестьянину, вѣроятно, еще вдвое безпокойнѣе; что, обращаясь къ нему, этотъ послѣдній воспользовался по закону дарованнымъ ему правомъ, и что въ принятіи жалобы ему отказать нельзя.

Тогда судья сказалъ: *Ничего, я твое прошеніе приму, оно у меня полежитъ годика полтора, а тѣмъ временемъ ты и выздоровѣешь* (см. «Русск. Вѣд.»).

Про другаго судью намъ сообщаютъ, что онъ, при входѣ въ камеру крестьянина-отвѣтчика, постоянно встрѣчаетъ каждаго изъ нихъ такимъ привѣтствіемъ: «Эй ты, подойди-ко сюда! Издали вижу твою воровскую образину: ну, сознавайся скорѣе, что виноватъ?» Впрочемъ, это сообщаютъ намъ съ крайняго востока Европейской Россіи, гдѣ судъ халатный въ особенности въ модѣ. Тамъ же, на этомъ сказочномъ востокѣ, одинъ судья выѣхалъ разъ верхомъ на свои поля—понаблюсти за наемными рабочими, и, замѣтивши, что одинъ рабочій-татаринъ спитъ, жестоко на мѣстѣ отпоролъ его нагайкой, утѣшая избитаго словами: «еслибы тебя подъ судъ отдать, то тебѣ бы еще хуже было!» Впрочемъ, избитый татаринъ жаловался, и съ судьи - плантатора взыскалъ пятнадцатирублевый штрафъ дру-

гой судья, сосѣдняго участка. О дальнѣйшей отвѣтственности за самоуправство—ни полслова!

Впрочемъ, о судьяхъ съ ноздревскими, залихватскими замашками, я здѣсь говорить не стану: читатель самъ можетъ прочитать объ нихъ въ отчетахъ судебныхъ засѣданій. Припомнимъ только самые послѣдніе, въ особенности возмутительнѣе факты изъ нашей судебно-мировой практики. Въ Княгининскомъ уѣздѣ (Нижегородской губ.) судья, въ своей камерѣ, въ присутствіи многочисленной публики, собственноручно расправился со старикомъ дьячкомъ. «Вдругъ мы всѣ увидали—пишетъ корреспондентъ,—что судейскія руки трясутъ за грудь и за шиворотъ какого-то тощаго старичка, помертвѣвшаго отъ страха. Затѣмъ, всѣ едва вѣря глазамъ своимъ, увидали того же дьячка, упавшаго къ ногамъ судьи, чрезъ скамейку, и при бряцаніи судейской цѣпи, влекомаго руками судьи, по полу всей камеры за шиворотъ до боковой двери, въ которую г. судья и вытолкалъ бѣдняка собственноручно, повторяя: «пьяница, пьяница! пошелъ вонъ»! («Русск. Вѣд.»).

Читатель, вѣроятно, не позабылъ еще мосальскаго судью Корибута-Кубитовича, который, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Хлюстинымъ, прибилъ и чуть даже не удушилъ священника Крылова.

Чтобы наглядно познакомить читателя съ тою безцеремонностью и распущенностью, съ которыми наши провинціальные судьи относятся не только къ фиктивному у насъ общественному мнѣнію, но и къ самому закону, приведу здѣсь выписку изъ частной корреспонденціи, которую я не имѣю никакихъ причинъ скрывать подъ спудомъ. Описываемый случай, по цѣнѣ иска, не изъ крупныхъ, но онъ чрезвычайно важенъ въ томъ отношеніи, что очень близко знакомитъ читателя съ общимъ характеромъ, еще новой у насъ, судебно-мировой дѣятельности, по теоріи гласной и публичной, а на практикѣ—глухой, какъ зарытая могила.

Въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи управленіемъ государственныхъ имуществъ сдана была одному татарину въ оброчное содержаніе мельница на 12 лѣтъ, но съ тѣмъ условіемъ, что если арендаторъ не станетъ поддерживать этой мельницы отъ разрушенія, то контрактъ считается нарушеннымъ, не выжидая 12-тилѣтняго срока.

Татаринъ-арендаторъ, несмотря на ничтожный 5-тирублевой годовой оброкъ, въ шесть лѣтъ довелъ оброчную мельницу до полнѣйшаго разрушенія, и, тѣмъ самымъ, разрушилъ, разумѣется, контрактъ.

Палата, съ разрѣшенія министра, продала разрушенную мельницу обществу крестьянъ деревни Крещеныя Шерданы, которымъ и выдана купчая крѣпость, составленная и утвержденная съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, и крестьяне, введенные

во владѣніе, отстроили мельницу заново, и сдали ее въ оброкъ по 30-ти рублей въ годъ.

Казалось-бы, изъ всего этого рѣшительно не могло возникнуть никакихъ недоразумѣній и непріятностей для кого бы то ни было, но такъ только казалось со стороны. Старый арендаторъ-татаринъ, соблазнившись красивымъ видомъ и доходностью вновь отстроенной мельницы, вздумалъ ее, во что бы то ни стало, отнять у крестьянъ, и, твердо вѣруя, что въ мірѣ многое невозможное — возможно, приступилъ къ своей дѣятельности. Онъ подалъ мировому судьѣ просьбу о возстановленіи своихъ, будто-бы, нарушенныхъ правъ, но на первый разъ безуспѣшно: судья отказалъ, ссылаясь на «неподсудность» этого дѣла «за пропущеніемъ полугодоваго срока. Лихой татаринъ, однакоже, не упалъ духомъ, потому что, какъ коренной житель той полутатарской мѣстности, очень хорошо зналъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ выбралъ себѣ ходатаемъ секретаря мѣстнаго мироваго съѣзда и письмоводителя мироваго судьи,—и съ этой самой поры многое невѣроятное и недостижимое вдругъ сдѣлалось для него почти вѣрнымъ. Правая рука судьи (т.-е. его письмоводитель) настрочила новое прошеніе, въ которомъ потребовала немедленнаго взысканія съ крестьянскаго общества (купившаго мельницу) въ пользу татарина 500 рублей убытковъ за устраненіе его отъ пользованія мельницею раньше срока, да кромѣ того, попросила судью поступить съ обществомъ по закону, за самоуправство. Правая рука судьи все это написала, сама закрѣпила, сама подала, а потомъ сама дала и «дальнѣйшее движеніе» дикому дѣлу. На этотъ разъ, мировой судья, безъ всякихъ предварительныхъ, справокъ, прямо приступилъ къ разбору дѣла *въ уголовномъ порядкѣ*, отобралъ отъ истца показанія объ убыткахъ, и вызвалъ довѣреннаго *отвѣтчиковъ*. Довѣренный доказалъ судьѣ, что самоуправства здѣсь не было и тѣни, потому что существуетъ купчая крѣпость; что старый арендаторъ самъ находился при вводѣ во владѣніе крестьянскаго общества мельницею, самъ подписался подъ вводнымъ листомъ, претензій никакихъ не заявлялъ, а отъ пользованія мельницей самъ, по совершенному разстройству ея, отказался.

Судья, опросивши обѣ стороны, предложилъ *покончить дѣло миромъ*, т.-е. дать сколько нибудь татарину, или, вѣрнѣе, его повѣренному, но такъ-какъ, разумѣется, мировой сдѣлки не состоялось, то судья порѣшилъ: мельницу отъ общества отобрать, взыскать съ крестьянъ убытковъ 75 рублей, и все это передать татарину, который, вѣроятно, даже и не ожидалъ такой благодати. Обиженные крестьяне просили копію съ рѣшенія, *но судья не далъ*. Подавали ему апелляціонную жалобу въ срокъ, *но судья не принялъ*. Крестьяне поѣхали съ жалобой на съѣздъ, но тамъ послали ихъ опять къ судьѣ, который *опять не принялъ*, да еще пригрозилъ, чтобы они немедленно заплатили убытки,

иначе онъ съ нихъ взыщетъ 580 рублей *и всю деревню посадитъ подъ арестъ*. Пока озадаченные мужики судили да рядили о такой диковинкѣ, въ деревню къ нимъ вдругъ пріѣхалъ судебный приставъ съ исполнительнымъ листомъ и съ требованіемъ немедленно уплатить деньги и возвратить мельницу, иначе онъ приступитъ къ описи имущества. Крестьяне обозлились: къ описи имущества пристава не допустили, вызваннаго на подмогу становаго тоже не допустили, а тамъ и пошла ужь потѣха! Становой донесъ исправнику, исправникъ—губернатору. Исправникъ самъ пріѣзжалъ *убѣждать* крестьянъ, но не убѣдилъ. Пріѣхалъ мировой посредникъ, нѣкто Гоппе, и тоже, разумѣется, ни въ чемъ никого убѣдить не могъ, предлагалъ даже свои деньги крестьянамъ въ заемъ для уплаты взысканія; но такъ-какъ крестьяне отклонили даже и эту любезность съ его стороны, то посредникъ началъ стращать командой и, наконецъ, совсѣмъ разсердился. Мировой посредникъ потребовалъ отъ сельскаго старосты его печать и бляху, въ знакъ разжалованія, но староста не далъ, да и не могъ дать, еслибы даже хотѣлъ, потому что общество не позволило. На экстренномъ мировомъ съѣздѣ энергическій посредникъ приказываетъ держать вызваннаго туда старосту за руки и вытаскиваетъ у него изъ-за пазухи печать, срываетъ съ шеи знакъ, и, съ этими трофеями, стремглавъ скачетъ въ губернскій городъ къ начальнику губерніи, разумѣется съ требованіемъ пѣхоты, кавалеріи, а буде возможно, то и артиллеріи. Къ счастію, разумный начальникъ тотчасъ же понялъ, что въ настоящемъ случаѣ, если гдѣ и замѣтно волненіе, то единственно въ крови неумѣренно усерднаго посредника; что для усмиренія этого волненія вполнѣ достаточно двухъ, трехъ стакановъ холодной воды, а потому все дѣло устроилось безъ напрасной пальбы, грохота и безтолковаго лошадинаго топота, а самымъ мировымъ манеромъ, на съѣздѣ мировыхъ судей, которымъ строго приказано было вникнуть въ суть. Когда, согласно предписанію, судьи, наконецъ, *вникли въ суть*, то сами удивились, какъ дѣло-то было просто! Намъ неизвѣстно, какъ поступилъ въ этотъ моментъ «прояснения разума» самый главный виновникъ всей этой кутерьмы, *мировой* судья (г. Ильинъ), но мы слышали, однакоже, что дѣйствія этого мудраго, если не праваго, то—по крайней мѣрѣ—*скораго на рѣшенія* судьи будутъ разсматриваться въ распорядительномъ засѣданіи. И за это уже—благодареніе Господу!

Когда начинаешь вдумываться во всѣ эти «*отдѣльные случаи*» изъ нашей судебной мировой практики — а имъ нѣсть числа — то у каждаго, имѣющаго какую-нибудь, хоть слабую связь со страной, въ которой родился, — невольно горечь подступаетъ къ горлу. Счастливцы, зародившіеся на отсырѣвшемъ подоконникѣ «окна въ Европу» (то-есть въ самомъ Петербургѣ), корни которыхъ на родной почвѣ не простираются дальше Васильевскаго острова (они и на Вы-

боргской сторонѣ считаютъ себя уже «пустынниками») — эти болотные мухоморы смѣются надъ сочувствіемъ людей къ бѣдствіямъ родной, неизвѣстной имъ страны, и называютъ его «*безпричинною злостью*», а языкъ, которымъ это сочувствіе выражается—«трактирнымъ остроуміемъ». Другихъ, болѣе основательныхъ понятій отъ этихъ петербургскихъ болотныхъ произведеній и требовать невозможно: для нихъ русскій народъ—это трактиръ, да кабакъ, а причина злости имъ тогда только понятна, когда ихъ кто-нибудь ударитъ хлыстомъ по спинѣ, или постигнетъ какая-нибудь неудача въ коммерческомъ предпріятіи, къ которымъ у этихъ господъ сводятся всѣ заботы и помышленія — дальше не идутъ. Грибъ и лишай не требуютъ для себя глубокой, обработанной почвы: гдѣ есть сырость, да гниль,—тамъ и грибы и лишаи непремѣнно появятся. Такому, грибовидному или лишаеобразному, вѣчно смѣющемуся человѣку, только бы самому было хорошо да тепло,—а тамъ, вдали, дальше Выборгской стороны—хоть трава не рости!

Совсѣмъ по другому смотрятъ на дѣло тѣ несчастные люди, которые лучшую пору жизни провели въ отдаленныхъ отъ столицъ захолустьяхъ, которые органически связаны съ этими, невѣдомыми коренному петербуржцу, далекими краями. Эти, глубоко несчастные отъ сознанія своего безсилія, люди не могутъ хладнокровно смотрѣть, какъ на глазахъ у нихъ красивыя и полезныя заграничныя произведенія, пересаженныя на нашу почву, тотчасъ же глохнутъ и вырождаются въ бѣлену, полынь, да крапиву. Неотступно преслѣдуютъ ихъ вопросы: почему? Что мѣшаетъ? Какія нужно предпринять мѣры, чтобы сдѣлать воспріимчивѣе негостепріимную нашу родную почву?

Общія, радикальныя мѣры, по теоріи, очень хорошо извѣстны каждому сельскому хозяину, которыхъ у насъ великое множество. Нужно постепенно углублять унавоженную почву усовершенствованными орудіями. Нужно мѣстами осушать искусственными канавами, мѣстами орошать посредствомъ сложной ирригаціонной системы. Знающіе люди толкуютъ, что этимъ путемъ даже безплодную среднеазіатскую степь можно превратить въ роскошнѣйшій садъ. Такія именно мѣры совѣтовалъ примѣнить одинъ нашъ ученый натуралистъ къ совершенно дикой мѣстности, гдѣ не только не устроиваютъ искусственныхъ канавъ и каналовъ, но даже естественныя водяныя сообщенія до такой степени годъ отъ году заносятся песчаными отмелями, что въ скоромъ времени судамъ нельзя будетъ плавать. На первый случай требуются, хотя не такія радикальныя, но за то практически удобо-примѣнимыя мѣры.

Какими, напримѣръ, способами, — если не искоренить—то хоть поуменьшить безобразный произволъ и самодурство въ нашихъ, еще понынѣ не установившихся судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, которыя мѣстами начали уже вырождаться совершенно своеобразно, изъ пшеницы бѣлотурки въ бѣлену?

Можно было бы назначить очень большую премію тому, кто практически разрѣшилъ бы этотъ вопросъ, безъ посредства особой петербургской коммисіи!

Мнѣ кажется, что отсутствіе общественнаго контроля, полная безнаказанность, или «*ненаказуемость*», какъ выражаются юристы, — главнѣйшія причины неожиданныхъ перерожденій, а между тѣмъ у насъ, если о чемъ и хлопочутъ,—такъ это именно объ освобожденіи нашихъ общественныхъ дѣятелей даже отъ той призрачной, фиктивной «наказуемости», отъ которой они теперь не умѣли еще освободиться. Всякій, не совсѣмъ благопріятный отзывъ о личной дѣятельности судьи, адвоката, земскаго чиновника и т. п., съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуется нашими задорными публицистами, что можно подумать— не сочиняются ли эти статьи самими судьями, и адвокатами и т. п., которые всякими путями рѣшились хлопотать о своей полной «ненаказуемости»? У насъ, читатель знаетъ, есть газеты, слывущія либеральными, есть и ретроградныя. Газеты эти постоянно бранятся и противорѣчатъ одна другой, но странное дѣло: какъ скоро кто-нибудь коснется вопроса о «наказуемости» новыхъ общественныхъ дѣятелей,—немедленно и тѣ и другія начинаютъ пѣть въ унисонъ. Читатель, конечно, помнитъ, съ какимъ ожесточеніемъ возстали *либеральныя* «Петербургскія Вѣдомости» противъ вашего покорнѣйшаго слуги, который осмѣлился выразиться не совсѣмъ нѣжно и деликатно на счетъ прокурора, судей и адвокатовъ, по поводу мясниковскаго дѣла, и какъ вообще неделикатно обращается эта старая либералка со всѣми тѣми, кто, вмѣстѣ съ нею, не считаетъ ни судебныхъ, ни земскихъ, ни желѣзно-дорожнихъ дѣятелей непогрѣшимыми? Читатель знаетъ, что другая газета—«Русскій Міръ» не признаетъ непогрѣшимости и считается старой либералкой въ вопросахъ этого рода непремиримой противницей, но вотъ, однакоже, какую мы отыскали статью въ «Русскомъ Мірѣ», когда рѣчь коснулась вопроса о «наказуемости» новыхъ, повидимому, нелюбимыхъ этой газетой, дѣятелей: «Помѣщаемая нами въ настоящемъ нумерѣ земская хроника сообщаетъ о преданіи суду яранскимъ земскимъ собраніемъ, за бездѣйствіе и неправильное расходованіе земскихъ суммъ, предсѣдателя и одного изъ членовъ мѣстной уѣздной управы. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что правосудіе не оставитъ безъ должнаго наказанія виновныхъ въ злоупотребленіяхъ. *Но тѣмъ не менѣе, появленіе земскихъ дѣятелей на скамьѣ подсудимыхъ—это такое явленіе, которое не можетъ не имѣть вреднаго вліянія на отношенія общества*, а въ особенности наименѣе развитыхъ классовъ его къ земству. Подобнаго рода случаи дадутъ неизбѣжно поводъ людямъ неспособнымъ или нежелающимъ уяснить себѣ того, что злоупотребленія возможны даже въ самыхъ совершенныхъ учрежденіяхъ, указывать на нихъ, какъ на факты, говорящіе противъ самаго принципа земскаго самоуправленія и подрываю-

щіе довѣріе общества къ земству, безъ котораго дѣятельность земства не можетъ быть успѣшна».

Читатель видитъ, что органы враждебныхъ лагерей, въ вопросѣ о «ненаказуемости» лицъ судебнаго и земскаго вѣдомствъ, совершенно сходятся во взглядахъ, такъ что, въ сущности, неизвѣстно даже, почему они считаютъ другъ друга врагами, а не друзьями? Старая либералка-чиновница считаетъ негодными, нравственно-испорченными людьми всѣхъ тѣхъ, кто безъ подобострастія отнесется къ тому или другому лицу, служащему въ новыхъ учрежденіяхъ, а «Русскій Міръ» зашелъ еще дальше. По мнѣнію этой нелиберальной газеты, еслибы кто изъ предсѣдателей новыхъ учрежденій попался бы даже въ воровствѣ,— то и въ такомъ случаѣ его нельзя посадить на скамью подсудимыхъ, какъ обыкновеннаго вора, а слѣдуетъ его куда-нибудь скрыть отъ всѣхъ, потому что иначе, безсмысленная наша публика можетъ возмутиться и начнетъ считать все учрежденіе— воровскимъ, мазурническимъ учрежденіемъ!

Относительно «непогрѣшимости» мировыхъ судей еще яснѣе, чѣмъ наши публичные педагоги, высказался бывшій прокуроръ московскаго окружного суда г. Громницкій, который, при обвиненіи имъ титулярнаго совѣтника Никитина въ оскорбленіи дѣйствіемъ мироваго судьи, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: «*еслибы мировой судья сдѣлалъ, по ошибкѣ, какое-нибудь незаконное распоряженіе, то, для поддержанія своего достоинства, долженъ бы настоять на исполненіи такого распоряженія*».

Вѣроятно, впослѣдствіи, какой-нибудь грамотный мировой судья, въ благодарность г. Громницкому, напишетъ передовую статью въ либеральной или нелиберальной газетѣ о непогрѣшимости прокуроровъ и ихъ товарищей и, такимъ образомъ, впослѣдствіи, вся обширная Русь сплошь покроется людьми непогрѣшимыми и ненаказуемыми, которыхъ рѣшенія, какъ бы они дики ни были, должны быть исполнены, *для поддержанія достоинства*.

Вовсе не объ увеличеніи судейской власти слѣдуетъ хлопотать въ настоящее время: власть эта и теперь уже до такой степени велика, что поневолѣ иной разъ по тѣлу пробѣгаетъ дрожь, когда вдумаешься!

Припомните только, что наши мировые судьи имѣютъ полное право налагать арестъ «*не свыше* трехъ мѣсяцевъ» (не мало, кажется?) и «приговаривать къ заключенію въ тюрьмѣ *не свыше одного года*». Припомните, кстати, что приговоры мироваго судьи о трехдневномъ арестѣ признаются *окончательными*, такъ что такіе приговоры могутъ быть обжалованы только въ кассаціонномъ порядкѣ, слѣдовательно, для громаднаго большинства населенія право это не имѣетъ ровно никакого значенія. Если мы, наконецъ, припомнимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судьи наши сами могутъ являться и обвинителями, сами свидѣтелями,

и сами могутъ васъ окончательно засадить на три дня въ кутузку, то легко поймемъ, почему иной разъ у насъ, въ особенности въ глухой провинціи, по близости къ резиденціи мирового судьи, приходится жутко! Представьте себѣ положеніе грамотнаго русскаго гражданина, удалившагося куда-нибудь въ пустыню, въ провинціальную глушь — отдохнуть отъ хлопотъ и работъ, гражданина необщительнаго, неимѣющаго способности сходиться съ мѣстными властями. Осенній мелкій дождь стучитъ въ стекла, розги голыхъ березъ въ саду хлещутъ по стѣнѣ и по крышѣ. Гражданинъ, съ тоски, беретъ газету, и читаетъ: въ такомъ-то помѣстьѣ мировой судья приговорилъ къ мѣсячному тюремному заключенію чужую кухарку за то, что она *не дала ему хозяйскихъ тарелокъ*. Въ такомъ-то уѣздѣ мировой судья подвергъ собственноручной расправѣ и законной отвѣтственности старика священника *за то только, что быкъ помѣщика Хлюстина*, *обладающій модной наклонностью сближенія съ низшими сословіями*, *пришелъ въ слѣдъ за поповской коровой ко двору священника*. А въ самой первопрестольной Москвѣ столичный мировой судья Титовъ привлекъ, *по ошибкѣ*, къ уголовной отвѣтственности по гражданскому иску купца Макарова и приговорилъ несчастнаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію. Мировой съѣздъ освободилъ Макарова отъ уголовнаго суда, но Макаровъ предварительно успѣлъ уже высидѣть подъ арестомъ въ такихъ мѣстахъ, куда добрый Макаръ телятъ не гонялъ! Въ такомъ-то городѣ, наконецъ, судья судилъ-рядилъ и подъ арестъ садилъ не мѣсяцъ, не полгода, а больше,—а послѣ оказалось, что судья-то давно уже сошелъ съ ума! Ну, посудите сами, могутъ ли такія веселенькія извѣстія разогнать тоску и уныніе, навѣянныя грустной природой и мѣрнымъ хлестаньемъ березовыхъ розогъ по стѣнѣ и крышѣ убогаго домика землевладѣльца средней руки, съ весьма умѣренными доходами отъ двухсотъ до пятисотъ рублей? Одно только постоянное сознаніе, что тебя очень многіе *могутъ* засадить подъ арестъ: прокуроръ *можетъ*, судебный слѣдователь *можетъ*, мировой судья *можетъ*, въ губернскомъ городѣ живутъ еще три, четыре лица, которые *могутъ*—одно это сознаніе окончательно разбиваетъ и безъ того уже незавидную жизнь настоящаго, а не выдуманнаго «недостаточнаго землевладѣльца средней руки», которому за границу уѣхать не на что.

Другой, очень важный, но тоже, думается, не трудно устранимый недостатокъ судебно-мировыхъ учрежденій, — это чрезвычайный недостатокъ въ лицахъ, обладающихъ «*способностью*» и вмѣстѣ охотой идти въ участковые мировые судьи. Богатые землевладѣльцы и купцы и ногами и руками отмахиваются отъ эдакой обузы; многіе, имѣющіе цензъ, не соединяютъ въ себѣ всѣхъ требуемыхъ условій, то-есть не служили въ уѣздномъ судѣ и не окончили курса ни въ высшемъ, ни среднемъ учебномъ заведеніи, такъ что складъ «способныхъ» представляетъ

собою самую бѣднѣйшую мелочную лавчонку, въ которой товара такъ мало, что и выбирать не изъ чего. Нужно еще прибавить къ этому, что люди, по закону, «способные» занять мѣсто судьи, на практикѣ нерѣдко являются совершенными тупицами, а дѣйствительно способные оказываются по закону неспособными: то земли не хватаетъ, то въ уѣздномъ судѣ неслужили и курса нигдѣ не окончили. Потому-то, вотъ, списки кандидатовъ нерѣдко и наполняются такими фамиліями «способныхъ», при перечисленіи которыхъ на мѣстныхъ обывателей нападаетъ ужасъ, напримѣръ, въ одной изъ губерній западной окраины. Впрочемъ, и на крайнемъ востокѣ разъ обывателей «обуялъ-было тоже ужасъ» (въ Самарской), но тамъ ужасъ скоро разсѣялся даже безъ удаленія его причинъ, слѣдовательно и самый ужасъ, нужно полагать, былъ невеликъ. Въ Самарскомъ уѣздѣ въ судьи попалъ какой-то г. Горизонтовъ,—и этого было вполнѣ достаточно, чтобы всѣ остальные судьи подали въ отставку, «по нежеланію служить совмѣстно съ г. Горизонтовымъ». Не болѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, однакоже, послѣ этого громкаго скандала, почти всѣ отказавшіеся судьи «вступили въ отправленіе правосудія совмѣстно съ ненавистнымъ имъ г. Горизонтовымъ» (См. «Голосъ» и «Судебн. Вѣстн.»). Что̀ было настоящею причиною такого скандала: минутное ли недоразумѣніе, или внезапное нравственное обновленіе г. Горизонтова,—это намъ неизвѣстно. Извѣстно только, что подобные печальные случаи очень возможны и въ будущемъ, потому что складъ «способныхъ» людей до крайности бѣденъ.

Многія изъ земскихъ собраній послали въ Петербургъ ходатайства объ уменьшеніи имущественнаго ценза, который имъ, при бѣдности, не по силамъ; но такъ-какъ разрѣшенія надобно дожидаться, а судей нужно выбирать въ срокъ, то хитроумные земцы придумали нѣкоторый *обходъ*, нѣчто въ родѣ контрабанды при излишне-строгой запретительной системѣ. Если какой-нибудь человѣкъ съумѣлъ всѣмъ угодить, то мѣстные купцы и дворяне за милымъ человѣкомъ закрѣпляютъ формально такъ-называемый «*фиктивный цензъ*» (См. «Судебн. Вѣстн.»). Отъ милаго человѣка покуда требуется только строгаго соблюденія «молчалинскихъ» правилъ, то-есть безпрекословное угожденіе «собакѣ дворника, чтобы ласкова была» (изъ комедіи Горе отъ ума), но слѣдуетъ ожидать, что впослѣдствіи въ этомъ судебно-мировомъ міркѣ разыграется, какъ на сценѣ, и комедія Островскаго «Свои люди сочтемся», въ которой мировой Подхалюзинъ съ улыбкой будетъ говорить: «тятенька, помилуйте-съ: вѣдь свои люди—сочтемся-съ!» Есть, правда, еще другой *обходъ закона*, допущенный самимъ закономъ,—это *единогласное* избраніе безцензника, но такой обходъ почти невозможенъ на нашихъ выборахъ, гдѣ всегда найдешь двоихъ-троихъ суровыхъ, неподкупныхъ гласныхъ, которые кладутъ шары налѣво *по принципу*. Это—господа, озлобленные на самыя учреж-

денія, и опуская шаръ въ лузу, они убѣждены, что баллотируютъ не то или другое лицо, а *самое учрежденіе*, которое имъ хотѣлось бы уничтожить: съ ними сговориться нельзя, а потому и приводится измышлять что-нибудь другое, въ родѣ контрабанды, которая, вѣроятно, впослѣдствіи разовьется на нашихъ мировыхъ выборахъ въ такихъ же размѣрахъ, какихъ она достигла въ заграничной торговлѣ на нашей безконечно-длинной, открытой западной границѣ. Невольно, сами собою, возникаютъ вопросы: зачѣмъ принуждать людей, съ общаго согласія, лѣзть воровскимъ манеромъ въ окно, до крайности этимъ самымъ ограничивая число охотниковъ, когда есть возможность отворить двери настежъ, такъ-какъ домохозяева желаютъ этого сами? Вѣдь только у дикихъ народовъ сохранился еще до сей поры нелѣпый обычай кражи невѣстъ съ согласія отца и матери невѣсты: всѣ цивилизованные народы давно уже отстали отъ такихъ обычаевъ! Не лучше ли было бы отворить двери настежъ, свободно впускать всѣхъ желающихъ въ залы, а потомъ ужь и отдѣлять прилично опрятно одѣтыхъ отъ неопрятныхъ, которые, и при свободномъ входѣ, постоянно сами предпочитаютъ секретный входъ черезъ форточку? Ужь навѣрное самостоятельность будущихъ судей отъ этого бы нисколько не пострадала, а, напротивъ, чрезвычайно бы выиграла, потому что во все «фиктивное» какъ-то очень трудно вѣрится!

Впрочемъ, статья моя принимаетъ размѣры слишкомъ ужь обширные, а, между тѣмъ, современное положеніе нашего общества такъ рѣзко характеризуется новыми учрежденіями, что объ нихъ приведется сказать еще не мало. Отложимъ это до другаго случая.

Къ характеристикѣ литературнаго, умѣренно-либеральнаго кружка, помѣщенной въ предъидущей книгѣ «Отечественныхъ Записокъ», теперь уже можно добавить кое-что новенькое, да, вѣроятно, въ скоромъ времени и еще появится очень много новыхъ фактовъ, потому что кружокъ рѣшился, во что бы то ни стало, поддержать свою почти военную репутацію.

Едва-ли когда-нибудь дерзость и нахальство газетнаго писаки достигали тѣхъ предѣловъ, какихъ они достигли въ № 268-мъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Это не статья, не фельетонъ, а просто вызовъ на кулачный бой, сдѣланный газетнымъ опричникомъ, который разсчитываетъ, что, въ случаѣ опасности, его выручатъ другіе опричники.

Въ этомъ фельетонномъ сквернословіи ничего похожаго на прямой отвѣтъ на мою статью не заключается. Фельетонный нахалъ, съ развязностію ловкаго шуллера, высказываетъ свои собственные, дѣйствительно дикіе взгляды и мнѣнія, приписывая ихъ мнѣ, а потомъ самъ же опровергаетъ эти, собственные взгляды, и всенародно объявляетъ, будто я *«не признаю даже*

существованія чести», что я, «по своей нравственной распущенности, по безпорядочности въ нравственномъ отношеніи, не допускаю по дѣламъ чести никакихъ другихъ судовъ, кромѣ мироваго; что у меня дѣла чести всегда кончаются *«взаимною потасовкою»* и, наконецъ, будто я «не признаю возможности оскорбленія чести и необходимости ея защиты, иногда съ рискомъ для жизни» и т. п.

Читатель и самъ теперь видитъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» помѣстили не статью, не фельетонъ, а просто формальный вызовъ на кулачный бой, такъ что будь я купецъ Калашниковъ, — я непремѣнно долженъ бы выступить на расправу съ злымъ опричникомъ и, по старому московскому «суду чести», нанести первый ударъ кулакомъ по скулѣ опричника. Каждый военный человѣкъ тоже бы, за подобныя оскорбленія, вызвалъ обидчика на «судъ чести» со шпагой или пистолетомъ въ рукѣ, а нахалъ вѣроятно бы отказался, какъ это, не такъ-то давно, сдѣлалъ г. Буренинъ, когда его вызвалъ на дуэль уланъ Крестовскій.

Такъ-какъ я—и не купецъ Калашниковъ, и не корнетъ Крестовскій и дуэли вообще считаю дурацкимъ, ничего неразрѣшающимъ и никого неоправдывающимъ обычаемъ, то г. Буренинъ можетъ себя считать , на этотъ разъ, въ полной безопасности. У насъ на Руси, я очень хорошо знаю, никто не можетъ считать себя сколько-нибудь гарантированнымъ отъ площадной брани и отъ всяческихъ неистовыхъ нетрезвыхъ нахаловъ, которые обыкновенно лѣзутъ на скандалъ до той поры, пока кто-нибудь не ударитъ ихъ палкой, или не засадитъ въ полицейскую чижовку (послѣднее средство вѣрнѣе), но, неужели отъищется такой легкомысленный человѣкъ, который будетъ считать честь свою поруганною подобными нетрезвыми, грязными личностями? Я, какъ человѣкъ пишущій, уважаю единственно судъ общественнаго мнѣнія. Только этотъ судъ я считаю и «судомъ чести». Отъ нахала, который осмѣлился публично назвать меня позорными именами, я, предъ судомъ общественнаго мнѣнія, требую доказательствъ, потому что, кто обвиняетъ и ничего не можетъ доказать, — тотъ по справедливости зовется кляузникомъ, клеветникомъ, человѣкомъ въ высшей степени безнравственнымъ и безчестнымъ.

Пусть г. Коршъ, если онъ серьёзно вѣритъ въ «суды чести», отвѣтитъ мнѣ на слѣдующіе вопросы:

1) Откуда и кто узналъ, будто у меня «дѣла чести всегда кончаются въ мировомъ судѣ»? Жаловался ли я на кого-нибудь въ судѣ, а если жаловался, то на кого и когда?

Отвѣчу самъ: отъ такой печальной необходимости покуда Богъ меня еще миловалъ. Вотъ самъ г. Коршъ, дѣйствительно, тащилъ ужь разъ своего противника «къ мировому», хотя надобности въ томъ не было никакой: просто по любви къ кляузѣ. Каждому извѣстно, что г. Коршъ, будучи не въ силахъ бо-

роться равносильнымъ оружіемъ съ «Московскими Вѣдомостями», потащилъ г. Каткова въ судъ, но никакой выгоды изъ этой кляузы не извлекъ. Жаловался г. Коршъ на то, будто бы г. Катковъ *оклеветалъ* его: напечаталъ въ своей газетѣ, что г. Коршу сдали казенную газету въ аренду, *безъ торговъ*, какъ бы въ награду за его примѣрное поведеніе и отмѣнную благонамѣренность. По справкѣ на судѣ все это, однакоже, *подтвердилось*, то-есть, что «С.-Петербургскія Вѣдомости», *дѣйствительно, были сданы г. Коршу безъ торговъ въ виду нравственныхъ качествъ редактора, въ виду благонамѣренности его направленія*».

Окружный судъ, заручившись такой справкой, совершенно справедливо разсудилъ, «*что служить органомъ какого-либо министерства и получать награды отъ правительства—нисколько не противно правиламъ чести*», но, такъ-какъ г. Коршъ со своими нахалами-сотрудниками понимаетъ «честь» по своему, то онъ повелъ свою кляузу еще дальше, въ судебную палату, гдѣ, разумѣется, опять-таки претензіи его нашли смѣшными...

Второй вопросъ: откуда и кто узналъ, будто у меня «дѣла чести» всегда «*кончаются потасовкой*»? Кого я таскалъ за волосы, хоть, напримѣръ, изъ вашей редакціи? Далъ-ли я, хоть одному нахалу пощечину, хотя бы онъ этого вполнѣ заслуживалъ?

Опять-таки, ничего подобнаго никогда не было, и я даже удивляюсь, съ какой стати г. Буренинъ приводитъ разсказъ о какомъ-то битомъ редакторѣ, о которомъ, сказать по правдѣ, я даже и не слыхалъ прежде, но долженъ на слово вѣрить опытному Зету, который по разнымъ редакціямъ давно уже шляется, слѣдовательно, на своемъ вѣку видалъ виды, и, какъ Расплюевъ, помнитъ очень хорошо, когда и въ какомъ мѣстѣ «была игра».

И такъ, читатель видитъ, что, покуда, ни одно изъ неприлично-бранныхъ словъ «С.-Петерб. Вѣд.» не можетъ быть отнесено ко мнѣ, тогда какъ оставаясь дома, въ умѣренно-либеральной редакціи,—они какъ нельзя болѣе у мѣста.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» очень наивно удивляются, почему цѣлый мѣсяцъ органы русской печати не переставали толковать о Жоховской дуэли, и почему они столько-же времени не говорили, напримѣръ, о дуэли кн. Урусова. Но удивляться этому — болѣе, чѣмъ странно. Ежемѣсячные журналы выходятъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, слѣдовательно, что-же въ томъ страннаго, если, напримѣръ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» статья о дуэли появилась чрезъ мѣсяцъ послѣ суда, на которомъ выплыло наружу столько секретовъ «кружка»? Объ Урусовской дуэли, думаю, потому много не говорили, что она и началась и кончилась пустяками, а литературный «судъ чести» вразъ уложилъ въ могилу двоихъ, изъ которыхъ одна жертва не могла дѣйствовать ни шпагой, ни огнестрѣльнымъ оружіемъ, ни, даже словомъ, въ свою защиту: разница, ка-

жется, не маленькая, если даже не принимать въ разсчетъ, *кто дѣйствовалъ* въ той и другой дуэли. Если бы, напримѣръ, г. Коршъ былъ какимъ-нибудь батальоннымъ командиромъ, а всѣ его *зеты* и *иксы*—гарнизонными субалтернъ-офицерами, тогда бы, разумѣется, и толковъ было меньше, но вѣдь г. Коршъ забываетъ, что интересуетъ публику не его личность, а его положеніе, какъ редактора большой казенной газеты, сдаваемой ему безъ торговъ за отличное поведеніе. Сдай г. Коршъ свою газету кому нибудь другому—его сейчасъ-же всѣ и позабудутъ, и кое-какіе слѣды его существованія останутся развѣ на его квартирѣ; но въ настоящее время такое забвеніе своего общественнаго положенія и странно и смѣшно: оно напоминаетъ мнѣ случай изъ сельской жизни, который я и привожу. Одинъ сельскій дьяконъ, во время праздничнаго обхода приходской деревни, выпилъ лишнюю рюмку — и въ стихарѣ залѣзъ въ хороводъ. Скандалъ вышелъ ужасный, и бѣдный дьяконъ никакъ не могъ сообразить, почему на него обращаютъ такое вниманіе! Онъ позабылъ, что онъ въ стихарѣ, а г. Коршъ забылъ, что онъ—редакторъ!

Но коршевскій причтъ, чтобы хоть какъ нибудь выручить своего владыку изъ неловкаго положенія, начинаетъ придумывать свои, особыя причины, и, какъ водится, одну другой нелѣпѣе и смѣшнѣе! «Нашимъ противникамъ—пишутъ эти фигляры—*не удавалось до сихъ поръ подорвать въ глазахъ общества нашъ моральный кредитъ въ прямой борьбѣ съ нашими литературными мнѣніями*».

Господи помилуй! Да какія же это у васъ, господа, *литературныя*-то *мнѣнія?* въ которомъ № вашей газеты они ясно высказались? Кому же теперь неизвѣстно, что у васъ на одной недѣли по семи пятницъ? Кому неизвѣстно, что вы въ одномъ № газеты толкуете, напримѣръ, объ освобожденіи женщинъ отъ домашняго деспотизма и рабства, а въ другомъ №, вы же посмѣиваетесь, предвкушая то время, «когда женщина *станетъ выше мужчины и займетъ всѣ его мѣста, оставивъ ему только право производителя и няньки* (ну, чѣмъ хуже князя Мещерскаго?); «высокія и правдивыя души и просвѣщенные умы, проглотившіе всю современную премудрость, начиная отъ судебныхъ уставовъ и кончая Спенсеромъ, котораго онѣ цитируютъ походя...»

Не подумайте, читатель, будто я привожу выписку изъ твореній князя Мещерскаго, который страшно боится, чтобы наши женщины не утратили своихъ возбуждающихъ свойствъ, необходимыхъ пожилымъ мужчинамъ; нѣтъ, я привожу выписку изъ «Незнакомца»—этого главнаго «столба» качающейся изъ стороны въ сторону редакціи, который иногда очень остроумно смѣется надъ эгоистическими взглядами князя на женщину. Сами посудите: которая изъ двухъ газетъ лучше? Княжескій ли «Гражданинъ», который постоянно долбитъ, что женскій полъ умствен-

но развивать не слѣдуетъ, потому что, если женщины поумнѣютъ, то пожилымъ, холостымъ мужчинамъ труднѣе будетъ жить,— или либеральная газета, толкующая сегодня одно, завтра совсѣмъ другое, и получающая за это, отъ кого-то, «награды», какъ обнаружилось на судѣ? Мнѣ кажется, я въ томъ даже увѣренъ, что княжеская газета несравненно честнѣе и послѣдовательнѣе, чѣмъ эта старая коршевская ханжа-чиновница, которая кладетъ земные поклоны и предъ Богомъ и предъ магогомъ, а въ то же самое время, съ пѣной у рта, отругивается, либеральничаетъ, прячетъ въ свой объемистый ридикюль «награды», и хвалится, какимъ-то, давно ужь подорваннымъ, *«моральнымъ кредитомъ»!*

Н. Демертъ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

LXIX.

Конгрессы въ Берлинѣ, Гаагѣ, Лугано.

Къ счастью своему или несчастью, бо̀льшая часть французской публики мало было обезпокоена и даже, можно сказать, почти совсѣмъ не занимались свиданіемъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ. Въ этомъ ужь, конечно, не виноваты бонапартистскіе и легитимистскіе о̀рганы. Они во все время этого европейскаго событія, равно какъ и до и послѣ него, всѣми силами старались увѣрить своихъ наивныхъ читателей, вопервыхъ, въ томъ, что еслибы Франція не была номинальною республикою, то была бы допущена, въ лицѣ своего короля или императора, къ участію въ конгрессѣ великихъ державъ, и, вовторыхъ, что предметомъ совѣщаній трехъ могущественныхъ монарховъ стараго континента и было именно заключеніе союза противъ революціи вообще, а нашей республики въ особенности. И что же? Такой возвышенный патріотизмъ не былъ оцѣненъ по достоинству! Никто не убѣдился ихъ доводами, и вслѣдствіе ли равнодушія или невѣжества или же, наконецъ, просто по своему здравому смыслу, наше рабочее и сельское населеніе осталось глухимъ ко всѣмъ предостереженіямъ и угрозамъ этихъ хитроумныхъ докторовъ дипломатіи. Для того, чтобы окончательно успокоить нашъ довѣрчивый и нѣсколько легкомысленный народъ, достаточно было того, что нѣкоторыя оптимистскія республиканскія газеты напечатали успокоительныя слова, сказанныя въ Берлинѣ императорами русскимъ и

австро-венгерскимъ французскому посланнику. Г. Тьеръ, со свойственною ему ловкостью, устроилъ такъ, что князь Орловъ повторилъ эти же слова при одномъ изъ членовъ правой стороны, который жаловался на антипатію, питаемую, по мнѣнію членовъ этой фракціи версальскаго собранія, европейскими державами къ французской республикѣ.

— Ничего не сдѣлано, ничего и не могло быть сдѣлано противъ насъ въ Берлинѣ,—таково глубокое убѣжденіе всей французской націи. То обстоятельство, что императоры, подтвержденіемъ своихъ дружескихъ отношеній, еще разъ гарантировали сохраненіе европейскаго мира, не можетъ насъ обезпокоить въ какомъ бы то ни было отношеніи. Мы также не хотимъ войны, и если не признаемъ законности завоеваній, жертвами которыхъ мы были, то во всякомъ случаѣ, мы не въ состояніи въ близкомъ будущемъ потребовать удовлетворенія, и пойти одни противъ Европы.

Поддерживая и раздѣляя вполнѣ мирныя и довѣрчивыя чувства народа, либеральная пресса старалась доказать невозможность соглашенія активнаго, съ точно-опредѣленною цѣлью, между побѣжденнымъ при Садовѣ и его побѣдителемъ. А наша публика, вообще расположенная смотрѣть на вещи съ хорошей стороны, приняла эту гипотезу. Одни только старые «habitués» нашихъ кафе, которые, выпивая свой стаканъ сахарной воды, любятъ еще потолковать о европейскомъ равновѣсіи, — черпая свои сужденія изъ «Revue des deux mondes» или «Constitutionnel», единственными и послѣдними читателями которыхъ являются,— въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль разсуждали объ изолированномъ положеніи Франціи. Но долетавшіе до нихъ звуки военной музыки какого-нибудь полка, идущаго на ученіе, или гарнизона, возвращающагося въ казармы, успокоивали ихъ относительно далекаго будущаго. Они убѣждены, что красные панталоны еще не сказали своего послѣдняго слова, и что маленькій Наполеонъ-Тьеръ помаленьку воскреситъ аустерлицкую армію.

На дачахъ, въ разговорахъ послѣ охоты, толковали о томъ, что императоры, главнымъ образомъ, совѣщались о заключеніи взаимнаго оборонительнаго союза противъ успѣховъ международнаго общества рабочихъ и развитія соціалистическихъ идей въ Европѣ. Республика, называемая «консервативною», конечно, ничего противъ этого не имѣетъ, а всевозможные собственники даже этому очень рады, такъ-какъ всѣ они, къ какой бы національности ни принадлежали, какая бы кровь, дворянская или мѣщанская, ни текла въ ихъ жилахъ, только и думаютъ о мирномъ обладаніи своею собственностью.

Собравшійся въ Гаагѣ, какъ разъ въ то время, когда императоръ Вильгельмъ праздновалъ пріѣздъ въ свою столицу императоровъ русскаго и австрійскаго, конгрессъ международной ассоціаціи рабочихъ рисковалъ, такимъ образомъ, послужить поводомъ къ заключенію новаго священнаго союза противъ со-

ціализма. Онъ же доказалъ два капитальныя положенія: первое, что партія пролетаріевъ далеко не организована въ громадную, хорошо дисциплинированную группу, сильную на столько, чтобы представлять дѣйствительную опасность европейскому обществу; и второе, что не силу оружія, а одну гласность слѣдуетъ противопоставить извѣстнымъ теоріямъ. Лондонскій генеральный совѣтъ, которому оффиціальные кружки всѣхъ странъ приписывали силу поддерживать стачки и даже вызвать всесвѣтную революцію, былъ распущенъ посреди борьбы партій, борьбы, какъ нельзя болѣе успокоительной для интересовъ капиталистовъ. И само собою разумѣется, что не правительства будутъ жаловаться на перенесеніе центра этого общества по ту сторону Атлантическаго океана, въ Нью-Йоркъ.

Благодаря этой неожиданной неудачѣ того, изъ чего враги политической свободы и соціальнаго прогресса дѣлали какое-то всесвѣтное пугало, комбинаціи о взаимныхъ обезпеченіяхъ противъ пожаровъ новой коммуны становятся совершенно безполезными. Освободившись отъ всего анархическаго, въ самомъ нелѣпомъ значеніи этого слова, общечеловѣческій вопросъ о благосостояніи рабочихъ классовъ и участіи низшихъ классовъ въ управленіи снова всталъ на научную почву.

Въ частности для Франціи, отказъ гаагскаго конгресса преобразовать международное общество рабочихъ въ политическое, особенно благопріятенъ въ томъ отношеніи, что законъ объ изгнаніи членовъ этого общества становится въ ней непримѣнимымъ, и что нашимъ рабочимъ представляется, такимъ образомъ, возможность, не подвергаясь преслѣдованіямъ, продолжать свой, прерванный національными несчастіями, соціальный прогрессъ. Въ самомъ Парижѣ уже воскресли вновь синдикаты ремеслъ, благодаря которымъ уже не ружейными выстрѣлами, а обоюдными соглашеніями, будутъ мало по малу нормальнымъ образомъ регулироваться отношенія труда и капитала.

Съ другой стороны, во время преній въ Гаагѣ, коммунистическія идеи, можно сказать, окончательно провалились. Нашъ галльскій индивидуализмъ перестаетъ быть связаннымъ съ коллективизмомъ германскимъ и славянскимъ. Нашъ пролетаріатъ, возвращаясь на свой естественный путь, будетъ стремиться не къ тому, чтобы противопоставить свои интересы интересамъ земледѣльцевъ, а напротивъ того, къ тому, чтобы привести эти интересы въ связь между собою. Когда рабочіе потребуютъ себѣ пропорціональной доли барыша отъ эксплуатаціи машины, они будутъ поняты крестьянами, которые, со времени революціи 1789 года, добиваются съ непреклонною логичностью полной собственности въ обработываемой ими землѣ.

Читатель, вѣроятно, слышалъ о *международной лигѣ мира и свободы*, которую до франко-прусской войны, по инпціативѣ нѣсколькихъ парижанъ и эльзасцевъ, добровольно основали лю-

ди, принадлежащіе къ разнымъ государствамъ, съ тою ближайшею цѣлью, чтобы помѣшать братоубійству двухъ западныхъ державъ, поставивъ себѣ идеаломъ организацію Соединенныхъ штатовъ Европы, въ которыхъ всѣ европейскіе народы, великіе и малые, будучи совершенно уравнены въ свободѣ, разрѣшали бы свои несогласія третейскимъ судомъ, а не силою.

Вы помните, съ какимъ блескомъ эта лига собралась на свой первый конгрессъ въ Женевѣ подъ предсѣдательствомъ Гарибальди. Вы не забыли также и того, что она вступила, такъ сказать, въ новый фазисъ своей жизни подъ вліяніемъ тѣхъ жгучихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ, которые были подняты на второмъ ея конгрессѣ въ Лозаннѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ Виктора Гюго.

Въ то самое время, какъ сумасбродство Наполеона III, попавшагося въ сѣти Бисмарка, зажгло роковую войну 1870 года, распорядительный комитетъ лиги, во главѣ котораго стоялъ нынѣшній депутатъ департамента Соммы, г. Жюль Барни, собравшій маленькій конгрессъ въ Базелѣ, поднялъ благородные, но безплодные протесты.

Нынѣ, благодаря въ особенности настойчивости французскаго философа г. Лемоннье, члены лиги вѣчнаго и повсемѣстнаго мира попытались продолжать свое дѣло.

Викторъ Гюго и Гарибальди, одинъ изъ Гернсее, другой — изъ Капреры не могли послѣдовать за ними въ Лугано. Тѣмъ не менѣе на конгрессѣ въ Лугано пытались обсуждать условія республиканской федеративной автономіи, которая, создавая равенство между націями, позволяла бы имъ разрѣшать свои споры передъ общеевропейскимъ третейскимъ трибуналомъ. Какъ сбивчивы и смутны ни были эти пренія, въ концѣ концовъ удалось придти къ слѣдующему постановленію:

— Лига должна не только поддерживать и благопріятствовать всѣмъ попыткамъ къ тому, чтобы ввести и укоренить въ международной практикѣ обычай разрѣшенія недоразумѣній посредствомъ третейскаго суда, но и принимать на себя въ этихъ случаяхъ инниціативу, на сколько это будетъ сочтено необходимымъ.

Но какъ далеки мы въ этотъ смутный, но рѣшительный часъ XIX столѣтія даже отъ этого, отправнаго пункта!

Какъ бы ни были безполезны пренія, занявшія бо̀льшую часть короткихъ засѣданій Луганскаго конгресса, какъ бы ни были непрактичны средства, предложенныя для того, чтобы положить конецъ войнамъ, хорошо уже и то, что *лига мира и свободы* существуетъ, поддерживаемая всѣми здравыми умами, и служа опорою и сборнымъ пунктомъ всѣмъ, стремящимся къ примиренію народовъ, всѣмъ распространителямъ истинной цивилизаціи.

То, что̀ сегодня еще кажется утопіею, завтра легко можетъ сдѣлаться дѣйствительностью, перейти въ жизнь!

LXX.

Адресы генеральныхъ совѣтовъ и засѣданія постоянной коммисіи версальскаго собранія.

Я уже говорилъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ, что республиканская партія, отъ избытка осторожности, не съумѣла извлечь изъ сессіи генеральныхъ совѣтовъ всей той выгоды, на которую позволяло разсчитывать демократическое настроеніе большинства ихъ членовъ. Ничего не было бы, по моему мнѣнію, легче, какъ возбудить, по крайней мѣрѣ, въ половинѣ всѣхъ генеральныхъ совѣтовъ, движеніе въ пользу распущенія версальскаго собранія. Но Тьеръ не хотѣлъ этого движенія, и республиканцы уступили президентскому капризу. Имъ пришлось удовольствоваться нѣсколькими криками: «да здравствуетъ республика!» во время засѣданій и нѣсколько болѣе яснымъ выраженіемъ направленія общественнаго мнѣнія внѣ ихъ.

Это направленіе, слѣдуя одобренной правительствомъ въ прошедшемъ году тактикѣ, формулировалось въ довольно значительномъ числѣ *адресовъ къ президенту республики*, подписанныхъ членами генеральныхъ совѣтовъ, въ качествѣ частныхъ лицъ.

Такимъ путемъ большинство членовъ генеральнаго совѣта департамента Верхней Савойи выразили свою благодарность Тьеру, за «то прямодушіе, съ которымъ онъ противостоялъ всѣмъ нападеніямъ, направленнымъ противъ республики», и убѣждали его утвердить ее, «убѣжденные, что единственно отъ сохраненія республики зависитъ спасеніе Франціи».

— Представляя собою мнѣнія населенія,—пишутъ члены ардешскаго генеральнаго совѣта,—мы имѣемъ право сказать, что, если оно было съ вами, когда вы старались воспрепятствовать войнѣ, и когда вамъ удалось остановить ея катастрофы, оно болѣе чѣмъ когда-либо за васъ теперь, когда, оставаясь нечувствительнымъ къ нападеніямъ партій, вы довершаете свою задачу, открывая Франціи новую эру мира, благосостоянія и свободы окончательнымъ утвержденіемъ республики.

Генеральный совѣтъ департамента Пюи-де-Дома благодаритъ президента за то, что «онъ водворилъ миръ въ странѣ съ самою разумною энергіею, возстановилъ ея армію и далъ новыя силы ея кредиту», и проситъ его «продолжать свою мудрую политику, вѣнцомъ которой будетъ утвержденіе республики консервативной и либеральной, которая уже утвердилась въ умахъ народа».

Изъ Лозера пишутъ:

— Вамъ удалось, г. президентъ, въ какіе-нибудь восемьнадцать мѣсяцевъ доказать свѣту всю силу республиканскихъ

учрежденій въ дѣлѣ установленія порядка и примиренія его со свободою. Каждый наступающій день утверждаетъ наше мирное и трудолюбивое населеніе въ томъ убѣжденіи, что одна консервативная республика, въ которой вы являетесь первымъ должностнымъ лицемъ, можетъ соединить всѣхъ добрыхъ гражданъ, спасти страну отъ междоусобной войны и обезпечить въ будущемъ ея благосостояніе.

Въ департаментѣ Мёрты и Мозели, большинство членовъ генеральнаго совѣта, поздравивъ президента съ успѣхомъ займа и поблагодаривъ его за заботы объ очищеніи территоріи, указываетъ на его собственное, смѣло высказанное съ трибуны, убѣжденіе «о необходимости сохраненія республиканской формы правленія», и прибавляетъ:

— Продолжайте идти по пути, начертанному вашимъ патріотизмомъ и опытностью; онъ ведетъ васъ къ двойной цѣли, которую вы настойчиво преслѣдуете и которой вы скоро достигните: освобожденію и реорганизаціи страны и утвержденію республики, которая есть единственная форма правленія, къ которой могутъ нынѣ присоединиться люди, одушевленные истинно-консервативными стремленіями, и искренно любящіе Францію.

Адресъ, поданный Тьеру въ Арденнскомъ департаментѣ, получилъ особенное значеніе отъ имени лица, первымъ подписавшаго его, генерала Шанзи, президента генеральнаго совѣта этого департамента и президента лѣваго центра въ версальскомъ національномъ собраніи. Въ немъ представлялась картина ужаснаго состоянія, въ которомъ находилась Франція два года тому назадъ, и изъявлялась глубокая благодарность главѣ правительства за его усилія «заставить *понять, любить и принять консервативную республику*, которая одна только можетъ возвратить нашей странѣ ея положеніе въ мірѣ». Въ немъ обѣщается поддержка всѣхъ добрыхъ гражданъ той настойчивости, съ которой «онъ идетъ по пути, обезпечивающему намъ въ будущемъ легальное и мирное развитіе и *утвержденіе единственнаго правительства, которое, во Франціи, дѣлаетъ невозможными всякія попытки къ революціи*».

На этотъ адресъ членовъ генеральнаго совѣта Арденнскаго департамента, Тьеръ отвѣчалъ собственноручно:

— Я считаю, любезный генералъ,—писалъ онъ въ своемъ коротенькомъ письмѣ,—это выраженіе уваженія и довѣрія ко мнѣ лучшею наградою за мои труды. Уваженіе людей просвѣщенныхъ, соединяющихъ патріотизмъ съ образованіемъ, служитъ для меня самымъ могущественнымъ ободреніемъ; оно заставляетъ меня забывать заботы, труды, утомленіе, бремя лѣтъ, даетъ мнѣ, однимъ словомъ, силу, нужную мнѣ для продолженія моей многотрудной дѣятельности, *въ томъ направленіи, въ которомъ они мнѣ сочувствуютъ, и котораго я настойчиво рѣшился держаться.*

*

Монархическая пресса, читая это новое подтвержденіе провозглашенія консервативной республики, подняла страшные вопли, доказывая,—и не безъ основанія,—что повторяя чрезъ Сенъ-Маркъ-Жирардена въ докладѣ о вакаціяхъ собранія увѣренія въ своей вѣрности бордосскому договору, президентъ еще разъ посмѣялся надъ мнимымъ большинствомъ.

Тьеръ надѣялся успокоить раздраженныхъ роялистовъ, отвѣчая чрезъ Бартелеми-Сентъ-Илера на слишкомъ горячіе адресы нѣкоторыхъ генеральныхъ совѣтовъ отеческими выговорами, значеніе которыхъ можно, смотря по обстоятельствамъ, убавлять и увеличивать.

Члены генеральнаго совѣта Аллье въ трехъ строкахъ выразили желанія представляемыхъ ими избирателей:

«Амнистія всѣхъ политическихъ преступниковъ,

«Снятіе осаднаго положенія,

«Распущеніе собранія».

Тѣ же желанія были высказаны и въ генеральныхъ совѣтахъ Авиньона, Драгиньона, Марсели, Монпелье и пр., а также и во множествѣ окружныхъ совѣтовъ.

Въ своемъ, какъ бы частномъ, длинномъ письмѣ къ «дорогому товарищу» К. Буассе, президенту генеральнаго совѣта Сены и Луары, также высказавшему эти желанія, *alter ego* президента Бартелеми-Сентъ-Илеръ, высказавъ, что онъ также раздѣляетъ надежду, что консервативная республика доставитъ намъ порядокъ, свободу, благосостояніе и величіе, выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что ему приходится «разойтись со столь испытанными республиканцами» въ вопросахъ о распущеніи палаты и амнистіи. Онъ напоминаетъ, что Тьеръ торжественно обѣщалъ не принимать никакого участія въ агитаціи противъ національнаго собранія, и объявляетъ, что разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ одной только палаты, и что исполнительная власть не будетъ вмѣшиваться въ него. «Впрочемъ,—говоритъ онъ, — общественное мнѣніе дастъ почувствовать депутатамъ, что насталъ часъ созвать своихъ преемниковъ, и по окончаніи дѣла очищенія территоріи, представители, избранные въ февралѣ 1871 года, сознавая, на сколько перемѣнились обстоятельства, сами примкнутъ къ рѣшенію, выраженному общественнымъ мнѣніемъ». Что же касается до амнистіи и снятія осаднаго положенія, то и это, по мнѣнію секретаря президента, зависитъ отъ палаты. Онъ не считаетъ эти мѣры своевременными; но, прибавляетъ онъ, «уже почти рѣшено, что аресты предводителей коммуны должны отнынѣ прекратиться, и по всѣмъ вѣроятіямъ, кромѣ, можетъ быть, какихъ-нибудь исключительныхъ случаевъ, смертныхъ казней болѣе не будетъ».

На это члены генеральнаго совѣта Соны и Луары поспѣшили возразить чрезъ своего президента, Карла Буассе, что они продолжаютъ держаться высказанныхъ ими желаній относительно

амнистіи и распущенія собранія, «такъ-какъ амнистія не представляетъ рѣшительно никакой серьёзной опасности» и должна «послужить залогомъ того всеобщаго примиренія, которое составляетъ отличительную черту республиканскаго режима». Что же касается до распущенія собранія, говоритъ съ чрезвычайною твердостью и логичностью Буассе, оно является необходимымъ: «національное собраніе, необладающее уже de jure тѣми полномочіями, которыя были вручены ему на другой день послѣ нашихъ національныхъ несчастій, еще болѣе безсильно de facto. Развѣ оно можетъ и желаетъ учредить республику, этотъ режимъ, который намѣревается основать Тьеръ съ согласія громаднаго большинства страны?... Правда, нація выказала много терпѣнія и мудрости въ теченіе всего послѣдняго времени. Но было бы неосторожно заставлять это терпѣніе еще далѣе питаться самимъ собою... Враги республики пользуются и злоупотребляютъ этимъ терпѣніемъ... Нужно, чтобы и республиканцы, съ своей стороны, съ спокойною энергіею работали надъ утвержденіемъ того, что̀ они считаютъ порожденнымъ важными событіями народной жизни».

Бартелеми-Сентъ-Илеръ не продолжалъ полемики съ своимъ «дорогимъ товарищемъ», Карломъ Буассе. Отвѣчая на адресы членовъ Воклюзскаго генеральнаго совѣта, онъ снова выразилъ мнѣніе, что выраженіе желаній о распущеніи палаты и амнистіи несвоевременны. Но и на этотъ разъ онъ не отказался принять похвалы, высказанныя, среди «незаконныхъ» желаній, Тьеру, и возраженія его на эти «незаконныя» желанія не носятъ отпечатка негодованія.

Это еще болѣе разжигаетъ гнѣвъ монархистовъ, которые доказываютъ, что въ то время, какъ президентъ компрометируетъ себя все болѣе и болѣе провозглашеніемъ республики, его alter ego скорѣе ободряетъ, чѣмъ останавливаетъ движеніе въ пользу распущенія собранія, выгораживая въ то же время правительство отъ отвѣтственности.

Гнѣвъ этотъ попробовалъ выразить въ частномъ разговорѣ съ Тьеромъ Марсіаль Дельпи. Судя по отчету объ этомъ разговорѣ, напечатанному въ «Soir», Тьеръ обошелся съ докладчикомъ по дѣлу 18-го марта очень жестоко, и даже сказалъ о членахъ правой стороны: «вы сами какіе-то бѣсноватые».

Приведенный этимъ въ негодованіе, Дельпи воспользовался засѣданіемъ постоянной коммисіи національнаго собранія, бывшимъ 26-го сентября въ Версали, и потребовалъ отъ правительства формальнаго опроверженія выраженій, оскорбительныхъ для большинства палаты, приписываемыхъ Тьеру однимъ изъ офиціозныхъ органовъ.

— Мы не имѣемъ офиціозныхъ газетъ, воскликнулъ министръ внутреннихъ дѣлъ.—Когда въ прессѣ передаются факты невѣрно, сами заинтересованныя лица должны исправлять ихъ. Лучше же всего отвѣчать на это однимъ презрѣніемъ!

Другой роялистъ де-Морнэ поднимаетъ обвиненіе противъ письма Бартелеми Сентъ-Илера къ Карлу Буассе. Прочитавъ въ немъ, что не будетъ уже производиться арестовъ по дѣламъ коммуны, онъ поспѣшилъ написать военному министру, призывая его къ уваженію правосудія и точному исполненію законовъ.

Генералъ де-Сиссе отвѣчалъ ему, что военные суды исполняютъ, попрежнему, возложенныя на нихъ обязанности.

Лабулэ напоминаетъ, что, въ качествѣ члена коммисіи амнистіи, онъ имѣлъ случай еще до вакацій собранія получить отъ правительства увѣреніе, что не будетъ болѣе начато преслѣдованій противъ лицъ, служившихъ коммунѣ, въ качествѣ простыхъ солдатъ, а только противъ лицъ, совершившихъ преступленія противъ общаго уголовнаго права.

Это объясненіе не удовлетворило Морнэ.

— Нужно, воскликнулъ онъ:—преслѣдовать виновныхъ, какъ бы многочисленны они ни были!

И такъ месть, продолжающаяся уже восемьнадцать мѣсяцевъ, не успокоила еще ярости реакціонеровъ, и три казни, произведенныя 18-го числа этого мѣсяца въ Сатори, еще не будутъ послѣдними!

Третья *медвѣжья шапка*, де-ла Рошфуко-Бизаччіо, захотѣлъ обобщить обвиненія, направленныя его товарищами противъ «секретаря президента, компрометирующаго правительство своими корреспонденціями».

Такъ-какъ лѣвая сторона покатывалась со смѣху, то раздраженный герцогъ возсталъ противъ нарушенія бордосскаго договора, который является закономъ законовъ, и противъ «республики, губящей Францію въ то время, какъ монархія спасла бы ее».

— Законъ, прибавилъ онъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ большинства своихъ товарищей: — законъ былъ нарушенъ генеральными совѣтами, виразившими политическія желанія.

— Не въ засѣданіяхъ, возразилъ на это республиканецъ Ноель Парфэ и нѣсколько другихъ депутатовъ той же партіи: — нѣтъ закона, который запрещалъ бы членамъ департаментскихъ совѣтовъ имѣть свои мнѣнія и выражать ихъ.

— Если генеральные совѣты, замѣчаетъ Кергорлэ:—и не нарушили закона, они обошли его; во всякомъ случаѣ они дѣйствовали недобросовѣстно.

— И всѣ адресы ихъ, говоритъ Дельпи:—были вотированы за обѣдами, *inter pocula*!

Послѣ этихъ словъ раздались горячіе протесты членовъ лѣвой стороны.

Дельпи, раздраженный до послѣдней степени, вопитъ:

— Вы, республиканцы, должны были бы требовать исполненія закона, а правительство должно бы было настоять на немъ... Вы все тѣ же! Въ вашихъ жилахъ революціонная кровь... Вы просто на просто якобинцы.

Наконецъ, вмѣшивается въ пренія президентъ Греви и водворяетъ спокойствіе въ коммисіи, доказывая безполезность такихъ горячихъ преній, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ привести къ какому бы то ни было положительному результату.

На запросъ, обращенный лично къ нему, министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣтилъ, что правительство кассировало всѣ политическія желанія, которыя противозаконно были выражены генеральными совѣтами. Правительство отвѣчало только на письма, писанныя внѣ засѣданій, что̀ не заключаетъ въ себѣ ничего противозаконнаго, да и то высказало порицаніе тому, что̀ казалось ему въ этихъ письмахъ посягательствомъ на самодержавныя права народнаго представительства.

— Какъ бы то ни было! воскликнулъ де-Биззачіо, оскорбленный тѣмъ сочувствіемъ, съ которымъ лѣвая сторона встрѣчала объясненія министра: — всѣ имѣютъ право заниматься вопросомъ о формѣ правленія, кромѣ Тьера. Онъ далъ клятву свято хранить врученное ему хранилище. Онъ нарушилъ свою клятву, написавъ то, что̀ написалъ г. Шанзи!

Такимъ образомъ, благодаря генеральнымъ совѣтамъ, между президентомъ республики и правою стороною возникла новая ссора. И во всемъ этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что сами роялисты, вопреки желанію республиканцевъ, закономъ 10-го августа 1871 года удвоили могущество департаментскихъ совѣтовъ, и узаконили ту политическую дѣятельность, которою они воспользовались въ данномъ случаѣ и будутъ пользоваться все болѣе и болѣе на пользу сохраненія и развитія республиканскихъ учрежденій.

LXXI.

Анархія въ средѣ монархистовъ.

Ненависть къ Тьеру, проявившаяся съ такою силою въ засѣданіи постоянной коммисіи въ теченіе всего этого мѣсяца, разжигалась легитимистскою прессою и депутатами. Корреспонденція Сенъ-Шеронъ, получающая свое вдохновеніе непосредственно изъ Фроссдорфа и печатающаяся въ сотнѣ провинціальныхъ газетъ, открыла огонь разсказомъ въ самомъ огорченномъ тонѣ о примиреніи Гизо съ Тьеромъ въ Трувилѣ и въ Валь-Рошѣ. Корреспонденція эта называетъ обоихъ государственныхъ людей временъ Людовика-Филиппа разрушителями монархій, и обвиняетъ президента республики въ томъ, что онъ сдѣлалъ изъ слова *консервативная республика* «приманку для продолженія своего единоличнаго владычества».

— Онъ не положилъ, предсказываетъ роялистъ-писатель: — прочныхъ основаній для никакихъ-либо учрежденій, но посѣялъ раздоры во всѣхъ партіяхъ для утвержденія своего все

могущества... Но если онъ и замедлилъ возстановленіе единственной монархіи, которая была-бы въ состояніи возвратить Франціи ея могущество, то во всякомъ случаѣ ему не удастся основать республику.

Въ письмѣ, напечатанномъ въ Нантской газетѣ «Espérance du peuple», депутатъ де-ла-Рошеттъ гораздо ранѣе де-ла-Рошфуко-Бизаччіо изобличилъ Тьера «въ невѣрности бордосскому договору». Но онъ высказалъ гораздо менѣе, чѣмъ Сенъ-Шеронъ, вѣры въ неуспѣхъ дѣла разстройства партій, дѣла, осуществляемаго съ дьявольскою ловкостью президентомъ.

— Письмо къ генералу Шанзи—объясняетъ онъ — такой-же пробный шаръ 1872 г., какимъ былъ въ 1851 г. Саторійскій смотръ для будущаго императора. Лѣвая радикальная сторона вотируетъ республику, не заботясь о ея эпитетѣ *(консервативная)*. Она хорошо знаетъ, что сущность зависитъ отъ формы, и что законы логики непреложны. Правый центръ вотируетъ эпитетъ, довольствуясь сущностью и не заботясь о формѣ. *Онъ возвратилъ себѣ своего вождя,* по выраженію его президента Сенъ-Маркъ-Жиррадена, и будетъ наивно вѣрить, что основалъ лучшую изъ республикъ.... Не знаешь о комъ сожалѣть,—о человѣкѣ-ли, который, увлекшись гордостью, увлекаетъ Францію въ искательство приключеній, или о политическихъ партіяхъ, которыя будутъ помогать ему изъ ненависти къ истинѣ. Правая легитимистская сторона сдѣлала все, возможное и невозможное, для того, чтобы соединить всѣ эти разъединенныя партіи на принципахъ истинной монархіи.... Она отдѣлила свою честь и свою совѣсть отъ событій будущаго и съ грустью предаетъ ихъ на волю божью.

Такъ-какъ отчаяніе это какъ нельзя болѣе радовало всѣхъ противниковъ монархической партіи, де-ла-Рошеттъ принужденъ былъ напечатать другое письмо, въ которомъ онъ говоритъ:

— Если замыслы Тьера осуществятся, Франція подвергнется новымъ случайностямъ, результаты которыхъ легко предвидѣть. Правая сторона видитъ эти результаты, указываетъ на нихъ, и въ этомъ-то смыслѣ *предаетъ будущее на волю Божью* въ виду безсилія человѣческаго. Правая сторона скорбитъ,—что̀ и совершенно естественно,—*но она не падаетъ духомъ.*

Одинъ изъ наименѣе фантазирующихъ членовъ правой стороны, де-Дампьерръ, въ своемъ манифестѣ къ избирателямъ въ Ландахъ, откровенно объявляетъ, что король необходимъ, и что возможенъ только одинъ король, Генрихъ V, и опредѣляетъ программу дѣйствій, съ восторгомъ немедленно принятую газетами «Union» и «Gazette de France».

— Національное собраніе знаетъ, что оно скоро достигнетъ предѣла своей миссіи, и что тотчасъ-же послѣ очищенія территоріи и вотированія нѣкоторыхъ важныхъ законовъ, оно обязано дать Франціи окончательное правительство, или же сдать

свои полномочія, если оно само признаетъ себя неспособнымъ окончательно разрѣшить вопросъ о формѣ правленія. Но въ томъ и другомъ случаѣ *можетъ-ли большинство оставить администрацію страны въ рукахъ Тьера, заранѣе высказавшаго свои предубѣжденія?*.... Оно объявило себя учредительнымъ, оно должно поэтому устранить всѣ препятствія къ тому, чтобы, согласно своимъ убѣжденіямъ, опредѣлить условія правительства, которое оно установитъ....

Если отбросить здѣсь реторику, устраненіе Тьера отъ власти является первою статьею программы дѣйствій легитимистской партіи по возобновленіи засѣданій собранія: нужно, чтобы Тьеръ исчезъ для того, чтобы очистить мѣсто, на которомъ можно-бы было уставить тронъ; нужно, чтобы вся администрація находилась въ рукахъ роялистовъ для того, чтобы новые выборы были сфабрикованы ими въ томъ случаѣ, если нынѣшнее большинство останется попрежнему безсильнымъ въ вопросѣ объ избраніи короля.

— Эта гипотеза не можетъ и не должна быть принята, отвѣчаетъ депутатъ Жиронды де-Карайонъ-Латуръ.—Мы сознаемъ все значеніе нашей миссіи, и наши сограждане должны твердо знать, что,что̀ бы противъ насъ ни дѣлали, мы не оставимъ поля сраженія (собранія), прежде чѣмъ не реорганизуемъ страны, не обезпечимъ порядка, и не установимъ правительства, которое обезпечило-бы ей въ будущемъ величіе и благосостояніе.... *традиціонную монархію.*

Напрасно чернь и самъ Тьеръ воображаютъ, что монархисты разъединены,—Карайонъ-Латуръ утверждаетъ противное:

— Благодаря Бога, говоритъ онъ:—во Франціи одинъ только принцъ имѣетъ право на тронъ, тотъ, политическая честность и гражданскія добродѣтели котораго внушаютъ уваженіе всему міру, и который въ теченіе сорока лѣтъ, въ изгнаніи, сохранилъ чистыми и незапятнанными великіе принципы нашей славной французской монархіи.

На это въ Бордо, главномъ городѣ того самаго избирательнаго округа, изъ котораго вышелъ этотъ знаменосецъ легитимизма, избиратели отвѣчали:

— Да мы нисколько не избирали васъ для того, чтобы вы посадили намъ короля; вы были уполномочены только заключить миръ; миръ заключенъ; явитесь передъ нами въ качествѣ *роялистовъ*... и посмотримъ, будете ли вы вновь избраны!

И дѣйствительно, мнѣ пришлось недавно самому убѣдиться во время путешествія по западу и юго-западу Франціи, откуда вышло наибольшее число роялистовъ палаты, что ежели неизвѣстно, были ли когда-нибудь избиратели роялистами-легитимистами, то можно сказать съ достовѣрностью, что теперь въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго признака легитимизма. Горожане всѣ стали республиканцами и даже радикалами, а въ селахъ возвращеніе короля отождествляется съ возстановленіемъ фе-

одальныхъ правъ, и ненависть къ старому режиму, поддерживаемая демократическою, и даже бонапартистскою пропагандою, никогда еще не была такъ сильна.

Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянинъ еще и не сталъ приверженцемъ режима, существующаго по имени, то только потому, что онъ видитъ, что имъ управляютъ попрежнему префекты-дворяне.

— Ваша республика — говорилъ мнѣ одинъ земледѣлецъ Жерскаго департамента,—*республика дворянская!*

Легитимисты,—тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ глаза, видятъ это очень хорошо,—почти всѣ убѣждены, что ихъ не выберутъ снова. Вотъ почему Дампіеръ и предлагаетъ, чтобы передъ общими выборами, правая сторона, для руководства ими, захватила власть въ свои руки.

Что же касается до сліянія, то, хотя оно и является единственнымъ практическимъ средствомъ къ тому, чтобы было возможно произвести опытъ реставраціи, оно и на эту зиму кажется столь же невозможнымъ, какъ и въ двѣ предыдущія. И завтра такъ же, какъ и вчера, орлеанскіе принцы не будутъ мочь покинуть свое «дорогое знамя» и возвратиться къ старому режиму, не потерявъ сразу половины своихъ приверженцевъ.

— Ахъ, еслибы, говорилъ одинъ изъ государственныхъ людей этого лагеря: — еслибы графъ Шамборъ оставилъ этотъ свѣтъ, сліяніе и монархія были-бы совершившимися фактами. Но онъ можетъ прожить еще двадцать лѣтъ, а республика тѣмъ временемъ окрѣпнетъ!

Въ началѣ этого мѣсяца, тотъ, котораго смерть Генриха V сдѣлала бы законнымъ Людовикомъ-Филиппомъ II, графъ Парижскій провелъ нѣсколько дней въ замкѣ Понъ-Сюръ-Сенъ, въ Обскомъ департаментѣ у Казиміра Перье. Газеты начали всячески комментировать это обстоятельство. Прежній министръ Тьера напечаталъ въ своей газетѣ замѣтку, въ которой слѣдующія мѣста заслуживаютъ особеннаго вниманія:

Казиміръ Перье вовсе не скрываетъ своихъ взглядовъ. Онъ поддерживаетъ нынѣшнее правительство; онъ желаетъ его утвержденія, убѣжденный, что монархія въ настоящее время невозможна, и что спасеніе Франціи заключается въ установленіи благоразумно-консервативной республики... Орлеанскіе принцы знаютъ образъ мыслей Казиміра Перье. Они слишкомъ добрые французы для того, чтобы имѣть другую цѣль и являться претендентами.

Возражая органамъ республиканскимъ, легитимистскимъ и бонапартистскимъ нападающимъ на крайнюю осторожность, «скрытность, вообще свойственную племени Филиппа Эгалите», «Courrier de Paris», органъ праваго центра, старается доказать, что орлеанскіе принцы никогда не были и не будутъ претендентами:

«Орлеанскіе принцы — говоритъ эта газета, — не принадле-

жать сами себѣ, они принадлежать націи, воплощенной въ той системѣ правленія, преданія которой они олицетворяютъ, и претендуютъ только на то, чтобы быть добрыми французами, которыми они и являются; впрочемъ они сами это доказали».

Видя, что полемика не только не успокоивается его фразеологіею, а напротивъ того все болѣе и болѣе разгорается, Казиміръ Перье счелъ долгомъ самъ вмѣшаться въ нее, вопервыхъ для того, чтобы опровергнуть, будто бы онъ авторъ замѣтки, вовлекшей въ отвѣтственность графа Парижскаго и его дядей, и вовторыхъ для того, чтобы откровенно выразить свои собственныя убѣжденія. Онъ находился, кромѣ того, въ самомъ благопріятномъ для подобныхъ объясненій мѣстѣ: изъ Шампани онъ переѣхалъ въ Дофинэ и могъ получать самыя возвышенныя вдохновенія изъ того самого замка Визиль, въ которомъ дворянство и буржуазія такъ гордо начали въ 1788 году французскую революцію.

«Я принадлежу къ числу тѣхъ,—писалъ онъ въ «Journal des Débats»,—которые оставались преданными конституціонной монархіи до тѣхъ поръ, пока она была возможна, при единственномъ условіи, дѣлающемъ ее устойчивою и примѣнимою: соглашеніи между монархическими партіями и обѣими линіями Бурбонскаго дома, санціонированномъ согласіемъ націи... Все, чему я былъ свидѣтелемъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, заставляетъ меня чистосердечно и безъ всякой задней мысли высказаться за республиканскую форму правленія, единственную, которая, по моему мнѣнію, въ состояніи избавить Францію отъ анархическаго кризиса, вѣрнаго признака приближающагося деспотизма, не говоря уже о внѣшнихъ опасностяхъ. Я твердо надѣюсь, что близокъ тотъ день, въ которомъ парламентское большинство, съ согласія великаго человѣка, которому Франція такъ много обязана среди своихъ несчастій, установитъ правительство, основывающееся на истинно республиканскихъ учрежденіяхъ.

Почти оффиціальный органъ орлеанскихъ принцевъ «Journal de Paris» безъ гнѣва принялъ эту profèssion de foi Казиміра Перье. Онъ упрекнулъ только легитимистовъ, которые, воспрепятствовавъ слiянію, заставили выйдти изъ монархической партіи такихъ замѣчательныхъ людей.

«Journal de Paris» доказываетъ, что нынѣшній режимъ собственно не республика, но «временная монархія безъ наслѣдниковъ и безъ династіи»; объявляетъ, что «послѣ смерти Тьера можно, пожалуй, сдѣлать опытъ правильной республики», и что его друзья «будутъ содѣйствовать произведенію этого опыта безъ восторга, безъ особаго довѣрія, но съ полною готовностью подчиниться, еслибы событія доказали имъ, что правильная республика можетъ существовать во Франціи, и главнымъ образомъ, можетъ заставить существовать Францію».

Даже самъ герцогъ де-Брольи,—хотя и стремящійся соеди-

нить правый центръ съ правою стороною, и являющійся, такимъ образомъ, соперникомъ Казиміра Перьи, увлекающаго правый центръ на лѣво, — не рѣшается уже являться открытымъ монархистомъ.

«Чего просили мы у Тьера, — объясняетъ онъ въ своемъ напечатанномъ письмѣ:—въ разговорѣ, за который насъ много обвиняли, искажая его сущность? Того ли, чтобы онъ подготовилъ или возстановилъ монархію? Нисколько... Мы просили его только, чтобы онъ не позволялъ, подъ покровомъ неопредѣленнаго слова «республика», допускающаго столько различныхъ толкованій, прикрывать своимъ именемъ и распространять, опираясь на его авторитетъ, идеи, противныя принципамъ всей его жизни. Мы просили его разграничить ясными, всѣмъ понятными чертами «республику Тьера», какъ говорятъ наши крестьяне, отъ республики радикальной, насильственной...

Въ заключеніе, де-Брольи доказываетъ, что ближайшею цѣлью, къ которой всѣ должны стремиться, является не столько опредѣленіе характера политическихъ учрежденій, сколько «созданіе консервативнаго парламентскаго большинства на столько объединеннаго, чтобы быть въ состояніи противостоять пагубнымъ страстямъ и доктринамъ».

На съѣздѣ въ Сегра (въ департаментѣ Мэны и Луары), Фаллу, непринадлежащій къ числу депутатовъ, и іезуитски въ полу-мракѣ орудующій въ пользу сліянія, высказывается, напротивъ того, за немедленное составленіе *конституціи*; но, само собою разумѣется, онъ воздерживается отъ выраженія своего мнѣнія о томъ, какою должна быть эта конституція, монархическою или республиканскою.

Авторъ «Парижа въ Америкѣ» Лабулэ, въ цѣломъ рядѣ статей, помѣщенномъ въ «Journal des Débats», старается доказать, что наше роялистское версальское собраніе еще можетъ создать республиканскую конституцію. Къ несчастью, желая оправдать свое скандальное признаніе плебисцита 1870 года, онъ, къ величайшей радости своихъ старинныхъ друзей, бонапартистовъ, запуталъ свою теорію примѣненіемъ непосредственнаго обращенія къ народу, которое сбило съ толку всю его логику. Онъ надѣялся своими смѣшанными теоріями соединить весь правый центръ съ лѣвымъ и даже съ частью лѣвой умѣренной стороны, а вмѣсто того бросилъ въ общество новый элементъ раздора.

Какъ бы то ни было, судя по безчисленнымъ статьямъ, письмамъ и рѣчамъ, опубликованнымъ въ теченіе этого мѣсяца депутатами праваго центра и правой стороны,—обрисовываются, главнымъ образомъ, два движенія:

Вопервыхъ, произвести послѣднюю попытку къ сліянію для того, чтобы сдѣлать возможною для палаты реставрацію монархіи, попытку, поводомъ къ которой послужило 29-е сентября,—пятьдесятъ-вторая годовщина рожденія графа Шамбора.

И вовторыхъ, въ случаѣ неудачи этой попытки, формально признать слово «республика», чрезъ соединеніе отчаявшихся и интригующихъ роялистовъ съ центрами, которые, образовавъ, такимъ образомъ, парламентское большинство, наградятъ насъ монархическими учрежденіями безъ короля.

Что же касается до самаго Тьера, то онъ, между крайней правой стороною, величающей его «клятвопреступникомъ», и радикализмомъ, воздерживающимся отъ нападеній на него, продолжаетъ подыскивать маленькія комбинаціи, благодаря которымъ временное правительство сохраняется исключительно въ его интересахъ. Среди бурь будущей сессіи, этому великому эквилибристу не разъ придется пустить въ ходъ весь свой талантъ. Неспособность крайнихъ роялистовъ, видимое для всѣхъ честолюбіе прочихъ монархическихъ интригановъ и замѣчательное терпѣніе республиканцевъ оставляютъ еще позицію за нимъ.

LXXII.

Республиканскія годовщины и путешествіе Гамбетты.

Роялисты упрекаютъ Тьера въ томъ, что онъ дважды помѣшалъ имъ возстановить монархію: разъ въ Бордо, тотчасъ же послѣ заключенія мира, а другой разъ въ Версали, тотчасъ же послѣ пораженія коммуны. Республиканцы же, напротивъ того, въ правѣ жаловаться на него за то, что онъ не захотѣлъ исторгнуть у версальскаго собранія торжественнаго освященія республики въ то время, какъ заставилъ его дать ему титулъ президента ея, а впослѣдствіи за то, что употребилъ всѣ правительственныя силы централизованнаго государства на то, чтобы помѣшать пропагандѣ и окончательному утвержденію республики.

Очевидно, что еслибы Тьеръ не воспротивился этому, большинство генеральныхъ совѣтовъ заставило бы національное собраніе разойтись, а свободное празднованіе двухъ годовщинъ— годовщины замѣны имперіи республикою, 4-го сентября, и годовщины перваго низверженія королевской власти въ 1792 году— доказало бы республиканизацію почти всѣхъ городовъ Франціи. Мало того, было бы достаточно предоставить демократическимъ ораторамъ полную свободу слова и собраній, которая не могла бы быть стѣснена ни въ Америкѣ, ни въ Швейцаріи, ни даже въ Англіи и Бельгіи, для того, чтобы даже села проникнулись республиканскимъ духомъ. Если въ теченіе двадцати мѣсяцевъ, прошедшихъ послѣ заключенія мира, Франція не стала еще республикою и de jure и de facto, то виновато въ этомъ исключительно единоличное правительство Тьера. Политика его приве-

ла насъ къ тому—въ этомъ мнѣ лично пришлось убѣдиться,—что бо̀льшая часть націи находится въ полномъ невѣдѣніи условій свободной политической жизни, и какъ и въ прежніе режимы, относится совершенно равнодушно къ интересамъ общимъ, не понимая тождественности ихъ съ своими частными интересами. Верхомъ мудрости казалось почему-то сохранить, при номинальномъ существованіи республики, все въ томъ же самомъ состояніи, и даже тѣхъ же самыхъ чиновниковъ, что и во времена прежняго режима, режима императорскаго. Такъ, что одна старуха въ департаментѣ Гаронны, которая только и интересуется вопросомъ, будутъ-ли приготовляемыя ею сливы продаваться дешево или дорого, сказала мнѣ:

— Когда *этотъ* (Тьеръ) умретъ, возвратится *тотъ* (Наполеонъ), потому что, начиная отъ полевого стража и до префекта, всѣ власти—его слуги!

Легитимисты въ своихъ газетахъ и постоянная коммисія національнаго собранія обвиняютъ Тьера въ нарушеніи бордосскаго договора. Было бы справедливѣе, еслибы республиканцы стали обвинять его въ томъ, что онъ оказалъ неуваженіе къ формѣ правленія, первымъ должностнымъ лицомъ которой онъ является,—запретивъ празднованіе республики 4-го и 21-го сентября. Ничего не можетъ быть непонятнѣе циркуляровъ, разосланныхъ передъ этими двумя числами республиканцемъ Викторомъ Лефраномъ префектамъ, съ цѣлью воспрепятствовать демократическимъ манифестаціямъ. Для того, чтобы помѣшать республикѣ отпраздновать свое рожденіе и свое воскресеніе, рѣшились даже строго примѣнять императорскій законъ о народныхъ сборищахъ!

Никто не послушался бы этихъ нелѣпостей, еслибы наиболѣе популярные вожди демократической партіи сами не захотѣли ставить правительство въ затруднительное положеніе несвоевременными демонстраціями. Луи Бланъ отказался отъ предсѣдательства на банкетѣ, которое было предложено ему въ Рубэ, и даже не согласился на перенесеніе этого банкета въ Бельгію, потому что «это можно было бы принять за выраженіе враждебности къ президенту республики».

Гамбетта извинился въ томъ, что не можетъ присутствовать на банкетѣ въ Шатоменаръ, близь Марсели, потому что «4-е сентября было только справедливою экспіаціею и слишкомъ позднимъ удовлетвореніемъ за 2-е декабря», и что «у насъ, въ нашемъ революціонномъ прошедшемъ есть числа, болѣе славныя, болѣе спасительныя, болѣе плодотворныя».

Отвергнутая такимъ образомъ, годовщина 4-го сентября произвела впечатлѣніе только въ очень немногихъ кружкахъ, да и то потому, что префекты и жандармы приложили слишкомъ много рвенія и запрещали самые безобидные обѣды и невинныя иллюминаціи.

Демократическая партія предполагала, что къ празднованію

годовщины 1792 года отнесутся не такъ строго, какъ къ воспоминаніямъ 1870 года, и вездѣ почти банкеты, приготовленные на 4-е сентября, были отложены на 21-е.

Въ Парижѣ былъ назначенъ на этотъ день довольно значительный банкетъ; генералъ Ладмиро, губернаторъ Парижа, пользуясь осаднымъ положеніемъ, запретилъ его. Вмѣсто того, чтобы собраться сотнями на одинъ обѣдъ, парижскіе радикалы мелкими группами разошлись по ресторанамъ. Группа, находившаяся подъ предсѣдательствомъ депутата Пейра, придала, впрочемъ, своей манифестаціи много блеску, напечатавъ письма англійскихъ и ирландскихъ республиканцевъ, Виктора Гюго и Луи Блана, присланныя распорядителямъ запрещеннаго банкета, и провозгласивъ тосты за распущеніе версальскаго собранія.

Гамбетта, изъ страха не понравиться Тьеру, бо̀льшую часть парламентскихъ вакацій провелъ неподвижно и безмолвно въ Парижѣ.

Только 22-го сентября онъ принялъ приглашеніе на банкетъ, которымъ хотѣли въ Шамбери отпраздновать не столько установленіе республики, сколько присоединеніе Савойи къ Франціи. Но и на это онъ рѣшился, развѣдавъ напередъ мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, который въ спеціальномъ циркулярѣ разъяснилъ, что не слѣдуетъ запрещать *частныя* собранія, но что собранія *общественныя* должны подлежать закону 1868 года, т.-е. должны получить разрѣшеніе правительства. Во времена имперіи, никто хорошенько не могъ понять, гдѣ кончается *частное* и когда оно переходитъ *въ общественное*. Изъ того, что савойская газета «Patriote» напечатала извѣстіе о приготовляющемся торжествѣ, на которомъ будетъ говорить Гамбетта, и посовѣтывала народу выйдти къ нему на встрѣчу, префектъ Савойи заключилъ, что это собраніе *общественное*, а потому помѣщеніе, предназначавшееся для торжества, нанятое на имя одного частнаго лица, было занято всѣми наличными военными чинами, находившимися подъ рукою ревностнаго префекта.

Между тѣмъ Гамбетта направлялся въ собраніе, приглашеніе на которое онъ принялъ. Въ департаментѣ Луары, у бывшаго министра общественныхъ работъ правительства народной обороны г. Доріана, онъ произнесъ передъ собраніемъ делегатовъ, а затѣмъ передъ толпою рабочихъ, сбѣжавшихся его привѣтствовать, нѣсколько горячихъ рѣчей, въ которыхъ доказывалъ близкое утвержденіе республики безъ всякихъ эпитетовъ и необходимость соединенія рабочаго народа съ разумною буржуазіею для спасенія и развитія демократическихъ учрежденій.

Въ Ліонѣ, за интимнымъ обѣдомъ съ мэромъ, членами генеральнаго совѣта и самыми вліятельными республиканцами, онъ совѣтовалъ радикаламъ терпѣніе, осторожность и стараніе,

во что бы то ни стало, избѣгать столкновеній съ правительствомъ.

Явившись въ Шамбери, Гамбетта находитъ банкетъ, на который онъ ѣхалъ, запрещеннымъ, а распорядителей его въ страшномъ гнѣвѣ, рѣшившимися даже пойти противъ этого распоряженія, если только онъ этого захочетъ. Но онъ не захотѣлъ. Оффиціально, въ качествѣ депутата Парижа, онъ посылаетъ министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму, которою извѣщаетъ его, что банкетъ былъ организованъ такъ, что долженъ былъ остаться *частнымъ*, въ мѣстѣ закрытомъ, и съ именными приглашеніями; но что коллективное воззваніе, сдѣланное газетою «Patriote», могло сдѣлать спорнымъ *частный* характеръ собранія, и что вслѣдствіе этого онъ и его друзья отказываются отъ банкета, «желая этимъ еще разъ доказать твердую рѣшимость республиканской партіи ни въ чемъ не уклоняться отъ самой строгой легальности».

Но вмѣсто одной большой, строго-умѣренной рѣчи, которую онъ произнесъ бы въ собраніи 1,500 гражданъ, Гамбетта произноситъ пять или шесть рѣчей передъ пятью или шестью тысячами человѣкъ, перебывавшихъ въ теченіе этихъ дней въ его гостиной—въ почтовой гостиницѣ.

Хотя все еще очень сдержанный, онъ позволяетъ помощнику шамберійскаго мэра привѣтствовать себя, какъ «человѣка будущаго», признаетъ республику «на столько сильною, чтобы сопротивляться интригамъ монархистовъ и не опасаться совершенно естественныхъ волненій свободнаго народа»; онъ восклицаетъ передъ собраніемъ делегатовъ рабочаго класса:

— Катонъ всѣ свои рѣчи заканчивалъ словами: «Нужно разрушить Карѳагенъ!» Мы же должны непремѣнно повторять: «распустимъ собраніе, которое, кажется, хочетъ пустить корни въ Версали!»

Переходя отъ оваціи къ оваціи, онъ пріѣхалъ въ Альбервилль, гдѣ ожидалъ его банкетъ, уже совершенно частный. Для того, чтобы понравиться г. прокурору республики, даже ставни того кафе, въ которомъ собралось двѣсти человѣкъ, были затворены.

Меръ этого маленькаго города предложилъ за здоровье своего гостя тостъ, въ которомъ называетъ его «знаменемъ демократіи, свѣтильникомъ свободы, надеждою и опорою французской республики».

На это, съ величайшимъ тактомъ, Гамбетта отвѣтилъ:

— Нѣтъ, друзья мои, республика не нуждается въ одномъ лицѣ; она можетъ и должна умѣть обходиться безъ него.... Въ этомъ и заключается превосходство республиканскаго правительства...

Затѣмъ, вопреки якобинскимъ принципамъ, нѣсколько разъ высказаннымъ имъ, онъ настаиваетъ на муниципальной свободѣ, и на правѣ всякаго города имѣть независимое представи-

тельство. Затѣмъ онъ вступаетъ на жгучую почву, на которой его встрѣчаютъ самыми восторженными перерывами:

— Наши враги — говоритъ онъ — стараются представить современную Францію чѣмъ-то въ родѣ крѣпостнаго имѣнія въ рукахъ церкви, страною, находящеюся въ обладаніи клерикализма, оглупленною имъ... Поэтому слѣдуетъ разъ навсегда громко, у воротъ Италіи, у подножія Альпъ, во всеуслышаніе сказать: нѣтъ, Франція не клерикальная страна! Нѣтъ, она не принадлежитъ партіи временъ, предшествовавшихъ 89-му году! Устраните это собраніе, мѣшающее видѣть Францію, и вы увидите, на сколько она клерикальна!

Онъ утверждаетъ, что вся Франція признаетъ «естественнымъ нынѣшнее положеніе Италіи», и пьетъ «за нерасторжимый союзъ патріотовъ Савойи съ патріотами Франціи, за будущее, за величіе республиканской Франціи!»

Отвѣчая на новый тостъ одного изъ вліятельныхъ присутствующихъ гостей, неистощимый ораторъ дѣлаетъ длинный историческій обзоръ событій, совершившихся съ плебисцита мая 1870 г. до настоящаго времени, и представляетъ картину партій, борющихся противъ республики. Онъ называетъ легитимистовъ «готическими паладинами».

— Объ орлеанистахъ же — прибавляетъ онъ — я не скажу ничего, такъ-какъ вся политика ихъ заключается въ томъ, чтобы заполучить себѣ мѣста.

Депутація, подъ предводительствомъ самого гренобльскаго мера, ѣздила въ Шамбери просить молодаго трибуна удостоить своимъ посѣщеніемъ главный городъ Дофинэ. Гамбетта согласился на это и, прервавъ свое путешествіе по Савойи, изъ Альбервилля отправился въ Гренобль, куда и прибылъ 26-го сентября въ три часа пополудни, среди громадной восторженной толпы.

За обѣдомъ, предложеннымъ ему муниципалитетомъ, членами генеральнаго и департаментскаго совѣта, и мерами многочисленныхъ общинъ Изера, онъ предложилъ тостъ, довольно банальный: за здоровье двухъ гренобльскихъ меровъ — мера 4-го сентября и нынѣшняго.

Но за пуншемъ, инициатива устройства котораго принадлежала главному редактору газеты «Reveil du Dophiné», и на который собралось до шестисотъ демократовъ, — Гамбетта произнесъ одну, или, вѣрнѣе, двѣ, громадныя, чрезвычайно замѣчательныя рѣчи.

Возражая тѣмъ, которые болѣе чѣмъ: «да здравствуетъ республика!» кричали: «да здравствуетъ Гамбетта!» — ораторъ нашелъ возможность сдѣлать слѣдующее опредѣленіе самого себя: «человѣкъ цѣнится по своимъ трудамъ... Тотъ, котораго вы считаете своимъ, такъ-какъ онъ весь предался своей партіи, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, за себя то убѣжденіе, что онъ ни разу въ своемъ сердцѣ не ставилъ никакой интересъ,

никакую страсть, ничего на вѣсы съ интересами республиканской демократіи». Онъ напоминаетъ два событія, театромъ которыхъ былъ Гренобль: начало революціи въ 1788 году, и провозглашеніе императора по возвращеніи его съ острова Эльбы въ 1814 г. Что касается до втораго, то онъ изъявляетъ къ нему въ нѣсколькихъ горячихъ словахъ жестокое презрѣніе, которымъ пользуется впрочемъ для того, чтобы послѣ первой бросить грязью и во вторую имперію, эксплуатировавшую и развращавшую всѣ самыя благородныя страсти народа. Переходя затѣмъ къ современной политикѣ, онъ иронически нападаетъ на «арсеналъ бонапартистскихъ законовъ», посредствомъ которыхъ ребяческая администрація тщетно старается помѣшать публично говорить людямъ разумнымъ, неимѣющимъ другихъ страстей, кромѣ справедливости; далѣе на «печать, называемую печатью *порядка,* которая на самомъ дѣлѣ производитъ одинъ только безпорядокъ, является только постояннымъ агентомъ смутъ и диффамаціи». Ззатѣмъ онъ начинаетъ говорить противъ тѣхъ законовъ, которые стѣсняютъ у насъ право собраній.

— Избавимся—восклицаетъ Гамбетта — отъ партіи лжи, и нашею твердою рѣшимостью никогда не прибѣгать къ насилію покажемъ презрѣннымъ клеветникамъ, что они не имѣютъ права ссылаться даже на внѣшность. Такъ-какъ страхъ сталъ послѣднимъ орудіемъ нашихъ противниковъ, нужно, чтобы республиканская радикальная партія задала себѣ задачею вылечить Францію отъ страха. А для этого нужно только одно средство—*мудрость.*

— Мудрость, столько доказательствъ которой мы уже представили—продолжаетъ ораторъ,—производитъ въ нашихъ противникахъ своего рода отчаяніе, которое близко граничитъ съ яростью... Они ожидали ошибокъ со стороны республиканской партіи... Они надѣялись возстановить тогда порядокъ, который на самомъ дѣлѣ былъ бы высшею степенью безпорядка... Понятно, что при режимѣ диктаторскомъ, цезарскомъ, или королевскомъ, республиканцы, устраненные отъ дѣятельности, гонимые, преслѣдуемые, бросаются въ бездну уличныхъ приключеній... Но времена эти прошли. То, что̀ казалось до извѣстной степени естественнымъ, когда мы составляли угнетенное меньшинство, было бы преступленіемъ при правительствѣ, проистекающемъ отъ всеобщаго голосованія, носящемъ имя республики... Отъ всеобщаго голосованія, откладывать которое на долгое время становится невозможнымъ, будетъ зависѣть превратить этотъ эмбріонъ республики въ республику чистую, окончательную, совершенную... Да и кромѣ того, мудрость эта вполнѣ естественна въ виду безсилія, безплодности, до которыхъ дошли монархисты... Пусть, если хотятъ, они прибѣгнутъ къ насильственнымъ средствамъ. Мы же въ нихъ совершенно не нуждаемся. Страна съ нами... За насъ законъ, имя режима. Скоро мы добьемся и самой сущности его.

Доказательство этого Гамбетта видитъ въ метаморфозѣ, со-

вершающейся въ настоящее время въ монархистахъ, которые, наконецъ, узнали настоящее положеніе страны. Отъ идеи чистой реакціи, реставраціи «законнаго» короля, конституціоннаго роялизма, честнаго опыта, они дошли до признанія республики консервативной и до того, что сами говорятъ: «остается одно— сдѣлаться республиканцами!» Вскорѣ они первые будутъ требовать возвращенія въ Парижъ и утвержденія республики; они хорошо знаютъ, что распущеніе близко, что оно уже совершается и «заключаютъ этотъ бракъ *in extremis* съ республикою!»

И здѣсь-то проявляется вся ловкость того, котораго Феликсъ Піа называлъ «хитрымъ генуэзцемъ». Указавъ на ловушку, онъ указываетъ такъ же, какъ и обойти ее. Онъ совѣтуетъ благоразуміе, скромность, политику, которая «допускаетъ извѣстные случаи примиренія, извѣстные компромиссы, потому что хорошее «общество, хорошій политическій режимъ никогда не могутъ быть образованы посредствомъ tabula rasa».

Я не знаю, поняли ли это слушавшіе его радикалы, но я самъ не считаю эту тактику согласною съ строгостью чистыхъ демократическихъ принциповъ. Но Гамбетта, подготовляя свое президенство, завоевалъ себѣ такимъ образомъ довѣріе буржуа, который всегда считаетъ себя хитрымъ, потому что онъ всегда обманутъ: консерваторы безъ вѣры и принциповъ успокоиваются, узнавъ, что между его интересами, и даже его предразсудками, и диктатурою Гамбетты могутъ существовать компромиссы.

Гренобльская народная аудиторія, довольно холодно принявшая ту часть рѣчи, гдѣ она имѣла макіавеллическій оттѣнокъ, тѣмъ не менѣе очень хорошо поняла практическій смыслъ ея заключенія: избиратели не должны довѣряться всякому, являющемуся къ нимъ въ качествѣ республиканца, потому что такимъ образомъ они могутъ «попасть въ руки людей, сдѣлавшихся республиканцами въ самое послѣднее время лишь по необходимости».

Предначертывая программу условій, которымъ необходимо долженъ удовлетворять при будущихъ общихъ выборахъ истинно-республиканскій кандидатъ, Гамбетта требуетъ: признанія окончательной республики и формальнаго отреченія отъ всякаго другаго режима; республиканскаго прошедшаго или, по крайней мѣрѣ, неопровержимыхъ доказательствъ раскаянія, потому что, если республиканская партія должна быть великодушна по отношенію къ тѣмъ, которые сознали свои ошибки и хотятъ добросовѣстно служить республикѣ, то было бы противнымъ политикѣ и нравственности предать республику въ руки тѣхъ, которые постоянно были ея злѣйшими врагами.

— Теперь, восклицаетъ онъ: — эти монархическія партіи, осужденныя страною, соединяются, хотятъ основать республику либеральную, конституціонную!.. Берегитесь впутаться въ эту неблагородную комедію!... Для того, чтобы разстроить всѣ эти

махинаціи, достаточно выяснить ихъ значеніе Франціи... Нечего болѣе ожидать, нечего надѣяться на людей, находящихся въ Версали; съ этихъ поръ нужно обращаться только ко всеобщему голосованію, нужно разбирать, оцѣнивать людей, выбирать программы, указывать на реформы, идти прямо къ цѣли, и наконецъ, указать на тѣхъ, которыхъ надо будетъ, когда придетъ время, послать въ Парижъ... въ тотъ Парижъ, который никогда не утрачивалъ довѣрія Франціи; потому что всякій разъ, какъ имя его произносится въ провинціи, его привѣтствуютъ, какъ главу и сердце отечества».

Эти послѣднія слова вызвали взрывъ рукоплесканій, и «красный дофинъ», какъ его величаютъ монархисты, среди самыхъ горячихъ и восторженныхъ овацій, продолжалъ свое путешествіе по Дофинэ и Савойѣ.

Въ Гренобле ему пришлось принимать даже депутаціи офицеровъ, привѣтствовавшія отъ имени патріотической арміи диктатора войны до послѣдней крайности. Въ Тононѣ, на южномъ берегу озера Леманъ, пароходы привезли къ нему изъ Женевы, Лозанны и Веве делегаціи швейцарскихъ республиканцевъ, привѣтствовавшихъ въ его лицѣ французскую республику. Недоставало только депутаціи «священниковъ-савояровъ», которые, помня нѣсколько добрыхъ словъ, сказанныхъ имъ на анжерскомъ банкетѣ въ пользу низшаго духовенства, привѣтствовали бы Гамбетту...

LXXIII.

Клерикальныя манифестаціи.

Шамберійская рѣчь, разъясняющая интригу притворнаго обращенія къ республикѣ, вызвала въ роялистской и имперіалистской печати взрывъ ярости... и страха. Газета „Soir“, на основаніи одного телеграфическаго резюме этой рѣчи, восклицала:

— Г. Гамбетта, увлеченный своею пылкостью, кажется, оправдалъ, въ департаментѣ Изеры, сужденіе, высказанное о немъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени, который предсказывалъ ему, что онъ «въ концѣ концовъ станетъ просто мятежникомъ»... Его рѣчь — открытое объявленіе войны правительству Тьера, воззваніе къ народной ненависти, поднятіе того политическаго знамени, которое до сихъ поръ держали только разные Феликсы Піа и Вермеши.

„Gaulois“ требовалъ немедленнаго возвращенія версальскаго собранія, возвращенія правой монархической стороны, *праваго большинства* «для того, чтобы не дать укорениться нравственному безпорядку, распространяемому во всей Франціи путешествіемъ республиканскаго претендента».

„France“, съ гораздо бо́льшимъ тактомъ, замѣтилъ на это,

что г. Гамбетта, ставя свою кандидатуру на президентство республики, дѣйствуетъ совершенно такимъ же образомъ, какъ Грилей въ Соединенныхъ Штатахъ, что нужно не критиковать его, а бороться съ нимъ, обращаясь, по его примѣру, непосредственно къ населенію:

— Собранія противъ собраній, рѣчи противъ рѣчей, кандидаты противъ кандидатовъ — таковъ демократическій законъ... Спасеніе нужно завоевать борьбою, посредствомъ энергіи и настойчивости, на полѣ битвы общественной жизни... Тѣ, которые не видятъ, что въ настоящее время республика единственная почва, на которой можетъ быть ведена борьба,—нравственно смѣшны. Консерваторы, увлекшіеся монархической мечтой, будутъ не только не въ состояніи одержать побѣду, но даже не будутъ въ состояніи бороться.

Я не знаю ничего, что̀ бы могло такъ хорошо выказать скрытый прогрессъ, производящійся въ обществѣ, какъ эти слова писателя, бывшаго нѣкогда имперіалистомъ и перешедшимъ теперь на сторону свободы. Еслибы свобода, въ простомъ и полномъ значеніи этого слова, была, дѣйствительно, примѣняема эквилибристическимъ правительствомъ Тьера, то мы не впали бы въ матеріальную анархію и избавились бы отъ анархіи нравственной. Агитація помѣшала бы заснуть большинству избирателей, предающихся теперь всякимъ случайностямъ, а *словесныя* битвы,—плодотворныя на столько, на сколько обыкновенныя смертоносны,—выдѣлили бы твердое, дѣятельное и просвѣщенное общественное мнѣніе.

А вмѣсто этого, что̀ дала намъ полу-свобода, раздаваемая намъ плохо разсчитанными дозами «честнаго опыта»? Вопервыхъ, политическія страсти, вспыхивающія при первомъ удобномъ случаѣ, въ родѣ ораторскаго путешествія Гамбетты, и вовторыхъ, страсти религіозныя, порождающія путешествія ко мнимо-чудотворнымъ источникамъ, которыя заставляютъ Европу предполагать, что Франція, Франція Вольтера скорѣе думаетъ возстановить средніе вѣка, нежели довершить дѣло первой французской революціи.

Прошлый мѣсяцъ конгрегаціи посылали вѣрныхъ въ Альпы, къ источнику Салеттской Божьей Матери. Достаточно было двухъ народныхъ контръ-манифестацій, въ Греноблѣ и Визилѣ, для того, чтобы остановить путешествія къ источнику, при которомъ, какъ старается увѣрить наше духовенство, Святая Дѣва явилась маленькому пастуху Максимину. Впрочемъ, салеттское чудо уже старо, а чудо, бывшее въ Лурдѣ, гораздо болѣе ново. Вслѣдствіе этого изъ Ліона и Нима, такъ же какъ изъ Ла-Рошелли, Нанта и проч. благочестивыя массы народа были отправлены къ пиринейской Божьей Матери испрашивать не только исцѣленія отъ недуговъ, но и *спасенія Франціи*. Для нихъ по всей странѣ были устроены особенные благочестивые, не скажу увеселительные, поѣзды съ уменьшенною платою: 62

франка во второмъ классѣ для благородныхъ дамъ и духовенства; 43 франка для народа въ третьемъ классѣ.

Само собою разумѣется, что для наполненія вагоновъ, нужно было произвести хоть одно чудо,—секретъ котораго мнѣ случайно пришлось узнать въ Вандеѣ. Какая-то старая дѣва въ Брессюирѣ считалась разбитою параличомъ. Три мѣсяца было употреблено на то, чтобы выучить ее сдѣлать шаговъ пятьдесятъ. Ученіе происходило въ ея саду, со всѣхъ сторонъ закрытомъ стѣнами. Какъ только въ этомъ успѣли, ее посадили на желѣзную дорогу и отправили въ Лурдъ. И дѣйствительно, какъ только она увидѣла часовню, она пошла. Костыли ея тотчасъ же уничтожили и ее проводили до дому или на подушкахъ, заранѣе предназначенныхъ для protégée Пресвятой Дѣвы, или же несли съ торжествомъ на рукахъ. Она ходила... Но, вѣроятно, еще ходить будетъ только въ своемъ саду, откуда, какъ увѣряютъ жители Брессюира, она болѣе не показывалась.

Добрые отцы-іезуиты, изгнанные изо всѣхъ странъ Европы, и нашедшіе себѣ убѣжище во Франціи, не одни устраиваютъ подобныя путешествія. Они даже болѣе, чѣмъ обыкновенно, какъ-то стушевываются съ тѣхъ поръ, какъ почтенный отецъ Дюфуръ показалъ себя черезчуръ любезнымъ на желѣзной дорогѣ по отношенію къ одной благородной дамѣ изъ Бреста, и пойманный на мѣстѣ преступленія, былъ оправданъ судомъ, признавшимъ вагонъ частнымъ жилищемъ. Теперь возятъ наивныхъ вѣрующихъ въ Лурдъ епископы, получающіе жалованье отъ правительства, и благороднѣйшія дамы нашего политическаго свѣта, какъ-то жена маршала Макъ-Магона, вдова генерала Ламорисьера и др.

И не думайте, что тутъ дѣло идетъ исключительно о разныхъ суевѣрныхъ фантазіяхъ. Эти путешествія имѣютъ цѣлью «заставить Францію дать самое торжественное, поразительное доказательство своей вѣры», привести нечестіе «къ молчаливому уваженію» и спасти народъ Франціи, которая есть «*королевство Маріи*».

Войдя въ вагоны, изъ которыхъ вышли пилигримы, я нашелъ на стѣнахъ изображенія пронзенныхъ стрѣлами сердецъ Маріи и Христа, и самъ разобралъ слѣдующія надписи:

«Да здравствуетъ папа!

«Да здравствуетъ король!

«Генрихъ V — помазанникъ Божій!

«Смерть атеистамъ и революціонерамъ!

Но я также собственными глазами видѣлъ пріѣздъ пилигримовъ, и если былъ съ перваго раза приведенъ въ ужасъ ихъ фанатизмомъ, то совершенно успокоился въ своемъ пессимистскомъ предвидѣніи религіозной междоусобной войны, разсмотрѣвъ ихъ поближе. На сотню женщинъ, дѣтей и священниковъ, я насчитывалъ не болѣе двадцати человѣкъ

зрѣлыхъ лѣтъ. Первые были одушевлены такъ, какъ вообще люди, возвращающіеся послѣ окончанія пріятнаго дѣла и хорошаго завтрака. Въ таможнѣ Рошфоръ-сюръ-Меръ меня чуть было не свалилъ съ ногъ какой-то духовный отецъ, напившійся чуть не до зеленаго змія, что̀ заставляло помирать со смѣху не только нашихъ невѣрныхъ, какъ я, но и множество буржуа, купцовъ и крестьянъ, возвращавшихся съ базара. Когда я спросилъ у послѣднихъ о лицахъ, которыя участвовали въ этихъ клерикальныхъ манифестаціяхъ, то понялъ изъ отвѣтовъ, что нигдѣ крестьяне не питаютъ такого презрѣнія къ священникамъ, фанатизирующихъ ихъ жонъ и заставляющихъ ихъ дѣлать безполезныя путешествія и тратить сбереженія хозяйства на покупку крестиковъ и чистой воды, какъ въ Сентъ-Оннѣ, Пуату и даже Бретани.

Нахальство, высказанное клерикализмомъ, который одинъ только имѣетъ право у насъ производить демонстраціи, — тогда какъ демонстраціи противнаго лагеря навѣрное были бы разогнаны штыками и митральёзами, — произвело такое же неблагопріятное впечатлѣніе на востокѣ, какъ и на западѣ. Возвращеніе лурдскихъ пилигримовъ въ Нантъ вызвало 26-го сентября совершенное возмущеніе. Мерія города, вся состоящая изъ республиканцевъ, не приняла бретонскаго благочестія подъ покровительство полиціи. И мѣстные члены распорядительнаго комитета этого благочестиваго путешествія требуютъ въ настоящее время у постоянной коммисіи національнаго собранія, чтобы она заставила правительство отставить отъ должности нантскаго мера, который допустилъ оскорбленіе «религіи, патріотизма и арміи». Это смѣшное приключеніе переходитъ теперь въ трагическое.

И теперь развѣ мы не имѣемъ права опасаться, что эксъ-вольтеріанецъ Тьеръ, вмѣсто того, чтобы допускать полное развитіе свободы, какъ религіозной, такъ и общественной, наблюдать только за сохраненіемъ порядка, выскажется за пилигримовъ и противъ ихъ «оскорбителей», даже не приказавъ разобрать истинныхъ причинъ печальныхъ сценъ, происшедшихъ около Нантской заставы? По мнѣнію однихъ, на олицетворяемую пилигримами святость бросились люди подкупленные; по мнѣнію другихъ, обстоятельство это было вызвано жестами и оскорбленіями со стороны кондукторовъ благочестивыхъ поѣздовъ. До сихъ поръ, при разбирательствѣ всякихъ споровъ, духовенство признавалось правымъ. Развѣ мы не были свидѣтелями факта, который исторія призна̀етъ невѣроятнымъ, что всѣ правительственныя силы были пущены въ ходъ для исполненія постановленія префекта о возвращеніи учительствующимъ сестрамъ и невѣжествующимъ братьямъ ліонскихъ школъ, которыя съ 4-го сентября 1870 г. захватилъ въ свои руки ліонскій муниципалитетъ, желая давать въ нихъ

дѣтямъ первоначальное свѣтское воспитаніе, вполнѣ соотвѣтствующее современному всесвѣтному прогрессу человѣческаго ума?

Мнѣ пришлось бы говорить слишкомъ много, еслибы перечислять всѣ факты, доказывающіе, насколько жестокости коммуны усилило у насъ католическое духовенство, и до какой степени власти и даже печать служатъ его интересамъ. Только однѣ радикальныя газеты не были скандализованы свадьбою г. Луазона, еретика отца Гіацинта, и наше министерство юстиціи колеблется дать этому акту законное утвержденіе, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ совершенъ въ Англіи, и что наша юриспруденція не выработала правилъ относительно бракосочетанія священниковъ, какъ будто бы самъ конкордатъ не призналъ, декретированной учредительнымъ собраніемъ 1789 г., отмѣны вѣчныхъ обѣтовъ, и освященнаго гражданскимъ кодексомъ республики и имперіи равенства передъ закономъ всѣхъ французовъ безъ различія происхожденія и состоянія.

Что̀ особенно сдѣлаетъ трудною для правительства исключительную защиту пилигриммовъ, это то, что ихъ манифестаціи все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ анти-республиканскій, и это-то именно и возбуждаетъ главнымъ образомъ негодованіе городскихъ рабочихъ и буржуа.

Благородный графъ де-Франльё, депутатъ департамента Верхнихъ Пириней, въ округѣ котораго и находится Лурдъ, обратился къ своимъ товарищамъ національнаго собранія съ воззваніемъ «показать христіанскому міру группу французскихъ депутатовъ, открыто отправляющихся молить Пресвятую Дѣву за Францію». Rendez-vous назначено на 6-е октября. Четырнадцать епископовъ и архіепископовъ будутъ собраны у подножія святой горы. Массы вѣрныхъ, собранныхъ со всѣхъ сторонъ Франціи, готовы уже слѣдовать за своими легитимистскими и католическими депутатами и вмѣстѣ съ духовенствомъ провозгласить короля!

Ни чудо, показывающееся въ Лурдѣ, ни крики: «долой пилигримовъ!» раздающіеся повсюду при появленіи ихъ, ни рѣчи Гамбетты, ни привѣтствія, которыми встрѣчаетъ населеніе каждый шагъ этого анти-монархическаго трибуна, конечно, не были бы страшны правительству, еслибы вмѣсто того, чтобы сохранять осадное положеніе въ цѣлой трети Франціи и примѣнять нелѣпые императорскіе законы во всѣхъ остальныхъ ея частяхъ, оно позволило суевѣрамъ и радикаламъ собираться, говорить, пѣть, кричать въ полной абсолютной свободѣ. Здравый смыслъ общества — въ тысячу разъ лучше, чѣмъ циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ и войска военнаго министра— оцѣнилъ бы всѣ нелѣпости, всѣ преувеличенія.

Пусть правительство съ желаніемъ вмѣшиваться во все, — вполнѣ естественнымъ при централизаціи—покровительствуетъ

суевѣріямъ противъ здраваго смысла, и старается сразу покончить съ пропагандою Гамбетты: оно только компрометируетъ себя и поставитъ на карту общественное спокойствіе. Что бы оно ни дѣлало, ему не удастся остановить агитаціи, начатой въ томъ и другомъ направленіи. Оно принуждено было, наконецъ, созвать избирателей семи департаментовъ для замѣщенія семи вакантныхъ креселъ версальскаго національнаго собранія. Такимъ образомъ, въ четырехъ мѣстахъ Франціи эти дополнительные выборы возвратятъ по 2-е октября свободу собраній, и слова.

LXXIV.

Гавръ, Парижъ, Эльзасъ-Лотарингія.

Тьеръ во время своего пребыванія въ Трувиллѣ занимался главнымъ образомъ опытами надъ новыми пушками и ружьями и разсужденіями со своимъ военнымъ министромъ о мѣрахъ, которыя слѣдуетъ принять къ первому января будущаго года для примѣненія новаго закона, вотированнаго въ минувшую сессію. Онъ не могъ оставить норманскаго берега, не отвѣтивъ на приглашеніе гаврскаго муниципалитета. Посѣщеніе имъ этого большаго коммерческаго порта послужило выборнымъ должностнымъ лицамъ и населенію—предлогомъ криками: «да здравствуетъ президентъ!» привѣтствовать въ его лицѣ республику. Съ отличающею его осторожностью, Тьеръ воздержался даже отъ произнесенія самаго имени режима, временнымъ представителемъ котораго онъ является, и вмѣсто длинной наполеоновской рѣчи, онъ завязалъ разговоровъ двадцать, частныхъ, фамиліарныхъ, хотя и громкихъ, которыми всѣ остались очень довольны, а онъ самъ въ особенности. Единственное произнесенное имъ, дѣйствительно имѣющее значеніе, выраженіе, несказанно обрадовавшее всѣхъ негоціантовъ этого порта, было слѣдующее:

— Мы не хотимъ уничтожать свободы торговли, и вѣроятно, скоро прійдемъ съ вами къ соглашенію.

Дѣйствительно, со времени берлинскаго свиданія, на которомъ не участвовала Англія, всѣ президентскіе планы относительно коммерческихъ трактатовъ, кажется, сильно измѣнились. Соглашеніе, казавшееся невозможнымъ послѣ вотированія налога на сырье, получаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе шансы на осуществленіе вслѣдствіе взаимныхъ уступокъ лондонскаго и версальскаго министровъ торговли, и есть надежда, что будетъ заключенъ новый трактатъ до истеченія срока трактата, нынѣ дѣйствующаго.

Одно обстоятельство, случившееся во время поѣздки въ Гавръ, конечно, не мало послужило возстановленію дружественныхъ

отношеній между Франціею и Англіею; я говорю о почти королевскихъ почестяхъ, оказанныхъ англійскою эскадрою президенту французской республики. Тьеръ былъ этимъ глубоко тронутъ, равно какъ и пріемомъ, сдѣланнымъ ему на палубѣ американскаго фрегата «Шенандоа», на которомъ матросы, въ полной парадной формѣ, стоя на реяхъ, прокричали ему троекратное ура! а музыка играла марсельезу.

Теперь-то и былъ удобный случай воскликнуть: «Ну, мы перешли Атлантику!» торжественно запечатлѣть союзъ двухъ великихъ республикъ и протянуть американскимъ Соединеннымъ Штатамъ руку будущихъ соединенныхъ штатовъ Европы! Но Тьеръ воздержался отъ этого, не желая—какъ объясняли самыя интимныя его газеты—безпокоить Европу и огорчать вымирающій роялизмъ.

Президентъ, вмѣсто того, чтобы поселиться въ своей оффиціальной резиденціи въ Версали, помѣстился, безъ особаго шума, но и не секретно въ Парижѣ, въ Елисейскомъ дворцѣ. Постоянная коммисія версальскаго собранія не осмѣлилась, какъ въ предъидущія ваканціи, протестовать противъ того, что̀ крайне-правая сторона называетъ явнымъ нарушеніемъ законовъ самодержавнаго большинства. Пользуясь этимъ молчаніемъ, Тьеръ со всѣмъ своимъ семействомъ кушаетъ и спитъ въ Елисейскомъ дворцѣ совершенно такъ же, какъ и на дачѣ Черныхъ Скалъ. Изъ Парижа онъ ѣздитъ въ Версаль не чаще, какъ онъ ѣздилъ туда изъ Трувилля. Кромѣ того, онъ помѣстилъ около себя и кабинетъ своего главнаго секретаря, Бартелеми-Сентъ-Илера.

Министры его перевели въ прежніе парижскіе отели всѣ бюро своихъ министерствъ, которыя, до сихъ поръ, въ угоду яраго квестора База, оставались въ Версали. Еслибы этотъ послѣдній опять не поднялъ гвалта, то и самый «Journal Officiel» переѣхалъ бы въ свою старую резиденцію на набережную Вольтера. Въ Версали не осталось бы никого изъ правительства, кромѣ постоянной коммисіи, большинство членовъ которой, впрочемъ, тоже живетъ въ Парижѣ, — еслибы не военные суды, которые, быть можетъ, не окончатъ своихъ тяжелыхъ занятій и въ эту зиму, такъ-какъ имъ нужно произнести еще, по крайней мѣрѣ, тысячъ шесть приговоровъ противъ лицъ еще непойманныхъ и которыхъ, вѣроятно, придется судить in contumacia, еслибы, наконецъ, не арестантъ Базэнъ, который считается больнымъ, и смерти котораго сильно желаютъ, потому что, если онъ не исчезнетъ вò-время, онъ скомпрометируетъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ, все еще занимающихъ должности въ военномъ министерствѣ. Слѣдствіе по дѣлу маршала составляетъ огромное дѣло въ 18,000 листовъ, составленіе копій съ которыхъ (въ пяти экземплярахъ) служитъ предлогомъ къ замедленію созванія военнаго суда, который врядъ-ли будетъ созванъ ранѣе января будущаго года.

Вѣроятно, вслѣдствіе того, что бо́льшая часть парижскаго общества не находится еще теперь въ столицѣ, не было въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль и большихъ пріемовъ у президента въ Елисейскомъ дворцѣ. Тьеръ далъ только нѣсколько маленькихъ дипломатическихъ и министерскихъ обѣдовъ, на одномъ изъ которыхъ появился графъ Арнимъ, опровергнувъ такимъ образомъ своимъ появленіемъ распространившійся-было слухъ объ отозваніи его и объ упраздненіи княземъ Бисмаркомъ германскаго посольства въ Парижѣ. Значитъ ли это, что между нами и Германіей не произошло въ это послѣднее время никакихъ недоразумѣній, и что отношенія наши не позволяютъ желать ничего лучшаго, какъ это каждое утро и каждый вечеръ доказываютъ газеты, получающія вдохновеніе отъ Бартелеми-Сентъ-Илера?

De facto, арестъ г. Эдмона Абу, который на нѣкоторое время занялъ французское общество, не произвелъ ни малѣйшаго облака на ясной лазури нашихъ оффиціальныхъ сферъ. Правительство осталось безстрастнымъ и неподвижнымъ, несмотря на протесты, поднятые печатью и такими значительными обществами, какъ общество литераторовъ, противъ посягательства за патріотическія рѣчи и статьи на личность публициста, родившагося въ Эльзасѣ, и избравшемъ французское подданство. Не столько заботамъ нашего посланника или министра иностранныхъ дѣлъ, сколько вспыхнувшему негодованію всего европейскаго общества, обязанъ г. Абу своею свободою.

Этотъ писатель, несумѣвшій попасть въ законодательный корпусъ, когда былъ имперіалистомъ, теперь, вслѣдствіе преслѣдованій прусской коммисіи, которымъ онъ подвергся, легко можетъ получить кресло въ національномъ собраніи. Кандидатура его предложена въ департаментѣ Вогезовъ на выборы будущаго 20-го октября.

Прошлую ночь пробилъ послѣдній часъ, въ который жители Эльзаса-Лотарингіи, неизбравшіе французской національности, сдѣлались нѣмцами. Такъ-какъ эмиграція вынуждается прусскимъ законодательствомъ, узаконившимъ варварство завоеванія, многіе остались на земляхъ, уступленныхъ Германіи въ вѣчное, полное владѣніе только потому, что не имѣли возможности выселиться, не потерявъ всего своего состоянія. Есть даже такія личности, которыя сочли своимъ долгомъ безпрекословно принять перемѣну національности для того, чтобы на мѣстѣ остались нѣкоторые элементы ненависти, мѣшающіе окончательной германизаціи края. Но молодые люди, которые должны были поступить въ нѣмецкую армію, почти всѣ исчезли, явившись во Францію къ вынутію жребія, и подчиняясь такимъ образомъ только законамъ своего прежняго отечества. Путешественники видѣли въ теченіе всего послѣдняго времени всѣ дороги изъ Эльзаса-Лотарингіи во Францію, покрытыми эмигрантами. Каждый поѣздъ съ востока привозитъ на парижскую мо-

стовую сотни семействъ, которымъ наши многочисленныя патріотическія благотворительныя общества съ трудомъ успѣваютъ найти пристанище, и изъ которыхъ многія, не надѣясь найти въ нашихъ городахъ и селахъ работы и средствъ существованія, переселяются въ Америку компаніями колонизаціи новаго свѣта.

Нѣкоторые отправляются въ наши алжирскія колоніи, но число ихъ невелико, такъ-какъ администрація не позаботилась принятіемъ своевременныхъ мѣръ къ постройкѣ селеній на земляхъ, назначенныхъ переселенцамъ закономъ прошлаго года.

Что̀ бы ни дѣлала политика для того, чтобы заставить насъ проглотить послѣ всѣхъ нашихъ униженій еще это величайшее изъ огорченій, несмотря на то, что даже радикальная печать молчитъ, не смѣя высказывать всего, что̀ думаетъ,—выселеніе эльзасцевъ и лотарингцевъ вырываетъ у многихъ писателей болѣзненные крики, которые являются только слабымъ отголоскомъ того, что̀ чувствуетъ каждый изъ насъ.

— На всѣхъ насъ, сынахъ Эльзаса и Лотарингіи — восклицаетъ въ «Opinion National» Барраль — лежитъ долгъ освободить наше порабощенное отечество. Это чувство мы должны поддерживать въ нашихъ семействахъ. Его мы передадимъ нашимъ дѣтямъ и внукамъ. Измѣна дала Германіи возможность взять дѣвственный городъ Метцъ. Слезы жертвы породятъ ея освободителей.

— Наше время — восклицаетъ «XIX-e Siècle»—было свидѣтелемъ всего варварства античнаго завоеванія. Пришлось уступить провинціи и гражданъ, какъ кусокъ земли и стадо барановъ... Всѣ, которыхъ возрастъ, болѣзнь, голодъ не пригвоздили къ родной почвѣ, вернулись въ объятія матери-отечества... Придется-ли имъ когда-нибудь вернуться въ свои родныя селенія, куда все манитъ ихъ обратно?... До тѣхъ же поръ бѣдняки, слабые, старцы, всѣ, которые не могли выѣхать оттуда, остались поддерживать любовь къ французскому имени на берегахъ Рейна и Мозеля. Да сохранитъ насъ Богъ отъ тщетныхъ иллюзій и смѣшныхъ угрозъ; но никто еще не утратилъ въ нашей странѣ вѣры въ торжество права, порабощеннаго нынѣ силою...

Однимъ словомъ, великое патріотическое возбужденіе было нѣкоторымъ образомъ истощено во время подписанія мира. Мы ожидали того, что̀ случилось, и отсѣкновеніе одного изъ самыхъ дорогихъ членовъ Франціи производится среди невозмутимой тишины. Германія не будетъ имѣть предлога возбудить ненависть всего свѣта противъ насъ, какъ угрожающихъ европейскому миру, и нельзя будетъ ей ссылаться на народныя манифестаціи, протестующія противъ ужаснаго мира, который въ настоящее время приводится въ исполненіе. Мы до конца переносимъ въ молчаніи страшныя послѣдствія имперіи, которую мы слишкомъ долго терпѣли.

Но Германія раскается впослѣдствіи въ томъ, что употребила во зло для Франціи побѣду, справедливо одержанную ею надъ Наполеономъ III. Она бы окончательно основала центральный пангерманизмъ, еслибы съумѣла уважать нашу территоріальную неприкосновенность. Она думала увеличиться матеріально, и создала себѣ въ боку рану, которая рано или поздно ее уничтожитъ. Франція можетъ мирно заботиться о своей реорганизаціи. Несмотря на мнимое торжество дипломатіи какого-нибудь Бисмарка, удовлетвореніе придетъ само собою.

Клодъ Франкъ.

Парижъ, 1-го октября 1872 года.

ЧТО̀ ВИДНО, И ЧЕГО НЕ ВИДАТЬ.

(Письма изъ Москвы).

Устройство въ Москвѣ постояннаго театра стало въ послѣднее время самымъ живымъ вопросомъ дня. Правда, вопросъ этотъ не новый, и въ средѣ городскаго общества, въ засѣданіяхъ думы, онъ не разъ возбуждался съ большею или меньшею силою, особенно когда тамъ заходила рѣчь о правѣ города прекратить отпускъ изъ городской кассы 57.000 р. въ пособіе императорскимъ театрамъ. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ такъ и оставался вопросомъ до открытія политехнической выставки, отчасти потому, что городскимъ представителямъ недоставало энергіи и настойчивости въ преслѣдованіи своей цѣли, а главное потому, что высшее театральное начальство до сихъ поръ смотритъ неблагосклонно на подобныя затѣи городскаго общества, считая управленіе театромъ одною изъ своихъ прирожденныхъ привиллегій. Надо сказать также и то, что при настоящихъ порядкахъ отдѣльныя лица съ связями и умѣньемъ зачастую бываютъ въ своихъ замыслахъ успѣшнѣе и сильнѣе цѣлаго общества, могущаго дѣйствовать и ходатайствовать лишь оффиціальнымъ, предуказаннымъ ему путемъ. Не потому ли московскому городскому обществу до сихъ поръ приходится оставаться лишь при одномъ желаніи имѣть доступный для всѣхъ постоянный театръ и при обязанности продолжать ежегодно отпускъ значительной суммы въ пособіе казеннымъ театрамъ въ Петербургѣ, тогда какъ одна изъ коммисій при выставкѣ ради народнаго блага еще съ весны устроила въ Москвѣ частный народный театръ? Впрочемъ, кто бы ни получилъ это право, хорошо уже то, что оно было дано и частный театръ существуетъ, хотя и временно, говорятъ, до 1-го ноября.

Теперь, какъ извѣстно, вниманію высшаго правительства представлены одновременно два ходатайства объ одномъ и томъ же предметѣ. — Одно ходатайство, городской думы, о разрѣшеніи ей устроить постоянный городской, общественный театръ, который бы содержался исключительно на средства города и находился бы въ его непосредственномъ завѣдываніи. Другое ходатайство коммисіи попеченія о рабочихъ — о разрѣшеніи временный народный театръ сдѣлать постояннымъ, съ передачей его въ общественное управленіе думы. Сильная надежда на успѣхъ этихъ ходатайствъ возлагается на то, что государь императоръ, въ бытность свою въ Москвѣ, удостоилъ театръ своимъ посѣщеніемъ и изволилъ выразить ему всемилостивѣйшее одобреніе и пожеланіе прочнаго успѣха. Личное же представительство августѣйшаго предсѣдателя выставки внушаетъ коммисіи увѣренность въ благопріятномъ исходѣ ея ходатайства.

Все это очень хорошо и утѣшительно. Странно здѣсь только то, что коммисія объ улучшеніи быта рабочихъ и ремесленниковъ неожиданно является благосклонною покровительницею города. Не входя ни въ какія сношенія съ думою, такъ охотно ссудившею на поддержаніе театра 10.000 р. городскихъ денегъ, она поспѣшила наскоро набросать что-то въ родѣ проекта постояннаго городскаго театра въ Москвѣ, подъ управленіемъ думы, и представила его кому слѣдуетъ на утвержденіе. Положимъ, что городу незачѣмъ отказываться отъ принятія въ свое завѣдываніе нынѣшняго временаго театра, потому что вмѣстѣ съ нимъ городское управленіе получило бы право имѣть свой постоянный общественный театръ. Но не странно ли всетаки навязывать городу, подъ громкимъ именемъ «проекта» для устройства постояннаго театра, измышленія «директора сцены народнаго театра А. Ѳедотова», закрѣпленныя подписью «предсѣдателя коммисіи попеченія о рабочихъ и ремесленникахъ тайнаго совѣтника М. Киттары»? Правда, народный театръ коммисіи имѣетъ значительный успѣхъ въ Москвѣ въ томъ смыслѣ, что онъ очень охотно посѣщается, и что представленія его доставляютъ немалое удовольствіе невзыскательнымъ зрителямъ. Но, съ другой стороны, трудно понять, на чемъ основывается компетентность въ устройствѣ театра гг. Киттары, Ѳедотова и коммисіи, такъ самоувѣренно взявшей на себя улучшеніе быта рабочихъ и ремесленниковъ.

Какъ бы то ни было, а составленный ими проектъ пущенъ въ ходъ, а вмѣстѣ съ нимъ разошелся по рукамъ и «Отчетъ о народномъ театрѣ», разсмотрѣнный и повѣренный коммисіей въ засѣданіи 8 сентября. Этотъ послѣдній документъ въ высшей степени важенъ и любопытенъ для всякаго, кто интересуется вообще успѣхомъ частнаго театра. Притомъ въ Москвѣ, въ обществѣ и въ печати, такъ много говорили о народномъ театрѣ, такъ сильно расхваливали его устройство и управленіе, что пройти молчаніемъ первый отчетъ дѣятельности его было

бы непростительно, тѣмъ болѣе, что этотъ «народный» театръ кромѣ того поставляется его учредителями образцомъ для устройства въ Москвѣ постояннаго городскаго театра. «Возбуждая вопросъ о постоянномъ театрѣ, сказано въ этомъ отчетѣ, коммисія желаетъ только указать на *состоятельность* самаго предпріятія, въ томъ случаѣ, если оно стоитъ не въ частномъ, единоличномъ, а въ общественномъ завѣдываніи. *Состоятельность* его представляетъ ручательство въ возможности прочнаго существованія постояннаго театра» и проч. Думаемъ также, что содержащіяся въ отчетѣ данныя не лишены особеннаго интереса и для провинціальной публики, имѣющей свои частные театры. И такъ, воспользуемся этимъ любопытнымъ документомъ и посмотримъ на результаты дѣятельности перваго частнаго театра въ Москвѣ «со дня открытія его 4-го іюня до дня закрытія выставки, 4-го сентября». Но напередъ спѣшимъ сдѣлать необходимую оговорку. Отчетъ коммисіи составленъ, такъ сказать, обоюдо-остро, съ двумя противоположными сторонами: свѣтлою и темною. Сначала все какъ будто ясно *видно* для всякаго въ ряду многочисленныхъ цифръ отчета; потомъ оно до того затемняется невѣрными бухгалтерскими пріемами и ошибочными исчисленіями, что надо употребить немалое усиліе для уразумѣнія «состоятельности» этого дѣла. Разскажемъ сначала то, что̀ прямо *видно* изъ отчетной цифири коммисіи, а потомъ разоблачимъ и то, чего *не видать* изъ отчета съ перваго взгляда, но что̀ можетъ быть усмотрѣно, при помощи нѣкоторыхъ нескромныхъ данныхъ самой же коммисіи. *Видно* же изъ отчета слѣдующее:

I.

Постройка театра стоила 23.280 р. 54 к., устройство сцены отдѣльно 2.606 р. 46 к., всего 25.887 р. Если присоединить сюда устройство газоваго освѣщенія, водопровода, мебель и разные расходы—всего до 8.394 р. 14 к., то стоимость театра опредѣлится въ 34.281 р. 14 к.

Сначала зрительная зала вмѣщала въ себѣ 1.625 мѣстъ, которыя при полномъ сборѣ должны были давать 890 р., то-есть въ среднемъ выводѣ по 54,76 коп. Съ іюля же мѣсяца число мѣстъ было увеличено до 1.803 мѣстъ и полный сборъ, при нѣсколько пониженныхъ цѣнахъ, составлялъ 851 р. 50 к., то-есть по 47,22 коп. съ человѣка. Мѣста въ театрѣ распредѣляются такъ:

дешевыхъ (отъ 5 до 40 к.) . . .	1.059
среднихъ (отъ 50 до 75 к.) . .	452
дорогихъ (отъ 1 р. до 1 р. 50 к.)	292
	1.803

Въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ было всего 75 спектаклей и по-

ставлено 19 пьесъ [1] и двѣ оперы («Жизнь за Царя» и «Русалка»).

Въ приходѣ театра сборами за мѣста показано:

въ іюнѣ	въ 27 спект.	17.280 р.	85 к.
» іюлѣ	» 30 »	19.672 »	25 »
» августѣ	» 18 »	11.775 »	20 »
Всего въ	75 спект.	48 428 р.	30 к.
Да за 2 абонемента		300 р.	00 к.
		48.728 р.	30 к.

Къ сожалѣнію, въ отчетѣ не показано, съ какого числа зрителей въ каждый мѣсяцъ собирались эти суммы, а потому нельзя сдѣлать точнаго учета и самымъ сборамъ. Въ послѣднихъ же строкахъ отчета словно мимоходомъ приписано, что публики перебывало всего 130.878 человѣкъ.

Расходы по театру распредѣлены по слѣдующимъ двумъ страннымъ разрядамъ:

I. Расходы, зависящіе отъ репертуара:

1) Труппа народнаго театра состояла изъ 42 лицъ, изъ которыхъ только трое служили безвозмездно. Содержаніе труппы обошлось въ 13.802 р. 48 к. Объ этомъ предметѣ въ отчетѣ коммисіи сдѣланъ такой странный отзывъ: «Труппа народнаго театра состояла въ общей сложности изъ 42—*5* (?!) лицъ мужскаго и женскаго персонала, изъ которыхъ не менѣе 10 мужчинъ и 8 женщинъ могли болѣе или *менѣе* удовлетворительно исполнять *отвѣтственныя* (?!) роли».

2) Оркестръ изъ 20 человѣтъ стоилъ 2.920 р.

3) Опера, въ теченіе 5 спектаклей, 3.172 р.; въ томъ числѣ: артистамъ 1.125 р., хору 822 р., оркестру 1.225 р.

4) Костюмы—3.150 р. и жалованье костюмеру и портнымъ—1.237 р. 50 к., всего 4.387 р.

5) Парики брались на прокатъ и вмѣстѣ съ прислугой для причесокъ и гримировки стоили 1.272 р.

6) Декораціи—5.671 р. 37 к. и рабочіе при нихъ 591 р. 28 к., всего 6.262 р. 65 к.

7) Разныя аксессуарныя и бутафорскія вещи 872 р. 72 к. и жалованья бутафору 75 р., всего—947 р. 72 к.

---

[1] Вотъ эти пьесы, съ указаніемъ числа представленій: «Недоросль» фонъ-Визина 8 разъ; «Ревизоръ» Гоголя—9; «Русалка» Пушкина—4, «Мельникъ Колдунъ» Аблесимова—5; «Бѣдность не порокъ»—Островскаго—9; «Не такъ живи какъ хочется» его же—8; «Свои люди сочтемся» его же—6; «Тяжелые дни» его же—5; «Свекровь» Чаева—6; «Сватъ Ѳадѣичъ» его же—4: «Смерть Ляпунова» Гедеонова—11; «Не въ деньгахъ счастье» Чернышева—5; «Ночное» Стаховича—14; «Дѣдушка» русскаго флота» Полеваго—6; «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ Куликова — 8; «Ямщики» Чернышева — 5; «Я именинникъ» Григорьева—6; «Дочь русскаго актера» Григорьева—5; «Незнакомые-знакомцы» Оникса—2. Всего 126 разъ въ теченіе 75 спектаклей.

8) Гонорарій драматическимъ писателямъ 752 р. «Согласно заявленію общества драматическихъ писателей, сказано въ отчетѣ, народный театръ платитъ по 5 р. за актъ, что составило 752 р. Расходъ этотъ не былъ великъ, такъ-какъ не всѣ пьесы были оплачиваемы означеннымъ гонораріемъ: однѣ, какъ «Смерть Ляпунова», Гедеонова, по нежеланію автора получать его, другія какъ «Ревизоръ», Гоголя, «Недоросль», фонъ-Визина, и др. за смертью авторовъ». По числу актовъ представленій по нашему счету изъ 752 р. приходится г. Островскому 490 р. и г. Чаеву—170 р., обоимъ вмѣстѣ 660 р. На всѣхъ остальныхъ живыхъ авторовъ только 92 р. Какъ вышло это число, недѣлимое на 5, неизвѣстно.

Такимъ образомъ всѣ расходы, «зависящіе отъ репертуара», составили 33.515 р. 85 к.

II. «Расходы, независящіе отъ репертуара»:

1) Освѣщеніе газомъ и свѣчами, вмѣстѣ съ прислугою 1.740 р. 35 к. (а не 1.840 р. 35 к., какъ подведено въ отчетѣ).

2) Экипажи для артистовъ 1.810 р.

3) Прислуга при зрительной залѣ и кассиры—артельщики—1.401 р.

4) Печатаніе афишъ и билетовъ 1.950 р. и объявленій — 87 р., всего 2.037 р. «Изъ московскихъ газетъ однѣ «Современныя Извѣстія» не печатали даромъ объявленій о ежедневномъ репертуарѣ театра, а «Русскія Вѣдомости» не печатали ихъ вовсе.

5) «Надзоръ за зданіемъ и собственностью театра» былъ порученъ смотрителю и его помощнику, при которыхъ находились еще 9 сторожей и 3 сторожихи. Всѣмъ имъ заплачено 709 р.

6) Содержаніе полиціи — 225 р.

7) Мелочные и непредвидѣнные расходы — 639 р.

Слѣдовательно, весь расходъ, независящій отъ репертуара, составлялъ 8.561 р 35 к., а все содержаніе театра за 3 мѣсяца стоило 42.077 р. 20 к. (а не 42.207 р. 70 к., какъ подведено въ отчетѣ). Съ постройкою зданія и первоначальнымъ устройствомъ театра расходъ опредѣляется 76.358 р. 34 к.

Вотъ что прямо *видно* изъ цифръ, представленныхъ въ отчетѣ. Здѣсь свѣтлая сторона его сильно затемняется: если въ частныхъ итогахъ то и дѣло попадаются ошибки, то и общая цифра расходовъ по содержанію театра идетъ совсѣмъ въ разладъ съ цифрами приложенной къ отчету ежемѣсячной вѣдомости, долженствовавшей служить главнымъ основаніемъ исчисленій. Такъ, въ отчетѣ совсѣмъ опущены слѣдующіе расходы, нескромно представляющіеся глазамъ читателя въ ежемѣсячной вѣдомости: 2,676 р. 41 к. — поспектакльной платы актерамъ (сверхъ показанныхъ въ отчетѣ 13,802 р. 48 к. жалованья); 560 руб. 12 к. — какихъ-то денегъ, «отосланныхъ въ Павлово»; 423 р. 27 к. «канцелярскихъ расходовъ»; 60 р. поспектакльной платы г. Блезе; 146 р. 50 к. награды двумъ ак-

терамъ; 300 р. на «поѣздку въ Петербургъ гг. директоровъ», всего 4,166 р. 30 к. Этотъ послѣдній расходъ напоминаетъ такой же другой расходъ, показанный по первоначальному устройству театра, а именно: «500 р. по авансу т. Дурново» (одного изъ дѣятелей коммисіи). Что это за расходъ? «По авансу»—должно полагать, что эти деньги были вручены генералу Дурново, а отчета въ нихъ не представлено. Если приведенныя сейчасъ изъ ежемѣсячной вѣдомости и пропущенныя въ отчетѣ цифры, приложить къ общимъ итогамъ расходовъ двухъ разсмотрѣнныхъ разрядовъ, то окажется, что содержаніе театра стоило 46,243 руб. 50 к., а всего истрачено на театръ съ постройкою зданія 80,524 р. 64 к.

Вотъ, стало быть, другая общая цифра расходовъ, которой хотя прямо и *не видать* изъ отчета, но которую можно вывести изъ сравненія отчета съ вѣдомостью. Которой изъ этихъ цифръ слѣдуетъ вѣрить? Сказать трудно, потому что въ итогѣ расходовъ по ежемѣсячной вѣдомости, заключающей въ себѣ издержки *даже лишнія* противъ отчета, получается третья цифра по содержанію театра, несравненно *менѣе* обѣихъ предыдущихъ (т.-е. 42,077 р. 20 к. и 46,243 р. 50 к.). А именно въ этой вѣдомости показано расходовъ:

За іюнь	13,367 р. 80 к.
» іюль	11,062 » 48 »
» августъ. . . .	10,258 » 31 »
За три мѣсяца . . .	34,688 р. 59 к.

Слѣдовательно, текущіе расходы по вѣдомости показаны меньше въ одномъ случаѣ на 7,388 р. 61 к., а въ другомъ — на 11,554 р. 91 к.

Такова артистическая бухгалтерія коммисіи, имѣющая наготовѣ три различные итога расходовъ: большой, средній и малый. Выбирайте любую цифру для доказательства желаемой степени «состоятельности» временнаго театра, «ручающейся въ возможности прочнаго существованія постояннаго театра», па тѣхъ же основаніяхъ. Изъ приведенныхъ цифръ отчета *видно*, что излишекъ сборовъ надъ *текущими* расходами (не считая затраты на постройку и первоначальное устройство театра) равняется: въ одномъ случаѣ 6,651 р. 10 к., въ другомъ—2,484 руб. 80 к., а въ третьемъ—14,039 р. 71 к.

Дабы еще *виднѣе* была дѣятельность театральнаго управленія, надо замѣтить слѣдующее. Такъ-какъ театръ былъ выстроенъ только на три лѣтнихъ мѣсяца выставки, то подъ осень явилась надобность приспособить его къ наступившимъ холодамъ. Теперь производится передѣлка театра, которая должна стоить всего 10,000 р. Съ этими деньгами постройка зданія и первоначальное устройство театра, *въ видѣ затраты основнаго капитала*, составляетъ уже 44,281 р. 14 к. «Зданіе театра, сказано въ отчетѣ, на столько солидно и перестройка

его такъ тщательно производится, что оно можетъ постоять еще нѣсколько лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока московская дума найдетъ возможнымъ построить новое зданіе постояннаго театра, если на основаніе его въ Москвѣ послѣдуетъ высочайшее соизволеніе».

Далѣе, принимая, согласно отчету, цифру расхода за 75 спектаклей въ 42 077 р. 20 к., а дохода 48,728 р. 30 к., увидимъ, что въ среднемъ выводѣ каждый спектакль далъ, стало быть, 560 р. расхода и 642 р. дохода. То-есть чистый барышъ отъ каждаго представленія равнялся 89 р., которыми и долженъ погаситься весь расходъ основнаго капитала въ 44,281 р. 14 к. Теперь спрашивается: въ какой срокъ можетъ окупиться сборами такая затрата? Очевидно, что въ срокъ очень продолжительный, и то лишь при условіи, что въ теченіе этого срока театръ будетъ пробавляться все однѣми и тѣми-же пьесами,— что онъ не истратитъ ни копейки на новыя декораціи, на новые костюмы, на отопленіе театра въ морозную зиму, ни даже на ремонтъ зданія, хотя и «солиднаго», но все-таки назначавшагося лишь на три мѣсяца и требующаго, какъ всякое зданіе, поддержки и исправленія. Если вычислить всѣ эти необходимыя потребности театра, и вспомнить, кромѣ того, что въ счетѣ постройки и первоначальнаго устройства его *не видать* значительныхъ пожертвованій матеріалами, бархатомъ, сукномъ, полотномъ и проч., а также даровою работою нѣкоторыхъ подрядчиковъ (что̀ должно значительно увеличить стоимость театра въ сравненіи съ показанною въ отчетѣ),—если, говорю я,—переложить все это на деньги, то окажется, пожалуй, что при настоящемъ управленіи театромъ и при такой отчетности затраченный капиталъ не вернется совсѣмъ, и что театръ не выйдетъ изъ долговъ [1] вплоть до того времени, когда придется сломать теперешнее зданіе до основанія. Какую же степень «состоятельности» театра доказываютъ «правительству» и «обществу» трехсмысленныя цифры отчета коммисіи? Никакой.

II.

Вотъ что̀ ясно *видно* для насъ изъ этого отчета.

«Но неужели это такъ?» спроситъ читатель. «Неужели такъ убыточно содержаніе театра, вмѣщающаго въ себѣ до 2,000 зрителей? Если же это дѣйствительно такъ, то къ чему тогда всѣ эти восторги и легкомысленныя желанія общества во что̀ бы то ни стало имѣть частные театры? Къ чему всѣ эти несдержанныя филиппики противъ казеннаго управленія театрами,

[1] Изъ отчета коммисіи, между прочимъ, видно, что ею не уплачены еще не только 10,000 руб. городской ссуды, обезпеченной досками театра, но долги подрядчикамъ по его постройкѣ. Но какъ велики эти долги — не сказано.

существующими лишь при щедромъ пособіи кабинетскихъ суммъ и городскихъ кассъ?»

Но успокойтесь, читатель. Такое печальное состояніе перваго въ Москвѣ частнаго театра, который для пользы дѣла никакъ не можетъ и не долженъ служить образцомъ для будущаго, выходитъ только изъ отчетности коммисіи, которая своими цифрами неожиданно для себя самой доказала лишь діаметрально противоположное тому, что̀ хотѣла доказать. Если, по изреченію одного знаменитаго дипломата, слово дано человѣку для скрыванія мыслей, то еще чаще отчетная цифра служитъ для сокрытія дѣйствительнаго положенія дѣла. Вотъ тутъ-то и натыкаешься на египетскую тьму театральной отчетности. А чтобы разсѣять эту тьму и вывести изъ нея на свѣтъ божій то, *чего не видать* во мракѣ цифръ, необходимо дѣйствовать путемъ ихъ постепеннаго разоблаченія. Но для этого мы должны напередъ доказать слѣдующія два положенія:

1-е. Что коммисія показала въ отчетѣ *текущіе* расходы по содержанію театра выше дѣйствительныхъ.

2-е. Что коммисія показала въ отчетѣ текущіе сборы съ театра гораздо ниже дѣйствительныхъ.

Первое изъ этихъ положеній доказывается тѣмъ, что и въ отчетѣ коммисіи, и въ ежемѣсячной вѣдомости текущіе расходы перепутаны съ единовременными затратами основнаго капитала. А это огромная ошибка, совершенно извращающая сущность дѣла. Такъ, къ текущимъ расходамъ отнесены: 3,150 р. за костюмы [1], 5,171 р. 37 к. за декораціи, 872 р. 72 к. за бутафорскія вещи. Если эти суммы относить на счетъ сборовъ за первые 3 мѣсяца театра, то отчего же не отнести на нихъ и всей постройки театра и пр.? Развѣ трехсмысленной бухгалтеріи коммисіи неизвѣстно то основное правило, что текущими сборами должны *сполна* покрываться только текущіе расходы, а единовременныя затраты капитала обыкновенно *погашаются* лишь по частямъ, постепенно излишками доходовъ? Попробуемъ исправить эту грубую ошибку и изъ мрака отчетныхъ цифръ извлечь на свѣтъ то, *чего не видать* въ нихъ съ перваго раза, т.-е. отдѣленіемъ текущихъ расходовъ отъ единовременныхъ затратъ капитала установить болѣе вѣрную точку зрѣнія на дѣло. При этомъ раздѣленіи первые составятъ за три мѣсяца 36,549 р. 41 к., а послѣднія—43,975 р. 23 к. (въ томъ числѣ 34,281 р. 14 к. постройка театра, 5,671 р. 37 к. декораціи, 3,150 р. костюмы и 872 р. 72 к. бутафорскія вещи). Если же причислить сюда 10,000 р., истраченные теперь на приспособленіе зданія къ зимѣ, то составится сумма 53,975 р. 23 к.

---

[1] Въ ежемѣсячной вѣдомости вся эта сумма прямехонько разложена на первые 3 мѣсяца; въ каждомъ изъ нихъ сказано: «костюмы 1/3 *общей* стоимости по 1-е сентября—1,050 р. 59 к.», хотя этими костюмами пользуются и теперь и будутъ пользоваться послѣ.

Теперь повѣримъ на слово коммисіи, что «солидное» здавд театра «можетъ простоять», безъ всякихъ новыхъ издержекъ ну, хоть два года, т.-е. до іюня 1874 г.—до постройки думо» новаго зданія, и вычислимъ, сколько изъ доходовъ театра наді ежемѣсячно отчислять въ погашеніе затраченнаго капитала. По раздѣленіи 53,975 р. 23 к. на 24 мѣсяца, получится 2,248 р. 96 к., представляющіе собою сумму ежемѣсячнаго погашенія затраченнаго капитала. При этомъ разсчетѣ текущіе расходы за первые три мѣсяца, вмѣстѣ съ погашеніемъ капитала, составятъ 43,296 р. 29 к. Слѣдовательно, если даже признать правильнымъ показанный въ отчетѣ за тотъ же срокъ приходъ въ 48,728 р. 30 к., то къ 1-му сентября въ театральной кассѣ должно было оказаться чистаго барыша 5,432 р. 1 к. Въ теченіе же всего перваго года, до іюня 1873 года, должно бы остаться въ кассѣ 21,728 р. 4 к., т.-е. болѣе 42% всего затраченнаго на театръ капитала, чего уже совсѣмъ *не видать* изъ отчета коммисіи.

Но этого мало. Мы докажемъ еще, что рядомъ съ преувеличеніемъ текущихъ расходовъ въ отчетѣ коммисіи и суммы сборовъ показаны менѣе дѣйствительныхъ. Ключомъ къ разъясненію этой загадки да послужитъ намъ одна драгоцѣнная цифра отчета, нескромно проставленная въ его послѣднихъ строкахъ. Это именно—*130,878 зрителей, перебывавшихъ въ театрѣ*. Цифра знаменательная. Возьмемъ ее въ путеводители и проникнемъ съ нею въ египетскій мракъ театральной отчетности. Съ этихъ 130,878 человѣкъ показано всего сбора только 48,728 р. 30 к., что̀ составляетъ въ среднемъ выводѣ по точнѣйшему исчисленію коммисіи: за іюнь 640 р. $3^4/_{27}$ к., въ іюлѣ 655 р. $17^5/_{30}$ к., и въ августѣ 654 р. $17^{14}/_{18}$ к., а за три мѣсяца 649 р. $71^5/_{75}$ к., т.-е. въ каждый спектакль было недобору въ іюнѣ до 249 р., въ іюлѣ до 195 р., и въ августѣ 197 р., т.-е. за всѣ 75 спектаклей до 19,296 р. Какъ повидимому ни точны эти ариѳметическія выкладки коммисіи съ мельчайшими долями мѣдныхъ копеекъ, но онѣ положительно невѣрны, и вотъ почему.

Употребимъ тотъ же, столь любимый коммисіей, способъ исчисленія средними величинами. Раздѣливъ 130,878 зрителей на 75 спектаклей, мы получимъ 1,745 зрителей (съ долями) въ каждый спектакль. А такъ-какъ въ теченіе іюня было въ театрѣ только 1,625 мѣстъ, то значитъ, что въ немъ разсаживалось зрителей больше, чѣмъ сколько было мѣстъ. Полагая, что лишніе, такъ сказать, сверхмѣстные зрители въ числѣ 120 бывали даромъ, мы все-таки найдемъ, что въ іюнѣ театръ долженъ былъ давать *по крайней мѣрѣ полные* сборы, т.-е. въ среднемъ выводѣ не по 640 р. $3^4/_{27}$ к. въ каждое представленіе, а по 890 р., за всѣ же 27 представленій не 17,280 р. 85 к., какъ показано въ отчетѣ, а 24,030 р., т.-е. болѣе на 6,749 р. 15 к. Далѣе, въ іюлѣ и августѣ было устроено 1,803 мѣста съ полнымъ сборомъ 851 р. 50 к. Это значитъ, что при

1,745 зрителей въ каждый спектакль должно было оставаться незанятыхъ мѣстъ 58. Положивъ ихъ даже въ высшую плату, какая есть въ театрѣ (т.-е. по 1 р. 50 к.), получимъ недобора по 87 р. въ спектакль. А слѣдовательно средній сборъ долженъ бы равняться не 655 р. 17$^{5}/_{30}$ к. въ іюлѣ и 654 р. 17$^{14}/_{18}$ к. въ августѣ, а по 764 р. 50 к. въ томъ и другомъ мѣсяцѣ. Помноживъ это число на 30 и 13 спектаклей, получимъ дѣйствительный сборъ: въ іюлѣ 22,935 р., вмѣсто показанныхъ 19,672 р. 25 к., и въ августѣ 13,761 р., вмѣсто показанныхъ 11,775 р. 20 к.

Такимъ образомъ весь сборъ съ 130.878 зрителей долженъ составлять не 48,728 р. 30 к., а 60,726 р., т.-е. менѣе полной суммы сборовъ въ 75 спектаклей (64,902 р.) только на 4,176 р. и болѣе показаннаго въ отчетѣ на 11,997 р. 70 к.

Вычтя изъ 60,726 р. трехмѣсячный расходъ съ погашеніемъ капитала (43,296 р. 29 к.), получимъ чистаго барыша за 75 спектаклей 17,429 р. 71 к.

А за цѣлый годъ дѣятельности театра — по іюнь 1873 года, при указанныхъ выше условіяхъ, оказался бы слѣдующій результатъ:

Валоваго сбора . .	242,904	р.	00 к.
Расходъ съ % погаш.	173,185	»	16 »
Чистый доходъ . .	69,718	р.	84 к.

Это такая огромная сумма дохода, что по совершенномъ погашеніи изъ нея затраченнаго капитала и по уплатѣ долга городской думѣ, останется презнатная сумма на улучшеніе театра.

Вотъ что оказалось *видно*, при помощи нескромныхъ 130,878 зрителяхъ, перебывавшихъ въ 75 спектакляхъ народнаго театра.

Сомнѣваетесь въ нашихъ цифрахъ — провѣрьте ихъ какимъ хотите путемъ, и результатъ приблизительно будетъ тотъ же самый. Такъ, напримѣръ, раздѣлите 130,878 зрителей на 3 мѣсяца—получите 43,626 человѣкъ въ каждый мѣсяцъ, а по раздѣленіи ихъ на число спектаклей (27,30 и 18) получите: въ іюнѣ 1,616 зрителей, въ іюлѣ 1454, а въ августѣ 2,423, т.-е. если въ іюнѣ было свободныхъ мѣстъ по 9 въ спектакль, а всего 243, съ недоборомъ 361 р. 50 к. (по высшей полуторарублевой платѣ), въ іюлѣ по 349 въ спектакль, а всего 10, 470 съ недоборомъ 15,705 р., то въ августѣ въ каждый спектакль было лишнихъ зрителей безъ мѣстъ 11,160 съ переборомъ 16,740. Это значитъ, что если въ іюнѣ и въ іюлѣ было незанятыхъ мѣстъ 10,713, то на августъ приходится зрителей на 11,160 больше, чѣмъ было мѣстъ въ театрѣ, т.-е. опять-таки театръ бывалъ почти полонъ и недоборъ долженъ былъ быть самый незначительный не болѣе 4,000 р. съ чѣмъ нибудь за все время.

Наконецъ, если число мѣстъ помножите на число спектаклей, то выйдетъ, что при полномъ сборѣ бывало:

Въ іюнѣ . .	43,875	зрителей
— іюлѣ . .	54,090	» »
— августѣ .	32,454	» »
	130,419	зрителей,

то-есть, опять таки въ 75 спектакляхъ перебывало зрителей больше, чѣмъ сколько было мѣстъ въ театрѣ. Откуда не могъ быть недоборъ въ театрѣ, показанный въ отчетѣ? И не ясно ли, что доходы въ отчетѣ показаны меньше дѣйствительныхъ?

Вотъ чего *не видать* изъ отчета, но что̀ должно бы быть *видно* изъ него непремѣнно при 130,878 зрителяхъ, перебывавшихъ въ театрѣ. И зачѣмъ только пошла коммисія на эту «проклятую галеру» 130,878 зрителей!

Послѣ всего *виднаго* и *невиднаго* невольно впадаешь въ грустное раздумье и гонишь отъ себя прочь неотвязный вопросъ: куда же дѣвались доходы отъ театра, не показанные въ отчетѣ коммисіи?

Одно изъ двухъ: или театръ при настоящемъ устройствѣ и управленіи долженъ былъ принесть *неминуемый* убытокъ, или онъ далъ значительный барышъ, не показанный въ отчетѣ и неизвѣстно куда дѣвавшійся. Что̀ лучше и выгоднѣе для коммисіи, съ тѣмъ мы и готовы согласиться. Но для упражненія ея въ ариѳметикѣ предложимъ ей рѣшить слѣдующую задачу:

Размѣстить въ народномъ театрѣ, въ 75 спектакляхъ, 130,878 зрителей такъ, чтобы въ іюнѣ мѣсяцѣ ихъ не было бы больше 1,625, а въ іюлѣ и августѣ не больше 1,803 въ каждое представленіе, и еще такъ, чтобы, при настоящихъ цѣнахъ театра, представленія его давали постоянный недоборъ кассы, равный за 3 мѣсяца 19,296 руб.

Это недурная задача. То же, что размѣстить 10 лошадей въ 9-ти стойлахъ, полагая по 1 лошади въ каждомъ стойлѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Октябрь 1872.

Слова.—Императоръ Сигизмундъ.—Императоръ Павелъ.—Статья г. Костомарова о великорусской пѣснѣ.—Отечество.—Патріоты и казнокрады.—Одинъ изъ проектовъ освобожденія крестьянъ. — Старый и новый патріотизмъ.—Опять г. Скальковскій. — Либеральная литература.

Слово есть божественный даръ, данный человѣку для выраженія его мыслей. Это всѣ говорятъ. — Есть однако и исключенія. — Слова суть средства для прикрытія мыслей, говорилъ Талейранъ.—Когда не хватаетъ мысли, поучалъ Мефистофель школьника, слово съ успѣхомъ занимаетъ его мѣсто.—Одинъ мрачный испанскій юмористъ доказывалъ, что нѣтъ ничего легче, какъ управлять человѣкомъ при помощи словъ. Если вы хотите вести человѣка на смерть, говорилъ онъ, скажите ему, что вы его ведете къ славѣ, и онъ пойдетъ за вами. — Надо признаться, что во всѣхъ этихъ болѣе или менѣе ехидныхъ отступленіяхъ отъ ходячаго мнѣнія есть извѣстная доля правды. Но всѣ они слишкомъ бьютъ на демонизмъ, и авторы ихъ навѣрное не вѣрили самимъ себѣ, когда произносили хулу на слово. Да оно такъ и должно быть на основаніи самыхъ этихъ афоризмовъ. Мнѣ больше нравится русская пословица, если не выражающая, то могущая выразить ту же самую мысль: языкъ мой— врагъ мой. Да, человѣкъ и языкъ его, его слово—исконные враги. Овладѣть словомъ, подчинить его себѣ, сдѣлать изъ него вѣрнѣйшаго раба своего,—вотъ одна изъ задачъ человѣчества. Задача въ высшей степени важная, трудная, лежащая въ основаніи множества задачъ соціальной жизни. Слово—это такая же стихійная сила, какъ и всѣ силы природы. Въ открытой, прямой борьбѣ съ ней человѣкъ почти всегда безсиленъ. Разсказываютъ, что на Констанцскомъ соборѣ императоръ Сигизмундъ въ латинской рѣчи сказалъ, между прочимъ: Videte, patres, ut eradicetis schismam Hussitarum. Одинъ монахъ латинистъ перебилъ императора словами: Serenissime rex, schisma est generis neutri.—Почемъ ты знаешь?—Александръ Галлъ говоритъ.—Это кто?—Монахъ.—Ну, а я императоръ римскій и мое слово, надѣюсь, не хуже слова монаха.—Въ этомъ спорѣ правъ былъ съ

одной стороны монахъ, а съ другой, пожалуй, и императоръ въ томъ смыслѣ, что слово императора дѣйствительно ничѣмъ не хуже слова монаха, или вѣрнѣе, и монахъ и императоръ тутъ одинаково безсильны. Въ іюльской книжкѣ „Русской Старины“ приведено интересное распоряженіе императора Павла объ изъятіи изъ употребленія нѣкоторыхъ словъ и замѣнѣ ихъ другими. Вотъ любопытный списокъ этихъ словъ:

Не употреблять:	*Писать:*
Обозрѣть.	Осмотрѣть.
Выполнить.	Исполнить.
Степень.	Классъ.
Пособіе.	Вспоможеніе.
Стража.	Караулъ.
Отрядъ.	Деташементъ, команда.
Общество.	Собраніе.
Гражданинъ.	Купецъ, мѣщанинъ.
Именитый гражданинъ.	Именитый купецъ, мѣщанинъ.

Императоръ Павелъ преслѣдовалъ опальныя слова не только указами. Такъ однажды онъ выгналъ изъ кареты Нелединскаго-Мелецкаго за то, что тотъ употребилъ опальное слово „представители“, говоря о какихъ-то, впрочемъ, неодушевленныхъ предметахъ („Девятнадцатый вѣкъ“, II, 372). Однако усилія императора Павла изгнать изъ употребленія извѣстныя слова оказались также безплодными, какъ и надежда императора Сигизмунда передѣлать родъ слова schisma.

Такъ-то трудно бороться со словами прямо, открыто. Можно навѣрное сказать, что всякій, предпринимающій такую борьбу, потерпитъ фіаско. То или другое слово можетъ вамъ казаться неправильнымъ, неудачнымъ, невѣрнымъ названіемъ извѣстнаго предмета или выраженіемъ извѣстнаго понятія, но никакимъ вашимъ усиліямъ оно не поддастся и будетъ существовать. Если оно и исчезнетъ, такъ такимъ же долгимъ и извилистымъ путемъ, какимъ вошло въ употребленіе. Тутъ, собственно говоря, и хлопотать не объ чемъ. Слово существуетъ, и пускай себѣ существуетъ. Но важно, чтобы оно насъ не обманывало, чтобы состояніе нашего сознанія было по возможности независимо отъ привычнаго сочетанія звуковъ. Въ этомъ-то и состоитъ трудность. Отдѣльныя личности часто одолѣваютъ ее въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. И тогда для нихъ является возможность, по талейрановски, не только выражать свои мысли словами, но и скрывать мысли при помощи словъ. Они овладѣли своими словами. Языкъ ихъ пересталъ быть врагомъ ихъ. А господинъ извѣстнаго круга словъ есть господинъ извѣстнаго круга людей. Онъ владѣетъ ключомъ къ ихъ сердцамъ и головамъ. Есть слова, имѣющія дѣйствительно какое-то магическое вліяніе, способныя увлекать и отдѣльныхъ людей и массы, вести ихъ въ огонь и воду, на смерть и убійство. А между тѣмъ мно-

гія изъ нихъ суть *только* слова, т.-е. названія и выраженія, либо называющія и выражающія совсѣмъ не то, что обыкновенно съ ними связывается, либо ничего не выражающія и не называющія. Habent sua fata не только книжки, а и слова. И судьба словъ бываетъ часто гораздо удивительнѣе судьбы книгъ. Обыкновеннѣйшая изъ этихъ удивительныхъ судебъ такова. Къ извѣстному понятію приросло извѣстное слово. Понятіе расширяется, разслаивается, сдвигается сообразно историческому ходу отношеній человѣка къ соотвѣтствующему ряду фактовъ, а слово стоитъ себѣ какъ скала незыблемая. Такимъ путемъ слово весьма часто не только утрачиваетъ первоначальное значеніе, но получаетъ два или нѣсколько различныхъ значеній или даже лишается всякаго значенія. Языкъ человѣка поневолѣ становится врагомъ его, обманывая его на каждомъ шагу, не поддаваясь его усиліямъ возстановить равновѣсіе между состояніемъ его сознанія и извѣстнымъ сочетаніемъ звуковъ. Чаще всего такихъ усилій и не бываетъ, и люди умираютъ и убиваютъ, радуются и плачутъ, не задавая себѣ вопросовъ: за что? чему? А люди, которымъ удалось оріентироваться въ этомъ лабиринтѣ, бо̀льшею частію держатъ свой секретъ про себя и играютъ словами, какъ мячикомъ. Можно, конечно, не обинуясь назвать такихъ людей негодяями. И еслибы дѣло было только въ нихъ, такъ самое ихъ негодяйство представляло бы извѣстную гарантію для общества. Но не говоря уже о непосредственныхъ жертвахъ игры въ мячикъ, которыя принадлежатъ главнымъ образомъ къ рядамъ темной массы, есть люди, принимающіе участіе въ игрѣ, ничѣмъ въ ней собственно не рискуя, но и не съ злостными цѣлями, а просто по глупости и пустотѣ. Мало того, въ игрѣ сплошь и рядомъ фигурируютъ благороднѣйшіе и весьма умные люди, но которымъ не удалось, по разнымъ причинамъ, стать господами своихъ словъ, которые напротивъ находятся цѣликомъ въ ихъ власти. Невольная симпатія къ этимъ людямъ, часто жизнью, полною лишеній и страданій, и даже кровью своею свидѣтельствующихъ о чистотѣ своихъ намѣреній, — отражается и на погубившихъ ихъ словахъ. Эти слова обдаются этимъ отраженнымъ свѣтомъ, и путаница усиливается. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Попытайтесь наложить ножъ анализа на какое бы то ни было изъ волнующихъ людей словъ, и на васъ со всѣхъ сторонъ поднимется лай. Всѣ приладились уже къ этимъ словамъ. И либералы, и консерваторы, и ретрограды, и радикалы сами стали нѣкоторымъ образомъ словами и вы своимъ анализомъ посягаете на ихъ душевное спокойствіе. Культъ словъ есть культъ легкій и удобный. Онъ даетъ возможность безъ малѣйшихъ усилій мысли трактовать о матеріяхъ важныхъ и быть при этомъ увѣреннымъ, что ты дѣлаешь дѣло, надуваешь не только другихъ, а и самого себя. И все это дѣлаютъ слова, слова, слова... Много есть такихъ словъ, ненавистныхъ однимъ, священныхъ для другихъ, но главное словъ предательскихъ, не легко под-

дающихся власти человѣка: цивилизація, революція, народность, конституція, отечество, слава, свобода, патріотизмъ... Надо еще замѣтить, что слова эти, имѣя міровое значеніе, тѣмъ не менѣе для каждаго народа своеобразно специализируются. У насъ, напримѣръ, есть свое слово „переворотъ", но мы взяли и „революцію", какъ слово, выражающее извѣстный оттѣнокъ того же понятія, но не нами выработанный. Слово это мы получили съ извѣстной готовой репутаціей, провѣрять которую, однако, благодаря игрѣ въ мячикъ, и не пытались. Мы только осложнили ее своими родными элементами. Все это, разумѣется, не можетъ способствовать ясности идей и независимости сознанія отъ словъ. Оттого-то въ жизни такъ часто повторяется одна хорошенькая сказка мудраго Кузьмы Пруткова. Баринъ, уѣзжая, поручаетъ одно растеніе особенному вниманію садовника: „Блюди особенно ты за растеньемъ симъ — говоритъ баринъ—пусть оно хорошенько „прозябаетъ". Баринъ черезъ нѣсколько времени возвращается и освѣдомляется, хорошо ли прозябаетъ растеніе. Садовникъ: „Изрядно, говоритъ, прозябло ужъ совсѣмъ". Такія qui qro quo исторія устраиваетъ очень часто. Они могли бы подать поводъ къ сочиненію очень веселой книжки, еслибы изъ-за нихъ не „прозябали" растенія. Это послѣднее обстоятельство, являясь неожиданнымъ финаломъ маскарадной интриги, нѣсколько парализируетъ ея веселый характеръ.

Надо перестать мыслить словами — вотъ задача, въ полномъ объемѣ, можно сказать, неразрѣшимая, потому что понятія слишкомъ крѣпко сростаются со словами, но до извѣстной степени возможная и обязательная. Для этого требуется время отъ времени ликвидировать ходячій политическій жаргонъ, сводить итоги наслоеніямъ понятій, образующимся съ ходомъ исторіи въ неподвижной формѣ слова. Мы хотимъ представить нѣкоторые матеріалы для такой ликвидаціи.

Что̀ такое отечество? Это не просто извѣстная страна. Это сумма географическихъ, экономическихъ, юридическихъ, политическихъ и т. д. фактовъ и идей, завѣщанныхъ намъ отцами. Ренанъ, а за нимъ и г. Страховъ опредѣляютъ, какъ мы видѣли, отечество „совокупностью предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество". Это то же самое. Слѣдовательно, любовь къ отечеству есть уваженіе къ совокупности фактовъ и идей, полученныхъ нами по наслѣдству и всему человѣчеству недоступныхъ. Это опредѣленіе, съ извѣстной точки зрѣнія совершенно вѣрное, слишкомъ хорошо говоритъ само за себя, чтобы надъ нимъ стоило долго останавливаться. Пойдемъ дальше.

Недавно вышли „Русскія народныя пѣсни, собранныя В. Шейномъ", съ которыми мы знакомы только по статьѣ г. Костомарова „Великорусская народная пѣсенная поэзія" въ „Вѣстникѣ Европы". Нѣкоторыя изъ приводимыхъ г. Костомаровымъ пѣсень поразительны по своему безобразно-звѣрскому содержа-

нію. Такъ въ одной жена, повѣсивъ мужа на деревѣ, надругается надъ трупомъ и спрашиваетъ:

Али ты сладкихъ яблокъ накушался,
Соловьиныхъ пѣсенъ наслушался?

Въ другой жена давитъ мужа при содѣйствіи своего любовника: жена стала

Петлюшку на шеюшку
Накидывати;
Своему милому конецъ подала:
Ты тяни, тяни, милой,
Натягивай, небось!
Новые гужи не сорвутся,
У стараго шея не оторвется.
Старый захрипѣлъ,
Будто спать захотѣлъ,
Вычалилъ глаза,
Будто сердится;
Высунулъ языкъ,
Будто Вася бузыкъ (пьяница).

Есть варіантъ этой пѣсни:

Ногами забилъ,
Будто шутъ задавилъ,
Руки растопырилъ —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ —
Смѣяться сталъ!

Г. Костомаровъ приводитъ много пѣсень, если не столь ярко-безобразныхъ, то, во всякомъ случаѣ, способныхъ навести на самыя печальныя размышленія о семейномъ бытѣ нашего народа. Пѣсень противоположнаго свойства, которыя могли бы быть нѣкоторымъ противовѣсомъ вышеприведеннымъ, у г. Костомарова, напротивъ, очень мало. Это не значитъ, разумѣется, чтобы ихъ было мало въ дѣйствительности или даже въ сборникѣ г. Шейна. Статья г. Костомарова имѣетъ цѣлью только обратить вниманіе общества на новыя изысканія въ области великорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества и сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно собиранія образцовъ его. Это не самостоятельное изслѣдованіе, какимъ является печатающаяся въ „Бесѣдѣ“ обширная статья того же г. Костомарова о малороссійской пѣснѣ. Поэтому, въ статьѣ г. Костомарова о великорусской пѣснѣ могутъ, естественно, встрѣчаться всякіе продукты случайности, въ томъ числѣ и нѣкоторая односторонность. Но здѣсь это для насъ безразлично. Достаточно того, что приведенныя пѣсни существуютъ. Г. Костомаровъ замѣчаетъ, что это пѣсни не шуточныя, въ которыхъ народъ позволяетъ себѣ иногда грязно и грубо, но во всякомъ случаѣ только въ шутку воспѣвать какое-нибудь безобразіе, и не былевыя, въ которыхъ описываются единичные случаи. Нѣтъ, это пѣсни, свидѣтельствую-

щія о болѣе или менѣе распространенномъ фактѣ и болѣе или менѣе распространенномъ отношеніи къ нему. Г. Костомаровъ считаетъ нужнымъ прибавить, что обстоятельство это не даетъ еще права произносить карающій приговоръ надъ безнравственностью русскаго народа, ибо теперешніе неудовлетворительные способы собиранія и обнародованія пѣсень не даютъ возможности судить о предѣлахъ ихъ распространенія, о времени и условіяхъ ихъ возникновенія, о варіантахъ и т. д. Притомъ же, заключаетъ г. Костомаровъ, пѣсни эти во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ и о хорошихъ сторонахъ русскаго народа, о „бодрости его духа", его выносливости, и т. п. Все это можетъ быть и вѣрно. Но мы недоумѣваемъ, зачѣмъ все это понадобилось г. Костомарову. Кто же посмѣетъ произнести по поводу нѣсколькихъ пѣсень карающій приговоръ народу? Мы твердо увѣрены, что факты и отношенія къ нимъ, выражающіяся въ приводимыхъ г. Костомаровымъ пѣсняхъ, найдутся почти у каждаго народа въ извѣстный періодъ его развитія. Можно рѣшительно сказать, что съ точки зрѣнія современнаго образованнаго человѣка, каждый народъ можетъ оказаться безнравственнымъ, но изъ этого-то и слѣдуетъ, что карающіе приговоры въ этомъ случаѣ совершенно нелѣпы. Они столь же нелѣпы, какъ противоположная крайность,—засахариваніе каждой черты народнаго быта. Важенъ прежде всего фактъ, — онъ на лицо. Затѣмъ, идетъ объясненіе его, которое не должно быть ни карающимъ приговоромъ, ни идеализаціей.

И такъ, фактъ на лицо. Приведенныя пѣсни поются русскимъ народомъ, онѣ входятъ въ составъ „совокупности предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество". Онѣ — часть нашего отечества. Скажутъ, что пѣсни эти во всякомъ случаѣ рѣдки, ихъ рѣдко кому удавалось слышать. Пусть такъ. Но навѣрное каждому удавалось слышать пѣсни въ родѣ слѣдующей, также приводимой г. Костомаровымъ:

Какъ не лютыя ли собаки заревѣли,
Какъ не борзыя ли собаки завизжали,
Заревѣлъ-то мой старый старчище.
Слѣзаетъ старчище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли не бьетъ полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку.

Это мотивъ, достаточно всѣмъ знакомый и въ пѣснѣ, и въ дѣйствительной жизни. Это уже несомнѣнно наше отечество. И любить отечество значитъ любить эти мотивы. Но, конечно, съ этимъ не согласится ни одинъ „патріотъ". Впрочемъ, можетъ быть и согласится. Намъ вспоминается одинъ эпизодъ изъ жизни г. Кельсіева, разсказанный имъ въ книгѣ „Галичина и Молдавія". Г. Кельсіевъ увидѣлъ гдѣ-то гуцульскіе топоры, которыми гуцулы (маленькое русинское племя въ Галиціи, близкое къ малорусскому), между прочимъ, отсѣка

ютъ косы дѣвицамъ, лишившимся невинности. Дѣлается это такъ: дѣвицу привязываютъ за косу къ столбу, а пьяные молодцы-гуцулы швыряютъ въ нее топорами и ловко попадаютъ въ косу. Топоры эти показались г. Кельсіеву похожими на топоры такъ-называемаго бронзоваго періода цивилизаціи, и г. Кельсіевъ отправился ихъ посмотрѣть. „Отыскать слѣды бронзоваго періода въ XIX вѣкѣ было лестно, разсказываетъ г. Кельсіевъ, но еще лестнѣе было отыскать ихъ у русскихъ“. Ему лестно было знать и доказать, что есть русскіе, которые въ XIX вѣкѣ остались такими же варварами, чуть не четвероногими звѣрями, какими *всѣ* люди были много и много десятковъ вѣковъ тому назадъ! Это исповѣдуется не врагъ русскихъ, а напротивъ, патріотъ и притомъ въ минуту самой жаркой любви къ отечеству: крайности сходятся. Конечно, только очень пылкіе патріоты такъ предательски проговариваются. Остальные предпочитаютъ умалчивать о некрасивыхъ фактахъ или засахаривать ихъ. Но будь они смѣлѣе и послѣдовательнѣе, они должны бы были, если не радоваться находкамъ въ родѣ находки г. Кельсіева, то, по крайней мѣрѣ, любить и уважать найденное. Какъ бы то ни было, но патріоты непослѣдовательны. Отечество есть совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество. Патріоты объявляютъ, что должно любить это наслѣдіе отцовъ и жертвовать для него всѣмъ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчаясь съ тѣмъ или другимъ явленіемъ, составляющимъ ингредіентъ отечества, они находятъ возможнымъ отвернуться отъ него. На чемъ основана эта браковка ингредіентовъ отечества? Конечно, на чемъ-нибудь, лежащемъ внѣ отечества, внѣ совокупности предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять человѣчество. Отмѣтивъ эту непослѣдовательность патріотизма, отмѣтимъ еще слѣдующую черту его. Гуцульскіе топоры и гуцульскіе нравы нѣкогда принадлежали цѣлой, широко распространенной цивилизаціи. У другихъ народовъ они вымерли, замѣнились иными элементами, у гуцуловъ остались. Это памятникъ тѣхъ временъ, когда народности еще не успѣли достаточно обособиться подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и различія историческихъ судебъ. То же самое можно сказать о большинствѣ такъ-называемыхъ національныхъ особенностей, ибо наука свидѣтельствуетъ о почти тождественности первыхъ формъ цивилизаціи у большинства народовъ. Слѣдовательно, съ извѣстной точки зрѣнія патріотизмъ оказывается самымъ крайнимъ космополитизмомъ, только, такъ-сказать, заднимъ числомъ: онъ хватается за тѣ именно явленія народной жизни, которыя нѣкогда были свойственны всѣмъ народамъ.

Эти внутреннія противорѣчія идеи патріотизма показываютъ, что слова „отечество“, „любовь къ отечеству“, выражавшія въ свое время дѣйствительное отношеніе людей къ извѣстнымъ фактамъ, утратили уже это значеніе. Они отлично выражали состояніе сознанія нашихъ предковъ и потому вошли во всеобщее

употребленіе. Они существуютъ и до сихъ поръ, но связанныя съ ними понятія уже не таковы; языкъ нашъ сталъ врагомъ нашимъ. Когда предки наши говорили: я люблю свое отечество,— они отлично понимали, что̀ значатъ эти слова. Но когда эти слова говорятся нами, мы не связываемъ уже съ ними такихъ отчетливыхъ представленій. Это сдѣлала исторія, измѣнившая и отечество, и понятіе объ немъ, но не коснувшаяся слова „отечество“.

Одинъ старый историкъ сдѣлалъ слѣдующее остроумное и глубокомысленное замѣчаніе. Въ отдаленной древности только главы семействъ, отцы, patres были дѣйствительными членами общества, гражданами. Когда ихъ единичные интересы, въ которыхъ кульминировались интересы ихъ чадъ и домочадцевъ, слились въ нѣкоторомъ общемъ интересѣ, то этотъ послѣдній былъ названъ patria (подразумѣвается res), т.-е. дѣло, интересъ отцовъ, или отечество. Дѣйствительные члены первыхъ „отечествъ“, „патрій“ назывались поэтому патриціями. Слѣдовательно, когда крестьяне наши не только твердили помѣщикамъ: вы наши отцы, мы ваши дѣти,—но дѣйствительно видѣли свою славу и гордость въ величіи помѣщика (такіе типы всѣмъ знакомы), они были настоящими патріотами въ древнемъ и истинномъ значеніи слова. Такимъ образомъ, отечество есть не просто совокупность предразсудковъ и установившихся идей, которыхъ не можетъ принять все человѣчество. Въ этой совокупности звенитъ нѣкоторая особенная струна, задающая тонъ всему остальному. Дѣло здѣсь вовсе не въ одной этимологіи, какъ читатель сейчасъ убѣдится.

Какъ-то нѣсколько лѣтъ уже тому назадъ намъ, къ слову, пришлось провести маленькую параллель между казнокрадствомъ и извѣстнаго сорта патріотизмомъ. Мы разовьемъ эту тему. Что патріотизмъ и казнокрадство могутъ уживаться рядомъ, на это есть фактическія доказательства. Можно бы было привести длинный рядъ славныхъ именъ, обладатели которыхъ жили славою своего отечества, украсили его исторію своими подвигами, далеко раздвинули его предѣлы, и въ то же самое время были казнокрадами въ самомъ прямомъ смыслѣ слова. Мы, однако, не потревожимъ этихъ именъ, потому что они собою доказательства не представляютъ. Мы ставимъ вопросъ въ общей формѣ: не имѣютъ ли патріотизмъ и казнокрадство какого-нибудь общаго корня? и отвѣчаемъ: имѣютъ. Чтобы читателя не шокировало это сопоставленіе, мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что здѣсь разумѣется только особый видъ патріотизма. Мы, лично, не исповѣдуемъ, конечно, іезуитской теоріи ubi bene, ibi patria, которая составляетъ отрицаніе всякаго патріотизма, но мы и не выворачиваемъ этого девиза на изнанку, не говоримъ ubi patria, ibi bene. Считаемъ пока достаточною эту оговорку.

Названіе „страны казнокрадства“, которымъ кто-то окрестилъ Россію, до извѣстной степени заслужено нами. Не потому, ко-

нечно, чтобы случаи казнокрадства составляли исключительно русское явленіе, но потому, что мы относимся къ нимъ крайне благодушно. Растратитъ „излюбленный" человѣкъ казенныя или общественныя деньги, и общество выводитъ изъ этого только то заключеніе, что надо общими силами пополнить растраченное. А недавно былъ даже выработанъ и не безъ успѣха публично защищаемъ особый терминъ „позаимствованія", — слово очень красивое, все значеніе котораго можетъ быть оцѣнится только тогда, когда растеніе „прозябнетъ ужь совсѣмъ". Между тѣмъ „позаимствованіе" у частнаго человѣка всякій, не обинуясь, назоветъ воровствомъ - кражей или воровствомъ - мошенничествомъ. Обстоятельство это вполнѣ объясняется русскими соціальными отношеніями прошлаго времени, далеко не вполнѣ ослабѣвшими и понынѣ. Крѣпостное право и раздѣленіе общества на податныя и неподатныя сословія естественно должны были воспитать въ нашей интеллигенціи глубочайшее презрѣніе къ трудовому грошу податныхъ сословій. Когда какая-нибудь барыня отдавала нѣсколько сотенъ такихъ грошей за билетъ на спектакль съ благотворительной цѣлью, для нея было ясно только то, что она благотворитъ, соединяя пріятное съ полезнымъ. Тѣмъ труднѣе было интеллигенціи справиться съ понятіемъ о казнѣ, въ пополненіи которой она была совершенно невинна. Интеллигенція, не участвуя въ государственныхъ доходахъ, тѣмъ самымъ стояла внѣ государства и его дѣйствительныхъ, реальныхъ интересовъ, и въ то же время, живя насчетъ крѣпостнаго труда, развивала въ себѣ такъ называемыя „высокія" стремленія и чувства. Отсюда идутъ два скользкихъ пути: къ казнокрадству и къ барабанному патріотизму. Скажутъ, что патріотическая интеллигенція и сама несла свою кровь и свое достояніе. Несомнѣнно. Здѣсь кстати будетъ однако привести разсказъ Растопчина о взрывѣ энтузіазма интеллигенціи въ 1812 году:

„Въ минуту, когда губернскій предводитель кончилъ свою рѣчь, нѣсколько голосовъ воскликнуло: „нѣтъ! не по четыре со ста, а по сту съ тысячи, вооруженныхъ и съ продовольствіемъ на три мѣсяца". Большинство собранія съ громкими криками повторило эти слова. Государь благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Теперь надо изъяснить поводы этой необыкновенной щедрости. Предложеніе губернскаго предводителя было справедливо и благоразумно; но два голоса, первые захотѣвшіе дать больше, чѣмъ было предложено главою дворянства, принадлежали двумъ весьма различнымъ лицамъ. Одинъ былъ человѣкъ очень умный и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила: у него не было никакой собственности въ Московской губерніи. Другой, человѣкъ съ здоровыми легкими, былъ подлъ, глупъ и дурно принятъ при дворѣ. Онъ предлагалъ мнѣ свой голосъ за честь быть приглашену къ императорскому обѣду. И вотъ какъ можно увлечь собранія, и какъ часто они рѣшаютъ и дѣйствуютъ по одному увлеченію и безъ размышленія! Какъ часто чело-

вѣкъ превознесенъ до облаковъ газетами и біографами за дѣйствіе или слово, хотя быть можетъ онъ тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ или въ словѣ, имъ произнесенномъ“ (Девятнадцатый вѣкъ. II, 115).

Далѣе Растопчинъ разсказываетъ о томъ, уже совершенно неподдѣльномъ энтузіазмѣ, который выказало при этомъ случаѣ московское купечество. Мы привели слова Растопчина только какъ любопытное свидѣтельство одного изъ очевидцевъ и, конечно, не выведемъ изъ нихъ сомнѣній въ доблестяхъ русскаго дворянства. Въ 1812 году оно ни въ чемъ не уступало другимъ классамъ общества. Замѣтимъ однако, что дворяне, можетъ быть, слишкомъ высоко цѣнили свои подвиги. Въ томъ же второмъ томѣ „Девятнадцатаго вѣка“ помѣщена коллекція записокъ, предположеній и проектовъ по предмету освобожденія крестьянъ, относящихся къ 1809—1848 годамъ. Тутъ есть проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, Шипова и другихъ. Всѣ они болѣе или менѣе блѣдны, и характернѣе другихъ намъ показался проектъ неизвѣстнаго, безъ означенія года. Проектъ заключается въ слѣдующемъ: „Объявить сначала закономъ, что помѣщикъ есть собственникъ земли, а не крестьянъ, на оной поселенныхъ, и притомъ постановить, что впредь населенныя имѣнія могутъ быть продаваемы только въ цѣломъ составѣ, безъ раздробленія какимъ бы то ни было способомъ. Затѣмъ издать манифестъ, въ коемъ объявить, что государь императоръ, *желая вознаградить патріотическія чувства, оказанныя дворянствомъ въ отечественную войну, установляетъ ленныя помѣстья*, присвояя владѣльцамъ оныхъ титулы бароновъ, графовъ и маркизовъ или маркграфовъ, смотря по получаемому ими съ имѣнія доходу. Именно: имѣнія, приносящія менѣе 4 т. руб. доходу, составятъ обыкновенное дворянское помѣстье; дающія отъ 4 до 12 т. руб., будутъ названы баронствами; приносящія отъ 12 до 20 т. руб., возводятся въ графства, а отъ 20 до 35 т. руб.— въ маркизства или маркграфства. Помѣщики таковыхъ ленныхъ имѣній обязаны отдѣлить своимъ крестьянамъ часть земли, достаточную для ихъ продовольствія, за которую сіи послѣдніе обязываются равную часть обработывать въ пользу владѣльца, или платить денежный оброкъ по обоюдному согласію. Ленныя помѣстья не могутъ быть ни отчуждаемы, ни раздробляемы по наслѣдству, если они не состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ленныхъ владѣній, и поступаютъ къ старшему въ родѣ, который выплачиваетъ прочимъ сонаслѣдникамъ за слѣдующія имъ части деньгами. Для облегченія таковыхъ сдѣлокъ долженъ быть учрежденъ владѣльческій банкъ“.

Этотъ оригинальный проектъ, принадлежащій вѣроятно перу какого-нибудь маркиза Собакевича или маркграфини Коробочки in potentia, очевидно преувеличиваетъ значеніе патріотическихъ чувствъ дворянства въ отечественную войну, требуя за нихъ особой награды, да еще такой, какъ феодальное право. Отече-

ственная война была войной за существованіе государства, и въ интересахъ самихъ дворянъ было напрячь всѣ силы для борьбы съ Наполеономъ. Интеллигенція не представляла и не могла представлять собою въ этомъ случаѣ обособленной внутри общества группы интересовъ. Ея чувства были направлены въ ту же сторону, куда направлялись чувства каждаго мужика. Разумѣется, не этотъ патріотизмъ имѣемъ мы въ виду, когда проводимъ параллель между патріотизмомъ и казнокрадствомъ. Конечно, не всегда легко провести совершенно ясную границу между res patria и res publica. Но дѣло не въ этой границѣ, а въ *патріотическомъ* направленіи мысли, или вѣрнѣе въ увлеченіи патріотическими словами. И съ этой точки зрѣнія нѣтъ разницы между итальянскимъ патріотомъ, республиканцемъ Мадзини и прусскимъ патріотомъ, юнкеромъ Бисмаркомъ. Мадзини всю жизнь говорилъ, что онъ служитъ „Богу и народу", но онъ ошибался, онъ служилъ „отцамъ", какъ оказалось на дѣлѣ. Бисмаркъ, конечно, не ошибается. Онъ овладѣлъ своимъ языкомъ, онъ умѣетъ будить словами „отечество", „патріотизмъ" тѣ именно элементы „совокупности предразсудковъ и установившихся идей", которые ему нужны. И результаты получились блестящіе: Францію побѣдила Германія, Германію Пруссія, Пруссію „отцы", — res patria побѣдила всю Европу.

Res patria не остается безъ измѣненій. Одни отцы уступаютъ мѣсто другимъ или сами преобразуются ходомъ исторіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются характеръ и направленіе патріотизма. Еще недавно русскій патріотизмъ былъ почти исключительно военнымъ; онъ слагался изъ славы русскаго оружія и завоевательно-политическихъ мечтаній. Крымская война и реформы нынѣшняго царствованія измѣнили характеръ и „отцовъ" и патріотизма. Даже франко-прусская война почти не разбудила стараго духа, и можетъ быть только гг. Данилевскій и Страховъ попрежнему горятъ желаніемъ прибитъ свои щиты къ вратамъ Цареграда. Рѣдко-рѣдко когда проскользнетъ гдѣ-нибудь старопатріотическая нота. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы патріотизмъ исчезъ. Нѣтъ, онъ только преобразился и нынѣшнія газеты нисколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи своимъ предшественницамъ. Патріотизмомъ полно и само общество. Чтобы судить о силѣ и направленіи новаго патріотизма, мы приведемъ рѣчь священника Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, П. С. Иларіонова, сказанную имъ по случаю освѣщенія сажеприготовительнаго завода г. Беггрова:

«Боголюбезнѣйшій виновникъ настоящаго торжества! По вашему доброму приглашенію, по любви къ вамъ и сочувствію благому дѣлу, сегодня мы собрались подъ мирный покровъ вашъ для того, чтобъ вмѣстѣ съ вами раздѣлить вашу радость и признательность къ тому благословенію небесному, которое озарило ваши мысли и указало вамъ средства къ новой въ Россіи общеполезной дѣятельности на благое просвѣщеніе.

«Открытіемъ новаго завода на русской землѣ изъ такого матеріала, который издавна былъ знакомъ нетолько намъ, но и дальнимъ нашимъ предкамъ,

спокойно жившимъ, въ ихъ патріархальной простотѣ, въ простыхъ избахъ съ черными трубами, вы, съ одной стороны, оправдываете на дѣлѣ извѣстную поговорку, что «отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ», а съ другой — этимъ новымъ производствомъ вы избавляете нашу матушку Россію отъ тягостныхъ ея расходовъ въ пользу иностранцевъ, даже и за то, что̀ намъ самимъ издавна «колетъ или ѣстъ глаза». «Стыдъ не дымъ, глаза не ѣстъ», говорили наши предки, а между тѣмъ, этотъ дымъ-то иностранный, за который мы платили деньги, и кололъ до сихъ поръ намъ глаза за наше слабое умѣнье пользоваться нашими родными средствами, за нашу слѣпую привычку во всемъ и за всѣмъ обращаться къ иностранцамъ. Честь вамъ и хвала за ваше новое отечеству весьма полезное предпріятіе!

«Святая церковь православная, къ который вы принадлежите, какъ усердный членъ ея, благословляетъ нынѣ, чрезъ мое посредство, благое начало вашего добраго, общеполезнаго учрежденія, которому должны сочувствовать вполнѣ нетолько ваши присные и близкіе, но и всѣ благомыслящіе люди.

«Дай Богъ и начать, и продолжать вамъ производство вашихъ новыхъ работъ съ полнымъ успѣхомъ, по божію благословенію, на пользу вамъ самимъ и вашимъ ближнимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на пользу намъ любезнаго отечества и нашей церкви православной, которая всегда благословляетъ честные труды разумныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей!

«Вознесемъ ко Господу усердную молитву о добромъ успѣхѣ благого предпріятія».

Въ прежнія времена такая рѣчь могла бы быть сказана только развѣ полководцу какому-нибудь или градоначальнику. Легкія, фамильярныя остроты священника Иларіонова были бы въ старину замѣнены остроуміемъ болѣе возвышеннымъ, въ родѣ знаменитаго „Пускай астрономы доказываютъ“ и т. д. Нѣкоторыя другія второстепенныя и третьестепенныя особенности „штиля“ также были бы нѣсколько измѣнены. Но въ общемъ характеръ рѣчи былъ бы именно таковъ. Ново въ рѣчи священника Иларіонова лицо, къ которому онъ обращается, и поводъ, по которому онъ къ нему обращается. Новъ не патріотизмъ, а его мотивы и объекты. Патріотическій вѣнокъ все такъ-же пышенъ, но, какъ говорится въ какой-то эпиграммѣ,

Виденъ въ немъ и листъ лавровый,
И ассигнаціи листокъ.

Рѣчь священника Иларіонова бросается въ глаза только потому, что она есть рѣчь, т.-е. произведеніе ораторскаго искусства, требующаго, какъ извѣстно, нѣкоторой экстраординарности украшеній. Но по существу своему новый патріотизмъ тихъ, выражается стилемъ болѣе дѣловымъ, чѣмъ ухарскимъ и выспреннимъ, и только изрѣдка дозволяетъ себѣ легкія, изящныя завитушки. Его слѣдуетъ искать въ литературѣ. Но за то литература имъ до такой степени ровно окрашена, что нѣтъ почти возможности за что нибудь ухватиться. Если тутъ и есть что нибудь своеобразное, такъ это патріотизмъ многочисленныхъ художественныхъ фельетоновъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ и въ особенности фельетоновъ г. В. С. Да и то своеобразны они больше своею нескладностью и назойливостью. Растопырен-

*

ные они какіе-то, но все-таки патріотически растопыренные. Было время, когда новый патріотизмъ заявлялъ себя и нѣкоторымъ энтузіазмомъ. Но прошелъ его медовый мѣсяцъ, и онъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть: дѣловымъ, сухимъ, водянисто-либеральнымъ, скучнымъ для постороннихъ и прибыльнымъ для избранныхъ, для новыхъ „отцовъ".

Когда я читалъ рѣчь священника Иларіонова, я радовался. Дѣйствительно, зависѣть отъ иностранцевъ до такой степени, чтобы даже сажи своей не имѣть, когда курныхъ избъ вдоволь,— это прискорбно. Теперь, думалъ я, развивая каламбуры священника Иларіонова, г. Тургеневъ уже не посмѣетъ иронизировать на тему: русскій дымъ. Теперь дѣйствительно во очію оправдывается стихъ: „и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ", и въ особенности, конечно, г. Беггрову. Дымъ пошелъ на службу отечеству. Такъ радоваться приходится почти каждый день, радоваться не тою шумною радостью, какая сопровождала нѣкогда извѣстія о нашихъ побѣдахъ надъ внѣшнимъ врагомъ, а радостію тихою, спокойною. Тамъ дымъ, здѣсь нефть, тутъ желѣзо, тамъ капиталы, все утилизируется, все поступаетъ на службу отечеству. И мы радуемся, патріотически радуемся. Какъ далекъ этотъ патріотизмъ отъ стараго, къ которому все-таки примѣшивалось чувство горечи! Все-таки тамъ кровь лилась, иной разъ кровь близкихъ людей. Пусть г. Спасовичъ толкуетъ о „жирномъ мирѣ". Пусть нашъ патріотизмъ заплылъ жиромъ. Намъ хорошо, развѣ что скучно только, за то совѣсть чиста...

Одинъ только г. Скальковскій не радуется. Его смущаютъ мрачныя слова Уэлласа. Мы преодолѣваемъ силы природы, отдавая ихъ на службу отечеству. Но г. Скальковскій знаетъ, что „преодолѣніе силъ природы повлечетъ за собой быстрое возростаніе народонаселенія и значительное накопленіе богатствъ, что̀, въ свою очередь, будетъ имѣть слѣдствіемъ такое усиленіе бѣдности, порока и поощреніе столькихъ гнусныхъ чувствъ и лютыхъ страстей, что еще вопросъ, не понизится ли вообще умственный и нравственный уровень нашего населенія и не принесетъ ли это движеніе больше зла, чѣмъ добра" [1]. Мы дѣлаемъ быстрые успѣхи въ промышленности и торговлѣ, покоряемъ даже дымъ отечества. А г. Скальковскій знаетъ, что эти успѣхи „создадутъ цѣлую армію пролетаріевъ и преступниковъ, ряды которыхъ будутъ увеличиваться съ каждымъ днемъ, создадутъ многочисленный классъ людей, вся жизнь которыхъ будетъ проходить въ тяжкомъ, неблагодарномъ трудѣ, между тѣмъ какъ на долю ничтожнаго меньшинства выпадутъ одни лишь удовольствія".

Какъ хотѣлось бы, я думаю, г. Скальковскому, чтобы написанное перомъ могло быть хоть топоромъ вырублено. Г. Скальковскій только пошутилъ:

---

[1] См. Замѣтки въ № 8.

Развѣ публика не знаетъ?
Онъ шутилъ вѣдь, онъ шутилъ!

Несмотря на патріотизмъ, жить становится такъ скучно, такъ скучно, что надо-же и пошутить наконецъ. Г. Скальковскій продолжаетъ шутить. Онъ писалъ о лицевой и объ „оборотной“ сторонѣ московской политехнической выставки. Мы сдѣлали сводъ его мнѣніямъ,—больше ничего. Но г. Скальковскій счелъ нужнымъ огрызнуться словами: „безсодержательное фразерство“. Гдѣ оно, безсодержательное фразерство? Въ описаніи лицевой или оборотной стороны московской политехнической выставки? А тамъ или тутъ оно есть. Это г. Скальковскій, самъ авторъ, справедливо показываетъ. Оборотную сторону выставки г. Скальковскій описывалъ въ сотрудничествѣ Уэлласа, лицевую—одинъ. Осмѣливаемся думать, что сотрудничество Уэлласа не можетъ повредить г. Скальковскому. Осмѣливаемся утверждать, что „безсодержательное фразерство“ относится къ соображеніямъ самого г. Скальковскаго. И онъ правъ, клеймя ихъ этимъ именемъ. Да, вы правы, г. Скальковскій. Иначе, какъ безсодержательнымъ фразерствомъ, нельзя назвать всѣ эти патріотическіе толки о возвеличеніи Россіи при помощи промышленности, торговли, улучшенныхъ путей сообщенія. Сто лѣтъ тому назадъ это не было бы безсодержательныхъ фразерствомъ, это былъ бы лучъ свѣта. А нынѣ само общество знаетъ цѣну всѣмъ этимъ вещамъ, оно слишкомъ хорошо знаетъ цѣну ихъ лицевой стороны. Вы попробовали коснуться ихъ „оборотной“ стороны, вы дали себѣ этотъ праздникъ, но послѣ праздника пошли будни, и вы возвратились къ своей будничной работѣ какъ ни въ чемъ не бывало. О, конечно, это безсодержательное фразерство! Вы увидѣли и даже сказали, что каждый шагъ по широкому и свѣтлому пути, рекомендуемому вами по буднямъ, ведетъ народъ въ пропасть, изъ которой, нѣкоторые думаютъ, нѣтъ выхода. Но на другой-же день вы бодро встали на широкую и свѣтлую дорогу опять. О, да, это даже больше, чѣмъ безсодержательное фразерство. Вы не похожи на того садовника, который заморозилъ растеніе по наивности. Вы беретесь, въ предѣлахъ представляющейся вамъ дѣятельности, „блюсти особенно“, чтобы растеніе хорошенько прозябало, и терпѣливо ждете того момента, когда оно „прозябнетъ ужь совсѣмъ“. Вы знаете, что новый патріотизмъ ведетъ только къ установленію новой res patria, и спокойно присоединяете свой голосъ къ патріотическому хору. Да... Нѣтъ, я не знаю, какъ это назвать.

Г. Скальковскій есть типъ, имѣвшій только несчастіе обмолвиться и тѣмъ самымъ обнаружиться. Собственно говоря, кто-же не знаетъ у насъ того, что̀ сказалъ г. Скальковскій отчасти словами Уэлласа, отчасти своими собственными. Всякому образованному человѣку болѣе или менѣе извѣстно, что развитіе свободныхъ учрежденій и промышленности въ Европѣ сопровождалось и до сихъ поръ сопровождается явленіемъ „цѣлой арміи

пролетаріевъ и преступниковъ", „усиленіемъ бѣдности и порока". Всякому извѣстно также, что въ нынѣшнее царствованіе Россія вступила на путь развитія свободныхъ учрежденій и промышленности. Казалось бы, цѣлая группа вопросовъ дня сама собой напрашивается на разрѣшеніе. Что̀ можетъ быть естественнѣе опасенія повторенія у насъ печальной стороны европейскихъ порядковъ, и что̀ имѣетъ болѣе правъ на вниманіе литературы? Замѣтимъ, что насъ въ настоящее время не волнуютъ вопросы національные и что широкая и заманчивая область собственно политическихъ, конституціонныхъ вопросовъ, поглощающая столько литературныхъ силъ въ Европѣ, для насъ заперта на замокъ, ключъ отъ котораго заброшенъ чуть не за тридевять земель въ тридесятое царство. Такъ что и съ этой стороны все гонитъ насъ къ такъ-называемому соціальному вопросу, который не имѣетъ пока у насъ того революціоннаго и слѣдовательно „запрещеннаго" характера, какимъ онъ является въ Европѣ. И однако литература молчитъ, молчитъ, судя по г. Скальковскому, вполнѣ зная ужасы возможнаго исхода положенія вещей. Tarde venientibus ossa, — нашимъ потомкамъ, какъ позднимъ гостямъ на аренѣ исторіи, мы оставимъ однѣ обглоданныя кости. О, какимъ нехорошимъ словомъ обзовутъ теперешнюю литературу наши потомки! Слово будетъ жесткое, но справедливое. Современная литература не имѣетъ права сказать словами одного писателя прошлаго столѣтія: „вѣмь азъ убогій, яко то есть глубина велія и за недоумѣніе мое азъ во глубину далѣе не смѣю поступати да не погрузитъ мя" (Русскій Вѣстникъ, сентябрь, „Борьба съ протестантскими идеями въ петровское время"). Вопервыхъ, такая скромность не пристала современной литературѣ; вовторыхъ, и „глубины" никакой нѣтъ. Конечно, разрѣшеніе насущнѣйшихъ вопросовъ русской жизни нелегко, хотя все-таки легче, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда; но постановка этихъ вопросовъ не представляетъ ни малѣйшихъ трудностей: нагнитесь и поднимите

Въ сентябрской книжкѣ Русскаго Вѣстника напечатано начало обширной статьи г. Безобразова „Война и революція. Очерки нашего времени". До сихъ поръ статья представляетъ только нѣкоторыя пропилеи и совершенно неизвѣстно, что̀ воспослѣдуетъ дальше. Пропилеи, какъ пропилеи, не хуже и не учлше другихъ статей почтеннаго академика. Но въ нихъ есть недурная характеристика современной литературы: „Стараясь какъ можно болѣе совлечь съ себя ультра-отвлеченный идеалистическій и космополитическій характеръ стараго времени, литература наша стремилась сдѣлаться какъ можно болѣе мѣстною, дѣловою и практическою, и въ этомъ отношеніи достигла замѣчательнаго совершенства: въ своемъ пламенномъ рвеніи къ гласности, не только нѣкоторыя мелкія періодическія изданія превратились въ исключительные органы городскихъ сплетень, въ обиліи насылаемыхъ въ столичныя редакціи изъ

всѣхъ концовъ Россіи и едва понятныхъ даже на той улицѣ, на которой живутъ сами кореспонденты, но въ весьма видныхъ ежедневныхъ изданіяхъ обличенія разныхъ частныхъ случаевъ повседневной жизни,—мелкаго насилія, обмана, невѣжества, административныхъ пререканій между вѣдомствами и учрежденіями, самыя мелкія новости, въ большинствѣ случаевъ невѣрныя, изъ канцелярскаго и бюрократическаго міра, о предполагаемыхъ измѣненіяхъ въ форменной одеждѣ, въ штатахъ, въ подраздѣленіи должностей и пр.,—все это занимаетъ самое главное мѣсто. Это административное, канцелярское и слѣдственное направленіе текущей литературы доходитъ до того, что публикуются цѣлые ряды столбцовъ,—этимъ особенно отличаются провинціальныя кореспонденціи,—гораздо болѣе похожіе на уголовныя слѣдствія, на полемическія канцелярскія бумаги, на такъ называемыя *отношенія* между должностными лицами и присутственными мѣстами, нежели на газетныя статьи...... Микроскопическіе факты обыденной жизни, публикуемые въ иностранныхъ газетахъ въ отдѣлѣ объявленій и рекламъ, возводятся въ событія дня. Неужели въ подобномъ реализмѣ, изобличающемъ по большей части ничто иное, какъ оскудѣніе умственныхъ силъ на литературномъ поприщѣ, можетъ заключаться призваніе литературы?".

Само собою разумѣется, не въ этомъ. Но г. Безобразовъ ошибается, приписывая указываемое имъ явленіе оскудѣнію только умственныхъ силъ. Сотрудникъ г. Безобразова, г. Боевъ начинаетъ свой разсказъ „Воронъ", напечатанный въ той же сентябрской книжкѣ „Русскаго Вѣстника", слѣдующими игривыми словами: „Уже не одну недѣлю жилъ Иванъ Мартьяновичъ въ Козёмахъ. Какъ прежде надо было непремѣнно опредѣлить служебное положеніе, такъ теперь необходимо опредѣлить „убѣжденія" лица описываемаго. Я рѣшаюсь разомъ уронить сіе лицо, во избѣжаніе недоразумѣній, заявивъ, что оно убѣжденій едва-ли опредѣленныхъ, пріѣхало не для агитаціи массъ, не для заведенія школъ какихъ нибудь или ассоціацій, а по „своимъ дѣламъ". — Эти лакейскія игривости, свойственныя далеко не одному г. Боеву, въ довольно большомъ количествѣ вкраплены въ разсказъ. Что̀ онѣ означаютъ? Оскудѣніе умственныхъ силъ? Да. Но прислушайтесь къ этой лакейской ироніи, къ этимъ шипящимъ звукамъ торжествующей мелкоты, и вы увидите въ нихъ еще нѣчто. Голая умственная скудость простодушна. Она или радуется тому, что разныя „убѣжденія", каковы бы они ни были, полетѣли къ чорту, и всѣ путешествуютъ „по своимъ дѣламъ"; либо она скорбитъ, что еще недостаточно, по ея мнѣнію, пригнулись къ ея уровню дѣла, люди и идеи. Но она не иронизируетъ. Такъ иронизируетъ умственная скудость, осложненная скудостью нравственною. Только единовременнымъ вліяніемъ этихъ двухъ скудостей слагается bestia trionfante современной русской литературы и жизни. И чья доля больше, — рѣшить трудно. Велика скудость умственная, это правда. Но ею, одною,

нельзя объяснить даже мелкости и дробности интересовъ, которыми поглощена литература.

> Wer will was Lebendiges erkennen und beschreiben,
> Sucht erst den Geist herauszutreiben;
> Dann hat er die Theile in seiner Hand,
> Fehlet leider der geistige Band.

Русская литература строго придерживается этого ехиднаго рецепта Мефистофеля. Каждую мелочь она выворачиваетъ во всѣ стороны, разглядываетъ, обнюхиваетъ, ощупываетъ, и такъ увлекается этой операціей, что всякій geistiger Band теряетъ для нея свою цѣну. Отсутствіе всякихъ объединяющихъ, обобщающихъ началъ есть несомнѣнно результатъ умственной скудости, но нежеланіе ихъ имѣть, презрѣніе къ нимъ, позорная игра съ ними, иронія надъ ними, — все это есть дѣло скудости нравственной. Мы сдѣлали выше предположеніе, что каждому образованному человѣку, а тѣмъ паче представителю литературы извѣстны два факта или два ряда фактовъ: вопервыхъ, вступленіе Россіи на путь свободныхъ учрежденій и развитія промышленности; вовторыхъ, печальныя явленія, сопровождавшія и сопровождающія шествіе по тому же самому пути Европы. Смѣемъ думать, что гипотеза наша небезосновательна, да, наконецъ, въ лицѣ г. Скальковскаго она облекается въ плоть и кровь. Въ виду этого мы понимаемъ возможность въ литературѣ такихъ рѣчей: свободныя учрежденія и промышленное развитіе принесли съ собой въ Европѣ столько зла, отъ котораго она никакими кровопусканіями и припарками отдѣлаться не можетъ, что мы не хотимъ ихъ вовсе. Это были бы рѣчи неразумныя, но они принимаютъ въ соображеніе оба всѣмъ извѣстные факта, не скрываютъ отъ добрыхъ людей ничего, никого не надуваютъ. Такихъ рѣчей въ литературѣ нынѣ не раздается, развѣ въ закоулкахъ гдѣ-нибудь. Подавляющее большинство представителей русской литературы или приглашаетъ общество идти по проторенной тропинкѣ прогресса, или занимается мелкой, копотливой работой переворачиванія на этой самой тропинкѣ камешковъ и дерновинъ. Пока литература разсматриваетъ только то, что̀ у нея подъ носомъ, отъ нея естественно должна ускользать перспектива той дороги, надъ камешками и дерновинами которой она работаетъ. Это и естественно, и простительно, какъ всякое проявленіе умственной скудости. Но — ссылаюсь опять-таки на г. Скальковскаго — литература знаетъ характеръ ожидающей народъ перспективы. Знаетъ и зажмуриваетъ глаза, прячетъ голову, какъ страусъ. Разница только въ томъ, что страусъ никого кромѣ себя не обманываетъ и менѣе всего обманываетъ преслѣдующихъ его враговъ. А литература... Но для характеристики ея образа дѣйствій пришлось бы употребить выраженія, до такой степени невѣжливыя, что мы предпочитаемъ прибѣгнуть къ другому пріему.

Н. М.

ДНЕВНИКЪ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Я цѣлый мѣсяцъ не велъ дневника своимъ похожденіямъ, и, признаюсь, даже теперь не могу съ ясностью выразумѣть, что̀ происходило со мной за это время.

Я былъ жертвой двухъ мистификацій сряду. Цѣлый мѣсяцъ я волновался, хлопоталъ, и думалъ, что живу въ самомъ реальномъ значеніи этого слова. Сначала я былъ членомъ VIII международнаго статистическаго конгресса (въ качествѣ делегата отъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба), участвовалъ во всѣхъ его трудахъ, доказывалъ негодность употребляемыхъ нынѣ пріемовъ для изслѣдованія трактирной промышленности, бесѣдовалъ съ Левассёромъ, Кеттлѐ, Фарромъ и проч. Потомъ, вдругъ, какимъ-то чудомъ, декораціи перемѣнились. Оказалось, что вмѣсто статистическаго конгресса, я чуть было не сдѣлался членомъ опаснѣйшаго тайнаго общества, имѣвшаго цѣлію ниспроверженіе общественнаго порядка, и что только по особенной божьей милости, я явился предъ лицомъ суда не въ качествѣ главнаго обвиняемаго, а лишь въ качествѣ пособника и попустителя. Что Кеттлѐ совсѣмъ не Кеттлѐ, а пензенскій помѣщикъ Капканчиковъ, что Левассёръ—отставной корнетъ Шалапутовъ, Корренти—шарманщикъ Корподибакко и т. д. И что всѣ эти господа—эмиссары отъ интернаціоналки... Но этого мало: въ самый разгаръ прогресса, въ ту минуту, когда я уже начиналъ питать увѣренность, что невинность моя доказана, декораціи опять внезапно перемѣняются, и являются новыя, среди которыхъ я вижу себя... дуракомъ! Ни конгресса, ни процесса—ничего этого не было. Былъ неслыханнѣйшій, возмутительнѣйшій фарсъ, самымъ грубымъ образомъ разыгранный шайкою досужихъ русскихъ людей надъ ватагой простодушныхъ провинціальныхъ кадыковъ, въ числѣ которыхъ, къ величайшей обидѣ, оказался и я...

Только въ обществѣ, гдѣ положительно никто не знаетъ, куда дѣваться отъ праздности, можетъ существовать подобное времяпровожденіе! Только тамъ, гдѣ нѣтъ другаго дѣла, кромѣ изнурительнаго пѣнкоснимательства, гдѣ нѣтъ другого общественнаго мнѣнія, кромѣ безпорядочнаго уличнаго говора, можно

находить удовольствіе въ томъ, чтобы держать людей, впродолженіе цѣлаго мѣсяца, въ смущеніи и тревогѣ! И въ какой тревогѣ! Въ самой дурацкой изъ всѣхъ! Въ такой, при одномъ воспоминаніи о которой бросается въ голову кровь!

Представьте себѣ такое положеніе: вы приходите по дѣлу къ одному изъ досужихъ русскихъ людей, вамъ предлагаютъ стулъ, и въ то время, какъ вы садитесь—трахъ!—заднія ножки у стула подгибаются! Вы падаете съ розмаху на полъ, расшибаете затылокъ, а хозяинъ съ любезнѣйшею улыбкой говоритъ:

— Скажите, какой случай! Человѣкъ! скотина! Сколько разъ было говорено, чтобъ этотъ стулъ убрать! Извините, пожалуйста!

Вы усаживаетесь на другой стулъ, и любезный хозяинъ предлагаетъ вамъ чаю. Не подозрѣвая коварства, вы глотаете изъ стоящаго предъ вами стакана—о, ужасъ!—Это не чай, а помои! А хозяинъ съ тою же любезностью утѣшаетъ васъ:

— Ахъ, извините, пожалуйста! Это стаканъ съ водой, въ который я обыкновенно сбрасываю пепелъ отъ папиросъ! Человѣкъ! Скотина! Сколько разъ было говорено, чтобъ стаканъ этотъ убирать!

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Ежели мистификаторы упорны и пользуются здоровьемъ, они могутъ свести человѣка съума. По крайней мѣрѣ, я испыталъ это отчасти на себѣ. Теперь, послѣ двухъ съигранныхъ со мной фарсовъ, я не могу сѣсть, чтобъ не подумать: а ну, какъ этотъ стулъ вдругъ подломится подо мной! Я не могу ступить по половицѣ, чтобъ меня не смущала мысль: а что̀, если эта половица совсѣмъ не половица, а только подобіе ея, устроенное съ исключительной цѣлью, чтобъ я провалился и расквасилъ себѣ носъ!

Есмь я или не есмь? въ нумерахъ я живу, или не въ нумерахъ? Стѣны окружаютъ меня, или какое нибудь обманчивое подобіе стѣнъ? Какъ ни просты эти вопросы, но ни на одинъ изъ нихъ я положительнаго отвѣта дать не берусь. Я знаю только одно: что передо мною бездна, называемая „русскимъ досужествомъ“, бездна, которая всегда готова меня поглотить, потому что я самъ, наравнѣ съ другими, участвовалъ въ ея устройствѣ.

Куда дѣваться отъ шалуновъ? какъ оградить себя отъ нихъ? Жаловаться? — но представьте же себѣ процессъ, въ которомъ десятокъ молодыхъ шалопаевъ, при открытыхъ дверяхъ, будутъ, въ самыхъ художественныхъ о̀бразахъ, изъяснять, какимъ вы оказали себя дуракомъ! И представьте себѣ, кромѣ того, что вы даже ничего не имѣете сказать противъ этого! Потому что вы дѣйствительно вели себя какъ дуракъ, и нѣтъ въ дѣлѣ ни одного обстоятельства, которое бы не уличало васъ въ этомъ! Это сознаетъ и предсѣдатель суда, и прокуроръ, и даже собственный вашъ защитникъ, выступающій въ роли частнаго обвинителя. На всѣхъ лицахъ только одно слово и написано: дуракъ! Нѣтъ нужды, что вы были жертвой дураковъ еще болѣе без-

спорныхъ—это обстоятельство еще болѣе отягчаетъ вашу вину. Зачѣмъ связывался съ дураками—дуракъ! Какъ не разсмотрѣлъ, что тебя окружаютъ дураки — дуракъ! Какъ не понялъ, когда даже шухардинскіе половые—и тѣ догадались, что русскіе досужіе люди надъ тобой шутки шутятъ—дуракъ! Дуракъ—и больше ничего.

Словомъ сказать, вы выигрываете процессъ, вы сознаете себя вполнѣ удовлетвореннымъ передъ лицомъ юстиціи, и въ то же время, выходя изъ залы засѣданія, вы несомнѣнно чувствуете себя... дуракомъ! И даже не простымъ дуракомъ, а такъ сказать штемпелеваннымъ. Потому что вы утверждены въ этомъ званіи приговоромъ суда. Потому что не было ни обвиненнаго, ни свидѣтеля, ни даже жалобщика, котораго показаніе не резюмировалось бы въ одномъ словѣ: дуракъ! Потому что вся аудиторія хохотомъ выхохатывала это слово, и въ виду святости мѣста, вамъ даже нельзя было сказать этой хохочущей братіи: чему хохочете! надъ собой хохочете! Ибо вы плоть отъ плоти моей, кость отъ костей моихъ!

Но буду разсказывать по порядку.

Когда разнесся слухъ, что въ Петербургѣ имѣетъ быть VIII международный статистическій конгрессъ, мной прежде всего овладѣло естественное чувство гордости. Стало быть, и мы не лыкомъ шиты, коль скоро къ намъ то и дѣло наѣзжаютъ то „братья“, то „друзья“, то „гости“. Положимъ, что для братьевъ-славянъ и для заатлантическихъ друзей мы могли служить орудіемъ демонстраціи, но жрецы статистики—какую демонстрацію могли они имѣть въ виду, выбирая себѣ мѣстопребываніемъ Петербургъ? Очевидно, они ни о чемъ другомъ не думали, кромѣ роскошнаго пира науки, который нигдѣ не могъ быть устроенъ съ такимъ удобствомъ, какъ въ Петербургѣ. Стало быть, если отнынѣ кто-нибудь назоветъ насъ кадетами цивилизаціи, то мы можемъ смѣло сказать тому въ глаза: нѣтъ, мы не кадеты! къ намъ обращали взоры братья-славяне! съ нами братались заатлантическіе друзья! у насъ, наконецъ, безъ всякой задней мысли, отдыхали современные гиганты статистики!

Конечно, было тутъ и не безъ опасеній — какъ бы не осрамиться передъ иностранными гостями,—но когда мы стали съ Прокопомъ считать по пальцамъ, сколько у насъ статистиковъ, то просто даже остолбенѣли отъ удивленія. Сколько разсѣяно статистиковъ по министерствамъ и губерніямъ, статистиковъ, получающихъ опредѣленное содержаніе, и слѣдовательно вполнѣ достовѣрныхъ! Сколько, сверхъ того, статистиковъ не вполнѣ достовѣрныхъ, а вольнопрактикующихъ, которые по собственной охотѣ ведутъ счетъ питейнымъ заведеніямъ и потомъ печатаютъ въ газетахъ свои труды въ формѣ кореспонденцій изъ Острогожска, Калязина, Ветлуги и проч.? Наконецъ сколько „Прохо-

жихъ", „Проѣзжихъ", „Иксовъ", „Зетовъ", и другихъ трудолюбцевъ, при трепетномъ свѣтѣ лампады разработывающихъ достопримѣчательности Лаишева, Кадникова, Обояни и иныхъ?

— Если всѣхъ-то счесть, такъ, пожалуй, и пальцевъ на рукахъ не хватитъ! воскликнулъ Прокопъ, когда мы кончили обозрѣніе нашихъ статистическихъ силъ: —да и народъ-то, братъ, все какой—ужь эти не выдадутъ!

Такимъ образомъ, оставалось только гордиться и торжествовать. Но, увы! опасенія—такая вещь, которая, однажды закравшись въ душу, уже не легко покидаетъ ее. Опровергнутыя въ одной формѣ, они отыщутъ себѣ другую, третью и т. д., и будутъ смущать человѣка до тѣхъ поръ, пока, дѣйствительно, не доведутъ его до сознанія эфемерности его торжества. Нѣчто подобное случилось и со мной.

Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что ежели конгрессъ соберется въ Петербургѣ, то предметомъ его можетъ быть только *коротенькая* статистика, то-есть такая, въ которой нѣсколько главъ окажутся оторванными. Вѣдь статистика, думалось мнѣ, наука почти всеобъемлющая; слѣдовательно предметомъ ея можетъ быть не одно движеніе народонаселенія, не одно сухое перечисленіе фабрикъ и заводовъ, но и другія болѣе деликатнаго свойства общественныя явленія. Положимъ, что и явленіе самое деликатное можно обезцвѣтить, запрятавъ его въ графу, и выразивъ въ видѣ голой цифры, но вѣдь и цифры порою бываютъ такъ краснорѣчивы, что прямо ведутъ къ аттестаціямъ, въ родѣ „хорошо", „дурно", „благопріятно", „неблагопріятно" и т. д. Ловко ли будетъ намъ признать нормальность и полезность подобныхъ аттестацій? И разъ признавши ихъ нормальность, можно ли будетъ впослѣдствіи (когда онъ надоѣстъ) счесть для себя необязательнымъ этотъ совершенно особенный контроль, идущій богъ-вѣсть откуда и руководящійся богъ-вѣсть какими предписаніями?

Возьмемъ для примѣра хоть научно-литературное развитіе страны. Какъ ни трудно подчиняется этотъ предметъ цифирнымъ опредѣленіямъ, но несомнѣнно, что такія опредѣленія существуютъ, а слѣдовательно статистика даже самая скромная не имѣетъ ни малѣйшаго права игнорировать ихъ. Съ одной стороны во всякой странѣ издается извѣстное число газетъ и журналовъ, печатается извѣстное число книгъ. Съ другой стороны, во всякой же странѣ, за немногими исключеніями, существуютъ учрежденія, обязанность которыхъ главнѣйшимъ образомъ заключается въ наблюденіи, чтобы въ литературѣ не было допускаемо случаевъ такъ-называемаго превышенія власти. Статистика не можетъ пройти молчаніемъ эти явленія; они слишкомъ крупны и ярки, чтобъ ихъ игнорировать. Но какъ же поступитъ она по ихъ поводу? Конечно, она прежде всего констатируетъ число наблюдающихъ за литературой чиновниковъ, сумму получаемаго ими содержанія, классы занимаемыхъ ими должно-

стей и мундиры, тѣмъ должностямъ присвоенные. Разумѣется, я ничего не сказалъ бы противъ статистики, еслибъ она ограничилась исключительно одними этими фактами; но въ томъ-то и дѣло, что статистика, да вдобавокъ „международная“, всегда идетъ далѣе тѣхъ границъ, которыя предписываются благоразуміемъ. Описавши мундиры чиновниковъ, она перейдетъ къ ихъ дѣятельности, а вступивши на эту почву, найдетъ, что дѣятельность эта выразилась въ столькихъ-то предостереженіяхъ, столькихъ-то закрытіяхъ, и т. д. Вотъ тогда-то собственно и начнется такъ-называемое „краснорѣчіе цифръ“. Хорошо, если цифры останутся только цифрами, т.-е. будутъ-себѣ сидѣть въ подлежащихъ графахъ, да поджидать очереди, когда ихъ, наравнѣ съ прочими, включать въ учебники; но ловко ли будетъ, если какой нибудь „иностранный гость“, отвѣдавши нашего хлѣба-соли, вдругъ вздумаетъ изъ цифръ вывести и для насъ какую-то аттестацію? Я знаю навѣрное, что аттестація эта будетъ формулирована словами: „похвально“ и „благопріятно“, но пріятенъ ли будетъ самый фактъ *возможности аттестаціи?*—вотъ въ чемъ вопросъ, и вопросъ на столько важный, что надъ нимъ стоитъ очень и очень крѣпко призадуматься. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что эта возможность обоюду-острая, и что мы въ равной мѣрѣ рискуемъ получить и благопріятныя и неблагопріятныя отмѣтки. Тутъ все зависитъ отъ того, сохранилъ ли иностранный гость благодарное воспоминаніе о нашемъ гостепріимствѣ, или не сохранилъ. Нѣтъ, лучше ужь совсѣмъ изъять главу о духовномъ развитіи изъ программы занятій международнаго конгресса, нежели подвергаться риску выслушиванья какихъ-то аттестацій отъ людей, которые, быть можетъ, и мундира-то порядкомъ носить не умѣютъ!

Другой примѣръ подобной же скабрёзности представляетъ вопросъ о неприкосновенности или общедоступности домашняго очага. Въ нѣкоторыхъ странахъ, вопросъ этотъ разрѣшается въ пользу неприкосновенности, въ другихъ — въ пользу общедоступности, но во всякомъ случаѣ то или другое рѣшеніе имѣетъ извѣстныя практическія послѣдствія, которыя отражаются на народной жизни и выражаются въ формѣ фактовъ и цифръ. Статистика была бы недостойна имени науки, еслибъ она не занялась этими цифрами и фактами, и не занесла ихъ въ графы свои. И вотъ опять выступаетъ на сцену краснорѣчіе цифръ, опять является возможность аттестаціи и соединенныхъ съ нею опасеній, сохранилъ ли иностранный гость благодарное воспоминаніе о нашемъ гостепріимствѣ, или не сохранилъ? Ужели же, изъ-за какой нибудь статистики, единственно ради ея полноты, мы станемъ мучиться сомнѣніями? Risum teneatis, amici! Гораздо проще и эту главу изъять изъ программы занятій конгресса—и дѣло съ концомъ.

Третій, еще болѣе скабрёзный вопросъ представляютъ публичныя сборища, митинги и т. д., которые также извѣстнымъ об-

разомъ отражаются на народной жизни, и конечно не меньше питейныхъ домовъ имѣютъ право на вниманіе статистики. Не изъять ли однакожь и его? Потому что вѣдь эти статистики — Богъ ихъ знаетъ! — пожалуй такихъ сравнительныхъ таблицъ напздаютъ, что и жить совсѣмъ будетъ нельзя!

Словомъ сказать, вопросъ за вопросомъ, ихъ набралось такое множество, что когда поступилъ на очередь вопросъ о томъ, на сколько счастливъ или несчастливъ человѣкъ, который, не показывая кукиша въ карманѣ, можетъ свободно излагать мнѣнія о мѣропріятіяхъ становыхъ приставовъ (по моему мнѣнію, и это явленіе имѣетъ право на вниманіе статистики), то Прокопъ всплеснулъ руками и такъ испугался, что даже заговорилъ пофранцузски.

— Финисè! усовѣщевалъ онъ меня:—пожалуйста финисè! Ну, что тамъ! чего тамъ? Еще услышатъ, — что хорошаго!

И вдругъ я получаю черезъ Прокопа печатное приглашеніе, лично участвовать на VIII международномъ статистическомъ конгрессѣ, въ качествѣ делегата отъ рязанско-тамбовско-саратовскаго клуба! Разумѣется, что при одномъ видѣ этого приглашенія у меня „въ зобу дыханіе сперло“; сомнѣнія исчезли и осталось лишь сладкое сознаніе, что, стало быть, и я не лыкомъ шитъ, коль скоро иностранные гости вспомнили обо мнѣ!

Ослѣпленіе мое было такъ велико, что я не обратилъ вниманія ни на странность помѣщенія конгресса, ни на несообразность его состава, ни на загадочные поступки нѣкоторыхъ конгрессистовъ, напоминавшіе скорѣе ярмарочныхъ героевъ, нежели жрецовъ науки. Я ничего не видѣлъ, ничего не помнилъ. Я помнилъ только одно: что я не лыкомъ шитъ, и слѣдовательно, не плоше всякаго другаго вольнопрактикующаго статистика могу имѣть сужденіе о вредѣ, производимомъ вольною продажей вина и проистекающемъ отсюда накопленіи недоимокъ.

Конгрессъ помѣщался въ саду гостиницы Шухардина — это была первая странность. Въ самомъ дѣлѣ, мы, которые такъ славимся гостепріимствомъ, ужели мы не могли найти болѣе приличнаго помѣщенія, хотя бы, напримѣръ, въ залахъ у Марцинкевича, которыя, кстати, лѣтомъ совершенно пусты?

Вторая странность заключалась въ томъ, что, кромѣ Кеттлè, Левассёра, Фарра, Энгеля и Корренти, которымъ меня тотчасъ же представилъ Прокопъ, всѣ остальные члены конгресса были въ фуражкахъ съ красными околышами. То были делегаты отъ Лаишева, Чухломы, Кадникова и проч. Судите, какой же могъ быть международный конгрессъ, въ которомъ главная масса дѣятелей явно тяготѣла къ Ливнамъ, Карачеву, Обояни, и т. д.?

Третья странность: Кеттлè кстати и некстати восклицалъ: fichtre! sapristi! и ventre de biche! Фарръ выказывалъ явную наклонность къ очищенной; Энгель не переставалъ тянуть пиво, а Левассёръ едва явился на конгресъ, какъ тотчасъ же взялъ въ руки кій и сдѣлалъ клапштосомъ желтаго въ среднюю лузу!..

Четвертая странность: шухардинскіе половые не только не обнаруживали никакого благоговѣнія, но даже шепнули мнѣ на ухо, не пожелаютъ ли иностранные гости послушать арфистокъ...

Но, повторяю, ничто въ то время не поразило меня: до такой степени я былъ весь проникнутъ мыслью, что я не лыкомъ шитъ.

Я пришелъ на конгрессъ первый, но едва успѣлъ углубиться въ чтеніе „Полицейскихъ Вѣдомостей", какъ услышалъ прямо у своего уха жужжаніе мухи. Отмахнулся рукой одинъ разъ, отмахнулся въ другой; наконецъ, поднялъ голову... о, чудо! передо мной стоялъ Веретьевъ! Веретьевъ, съ которымъ я провелъ столько пріятныхъ минутъ въ „Затишьѣ"!

— Веретьевъ! Боже! какими судьбами! воскликнулъ я, простирая руки.

— Делегатъ отъ Амченскаго уѣзда, рекомендуюсь! отвѣчалъ онъ, бросая искоса взглядъ на накрытый въ сторонѣ столъ, обремененный всевозможными сортами закусокъ и водокъ.

— Какъ? статистикъ? Браво!

Вмѣсто отвѣта, Веретьевъ вдругъ зажжужалъ по камаринному, но такъ живо, такъ натурально, что передо мной разомъ воскресло все наше прошлое.

— А Маша?... помнишь? спросилъ я въ неописанномъ волненіи.

— Теперь, братъ, она ужь не Маша, а цѣлая Марьище...

— Позволь, но вѣдь Маша утопилась!

— Это все Тургеневъ выдумалъ. Топилась, да вытащили. Послѣ, вышла замужъ за Чертопханова, вывела восемь человѣкъ дѣтей, овдовѣла и теперь такъ сильно штрафуетъ крестьянъ за потраву, что даже Фетъ—и тотъ отъ нея бѣгать сталъ!

— Скажите, пожалуйста! Но что же мы, однако, стоимъ! Человѣкъ! рюмку водки! большую!

Веретьевъ потупился.

— Не надо! произнесъ онъ угрюмо:—зарокъ далъ!

— Какъ! ты! не можетъ быть!

Не успѣлъ я докончить своего восклицанія, какъ въ садъ вошли... молодой Кирсановъ и Берсеневъ! Кирсановъ былъ одѣтъ въ чистенькій вицъ-мундиръ; изъ-подъ жилета виднѣлась ослѣпительной бѣлизны рубашка; галстухъ на шеѣ былъ аккуратно повязанъ; подъ мышкой онъ крѣпко стискивалъ щегольской портфёль. За нимъ, своей мечтательной, милой походкой съ перевальцемъ плелся Берсеневъ, и тоже держалъ подъ мышкой довольно поношенный портфёль, который, вдобавокъ, постоянно у него выползалъ. Какъ ни неожиданна была для меня эта встрѣча, но взглянувши на Кирсанова поближе, я безъ труда понялъ, что, при скромности и аккуратности этого молодаго человѣка, ему самое мѣсто — въ статистикѣ. Нѣсколько болѣе смутило меня появленіе Берсенева. Это человѣкъ мечтательный и рых-

лый, думалось мнѣ, у котораго только одно въ мысли: идти по стопамъ Грановскаго. Но идти не самому, а чтобъ извощикъ везъ. Вотъ и теперь на немъ и рубашка криво сидитъ, и портфёль изъ-подъ мышки ползетъ... ну, гдѣ ему усидѣть въ статистикѣ!

— Делегатъ отъ Ефремовскаго уѣзда, рекомендовался между тѣмъ Кирсановъ, подавая мнѣ руку, какъ старому знакомому.

— Очень радъ! очень радъ! Уже статистикъ! Давно ли?

— Мѣсяца два тому назадъ. Я долженъ, впрочемъ, сознаться, что въ нашемъ уѣздѣ статистика еще не совсѣмъ въ порядкѣ, но надѣюсь, что, при содѣйствіи начальника губерніи, успѣю, въ непродолжительномъ времени, двинуть это дѣло значительно впередъ.

— Вашъ батюшка? Дяденька?

— Благодарю васъ. Батюшка, слава Богу, здоровъ, и попрежнему играетъ на віолончели свои любимые романсы. Дядя скончался и мы съ папашей ходимъ въ хорошую погоду на его могилу. Аннушку мы пристроили: она теперь замужемъ за однимъ чиновникомъ въ Ефремовѣ, имѣетъ свой домъ, хозяйство и, повидимому, очень счастлива.

— Да... но скажите же что-нибудь о себѣ!

— Благодарю васъ, я совершенно счастливъ. Полтора года тому назадъ женился на Катѣ Одинцовой и уже имѣю сына. Поэтому, полученіе мѣста было для меня какъ нельзя болѣе кстати. Знаете: хотя у насъ и довольно обезпеченное состояніе, но когда имѣешь сына, то лишнихъ тысяча рублей весьма не вредитъ.

— Базаровъ... помните?

Кирсанова передернуло при этомъ вопросѣ, и онъ довольно сухо отвѣтилъ мнѣ:

— Мы съ папашей и Катей каждый день молимся, чтобы Богъ простилъ его заблужденія!

— Ну... а вы, Берсеневъ! обратился я къ Берсеневу, замѣтивъ, что оборотъ, который принялъ нашъ разговоръ, не нравится Кирсанову.

— Я... вотъ съ нимъ... лѣниво пробормоталъ онъ, какъ бы не отдавая даже себѣ отчета, отъ кого или отъ чего онъ является делегатомъ.

— Ну, братъ, не усидѣть тебѣ въ статистикѣ! мысленно повторилъ я и вскинулъ глазами впередъ. О, ужасъ! передо мной стоялъ Рудинъ, а за нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, улыбался своею мягкою, нѣсколько грустной улыбкою Лаврецкій.

— Рудинъ! да вы съ ума сошли! вѣдь вы въ Дрезденѣ на баррикадахъ убиты! воскликнулъ я внѣ себя.

— Толкуйте! Это все Тургеневъ сказки разсказываетъ! Онъ, батюшка, четыре эпизода обо мнѣ написалъ, а эпизодъ у меня самый простой: имѣю честь рекомендоваться, путивльскій деле-

гатъ! Да-съ, батюшка, орудуемъ! Возбуждаемъ народъ-съ! пропагандируемъ „права человѣка“-съ! воюемъ съ губернаторомъ-съ!

— И очень дурно дѣлаете-съ, замѣтилъ наставительно Кирсановъ: — потому что, строго говоря, и ваши цѣли, и цѣли губернатора—однѣ и тѣ же.

— Толкуй по праздникамъ! Вѣдь ты, братъ, либералъ! Я знаю, ты надъ передовыми статьями „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ слезы проливаешь! А помоему, такими либералами только заборы подпирать можно!

— Лаврецкаго... не забыли? прозвучалъ около меня задумчивый, какъ бы вуалированный голосъ.

Но, не знаю почему, отъ Лаврецкаго, этого истаго представителя „Дворянскаго съѣзда“, у меня осталось только одно воспоминаніе: что онъ женатъ.

— Лаврецкій! вы?! какъ здоровье супруги вашей?

— Благодарю васъ. Она здорова и здѣсь со мною въ Петербургѣ. Знаете, здѣсь и Изомбаръ и Андріè... ну, а въ нашемъ Малоархангельскѣ... Милости просимъ къ намъ; мы въ „hôtel d'Angleterre“; жена будетъ очень рада васъ видѣть.

— Ахъ, Боже мой! Лаврецкій... вы! Лиза... помните?

— Лизавета Михайловна скончалась. Признаюсь вамъ, это была большая ошибка съ моей стороны. Увлечь молодую дѣвицу, не будучи вполнѣ увѣреннымъ въ своей свободѣ—какъ хотите, а это нехорошо! Теперь, однакожь, эти увлеченія прошли, и въ занятіяхъ статистикой...

Но этому дню суждено было сдѣлаться для меня днемъ сюрпризовъ. Не успѣлъ я выслушать исповѣдь Лаврецкаго, какъ завидѣлъ входящаго Марка Волохова. Онъ былъ не причесанъ, и ногти его были не чищены.

— Волоховъ!! и вы здѣсь!

— А вы какъ объ насъ полагали?

— Да... но вы... делегатъ!...

— Ну да, делегатъ отъ Балашовскаго уѣзда... что-жь дальше! А вы небось думали, что я испугаюсь! Я, батюшка, ничего не испугаюсь! Мнѣ, батюшка, чортъ съ ними—вотъ что!

Сказавъ это, онъ отвернулся отъ меня, и замѣтивъ Рудина, процѣдилъ сквозь зубы:

— Балалайка безструнная!

Въ садъ хлынула вдругъ цѣлая толпа кадыковъ въ фуражкахъ съ красными околышами, и заслонила собой моихъ знакомцевъ. Мнѣ показалось, что въ этой толпѣ мелькнула даже фигура Собакевича. Черезъ полчаса, явился Прокопъ въ сопровожденіи иностранныхъ гостей, и засѣданіе началось.

Первое засѣданіе прошло шумно и весело. Члены живо разобрали между собой подлежащіе разработкѣ предметы и организовались въ отдѣленія; затѣмъ опредѣленъ былъ порядокъ засѣданій (число послѣднихъ ограничено семью). Въ заключеніе, Эн-

гель очень пріятно изумилъ, выпивъ бутылку пива и сказавъ по-русски:

— Ишо̀ одна бутилкъ!

На что Фарръ очень метко и любезно рипостировалъ:

— И мене ишо̀ одинъ румкъ!

Организовавшись какъ слѣдуетъ, мы заключили нашъ avant-congrès, съѣвши по порціи ботвиньи и по порціи поросенка. При этомъ Прокопъ очень любезно извинился, что на сей разъ, по множеству другихъ организаторскихъ занятій, ѣда ограничивается только двумя блюдами, а Левассёръ чрезвычайно польстилъ нашему національному самолюбію, сказавъ:

— Mais non! mais pas du tout! mais donnez moi tous les jours du parasseune—et vous ne m'entendrez jamais dire: assez!

Мы встали изъ-за стола сытые и довольно пьяные, постановивъ на прощаніе:

1) Ни къ какимъ издержкамъ по устройству закусокъ и обѣдовъ иностранныхъ гостей не привлекать.

2) Интернировать иностранныхъ гостей въ chambres garnies на Мѣщанской, съ предоставленіемъ имъ ежедневно по полпорціи чаю или кофею утромъ и по стольку же вечеромъ, а издержки на этотъ предметъ отнести на счетъ делегатовъ отъ градовъ, весей и клубовъ.

3) Завтрашній день начать осмотромъ Казанскаго собора, затѣмъ вновь собраться къ Шухардину, гдѣ, послѣ засѣданія, имѣетъ быть обѣденный столъ (ménu: селянка московская, подовые пироги, осетрина порусски, грибы въ сметанѣ, жареный поросенокъ съ кашей и малина со сливками). Послѣ обѣда — катанье на извощикахъ.

Дорогой, пока мы шли съ Прокопомъ домой, онъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ, что мнѣ большаго труда стоило усовѣстить его.

— Да, братъ, эти будутъ почище братьевъ-славянъ! говорилъ онъ:—замѣтилъ ли ты, какъ этотъ бестія Левассёръ: la république, говоритъ, il n'y a que ça! Я такъ и остолбенѣлъ!

— А знаешь ли, какая мнѣ мысль пришла въ голову: какъ только всѣ дѣла здѣсь прикончимъ, покажемъ-ка мы иностраннымъ гостямъ Москву!

— А что ты думаешь! вѣдь слѣдуетъ!

— Еще бы! Ну, разумѣется, экстренный train на нашъ счетъ; въ Москвѣ каждому гостю нумеръ въ гостиницѣ и извощикъ; первый день—къ Иверской, оттуда на политехническую выставку, а обѣдать къ Гурину; второй день—обѣдня у Василія Блаженнаго и обѣдъ у Тѣстова; третій день — осмотръ Грановитой палаты и обѣдъ въ Новотроицкомъ. А потомъ экстренный train къ Троицѣ, въ Хотьковъ... Пѣніе-то какое, мой другъ! Покойница тётенька не даромъ говаривала: ужь и не знаю, говоритъ, на землѣ ли или на небесахъ! Надо имъ все это показать!

— Безподобно! То-то я давича сижу и думаю, что чего-то недостаетъ! Анъ вонъ оно что: въ Москву!

— Ты одно то подумай: здѣшніе ли поросята или московскіе!

— Гдѣ ужь здѣшнимъ!

— Или опять осетрина! Ну, гдѣ жь ты здѣсь такой осетрины станешь, чтобы цѣлое звѣно — сплошь все жиръ!

до — Сказано, въ Москву — и дѣло съ концомъ!

На другой день, мы всѣ, кромѣ Марка Волохова, собрались въ Казанскій соборъ. При чемъ, я не безъ удивленія замѣтилъ, что Левассёръ очень отчетливо положилъ три земныхъ поклона и приложился къ иконѣ.

— Смотри-ка! Левассёръ-то! по нашему молится! толкнулъ меня въ бокъ Прокопъ:—et vous... comme nous? прибавилъ онъ, обращаясь къ гостю.

Но удивленію нашему уже совсѣмъ не стало предѣловъ, когда Левассёръ (вѣроятно, застигнутый врасплохъ) совершенно чисто порусски отвѣтилъ:

— Да-съ, моя маменька отъ этой иконы въ молодости исцѣленіе получила...

Но, вслѣдъ затѣмъ, онъ вдругъ спохватился, хлопнулъ себя по ляшкѣ и залопоталъ.

— Ah! sapristi! je crois qu'à force d'entendre parler russe, je commence moi même à parler cette langue comme ma langue maternelle! Mais oui, messieurs! Mais comment donc! Ah fichtre... prosternons nous! Adorons, ventre de biche! la tolérance en matière de religion... tolerenzia et prudenzia... je ne vous dis que ça!

И представьте себѣ, какъ ни грубъ былъ этотъ фактъ самоуличенія, но даже онъ не открылъ нашихъ глазъ: до такой степени мы были полны сознаніемъ, что и мы не лыкомъ шиты!

Второе засѣданіе началось съ объявленія Кеттлѐ, что онъ пятьдесятъ лѣтъ занимается статистикой, и нигдѣ не встрѣчалъ къ этой наукѣ такого горячаго сочувствія, какъ въ Россіи. „Поэтому", присовокупилъ онъ любезно, „я просто прихожу къ заключенію, что Россія есть настоящее мѣсторожденіе статистики"...

· — Messieurs! un verre de champagne! Милости просимъ! Человѣкъ! шампанскаго! Господинъ Кеттлѐ! ваше здоровье! Votre santé! Vous acceptez, n'est-ce pas? Du champagne!!

— Mais... j'en prendrai avec plaisir, скромно отвѣчалъ маститый старецъ, но скромность эта была такъ полна чувства собственнаго достоинства, что мы сразу поняли, что не мы почтили старца, но старецъ почтилъ насъ.

Когда бокалы были осушены, всталъ Фарръ, и вынулъ изъ боковаго кармана листъ разграфленной бумаги. Этотъ листъ онъ показалъ всѣмъ делегатамъ, и объяснилъ, что такова форма для производства народной переписи, доставшаяся VIII-му международному конгрессу въ наслѣдіе отъ таковаго-жь, имѣвшаго свое мѣстопребываніе въ Гаагѣ. Но въ формѣ этой онъ, Фарръ, замѣчаетъ, однакожь, одинъ очень важный недостатокъ, заключаю-

щійся въ томъ, что, при исчисленіи народонаселенія по занятіямъ и ремесламъ, въ ней опущенъ довольно многочисленный классъ людей, извѣстный подъ именемъ „шпіоновъ".

Я взглянулъ на Прокопа: онъ совершенно посоловѣлъ и дико озирался. Къ счастію, половые куда-то разошлись, такъ что онъ скоро оправился и довольно спокойно произнесъ:

— Съ своей стороны, я полагалъ бы этотъ непріятный разговоръ оставить. Неужто, господа, у васъ за границей и разговоровъ другихъ нѣтъ!

И онъ уже предложилъ приступить къ слѣдующему, по порядку, предмету сужденій, какъ всталъ Левассёръ и по существу рѣшилъ дѣло въ пользу Прокопа.

— Messieurs, сказалъ онъ:—l'éspionnage a été reconnu de tous temps comme l'un des plus vifs stimulans de la vie politique. Déjà l'antique Jéroboam promettait des scorpions à ses peuples, ce qui, traduit en langue vulgaire, ne saurait signifier autre chose qu'éspions. Ensuite, nous trouvons dans Aristophane des preuves irrécusables que les grecs ne connaissaient que trop ce moyen gouvernemental et qu'ils donnèrent aux éspions le surnom sonore des siccophantes. Mais c'est aux césars de l'antique Rôme que la science de l'éspionnage est redevable de son plus grand développement. Au dire de Tacite, du temps de Néron, de Caligula et autres il n'y avait presque pas un seul homme dans tout l'Empire qui ne fût éspion ou ne désirât de l'être. Ces majéstueux Romains, qui ne commencaient pas autrement leurs blagues qu'en disant «civis Romanus sum», se sont fait au métier de l'éspionnage comme s'ils étaient les plus majéstueux des chenapans. Enfin, notre belle France est là pour attester que l'éspionnage n'est jamais de trop dans un pays dont la vie politique est à son apogée. Chez nous, messieurs, presque tout le monde s'entreéspionne, ce qui n'empèche pas la vie sociale d'aller son train. La solidarité de l'éspionnage fait qu'on n'en ressent presque pas l'inconvenient. Voici l'historique de ce phénomène social qui porte le nom malsonnant de l'éspionnage. Mais si nous constatons isi les résultats pratiques du métier, nous devons en même temps constater que jamais ces résultats ne pourraient être ni si grands ni si accomplis, si les éspions s'avisaient d'agir ouvertement... là, le coeur sur la main! Oui, messieurs, c'est une occupation qui ne saurait être pratiquée que sous le voile du plus grand mystère! Otez le mystère — et adieu l'éspionnage. Il n'est plus—et avec lui tombe tout le préstige de la vie politique. Point d'éspionnage — point d'accusations, point de procès, point de proscriptions! La vie politique reste pour ainsi dire en suspens. Tout passe, tout tombe, tout s'évanouit. Voilà pourquoi, je ne partage pas l'opinion, exprimée par mon honorable collègue, M-r Farr. Je comprends trèsbien sa pensée: il est par trop champion de la statistiqne pour ne pas gémir en voyant que cette science conserve encore des points inexpliqués et obscurs. Mais Dieu, dans sa divine sagesse, en a jugé autrement.. Il a voulu que la statistique conserve à jamais

quelques points inachevés pour que nous autres, humbles travailleurs de la science, ayons toujours quelque chose à éclaircir ou à achever. Aussi je conclus, en disant: messieurs! nous avons toute une rubrique, où se classent les chenapans et autres gens sans foi ni loi! Cette rubrique n'est-elle pas assez large pour que les éspions y trouvent leur place naturelle? Oh, messieurs, classons les y hardiment et puis disons leurs: allez, gens sans aveu, et faites votre vil métier! la statistique ne veut pas vous connaître!

Рѣчь эта произвела эффектъ необычайный. Крики: bravo! vive la France! (Прокопъ, по обыкновенію, ошибся и крикнулъ: vive Henri IV!) неслись со всѣхъ сторонъ. Сейчасъ же всѣ побѣжали къ закусочному столу и буквально осадили его.

— Je crois que ça s'appelle lassassine? Lassassine et parasseune — il faut que je me souvienne de ça! сказалъ Левассёръ, держа на вилкѣ кусокъ маринованной лососины.

— Oh, mangez, messieurs! упрашивалъ какой-то делегатъ (кажется ветлужскій): — человѣкъ! лососины принесите! пожалуйста, mangez!

Засѣданіе кончилось; начался обѣдъ.

Никогда я не ѣдалъ такихъ роскошныхъ подовыхъ пироговъ, какъ въ этотъ достопамятный день. Они были съ говядиной, съ яицами, и еще съ какой-то дрянью, въ которой, впрочемъ, и заключалась вся суть. Румяные, пухлые, они таяли во рту, и совершенно незамѣтно проходили въ желудокъ. Фарръ съѣлъ разомъ два пирога, а третій завернулъ въ бумажку, сказавъ, что отошлетъ съ попутчикомъ въ Лондонъ къ женѣ.

— La Russie — voilà où est la véritable patrie de la statistique! въ экстазѣ повторилъ Кеттлѐ.

Послѣ обѣда—ѣзда на извощикахъ, а окончаніе дня въ „Эльдорадо“.

— C'est ici que le sort du malheureux Von-Zonn a été décidé! ah, gardons nous! вздохнулъ Левассёръ, что̀ не помѣшало ему сдѣлать честь двумъ дѣвицамъ, предложивъ имъ по рюмкѣ коньяку.

На третій день—осмотръ Исакіевскаго собора, засѣданіе у Шухардина и обѣдъ тамъ же (ménu: супъ съ потрохами, бараній бокъ съ кашей, жареные каплуны и малиновый дутикъ со сливками); послѣ обѣда, катанье на яликахъ по Невѣ.

Исакіевскій соборъ произвелъ на гостей самое пріятное впечатлѣніе.

— C'est fort, c'est solide, c'est ébourrifant! безпрестанно повторялъ Левассёръ:—et ça doit couter un argent fou!

Кеттлѐ же до того умилился духомъ, что произнесъ:

— Ah! si je n'étais pas catholique romain, je voudrais être catholique grec!

На что Прокопъ, который съ нѣкотораго времени получилъ настоящую манію приглашать иновѣрцевъ къ познанію свѣта истинной вѣры, поспѣшилъ замѣтить:

— А что же, ваше превосходительство! съ легкой бы руки!

Засѣданіе началось чтеніемъ доклада делегата отъ тульско-курско-ростовскаго клуба, по отдѣленію нравственной статистики, о томъ, чтобы въ вѣдомость, утвержденную собиравшимся въ Гаагѣ конгрессомъ о числѣ и родѣ преступленій, была прибавлена новая графа для включенія въ нее такъ-называемыхъ „жуликовъ“ (jouliks).

— Jouliks! je ne comprends pas ce mot! съ свойственною ему меридіональною живостью протестуетъ Левассёръ.

— Ce n'est précisement ni un voleur, ni un éscroc; c'est un individu qui tient de l'un et de l'autre. A Moscou vous verrez cela, messieurs! объясняетъ докладчикъ.

Встаетъ Фарръ и опять дѣлаетъ скандалъ. Онъ утверждаетъ, что замѣтилъ на континентѣ особенный видъ проступковъ, заключающійся въ вскрытіи чужихъ писемъ. „Не далѣе какъ недѣлю тому назадъ, будучи въ Парижѣ, присовокупляетъ онъ, я получилъ письмо отъ жены, видимо подпечатанное“. Поэтому, онъ требуетъ прибавки еще новой графы.

Тетюшскій делегатъ поднимается съ своего мѣста, и возражаетъ, что это неудобно.

— Why? вопрошаетъ Фарръ.

— Неудобно—и все тутъ! и разговаривать нечего! За такіе вопросы нашего брата въ кутузку сажаютъ!

— Shocking! восклицаетъ Фарръ.

Тогда требуетъ слова Левассёръ.

— Pardon! si je comprends la pensée de monsieur, начинаетъ онъ, указывая на тетюшскаго делегата:—elle peut être formulée ainsi: oui, le secret des lettres particulières est inviolable (bravo! bravo! oui! oui! inviolable!) — c'est la règle générale; mais il est des raisons de bonne politique, qui nous forcent quelquefois la main et nous obligent d'admettre des exceptions même aux règles, que nous reconnaissons tous pour justes et irréprochables. C'est triste, messieurs, mais c'est vrai. Envisagée sous ce point de vue, la violation du secret des lettres particulières se présente à nous comme un fait de haute convenance, qui n'a rien de commun avec le crime ou la contravention. L'Angleterre, grâce à sa position insulaire, ignore beaucoup de phénomènes sociaux, qui sont non seulement tolérés par le droit coutumier du continent, mais qui en font pour ainsi dire partie. Ce qui est crime ou contravention en Angleterre, peut devenir une excellente mesure de salut public sur le continent. Aussi, je vote avec m-r de Tétiousch pour l'ordre du jour pur et simple.

— Bravo! Ура! Человѣкъ! шампанскаго! Мосье Левассёръ! Vorte santé!

Не успѣли выпить за здоровье Левассёра, какъ Прокопъ вновь потребовалъ шампанскаго, и провозгласилъ здоровье Фарра.

— Сознайтесь, господинъ Фарръ, что вы согрѣшили немножко

привѣтствовалъ онъ англійскаго делегата съ бокаломъ въ рукахъ: — потому что вѣдь ежели Англія, благодаря инсулярному положенію, имѣетъ многія инсулярныя добродѣтели, такъ вѣдь и инсулярныхъ пороковъ у ней не мало! жадность-то ваша къ деньгамъ въ пословицу вѣдь вошла! А? такъ, что ли? Господа! выпьемъ за здоровье нашего сотоварища, почтеннѣйшаго делегата Англіи!

Разумѣется, суровый англичанинъ успокоился и выпилъ разомъ два стакана.

Но за обѣдомъ случился скандалъ почище: бараній бокъ до такой степени вонялъ саломъ, что ни у кого не хватило смѣлости объяснить это даже особенностями національной кухни. Хотя же поданные за тѣмъ каплуны были зажарены божественно, тѣмъ не менѣе конгрессъ единогласно порѣшилъ: съ завтрашняго дня перенести засѣданія въ Малоярославскій трактиръ.

Четвертый день—осмотръ Петропавловскаго собора, засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославскомъ трактирѣ (ménu: ботвинья съ малосольной севрюжиной, поросенокъ подъ хрѣномъ и смѣтаной, жареныя утки и гурьевская каша); послѣ обѣда, прогулка пѣшкомъ по Марсову полю.

Петропавловскимъ соборомъ иностранные гости остались довольны, но видимо спѣшили кончить осмотръ его, такъ-какъ Фарръ, указывая на крѣпостныя стѣны, сказалъ:

— Въ сей мѣстности воздухъ есть нездоровъ!

На что, впрочемъ, Прокопъ тутъ же нашелся возразить:

— Для тѣхъ, господинъ Фарръ, у кого чисто сердце,—воздухъ везлѣ здоровъ!

Въ четвертомъ засѣданіи, я докладывалъ свою карту, надъ которой работалъ двѣ ночи сряду (Богъ помогъ мнѣ совершить этотъ трудъ безъ всякихъ пособій!), и по которой нагляднымъ образомъ можно было ознакомиться съ положеніемъ трактирной и кабацкой промышленности въ Россіи. Сердце Россіи, Москва, было, comme de raison, покрыта самымъ густымъ слоемъ ярко-красной краски; отъ этого центра, въ видѣ радіусовъ, шли другія губерніи, постепенно блѣднѣя и блѣднѣя по мѣрѣ приближенія къ окраинамъ. Такъ что Новая Земля только отъ острова Колгуева заимствовала слабый блѣднорозовый отблескъ. Въ заключеніе, я потребовалъ, чтобы подобныя же карты были изданы и для другихъ странъ, такъ чтобъ можно было сразу видѣть, гдѣ всего удобнѣе напиться.

— Ah! mais savez vous que c'est bigrement sérieux, le travail que vous nous présentez là! воскликнулъ Левассёръ, разсматривая мою карту.

— Prachtvoll! одобрилъ Энгель.

— Beautifull! присовокупилъ Фарръ.

— Benissime! проурчалъ Корренти,

— Et remarquez bien, que monsieur n'a employé que deux

nuits pour commencer et achever ce beau travail! отозвался Кеттлé, который передъ тѣмъ шептался съ Прокопомъ.

— Двѣ ночи—это вѣрно! подтвердилъ Прокопъ:—и безъ всякаго руководства! Просто, взялъ листъ бумаги, и съ Божьею помощью начертилъ!

Тогда всѣ бросились меня обнимать и цѣловать, что̀ подъ конецъ сдѣлалось для меня даже обременительнымъ, потому что делегаты вздумали качать меня на рукахъ и чуть-чуть не уронили на полъ. Тѣмъ временемъ наступилъ адмиральскій часъ, Прокопъ наскоро произнесъ: господа, милости просимъ хлѣба-соли откушать, и повелъ насъ въ столовую, гдѣ прежде всего нашимъ взорамъ представилась севрюжина... но какая это была севрюжина!

— Вотъ такъ севрюжина! совершенно чисто произнесъ по-русски Кеттлѐ.

Но, увы! насъ и на этотъ разъ не вразумило это болѣе, нежели странное восклицаніе иностраннаго гостя. До того наши сердца были переполнены ликованіемъ, что мы не лыкомъ шиты!

Послѣ обѣда, во время прогулки по Марсову полю, Левасёръ, ни съ того ни съ сего, вступилъ со мной въ очень неловкій дружескій разговоръ. Вопервыхъ, онъ напрямикъ объявилъ, что ненавидитъ войну по принципу, и что самый видъ Марсова поля дѣйствуетъ на него непріятно.

— А мы, отвѣтилъ я довольно сухо: — мы гордимся этимъ полемъ.

— Oui, je comprends ça! la fierté nationale—nous autres, français, nous en savons quelque chose! Mais, quant à moi—je vous avoue, que ça me porte sur les nerfs!

Вовторыхъ, постепенно раскрывая передо мной свою душу, онъ признался, что всегда былъ сторонникомъ парижской коммуны, и даже участвовалъ въ разграбленіи дома Тьера.

— Ma femme est une petroleuse—je ne vous dis que ça! прибавилъ онъ грустно.

Втретьихъ, онъ изъявилъ опасеніе, что за нимъ слѣдятъ; что клевета и зависть преслѣдуютъ его даже въ снѣгахъ Россіи; что вотъ этотъ самый Фарръ, который такъ искусно притворяется англичаниномъ, есть не что иное, какъ агентъ Тьера, которому нарочно поручено гласно возбуждать вопросы о шпіонахъ, а между тѣмъ подъ рукой требовать выдачи его, Левасёра. Въ заключеніе, онъ просилъ меня посмотрѣть по сторонамъ, и удостовѣриться, нѣтъ ли по близости полицейскаго.

Я въ смущеніи исполнилъ его просьбу, но такъ-какъ мы стояли на самой срединѣ поля и притомъ начало уже смеркаться, то полицейскіе представлялись разсѣянными по окраинамъ въ видѣ блудящихъ огоньковъ. Тѣмъ не менѣе, я поспѣшилъ успокоить моего новаго друга и завѣрить его, что я и Прокопъ сдѣлаемъ все зависящее...

— Ah! quant à vous—vous avez l'âme sensible, je le vois, je

le sens, j'en suis sûr! Mais quant à monsieur votre ami — permettez moi d'en douter! воскликнулъ онъ, съ жаромъ сжимая мою руку.

Къ сожалѣнію, я долженъ былъ умолкнуть передъ замѣчаніемъ Левассёра, потому что, говоря по совѣсти, и самъ въ точности не зналъ, есть ли у Прокопа какая-нибудь душа. Чортъ его знаетъ! можетъ быть, у него только фуражка съ краснымъ околышемъ—вотъ и душа!

Во всякомъ случаѣ, признанія Левассёра произвели на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Коммуналистъ! жена петрольщица! И чортъ его за языкъ дергалъ соваться ко мнѣ съ своими признаніями! Поэтому, первымъ моимъ движеніемъ было убѣдить его познать свои заблужденія, и я бойко и горячо принялся за выполненіе этой задачи, какъ вдругъ, среди самаго разгара моего краснорѣчія, онъ зашатался-зашатался и разомъ рухнулся на песокъ! Тутъ только я догадался, что онъ пьянъ въ послѣднемъ градусѣ, и что слѣдовательно всѣ его признанія были не что иное, какъ слѣдствіе привычки блягировать, столь свойственной его соотечественникамъ! Признаюсь, даже открытіе Америки не подѣйствовало бы на меня такъ благотворно, какъ эта неожиданная развязка, разомъ выведшая меня изъ затруднительнѣйшаго положенія!

Пятый день—осмотръ домика Петра-Великаго; засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославскомъ трактирѣ (ménu: суточныя щи и къ нимъ няня, свиныя котлеты, жаркое—теленокъ поенный одними сливками, вмѣсто пирожнаго—калужское тѣсто). Послѣ обѣда, каждый удаляется восвояси, и ложится спать. Я нарочно настоялъ, чтобъ въ ordre du jour было включено спанье, потому что опасался новыхъ признаній со стороны Левассёра. Шутъ его разберетъ, вретъ онъ, или не вретъ! А вдругъ съ пьяна ляпнетъ, что изъ Тьерова дома табакерку унесъ!

Осмотръ домика великаго преобразователя Россіи удался великолѣпно. Левассёръ о вчерашнемъ разговорѣ на Марсовомъ полѣ ни полслова. Напротивъ того, пришелъ какъ встрепанный и сейчасъ же воскликнулъ:

— C'en était un de tzar! fichtre! quel genre!

— Das war ein Tzar! глубокомысленно отозвался Энгель.

— It was a tzar! процѣдилъ Фарръ, щупая постель, на которой отдыхалъ великій преобразователь.

— Tzarissimo, magnissimo! чортъ знаетъ на какомъ языкѣ формулировалъ свое удивленіе Корренти.

Старичокъ Кеттлé нѣкоторое время стоялъ, задумчиво опершись на трость. Наконецъ, онъ взволнованнымъ голосомъ замѣтилъ, что и душѣ Петра была нечужда статистика.

Тогда выступилъ впередъ мой другъ Берсеневъ (изъ „Наканунѣ") и сказалъ:

— Позвольте мнѣ напомнить вамъ, милостивые государи, слова о Петрѣ Великомъ, сказанныя однимъ изъ незабвенныхъ

учителей моей юности, которыя будутъ здѣсь какъ нельзя болѣе у мѣста. Вотъ эти слова: „но великій человѣкъ не пріобщился нашимъ слабостямъ! Онъ не зналъ, что мы и плоть и кровь! Онъ былъ великъ и силенъ, а мы родились малы и худы, намъ нужны были общіе уставы человѣчества!“ Я сказалъ, господа [1].

Этимъ осмотръ кончился при громкомъ одобреніи присутствующихъ.

Пятое засѣданіе было посвящено вреднымъ звѣрямъ и насѣкомымъ. Делегатъ отъ Миргородскаго уѣзда, Иванъ Ивановичъ Перерепенко, прочиталъ докладъ о тушканчикахъ, и въ виду *особеннаго*, производимаго ими вреда, требовалъ, чтобъ этимъ животнымъ была отведена въ статистикѣ отдѣльная графа.

Давно я не слыхалъ такой блестящей импровизаціи. Тушканчикъ стоялъ передо мной какъ живой. Я видѣлъ его въ норѣ, окруженнаго безчисленнымъ и вреднымъ семействомъ; я видѣлъ его выползающимъ изъ норы и стоящимъ нѣкоторое время на заднихъ лапкахъ, какъ бы озирающимся; наконецъ, я видѣлъ его наносящимъ *особенный* вредъ нашимъ полямъ и поучающимъ тому же вредныхъ членовъ своего семейства. Это было нѣчто поразительное.

Но чему я былъ радъ несказанно—это случаю видѣть маститаго Перерепенко, о которомъ я такъ много слышалъ отъ Гоголя. О, Боже! какъ онъ постарѣлъ, осунулся, поблѣднѣлъ, хотя, повидимому, все еще былъ бодръ и всегда готовъ спросить: „а можетъ, тебѣ и мяса, небога, хочется“.

— Ну, что, какъ ваше дѣло съ Иваномъ Никифоровичемъ? спросилъ я его.

Старикъ грустно махнулъ рукой.

— Ужели не кончено?

— На дняхъ будетъ въ третій разъ слушаться въ кассаціонномъ департаментѣ! отвѣтилъ онъ угрюмо.

— Великій Боже!

— Сначала слушали въ полтавскомъ окружномъ судѣ — кассацію подалъ я; потомъ, перенесли въ черниговскій судъ — кассировалъ Довгочхунъ. Потомъ дѣло перенесли въ Харьковъ— опять кассирую я...

Онъ на минуту поникъ головой.

— Я уже не говорю о безпокойствахъ, произнесъ онъ со слезами въ голосѣ: — но все мое состояніе... все состояніе пошло... туда! Вы знаете, какія у меня были дыни?

— И что жь?

— Ни въ прошломъ году, ни въ нынѣшнемъ я не съѣлъ ни одной! Все съѣли адвокаты, хотя урожай былъ отличнѣйшій!

---

[1] Рѣчь, сказанная профессоромъ Морошкинымъ на актѣ московскаго университета «Объ уложеніи и его дальнѣйшемъ развитіи».

Примѣч. автора «Дневника».

Чтобы не умереть съ голоду, я вынужденъ писать газетныя корреспонденціи по полторы копейки за строчку. Но и тамъ урѣзываютъ!

— Ба! такъ это ваша корреспонденція, которая начинается словами: „хотя нашъ Миргородъ въ сравненіи съ Гадячемъ или Конотопомъ можетъ быть названъ столицею, но ежели кто видѣлъ Пирятинъ“...

Иванъ Ивановичъ съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Что-жь вы однако предполагаете дѣлать съ вашимъ процессомъ?

— Вѣроятно, его переведутъ теперь въ Изюмъ, но ежели и изюмскій судъ откажетъ мнѣ въ удовлетвореніи, тогда надобно будетъ опять подавать на кассацію и просить о переводѣ дѣла въ Сумы... Но я не отступлю!

Иванъ Ивановичъ такъ сверкнулъ глазами, что я совершенно ясно понялъ, что онъ не отступитъ. Онъ и Неуважай-Корыто. Они не отступятъ. Они пойдутъ и въ Сумы, и въ Острогожскъ, а когда-нибудь да упекутъ Довгочхуна — это вѣрно!

Между тѣмъ, какъ мы дружески бесѣдовали, на конгрессѣ поднялся дымъ коромысломъ. Виновникомъ скандала былъ все тотъ же несносный англичанинъ Фарръ, внесшій одно изъ самыхъ эксцентричныхъ предложеній, какого можно было только ожидать. Предложеніе это, приблизительно, можно было формулировать слѣдующимъ образомъ: „тушканчики — это прекрасно, и такъ-какъ вредъ ими производимый дѣйствительно имѣетъ свойства вреда *особеннаго*, то нѣтъ ничего справедливѣе, какъ отвести имъ и графу *особенную*. Надо, чтобъ каждый зналъ силу врага, съ которымъ имѣетъ дѣло, а кому же, какъ не статистикѣ, оказать человѣчеству услугу приведеніемъ въ ясность всѣхъ золъ его удручающихъ? Но не одни тушканчики производятъ *особенный* вредъ; онъ, Фарръ, знаетъ иной *особенный* вредъ, гораздо болѣе сильный, о которомъ статистика не упоминаетъ вовсе, а именно: вредъ, наносимый неправильными административными распоряженіями. Въ виду несомнѣнной важности и особенности этого вреда, не слѣдуетъ ли и для него отвести особенную графу, которая слѣдовала бы непосредственно за графой о тушканчикахъ“?

Едва произнесъ Фарръ свою рѣчь, какъ Левассёръ не выдержалъ. Весь блѣдный, онъ вскочилъ съ своего мѣста и сказалъ:

— Тѣ, которые такъ упорно инсинуируютъ здѣсь противъ правительствъ, гораздо лучше сдѣлали бы, еслибы внесли предложеніе о вредѣ, наносимомъ переодѣтыми членами интернаціоналки!

— А еще полезнѣе было бы, хладнокровно возразилъ Фарръ:— привести въ ясность вредъ, производимый переодѣтыми петролейщиками!

Я до сихъ поръ не могу себѣ объяснить тайны соперничества

постоянно высказывавшагося между Фарромъ и Левассёромъ. Быть можетъ, оба они когда-нибудь служили агентами сыскной полиціи и поэтому, между ними существовала застарѣлая вражда. Смятеніе, которое произвелъ этотъ „разговоръ", было несказанно. Всѣ делегаты заговорили разомъ. Старикъ Кеттлѐ всталъ съ мѣста и простеръ руки въ знакъ мира и любви. Энгель язвительно посматривалъ па „разговаривающихъ" и шепталъ: also nun, какъ бы ожидая, что вотъ сейчасъ подадутъ шампанскаго. Корренти равнодушно напѣвалъ изъ „Pifferaro":

Eviva la Franzia!
Eviva la libertá!

Но настоящимъ миротворцемъ явился Прокопъ.

— Господа! обратился онъ къ спорящимъ: — прекратите! Пожалуйста, хоть для меня прекратите! Право, мы здѣсь не для пререканій! Мы всегда рады иностраннымъ гостямъ и повеземъ васъ въ Москву и даже въ Нижній, только ужь и вы, господа, эти ссоры оставьте. Мы дѣлаемъ вамъ удовольствіе—и вы насъ почтитете. Вы, господинъ Фарръ, постоянно задираете. Характеръ у васъ самый несносный. Вы поднимаете такіе вопросы, что еслибъ не уваженіе къ иностраннымъ гостямъ, то васъ давно ужь слѣдовало бы отправить къ мировому. Скажите, развѣ это пріятно? Вы, можетъ быть, думаете, что вы въ Англіи— анъ нѣтъ, вы ошибаетесь, вы въ Россіи! У насъ нѣтъ никакого инсулярнаго положенія, а потому мы ведемъ свою статистику на свой образецъ, какъ Богъ пошлетъ. Вотъ онъ (*указываетъ на меня*) сочинилъ карту питейныхъ домовъ — чего еще больше! Стыдитесь, сударь. Да и вы, господинъ Левассёръ! вы тоже! добрый вы малый, а вѣдь охъ! какъ и въ васъ эта французская жилка играетъ! Вотъ господинъ Энгель: сидитъ и молчитъ—чего лучше! Отъ того-то они васъ и побиваютъ! А вы— чуть что не по васъ — сейчасъ и вспыхнули! Порохъ! Подайте же другъ другу руки и не ссорьтесь больше. Стыдно; мы не маленькіе. Намъ еще трудовъ по горло, завтра ужь шестое засѣданіе, а вы словно пѣтухи какіе! Человѣкъ! шампанскаго!

Левассёръ первый и съ удивительнѣйшею развязностью протянулъ руку; но Фарръ упирался. Тогда мы начали толкать его впередъ и кончили, разумѣется, тѣмъ, что враги столкнулись. Произошло примиреніе, начались заздравные тосты, поднялся говоръ, смѣхъ — какъ будто никакихъ прискорбныхъ столкновеній и въ поминѣ не было. Среди этой суматохи, я вдругъ вспомнилъ, что на нашемъ пирѣ науки нѣтъ японцевъ.

— Господа! сказалъ я: — изъ газетъ достовѣрно извѣстно, что японцы уже прибыли. Поэтому странно, чтобъ не сказать болѣе, что этихъ иностранныхъ гостей нѣтъ между нами. Я положительно требую отвѣта: отчего нѣтъ японцевъ на роскошномъ пирѣ статистики?

Но, увы! упущеніе было уже сдѣлано, а потому конгрессъ по-

ложилъ: по поводу отсутствія господъ японцевъ выразить искреннее (искреннѣйшее! искреннѣйшее! вопили со всѣхъ сторонъ делегаты) сожалѣніе, поручивъ гг. Веретьеву и Кирсанову добыть японскихъ гостей и доставить ихъ къ слѣдующему засѣданію.

Затѣмъ пробилъ адмиральскій часъ, мы бросились къ накрытымъ столамъ и — клянусь честью! — никогда калужское тѣсто не казалось мнѣ столь вкуснымъ, какъ въ этотъ достопамятный день!

Шестой день: осмотръ сфинксовъ, засѣданіе и обѣдъ въ Малоярославскомъ трактирѣ (ménu: стерляжья уха съ подовыми пирогами; солонина подъ хрѣномъ; гусь съ капустой; клюковный кисель съ сытою). Послѣ обѣда — мытье въ воронинскихъ баняхъ.

Осмотръ сфинксовъ прошелъ довольно холодно, быть можетъ, потому что предстоявшее засѣданіе слишкомъ живо затрогивало личные интересы конгрессистовъ. Въ этомъ засѣданіи предстояло окончательно рѣшить вопросъ объ учрежденіи постоянной коммисіи, то-есть опредѣлить, какія откроются по этому случаю новыя мѣста и на кого падетъ жребій замѣстить ихъ. Но естественно, что коль скоро выступаютъ на сцену подобные жгучіе вопросы, то преній по поводу ихъ слѣдуетъ ожидать оживленныхъ и даже бурныхъ.

Но Прокопъ предусмотрѣлъ это, и потому еще не успѣли приступить къ преніямъ, какъ онъ уже распорядился поднести всѣмъ членамъ конгресса по большой рюмкѣ водки. Повидимому, одна, хоть и большая рюмка, едва-ли могла бы достигнуть желаемыхъ результатовъ, но Прокопъ очень основательно разсчиталъ, что эта *одна* рюмка послужитъ только введеніемъ, за которымъ значительное число конгрессистовъ, уже motu proprio, потребуютъ по второй и по третьей. И разсчетъ его оказался вѣрнымъ. Едва засѣданіе было провозглашено открытымъ, какъ уже бо̀льшая часть бойцовъ очутилась внѣ боя. На аренѣ остались только самые упорные статистики, или тѣ изъ конгрессистовъ, которые положили на водку зарокъ.

Засѣданіе открылось заявленіемъ Веретьева и Кирсанова, что принятыя ими мѣры къ отысканію японцевъ были безуспѣшны. Японцы дѣйствительно прибыли, и они даже напали на ихъ слѣдъ, но какъ ни старались, ни разу не застали ихъ дома. Сколько могли они понять изъ объясненій прислуги, японскіе делегаты сами съ утра до вечера находятся въ тщетныхъ поискахъ за конгрессомъ; стало быть остается только констатировать эту безплодную игру въ жмурки, производимую во имя науки, и присовокупить, что она представляетъ одинъ изъ прискорбнѣйшихъ фактовъ нашей современности.

Опредѣлено: записать о семъ въ журналъ и еще разъ выразить искреннѣйшее сожалѣніе, что страна столь могущественная, дружественная и притомъ неуклонно стремящаяся къ возрожденію, не имѣла на конгрессѣ своего представителя.

Затѣмъ, не теряя времени, мы приступили къ голосованію параграфовъ „Положенія о постоянной статистической коммисіи“, редактированнаго Прокопомъ, по соглашенію съ Кеттле́.

— Mais il me semble, messieurs, que nous ne sommes pas en nombre! замѣтилъ Левассёръ, указывая на простертыя по диванамъ тѣла нашихъ соконгрессистовъ.

— Ну, чего еще тутъ „en nombre!“ Пожалуйста, Карлъ Иванычъ, не вмѣшивайся ты, ради Христа!

Откуда узналъ Прокопъ имя и отчество Левассёра! какимъ образомъ и когда сошелся онъ съ нимъ на „ты!“ Изумительно!

— Господа! терять времени нечего! а то наши проспятся и загалдятъ! Параграфъ премье́: „Для наблюденія за работами гг. статистиковъ, въ отношеніи къ ихъ успѣшности и правильности, учреждается постоянная статистическая коммисія, съ тѣми же правами, которыя присвоены международному статистическому конгрессу на время его собраній...“. Ладно, что-ли?

— Прекрасно! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Параграфъ сегонъ: „Постоянная сія коммисія имѣетъ мѣстопребываніе въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ, въ Малоярославскомъ онаго трактирѣ“...

— Противъ этого параграфа я имѣю сдѣлать возраженіе! заявилъ Кирсановъ.

— Покороче, сдѣлай милость!

— Я буду кратокъ: кушанье въ Малоярославскомъ трактирѣ обходится такъ дорого...

— Да гдѣ жь ты въ другомъ мѣстѣ такихъ поросятъ найдешь?

— Я не говорю, что поросята дурны; но я утверждаю, что въ случаѣ необходимости можно удовольствоваться и не столь жирными поросятами. Вспомните, господа, что членами коммисіи могутъ быть люди семейные, для которыхъ далеко небезразлично платить ли за порцію восемь гривенъ или тридцать копеекъ. А между тѣмъ я знаю на углу Садовой и Вознесенскаго трактирчикъ г-жи Васильевой, гдѣ, вопервыхъ, помѣщеніе очень приличное; вовторыхъ, кушанье подается недорогое и вкусное, и втретьихъ, прислугѣ строго воспрещено произносить при гостяхъ ругательныя слова! Поэтому, я полагалъ бы...

— Ну, къ Васильевой, такъ къ Васильевой — не мнѣ придется дохлятину-то ѣсть! Я, братъ, завтра взялъ шапку да и былъ таковъ! Параграфъ троазіемъ, господа: „въ составъ коммисіи входятъ по одному представителю отъ каждой изъ пяти первостепенныхъ державъ съ жалованьемъ по шести тысячъ рублей въ годъ; второстепенныя державы посылаютъ въ складчину по одному представителю отъ каждыхъ двухъ государствъ съ жалованьемъ по мѣрѣ средствъ. На канцелярскіе расходы ассигнуется по десяти тысячъ рублей въ годъ, каковой расходъ относится на счетъ патентнаго сбора съ вольнопрактикующихъ статистиковъ...“.

Корренти всталъ и довольно нагло потребовалъ принять Италію въ число первостепенныхъ государствъ. „Съ тѣхъ поръ, говорилъ онъ, какъ Римъ сдѣлался нашей столицей, непростительно даже сомнѣваться, что Италія призвана быть рѣшительницей судебъ міра“. Но Прокопъ сразу осадилъ дерзкаго пришельца.

— Ну, братъ, это еще Улита ѣдетъ, когда-то будетъ! сказалъ онъ ему, и этимъ мѣткимъ замѣчаніемъ увлекъ за собой все собраніе. Параграфъ 3-й былъ принятъ огромнымъ большинствомъ.

— Параграфъ катріемъ е дернье: „Постоянная коммисія имѣетъ главный надзоръ за статистикой во всѣхъ странахъ міра. Она поощряетъ прилежныхъ и исправныхъ статистиковъ, нерадивыхъ же подвергаетъ надлежащимъ взысканіямъ. Сверхъ того высшимъ мѣстамъ и учрежденіямъ она пишетъ донošенія и рапорты, съ равными мѣстами сносится посредствомъ отношеній; статистикамъ, получающимъ отъ казны содержаніе, даетъ предложенія; статистикамъ вольнопрактикующимъ посылаетъ указы и предписанія“.

Но не успѣли мы приступить къ голосованію послѣдняго параграфа, какъ случилось нѣчто поразительное. На лѣстницѣ послышался сильнѣйшій шумъ и въ залу засѣданій вбѣжалъ совершенно блѣдный и растерявшійся половой. Увидѣвъ его, Кетле́ съ быстротою молніи ухватилъ первую попавшуюся подъ руки шапку и улизнулъ. Его примѣру хотѣли послѣдовать и прочіе иностранные гости (какъ послѣ оказалось — притворно), но было уже поздно: въ комнатѣ засѣданій стоялъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ, а изъ-за дверей выглядывали головы городовыхъ. Левассёръ съ какою-то отчаянною рѣшимостью отвернулся къ окну и произнесъ: Alea jacta est!

— Господинъ отставной корнетъ Шалапутовъ! провозгласилъ между тѣмъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ.

— Здѣсь! отозвался Левассёръ, отдаваясь въ руки правосудія.

Мы такъ и ахнули.

И такъ, этотъ статистическій конгрессъ, на который мы возлагали столько надеждъ, оказался лишь фальшивою декораціей, за которою скрывалась самая низкая подпольная интрига! Онъ былъ лишь средствомъ для занесенія нашихъ именъ въ списки сочувствующихъ, а оттуда — кто знаетъ! — быть можетъ, и въ книгу живота!

Можно себѣ представить, каково было удивленіе мое и Прокопа, когда мы узнали, что чуть-чуть не сдѣлались членами интернаціоналки!

Вечеръ этого дня я провелъ у Менандра, и мы оба долго и горько плакали. Чтобъ утѣшить меня, онъ началъ читать корреспонденцію изъ Екатеринославля, въ которой чертами, можно

сказать огненными, описывались производимыя сусликами опустошенія, но чтеніе это еще болѣе разстроило насъ.

— Неужели же нѣтъ никакихъ мѣръ противъ этихъ негодяевъ? воскликнулъ я, самъ, впрочемъ, хорошенько не сознавая, о чемъ я говорю.

— Къ сожалѣнію, должно признаться, что такихъ мѣръ не существуетъ, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться, что еслибъ земскія управы взялись за дѣло энергически, то суслики давно были бы уничтожены! Я намѣренъ посвятить этой мысли не менѣе десяти передовыхъ статей.

Сказавъ это, онъ такъ глубокомысленно взглянулъ на меня, что я поскорѣе взялъ шапку и побѣжалъ куда глаза глядятъ.

Всю дорогу я бѣжалъ безъ всякой мысли. То-есть, коли хотите, и была мысль, которая неотступно стучала мнѣ въ голову, но мысль самая странная, а именно: къ сожалѣнію, должно признаться, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться — и больше ничего. Это былъ своего рода итальянскій мотивъ, который иногда по цѣлымъ часамъ преслѣдуетъ человѣка безъ всякаго участія со стороны его сознанія. Идетъ ли человѣкъ по тротуару, сидитъ ли въ обществѣ пѣнкоснимателей, читаетъ ли корреспонденцію изъ Пирятина—и вдругъ гаркнетъ: odiarrrti!— а самъ не можетъ дать себѣ отчета, зачѣмъ и почему. Даже когда я легъ въ постель, то и тутъ послѣднею мыслью моею было: къ сожалѣнію должно признаться, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться...

Ночь я провелъ безпокойно, почти бурно. Во снѣ я припомнилъ, что программа этого дня осталась невыполненною, и что намъ слѣдовало еще ѣхать съ иностранными гостями въ воронинскія бани. Поэтому, я тотчасъ же перенесся фантазіей въ бани, и увидѣвъ себя и иностранныхъ гостей обнаженными, почему-то сконфузился. Но въ то самое время, какъ я обдумывалъ, какъ бы устроить, чтобъ нагота моя была какъ можно меньше замѣтна, Левассёръ благимъ матомъ и на чистѣйшемъ россійскомъ діалектѣ завопилъ: пару! ради Христа, еще пару! Тутъ только я понялъ гнусный обманъ, котораго были жертвою мы, простодушные провинціальные кадыки, и уже бросился съ вѣникомъ, чтобъ наказать наглаго интригана, какъ вдругъ передо мной, словно изъ-подъ земли выросъ Менандръ. Онъ былъ тоже совершенно голый, но въ рукахъ его, вмѣсто вѣника, торчала кипа корреспонденцій, изъ которыхъ на каждой огненными буквами были начертаны слова: „къ сожалѣнію, должно признаться, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться"... Меня бросило въ потъ, и что̀ было послѣ того—я ничего не помню...

Утромъ, едва успѣлъ я опомниться отъ страшнаго сна, какъ Прокопъ уже стоялъ передо мной.

— Ты пойми, сказалъ онъ мнѣ: — вѣдь мы должны будемъ фигюрировать въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ дураковъ... то бишь свидѣтелей!

— Надѣюсь, однако, что мы не виноваты? рискнулъ я возразить, самъ, впрочемъ, не вполнѣ увѣренный, виноватъ я, или виноватъ.

— Дожидайся, будутъ тебя спрашивать, виноватъ ты или не виноватъ. Былъ съ нами—и дѣло съ концомъ!

Тутъ я вспомнилъ мой разговоръ съ Левассёромъ на Марсовомъ полѣ и чуть не посѣдѣлъ отъ ужаса. Припомнитъ онъ, или не припомнитъ? Ахъ, дай-то Господи чтобъ не припомнилъ! Потому что, ежели онъ припомнитъ... Господи! ежели онъ припомнитъ! Это нужды нѣтъ, что я ничего не говорилъ и даже убѣждалъ его оставить заблужденія, но вѣдь, пожалуй, онъ припомнитъ, что̀ *онъ* говорилъ, и тогда...

— Да ты не наболталъ ли чего-нибудь? спросилъ Прокопъ, замѣтивъ мое смущеніе.

— Ей Богу, я ничего не говорилъ! Но я... но мнѣ...

— Ну, братъ, плохо твое дѣло, коли такъ. *Онъ* припомнитъ. Я, братъ, самъ однажды Энгеля пьянаго домой на извощикѣ подвозилъ, такъ и то вчера цѣлый вечеръ въ законахъ рылся: какому за сіе наказанію подлежу! Потому, припомнитъ — это вѣрно!

— Но позволь, душа моя, вѣдь ты же всю эту исторію затѣялъ! Ты съ ними меня свелъ! Ты приглашеніе мнѣ принесъ! Ты засѣданія устраивалъ! За что же я долженъ терпѣть?

— Мало чего нѣтъ! А ты вспомни, что̀ ты еще прежде про статистику-то говорилъ! Вспомни, какъ ты перебиралъ: и того у насъ нельзя, и то невозможно, и за это въ кутузку... Нѣтъ, братъ, шалишь! Коли ужь припоминать, такъ все припоминать! Пущай начальство видитъ!

— Позволь... но вѣдь не въ этомъ дѣло!

— Нѣтъ, братъ, ужь припоминать, такъ припоминать! Карту-то на счетъ трактирныхъ заведеній кто составлялъ? а? Анъ карта-то, братъ, — вотъ она! (Прокопъ хлопнулъ рукой по боковому карману сюртука).

— Но карта... что же она означаетъ!

— Тамъ, братъ, ужь разберутъ. Тамъ всему мѣсто найдутъ. Нѣтъ, это ужь не резонъ. Это, братъ, не потоварищески!

— Но, пожалуйста, ты не думай, чтобъ я...

— Нечего тутъ „не думай“! Я и то не думаю. А по моему: вмѣстѣ блудили, вмѣстѣ и отвѣчать слѣдуетъ, а не отлынивать! Я виноватъ! скажите на милость! А кто меня на эти дѣла натравливалъ! Кто меня на дорогу-то на эту поставилъ! Нѣтъ, братъ, я самъ съ усамъ! Карта-то—вотъ она!

Словомъ сказать, гонимые страхами, мы вдругъ уподобились тѣмъ рыцарямъ современной русской журналистики, которые, не имѣя возможности проникнуть въ „храмъ удовлетворенія“, накидываются другъ на друга, и начинаютъ грызться: „нѣтъ ты!“ „анъ ты!“

Разъ вступивши на скользкій путь сплетенъ и припоминаній,

Богъ знаетъ до чего бы мы могли дойти, но, къ счастью, мы не успѣли еще пустить другъ другу въ лицо ни „хамами", ни „клопами", ни однимъ изъ тѣхъ эпитетовъ, которыми такъ богата „многоуважаемая" редакція „Старѣйшей Русской Пѣнкоснимательницы", какъ въ мой нумеръ влетѣлъ Веретьевъ.

— Берутъ! ревѣлъ онъ, весело потирая руки.

Я поблѣднѣлъ; Прокопъ положительно упалъ духомъ.

— Кого?!

— Волохова, Рудина и Берсенева ужь взяли... Кирсановъ на вслоскѣ!

— Но чему же вы радуетесь, Веретьевъ?

— Я чему радуюсь? Я? чему я радуюсь? „Затишье!" Астаховъ! Маша! „Человѣкъ онъ былъ" — а теперь что! Что̀ я такое, спрашиваю я васъ! Утонула! Чорта съ два... вышла замужъ за Чертопханова! За Чертопханова—понимаете! „Башмаковъ еще не износила"... зачѣмъ жить! Зачѣмъ мнѣ жить, спрашиваю я васъ! Сибирь... каторга... по холодку! Вотъ тутъ! закончилъ онъ, ударяя себя въ грудь: — тутъ!

Я зналъ, что Веретьевъ получилъ воспитаніе въ бѣлобородовскомъ полку, и потому паясничества его никогда не удивляли меня. Иногда, вслѣдствіе общаго неприхотливаго уровня вкуса, они казались почти забавными, а въ глазахъ очень многихъ служили даже признакомъ несомнѣнной талантливости. Но въ эту минуту, признаюсь, мнѣ было досадно глядѣть на его кривлянья.

— Неужели вы хоть одинъ разъ въ жизни не можете быть серьёзнымъ, Веретьевъ? укорилъ я его.

— Тебѣ, Веретьевъ, когда ты въ компаніи—цѣны нѣтъ! присовокупилъ съ своей стороны Прохопъ:—мухой-ли прожужжать, сверчкомъ-ли прокричать — на все ты молодецъ! Ну, а теперь, братъ, извини! теперь, братъ, слѣдовало бы и остепениться крошечку!

— Что-жь! можно и остепениться! Ну, спрашивайте! глазомъ не моргну!

Сказавши это, Веретьевъ вдругъ зажужжалъ на манеръ пчелы, но зажужжалъ такъ натурально, что мы съ Прокопомъ инстинктивно начали отмахиваться.

— Ахъ, чортъ подери! Это все ты, шутъ гороховый! обозлился Прокопъ:—и охота намъ съ отчаяннымъ связываться! Да говори толкомъ, оглашенный, что̀ такое случилось?

Быть можетъ, Веретьевъ и еще откинулъ бы нѣсколько фарсовъ, прежде, нежели объяснить въ чемъ дѣло, но, къ счастью для насъ, въ эту минуту пришелъ Кирсановъ. Онъ былъ видимо разстроенъ; чистенькое и блѣдное лицо его приняло желтоватые тоны, тонкія губы сжались; новенькій вицъ-мундирчикъ вздрагивалъ на его плечахъ.

— Господа! вы видите меня въ величайшемъ недоумѣніи, началъ онъ раздраженнымъ голосомъ:—не говоря уже о томъ, что

я цѣлую недѣлю, неизвѣстно по чьей милости, былъ дѣйствующимъ лицомъ въ какой-то странной комедіи, но — что̀ важнѣе всего—въ настоящую минуту, заподозрѣна даже моя политическая благонадежность!

Аркаша остановился, и окинулъ насъ взглядомъ, которому онъ, по мѣрѣ силъ своихъ, старался придать олимпическій характеръ. Но Прокопа этотъ взглядъ, повидимому, ни мало не смутилъ, такъ-какъ онъ отвѣтилъ въ упоръ:

— Твоя благонадежность! Велика штука — твоя благонадежность! И мы заподозрѣны, и всѣ заподозрѣны! Его благонадежность! Есть объ чемъ толковать!

— Да... но вѣдь я... запнулся Кирсановъ.

— И я... и ты... ну да! Ну, и ты! Ты вспомни-ка, что̀ ты съ Базаровымъ, лежа на травѣ, разговаривалъ!

Блѣдное лицо Кирсанова моментально вспыхнуло.

— Конечно, сказалъ онъ:—и я былъ молодъ, и я заблуждался, но кто же изъ насъ не былъ молодъ, кто не заблуждался! Мнѣ кажется, что въ смыслѣ политической благонадежности, тѣ люди даже полезнѣе, которые когда-нибудь заблуждались, но потомъ оставили свои заблужденія! Эти люди, вопервыхъ, понимаютъ, въ чемъ заключаются такъ-называемыя заблужденія; и, вовторыхъ, знаютъ сладость раскаянья. Поэтому, мнѣ болѣе, нежели странно, что меня упрекаютъ прошлымъ, отъ котораго я самъ отвернулся съ тѣхъ поръ, какъ произошла эта исторія съ Аннушкой!

Но Прокопъ былъ неумолимъ.

— Толкуй, братъ, по пятницамъ! отрѣзалъ онъ: — ужь коли въ комъ разъ эта проказа засѣла, такъ никакими раскаяньями оттолѣ ее не выкуришь! Ты на конгрессѣ-то нашемъ что̀ проповѣдывалъ?

— Я всего одинъ разъ говорилъ, и то лишь для того, чтобы указать на трактиръ г-жи Васильевой, какъ на самое удобное мѣсто для засѣданій постоянной коммисіи!

— Ну, хорошо! ну, положимъ! Дѣйствительно, на конгрессѣ ты велъ себя скромно! А какъ ты во время эманципаціи себя велъ?! Ты посредникомъ былъ—скажи, какъ ты себя велъ? а?

— Но мнѣ кажется, что въ видахъ общихъ интересовъ...

— Нѣтъ, ты не отлынивай, а отвѣчай прямо: какъ ты себя велъ! Вотъ они (Прокопъ указалъ на Веретьева и на меня)— никогда ничего объ нихъ не скажу! Вели себя, какъ дворяне— а потому и благодарность имъ отъ всѣхъ (Прокопъ прикоснулся рукою къ землѣ)! Ну, а ты, братъ... нѣтъ, ты съ душкомъ! Какъ ты къ дворянину-то выходилъ? въ какомъ видѣ? а? Какъ ты дворянъ-то на очныя ставки съ хамами ставилъ? а? „Вы, говоритъ, не имѣли права, на основаніи... а онъ, говоритъ, имѣетъ право, на основаніи"... а? Анъ вотъ оно и отозвалось! вонъ оно когда отозвалось-то!

*

— Но позвольте! ежели я и увлекался, то цѣли, которыя при этомъ одушевляли меня...

— Не говори ты мнѣ, ради Христа! Я вѣдь помню! я все помню! Помню я, какъ ты меня съ Прошкой-то кучеромъ судилъ! Вѣдь я со стыда за тебя сгорѣлъ! Вотъ ты какъ судилъ!

Кирсановъ слегка поникъ головой, какъ бы сознавая, что передъ трибуналомъ Прокопа для него нѣтъ оправданій. Тогда я выступилъ впередъ, въ качествѣ миротворца.

— Позвольте, господа! позволь, мой другъ! сказалъ я, мягко устраняя рукой Прокопа, который начиналъ уже подпрыгивать по направленію къ Кирсанову:—дѣло не въ пререканіяхъ, и не въ томъ, чтобы воскрешать прошлое. Аркадій Павлычъ увлекся—онъ самъ сознаетъ это. Но это сознаніе и соединенное съ нимъ раскаяніе онъ подтвердилъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій, характеръ которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Еслибъ не быстрота, съ которою онъ вызвалъ воинскую команду въ деревню Проплеванную, то Богъ знаетъ, имѣлъ ли бы я удовольствіе бесѣдовать теперь съ вами. Стало быть, оставимъ рѣчь о прошломъ. Въ прошломъ, конечно, были грѣшки, но были и достославныя дѣйствія. Обратимтесь, господа, къ настоящему! Въ чемъ дѣло, Аркадій Павлычъ?

— А вотъ, неугодно-ли посмотрѣть!

И Кирсановъ подалъ бумагу, въ которой мы прочли: „коммисія по дѣлу объ эмиссарахъ: отставномъ корнетѣ Шалопутовѣ, пензенскомъ помѣщикѣ Капканчиковѣ съ товарищи, вызываетъ титулярнаго совѣтника Аркадія Павлова Кирсанова для дачи отвѣтовъ противъ показаній неслужащаго дворянина Берсенева“.

— Ну, попался! воскликнулъ Прокопъ, и какъ-то особенно при этомъ свиснулъ.

— Ну, что̀ же я сдѣлалъ? И что̀ могъ, наконецъ, Берсеневъ...

— Тамъ, братъ, разберутъ... а что попался—такъ это вѣрно!

— Но почему же вы такъ тревожитесь, Аркадій Павлычъ? Вѣдь вы сознаете себя невиннымъ?

— Клянусь, что я...

— Охотно вамъ вѣрю. Но, можетъ быть, вы что-нибудь говорили? Можетъ быть, вы говорили... ну, что̀ бы такое?.. ну, хоть бы, напримѣръ, что необходимо Семипалатинской области дать особенное, самостоятельное устройство?

Кирсановъ задумался на минуту, какъ бы припоминая.

— Да... объ этомъ, кажется, была рѣчь, наконецъ, произнесъ онъ тихо.

— Ну, и пропалъ! Пиши письма къ роднымъ!

— Но позвольте, господа! Положимъ, что я говорилъ глупости, но неужели же нельзя... даже въ частномъ разговорѣ... даже глупости...

Но оправданіе это было такъ слабо, что Прокопъ опровергъ его моментально.

— Говорить глупости ты можешь, сказалъ онъ: — да не та-

кія. Вы заберетесь куда-нибудь въ Фонарный переулокъ, да будете отечество раздроблять, а на васъ смотри! Одинъ Семипалатинскую область оторветъ, другой въ Полтавскую губернію лапу засунетъ... нельзя сударь, нельзя!

Тогда Кирсановъ въ свою очередь озлился.

— Позвольте, однакожь-съ! сказалъ онъ: — если я не имѣю права говорить глупости, такъ и вы-съ... Помните-ли, какъ вы однажды изволили говорить: вотъ какъ бы вмѣсто Москвы да нашъ Амченскъ столицею сдѣлать...

— Ну, это ты врешь! Этого я не говорилъ! Ишь, вѣдь, что̀ вспомнилъ! ахъ ты, сдѣлай милость! Да не то, что одна коммисія, а десять коммисій меня позови — передъ всѣми одинъ отвѣтъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! Нѣтъ, братъ, я вѣдь травленный! Меня тоже не скоро на кривой-то объѣдешь!

— Но я не къ тому веду рѣчь...

— Понимаю, къ чему ты ведешь рѣчь, только напрасно. Ты, коли хочешь, винись, а я не повинюсь! Хоть сто коммисій меня къ отвѣту позови—не говорилъ, и баста!

Распря эта не успѣла, однакожь, разыграться, потому что въ комнату вошелъ совершенно растерянный Перерепенко.

— Представьте себѣ, меня обвиняютъ въ намѣреніи отдѣлить Миргородскій уѣздъ отъ Полтавской губерніи! сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Что такое? какъ?

— Да-съ! вы видите передъ собой измѣнника-съ! сепаратиста-съ! Я, который всѣмъ сердцемъ-съ! говорилъ онъ язвительно:—и добро бы еще рѣчь шла объ Золотоношѣ! Ну, тутъ дѣйствительно еще былъ бы резонъ, потому что Золотоношъ отъ Канева—рукой подать! Но Миргородъ! но Хороль! но Пирятинъ! но Кобеляки!

— Откуда же такая напраслина, Иванъ Иванычъ? Уже-ли Довгочхунъ...

— Признаюсь, у меня у самого первое подозрѣніе пало на Довгочхуна, но, къ сожалѣнію, Довгочхуновъ много и здѣсь. Не Довгочхунъ, а неслужащій дворянинъ Маркъ Волоховъ!

— Но развѣ вы имѣли неосторожность открыть ему ваши намѣренія?

— Нечего мнѣ было открывать-съ, потому что я, какъ родился безъ намѣреній, такъ и всю жизнь безъ намѣреній надѣюсь прожить-съ. А просто, однажды господинъ Волоховъ попросилъ у меня взаймы три цѣлковыхъ, и я ему въ просьбѣ отказалъ! Онъ и тогда откровенно мнѣ высказалъ: вспомню я когда-нибудь объ васъ, Иванъ Иванычъ! И вспомнилъ-съ.

— Донесъ, что-ли?

— Нѣтъ, не донесъ-съ. Книжечка у него такая была, въ которую онъ все записывалъ, что̀ на умъ взбредетъ. Вотъ онъ и записалъ тамъ: „Перерепенко, Иванъ Иванычъ, имѣть въ виду,

на случай отдѣленія Миргородскаго уѣзда"... Анъ книжечку-то эту у него нашли!

— Однако, это, чортъ возьми, штука скверная! всполошился Прокопъ:—третьяго дня этотъ шутъ гороховый Левассёръ говоритъ мнѣ: Votre pays, monsieur, est un fichu pays!—а я, чтобы не обидѣть иностраннаго гостя: да, говорю, Карлъ Иванычъ! есть таки тово... попахиваетъ! А ну, какъ онъ это въ книжку записалъ?

— И записалъ-съ! вздохнулъ Перерепенко.

Мы всѣ вдругъ сосредоточились, какъ отправляющіеся въ дальный путь. Даже Веретьевъ уныло свиснулъ, вспомнивъ, какъ онъ когда-то нагрубилъ Астахову, который занималъ въ настоящее время довольно видный постъ. Каждый старался перебрать въ умѣ всю жизнь свою... даже такую вполнѣ чистую и безупречную жизнь, какъ жизнь Перерепенки и Прокопа!

Я былъ скомпрометированъ больше всѣхъ. Не говоря уже о признаніяхъ Шалапутова на Марсовомъ полѣ, о томъ, что я неоднократно подвозилъ его на извощикѣ и ссудилъ въ разное время по мелочи суммою до десяти рублей, въ моемъ прошедшемъ былъ фактъ, относительно котораго я и самъ ничего возразить не могъ. Этотъ фактъ—„Маланья", повѣсть изъ крестьянскаго быта, которую я когда-то написалъ. Конечно, это было заблужденіе молодости, но нельзя себѣ представить, до какой степени живучи эти заблужденія! Вотъ, кажется, все забыто; прошедшее стерлось и какъ бы заплыло въ темной пучинѣ времени—анъ нѣтъ, оно не стерлось и не заплыло! Достаточно самаго ничтожнаго факта, случайнаго столкновенія, нечаянной встрѣчи—и опять все воскресло, задвигалось, засуетилось! забытые образы выступаютъ наружу; полинявшія краски оживаютъ; одна подробность вызываетъ другую—и канувшій въ вѣчность моментъ преступленія становится передъ вами во всей ослѣпительной ясности!

— Эге! да вѣдь это тотъ самый, который „Маланью" написалъ?

— „Маланью"! Что такое „Маланья"? Это не то ли, что Вергина на театрѣ представляетъ: „Маланья, русская сирота"... такъ, кажется?

— Нѣтъ, „русская сирота" — это „Ольга". А „Маланья" — это... это... да это ужасъ, что такое „Маланья"!

— И онъ написалъ „Маланью"!

— Онъ самый. И еще имѣетъ смѣлость оправдываться... éxcusez du peu!

Однимъ словомъ, „Маланья"—это родъ первороднаго моего грѣха...

Эти горькія размышленія были прерваны стукомъ въ дверь моего нумера. Какъ ни были мы приготовлены ко всякимъ случайностямъ, но стукъ этотъ всѣхъ насъ заставилъ вздрогнуть. Въ комнату развязно вошелъ очень изящный молодой человѣкъ,

въ сюртукѣ военнаго покроя, вручилъ мнѣ, Прокопу и Веретьеву по пакету, и сказавъ, что въ восемь часовъ, какъ только стемнѣетъ, за нами пріѣдетъ карета, удалился.

Это былъ не сонъ, но нѣчто фантастичнѣе самаго сна. Насъ было тутъ пять человѣкъ, нелишенныхъ Божьей искры — и никому даже въ голову не пришло спросить, кто этотъ молодой человѣкъ, отъ кого онъ присланъ, въ силу чего призываетъ насъ къ отвѣту, почему, наконецъ, онъ не принимаетъ такъ-называемыхъ мѣръ къ пресѣченію способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія, а самымъ патріархальнымъ образомъ объявляетъ, что заѣдетъ за нами вечеромъ въ каретѣ, до тѣхъ же поръ мы обязываемся его ждать! Ни одинъ изъ этихъ, вполнѣ естественныхъ вопросовъ, не пришелъ намъ на мысль — до такой степени сильно было убѣжденіе, что мы виноваты и что „тамъ разберутъ!“

Это была уже вторая руководящая мысль, которая привела насъ къ путаницѣ. Во время статистическаго конгресса насъ преслѣдовало гордое убѣжденіе, что мы не лыкомъ шиты; теперь оно смѣнилось другимъ, болѣе смиренномудреннымъ, убѣжденіемъ: мы виноваты, а тамъ разберутъ. Въ обоихъ случаяхъ, основу представляло то чувство неизвѣстности, которое всякіе сюрпризы дѣлаетъ возможными и удобоисполнимыми.

И мы ждали, ни разу даже не вспомнивъ о происшествіи, когда-то случившемся на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ тоже пріѣхали неизвѣстные мужчины, взяли кассу и уѣхали... Мы терпѣливо просидѣли у меня въ нумерѣ до вечера. Въ восемь часовъ ровно, когда зажглись на улицѣ фонари, за нами явилась четверомѣстная карета, намъ завязали глаза, и повезли.

Мы ѣхали что-то очень долго (шутники, очевидно, колесили съ намѣреніемъ). Несмотря на то, что мы сидѣли въ каретѣ одни—провожатый нашъ сѣлъ на козлы рядомъ съ извощикомъ—никто изъ насъ и не подумалъ снять повязку съ глазъ. Только Прокопъ однажды приподнялъ украдкой краешекъ, сказавъ: „кажется, черезъ Троицкій мостъ сейчасъ переѣзжать станемъ“—и опять привелъ все въ порядокъ. Наконецъ, карета остановилась, насъ куда-то ввели и развязали глаза.

Клянусь честью, мнѣ сейчасъ же пришло на мысль, что мы въ трактирѣ (и дѣйствительно, мы были въ Hôtel du Nord на Офицерской): до такой степени комната, въ которой мы очутились, всей обстановкой напоминала трактиръ средней руки, до того она была переполнена всевозможными трактирными испареніями! Я обонялъ запахъ жаренаго лука, смѣшанный съ запахомъ помоевъ; я видѣлъ лампу, съ захватаннымъ пальцами шаромъ, лампу, которая, казалось, сама говорила: нигдѣ, кромѣ трактира, я висѣть не могу! я ощущалъ подъ собой стулъ съ прорванною клеенкой, стулъ, на которомъ смѣнилось столько поколѣній... но и за всѣмъ тѣмъ, мысль, что я виноватъ, и что тамъ разберутъ, пересилила всѣ соображенія.

Мы были тутъ всѣ. Всѣ, участвовавшіе въ злосчастномъ статистическомъ конгрессѣ! Большинство было свободно, но „иностранные гости“, а также и Рудинъ и Волоховъ были въ кандалахъ. Но какъ легко и даже весело они переносили свое положеніе! Они смѣялись, шутили, а одну минуту мнѣ даже показалось, что они перемигиваются съ нашими судьями. Но, увы! тогда я приписалъ эту веселость гражданскому мужеству, и только когда Прокопъ, толкнувъ меня подъ бокъ, шепнулъ:

— Ну, братъ, ау! Надѣются, стало быть,—важныя показанія дали!

— я нѣсколько дрогнулъ и измѣнился въ лицѣ.

Судьи сидѣли за столомъ, накрытомъ бѣлою скатертью. Ихъ было шесть человѣкъ, и всѣ шестеро молодые люди; передъ каждымъ лежалъ листъ чистой бумаги. Опять-таки клянусь, что и молодость судей довольно-таки поразила меня; я, конечно, съумѣлъ бы вывести изъ этого замѣчанія надлежащее заключеніе, еслибъ Прокопъ, по своему обыкновенію, не спуталъ меня.

— Молодые! шепнулъ онъ мнѣ:—гдѣ ѣдятъ, тамъ и судятъ! Ну, эти, братъ, не простятъ! эти засудятъ! Это не то что старики! Тѣ, бывало, оборвутъ—и отпустятъ; ну, а эти — шалишь! „Comment allez vous!“ Садитесь, не хотите-ли чаю?—и сейчасъ тебя въ кутузку!

Намъ сдѣлали перекличку; всѣ оказались на лицо. Затѣмъ, кандальныхъ куда-то увели, а одинъ изъ судей (увы!! онъ разыгрывалъ презуса!) всталъ и обратился къ намъ съ рѣчью:

— Господа! вы обвиняетесь въ весьма тяжкомъ преступленіи, и только вполнѣ чистосердечное раскаянье можетъ облегнить вашу участь. Наши обязанности относительно васъ очень сепріятны, но насъ подкрѣпляетъ чувство долга—и мы останемэя вѣрны ему. Вы, господа, неусомнившіеся вступить въ самый гнусный изъ всѣхъ заговоровъ, вы, конечно, не можете понять что святое чувство, но мы... мы понимаемъ его! Тѣмъ не менѣе, мы очень хорошо сознаемъ, что ваше положеніе не изъ пріятныхъ, и потому постараемся, по возможности, облегчить его. Покуда вы не осуждены закономъ—вы наши гости, messieurs! Объ одномъ только мы просимъ васъ: будьте чистосердечны. Будьте увѣрены, что мы уже *все* знаемъ, и ежели настоящее слѣдствіе имѣетъ мѣсто, то для того только, чтобы дать вамъ случай раскаяться и быть чистосердечными. Я сказалъ, господа. Теперь, господинъ производитель дѣлъ отведетъ васъ, за исключеніемъ господина Кирсанова, въ особенную комнату, и велитъ подать вамъ по стакану чаю. Прощайте, господа.

Насъ заперли въ сосѣдней комнатѣ, и подали чаю. Клянусь, что я гдѣ-то видѣлъ человѣка, который въ эту минуту разносилъ намъ чай (потомъ оказалось, что онъ служилъ недавно половымъ въ „Старомъ Пекинѣ!“).

Допрашивали до крайности быстро. Не прошло пяти-шести минутъ, какъ потребовали Веретьева, потомъ Лаврецкаго, Пере-

репенку, Прокопа и, наконецъ, меня. Признаюсь откровенно, я чувствовалъ себя очень неловко! ахъ, какъ неловко!

— Вы писали „Маланью?“ спросилъ меня лже-презусъ.

— Я-съ.

— И сознаете себя виновнымъ?

— То-есть... изволите видѣть... я не желалъ... въ строгомъ смыслѣ, я даже хотѣлъ воспрепятствовать...

— Безъ околичностей-съ. Отвѣчайте прямо и откровенно: виноваты?

— Виноватъ-съ.

— Ah! c'est grave! произнесъ съ боку одинъ изъ лже-судей, рисовавшій на бѣломъ листѣ домикъ, изъ трубы котораго вьется дымокъ.

Я, въ полномъ смыслѣ этого слова, растерялся.

— Теперь, извольте говорить откровенно: ѣздили ли вы 2-го августа на извощикѣ съ шарманщикомъ Корподибакко, присвоившимъ себѣ фамилію почтеннаго члена международнаго статистическаго конгресса Корренти? не завозили-ли вы его въ домъ № 30-й, на Канонерской улицѣ?

— Не... не помню...

— Извольте говорить откровенно. Вспомните, что только полное чистосердечіе можетъ смягчить вашу участь.

— Кажется... нѣтъ... кажется... ѣздилъ-съ!

— Безъ „кажется“-съ. Извольте говорить откровенно.

— Ѣздилъ-съ.

— Знали ли вы, что въ этомъ домѣ живетъ преступникъ Рудинъ? что Корренти ѣхалъ именно къ нему, чтобъ условиться насчетъ плана всесвѣтной революціи?

— Нѣтъ-съ, не зналъ.

— Говорите откровенно! не опасайтесь!

— Ей-богу, ваше превосходительсто, не зналъ.

— Пригласите сюда господина Корподибакко!

Загремѣли кандалы. Корподибакко, тяжело дыша, всталъ рядомъ со мною.

— Уличайте его!

— И вы можетъ минѐ сказаль, что ви не зналь! обратился ко мнѣ Корподибакко:—oh, maledetto russo! Я, бѣдна, нешастна итальянцъ—и я такъ не скажу, ишто вы спчасъ говориль!

— Что̀ можете вы сказать противъ этой улики?

— Рѣшительно ничего. Я даже въ первый разъ слышу о всесвѣтной революціи!

— Хорошо-съ. Ваше упорство будетъ принято во вниманіе. Корподибакко, вы можете уйдти. Прикажите дать стаканъ чаю господину Корподибакко!

Корподибакко вдругъ грохнулся на колѣна, воздѣлъ руки и воскликнулъ: pietá, signori!

— Вотъ, сударь, примѣръ раскаянья теплаго, невынужден-

наго! стыдитесь! обратился ко мнѣ одинъ изъ лже-судей, указывая на Корподибакко.

— Ну-съ, теперь извольте говорить откровенно: какого рода разговоръ имѣли вы на Марсовомъ полѣ съ отставнымъ корнетомъ Шалапутовымъ?

Я окончательно смутился. „Вотъ оно!“ мелькнуло у меня въ головѣ: „оно самое!“

— Мнѣ кажется, пробормоталъ я:—онъ говорилъ, что не любитъ войны...

— Еще-съ!

— Еще-съ... нѣтъ... кажется... гм. да... именно, онъ, кажется, говорилъ, что у него была непріятность съ Тьеромъ...

— Еще-съ!

— Что господинъ Фарръ—переодѣтый агентъ-съ...

— Къ дѣлу-съ. Извольте приступить къ дѣлу-съ.

— Что онъ служилъ въ коммунѣ...

— Ah! c'est grave! произнесъ опять лже-судья, рисовавшій домикъ.

— Ну-съ, а вы что̀ ему говорили?

— Я-съ... ничего-съ... онъ былъ такъ пьянъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ, я самъ припомню вамъ, что̀ вы говорили. Вы говорили, что вмѣсто того, чтобы разрушать домъ Тьера, слѣдовало бы разрушить домъ Вяземскаго на Сѣнной площади-съ! Вы говорили, что вмѣсто того, чтобы изгонять „этихъ дамъ“ изъ Парижа, слѣдовало бы очистить отъ нихъ бель-этажъ михайловскаго театра-съ! Еще что̀ вы говорили?

— Не... не... не помню...

— Вы говорили, что постараетесь скрыть его отъ преслѣдованій! Вы обѣщали ему покровительство и поддержку! Вы, наконецъ, объявили, что полагаете положить въ Россіи начало революціи введеніемъ обязательнаго оспопрививанія! Что̀ вы можете на это сказать?

— Рѣшительно... нѣтъ... то-есть... нѣтъ, рѣшительно не припомню!

— Позвать сюда Шалапутова!

Опять загремѣли кандалы; но Шалапутовъ не вошелъ, а вбѣжалъ, и съ такою яростью напустился на меня, что я даже изумился.

— Вы не говорили? вы?! кричалъ онъ:—вы лжецъ, позвольте вамъ сказать! Когда я вамъ сказалъ, что жена моя петролейщица—что̀ вы отвѣтили мнѣ? Вы отвѣтили: вотъ къ намъ бы этакихъ штучекъ пятокъ побольше! Когда я изложилъ передъ вами мои планы — что̀ вы сказали мнѣ? Вы сказали: всѣ эти планы хороши заграницей, а для насъ, русскихъ, совершенно достаточно, если мы добьемся обязательнаго оспопрививанія! Вотъ что̀ вы отвѣтили мнѣ!

— Но мнѣ кажется, что обязательное оспопрививаніе... заикнулся я.

— Не о томъ рѣчь, что̀ вамъ „кажется", государь мой! строго прервалъ меня лже-презусъ:—а о томъ, говорили-ли вы, или не говорили?

Говорилъ я или не говорилъ? Говорилъ-ли я, что слѣдуетъ очистить бель-этажъ михайловскаго театра отъ *этихъ дамъ*? Говорилъ-ли я о пользѣ оспопрививанія? Кто-жь это знаетъ? Можетъ быть, и дѣйствительно говорилъ! Все это какъ-то странно перемѣшалось въ моей головѣ, такъ что я рѣшительно пересталъ различать ту грань, на которой кончается *простой* разговоръ и начинается разговоръ *опасный*. Поэтому, я рѣшился на все махнуть рукой, и сознаться.

— Говорилъ! произнесъ я совершенно твердо.

— A la bonne heure! Можете идти, господинъ Шалапутовъ! Дайте стаканъ чаю господину Шалапутову!

Шалапутовъ гремя удалился.

— Ну-съ, допросъ конченъ, обратился ко мнѣ лже-презусъ:— и еслибы вы не запятнали себя запирательствомъ по показанію Корподибакко...

— Помилуйте, ваше превосходительство! но вѣдь онъ, наконецъ, свинья! воскликнулъ я дрожащимъ отъ волненія голосомъ, въ которомъ звучала такая нота искренности, что сами лже-судьи—и тѣ были тронуты.

— Гм, свинья... это конечно... это даже весьма можетъ быть! сказалъ лже-презусъ: — но скажите, вы развѣ не употребляете свинины?

— Употребляю-съ.

— Ну, и мы употребляемъ. Къ сожалѣнію, свиньи покамѣсть еще необходимы. C'est triste, mais c'est vrai! Не знаете ли вы еще за собой какихъ-нибудь преступленій?

Услышавъ этотъ вопросъ, я вдругъ словно въ ражъ впалъ.

— Одинъ изъ моихъ товарищей, сказалъ я:—предлагалъ Москву упразднить, а вмѣсто нея сдѣлать столицею Мценскъ. И я раздѣлялъ это заблужденіе!

— Дальше-съ!

— Другой мой товарищъ предлагалъ отдѣлить отъ Россіи Семипалатинскую волость. И я одобрялъ это предложеніе.

— Дальше-съ!

— Еще-съ... болѣе, ваше превосходительство, ничего за собой не имѣю!

— Довольно для васъ.

Лже-презусъ всталъ, направился къ двери направо, и спросилъ: готово? Изнутри послышался отвѣтъ: готово.

— Потрудитесь войти въ эту комнату.

. . . .

Я и до сихъ поръ не могу опомниться отъ стыда!

. . . .

Изъ *этой* комнаты, я перешелъ въ слѣдующую, гдѣ нашелъ

Прокопа, Кирсанова и прочихъ, уже прошедшихъ сквозь искусъ. Всѣ были унылы и какъ бы стыдились. Лаврецкій попробовалъ-было начать разговоръ о томъ, какъ дороги въ Петербургѣ ces petits colifichets, которые въ Парижѣ пріобрѣтаются почти задаромъ, но изъ этого ничего не вышло.

Дальнѣйшіе допросы пошли еще живѣе. Въ нашу комнату поминутно прибывали тетюшскіе, новооскольскіе и другіе депутаты, которыхъ, очевидно, спрашивали только для проформы. Повидимому, они даже черезъ комнату „искуса" проходили безостановочно, потому что являлись къ намъ совершенно бодрые и веселые. Мало по малу, общество наше до того оживилось, что Прокопъ при всѣхъ обратился къ Кирсанову:

— А вѣдь ты, поросенокъ, не утерпѣлъ, чтобъ про Амченскъ-то не сказать!

Кирсановъ слегка покраснѣлъ, но отвѣтить не рѣшился.

Наконецъ, въ половинѣ одиннадцатаго, двери отворились и насъ пригласили въ залу, гдѣ уже былъ накрытъ столъ на сорокъ кувертовъ, по числу судей и обвиненныхъ.

— Ну-съ, господа! сказалъ лже-презусъ:—мы исполнили свой долгъ, вы—свой. Но мы не забываемъ, что вы такіе же люди, какъ и мы. Скажу болѣе: вы наши гости, и мы обязаны позаботиться, чтобъ вамъ было не совсѣмъ скучно. Теперь, за кускомъ сочнаго ростбифа и за стаканомъ добраго вина, мы можемъ вполнѣ беззаботно предаться бесѣдѣ о тѣхъ самыхъ проектахъ, за которые вы находитесь подъ судомъ. Человѣкъ! ужинать! и вдоволь шампанскаго!

И, дѣйствительно, лже-судьи разъ, сбросивши декорумъ, оказались добрѣйшими малыми. Они такъ блягировали, что даже Шалапутова—и того заткнули за поясъ. Въ довершеніе всего, дозволили снять съ кандальныхъ кандалы, что̀, разумѣется, произвело фуроръ и сразу пріобрѣло имъ съ нашей стороны популярность. Шампанское лилось рѣкою; Шалапутовъ разсказывалъ, какъ онъ ѣздилъ въ Ирландію и готовился, вмѣстѣ съ феніями, сдѣлать вылазку въ Англію; Корподибакко увѣрялъ, что онъ былъ другомъ Мадзини, и разошелся съ нимъ только потому, что Мадзини до конца жизни оставался упорнымъ католикомъ. Тосты слѣдовали одинъ за другимъ.

— За Гарибальди! провозгласилъ лже-судья, рисовавшій домики.

— За Гамбетту! отвѣтилъ ему лже-презусъ.

— За нашего губернатора! скромно поднялъ бокалъ Кирсановъ.

Словомъ сказать, всѣ одушевились и совершенно позабыли, что часъ тому назадъ... Но едва било двѣнадцать (впослѣдствіи оказалось, что Hôtel du Nord въ этотъ часъ запирается), какъ на кандальниковъ вновь надѣли кандалы, и увезли. Съ насъ же, прочихъ подсудимыхъ, взыскали издержки судопроизводства (по

пятнадцати рублей съ человѣка), и завязавъ намъ глаза, развезли по домамъ.

— Господа! завтра опять допросъ въ тѣ же часы! весело сказалъ намъ лже-презусъ: — мы не арестуемъ васъ, и вполнѣ полагаемся на ваше честное слово, что вы не выйдете изъ вашихъ квартиръ!

— Позвольте мнѣ вотъ съ нимъ! попросилъ Прокопъ, указывая на меня.

— Можете-съ.

Затѣмъ, было дано еще нѣсколько разрѣшеній совмѣстнаго жительства, что̀ возбудило новый фуроръ и новую популярность.

На другой день опять допросъ и ужинъ — съ тою же обстановкой. На третій, на четвертый день и такъ далѣе—то же. Наконецъ, на седьмой день мы такъ вклепались другъ въ друга и того сами на себя наболтали, что хоть всѣхъ на каторгу, такъ впору. Въ тотъ же день намъ было объявлено, что хотя мы попрежнему остаемся заарестованными на честномъ словѣ въ своихъ квартирахъ, но совмѣстное жительство уже не допускается.

Когда я брался за шляпу, производитель дѣлъ таинственно отвелъ меня въ сторону и до крайности благожелательно сказалъ:

— Знаете, а вѣдь ваше дѣло очень плохо!

— Неужели?

— Такъ плохо, что самое малое что̀ васъ ожидаетъ—это семь лѣтъ каторги. Развѣ ужь очень искусный адвокатъ выхлопочетъ снисхожденья минутъ на пятнадцать!

— Это ужасно!

— Что дѣлать! Ужь я старался—ничего не подѣлаешь! То-есть, коли хотите, оно можно...

— Ахъ, сдѣлайте милость!

— Можно-то можно, только вотъ видите-ли... подмазочка тутъ нужна!

— Но сколько? скажите!

Производитель дѣлъ съ минуту подумалъ, пошевелилъ пальцами, какъ бы разсчитывая, сколько кому нужно, и наконецъ произнесъ:

— Вы стами тысячъ можете пожертвовать?

Я даже затрясся весь.

— Сто тысячъ! да у меня и всего-то пять билетовъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа... на всю жизнь, понимаете? Сто тысячъ! да ежели я въ сентябрѣ не выиграю, по малой мѣрѣ, сорокъ тысячъ—я пропалъ!

— Ну, въ такомъ случаѣ дайте хоть два билета!

— Два—съ удовольствіемъ! Съ величайшимъ удовольствіемъ! Два билета—и я буду совершенно чистъ?!

— Чисты какъ алмазъ—ручаюсь. Такъ завтра утромъ я буду у васъ.

— О! съ удовольствіемъ! съ величайшимъ удовольствіемъ!

Мы крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

Это была первая ночь, которую я спалъ спокойно. Я не видѣлъ никакихъ сновъ, и ничего не чувствовалъ, кромѣ благодарности къ этому скромному молодому человѣку, который вмѣсто ста тысячъ удовольствовался двумя билетами, и даже не отнялъ у меня всѣхъ пяти, хотя я самъ сознался въ обладаніи ими. На другой день утромъ, все было кончено. Я отдалъ билеты, и получилъ обѣщаніе, что еще два, три допроса—и меня не будутъ больше тревожить.

Но вотъ наступилъ вечеръ—кареты нѣтъ. Пришелъ и другой вечеръ—опять нѣтъ кареты. Я начинаю безпокоиться и даже скучать. На третій вечеръ—опять нѣтъ кареты. Это дѣлается уже невыносимымъ.

Бродя въ тоскѣ по комнатѣ, я припоминаю, что меня, между прочимъ, обвиняли въ пропагандѣ идеи оспопрививанія—и вдругъ обуреваюсь желаніемъ высказать гласно мои убѣжденія по этому предмету.

— Напишу статью, думалъ я:—Менандръ тиснетъ, а при нынѣшней свободѣ книгопечатанія, чего добраго, она даже и пройдетъ. Тогда сейчасъ оттискъ въ карманъ—и въ судъ. Вы меня обвиняете въ пропагандѣ оспопрививанія — вотъ мои убѣжденія по этому предмету! они напечатаны! я не скрываю ихъ!

Задумано—сдѣлано. Посыльный летитъ къ Менандру съ письмомъ: „Любезный другъ! ты знаешь, какъ горячо я всегда принималъ къ сердцу интересы оспопрививанія, а потому не желаешь ли, чтобъ я написалъ для тебя объ этомъ предметѣ статью?“ Черезъ часъ отвѣтъ: „Ты знаешь, мой другъ, что наша газета затѣмъ собственно и издается, чтобы распространять въ обществѣ здравыя понятія объ оспопрививаніи! Пиши! сдѣлай милость пиши! Статья твоя будетъ украшеніемъ столбцовъ“ и т. д.

Стало быть, за перо! Но тутъ, на первыхъ же порахъ — затрудненіе. Нѣкоторые полагаютъ, что оспопрививаніе было извѣстно задолго до Рождества Христова; другіе утверждаютъ, что *не*задолго; третьи, наконецъ, полагаютъ, что открытіе это сдѣлано лишь послѣ Рождества Христова. Кто правъ, — до сихъ поръ неизвѣстно. Опять мчится посыльный къ Менандру: слѣдуетъ ли упоминать объ этомъ въ статьѣ? Черезъ часъ отвѣтъ: слѣдуетъ говорить обо всемъ. И о томъ, что̀ было до Рождества Христова; и о томъ, что̀ было по Рождествѣ Христовѣ, и о томъ, что́ неизвѣстно. Потому что статья будетъ выглядѣть солиднѣе. „Да загляни, сдѣлай милость, въ Китай: мнѣ сказывалъ Нескладинъ, что тамошняя цивилизація — это прелесть, что такое!“ Ну, что-жь! въ Китай такъ въ Китай! Сейчасъ посыльнаго къ Мелье — и черезъ полчаса на столѣ лежитъ уже книжица, въ которой самымъ обстоятельнымъ образомъ доказы-

вается, что въ Китаѣ и оспопрививаніе и порохъ были извѣстны гораздо ранѣе, нежели въ Европѣ, но только они прививали оспу совсѣмъ не туда, куда слѣдуетъ. Припоминаю по этому случаю пословицу: заставь дурака Богу молиться—онъ лобъ расшибетъ,—сажусь и съ божью помощью, пишу.

Но для меня, написать статью объ оспопрививаніи—все равно, что плюнуть въ порожнее мѣсто. Къ тремъ часамъ моя работа была ужь готова и отослана къ Менандру съ запросомъ такого содержанія: „Не написать ли для тебя статью: кто была Тибуллова Делія? Кажется, теперь самое время для подобныхъ статей!“ Черезъ часъ отвѣтъ: „Сдѣлай милость! Твое сотрудничество драгоцѣнно, потому что ты одинъ знаешь, когда, что̀ и какъ сказать. Всѣ пѣнкосниматели въ эту минуту въ сборѣ въ моей квартирѣ, и всѣ въ восторгѣ отъ твоей статьи. Завтра рано утромъ, „Старѣйшая Русская Пѣнкоснимательница“ будетъ у тебя на столѣ съ *привитою оспою*“.

Опять въ руки перо — и къ вечеру статья готова. Рано утромъ на другой день она уже у Менандра съ новымъ запросомъ: „Не написать ли еще статью: “можетъ ли быть совмѣщенъ въ одномъ лицѣ промыселъ огородничества съ промысломъ разведенія козловъ?“ Кажется, теперь самое время!“ Къ полудню, отвѣтъ: „Сдѣлай милость! присылай скорѣе!“

Такимъ образомъ, въ теченіе семи дней, кромѣ поименованныхъ выше статей, я сочинилъ еще четыре, а именно: „Геморрой — русская ли болѣзнь?“, „Нравы и обычаи летучихъ мышей“, „Единокровные и единоутробные предъ лицомъ римскаго законодательства“, и „Нѣсколько словъ о значеніи и происхожденіи выраженія: гомерическій смѣхъ“. На восьмой день, я занялся собираніемъ матеріаловъ для двухъ другихъ обширныхъ статей, а именно: „Церемоніалъ при погребеніи великаго князя Трувора“ и „Какъ слѣдуетъ понимать легенду о сожженіи великою княгинею Ольгою древлянскаго города Коростеня?“ Статьи эти я полагалъ помѣстить въ „Вѣстникѣ Пѣнкоснимательства“, снабдивъ ихъ нѣкоторыми намеками на текущую современность.

Во всѣхъ семи напечатанныхъ статьяхъ моихъ оказалось четыре тысячи строкъ, за которыя я получилъ, считая по пятиалтынному за строку, шестьсотъ рублей серебрецомъ-съ! Да ежели еще „Вѣстникъ Пѣнкоснимательства“ рублей по двѣсти за листъ отвалитъ (въ обѣихъ статьяхъ будетъ не менѣе десяти листовъ)—анъ сколько денегъ-то у меня будетъ?

Я упивался моей новой дѣятельностью и до того всецѣло предался ей, что даже забылъ и о своемъ заключеніи, и о томъ, что вотъ ужь десятый день, а никто меня никуда не требуетъ и никакой резолюціи по моему дѣлу не объявляетъ. Есть нѣчто опьяняющее въ положеніи публициста, изслѣдующаго вопросъ о происхожденіи Деліи. И хочется „пролить новый свѣтъ“, и жутко. Хочется сказать: нѣтъ, г. Сури (авторъ статьи „La Delia de

Tibulle", помѣщенной въ „Revue des deux mondes" нынѣшняго года), вы ошибаетесь!—и въ то же время боишься: а ну, какъ я самъ совралъ? А соврать немудрено, ибо что̀ такое, въ сущности, русскій публицистъ? — это не что иное, какъ простодушный обыватель, которому попалась подъ руку "книжка" (всего лучше, если маленькая), и у котораго есть твердое намѣреніе получить по пятиалтынному за строчку. Нѣтъ ли на свѣтѣ другихъ такихъ же книжекъ—онъ этого не знаетъ, да и знать ему, собственно говоря, не нужно, потому что попадись подъ руку „другія" книжки, онѣ только собьютъ его съ толку, загромоздятъ память матеріаломъ, съ которымъ онъ никогда не справится,—и статьи не выйдетъ никакой. То ли дѣло—„одна книжка"! Тутъ остается только прочесть, „смекнуть"—и ничего больше. И вотъ онъ смекаетъ, смекаетъ — и чѣмъ больше смекаетъ, тѣмъ шире становятся его горизонты. Наконецъ, статья, съ Божьею помощью, готова, и въ ней оказывается двѣнадцать столбцовъ по пятидесяти строчекъ въ каждомъ. Положите-ка по пятиалтынному-то за строчку — сколько тутъ денегъ выйдетъ!

Одно опасно: наврешь. Но и тутъ есть фортель. Не знаешь— ну, обойди, помолчи, проглоти, скажи скороговоркой. „Нѣкоторые полагаютъ", „другіе утверждаютъ", „существуетъ мнѣніе, едва ли, впрочемъ, правильное", или „повидимому, довольно правильное"—да мало ли еще какіе обороты рѣчи можно изыскать! Кому охота справляться, точно ли „существуетъ мнѣніе", что оспопрививаніе было извѣстно задолго до Рождества Христова? Ну, было извѣстно — и Христосъ съ нимъ!

Или еще фортель. Если сталъ въ тупикъ, если чувствуешь, что языкъ у тебя начинаетъ коснѣть — пиши смѣло: объ этомъ поговоримъ въ другой разъ — и затѣмъ молчокъ! Вѣдь читатель не злопамятенъ; не скажетъ же онъ: а ну-ко поговори! поговори-ка въ другой-то разъ — я тебя послушаю! Такъ это дѣло измором и кончится...

И такъ, работа у меня кипѣла. Днемъ я читалъ „книжку", вечеромъ—писалъ. Ложась на ночь, я представлялъ себѣ двухъ столоначальниковъ, встрѣчающихся на Невскомъ.

— А читали ли вы, батюшка, статью: „Можетъ ли быть совмѣщенъ въ одномъ лицѣ промыселъ огородничества съ промысломъ разведенія козловъ"?спрашиваетъ одинъ столоначальникъ.

— Еще бы! восклицаетъ другой.

— Вотъ это статья! какой свѣтъ-то проливаетъ! Директоръ у насъ отъ нея безъ ума. „Дочери! говоритъ, дочери прикажу прочитать!"

Сердце мое начинаетъ играть, животъ колышется и все мое существо наполняется сладкимъ ликованіемъ...

Но на одиннадцатый день, чувство дѣйствительности, все-таки, заявило о правахъ своихъ. Нельзя безнаказанно, въ теченіе семи дней сряду, не выходя изъ нумера, предаваться изнурительнымъ

изслѣдованіямъ о церемоніалѣ при погребеніи великаго князя Трувора. Поэтому, вопросъ: отчего одиннадцатый день за мной нѣтъ кареты? — вдругъ всталъ передо мной со всею ясностью.

Я помнилъ, что я арестованъ, и нарушить даннаго слова отнюдь не хотѣлъ. Но вѣдь могу же я въ корридорѣ погулять? Могу или не могу?.. Борьба, которую возбудилъ этотъ вопросъ, была тяжела и продолжительна, но наконецъ инстинктъ свободы восторжествовалъ. Да, я могу выйти въ корридоръ, потому что мнѣ этого никто даже не воспрещалъ. Но едва я высунулъ носъ за дверь, какъ увидѣлъ Прокопа, несущагося по корридору на всѣхъ парахъ.

— Вотъ такъ штука! кричалъ онъ мнѣ издали:—вотъ это — штука!

— Что̀ такое случилось?

— А то и случилось, что никакой коммисіи нѣтъ и не бывало!

— Ты врешь, душа моя!

— Нѣтъ, и не бывало. Ни конгресса, ни коммисіи — ничего!

— Да говори толкомъ, что̀ случилось?

— Случилось вотъ что̀. Сижу я сегодня у себя въ нумерѣ, и думаю: странное дѣло однакожь! одиннадцатый день кареты нѣтъ! Скука! Читать — привычки нѣтъ; ходить да думать — боюсь, съ ума сойдешь. Вотъ и пришло мнѣ въ голову: не сходить ли келейнымъ образомъ къ Доминику, по крайности, около людей потрусь! Сказано—сдѣлано. Надвинулъ-это фуражку на глаза, прихожу, иду въ дальнюю комнату—и что̀-жь бы, ты думалъ, вижу! Сидятъ-это за столомъ: судья, который насъ судилъ, Шалапутовъ, Капканчиковъ и Волоховъ—и въ четверомъ въ домино̀ играютъ. Ну, я сначала не понялъ, обрадовался. — Что̀, говорю, Карлъ Иванычъ, выпустили? Это Шалапутову-то. Молчитъ. Я его по плечу: выпустили, молъ, Карлъ Иванычъ? — Онъ этакъ взглянулъ на меня, да какъ прыснетъ: вы, говоритъ, за кого-нибудь другого меня принимаете! — Чего, говорю, за другого! вотъ и они на лицо! Дальше — больше. — Я, говорю, изъ-за васъ восьмнадцатый день изъ-подъ ареста не выхожу.—Да это, говорятъ, сумасшедшій! Гарсонъ! пожалуйста, пошлите за городовымъ! Собралась около насъ публика; кто въ билліардъ игралъ, кто въ шахматы — все бросили. Гогочутъ. Пришелъ хозяинъ. „Позвольте попросить васъ оставить мое заведеніе". Это мнѣ-то!—Нѣтъ, говорю, шалишь! коли ты меня не уважаешь, такъ уважишь вотъ это! И показываю ему фуражку съ околышемъ! А кругомъ хохотъ, гвалтъ — хоть святыхъ вонъ понеси! Сумасшедшій! Сумасшедшій!—только и словъ.—Да объясни ты мнѣ, ради христа, говорю я судьѣ: — долженъ ли, по крайней мѣрѣ, я подъ арестомъ-то сидѣть? — Сиди, говоритъ, сдѣлай милость! Гогочутъ. И вѣдь какъ бы ты полагалъ? вывели-таки меня, раба Божія, изъ заведенія!

Обманъ былъ ясенъ. Тутъ только припомнились мнѣ всѣ ано-

маліи, которыми, — къ сожалѣнію, лишь на мгновеніе, — былъ пораженъ мой умъ во время процесса. И захватанная лампа, и продыравленные стулья, и запахъ жаренаго лука и помой...

— Слушай! вѣдь насъ съ тобой опять надули! и главное, надула все та же компанія! воскликнулъ я въ неописанномъ испугѣ: — вѣдь этакъ намъ, пожалуй, въ Сибирь подорожную дадутъ, и мы поѣдемъ!

— И поѣдемъ — ничего не подѣлаешь!

— Какъ хочешь, а надо бѣжать отсюда!

— И я говорю: бѣжать!

— Стало быть, ѣдемъ!

Но Богу угодно было еще на нѣкоторое время продлить наше пребываніе въ Петербургѣ...

М. М.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ (печатается на основаніи ст. 26 гл. II прилож. къ ст. 5 (примѣч. 4) уст. ценз. по прод. 1868 г., по требованію министерства народнаго просвѣщенія).

Въ іюльской книжкѣ журнала „Отечественныхъ Записокъ“, за текущій годъ, въ статьѣ: „Наши общественныя дѣла“, стр. 85, между прочимъ сообщено, что въ одной изъ московскихъ гимназій принята весьма оригинальная система наказаній: такъ, одинъ ученикъ старшаго класса, за насмѣшки надъ учителемъ, будто-бы былъ поставленъ въ уголъ на одинъ годъ. Выстоявъ на своемъ посту нѣсколько дней и узнавъ о состоявшемся рѣшеніи, онъ оставилъ заведеніе.

Изъ собранныхъ, вслѣдствіе такого заявленія, точныхъ свѣдѣній оказалось, что ни въ одной изъ московскихъ гимназій описываемая система наказанія не примѣняется. Поводомъ къ корреспонденціи, вѣроятно, послужилъ слѣдующій случай, совершенно искаженный неизвѣстнымъ авторомъ. Въ концѣ перваго полугодія 1869—70 учебнаго года, въ число пансіонеровъ 4-го класса московской 1-й гимназіи принятъ былъ сынъ статскаго совѣтника Владиміръ Кигнъ, 13½ лѣтъ. Въ іюлѣ 1871 г., когда Кигнъ былъ уже ученикомъ 6-го класса, отецъ просилъ перемѣстить его въ приходящіе ученики, что̀ и было сдѣлано. Сдѣлавшись приходящимъ ученикомъ, Кигнъ посѣщалъ классы неаккуратно и сталъ заниматься очень дурно, хотя, при способностяхъ, имѣлъ возможность быть въ числѣ хорошихъ учениковъ своего класса. 13 декабря 1871 года преподаватель латинскаго языка, по выходѣ съ урока изъ 6-го класса, отмѣтилъ въ штрафномъ журналѣ объ ученикѣ Кигнъ: „громко смѣялся во время урока“, а директоръ гимназіи, по заявленію преподавателя, что Кигнъ не исполнилъ требованіе его оставить мѣсто и стоять, сдѣлалъ Кигну выговоръ въ присутствіи всего класса. При этомъ директоръ старался выяснить Кигну, что поведеніе его недостойно ученика старшаго, 6-го класса, что смѣяться во время урока можетъ позволить себѣ развѣ только шалунъ въ маленькомъ классѣ, что Кигнъ своимъ поведеніемъ сравнялъ себя съ ученикомъ младшаго класса, а потому и долженъ понести наказаніе, какое назначается, обыкновенно, ученикамъ младшихъ классовъ. Кигнъ былъ арестованъ 13-го декабря на 1 часъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ему приказано было стоять *только во время уроковъ латинскаго языка.* Все это и было записано въ штрафной журналъ 14-го декабря Кигнъ и стоялъ 1 часъ, то-есть, урокъ ла

тинскаго языка. Еще передъ началомъ урока Кигнъ обратился къ директору съ вопросомъ, сколько времени онъ долженъ стоять на урокахъ латинскаго языка, на что получилъ отвѣтъ, что ему будетъ дано мѣсто, когда онъ заслужитъ. 15-го декабря отъ кандидата московскаго университетата Арефьева, у котораго Кигнъ былъ помѣщенъ отцемъ, по взятіи его изъ пансіона, инспекторъ гимназіи получилъ увѣдомленіе слѣдующаго содержанія: „Воспитанникъ 6-го класса, Владиміръ Кигнъ, страдаетъ горломъ и потому явиться въ гимназію не можетъ“ (Письмо хранится вмѣстѣ съ другими подобнаго рода извѣщеніями). Послѣ сего Кигнъ болѣе не являлся въ гимназію и выбылъ изъ оной въ январѣ 1872 г. по прошенію его отца. Въ мартѣ 1872 г. отецъ Кигна обратился въ московскую 1-ю гимназію съ просьбою принять его сына вновь въ гимназію, объяснивъ, что сынъ его былъ взятъ изъ гимназіи по болѣзни, — но просьба эта не могла быть удовлетворена, такъ-какъ Владиміръ Кигнъ послѣдній годъ учился дурно, велъ себя неодобрительно, и наконецъ потому, что въ VI классѣ московской 1-й гимназіи было уже положенное уставомъ гимназій число учениковъ, свыше котораго гимназическое начальство не вправѣ принимать.

Такимъ образомъ въ приведенной корреспонденціи правдиво только одно заявленіе, что ученикъ оставилъ гимназію, а все остальное ни на чемъ не основано, ибо: 1) ни въ одной изъ московскихъ гимназій не было случая такого наказанія ученика, о которомъ говоритъ корреспондентъ; 2) ученикъ 6-го класса московской 1-й гимназіи Владиміръ Кигнъ, по приказанію директора заведенія, долженъ былъ стоять только во время уроковъ латинскаго языка, при чемъ срокъ такого наказанія ему не былъ объявленъ, въ дѣйствительности же онъ стоялъ только одинъ часъ, а не нѣсколько дней, какъ увѣряетъ корреспондентъ, и наконецъ 3) Владиміръ Кигнъ выбылъ изъ гимназіи не вслѣдствіе варварскаго наказанія, а по болѣзни, какъ объяснилъ и отецъ его въ упомянутомъ выше прошеніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1872 г

(По общей нумераціи тома CCIV).

Сентябрь № 9.

Октябрь № 10.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сентябрь № 9.

Октябрь № 10.

Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ. В. Э. Гартполя *Лекки*. Т. I. Переводъ съ англійскаго. Спб. Ц. 1 р. 75 к.

Новѣйшая поваренная книга, заключающая въ себѣ 1,046 правилъ съ росписаніемъ домашнихъ обѣдовъ на каждый денъ мѣсяца. Составленная русскимъ поваромъ Н. В. *Г...мъ*, по методѣ К. Авдѣевой. Въ трехъ частяхъ. Изданіе четвертое дополненное. М. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство къ изученію двойной итальянской бухгалтеріи, коммерческихъ вычисленій и учетовъ сокращенными способами. Второе дополненное и исправленное изданіе. А. *Фонъ-Деръ-Зее*. М. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к.

Уставъ о пошлинахъ (Свода закон. Т. V. Изд. 1857 г.), дополненный и измѣненный по продолженіямъ 1863, 1864, 1868 1869 и 1871 годовъ *Коковцовымъ*. М. 1872 г. Ц. 1 руб.

Уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій. (Св. зак. Т. XIV, изд. 1857 г.). Дополненный и измѣненный по продолженіямъ 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 годовъ съ разъясненіями по уложенію о наказаніяхъ, изд. 1866 г. и по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. М. 1872 г. Ц. 1 руб.

Огородъ, садъ и цвѣтникъ или практическое руководство огородничества, садоводства и цвѣтоводства. А. *Муратова*. Съ 125 рисунками. М. 1872 г. Ц. 3 руб.

Характеръ. Соч. Самуила Смайльса, автора „Самодѣятельности". Переводъ съ англійскаго. Спб. 1872 г. Ц. 2 р.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВОКРУГЪ ЛУНЫ.

СОЧ. ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Съ **40** рисунками. Переводъ **Марка Вовчка**. Спб. 1872 г. Цѣна **два** рубля.

СОЧИНЕНІЯ ЕРКМАНА ШАТРІАНА.

Національные романы, повѣсти и сказки.

Томъ II. Съ **45** рисунками художн. Шулера, Юндта, Реу, Бенета и Гаука. Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 50 к. Цѣна 1-му тому—2 р. 50 к.

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

СОЧ. Н. НЕКРАСОВА и Н. СТАНИЦКАГО.

Романъ въ восьми частяхъ (два большихъ тома). Изданіе третье. Спб. 1872 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

въ его душѣ, заставляло его еще болѣзненнѣе ощущать ея мучительность, подобно тому, какъ мы особенно хорошо слышимъ то, чего не желаемъ, чтобы слышали другіе.

Ѣдкая обидчивость по отношенію къ Доротеѣ развилась уже вполнѣ въ душѣ м-ра Кэзобона, прежде чѣмъ Виль Владиславъ вернулся въ Лоуикъ, и все, что случилось съ тѣхъ поръ, только усилило подозрительность, съ какой онъ къ ней относился. Къ извѣстнымъ ему фактамъ онъ присоединялъ воображаемые, создаваемые имъ въ настоящемъ и въ будущемъ, и эти послѣдніе раздражали его еще сильнѣе, потому что внушали больше антипатіи, вызывали больше горечи. Подозрѣніе и ревность, внушаемыя ему намѣреніями Виля Владислава, подозрѣнія и ревность, возбуждаемыя впечатлѣніями Доротеи, постоянно кипѣли въ немъ. Несправедливо было бы предполагать, что онъ могъ какъ-нибудь грубо перетолковать поведеніе Доротеи. Его собственные привычки и поступки, равно какъ и очевидная возвышенность ея натуры спасали его отъ такого заблужденія. Онъ ревниво относился къ ея мнѣнію, къ тому направленію, какое можетъ быть дано ея пылкому уму, и къ случайностямъ будущаго, къ которымъ все это могло привести. Что-же касается Виля, то хотя до его послѣдняго, двусмысленнаго письма, м-ръ Кэзобонъ не могъ упрекнуть его ни въ чемъ опредѣленномъ, но сознавалъ, что имѣетъ основанія предполагать, что Виль способенъ на всякіе планы съ цѣлью ослѣпить непокорный умъ и овладѣть буйной впечатлительностью. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Доротея была причиной возвращенія Виля изъ Рима и его рѣшимости поселиться по сосѣдству, и въ немъ хватило проницательности на столько, чтобы сообразить, что Доротея невиннымъ образомъ поощряла его поведеніе. Ясно было какъ день, что она готова привязаться къ Вилю и слушаться его внушеній; ни одинъ *tête-à-tête* ихъ не оканчивался безъ того, чтобы она не вынесла изъ него какой-нибудь новой безпокойной мысли. Послѣднее свиданіе, о которомъ зналъ м-ръ Кэзобонъ (Доротея, по возвращеніи изъ Фрешитъ-Голла, въ первый разъ въ жизни умолчала о томъ, что видѣлась съ Вилемъ), повело къ такой сценѣ, которая пробудила въ немъ противъ нихъ обоихъ сильнѣйшій гнѣвъ, какой онъ когда-либо испытывалъ въ своей жизни. Высказанныя въ ночной темнотѣ Доротеей мысли объ имуществѣ только заронили въ умѣ ея супруга предчувствіе о самыхъ непріятныхъ для него событіяхъ.

А тутъ еще примѣшивалось тяжелое воспоминаніе о недавнемъ припадкѣ, который потрясъ весь его организмъ. Конечно-

онъ оправился; къ нему вернулись обычныя силы: быть можетъ, болѣзнь была простымъ слѣдствіемъ утомленія и ему остается еще лѣтъ двадцать на то, чтобы окончить трудъ, на подготовку котораго пошло цѣлыхъ тридцать. Эта надежда улыбалась тѣмъ слаще, что сулила возможность отмстить за поспѣшныя насмѣшки литературнымъ зоиламъ. Убѣдить ихъ въ ихъ заблужденіи, такъ, чтобы они подавились собственными словами, было бы такимъ пріятнымъ литературнымъ тріумфомъ, что затмить его не могла даже надежда на безсмертіе на землѣ и вѣчное блаженство на небѣ. Если же предвидѣніе о нескончаемомъ блаженствѣ будущей жизни не могло подавить горькихъ ощущеній раздраженной ревности и мстительности, то само собой разумѣется, что возможность преходящаго земнаго блаженства для другихъ людей, послѣ того, какъ онъ перейдетъ въ горній міръ, не могло производить особенно смягчающаго дѣйствія. Если справедливо, что его подтачиваетъ какая-нибудь смертельная болѣзнь, то тѣмъ больше шансовъ на то, что нѣкоторые люди будутъ счастливы, послѣ его смерти, и однимъ изъ этихъ людей будетъ Виль Владиславъ! Противъ этого обстоятельства мистеръ Кэзобонъ такъ возмущался духомъ, какъ будто бы оно могло отравить даже его безтѣлесное существованіе.

Это слишкомъ безхитростная оцѣнка вопроса, а потому и не вполнѣ обстоятельная. Движенія человѣческой души гораздо сложнѣе и мистеръ Кэзобонъ, какъ намъ извѣстно, на столько понималъ требованія справедливости и честности, что не могъ разсуждать такъ просто, а долженъ былъ объяснять свое поведеніе иными мотивами, помимо ревности и мстительности. Вотъ какъ разсуждалъ мистеръ Кэзобонъ:

«Женясь на Доротеѣ Брукъ, я обязался обезпечить ея благосостояніе, на случай моей стерти. Но благосостояніе женщины не обезпечивается предоставленіемъ имущества въ ея полное, независимое распоряженіе. Напротивъ того, бываютъ случаи, когда подобное владѣніе подвергаетъ ее лишь опасностямъ. Она готова сдѣлаться добычей всякаго человѣка, который съумѣетъ ловко эксплуатировать ея способность въ привязанности или же Дон-Кихотскія стремленія ея восторженной души. А близь нея существуетъ человѣкъ, у котораго именно такія намѣренія на умѣ; человѣкъ, способный руководиться лишь преходящими капризами, вмѣсто принциповъ, и который питаетъ личную непріязнь ко мнѣ... я въ этомъ увѣренъ. Эта непріязнь возбуждается въ немъ сознаніемъ его неблагодарности и онъ постоянно старается поднять на смѣхъ послѣднее обстоятель

ство... Я въ этомъ такъ увѣренъ, какъ еслибы слышалъ это собственными ушами. Даже при жизни своей я не могу быть спокоенъ на счетъ того, какъ отразится его косвенное вліяніе. Этотъ человѣкъ вкрался въ довѣріе Доротеи: онъ привлекъ ея вниманіе; онъ, очевидно, старался внушить ей, что онъ имѣетъ право требовать гораздо бо̀льшаго участія съ моей стороны, чѣмъ сколько я ему оказывалъ. Если я умру,—а онъ сторожитъ мою смерть,—онъ убѣдитъ ее выдти за него замужъ. Это будетъ несчастіемъ для нея и побѣдой для него. *Она* не сочтетъ этого за несчастіе: онъ убѣдитъ ее, въ чемъ ему угодно. Она склонна привязываться черезъ мѣру и внутренно укоряетъ меня за то, что я не отвѣчаю ей тѣмъ же, а умъ ея уже занятъ его судьбой. Онъ надѣется на легкую побѣду и на то, что водворится въ моемъ гнѣздѣ. Я долженъ этому воспрепятствовать! Такое замужество будетъ пагубно для Доротеи. Развѣ онъ способенъ на чемъ-нибудь настаивать иначе, какъ изъ противорѣчія? Въ наукахъ онъ постоянно старался блистать дешевымъ способомъ. Въ религіи онъ будетъ вторить, пока это ему будетъ съ руки, бреднямъ Доротеи. Полузнаніе всегда ведетъ къ безнравственности. Я вполнѣ недовѣряю его нравственности, и мой долгъ помѣшать, на сколько я могу, исполненію его намѣреній».

Брачный договоръ, составленный мистеромъ Кэзобономъ, предоставлялъ ему весьма широкія права; но обсуждая этотъ вопросъ, ему невольно пришлось размышлять о возможной кратковременности его собственной жизни, и желаніе услышать приблизительно вѣрное о томъ сужденіе превозмогло его гордую замкнутость, и онъ рѣшился спросить мнѣнія Лейдгэта о характерѣ своей болѣзни.

Онъ сказалъ Доротеѣ, что Лейдгэтъ долженъ пріѣхать по его желанію въ половинѣ четвертаго, и въ отвѣтъ на ея тревожный вопросъ: не дурно ли ему? отвѣчалъ:

— Нѣтъ, я просто желаю посовѣтоваться съ нимъ на счетъ обычныхъ симптомовъ. Тебѣ нѐзачѣмъ выходить къ нему, душа моя. Я отдамъ приказаніе, чтобы его прислали ко мнѣ въ тисовую аллею, куда я пойду совершать свою обычную прогулку.

Когда Лейдгэтъ вступилъ въ тисовую аллею, то увидѣлъ мистера Кэзобона, медленно расхаживавшаго съ заложенными, по обыкновенію, за спиной руками и опущенной головой. День былъ славный; листья высокихъ липъ падали на темныя ели, бросавшія длинныя тѣни, между которыми ложились полосы свѣта: все было тихо, слышалось только карканье грачей, которое на привычное ухо производитъ впечатлѣніе колыбельной

пѣсни или скорѣе той послѣдней торжественной пѣсни, которою провожаютъ человѣка въ могилу. Лейдгэтъ, сознавая, что онъ находится въ самой цвѣтущей порѣ своей жизни, почувствовалъ нѣкоторое состраданіе, когда фигура, которую онъ долженъ былъ вскорѣ нагнать, повернулась, и идя навстрѣчу къ нему, особенно ясно выказала признаки преждевременной старости—согбенную спину, худые члены и меланхолическія линіи рта.

«Бѣднякъ, подумалъ онъ: иные мужчины точно львы въ его годы. Говоря объ ихъ годахъ, можно только сказать, что они достигли полной зрѣлости».

— Мистеръ Лейдгэтъ, сказалъ мистеръ Кэзобонъ, съ своимъ неизмѣннымъ вѣжливымъ видомъ: — я чрезвычайно благодаренъ вамъ за вашу пунктуальность.

— Если вамъ угодно, мы будемъ вести нашу бесѣду на ходу.

— Я надѣюсь, что ваше желаніе меня видѣть вызвано не возобновленіемъ непріятныхъ симптомовъ, спросилъ Лейдгэтъ, послѣ минутнаго молчанія.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Для того, чтобы объяснить это желаніе, я долженъ упомянуть — о чемъ иначе было бы безполезно говорить — что моя жизнь, неважная съ другихъ сторонъ, получаетъ нѣкоторую цѣну, вслѣдствіе неконченныхъ трудовъ, которымъ посвящены были лучшіе годы моей жизни. Словомъ, у меня на рукахъ сочиненіе, которое я желалъ бы оставить послѣ себя въ такомъ видѣ, по крайней-мѣрѣ, чтобы оно могло быть издано другими людьми. Еслибы я могъ разсчитывать на это, то такая увѣренность была бы для меня полезна въ томъ смыслѣ, что я бы зналъ, какъ распорядиться съ своимъ временемъ и руководился бы ей въ положительномъ и отрицательномъ образѣ своихъ дѣйствій.

Тутъ мистеръ Кэзобонъ умолкъ, и переложилъ одну руку изъ-за спины за пуговицы своего однобортнаго сюртука. Для человѣка, широко понимающаго людскую природу, ничто не могло быть интереснѣе внутренней борьбы, которая слышалась въ формальныхъ, размѣренныхъ словахъ, высказанныхъ обычнымъ пѣвучимъ голосомъ и съ неизбѣжнымъ покачиваніемъ головы. Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно назвать положеній, болѣе возвышенно трагическихъ, чѣмъ борьба души съ необходимостью отречься отъ дѣла, въ которомъ заключался весь смыслъ жизни? Но во внѣшности мистера Кэзобона ничто не могло показаться возвышеннымъ для поверхностныхъ наблюдателей, и Лейдгэту, который къ тому же питалъ нѣкоторое пре-

зрѣніе къ сухой и непроизводительной учености, онъ показался нѣсколько комичнымъ, хотя и очень жалкимъ. Лейдгэтъ былъ слишкомъ еще мало знакомъ съ горемъ, чтобы уразумѣть весь паѳосъ существованія, въ которомъ не было ничего трагическаго, кромѣ страстнаго эгоизма страдальца.

— Вы говорите о возможности помѣхи со стороны здоровья? спросилъ онъ, желая помочь мистеру Кэзобону высказаться, что̀ повидимому затрудняло послѣдняго.

— Да. Вы мнѣ не говорили, чтобы симптомы, за которыми — считаю своимъ долгомъ заявить это — вы наблюдали съ величайшей заботливостью, принадлежали къ числу роковыхъ. Но еслибы это даже было и такъ, мистеръ Лейдгэтъ, то я все-таки желаю узнать истину во всемъ ея объемѣ, и прошу васъ высказать мнѣ вполнѣ откровенно выводы, къ какимъ вы пришли. Я требую этого какъ дружеской услуги. Если вы можете сказать мнѣ, что моей жизни ничто не грозитъ, кромѣ обыкновенныхъ случайностей — я буду радъ, по причинамъ, о которыхъ я уже упоминалъ. Если нѣтъ, — то знать истину для меня еще важнѣе.

— Если такъ, то я не могу долѣе колебаться, отвѣчалъ Лейдгэтъ: — но прежде всего прошу васъ помнить, что мои выводы могутъ быть вдвойнѣ невѣрны — невѣрны не только потому, что я могу ошибаться, но и потому, что въ болѣзняхъ сердца въ высшей степени трудно предсказать объ исходѣ.

Мистеръ Кэзобонъ замѣтно вздрогнулъ, но поклонился.

— Я полагаю, что вы страдаете отъ такъ-называемаго ожиренія сердца — болѣзни, которая впервые была угадана и изслѣдована не особенно давно Леннекомъ, человѣкомъ, которому мы обязаны стетоскопомъ. Чтобы произнести окончательное рѣшеніе требуется больше опытности — больше фактовъ. Но послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали, я считаю своей обязанностью сообщить вамъ, что смерть отъ этой болѣзни наступаетъ часто внезапно. Вмѣстѣ съ тѣмъ такого исхода никакъ нельзя предсказать. Вы можете прожить лѣтъ пятнадцать и даже болѣе. Все, что̀ я бы сказалъ вамъ еще объ этомъ предметѣ, было бы простыми анатомическими или медицинскими подробностями, которыя ничего бы не прибавили къ моему объясненію.

Вѣрный инстинктъ подсказалъ Лейдгэту, что эта простая рѣчь, чуждая преднамѣренной осторожности, будетъ принята мистеромъ Кэзобономъ какъ должная дань уваженія.

— Благодарю васъ, мистеръ Лейдгэтъ, сказалъ мистеръ Кэзобонъ, послѣ минутнаго молчанія. — Еще послѣднее слово:

сообщали ли вы то, что мнѣ сейчасъ сказали, миссисъ Кэзобонъ?

— Частью... я хочу сказать, что я говорилъ о возможномъ исходѣ.

Лейдгэтъ собирался объяснить, почему онъ сказалъ это Доротеѣ, но мистеръ Кэзобонъ съ очевиднымъ желаніемъ положить конецъ бесѣдѣ, слегка махнулъ рукой и снова сказалъ: — Благодарю васъ. Послѣ этого, онъ сказалъ что-то о красотѣ дня.

Лейдгэтъ, убѣжденный, что его паціентъ желаетъ остаться наединѣ съ самимъ собой, вскорѣ простился съ нимъ, и черная фигура, съ заложенными на спинѣ руками и опущенной головой, возобновила свою прогулку, во время которой тисовыя деревья были молчаливыми свидѣтелями его печали. Тутъ былъ человѣкъ, который теперь впервые заглянулъ въ лицо смерти... который переживалъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ минутъ, когда общее мѣсто о неизбѣжности смерти становится для человѣка сознательной истиной. Когда общее мѣсто: «всѣ мы должны умереть» внезапно превращается въ острое сознаніе: «я долженъ умереть — и скоро», тогда смерть хватаетъ человѣка своими когтями, и это прикосновеніе болѣзненно. Мистеру Кэзобону казалось теперь, что онъ какъ будто внезапно очутился на берегу темной рѣки и слышитъ плескъ приближающихся веселъ, и хотя не можетъ еще различить очертаній, но ждетъ, что вотъ его сейчасъ окликнутъ. Въ такія минуты умъ человѣческій не мѣняетъ своихъ житейскихъ стремленій, но переноситъ ихъ въ воображеніи по ту сторону гроба, заглядывая впередъ... порой на него снисходитъ божественное спокойствіе, порою же его тревожатъ мелкія заботы эгоизма. Каковы были стремленія у мистера Кэзобона — это объяснятъ намъ его поступки. Онъ считалъ себя вообще вѣрующимъ христіаниномъ, для котораго загробная жизнь составляетъ предлогъ первой важности; но непосредственныя желанія мистера Кэзобона одушевлялись не мыслью о сліяніи съ божествомъ и не тѣмъ свѣтлымъ міромъ, которому чужды земныя страсти. Его страстныя помышленія сосредоточивались на мелкой земной юдоли.

Доротея была извѣщена объ отъѣздѣ Лейдгэта, и сошла въ садъ, повинуясь желанію видѣть мужа. Но тутъ она почувствовала нѣкоторое колебаніе, и побоялась разсердить его, навязывая ему свое общество. Нѣжность ея, встрѣчавшая постоянный отпоръ, только усиливала ея страхъ, подобно тому, какъ подавленное волненіе переходитъ въ дрожь. Она медленно обошла ближайшія группы деревьевъ, пока не увидѣла приближающагося мужа. Тогда она пошла ему навстрѣчу и, каза-

лось, могла бы навести его на мысль объ ангелѣ, ниспосланномъ самимъ небомъ съ вѣстью, что краткіе часы, остающіеся ему на землѣ, могутъ быть наполнены преданной любовью. Но его взглядъ, въ отвѣтъ на ея вопросительный взоръ, былъ такъ холоденъ, что застѣнчивость Доротеи только усилилась. Совсѣмъ тѣмъ она подошла къ нему и продѣла свою руку въ его.

Мистеръ Кэзобонъ не принялъ руки со спины, но допустилъ гибкую руку съ трудомъ охватить его окоченѣлую руку.

На Доротею жесткость, съ какой мистеръ Кэзобонъ всегда принималъ всѣ ея ласки, производила ужасающее впечатлѣніе. Это сильное выраженіе, но не преувеличенное; именно тѣ самые поступки, которые считаются обыкновенно мелочами, могутъ навѣки заглушить сѣмена радости въ человѣческой душѣ, пока наконецъ мужчина или женщина не оглянется съ искаженнымъ лицомъ на растрату своихъ душевныхъ богатствъ, и не скажетъ, что на землѣ чувство никогда не вознаграждается. Вы, можетъ, спросите, зачѣмъ мистеръ Кэзобонъ велъ себя такимъ образомъ? Но вспомните, что этотъ человѣкъ бѣгалъ состраданія: случалось ли вамъ наблюдать, какое дѣйствіе производитъ на такого человѣка подозрѣніе о томъ, что то, что̀ для него составляетъ горе, можетъ послужить источникомъ счастія, въ настоящемъ или въ будущемъ, для существа, которое въ настоящую минуту уже оскорбляетъ его своимъ состраданіемъ? Кромѣ того, онъ не понималъ ощущеній Доротеи, и не разсудилъ, что въ настоящемъ случаѣ она могла также сильно страдать, какъ страдалъ онъ отъ критики своихъ зоиловъ.

Доротея не приняла руки, но не осмѣлилась заговорить. Мистеръ Кэзобонъ не сказалъ: я желаю быть одинъ, но молча направился къ дому. Когда они вошли въ него, Доротея вынула свою руку и остановилась на минуту, чтобы предоставить полную свободу своему супругу. Онъ вошелъ въ библіотеку и заперся въ ней наединѣ со своимъ горемъ.

Она пошла въ свой будуаръ. Въ открытое полукруглое окно виднѣлась вся красота дня, разстилавшагося надъ аллеей, гдѣ липы бросали длинныя тѣни. Но Доротея не обратила никакого вниманія на это зрѣлище. Она бросилась на стулъ, не замѣчая что подвергала себя палящимъ лучамъ солнца.

Ею овладѣлъ припадокъ сильнѣйшаго гнѣва, какой только она испытывала со времени своего замужества. Вмѣсто слезъ у нея вылились слѣдующія слова:

— Что̀ я сдѣлала? чѣмъ я провинилась, что онъ обходится со мной такимъ образомъ? Онъ совсѣмъ не понимаетъ того, что̀

происходитъ у меня на душѣ... онъ вовсе объ этомъ не думаетъ. Къ чему служатъ всѣ мои усилія? Онъ раскаявается, что женился на мнѣ.

Она начала прислушиваться къ внутреннему голосу и все въ ней мало по малу замерло. Какъ человѣкъ, который сбился съ пути и усталъ, она сидѣла и думала о своихъ завядшихъ надеждахъ. Она ясно сознавала свое собственное одиночество и одиночество своего супруга... она видѣла, что каждый изъ нихъ живетъ особнякомъ и что она вынуждена беречься его. Еслибы онъ привлекъ ее къ себѣ, она никогда не стала бы его беречься, никогда не задавала бы себѣ вопроса: стоитъ ли онъ того, чтобы жить для него? но просто чувствовала бы, что онъ составляетъ часть ея собственной жизни. Теперь же она горько говорила себѣ: Это его вина, а не моя! Въ смятеніи, овладѣвшемъ всѣмъ ея существомъ, состраданіе было оттѣснено на задній планъ. — Развѣ она виновата, что повѣрила въ него? — Да и что̀ онъ такое, въ сущности? — Она была способна правильно оцѣнить его — она, которая ловила съ трепетомъ его взгляды и держала подъ спудомъ лучшія стремленія своей души, принижаясь, для того, чтобы лучше угодить ему. Въ подобныя критическія минуты, нѣкоторыя женщины начинаютъ ненавидѣть.

Солнце низко опустилось, когда Доротеѣ пришло на мысль, что она не сойдетъ внизъ, но пошлетъ сказать своему мужу, что она нездорова и желаетъ лучше оставаться въ своей комнатѣ. До сихъ поръ она никогда еще не допускала сознательно гнѣву завести ее такъ далеко, но теперь ей казалось, что если она увидитъ его, то непремѣнно выскажетъ откровенно всѣ свои чувства, а ей слѣдуетъ подождать, пока ей можно будетъ сдѣлать это, безъ всякой помѣхи. Онъ удивится, быть можетъ оскорбится! Тѣмъ лучше, если онъ удивится и оскорбится! Гнѣвъ внушалъ ей, какъ это всегда бываетъ, что Богъ долженъ быть на ея сторонѣ, что небеса, будь они населены полчищами духовъ, наблюдающихъ за ними, должны быть на ея сторонѣ! Она собиралась позвонить, какъ вдругъ послышался стукъ въ дверь.

Мистеръ Кэзобонъ прислалъ сказать, что онъ желаетъ обѣдать въ библіотекѣ. Онъ желаетъ остаться одинъ весь вечеръ, потому что очень занятъ.

— Когда такъ, то я не буду обѣдать, Тантриппъ.

— О, сударыня, позвольте мнѣ подать вамъ что-нибудь.

— Не надо; я не совсѣмъ здорова. Приготовьте все въ уборной, но пожалуйста не безпокойте меня больше.

Доротея сидѣла почти неподвижно, пока борьба совершалась въ ней, между тѣмъ какъ вечеръ медленно сгущался въ ночь. Но борьба постоянно принимала новую форму. Она напоминала состояніе человѣка, который начинаетъ съ того, что дѣлаетъ движеніе съ цѣлью нанести ударъ, и кончаетъ тѣмъ, что побѣждаетъ это желаніе.

Энергія, приводящая къ преступленію, по силѣ своей отнюдь не превосходитъ той, какая потребна человѣку чтобы смирить себя. Та мысль, съ какой Доротея пошла на встрѣчу своему мужу — убѣжденіе, что онъ, быть можетъ, спрашивалъ о возможности насильственнаго перерыва въ его трудахъ и что отвѣтъ вѣроятно уязвилъ его душу, не могла наконецъ не подавить всѣ остальныя и не вызвать упрековъ совѣсти... желанное смиреніе снизошло наконецъ! Когда въ домѣ все затихло и Доротея удостовѣрилась, что близко время, въ которое обыкновенно мистеръ Кэзобонъ уходитъ спать, она тихо отворила дверь и остановилась на площадкѣ съ свѣчей въ рукѣ, дожидаясь прихода своего супруга. Если онъ долго не придетъ, то она рѣшила, что сойдетъ внизъ, хотя пожалуй рискуетъ снова навлечь на себя новыя оскорбленія! Но теперь она уже никогда и ничего иного не будетъ ждать отъ него. Но вотъ она услышала, какъ отворилась дверь библіотеки и свѣтъ медленно показался на лѣстницѣ; шаги заглушались ковромъ. Когда ея супругъ очутился напротивъ нея, она увидѣла, что лицо его было блѣднѣе и разстроеннѣе, чѣмъ обыкновенно. Онъ слегка вздрогнулъ при видѣ ея, а она, не говоря ни слова, устремила на него умоляющій взглядъ.

— Доротея! сказалъ онъ съ ласковымъ изумленіемъ въ голосѣ. — Ты меня дожидалась?

— Да, я не желала безпокоить тебя.

— Пойдемъ, душа моя, пойдемъ. Ты молода и не имѣешь нужды удлиннять свою жизнь долгими бдѣніями.

Когда ласковая и спокойная меланхолія этихъ словъ прозвучала въ ушахъ Доротеи, она почувствовала нѣчто въ родѣ благодарности, которую мы всѣ можемъ ощутить, если случай спасетъ насъ отъ того, чтобы прибить раненое существо. Она положила свою руку въ руку мужа и они вмѣстѣ пошли вдоль широкаго корридора.

КНИГА ПЯТАЯ.

Завѣщаніе.

ГЛАВА СОРОКЪ-ТРЕТЬЯ.

This figure hath high price: «twas wrought with love
    Ages ago in finest ivory;
Nought modish in it, pare and noble lines
Of generous womanhood that fits all time.
That too is costly ware; majolica
Of deft design, to please a lordly eye:
The smile, you see, is perfect—wonderful
As mere Faience! a table ornament
To suit the richest mounting.

Доротея рѣдко выѣзжала изъ дому безъ мужа, и только по временамъ случалось ей пріѣзжать въ Миддльмарчъ одной, за покупками или же съ благотворительными цѣлями, какія обыкновенно представляются всякой богатой леди, когда она живетъ въ трехъ миляхъ отъ города. Два дня спустя послѣ сцены, происходившей въ тисовой аллеѣ, она рѣшилась воспользоваться однимъ изъ такихъ случаевъ, чтобы повидаться, если можно, съ Лейдгэтомъ и узнать отъ него, дѣйствительно-ли ея мужъ ощущалъ симптомы, которые скрывалъ отъ нея, и настаивалъ ли онъ, чтобы узнать истину на счетъ своего положенія. Она чувствовала себя почти виноватой, что наводила справки о немъ у посторонняго лица, а не у него самого, но страхъ остаться въ невѣдѣніи на счетъ его истиннаго положенія—страхъ, обусловливаемый главнымъ образомъ мыслью, какъ бы не отнестись несправедливо или жестоко къ больному,—побѣдилъ всякое колебаніе. Что въ умѣ ея мужа совершился какой-то кризисъ—въ этомъ она не сомнѣвалась: онъ на слѣдующій же день избралъ новую систему приведенія въ порядокъ своихъ замѣтокъ и посвятилъ ее въ свои планы. Бѣдной Доротеѣ приходилось запасаться терпѣніемъ.

Было около четырехъ часовъ пополудни, когда она подъѣхала къ дому Лейдгэта въ Лоуикъ-Гэтѣ, сожалѣя мысленно, что

не предупредила его заранѣе о своемъ посѣщеніи—такъ сильно хотѣлось ей застать его дома. Но его не было дома.

— Дома-ли миссисъ Лейдгэтъ? спросила Доротея, которая никогда, сколько ей помнилось, не видѣла Розамонды, но теперь вспомнила о томъ, что Лейдгэтъ женатъ. Да, миссисъ Лейдгэтъ была дома.

— Я зайду переговорить съ ней, если она позволитъ. Спросите, пожалуйста, можетъ ли она принять меня... принять миссисъ Кэзобонъ, на нѣсколько минутъ?

Когда слуга пошелъ докладывать своей госпожѣ объ этомъ посѣщеніи, Доротея услышала въ открытое окно звуки музыки. Пѣлъ какой-то мужской голосъ и ему аккомпанировало фортепьяно. Но вдругъ рулады рѣзко оборвались и вслѣдъ затѣмъ слуга вернулся и передалъ, что миссисъ Лейдгэтъ будетъ очень пріятно видѣть миссисъ Кэзобонъ.

Когда дверь въ салонъ отворилась и вошла Доротея, то всякій бы замѣтилъ нѣкоторый контрастъ, который можно было нерѣдко встрѣтить въ провинціальной жизни, въ ту эпоху, когда различные слои общества болѣе разнствовали между собой своими привычками, нежели теперь. Пусть компетентные люди опредѣлятъ съ точностью, изъ какой матеріи было платье на Доротеѣ, въ описываемый теплый осенній день — мы знаемъ только, что то была тонкая бѣлая шерстяная матерія, мягкая на ощупь, и пріятная для глазъ. Эта матерія всегда имѣла такой видъ, какъ будто бы ее только что вымыли, и издавала душистый запахъ, всегда была сшита въ формѣ пальто, съ висячими и отнюдь не модными рукавами. Совсѣмъ тѣмъ, еслибы Доротея появилась передъ безмолвной публикой въ роли Имогены или дочери Катона, то ея нарядъ показался бы достаточно богатымъ. Вся ея фигура дышала граціей и достоинствомъ, и никакая драматическая героиня не могла бы возбудить большаго интереса въ двухъ особахъ, находившихся въ это время въ салонѣ. Въ глазахъ Розамонды она была одной изъ тѣхъ богинь графства, которыя не смѣшивались съ миддльмарчскими смертными и каждое движеніе которыхъ стоило изученія; кромѣ того Розамонда была довольна, что для миссисъ Кэзобонъ представится случай изучить и *ее*, Розамонду. Какой толкъ быть воплощеніемъ изящества, если лучшіе цѣнители изящества васъ не видятъ? а съ тѣхъ поръ, какъ Розамонда наслушалась тончайшихъ комплиментовъ въ домѣ сэра Годвина Лейдгэта, она уже не сомнѣвалась въ томъ впечатлѣніи, какое она должна производить на порядочныхъ людей.

Доротея съ свойственной ей простодушной добротой протя-

нула ей руку и съ восхищеніемъ поглядѣла на прелестную молодую жену Лейдгэта, смутно сознавая, что въ комнатѣ находится еще какой-то джентльменъ, который стоитъ въ нѣкоторомъ разстояніи, но въ фигуру котораго она еще не всмотрѣлась. Джентльмена слишкомъ поглощало присутствіе одной изъ этихъ женщинъ, чтобы ему пришло въ голову задуматься надъ контрастомъ, какой онѣ обѣ представляли—контрастомъ, который, конечно, поразилъ бы всякаго хладнокровнаго наблюдателя. Обѣ были высоки ростомъ; но представьте себѣ невинную бѣлокурую Розамонду съ ея изумительной короной густыхъ косъ, въ ея свѣтлоголубомъ платьѣ, сшитомъ такъ ловко и изящно, что ни одна модистка не могла бы глядѣть на него безъ волненія, въ широкомъ, вышитомъ воротникѣ, въ дороговизнѣ котораго, надо полагать, не ошибся бы ни одинъ магазинщикъ, съ ея крошечными ручками, унизанными кольцами, и съ той сдержанной самоувѣренностью манеръ, которая является дорогой замѣной простоты.

— Премного благодарю васъ за позволеніе побезпокоить васъ, начала немедленно Доротея.—Мнѣ очень желательно увидѣться съ мистеромъ Лейдгэтомъ, прежде, чѣмъ я вернусь домой, и я надѣялась, что вы можете сообщить мнѣ, гдѣ я могу найти его, или даже позволите дождаться его, если онъ долженъ скоро вернуться домой.

— Онъ въ новой больницѣ, отвѣчала Розамонда:—я не знаю навѣрное, когда онъ вернется домой, но я могу послать за нимъ.

— Позвольте мнѣ сходить и привести его, сказалъ Виль, выступая впередъ.

Доротея покраснѣла отъ удивленія, но протянула ему руку съ улыбкой очевиднаго удовольствія, говоря:

— Я не знала, что это вы; я никакъ не ожидала васъ здѣсь встрѣтить.

— Могу ли я отправиться въ больницу и передать м-ру Лейдгэту, что вы желаете его видѣть? спросилъ Виль.

— Проще будетъ послать за нимъ экипажъ, отвѣчала Доротея:—если только вы будете такъ добры передать это порученіе кучеру.

Виль направился уже къ двери, какъ вдругъ Доротея, въ умѣ которой въ одно мгновеніе пронесся цѣлый рядъ воспоминаній, повернулась къ нему и сказала:

— Я сама поѣду, благодарю васъ. Я не хочу терять времени, прежде чѣмъ вернусь домой. Я проѣду въ больницу, и тамъ повидаюсь съ м-ромъ Лейдгэтомъ. Прошу васъ, миссисъ Лейдгэтъ, извините меня, я премного вамъ обязана.

Умъ ея очевидно былъ занятъ какой-то мыслью, и она вышла изъ комнаты, почти не сознавая того, что̀ ее окружало, почти не замѣчая, что Виль отворилъ передъ ней двери и предложилъ руку, чтобы проводить ее до экипажа. Она машинально взяла его руку, но не сказала ни слова. Виль чувствовалъ себя смущеннымъ и раздосадованнымъ и съ своей стороны не нашелся ничего сказать. Онъ молча посадилъ ее въ карету, они простились другъ съ другомъ, и Доротея уѣхала.

Въ тѣ пять минутъ, покуда она ѣхала до больницы, въ ея головѣ появились мысли, совершенно для нея новыя. Ея рѣшеніе ѣхать самой за Лейдгэтомъ пришло вслѣдствіе внезапно охватившаго ее чувства, что съ ея стороны будетъ какъ бы обманомъ, если она сознательно допуститъ дальнѣйшія отношенія между ней и Вилемъ. Ей невозможно будетъ сообщить о нихъ мужу, потому что самая поѣздка ея за Лейдгэтомъ была совершена ею тайкомъ отъ него. Все это ясно пронеслось въ ея умѣ, но въ то же время она чувствовала и нѣкоторую неловкость. Теперь, когда она осталась наединѣ съ самой собой, ей ясно припомнились и звуки мужскаго голоса, и аккомпаниментъ фортепьяно, на которые она не обратила вниманія, когда входила въ домъ. Она даже какъ бы удивилась, что Виль Владиславъ проводитъ время съ миссисъ Лейдгэтъ въ отсутствіе мужа послѣдней. Вслѣдъ затѣмъ, она не могла не припомнить, что онъ и съ ней проводилъ время при подобныхъ же обстоятельствахъ... Слѣдовательно, въ чемъ же тутъ неприличіе? Конечно, Виль—родственникъ м-ра Кэзобона, то-есть такое лицо, съ которымъ она обязана была обходиться какъ можно ласковѣе. Но и за всѣмъ тѣмъ, по нѣкоторымъ признакамъ, ей слѣдовало, кажется, догадаться, что м-ру Кэзобону не нравились посѣщенія кузена, въ его отсутствіе.

— Быть можетъ, я во многомъ заблуждалась, сказала бѣдная Доротея самой себѣ, между тѣмъ какъ слезы катились изъ ея глазъ и она поспѣшно ихъ утирала.

Она смутно почувствовала себя несчастной, и образъ Виля, который до сихъ поръ сохранялся такимъ яснымъ въ ея душѣ, теперь вдругъ омрачился. Но вотъ карета остановилась у воротъ больницы, и вскорѣ затѣмъ она уже прохаживалась съ Лейдгэтомъ вокругъ лужаекъ, поросшихъ травой. Чувства ея приняли то энергическое направленіе, которое заставило ее искать этого свиданія.

Тѣмъ временемъ Виль чувствовалъ себя раздосадованнымъ и ясно понималъ причину этого чувства. Случаи встрѣтиться съ Доротеей были рѣдки, и вотъ теперь такой случай выбрал-

ся, и показалъ его въ невыгодномъ свѣтѣ. Случилось такъ, что не только его личность играла второстепенную роль въ ея глазахъ, какъ это бывало до сихъ поръ при ихъ свиданіяхъ, но, сверхъ того, онъ предсталъ передъ ней въ такой обстановкѣ, которая, повидимому, говорила, что и онъ не особенно ею занятъ. Онъ почувствовалъ, что разстояніе между нимъ и Доротеей какъ бы увеличилось; онъ былъ какъ бы оттѣсненъ въ тѣ миддльмарчскіе кружки, которые не играли никакой роли въ ея жизни. Но то была не его вина. Само собой разумѣется, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ нанялъ квартиру въ городѣ, ему приходилось знакомиться направо и налѣво, потому что его положеніе того требовало. Знакомство Лейдгэта было для него интереснѣе, чѣмъ всякое другое, и къ тому же у него оказалась жена музыкантша и вообще особа, заслуживающая вниманія. Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда Діана накрыла врасплохъ своего поклонника. Это было досадно. Виль сознавалъ, что онъ жилъ въ Миддльмарчѣ только ради Доротеи; а между тѣмъ его положеніе грозило создать между ней и нимъ такія преграды, которыя гораздо пагубнѣе сказываются на интересѣ, внушаемомъ однимъ лицомъ другому, чѣмъ разстояніе между Римомъ и Великобританіей. Человѣкъ менѣе впечатлительный не почувствовалъ бы, подобно Вилю, что темное сознаніе о неприличіи вполнѣ свободныхъ отношеній съ нимъ уже мелькнуло въ умѣ Доротеи, и что взаимное ихъ молчаніе въ то время, когда они шли къ каретѣ, уже отзывалось отчужденіемъ. Быть можетъ, Кэзобонъ, въ своей ненависти и ревности, убѣдилъ Доротею, что Виль стоялъ ниже ея въ общественномъ отношеніи. Чортъ бы побралъ Кэзобона!

Виль вернулся въ гостиную, взялъ шляпу, и съ раздраженнымъ видомъ подойдя къ миссисъ Лейдгэтъ, которая усѣлась за свой рабочій столъ, сказалъ:

— Всякіе перерывы дѣйствуютъ пагубно на занятія музыкой или поэзіей. Могу я придти въ другой день, чтобы допѣть «Lungi dal caro bene»?

— Я очень рада случаю поучиться у васъ, отвѣчала Розамонда.—Но я увѣрена, что вы согласитесь, что на этотъ разъ перерывъ сдѣланъ прелестнымъ созданіемъ. Я просто завидую вашему знакомству съ миссисъ Кэзобонъ. Скажите, она очень умна? Она кажется такой умной.

— Право, я никогда объ этомъ не думалъ, отвѣчалъ Виль неохотно.

— Терцій отвѣчалъ мнѣ какъ разъ то же самое, когда я спро-

силъ его: хороша ли она. О чемъ же вы, господа, думаете, когда бываете въ обществѣ миссисъ Кэзобонъ?

— О ней самой, отвѣчалъ Виль, бывшій не прочь подразнить очаровательную миссисъ Лейдгэтъ. — Когда человѣкъ видитъ совершенную женщину, то не думаетъ объ ея качествахъ — онъ просто ощущаетъ ея присутствіе.

— Я стану ревновать, когда Терцій отправится въ Лоуикъ, отвѣчала Розамонда съ улыбкой и воздушной небрежностью. — Вернувшись оттуда, онъ совсѣмъ не захочетъ мной заниматься.

— До сихъ поръ не было замѣтно, чтобы визиты въ Лоуикъ производили такое дѣйствіе на Лейдгэта, замѣтилъ Виль.

— Миссисъ Кэзобонъ такъ непохожа на другихъ женщинъ, что ихъ нельзя съ нею сравнить.

— Вы, я вижу, ревностный поклонникъ. Вы часто видитесь съ ней, полагаю?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Виль, почти раздражительно. — Поклоненіе прекрасному обыкновенно бываетъ скорѣе дѣломъ теоріи, нежели практики. Но въ настоящую минуту я, кажется, черезъ мѣру ею занимаюсь... мнѣ рѣшительно пора удалиться.

— Пожалуйста, пріѣзжайте когда нибудь вечеромъ: мистеру Лейдгэту пріятно будетъ послушать музыки, а я не могу вполнѣ ею наслаждаться безъ него.

Когда супругъ ея вернулся домой, Розамонда сказала, ставъ передъ нимъ и захвативъ его воротникъ обѣими руками:

— Мистеръ Владиславъ пѣлъ здѣсь со мной, когда пріѣхала миссисъ Кэзобонъ. Онъ казался раздосадованнымъ. Неужели ему непріятно было, что она встрѣтила его въ нашемъ домѣ? Вѣдь ты равенъ ему по своему положенію... какое бы тамъ у него ни было родство съ Кэзобонами.

— Нѣтъ, нѣтъ; онъ досадовалъ на что нибудь другое. Владиславъ—какой-то цыганъ. Онъ совсѣмъ не думаетъ о приличіяхъ.

— Еслибъ не музыка, онъ былъ бы не всегда пріятенъ. Онъ нравится тебѣ?

— Да, я полагаю, что онъ добрый малый, нѣсколько капризный и вѣтреный, но милый.

— Знаешь, онъ обожаетъ миссисъ Кэзобонъ.

— Бѣдняга! отвѣчалъ Лейдгэтъ, улыбаясь и щипля жену за уши.

Розамонда чувствовала, что она начинаетъ познавать жизнь. Слишкомъ важнымъ открытіемъ былъ для нея тотъ фактъ — который, когда она была дѣвушкой, казался ей совсѣмъ непостижимымъ, а именно: что женщины, и послѣ замужества, мо-

гутъ одерживать побѣды и порабощать мужчинъ. Въ ту пору молодыя провинціальныя леди, даже и тогда, когда онѣ воспитывались въ пансіонѣ миссисъ Лимонъ, мало читали французскихъ произведеній, а романы еще не иллюстрировали такъ превосходно, какъ теперь, житейскихъ скандаловъ. Но когда весь умъ и цѣлый день женщины посвящены тщеславію, то оно можетъ дать обширное развитіе даже самому легкому намеку, въ особенности же когда это намекъ говоритъ о возможности безконечныхъ побѣдъ. Какъ очаровательно дѣлать плѣнниковъ съ высоты брачнаго трона, который раздѣляетъ съ вами мужъ въ качествѣ крон-принца, и сознавать, что эти плѣнники испытываютъ полнѣйшую безнадежность и лишаются по всей вѣроятности покоя. Но въ романѣ Розамонды главную роль игралъ пока еще крон-принцъ, и она достаточно наслаждалась его несомнѣннымъ подчиненіемъ. Когда онъ сказалъ: — бѣдняга! она съ игривымъ любопытствомъ спросила:

— Почему такъ?

— Да какая ужь жизнь человѣка, когда онъ примется обожать которую нибудь изъ васъ, сиренъ? Онъ начинаетъ неглижировать своей работой и дѣлать долги.

— Я убѣждена, что ты не неглижируешь своей работой. Ты весь вѣкъ сидишь въ больницѣ, или навѣщаешь бѣдныхъ паціентовъ, или же погруженъ въ медицинскіе споры. А дома ты постоянно сидишь подъ микроскопомъ и надъ своими стклянками. Сознайся, что тебѣ всѣ эти вещи нравятся больше, чѣмъ я.

— Развѣ ты не желаешь, чтобы мужъ твой сталъ чѣмъ нибудь получше миддльмарчскаго врача? спросилъ Лейдгэтъ, кладя обѣ руки на плеча жены и глядя на нее съ ласковой серьёзностью. — Я заставлю тебя выучить наизусть мой любимый отрывокъ изъ стихотворенія одного стараго поэта:

Why should our pride make such stir to be
And be forgot? What good is like to this,
To do worthy the writing, and to write
Worthy the reading, and the world,s delight?

— Я желаю, Рози, совершить нѣчто достойное описанія и самому описать то, что я совершилъ. Мужчина долженъ работать, моя голубка, чтобы добиться этого.

— Конечно, я желаю, чтобы ты дѣлалъ открытія: никто такъ не желаетъ, какъ я, чтобы ты достигъ высшаго положенія и въ лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ Миддльмарчъ. Ты не можешь сказать, чтобы я когда нибудь старалась отвлечь тебя отъ работы. Но

мы не можемъ же жить, какъ пустынники. Ты недоволенъ мной, Терцій?

— Нѣтъ, душа моя, нѣтъ. Я слишкомъ доволенъ.

— Но о чемъ это миссисъ Кэзобонъ хотѣла переговорить съ тобой?

— Просто только о здоровьѣ ея мужа. Но я полагаю, что она готова расщедриться относительно нашей новой больницы: я полагаю, что она станетъ отпускать намъ по двѣсти фунтовъ въ годъ.

ГЛАВА СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТАЯ.

I would not creep along the coast, but steer
Out in mid—sea, by guidance of the stars.

Когда Доротея, прохаживаясь вмѣстѣ съ Лейдгэтомъ вокругъ куртинъ, засаженныхъ лавровыми деревьями и разбитыхъ передъ новой больницей, узнала отъ него, что въ физическомъ состояніи мистера Кэзобона не замѣчалось никакихъ перемѣнъ, кромѣ нравственной тревоги и желанія узнать истину о своемъ положеніи, то она умолкла на нѣсколько минутъ, соображая не сказала ли или не сдѣлала ли чего-нибудь такого, что̀ могло возбудить эту новую тревогу. Лейдгэтъ, не желая упустить удобнаго случая замолвить словечко о своемъ любимомъ планѣ, рѣшился замѣтить:

— Я не знаю, слыхали ли вы или мистеръ Кэзобонъ о нуждахъ нашей новой больницы. Обстоятельства сложились такъ, что съ моей стороны можетъ показаться себялюбивымъ настаивать на этихъ нуждахъ; но это не моя воля: это происходитъ оттого, что другіе врачи противодѣйствуютъ ей. Мнѣ кажется, что вы вообще интересуетесь этими вещами, потому что, когда я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть въ первый разъ въ Типтонъ-Грэнджѣ, еще раньше вашего замужества, то вы разспрашивали меня о вліяніи жилищъ на здоровье бѣдняковъ.

— Да, это правда, отвѣчала Доротея, проясняясь.—Я буду очень благодарна вамъ, если вы научите меня, какимъ образомъ я могу помочь въ этомъ дѣлѣ. Всѣ эти вещи выскользнули изъ моихъ рукъ, съ тѣхъ поръ, какъ я вышла замужъ. Я хочу сказать, прибавила она, послѣ минутнаго колебанія:—что жители нашего селенія довольно хорошо обставлены, а умъ мой былъ слишкомъ поглощенъ, чтобы я могла хлопотать о другихъ. Но здѣсь—въ такомъ мѣстѣ, какъ Миддльмарчъ—должно быть много дѣла въ этомъ отношеніи.

— Здѣсь предстоитъ еще масса дѣла, сказалъ Лейдгэтъ съ рѣзкой энергіей. — И вотъ эта больница, можно сказать, превосходное дѣло, которымъ городъ вполнѣ обязанъ стараніямъ мистера Бёльстрэда. Но одинъ человѣкъ, конечно, не можетъ довести до конца подобнаго предпріятія. Само собой разумѣется, что онъ надѣялся на помощь. И вотъ теперь нѣкоторыя лица въ городѣ, желающія, чтобы это дѣло рушилось, затѣяли противъ него низкую интригу.

— Какіе же могутъ быть у нихъ мотивы? спросила Доротея съ наивнымъ изумленіемъ.

— Главнымъ образомъ, непопулярность мистера Бёльстрэда, начать съ этого. Полгорода было готово бы навлечь на себя большія хлопоты, ради одного удовольствія насолить ему. Въ этомъ глупомъ мірѣ большинство людей никогда не считаютъ дѣла хорошимъ, если только оно вышло не изъ ихъ кружка. Я не былъ знакомъ съ Бёльстрэдомъ прежде чѣмъ пріѣхалъ сюда. Я отношусь къ нему совсѣмъ безпристрастно и вижу, что у него есть кое-какія идеи, что онъ затѣялъ вещи, которыя можно обратить на общественную пользу. Еслибы побольше образованныхъ людей взялись за дѣло, съ твердой увѣренностью, что своими замѣчаніями могутъ содѣйствовать медицинской теоріи и медицинской практикѣ, то мы скоро увидѣли бы перемѣну къ лучшему. Вотъ какъ я смотрю на дѣло. Я считаю, что отказавшись трудиться заодно съ мистеромъ Бёльстрэдомъ, я упущу случай принести пользу человѣчеству.

— Я вполнѣ согласна съ вами, отвѣчала Доротея, съ разу очарованная картиной, набросанной Лейдгэтомъ. — Но что̀ они имѣютъ противъ мистера Бёльстрэда? Я знаю, что мой дядя очень хорошъ съ нимъ.

— Людямъ не нравятся его религіозныя убѣжденія, возразилъ Лейдгэтъ коротко.

— Тѣмъ презрительнѣе подобная оппозиція, сказала Доротея, которой миддльмарчскія дѣла представлялись черезъ призму великихъ гоненій.

— Чтобы быть вполнѣ справедливымъ, надо сказать, что у нихъ есть и другія причины къ неудовольствію: мистеръ Бёльстрэдъ властолюбивъ и не особенно общежителенъ и ведетъ какія-то торговыя дѣла, которыя тоже возбуждаютъ неудовольство, хотя я и ничего въ нихъ не понимаю. Но какое отношеніе имѣетъ все это къ вопросу: хорошо ли основать здѣсь больницу, подобной которой нѣтъ въ цѣломъ графствѣ? Непосредственнымъ мотивомъ оппозиціи является, однакожь, то обстоятельство, что Бёльстрэдъ поручилъ медицинское управ-

леніе мнѣ. Само собой разумѣется, что я этимъ доволенъ. Это дастъ мнѣ возможность принести нѣкоторую пользу — и я надѣюсь, что съумѣю оправдать его довѣріе. Но вслѣдствіе этого, весь медицинскій кагалъ Миддльмарча возсталъ на дыбы противъ больницы, и не только отказываетъ въ личномъ содѣйствіи, но еще и пытается очернить все дѣло и помѣшать подпискѣ.

— Какая низость! вскричала Доротея съ негодованіемъ.

— Я полагаю, что каждый человѣкъ долженъ самъ пробивать себѣ дорогу: безъ этого врядъ ли что-нибудь можетъ удасться. А невѣжество здѣшняго населенія поразительно. Я ни на что иное не претендую, кромѣ возможности воспользоваться нѣкоторыми обстоятельствами, какія не у всякаго были подъ рукой; но какъ устранить обиду, которую усматриваютъ многіе жители здѣшняго города въ томъ фактѣ, что человѣкъ моложе ихъ, новый пришелецъ, случайно знаетъ нѣсколько больше, чѣмъ они, здѣшніе старожилы? Какъ бы то ни было, но разъ я вѣрю, что могу ввести лучшую методу леченія, разъ я вѣрю, что могу сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и изслѣдованія, которыя могутъ принести положительную пользу медицинской практикѣ, то я счелъ бы себя низкимъ трусомъ, еслибы допустилъ какимъ-нибудь соображеніямъ о личномъ комфортѣ остановить меня. И дѣло тѣмъ чище, что вопросъ о денежномъ вознагражденіи не играетъ тутъ никакой роли и не можетъ показать мою настойчивость въ двухсмысленномъ свѣтѣ.

— Я очень рада, что вы сообщили мнѣ объ этомъ, мистеръ Лейдгэтъ, сказала Доротея радушно. — Я увѣрена, что могу тутъ нѣсколько помочь. У меня есть деньги и я не знаю, что съ ними дѣлать—эта мысль часто мучитъ меня. Я увѣрена, что я могу отложить двѣсти фунтовъ въ годъ на подобное предпріятіе. Какъ вы должны быть счастливы, что имѣете такія познанія, которыя могутъ принести пользу. Я желала бы просыпаться каждое утро съ подобнымъ знаніемъ. А то видишь кругомъ, какъ люди дѣлаютъ усилія, о которыхъ рѣшительно не можешь сказать, какой въ нихъ толкъ!

Грустная нота зазвучала въ голосѣ Доротеи, когда она проговорила эти послѣднія слова. Но затѣмъ она прибавила болѣе веселымъ тономъ:

— Пожалуйста, пріѣзжайте въ Лоуикъ поразсказать намъ объ этомъ. Я поговорю объ этомъ предметѣ съ мистеромъ Кэзобономъ. А теперь мнѣ пора домой.

Она въ тотъ же вечеръ передала объ этомъ разговорѣ мужу и сказала, что ей хотѣлось бы подписаться на двѣсти фунтовъ

въ годъ — у нея было своихъ семьсотъ фунтовъ дохода въ годъ, которые были обезпечены за ней при ея замужествѣ. Мистеръ Кэзобонъ не сдѣлалъ никакихъ возраженій, кромѣ бѣглаго замѣчанія, что эта сумма можетъ оказаться непропорціональной относительно другихъ добрыхъ цѣлей; но когда Доротея стала настаивать, онъ согласился. Онъ лично не любилъ сорить деньгами, но жертвовалъ ими довольно охотно. Если когда-нибудь денежный вопросъ и задѣвалъ его заживо, то благодаря тому только, что къ нему примѣшивалась иная страсть, кромѣ любви къ матеріальной собственности.

Доротея передала ему, что видѣла Лейдгэта и сообщила сущность разговора, который она вела съ нимъ о больницѣ. Мистеръ Кэзобонъ не разспрашивалъ дальше, но былъ увѣренъ, что она ѣздила, чтобы узнать о томъ, что̀ происходило между нимъ и Лейдгэтомъ. Она знаетъ теперь то, что̀ я знаю, говорилъ ему внутренній, неугомонный голосъ. Но это молчаливое сознаніе, что имъ обоимъ извѣстно положеніе дѣла, только отдаляло возможность откровенности между ними. Онъ не довѣрялъ ея привязанности, а какое же одиночество можетъ сравняться съ тѣмъ одиночествомъ, которое создаетъ вокругъ человѣка недовѣріе?

ГЛАВА СОРОКЪ-ПЯТАЯ.

> It is the humour of many heads to extol the days of their forefathers, and declaim against the wickedness of times present. Which notwithstanding they cannot handsomely do, without the borromed help and satire of times past; condemning the vices of their own times, by the expressions of vices in times which they commed, which cannot but argue the community of vice in both. Horace, therefore, Juvenal, and Persius, were no prophets, although their lines did seem to indigitate and point at our times.» Sir Tomas Browne: *Pseudedoxia Epidemica.*

Оппозиція противъ новой больницы для горячечныхъ, которую Лейдгэтъ охарактеризовалъ передъ Доротеей, подобно всякимъ другимъ оппозиціямъ, могла обсуждаться съ различныхъ точекъ зрѣнія. Онъ видѣлъ въ ней смѣсь зависти съ тупоумными предразсудками. Мистеръ Бёльстрэдъ видѣлъ въ ней не только медицинскую зависть, но и стремленіе насолить ему,

стремленіе, порождаемое, главнымъ образомъ, ненавистью къ той живой религіи, которой онъ являлся представителемъ. — Эта ненависть, конечно, объяснялась причинами, посторонними религіи, и которыя легко прослѣдить въ путаницѣ человѣческихъ дѣйствій. Мнѣнія Лейдгэта и мистера Бёльстрэда могли назваться министерскими взглядами. Но у оппозиціи всегда находится въ распоряженіи цѣлый рядъ возраженій, для которыхъ законъ не писанъ, и которымъ знаніе не импонируетъ, а невѣжество даже придаетъ увѣренность.

Въ толкахъ оппозиціи Миддльмарча про новую больницу и и ея управленіе многое было лишь отголоскомъ чужихъ мнѣній, которыя, въ свою очередь, представляли всѣ общественные оттѣнки между благовоспитанной умѣренностью доктора Минчина и рѣзкимъ сужденіемъ миссисъ Доллопъ, хозяйки трактира «Tankard» въ Слоутеръ-Лэнѣ.

Миссисъ Доллопъ все болѣе и болѣе проникалась истинностью своего собственнаго измышленія, будто докторъ Лейдгэтъ намѣренъ морить людей въ больницѣ, если не отравлять ихъ, ради того только, чтобы потрошить ихъ послѣ смерти. Всѣмъ извѣстенъ «факъ», что онъ вздумалъ же потрошить миссисъ Гоби, почтеннѣйшую женщину, у которой водились деньжонки до ея замужества... а ужь это плохое дѣло со стороны доктора, который и раньше вашей смерти долженъ знать, если только онъ не дуракъ, что̀ съ вами приключилось, а не то что копаться въ вашихъ внутренностяхъ послѣ того, какъ ужь васъ не стало. Если это неразумно, то миссисъ Доллопъ ужь и не знала, что̀ же послѣ этого называть разумнымъ. Слушатели ея, съ своей стороны, тоже понимали, что если не принять мѣръ, то не будетъ границъ потрошенью труповъ, а потому и слѣдуетъ эту мерзость вывести изъ Миддльмарча!

Пусть читатели не думаютъ, что мнѣніе, господствующее въ трактирѣ „Tankard“ въ Слоутеръ-Лэнѣ, было неважно для медицинской профессіи: это старинное общественное заведеніе — первоначально называвшееся „Tankard“, но теперь болѣе извѣстное подъ именемъ Доллопа — служило убѣжищемъ для большаго благотворительнаго клуба, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ пускалъ на голоса предложеніе: не уволить ли «доктора Гамбита», замѣнивъ его «этимъ докторомъ Лейдгэтомъ», который способенъ совершать самыя удивительныя исцѣленія и спасать отъ смерти людей, отъ которыхъ уже отказались другіе медики. Но результатъ оказался не въ пользу Лейдгэта, благодаря усиліямъ двухъ членовъ, которые изъ-за личныхъ какихъ-то причинъ принялись утверждать, что это

умѣніе возвращать къ жизни людей почти что отпѣтыхъ, служитъ плохой рекомендаціей и какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ волей Провидѣнія. Затѣмъ, въ теченіе года, въ общественномъ настроеніи совершилась уже окончательная перемѣна въ ущербъ Лейдгэту, мѣриломъ которой могло служить враждебное отношеніе посѣтителей Доллопа.

Слишкомъ годъ тому назадъ, прежде чѣмъ Лейдгэтъ успѣлъ на чемъ-нибудь показать свое искусство, сужденія о немъ натурально бывали весьма различны, и зависѣли, главнымъ образомъ, отъ чувства симпатіи или антипатіи, источникомъ которыхъ служило разстройство желудка или другое какое нездоровье. Эти сужденія, различаясь по своему характеру, тѣмъ не менѣе имѣли свою цѣну, какъ путеводная нить, при отсутствіи всякихъ доказательствъ. Паціенты, страдавшіе хроническими болѣзнями или такіе, жизнь которыхъ висѣла на ниточкѣ, подобно старику Фитерстону, сразу расположены были довѣряться ему. Точно такъ, многіе господа, нелюбившіе платить по счетамъ своихъ докторовъ, съ удовольствіемъ помышляли о томъ, чтобы завязать спошенія съ новымъ докторомъ и посылали за нимъ безъ зазрѣнія совѣсти даже тогда, когда дѣти капризничали и имъ нужна была головомойка, а не лекарство, то-есть въ такихъ случаяхъ, когда старые практиканты зачастую поднимали воркотню. Всѣ такія лица, охотно приглашавшія Лейдгэта, утверждали, что онъ уменъ. Иные полагали, что онъ можетъ оказать много пользы въ случаяхъ «когда замѣшалась печень»; по крайней мѣрѣ вполнѣ безопасно получить отъ него нѣсколько склянокъ «микстуры»: если она не окажетъ никакого дѣйствія, то вѣдь можно опять вернуться къ слабительнымъ пилюлямъ, которыя все же предохраняютъ отъ смерти, если и не устраняютъ желтизну въ лицѣ.

Но все это были люди, неимѣвшіе особаго значенія. Хорошія миддльмарческія фамиліи, конечно, не стали бы мѣнять своего доктора безъ причины; а не всякій, кто лечится у мистера Пикока, считалъ себя обязаннымъ пригласить новаго человѣка ради того только, что онъ «врядъ ли замѣнитъ Пикока».

Но Лейдгэту недолго пришлось прожить въ городѣ для того, чтобы о немъ успѣли собрать достаточно подробностей, которыя могли питать различныя опредѣленныя ожиданія и обусловливать разницу во взглядахъ у его приверженцевъ. Многія изъ этихъ подробностей отличались тѣмъ внушительнымъ характеромъ, что значеніе ихъ было совершенно недоступно, подобно статистическимъ даннымъ, когда нѣтъ мѣрила для сравненія.

Но и онѣ вызывали восклицанія. Кубическій футъ кислорода, ежедневно поглощаемый взрослымъ человѣкомъ! какую сенсацію могъ вызвать этотъ фактъ въ нѣкоторыхъ кружкахъ Миддльмарча! «Кислородъ! чортъ знаетъ, что̀ это такое... Удивительно ли, послѣ этого, что холера появилась въ Данцигѣ? И находятся еще люди, которые говорятъ, что карантинъ безполезная вещь?»

Однимъ изъ быстро распространившихся фактовъ былъ тотъ, что Лейдгэтъ не отпускаетъ лекарствъ. Это было оскорбительно и для докторовъ, и для лекарей-аптекарей. Немного раньше, они могли бы разсчитывать, что законъ будетъ на ихъ сторонѣ противъ человѣка, который, не будучи лондонскимъ Medicinae Doctor, осмѣливался требовать денегъ, не за лекарство, а за визиты. Но Лейдгэтъ не былъ на столько опытенъ, чтобы предвидѣть, что его нововведеніе будетъ еще оскорбительнѣе для лицъ, непричастныхъ медицинѣ. Онъ былъ на столько неблагоразуменъ, чтобы изложить въ торопливыхъ и незамысловатыхъ выраженіяхъ свои побудительныя причины мистеру Момсэ, значительному бакалейному торговцу въ Топъ-Маркетѣ, который хотя и не былъ однимъ изъ его паціентовъ, однако, дружески разспрашивалъ его объ этомъ предметѣ. Лейдгэтъ высказалъ мистеру Момсэ, что для достоинства практикующихъ врачей унизительно, да и для публики вредно, что единственный способъ получить вознагражденіе за свой трудъ представляется врачу въ томъ, чтобы представлять паціентамъ длинные счеты за капли, микстуры и проч.

— Такимъ путемъ медицинскіе труженики могутъ сдѣлаться почти столь же вредными, какъ и шарлатаны, замѣтилъ Лейдгэтъ нѣсколько необдуманно. — Чтобъ заработать свой хлѣбъ имъ приходится пичкать паціента лекарствами, а это плохая метода, мистеръ Момсэ... дѣйствуетъ на организмъ разрушительно.

Мистеръ Момсэ былъ не только сборщикомъ и администраторомъ налога въ пользу неимущихъ, онъ страдалъ также одышкой и имѣлъ значительное семейство: такимъ образомъ съ медицинской точки зрѣнія, рано какъ съ его собственной, онъ былъ важнымъ лицомъ. Дружеская развязность, сказывавшаяся въ разспросахъ мистера Момсэ, опредѣлила характеръ отвѣтовъ Лейдгэта. Но пусть умные мужи знаютъ, что подробныя объясни къ чему не ведутъ: они увеличиваютъ источникъ заблужденій и возбуждаютъ глупые толки.

Лейдгэтъ улыбнулся, оканчивая свой спичъ и занося ногу въ стремя, а мистеръ Момсэ разсмѣялся громче, чѣмъ онъ это

сдѣлалъ бы, еслибы понялъ смыслъ словъ Лейдгэта, но сказалъ: «добраго утра, сэръ, добраго утра», съ видомъ человѣка, которому все какъ нельзя болѣе ясно. Но говоря по правдѣ, въ мысляхъ его произошелъ кавардакъ. Долгіе годы уплачивалъ онъ по счетамъ съ строго подведенными итогами, такъ что былъ увѣренъ, что каждую полкрону и восемнадцать пенсовъ онъ платитъ за нѣчто измѣримое, что̀ было ему отпущено. Онъ дѣлалъ это съ удовольствіемъ, относя это къ числу своихъ обязанностей супруга и отца и почитая болѣе длинный счетъ, чѣмъ обыкновенно, за честь себѣ, о которой стоило упомянуть. Кромѣ этого ему доставляло удовольствіе произносить остроумное сужденіе о непосредственномъ дѣйствіи лекарствъ, которое онъ приводилъ для руководства мистера Гамбита, врача-практиканта, стоявшаго степенью ниже Ренча или Толлера и спеціально славившагося, какъ акушеръ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, мистеръ Момсэ была весьма жалкаго о немъ мнѣнія, но привыкъ объявлять вполголоса, что ставитъ Гамбита, какъ врача, выше всѣхъ.

Тутъ были причины поглубже поверхностной болтовни новичка, которая показалась еще легкомысленнѣе, въ салонѣ, расположенномъ надъ лавкой, при передачѣ миссисъ Момсэ, женщинѣ, привыкшей придавать себѣ большое значеніе, какъ плодовитой матери, нуждавшейся въ болѣе или менѣе частыхъ посѣщеніяхъ мистера Гамбита и съ которой случались повременамъ припадки, требовавшіе попеченій доктора Минчина.

— Ужь не хочетъ ли *этотъ* мистеръ Лейдгэтъ сказать, что принимать лекарство безполезно? замѣтила миссисъ Момсэ, которая имѣла привычку растягивать слова.—Я бы желала, чтобы онъ указалъ мнѣ, какъ бы я могла выдержать время ярмарки, еслибы не принимала укрѣпляющихъ лекарствъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ. Подумайте только, моя душа, сколько мнѣ нужно приготовить для прибывающихъ покупателей!—тутъ миссисъ Момсэ обратилась къ одной близкой пріятельницѣ, сидѣвшей рядомъ— большой телячій пирогъ... чиненную говядину... рулетъ изъ мяса... окорокъ, языкъ и прочее и прочее. Но что̀ на меня особенно хорошо дѣйствуетъ, такъ это розовая микстура, а не темная. Я удивляюсь, мистеръ Момсэ, что съ *твоею* опытностью, у тебя хватило терпѣнія выслушивать это. *Я* бы сразу сказала ему, что понимаю немножко больше, чѣмъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ мистеръ Момсэ: — не въ моихъ правилахъ высказывать свое мнѣніе. Выслушивать всякое мнѣніе и самому обсуждать его — вотъ мое правило. Но онъ не зналъ, съ кѣмъ онъ говоритъ. Меня-то онъ ужь никакъ не

проведетъ. Люди зачастую воображаютъ, что могутъ провести меня за носъ, когда изъ ихъ стороны все равно было бы сказать мнѣ: — Момсэ, вы дуракъ. Но я смѣюсь надъ этимъ: я люблю потакать чужимъ слабостямъ. Еслибы лекарства приносили вредъ мнѣ или моему семейству, то я давно бы ужь открылъ это.

На слѣдующій день мистеру Гамбиту было пересказано, что Лейдгэтъ говоритъ, будто лекарства безполезны.

— Въ самомъ дѣлѣ! спросилъ онъ, приподнимая брови съ осторожнымъ удивленіемъ. (Онъ былъ плотный, коренастый человѣкъ съ широкимъ перстнемъ на четвертомъ пальцѣ). Какъ же онъ думаетъ лечить своихъ паціентовъ?

— Вотъ что *я* сама говорю, возразила миссисъ Момсэ, которая обыкновенно думала придать вѣса своей рѣчи, напирая на мѣстоименія. — Развѣ онъ думаетъ, что люди станутъ платить ему только за то, что онъ придетъ, посидитъ съ ними и уйдетъ?

Мистеру Гамбиту доводилось подолго засиживаться у миссисъ Момсэ, при чемъ онъ пространно толковалъ о собственныхъ привычкахъ и о чужихъ дѣлахъ, но онъ зналъ, что въ ея замѣчаніи не было намека на его личность, а потому добродушно замѣтилъ:

— Что-жь, Лейдгэтъ, знаете ли, красивый, молодой человѣкъ.

— Но не изъ тѣхъ, которымъ бы *я* довѣрилась, отвѣчала миссисъ Момсэ.—*Другіе* могутъ поступать, какъ имъ угодно.

Такимъ образомъ мистеръ Гамбитъ ушелъ отъ важнаго бакалейщика, не опасаясь соперничества со стороны Лейдгэта, но съ такимъ впечатлѣніемъ, что послѣдній былъ однимъ изъ тѣхъ лицемѣровъ, которые пытаются уронить другихъ, хвастаясь собственной честностью, и что недурно бы было проучить его за это. У мистера Гамбита была порядочная практика, но онъ не считалъ удобнымъ проучить Лейдгэта, пока не представится удобнаго случая. Образованіе его было невелико, и ему приходилось, пробивая себѣ дорогу, бороться съ пренебреженіемъ своихъ собратовъ; но онъ былъ не худшимъ акушеромъ оттого, что называлъ хирургическіе инструменты неправильными именами.

Другіе медики считали себя болѣе способными людьми. Мистеръ Толлеръ насчитывалъ самую обширную практику и принадлежалъ къ старинной миддльмарчской фамиліи: Толлеры попадались въ числѣ законовѣдовъ и во всякихъ другихъ профессіяхъ, стоящихъ выше мелочной торговли. Въ противность нашему раздражительному другу Ренчу, онъ весьма легко от-

носился къ вещамъ, которыя, казалось бы, могли докучать ему. Онъ былъ хорошо воспитанный, тихій, веселый человѣкъ, содержалъ домъ на хорошую ногу и очень любилъ поохотиться, когда къ тому представлялся случай. Онъ былъ друженъ съ мистеромъ Гаули и враждебно относился къ мистеру Бёльстрэду. Можетъ показаться страннымъ, что при такихъ пріятныхъ привычкахъ, онъ могъ держаться героическаго способа леченія: кровопусканія, мушекъ и моренія голодомъ своихъ паціентовъ. Но эта несообразность поддерживала уваженіе къ его искусству въ его паціентахъ, которые обыкновенно говорили, что мистеръ Толлеръ лѣнивъ, но что его леченіе настолько дѣятельно, на сколько этого можно желать. Ни одинъ человѣкъ, толковали они, не относился серьёзнѣе къ своей профессіи: его не такъ-то легко сдвинуть съ мѣста; но разъ онъ тронется, то уже непремѣнно поможетъ. Онъ былъ большимъ любимцемъ въ своемъ кружкѣ, и если ему случалось невыгодно отзываться о комъ-нибудь, то его замѣчанія производили удвоенное впечатлѣніе, отъ безпечнаго, ироническаго тона, какимъ онъ ихъ высказывалъ.

Ему, натурально, надоѣло улыбаться и говорить: «Ага!» когда ему передавали, что преемникъ мистера Пикока не намѣренъ доставлять лекарства; и когда въ одинъ прекрасный день мистеру Гакбуту случилось упомянуть объ этомъ за званымъ обѣдомъ, во время дессерта, то Толлеръ замѣтилъ, смѣясь: «Ну, значитъ, Диббитсу будетъ случай сбыть свои залежалыя лекарства. Я очень люблю маленькаго Диббитса и радъ, что ему повезло».

— Я понимаю, что̀ вы хотите сказать, Толлеръ, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ мистеръ Гакбутъ.—Я непремѣнно при случаѣ выскажусь объ этомъ предметѣ. Медикъ долженъ отвѣчать за качество лекарствъ, потребляемыхъ его паціентами. Вотъ *раціональная* сторона системы, которая была до сихъ поръ въ ходу. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ это хвастовство реформой, когда оно не ведетъ за собою въ сущности никакого улучшенія

— Хвастовство, Гакбутъ? замѣтилъ Толлеръ иронически.— Я не вижу тутъ никакого хвастовства. Человѣкъ не можетъ особенно хвастаться тѣмъ, въ чемъ ему никто не вѣритъ. Никакой тутъ реформы нѣтъ: весь вопросъ сводится къ тому, отъ кого лекарь будетъ получать плату, отъ дрогиста или отъ паціента, и нельзя ли выманить лишнюю плату въ формѣ платы за визиты.

— Ну, да, конечно: все это ни больше, ни меньше, какъ старое шарлатанство на новый ладъ, отвѣчалъ мистеръ Гаули, передавая графинъ съ виномъ мистеру Ренчу.

Мистеръ Ренчъ, бывшій вообще человѣкомъ воздержнымъ, зачастую выпивалъ лишнее въ гостяхъ, отчего становился еще раздражительнѣе.

— Что касается шарлатанства, Гаули, то это бы еще куда ни шло, возразилъ онъ. — Но я особенно протестую противъ манеры иныхъ лекарей ронять своихъ собратій и пускать слухи по городу, что лекарь, отпускающій лекарство своимъ больнымъ, не можетъ быть джентльменомъ. Я съ негодованіемъ отвергаю эту инсинуацію. По моему, если человѣкъ является среди своихъ собратій по профессіи съ разными нововведеніями, которыя составляютъ пасквиль на ихъ образъ дѣйствій, то онъ поступаетъ не поджентльменски. Вотъ мое мнѣніе, и я готовъ поддерживать его противъ всякаго, кто вздумаетъ мнѣ противорѣчить.

Голосъ мистера Ренча сталъ подъ конецъ весьма рѣзкимъ.

— Не могу, Ренчъ, доставить вамъ этого удовольствія, отвѣчалъ мистеръ Гаули, засовывая руки въ карманы панталонъ.

— Дорогой другъ, вмѣшался миролюбиво мистеръ Толлеръ, поглядывая на мистера Ренча: — въ сущности вѣдь доктора еще сильнѣе оскорблены, чѣмъ мы. Если ужь вы заговорили о достоинствѣ, то этотъ вопросъ ближе всего касается Минчина и Спрэга.

— Развѣ въ медицинскихъ правилахъ не предусмотрѣны подобныя нарушенія? спросилъ мистеръ Гакбутъ, съ безкорыстнымъ желаніемъ подслужиться. — Гаули, слушайте, какъ объ этомъ сказано въ законѣ?

— Ничего не подѣлаешь, отвѣчалъ Гаули. — Я уже справлялся для Спрэга. Васъ оставитъ въ дуракахъ каждый судья.

— Фи! къ чему тутъ законъ, замѣтилъ мистеръ Толлеръ.— Если посмотрѣть на дѣло съ практической стороны, то эта попытка представляется нелѣпостью. Ни одинъ больной не потерпитъ ее, въ особенности паціенты Пикока, которые привыкли совсѣмъ къ другой методѣ. Передайте вино.

Предсказаніе мистера Толлера отчасти оправдалось. Если мистеръ и миссисъ Момсэ, которые не думали обращаться къ Лейдгэту, пришли въ недоумѣніе отъ его предполагаемаго презрѣнія къ лекарствамъ, то было неизбѣжно, что люди, приглашавшіе его, станутъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдить за тѣмъ, «дѣлаетъ ли онъ все, что̀ только можно сдѣлать» въ данномъ случаѣ. Даже добрякъ мистеръ Паудерель, — который, благодаря влеченію истолковывать все въ хорошую сторону, былъ склоненъ особенно уважать Лейдгэта за то, что тотъ добросовѣстно стремился къ усовершенствованіямъ, мучился сомнѣ-

ніями, когда жена его заболѣла рожей. Онъ не могъ воздержаться, чтобы не упомянуть Лейдгэту, что мистеръ Пикокъ въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно прописывалъ цѣлый рядъ микстуръ. Какія это были микстуры — онъ не зналъ и могъ сказать одно только: что ихъ дѣйствіе было замѣчательно, потому что миссисъ Паудерель поставлена была на ноги раньше Михайлова дня, хотя заболѣла въ замѣчательно жаркіе дни августа мѣсяца. Наконецъ, въ борьбѣ между желаніемъ не оскорбить Лейдгэта и тревогой о томъ, какъ бы «всѣ средства» были употреблены въ дѣло, мистеръ Паудерель секретно посовѣтовалъ женѣ принимать слабительныя пилюли Уиджона, весьма уважаемое въ Миддльмарчѣ лекарство, которое пресѣкало всякую болѣзнь въ самомъ корнѣ, сразу очищая кровь. Объ этой мѣрѣ не было сообщено Лейдгэту, да впрочемъ и самъ мистеръ Паудерель не былъ вполнѣ увѣренъ въ ея дѣйствительности, а только надѣялся, что Богъ ему поможетъ.

Но въ этотъ неопредѣленный періодъ перваго знакомства Миддльмарча съ Лейдгэтомъ, послѣднему, что̀ называется, везло. Я предполагаю, что не было еще доктора, который бы, по прибытіи въ новое мѣсто, не совершалъ исцѣленія на диво инымъ людямъ. Такого рода исцѣленія можно назвать атестатомъ фортуны и они заслуживаютъ столько же довѣрія, сколько писанныя или печатныя объявленія. Разные паціенты выздоравливали, когда Лейдгэтъ лечилъ ихъ, а иные даже отъ опасныхъ болѣзней. Замѣчено было, что за новымъ докторомъ, съ его новыми способами, водилось, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что онъ спасалъ людей, бывшихъ на краю могилы. Пустяки, которые болтали, при этомъ удобномъ случаѣ, всего сильнѣе раздражали Лейдгэта, потому что они придавали ему именно то самое обаяніе, котораго ищутъ необразованные и недобросовѣстные люди, и могли подать поводъ враждебно настроеннымъ противъ него лекарямъ говорить, что онъ поощряетъ невѣжественный вздоръ. Но, несмотря на свое прямодушіе и гордость, онъ, поневолѣ, пересталъ протестовать, когда убѣдился, что бороться противъ пересудовъ невѣжества все равно, что воевать съ вѣтреными мельницами.

Миссисъ Ларчеръ встревожили опасные симптомы, замѣченные ею въ своей поденщицѣ, и когда докторъ Минчинъ посѣтилъ ее, она просила его освидѣтельствовать послѣднюю и дать ей рекомендацію въ больницу. Докторъ, освидѣтельствовавъ больную, нашелъ, что у нея нарывъ, и написалъ объ этомъ письмо, въ которомъ онъ рекомендовалъ подательницу сего, Нанси Нашъ, въ качествѣ приходящей больной. Нанси,

зайдя домой, по дорогѣ въ больницу, позволила корсетнику и его женѣ, у которыхъ она снимала квартиру на чердакѣ, прочитать записку д-ра Минчина. Вслѣдствіе этого, она сдѣлалась предметомъ жалостливыхъ разговоровъ въ сосѣднихъ лавочкахъ, гдѣ про нее говорили, что она страдаетъ нарывомъ такимъ же большимъ, какъ индюшечье яйцо. Нѣсколькими часами позже, нарывъ выросъ уже съ «вашъ кулакъ». Многіе изъ слушателей находили, что слѣдуетъ прорѣзать нарывъ; другіе слыхали, что масло смягчаетъ всякое затвердѣніе въ тѣлѣ, а третьи утверждали, что въ этихъ случаяхъ хороша палочная трава, потому что разгоняетъ опухоль.

Тѣмъ временемъ Нанси явилась въ больницу, и какъ разъ въ одно изъ дежурствъ Лейдгэта. Разспросивъ и осмотрѣвъ ее, Лейдгэтъ сказалъ вполголоса фельдшеру: «это не нарывъ» и прописалъ пластырь и подкрѣпляющую микстуру. Кромѣ того, велѣлъ сидѣть дома и отдыхать, а въ то же самое время написалъ записку миссисъ Ларчеръ, которая была самой доброй изъ ея хозяекъ, увѣдомляя, что для Нанси нужна хорошая пища.

Но мало-по-малу Нанси, сидя на своемъ чердакѣ, расхворалась не на шутку; предполагаемый нарывъ, правда, прошелъ отъ нарывнаго пластыря, но показался на другомъ мѣстѣ и причинялъ еще сильнѣйшую боль. Жена корсетника отправилась за Лейдгэтомъ, и этотъ послѣдній продолжалъ съ недѣлю лечить Нанси на-дому, пока она не поправилась и не принялась снова за работу. Но болѣзнь ея продолжала слыть за нарывъ не только въ глазахъ всѣхъ сосѣднихъ кумушекъ, но и въ глазахъ самой миссисъ Ларчеръ; потому что, когда д-ру Минчину упоминали про замѣчательное леченіе Лейдгэта, онъ натурально не торопился отвѣчать: «у Нанси былъ не нарывъ; я ошибся назвавъ это нарывомъ». Онъ довольствовался замѣчаніемъ: въ самомъ дѣлѣ! да! я видѣлъ, что это простая, незлокачественная опухоль. Однако, онъ былъ внутренно раздосадованъ, когда, справившись въ больницѣ о женщинѣ, которую онъ рекомендовалъ два дня тому назадъ, услышалъ отъ фельдшера-юноши, который былъ не прочь безнаказанно подразнить доктора Минчина, о всемъ, что̀ было. Онъ въ частныхъ разговорахъ замѣчалъ, что неприлично лекарю такъ явно опровергать діагнозу доктора, и послѣ этого всегда соглашался съ Ренчемъ, что Лейдгэтъ нестерпимо невнимателенъ къ этикету. Лейдгэту вовсе не приходило въ голову превозносить себя (черезъ мѣру) или же презирать Минчина, потому что подобные случаи, когда одинъ медикъ произнесетъ неправильное сужденіе, а другой поправитъ его,

случаются часто между людьми даже равными по искусству. Но молва подхватила этотъ изумительный случай съ нарывомъ, который многіе смѣшивали съ ракомъ и считали тѣмъ ужаснѣе, что онъ бродилъ съ мѣста на мѣсто. И вотъ предубѣжденіе противъ методы Лейдгэта и его взгляда на лекарства стушевалось отчасти передъ доказательствомъ его чудеснаго искусства, которое онъ доказалъ вылечивъ Нанси Нашъ. Она страхъ какъ мучилась отъ нарыва, затвердѣлаго и упорнаго, но Лейдгэтъ съ нимъ справился.

Что̀ было дѣлать Лейдгэту? Непріятно вѣдь объявлять какой-нибудь леди, когда она высказываетъ свое удивленіе вашему искусству, что она кругомъ ошибается и даже нѣсколько глупа съ своимъ удивленіемъ. Вдаваться же въ подробное описаніе характера болѣзней — значило бы нарушать требованія медицинскаго приличія. А въ этомъ его уже и такъ упрекали. Поэтому ему оставалось только ёжиться отъ невѣжественныхъ похвалъ.

Въ одномъ случаѣ, когда ему пришлось лечить болѣе виднаго паціента, мистера Трёмбелля, Лейдгэтъ не могъ не сознать, что выказалъ себя недюжиннымъ врачомъ, хотя и тутъ выигрышъ для его репутаціи былъ сомнителенъ. Краснорѣчивый оцѣнщикъ схватилъ воспаленіе въ легкихъ, и, будучи паціентомъ Пикока, послалъ за Лейдгэтомъ, которому вообще намѣревался покровительствовать. Мистеръ Трёмбелль былъ здоровенный мужчина и прекрасный субъектъ для опытовъ съ выжидательной системою, то-есть для наблюденій надъ ходомъ интересной болѣзни, по возможности предоставленной себѣ самой. По виду, съ какимъ онъ описывалъ свои ощущенія, Лейдгэтъ предположилъ, что ему пріятно будетъ, если его врачъ вполнѣ довѣрится ему самому. Оцѣнщикъ выслушалъ безъ особаго удивленія, что, судя по его сложенію, болѣзнь его (при должной внимательности) можетъ быть предоставлена самой себѣ. При этомъ—говорилъ Лейдгэтъ—она можетъ послужить прекраснымъ примѣромъ болѣзни, прослѣженной во всѣхъ ея фазисахъ, и такъ-какъ мистеръ Трёмбелль обладаетъ тѣмъ рѣдкимъ нравственнымъ мужествомъ, которое необходимо для того, чтобы человѣкъ согласился добровольно послужить образцомъ для раціональной процедуры, то разстройство легкихъ, которымъ онъ страдаетъ, будетъ имѣть въ результатѣ общую пользу для человѣчества.

Мистеръ Трёмбелль крѣпко ухватился за мысль, что его здоровье представляло необыкновенный случай для медицинской науки.

— Не бойтесь, сэръ; вы говорите съ человѣкомъ, который не совсѣмъ невѣжда въ *vic medicatrix*, отвѣчалъ онъ въ свойственныхъ ему отборныхъ выраженіяхъ. И онъ стоически переносилъ отсутствіе лекарствъ, причемъ большой поддержкой служило ему прикладываніе термометра, который наводилъ на мысль о важномъ значеніи его температуры. Утѣшали его также опыты съ микроскопомъ и разные ученые термины, которые онъ запоминалъ при этомъ удобномъ случаѣ. Лейдгэтъ былъ на столько хитеръ, чтобы услаждать его небольшими техническими разговорами.

Легко себѣ представить, что когда мистеръ Трёмбелль всталъ съ постели, то былъ весьма и весьма расположенъ толковать о болѣзни, въ которой онъ проявилъ и нравственное мужество, и замѣчательную крѣпость тѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не забывалъ хвалить врача, который съумѣлъ понять, съ какимъ паціентомъ имѣетъ дѣло. Оцѣнщикъ былъ великодушный человѣкъ и любилъ отдавать другимъ должное, чувствуя, что это не можетъ ему повредить. Онъ поймалъ слова «выжидательная метода» и разыгрывалъ варіяціи на ту или другую изъ заученныхъ имъ ученыхъ фразъ, въ подтвержденіе того, что «Лейдгэтъ былъ почище остальныхъ докторовъ... что ему тайны профессіи были гораздо лучше извѣстны, чѣмъ большинству его собратовъ».

Это случилось раньше, чѣмъ болѣзнь Фрэда Винси придала враждебности мистера Ренча къ Лейдгэту болѣе опредѣленный и личный характеръ. Новичокъ уже тогда грозилъ сдѣлаться опаснымъ соперникомъ. Практика его распространилась въ одномъ, или двухъ кварталахъ. Съ самаго начала, благодаря слухамъ о его высокомъ происхожденіи, на него посыпались приглашенія. Другимъ врачамъ приходилось встрѣчаться съ нимъ за обѣдомъ въ лучшихъ домахъ, а частыя встрѣчи съ человѣкомъ, который вамъ не нравится, не часто ведутъ къ взаимной симпатіи. Съ рѣдкимъ единодушіемъ сходились они во мнѣніи, что Лейдгэтъ заносчивый молодой человѣкъ, что̀, однако, не мѣшаетъ ему пресмыкаться передъ Бёльстрэдомъ, ради того, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность высоко задирать голову. То обстоятельство, что Фербротеръ, имя котораго служило лозунгомъ для анти-бёльстрэдской партіи, всегда защищалъ Лейдгэта и былъ съ нимъ друженъ, конечно, объяснялось системой Фербротера служить и вашимъ и нашимъ.

Такимъ образомъ, почва была уже достаточно подготовлена для взрыва медицинскаго негодованія, когда стали извѣстны новыя правила, которыя мистеръ Бёльстрэдъ вводилъ въ управ-

леніе новой больницы. При этомъ всего досаднѣе было, что не представлялось ни малѣйшей возможности вмѣшаться въ дѣло и помѣшать Бёльстрэду распоряжаться какъ ему угодно. Всѣ, за исключеніемъ лорда Медликота, отказались поддерживать новую больницу, на томъ основаніи, что предпочитаютъ помогать старой. Мистеръ Бёльстрэдъ принялъ на себя одного всѣ издержки и не особенно о томъ печалился, потому что пріобрѣталъ этимъ право вводить свои улучшенія безъ помѣхи со стороны предубѣжденныхъ пособниковъ. Но ему приходилось растрачивать большія суммы и зданіе медленно подвигалось впередъ. Калебъ Гартъ взялся-было его строить, но обанкрутился, и прежде чѣмъ приступлено было ко внутренней отдѣлкѣ зданія, отказался отъ управленія предпріятіемъ. Послѣ этого, когда рѣчь заходила о больницѣ, онъ зачастую говорилъ, что какой бы человѣкъ ни былъ Бёльстрэдъ вообще, но онъ любитъ хорошія солидныя постройки и понимаетъ толкъ и въ дренажѣ, и въ закладкѣ печей. На дѣлѣ больница стала чрезвычайно интересовать Бёльстрэда, и онъ охотно продолжалъ бы жертвовать на нее большую сумму денегъ, чтобы имѣть возможность управлять ею подиктаторски, безъ участія другихъ директоровъ. Но у него была еще другая любимая цѣль, исполненіе которой тоже требовало довольно много денегъ: ему хотѣлось купить землю по сосѣдству съ Миддльмарчемъ. Вслѣдствіе этого онъ желалъ найдти вкладчиковъ, которые значительными денежными пожертвованіями поддержали бы больницу. Тѣмъ временемъ онъ составилъ свой планъ управленія. Больница предназначалась для всѣхъ видовъ горячекъ; Лейдгэтъ долженъ былъ сдѣлаться главнымъ медицинскимъ распорядителемъ. Ему предоставлялась полная свобода заниматься всѣми сравнительными наблюденіями, въ важности которыхъ его убѣдили научныя занятія, и которымъ онъ посвящалъ себя, главнымъ образомъ, въ Парижѣ. Другимъ докторамъ предоставлялся лишь совѣщательный голосъ, и они были лишены возможности противодѣйствовать окончательнымъ рѣшеніямъ Лейдгэта. Общее управленіе отдавалось исключительно въ руки пяти директоровъ, приставленныхъ къ Бёльстрэду, съ правомъ голоса соразмѣрно ихъ взносамъ. Директоры сами выбирали преемника на мѣсто какого-нибудь выбывающаго члена, а мелкіе жертвователи и совсѣмъ не допускались до управленія.

Со стороны всѣхъ врачей города послѣдовалъ немедленный отказъ посѣщать больницу для горячечныхъ.

— Очень хорошо, сказалъ Лейдгэтъ мистеру Бёльстрэду:—

А. Краевскій.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 117963378